

Рассказы о войне

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ им.С.И.ВАВИЛОВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ИСТОРИИ НАУКИ
РУССКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

**THE
OPPRESSED
SCIENCE**

Pennece

Лобовинная

НАУКА

Выпуск II

Под общей редакцией
профессора М.Г.ЯРОШЕВСКОГО

Санкт-Петербург

„НАУКА“

1994

ББК 72.3
Р 41

Репрессированная наука. Выпуск II/Ред. М.Г.Ярошевский. Ред.-сост. А.И.Мелуа. — СПб.: Наука, 1994. — 319 с.

Книга продолжает начатую в 1991 г. серию изданий по опубликованию статей и документов, рассказывающих о процессах в советской науке, происходивших в 30-60-е гг. под влиянием административно-командной системы управления государством. Освещаются судьбы отдельных ученых, репрессированных по идеологическим или политическим мотивам.

Для историков науки и всех, кто интересуется развитием советского общества в 30-60-е гг.

Под общей редакцией
профессора М.Г.Ярошевского

Редактор-составитель
профессор А.И.Мелуа

Рецензенты
Д.К.Бурлака, В.С.Соболев

*Научно-исследовательская и редакционно-издательская
работы проведены при содействии и участии
Русского Христианского Гуманитарного института,
Фонда Фундаментальных исследований и
Фонда "Культурная инициатива"*

Рекомендовано как учебное пособие
по специальности "История науки и техники"

Редакционная подготовка рукописи:
Е. И. Васьковская, Г. И. Киселева, Г. А. Тарасов, Е. А. Чекулаева

0503020000-616
042(02)-94 Без объявления

ISBN 5-86050-062-9

© Российская Академия наук 1994
© А.И.Мелуа, М.Г.Ярошевский (сост.), 1994
© Колл. авт., 1994
© Оформление — Л. А. Яценко, 1994

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Исследования по программе "Репрессированная наука" были задуманы для введения в научный оборот документов и фактов, ранее не известных общественности. Эта задача является актуальной в связи с тем, что свидетельства репрессий против ученых скрывались, историки науки к ним не допускались; в то же время утрата жизней и здоровья ученых в результате репрессий, значение выполненных необоснованно арестованными и осужденными учеными разработок оказались столь велики, что без их освещения история науки, история нашего государства оказались бы сплошь устланы "белыми пятнами". Это обстоятельство было очевидно даже без открывшихся в последние годы архивов, потому что еще живы как сами репрессированные ученые, так и их дети, воспринявшие все невероятные тяготы "детей врагов народа". Но одно дело воспоминания, другое — документы.

Сборники серии "Репрессированная наука" — центральные публикации по этой программе, осуществляющейся Санкт-Петербургским Филиалом Института истории естествознания и техники им.С.И.Вавилова Российской Академии наук и Международным фондом истории науки в сотрудничестве с другими отечественными и зарубежными организациями.

Тема репрессированных наук и ученых, наряду с историко-научным, имеет важный социально-научный аспект, как часть значительно более широкой проблемы "Взаимоотношение науки и власти". Парадокс: власть, испытывающая потребность в результатах научного труда, в процессе своей эволюции может не просто приносить в жертву науку, а организовано противодействовать развитию знаний. Конечно, это наблюдается не всегда и не везде. Однако известные историкам факты, прежде всего в нашей стране, заставляют задуматься над тем, почему это происходит и что нужно сделать для того, чтобы этого не было.

Многие ученые и деятели культуры пытаются ответить на эти вопросы. Известны высказывания А.Сахарова, А.Солженицына, других правозащитников. Эта тема обсуждается не только в российской печати, ей посвящены фундаментальные монографии, опубликованные в других странах. Интерес к теме обоснован еще и тем, что именно в среде ученых во всех случаях репрессий находились люди, которые своими поступками, своей позицией способствовали репрессиям. Кто эти пособники палачей науки, каковы мотивации их деятельности, где в нашем научном сообществе почва для появления таких людей — вопросы, которые появляются при изучении документов, публикуемых в сборниках этой серии.

По моему мнению, одна из главных причин появления пособников палачей среди ученых — недостаточная приверженность самих ученых идее поддержания коллективности научного труда. Отдавая должное индивидуальному таланту, все же отмечу: полная реализация способностей и замыслов исследователя

возможна при наличии социальной среды, включающей факторы не только материально-технической, но и психологической и морально-этической поддержки научного труда.

У себя в Филиале Института я часто говорю коллегам: стремитесь развивать у себя корпоративные (это слово латинского происхождения, но не имеет в русском языке столь четко передающего смысл эквивалента) интересы, т.е. интересы коллектива в целом. Коллектив сотрудников одного института — это больше, чем арифметическая сумма знаний работающих в институте. Казалось бы, каждый может проводить историко-научные исследования, писать книги, не приходя в институт. Однако ни один из нас не может быть вне ответственности за развитие научного направления истории науки и техники. Для того, чтобы развивать это направление, требуются не только сотрудники, но и *организация*, как форма существования интеллектуального потенциала. (В наши дни наиболее нам понятны такие виды организации, как институт, лаборатория; уникальна в этом плане Комиссия по изучению естественных производительных сил России — КЕПС).

Нравственно-этические принципы, на которых, наряду с другими, ученые объединяются в организацию, определяют вектор развития научного направления. Здоровые, прогрессивные принципы, как в живом организме, позволяют науке развиваться, вырабатывать защитные механизмы в условиях внешней не всегда благоприятной среды. Ведь что бы кто ни говорил, научный труд, его организация и программирование, получение нового знания — самое главное в жизни и деятельности ученого. Отступление от этого приоритета не может быть оправдано никем и ничем.

Пренебрежение нравственно-этическими принципами организации ученых рождает не просто взаимное (между учеными) равнодушие. Такое нарушение — как раз тот случай, когда проявляются эгоистические намерения, завистливые настроения, а затем и огульное преследование работающих по-другому, думающих иначе, достигающих большего. Административная система всегда имеет для этого широкий арсенал средств: от закрытия финансирования, ограничения на деятельность научной организации, запрета на публикации — до... расстрелов.

Поэтому на вопрос "что нужно, чтобы этого не было" я отвечаю так: нам самим в нашем научном сообществе следует стремиться к утверждению атмосферы деловой научной этики, доброжелательности, иных параметров среды, которая не поддерживала бы развитие химер репрессий из зародышей лицемерия, угодничества, бесчестья.

Кризисные и переломные этапы в развитии государства — время, несущее для науки дополнительные испытания. Тем требовательнее к принципам нашей организации в науке, тем бережнее к индивидуальности исследователя необходимо быть. Российская наука проходит трудный, но интересный участок своего пути. Есть разочаровавшиеся в науке, есть ушедшие и уехавшие. Но трудом продолжающих научный поиск появляются все новые и новые книги, открытия, машины, — возможность все-таки добиваться этого и составляет базу для оптимизма, с которым всматриваемся мы в будущее российской науки.

Профессор А.И.Мелуа

СУДЬБЫ НАУКИ

Т.И. Грекова, К.А. Ланге

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ (20-30-е годы)

Историография отечественной экспериментальной науки достаточно обширна, однако большинство источников относится к жанру юбилейных очерков, составленных по традиционной схеме: немного о бедственном положении науки и ученых в годы проклятого царизма и значительно подробнее об успехах советского периода, обеспеченных неустанной заботой партии и правительства.

В статьях и монографиях, посвященных творчеству отдельных ученых, перечислялись, как правило, основные вехи их биографий и основные достижения, вскользь упоминалось о проблемах, которые они недооценили. Но почти никогда не делалось даже попыток понять, как общественная атмосфера в стране, общая ситуация в науке влияли на выбор предмета исследования и, в свою очередь, как личностные особенности ученого отражались на стратегии и тактике научного поиска, способах самовыражения и методах борьбы за свои взгляды.

Столетний юбилей Института экспериментальной медицины (ИЭМ), который отмечался в декабре 1990 г., совпал с разгаром "перестройки", что обусловило попытку воссоздать возможно более полную и правдивую картину жизни коллектива института, в которой было немало трагических страниц.¹ И хотя это исследование еще далеко от завершения, нам представляется важным поделиться результатами своих поисков, тем более что ИЭМ Российской Академии медицинских наук по сей день сохраняет уникальность своей структуры — научно-исследовательского учреждения университетского типа.

За вековой период институтом пройден большой и славный путь. Труды многих ученых, работавших в его стенах, обогатили мировую и отечественную науку, ряд структурных подразделений ИЭМа дал жизнь новым научно-исследовательским институтам. Так, на базе Биологической станции в с. Колтуши был организован Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности, переросли в самостоятельные институты отделы вакцин и сывороток, экспериментальной биологии, вирусологии.

Первоначально в составе ИЭМа было шесть отделов: физиологический, химический, патологической анатомии, общей бактериологии, эпизоотологии и сифилологии (вскоре преобразованный в отдел общей патологии), — а также практическое прививочное отделение. К началу первой мировой войны их число увеличилось за счет гигиенического отдела, специальной "чумной" лаборатории и клиники кожных болезней. В 1917 г. Советом института был разработан план его значительного расширения, одобренный Временным правительством. Предполагалось открыть отдел экспериментальной хирургии и хирургическую клинику, отдел тропических болезней, отдел медико-санитарных исследований, организовать органотерапевтическое отделение, клинику внутренних болезней и физиотерапевтическое отделение.

План этот не был реализован, и дальнейшее развитие института пошло иным путем. Особенно бурно менялась его структура в 30-е гг.: возникали новые отделы и лаборатории, которые нередко прекращали свое существование уже через 2-3 года после организации. Невольно возникает вопрос: почему вдруг создавались особые условия для исследований, ценность которых была весьма сомнительной, и в то же время иногда вопреки здравому смыслу сворачивались перспективные направления? Попытаемся хотя бы частично ответить на него.

В Положении о Государственном институте экспериментальной медицины, утвержденном в 1931 г., наряду с традиционными направлениями исследований нашли отражение новые задачи, поставленные перед коллективом. В их числе мы видим научно-практическое руководство социалистической реконструкцией здравоохранения, разработку вопросов охраны здоровья тружеников промышленности и социалистического сектора сельского хозяйства, оздоровление отдельных национальных областей и национальных меньшинств, оборонную тематику.

Новые задачи предполагалось по возможности решать новыми силами. Демократическое начало управления институтом в соответствии с общей тенденцией централизации власти в стране постепенно, но заметно сужалось. Выборность директора и его заместителей с последующим утверждением на коллегии Наркомздрава была заменена назначением руководства института сверху. Право директора увольнять сотрудников не распространялось на лиц, назначаемых Наркомздравом, что специально было оговорено в Положении. Постановление СНК РСФСР № 225, принятое в 1931 г., предписывало "более решительно выдвигать на руководящую работу в научно-исследовательские учреждения молодые кадры научных работников, поставив задачей орабочивание состава научно-исследовательских учреждений и борьбу с классово чуждыми элементами среди сотрудников учреждений".²

"Чуждые элементы", разумеется, нашлись и в бывшем Императорском институте экспериментальной медицины, и к ним была применена самая "эффективная" мера — арест. Кто же были эти "враги" социализма?

Проф. Александр Александрович Владимиров, принявший на себя руководство институтом в самое тревожное время — в ноябре 1917 г., сразу же предложил советской власти свой опыт и знания. Он активно участвовал в противоэпидемической работе в Петрограде, с конца 1918 г. выполнял специальное правительственное задание по организации санитарного дела на железнодорожном транспорте. Его фамилия была названа в "Известиях ВЦИК" в числе особо отличившихся ученых-медиков. В 1922-1927 гг. он вновь исполнял обязанности директора института, а в 1930 г. его неожиданно арестовали.

Акад. И.П. Павлов направил председателю Совнаркома В.М. Молотову письмо, в котором ручался за А.А. Владимирова, доказывая, что последний "совершенно не способен к какому-нибудь противодействию настоящему режиму не только делом, но и сколько-нибудь свободной критикой в интимном разговоре"³. Надо сказать, что эта характеристика полностью соответствовала действительности и подтвердилась в дальнейшем. Освобожденный по ходатайству Павлова ученый вновь приступил к научной работе и не только не высказывался против советской власти, но, напротив, возвратившись в 1935 г. из поездки по Беломорканалу, которой была премирована группа сотрудников института, с восторгом отзывался об организации труда и быта строителей, отмечая большие заслуги в этом деле чекистов.

"Врагом" посчитали и микробиолога проф. О.О. Гартоха, работавшего в ИЭМе с 1907 г. Немец по национальности, сын американского подданного, окончивший Боннский и Дерптский университеты, принял русское подданство в 1905 г. Он часто ездил в длительные заграничные командировки, был женат на англичанке, а обе его сестры жили за границей: одна — в Женеве, другая — в Цюрихе. Очевидно, что человек с такими анкетными данными просто не мог не привлечь к себе внимание ГПУ.

В марте — августе 1930 г. в Харьковском суде слушалось дело "антисоветской организации буржуазных националистов на Украине". "Правда" подробно освещает

щала ход процесса, причем публиковались и материалы допросов обвиняемых. На этом процессе и прозвучала впервые мысль о врачах, убивающих своих пациентов. А.М. Горький писал из Сорренто в Москву А.Б. Халатову: "В корреспонденции допроса обвиняемого Павлушкова сообщалось, что Павлушков и его сообщники... считали, что советские врачи должны использовать свое положение при лечении членов компартии так, чтобы те не могли выздоравливать. "Мы, — сказал Павлушков, — высказывали пожелания, чтобы медики помогли умирать выдающимся пациентам-коммунистам, пользуясь своим положением, либо ядом, либо прививкой им бактериальных культур"⁴.

Мысль о вредительстве с помощью невидимых глазом микробов показалась, вероятно, сотрудникам ОГПУ-НКВД особенно удачной, ибо именно в среде микробиологов проводились наиболее массовые репрессии в 1930-1939 гг. Первая волна арестов прошла в 1930 г. Тогда были арестованы многие сотрудники Института микробиологии им. И.И. Мечникова во главе с его директором С.В. Коршуном. Эта-то волна и захлестнула А.А. Владимирову и О. О. Гартоха, научные интересы которых были сосредоточены на весьма опасных с точки зрения соответствующих органов вопросах. А.А. Владимиров сыграл исключительно большую роль в развитии отечественной эпизоотологии и весьма плодотворно занимался проблемой сапа. В 1928 г. он выезжал по заданию Академии наук СССР в Якутию для изучения на месте распространения проказы и организации борьбы с ней, был связан и с лепрозорием "Крутые ручьи", находившимся недалеко от Ленинграда. О.О. Гартох был известен как крупнейший авторитет в области скрытой инфекции и механизмов инфекционного иммунитета. Его приглашали с программными докладами не только на всесоюзные съезды микробиологов, но и на Всесоюзные съезды терапевтов и хирургов.

Не случайно оказался в поле зрения ГПУ и заведующий химической лабораторией отдела патофизиологии проф. И.А. Обергард⁵. Бывший австрийский подданный (он родился во Львове), в прошлом член польской демократической партии, а затем спартаковец, Обергард поддерживал тесные связи с зарубежными учеными, печатался за границей и как член германской секции Общества историков фармации выезжал в Германию. 30 января 1931 г. он был арестован ПП ОГПУ в ЛВО по подозрению в "укрывательстве контрреволюционных элементов, нелегально проживающих в СССР"⁶. Возможно, что его пытались обвинить и в шпионаже. Во всяком случае, по поводу пришедшей на имя Гартоха бандероли из Гамбурга руководству ИЭМа пришлось давать письменные объяснения, удостоверяя, что ее содержимое предназначено для научных надобностей института⁷.

Хлопоты руководства ИЭМа за своих сотрудников увенчались успехом. Все три профессора были освобождены. Но двое из них — И.А. Обергард и О.О. Гартох — позднее погибли в застенках НКВД.

Наряду с "чистой" профессурой шел процесс выдвижения новых кадров, основной кузницей которых являлись Институт естествознания при Комакадемии, где был создан специальный "штаб по вербовке слушателей", и аспирантура при Академии наук. Вопрос о зачислении кандидатов решала мандатная комиссия. Соответственно и в ИЭМе стали появляться новые специалисты.

Директор ИЭМа проф. С.С. Салазкин, занимавший этот пост с 1927 г., тяжело переживал курс на политизацию науки. В 1931 г. он подал просьбу об освобождении от должности, мотивируя ее тем, что возраст делает для него совмещение административной работы с научной весьма затруднительным. Просьбу удовлетворили, и во главе института стал Л.Н. Федоров.

В отличие от своих предшественников на этом посту Л.Н. Федоров не являлся крупным ученым, но к этому времени уже обладал опытом организаторской работы: был заведующим Иркутским губздравом, заместителем заведующего Ленинградским губздравом, ректором Института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. С 1923 г. он числился в лаборатории И.П. Павлова, совмещая научную деятельность с административной. С 1927 по 1929 г. Л.Н. Федоров был замести-

телем директора ИЭМа, так что структуру института и кадры знал достаточно хорошо. В официальных характеристиках, да и в мемуарной литературе его называли "старейшим и любимым учеником Павлова", однако вряд ли эта аттестация отвечает действительности. Организаторские же способности Федорова не вызывают сомнений. Кратковременное пребывание в армии Колчака, куда он был мобилизован в качестве ординатора госпиталя, не осложнило его служебной карьеры, хотя он и не скрывал в анкетах этого эпизода своей биографии. Вступив в ряды ВКП(б) в 1920 г., Федоров последовательно проводил партийную линию в науке.

Когда осенью 1932 г. ИЭМ был преобразован во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), подчиненный непосредственно Совнаркому СССР, Федоров остался его директором. Кстати, именно ему нередко приписывается инициатива этой реорганизации ИЭМа. В действительности же подлинным инициатором создания ВИЭМа был А.М. Горький, давно вынашивавший мечту о создании ассоциации биологических и медицинских наук для всестороннего изучения человека. Ознакомившись с книгой Б. Рассела "Научное предвидение", писатель обратил внимание на мысль Рассела о том, что изучение здорового человека может быть лучше всего поставлено в Советском Союзе, и отправил книгу наркому здравоохранения М.Ф. Владимирскому с предложением создать в Ленинграде Всесоюзный институт для всестороннего изучения человека⁸.

Еще в 1928 г. Центральный комитет партии по указанию Сталина начал активную кампанию за возвращение Горького в СССР, поэтому его предложение было встречено одобрительно. Зная увлеченность А.М. Горького наукой, можно было предположить, что эта идея захватит его достаточно сильно и явится одним из стимулов возвращения на родину.

Так и случилось. Вернувшись в Россию, Горький начал энергичные переговоры о создании нового научного центра с видными учеными, с одной стороны, и с членами правительства — с другой. Идея встретила поддержку. В мае 1931 г. он писал директору Обуховской больницы в Ленинграде, известному терапевту М.А. Горшкову: "Идея института встретила... определенно положительное отношение, реализации этой идеи будет оказана широкая помощь. Надобно ковать железо, пока оно горячо. Поэтому очень прошу Вас переговорить с И.И. Грековым, А.Д. Сперанским и — если нужно — с И.П. Павловым по вопросам организации института, а затем приступить к разработке плана его. Есть мнение, что институт должен существовать в Ленинграде, но не хотелось бы, чтобы вопрос этот решался под влиянием только одних субъективных удобств ленинградских медиков... Было бы отлично, если бы Вы привезли с собой небольшую, хотя бы в форме тезисов, записку, которая нужна как основа для статьи"⁹.

Давнее общение с И.П. Павловым привело Горького к мысли, что в новом научном центре должно получить дальнейшее развитие павловское физиологическое учение. В связи с этим к организационной работе были привлечены физиологи А.Д. Сперанский, Л.Н. Федоров, К.М. Быков. А.М. Горький неоднократно встречался с учеными, подробно обсуждал облик будущего института. Наконец, 7 октября 1932 г. у него на квартире по инициативе И.В. Сталина было созвано совещание, в котором приняли участие сам "вождь народов", его ближайшие помощники В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов и видные ученые страны. Доклад об организации ВИЭМа сделал Л.Н. Федоров. В постановлении Совнаркома "О Всесоюзном институте экспериментальной медицины" указывалось, что он создается в целях "всестороннего изучения организма человека на основе современной теории и практики медицинских наук и для изучения новых методов исследования, лечения и профилактики на основе новейших достижений в области биологии, химии, физики и технической реконструкции специального оборудования лабораторий и клиник"¹⁰.

О том, что организации нового научного центра придавалось большое значение, свидетельствуют и составы Комитета содействия и Рабочего бюро — органов, созданных для реализации идеи. В Комитет содействия вошли А.М. Горький, член

Политбюро и руководитель ленинградской партийной организации С.М. Киров, председатель Госплана, заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны В.В. Куйбышев, председатель Ленсовета И.Ф. Кодацкий, секретарь президиума ЦИК и член ЦКК партии А.С. Енукидзе, нарком здравоохранения М.Ф. Владимирский, нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, ведомство которого тщательно регламентировало практически все стороны жизни Горького, и, разумеется, доверенное лицо писателя, его секретарь П.П. Крючков, приставленный к нему, как считают многие, именно ОГПУ-НКВД. Из представителей медицины в Комитет содействия были включены директор ИЭМа Л.Н. Федоров, профессора ИЭМа А.Д. Сперанский, Н.Д. Бушмакин и Л.А. Орбели, известный ленинградский хирург проф. И.И. Греков, терапевт проф. М.А. Горшков, московские профессора Д.Д. Плетнев и В.П. Воробьев, популярный в среде творческой интеллигенции врач Л.Г. Левин, доктор Розанов и главный врач Кремлевской больницы А.Ю. Канель. В Рабочее бюро вошли Л.Н. Федоров, Н.Д. Бушмакин, А.Д. Сперанский, И.Ф. Кодацкий, П.П. Крючков, архитектор В.А. Шуко и представители ленинградских органов управления.

Реконструкция института предполагалась на основе следующих положений: "1) Широкая всесторонняя постановка проблемы изучения человека, точнее человеческого организма, возможна только при исследованиях биологических явлений во всех своих связях, в условиях конкретной социальной среды. Для обеспечения такого рода изучения необходимо, чтобы в составе института были представлены все теоретические медицинские дисциплины... 2) Расширение базиса медицинского исследования путем внедрения в медицинские дисциплины современных достижений химии, физики, а также и технической реконструкции методов и специального оборудования, применяемого в лаборатории и клинике... 3) Тесная связь теоретических лабораторий с клиническими".¹¹

Основными организационными принципами работы ВИЭМа были признаны плановость и комплексность работы, практика социалистических методов труда — социалистического соревнования и ударничества, также массовость научных исследований, охватывающих большое число объектов, связанных с производством (исследования предполагалось проводить на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах). Особо подчеркивалось, что вся научно-исследовательская работа должна базироваться на марксистско-ленинской теории, методологии диалектического материализма.

Принудительное внедрение в науку вульгаризованного марксизма вызвало резкий протест И.П. Павлова, который один из немногих сразу понял всю опасность "величайшего насилия над научной мыслью"; Павлов считал, что "диалектический материализм при его теперешней постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции".¹² Однако идеология "социалистического строительства", "переделки общества, человека и природы" импортировала определенной категории ученых, особенно выпускникам Института естествознания при Комакадемии. В литературе уже имеются достаточно удачные попытки проанализировать общие механизмы идеологизации советской науки.¹³

Основное ядро ВИЭМа вначале было сосредоточено в Ленинграде. Здесь в течение 1933 и 1934 гг. удалось организовать секторы физиологии и патофизиологии (зав. А.А. Заварзин), биохимии (зав. В.С. Гулевич), гигиены (зав. З.Г. Френкель) и эпидемиологии (зав. П.Ф. Здродовский). Санитарно-клинический сектор создать не удалось, по-видимому из-за слабости клинической базы ВИЭМа, хотя в распоряжение института был передан ряд ленинградских клиник, развернутых на базе крупных городских больниц; клиника инфекционных болезней при городской инфекционной больнице им. С.П. Боткина, психиатрическая клиника при Василеостровской психиатрической больнице, клиника заболеваний пищеварительного тракта в Обуховской больнице.

В Москве, в филиале ВИЭМа, в 1934 г. были созданы функциональные ячейки, специально предназначенные для изучения организма здорового человека: отделение "человек и труд" с лабораториями физиологии труда, отделение "человек

и климат”, преобразованное в дальнейшем в сектор медицинской климатологии, и лаборатория возрастной физиологии с клиникой. Была начата организация гигиенического отдела, который должен был возглавить А.Н. Сысин, но создать его не удалось.

При Московском филиале были также созданы морфологический сектор, отдел физиологии и патологии органов чувств, развернута лаборатория биофизики органов чувств животных и человека во главе с акад. П.П. Лазаревым, а также группа по электрофизиологии.

В первые годы после организации ВИЭМа в центре внимания находилась проблема изучения человека в его социальной среде. В отделе социальной гигиены в Ленинграде под руководством З.Г. Френкеля началось изучение вопросов старения человека и санитарно-демографических проблем Ленинграда и области. Отдел жилищно-коммунальной гигиены консультировал промышленное и жилищное строительство на Кольском полуострове и изучал специфику Севера применительно к задачам жилищно-коммунальной гигиены. Однако после переезда ВИЭМа в Москву гигиенический отдел в Ленинграде был свернут, а московское отделение “Человек и труд” и “Человек и климат” прекратили свою деятельность. Директор ВИЭМа Л.Н. Федоров, вначале проявлявший большой интерес к вопросам социальной гигиены, не случайно так резко утратил его. Как раз в 1934 г. было принято Постановление СНК СССР “О реорганизации работы научно-исследовательских учреждений в области охраны и гигиены труда”, после чего Государственный институт социальной гигиены и 38 научно-исследовательских институтов социально-гигиенического профиля закрыли.¹⁴ С этого времени изучение патологии проводилось вне учета роли социальной среды в развитии заболеваний.

Следует сказать, что правительственное распоряжение о переводе ВИЭМа в Москву, последовавшее в апреле 1934 г., менее чем через 2 года после постановления о его создании, объясняется общей политикой Сталина по отношению к Ленинграду. По официальной же версии оно диктовалось стремлением теснее связать работу этого научного центра с наркомздравом. Реализацией этого решения занималась правительственная комиссия во главе с членом ВЦИКа Г.Я. Беленьким. Непосредственное участие в организационных мероприятиях принимали заместитель председателя СНК СССР В.В. Куйбышев и нарком здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминский.

Перевод дирекции ВИЭМа в Москву и превращение старейшего медико-биологического института, каким являлся ИЭМ, в ленинградский филиал, неблагоприятно отразились на его деятельности. Уже в июле 1934 г. были расформированы отделы социальной и жилищно-коммунальной гигиены, отдел технической реконструкции исследовательских работ, находящийся в стадии организации музей эмбриологии человека, лаборатория антропологии и клиники, а в октябре закрылись отделы токсикологии и возрастной анатомии. Ряд крупных ученых были вынуждены покинуть институт. В их числе гигиенисты З.Г. Френкель и А.И. Штрейс, хирург С.П. Федоров, нейрохирург В.Г. Молотков, акушеры-гинекологи Г.В. Кипарский и К.П. Улезко-Строганова, онколог Н.Н. Петров, фармакологи А.А. Лихачев и В.М. Карасик и др. Многие ведущие специалисты (П.Ф. Здродовский, А.А. Голиневич, Н.В. Красовская, Б. И. Лаврентьев, И.А. Обергард, А.Д. Сперанский) были переведены в Москву.

В течение 1935-1940 гг. в структуре Ленинградского филиала произошел ряд изменений, обусловленных различными причинами. После смерти в 1936 г. В.В. Савича был ликвидирован отдел фармакологии. Небольшую лабораторию, оставшуюся после его закрытия в 1937 г., передали Биостанции в Колтушах. В том же 1936 г. после смерти Н.Д. Бушмакина, занимавшего с 1932 г. пост заместителя директора по научной работе, был закрыт созданный им отдел морфологии человека.

Были и более трагические причины прекращения ряда исследований. Общая обстановка в стране ухудшалась, ужесточилось законодательство. После убийства

С.М. Кирова в Ленинграде начались массовые репрессии. Из города было выслано несколько десятков тысяч человек: они считались "социально опасными" вследствие своего происхождения.

"Профилактика" вредительства проводилась и среди сотрудников ВИЭМа. Одним из первых (4 февраля 1935 г.) был арестован заведующий отделом вакцин и сывороток Архип Игнатьевич Кузнецов и осужден "за содействие контрреволюционной зиновьевской группе" к высылке на 4 г. в г. Нарым. Через 2 года Особое совещание при НКВД СССР добавило ему дополнительно еще 5 лет, которые он должен был отбывать в Севвостлаге. А 1 декабря 1937 г. Тройка УНКВД по Дальневосточному краю приговорила А.И. Кузнецова к расстрелу "за проведение среди заключенных контрреволюционной агитации, отказ от работы и организацию контрреволюционной троцкистской группы".¹⁵

26 марта 1935 г. был арестован проф. И.А. Ремезов, хорошо известный своими трудами за рубежом. В 1931 г. его даже приглашали занять кафедру биофизики в Вашингтонском университете, но Наркомздрав не дал на это разрешения. 28 октября 1932 г. И.А. Ремезов направил письмо директору ИЭМа Л.Н. Федорову, предлагая свои услуги для организации физико-химической лаборатории с биокolloидным отделением. "Я сравнительно мало известен у нас, однако меня очень хорошо знают европейские и американские научные круги... Я мог бы представить Вам рекомендации и отзывы обо мне ряда немецких ученых, у которых я работал (Nernst, Neuberq, Haber, Frenlich, Bickel). Также я полагаю, что отзыв обо мне Вам смог бы дать акад. А.Н. Бах или проф. И.И. Жуков здесь, в Ленинграде", — писал он. "В Вашем институте я хотел бы организовать по европейскому образцу... физико-химическую лабораторию с биокolloидным отделением, применив новейшие методы усиленных катодных трубок, с которыми я работаю в течение ряда лет и которые в биологии еще мало известны... Оборудование моей нынешней лаборатории является образцовым и смогло бы быть получено для Вашего института при организации новой лаборатории".¹⁶

Просьбу И.А. Ремезова поддержал руководитель отдела биохимии акад. В.С. Гулевич, по мнению которого "с приглашением этого крупного специалиста удачно разрешились бы те затруднения, с которыми мы с Вами встретились... по вопросу о кандидате для организации физической химии с тем уклоном, который нужен для института".¹⁷

В анкете Ремезова имелось немало пунктов, дававших возможность НКВД сфабриковать любое обвинение: дворянское происхождение, длительное пребывание за границей, интенсивная переписка с зарубежными учеными, германское подданство жены Е.И. Дraudзель. А если к этому добавить, что, вступив в 1917 г. в ВКП(б), он вышел из рядов партии в 1921 г. "вследствие невозможности совмещать с научно-исследовательской работой", то факт его ареста воспринимается как неизбежность. Неудивительно, что по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 31 марта 1935 г. Ремезов был приговорен к пятилетней ссылке в Саратов как "социально чуждый элемент". После ареста И.А. Ремезова отдел физической химии и электрохимии прекратил свое существование.

Дальнейшая судьба самого Игоря Александровича Ремезова сложилась трагически,¹⁸ хотя уже через полтора месяца его вернули из ссылки. Пребывание на свободе оказалось недолговременным: повторный арест последовал 28 марта 1939 г. На этот раз ученого обвинили в том, что он "по заданию представителей германской промышленности скрывал от советской власти и передавал Германии и другим капиталистическим странам свои научные изобретения и открытия, имеющие народнохозяйственное значение, а также систематически передавал представителям германских промышленных концернов сведения о научных работах, проводимых в СССР". Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла приговор только 31 мая 1940 г.: 10 лет лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет. В июле 1940 г. расследование "дела" Ремезова было возобновлено, и ему предъявили новое обвинение: "шпио-

наж и диверсионная работа, направленная на подрыв здоровья трудящихся Советского Союза и уничтожение скота". В первые же недели Великой Отечественной войны последовала новая волна смертных приговоров лицам, находящимся в заключении. 7 июля 1941 г. Ремезов был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 июля 1941 г.

Одним из новых направлений в деятельности ВИЭМа была апробация методов и средств восточной медицины, инициатором которой выступил специалист по тибетской медицине врач Н.Н. Бадмаев. Переписка между Наркомздравом и руководством института о возможности развертывания исследований в этом направлении началась в феврале 1932 г. Л.Н. Федоров отнесся к этому предложению более чем сдержанно. Лишь после неоднократных настойчивых требований наркомздрава серьезно рассмотреть представленный проект он вынес его на обсуждение научной общественности института.

Не все восприняли идею однозначно, но большинство ведущих специалистов одобрили проект, предусматривающий открытие стационара и амбулатории, создание лекарственного фонда за счет экспедиций, проведение лабораторных исследований, организацию музея, осуществление переводов тибетских медицинских трактатов и ряд других начинаний. Особенно горячо поддерживали Н.Н. Бадмаева профессора В.В. Савич и А.Д. Сперанский, к их мнению присоединился Н.И. Бухарин, возглавлявший в то время научно-исследовательский сектор ВСНХ. В архиве сохранилось его письмо Л.Н. Федорову, в котором он горячо приветствовал идею изучения тибетской медицины в стенах ВИЭМа.¹⁹

В 1934 г. при институте начало работу бюро по изучению восточной медицины во главе с фармакологом проф. С.В. Аничковым. В состав бюро вошли фармакологи А.И. Кузнецов, И.А. Обергард, физиологи В.В. Савич и А.Д. Сперанский, терапевты Г.М. Ланг и М.В. Черноруцкий, специалист по фармакогнозии А.Ф. Гаммерман. Предполагалось развернуть исследования достаточно широко и включить в сферу научной проверки средства и методы не только тибетской, но и арабско-персидской медицины. Руководителем клиники, которую планировалось развернуть на базе больницы им. В.И. Ленина, назначили С.П. Заводского. Н.Н. Бадмаеву отвели роль консультанта. Вероятно, Л.Н. Федоров предпочел бы вообще обойтись без его услуг — слишком уж однойной была эта фамилия. В Большой Советской Энциклопедии Жамсаран Бадмаев, дядя Н.Н. Бадмаева, характеризовался как крупный аферист, друг Распутина и даже... один из инициаторов русско-японской войны, составивший себе состояние знахарской практикой — так именовались применяемые им методы тибетской медицины. Племянник же не только не отрекался от дядюшки, но, напротив, постоянно подчеркивал, что является его учеником и продолжателем. Смущало и то, что Н.Н. Бадмаев тесно сотрудничал с представителями религиозного культа — ламами, о реакционной роли которых неоднократно писали газеты и журналы тех лет. Но других специалистов по тибетской медицине фактически не было, да и высокопоставленные пациенты оказывали Н.Н. Бадмаеву мощную поддержку.

Во всяком случае, Л.Н. Федоров предусмотрительно избегал упоминаний о тибетской медицине, и в названии бюро вскоре появилось новое слово. Теперь оно называлось бюро восточной и народной медицины, а затем превратилось в отдел народной медицины. Возможно, что понятие "народная медицина" можно было в какой-то степени рассматривать как противопоставление медицине академической, а следовательно, и кастовой.

Н.Н. Бадмаев пытался убедить коллег, что подобное переименование является принципиальным отступлением от первоначальной идеи, но поддержки не встретил. Руководитель клиники С.П. Заводской и остальные члены бюро надеялись, что переименование, напротив, позволит расширить сферу исследований. Эти надежды не оправдались. Уже в январе 1935 г. отдел народной медицины закрыли под предлогом реорганизации института. От занимаемых должностей были освобождены заведующий отделом С.П. Заводской, консультанты С.В. Аничков, А.Ф.

Гаммерман, Н.Н. Бадмаев, научные сотрудники В.В. Закусов, М.И. Шупинская, И.А. Бржезицкий, Е.Е. Обермиллер и др. Договор с больницей им. В.И. Ленина, на базе которой буквально 2 месяца просуществовало отделение (предполагаемая клиника восточной медицины так и не была организована), был расторгнут, а больные выписаны или переведены в другие лечебные учреждения.

Позднее Л.Н. Федоров необоснованно обвинил Н.Н. Бадмаева в некомпетентности и расхищении лекарственных средств. Изучение восточной медицины в ВИЭМе было фактически прекращено, хотя при Ученом медицинском совете Наркомздрава и создали для этого специальную комиссию, которой Л.Н. Федоров сообщил о своем согласии продолжить работу по исследованию фармакодинамики средств восточной медицины. В официальном отчете ВИЭМа за 1933-1937 гг., изданном в 1938 гг., об исследованиях в области восточной медицины не упоминается вообще: к этому времени Н.Н. Бадмаев и все ламы, знатоки тибетской медицины, были арестованы.²⁰

В сентябре 1936 г. была закрыта лаборатория специальной психофизиологии — ее руководитель Николай Николаевич Никитин покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. Перед этим он лечился в психиатрической клинике, и вполне возможно, что обострение его заболевания было связано с постоянным нервным напряжением и страхом перед возможным арестом.

Н.Н. Никитин был членом ВКП(б) с 1920 г., окончил Военно-Медицинскую академию и Институт красной профессуры при Комакадемии, работал в отделе агитации и пропаганды Ленинградского обкома партии. В 1929 г. он был зачислен аспирантом в ИЭМ, в том же году утвержден в должности заместителя директора и перешел во "внештатную" аспирантуру. Ученую степень кандидата медицинских наук ему присвоили в марте 1936 г. — в это время он не только занимал пост директора, но и возглавлял лабораторию специальной психофизиологии.

Совсем недавно, в 1932 г., он, вероятно, вполне искренне упрекал И.П. Павлова: "Под свободой, Иван Петрович, как это известно всем, Вы понимаете свободу подчас, скажем откровенно, злостной клеветы на Советскую власть, на нашу партию, на все наше соц. строительство".²¹

И вот он сам, так же, как и многие убежденные и преданные идеалам партии люди, не может понять, что происходит: почему недавние партийные лидеры оказались на скамье подсудимых. Впрочем, не исключен и прямо противоположный вариант: как бывший работник партийного аппарата Никитин мог догадываться о грозящей ему участи и предпочел уйти из жизни сам. Во всяком случае, его самоубийству была придана политическая окраска. Лабораторию расформировали, а через несколько месяцев арестовали почти всех работавших в ней научных сотрудников: В.Л. Меркулова, В. Баюина, К.С. Семенова, С.И. Горшкова. Лишь один Василий Лаврентьевич Меркулов вернулся в институт после реабилитации и работал здесь с 1956 по 1968 г.²²

21 апреля 1937 г. в многотиражке ВИЭМа появилась статья "О борьбе с вредительством и бдительности". В ней говорилось, что особенно засорены кадры в Ленинградском филиале, поскольку его покойный директор Никитин окружил себя троцкистами. Приводились и фамилии врагов народа: Семенов, Носков, Урановский.

Дату ареста 25-летнего Константина Семеновича Семенова — 16 июля 1937 г. — удалось установить по домово́й книге, так как он жил в институтском доме на Кировском проспекте, но она оказалась неточной. На наш запрос о судьбе К.С. Семенова из Управления КГБ по Ленинградской области сообщили, что он был арестован 3 ноября 1936 г. как участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Его обвиняли в контрреволюционных разговорах, направленных против руководства ВКП(б) и его политики. За эти разговоры Семенов получил 10 лет тюремного заключения и умер 20 января 1946 г. в Норильлаге.

Яков Маркович Урановский был членом редколлегии журнала "Архив биологических наук", издававшегося в ИЭМе с 1892 г., занимался вопросами философии

после его ареста не упоминалось в печати, остановимся особо. Э.С. Бауэр первым предпринял серьезную попытку определить специфику биологических систем. Он сформулировал принцип устойчивой неравновесности, опираясь на который, вывел закон исторического развития биологических систем. Суть этого закона заключается в том, что развитие биологических систем — результат увеличения эффекта внешней работы системы (воздействия организма на среду) в ответ на полученную из внешней среды единицу энергии. Для этого биологические системы в отличие от неживых должны обладать способностью постоянно поддерживать свою структуру независимо от факторов среды, т.е. самовосстанавливаться. Таким образом, эволюция биологических систем идет от состояния равновесия к устойчивой неравновесности, а эволюция неживых систем идет в сторону от состояния равновесия. Энтропия первых снижается, в то время как энтропия вторых возрастает. Сегодня Э.С. Бауэра по праву считают одним из основателей теоретической биологии.

Изданная в 1935 г. монография Бауэра "Теоретическая биология" давно стала библиографической редкостью. В 1982 г. ее переиздали в Будапеште на русском языке с предисловием советского исследователя С.Э.Шноля, который дает физическую и биохимическую интерпретацию принципа устойчивого равновесия. Этот принцип явился сильнейшим дополнением к эмпирическому обобщению В.И. Вернадского об организованности живого вещества. Энергию, с помощью которой создается неравновесность живой структуры, Бауэр назвал структурной. Недавно выдвинуто положение, что структурная энергия Бауэра соответствует биохимической энергии Вернадского.²⁴

В 1938 г. в связи с реорганизацией Санитарно-бактериологического института из состава Ленинградского филиала ВИЭМа по решению Совнаркома СССР был выделен отдел вакцин и сывороток и преобразован в Институт вакцин и сывороток. Фактически отдел уже давно являлся самостоятельным учреждением, существовавшим на хозрасчетной основе со своим расчетным счетом, бухгалтерией и канцелярией. По положению, утвержденному в 1936 г., в его состав входили 12 научных подразделений: экспериментальное, анаэробное, вакцинное, туберкулиновое, дифтерийное, скарлатинозное, бактерицидных сывороток, антирабическое (в 1937 г. оно вошло в состав Ленинградского института эпидемиологии и микробиологии им. Пастера), химическая и контрольная лаборатории, сывороточная конюшня и клиника детских инфекций, — а также технические службы: бактериологическая кухня, фасовка, разливка, экспедиция, животник, хозяйственная часть.

Архивные документы свидетельствуют, что процесс раздела протекал болезненно. Руководство вновь образованного Института вакцин и сывороток неоднократно жаловалось заместителю наркома здравоохранения Н.И. Гращенкову на отсутствие помощи со стороны ленинградского филиала ВИЭМа, на проволоочки с выделением территории и имущества.²⁵ Н.И. Гращенков письменно предупредил Л.Н. Федорова (с копией директору ленинградского филиала С.Х. Мусаэлян), что продолжение конфликта будет рассматриваться как попытка срыва оборонных мероприятий с соответствующими последствиями²⁶ — угроза для того времени довольно серьезная, тем более что предшественник Мусаэляна на посту директора Р.Э. Яксон, как уже отмечалось, в октябре 1937 г. был арестован как враг народа.

С.Х. Мусаэлян в ответном письме возлагал всю ответственность на Институт вакцин и сывороток (ИВС), "дезорганизирующий своими посягательствами работу филиала", и указывал, что жалобы руководства ИВСа носят превентивный характер на случай провала работы. В тот же день Мусаэлян направил заявление секретарю ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову с просьбой вызвать его для беседы. В заявлении говорилось о ненормальной обстановке, сложившейся после приказа о выделении отдела вакцин и сывороток в самостоятельный институт. Пошли слухи о закрытии Ленинградского филиала ВИЭМа. Горздрав не выполняет распоряжений Наркомздрава о создании клинической базы. Переведенные из Москвы лаборатории негде разместить, значительная часть помещений отошла ИВСу. В то же время получено указание организовать

фии медицины (в Архиве Академии наук мы обнаружили его отзывы на работы слушателей Института естествознания Ленинградского отделения Комакадемии) и, судя по публикациям, был арестован в числе других биологов -дарвинистов, интересовавшихся проблемами генетики.²³ Нам удалось установить точную дату его ареста — 29 апреля 1936 г., формулировку предъявленного ему обвинения — принадлежность к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, а также приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1936 г. — к высшей мере наказания, который был приведен в исполнение в тот же день.

Что касается Владимира Николаевича Бакина, исключенного в 1937 г. из рядов ВЛКСМ за потерю классовой бдительности и двурушничество, то его арестовали 3 июля 1937 г. также как участника контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы ВИЭМа. Особое Собрание при НКВД СССР 21 сентября 1937 г. осудило его на пять лет исправительно-трудовых лагерей, а 18 сентября 1938 г. он умер в Севвостлаге. Где работал Носков и в чем его обвинили, выяснить пока не удалось: в Ленинградском управлении КГБ материалов не оказалось.

Следующим примером нереализованных научных планов является попытка создать при ВИЭМе морскую биологическую станцию. Предпринятая по инициативе Е.М. Крепса в 1936 г. экспедиция, в которую помимо его самого входили архитектор А.Ф. Рюмин и сотрудники Ленинградского университета К.М. Дерюгина и Е.Ф. Гурьянова, выбрала место для биостанции в Дальних Зеленцах, на берегу Баренцова моря. К весне 1937 г. проект здания станции и вспомогательных объектов был готов, началось строительство. Вскоре, однако, биостанцию передала Академия наук СССР. Сам же Евгений Михайлович Крепс в апреле 1937 г. был арестован, осужден на 5 лет постановлением Особого Собрания и отправлен на Колыму. В приказе же по институту указывалось, что сотрудник отдела специальной и эволюционной физиологии Е. М. Крепс и сотрудник лаборатории общей морфологии И.И. Буржуа отчислены по устному распоряжению и.о. директора Ленфилиала ВИЭМа Р.Э. Яксона.

Вскоре (29 ноября 1937 г.) был арестован и сам Рудольф Эннович Яксон, возглавлявший помимо филиала ВИЭМа кафедру диалектического материализма в Институте усовершенствования врачей. Выпускник 2-го Московского медицинского института, он окончил затем факультет философии и естествознания Института красной профессуры и занимался философскими вопросами медицины. Жестокая борьба в философии между "механистами" и "диалектиками" закончилась массовыми арестами ученых. Р.Э. Яксона обвинили в том, что он "являлся активным участником контрреволюционной латвийской националистической организации, вел контрреволюционную националистическую пропаганду, одобрял террористические методы борьбы против руководства ВКП(б) и Советского правительства, занимался шпионской деятельностью", и приговорили к расстрелу.

В октябре 1937 г. приказом по Наркомздраву СССР "в целях улучшения работы Ленинградского филиала ВИЭМа" сокращалось число его работников и изменялась структура. Были ликвидированы отдел общей биологии, лаборатория биофизики, лаборатория патологии роста, лаборатория рентгено-структурного анализа. В действительности это было связано с массовыми арестами сотрудников. Указанному приказу по Наркомздраву предшествовали приказ по Ленинградскому филиалу ВИЭМа от 17 сентября, согласно которому увольнялись заведующий отделом общей биологии Э.С. Бауэр, заведующий отделом общей микробиологии О.О. Гартох, научные сотрудники С.С. Бауэр и А. Гаринг — все как арестованные НКВД.

Есть основание считать, что почти все сотрудники перечисленных выше отделов были арестованы, но установить точно фамилии репрессированных, а тем более их судьбу пока не удалось. Личные дела арестованных, как правило, изымались или фальсифицировались; в приказах же далеко не всегда указывалась истинная причина увольнения.

На результатах исследований Э.С. Бауэра в области теоретической биологии, непонятых современниками и надолго забытых в связи с тем, что имя ученого

после его ареста не упоминалось в печати, остановимся особо. Э.С. Бауэр первым предпринял серьезную попытку определить специфику биологических систем. Он сформулировал принцип устойчивой неравновесности, опираясь на который, вывел закон исторического развития биологических систем. Суть этого закона заключается в том, что развитие биологических систем — результат увеличения эффекта внешней работы системы (воздействия организма на среду) в ответ на полученную из внешней среды единицу энергии. Для этого биологические системы в отличие от неживых должны обладать способностью постоянно поддерживать свою структуру независимо от факторов среды, т.е. самовосстанавливаться. Таким образом, эволюция биологических систем идет от состояния равновесия к устойчивой неравновесности, а эволюция неживых систем идет в сторону от состояния равновесия. Энтропия первых снижается, в то время как энтропия вторых возрастает. Сегодня Э.С. Бауэра по праву считают одним из основателей теоретической биологии.

Изданная в 1935 г. монография Бауэра "Теоретическая биология" давно стала библиографической редкостью. В 1982 г. ее переиздали в Будапеште на русском языке с предисловием советского исследователя С.Э.Шноля, который дает физическую и биохимическую интерпретацию принципа устойчивого равновесия. Этот принцип явился сильнейшим дополнением к эмпирическому обобщению В.И. Вернадского об организованности живого вещества. Энергию, с помощью которой создается неравновесность живой структуры, Бауэр назвал структурной. Недавно выдвинуто положение, что структурная энергия Бауэра соответствует биохимической энергии Вернадского.²⁴

В 1938 г. в связи с реорганизацией Санитарно-бактериологического института из состава Ленинградского филиала ВИЭМа по решению Совнаркома СССР был выделен отдел вакцин и сывороток и преобразован в Институт вакцин и сывороток. Фактически отдел уже давно являлся самостоятельным учреждением, существовавшим на хозрасчетной основе со своим расчетным счетом, бухгалтерией и канцелярией. По положению, утвержденному в 1936 г., в его состав входили 12 научных подразделений: экспериментальное, анаэробное, вакцинное, туберкулиновое, дифтерийное, скарлатинозное, бактерицидных сывороток, антирабическое (в 1937 г. оно вошло в состав Ленинградского института эпидемиологии и микробиологии им. Пастера), химическая и контрольная лаборатории, сывороточная конюшня и клиника детских инфекций, — а также технические службы: бактериологическая кухня, фасовка, разливка, экспедиция, животник, хозяйственная часть.

Архивные документы свидетельствуют, что процесс раздела протекал болезненно. Руководство вновь образованного Института вакцин и сывороток неоднократно жаловалось заместителю наркома здравоохранения Н.И. Гращенкову на отсутствие помощи со стороны ленинградского филиала ВИЭМа, на проволоочки с выделением территории и имущества.²⁵ Н.И. Гращенков письменно предупредил Л.Н. Федорова (с копией директору ленинградского филиала С.Х. Мусаэляну), что продолжение конфликта будет рассматриваться как попытка срыва оборонных мероприятий с соответствующими последствиями²⁶ — угроза для того времени довольно серьезная, тем более что предшественник Мусаэляна на посту директора Р.Э. Яксон, как уже отмечалось, в октябре 1937 г. был арестован как враг народа.

С.Х. Мусаэлян в ответном письме возлагал всю ответственность на Институт вакцин и сывороток (ИВС), "дезорганизуя" своими посягательствами работу филиала", и указывал, что жалобы руководства ИВСа носят превентивный характер на случай провала работы. В тот же день Мусаэлян направил заявление секретарю ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову с просьбой вызвать его для беседы. В заявлении говорилось о ненормальной обстановке, сложившейся после приказа о выделении отдела вакцин и сывороток в самостоятельный институт. Пошли слухи о закрытии Ленинградского филиала ВИЭМа. Горздрав не выполняет распоряжений Наркомздрава о создании клинической базы. Переведенные из Москвы лаборатории негде разместить, значительная часть помещений отошла ИВСу. В то же время получено указание организовать

в составе филиала новые лаборатории. Коллектив лихорадит, поскольку бесконечные комиссии замеряют территорию, ставят вопрос о ликвидации животников. Освоению кредитов, отпущенных на строительство ИВСа, препятствовало бывшее руководство институтом бакпрепаратов, ныне арестованное органами НКВД, а страдает ВИЭМ, у которого отбирают часть площади, да еще пытаются на него взвалить ответственность за безобразия в ИВСе.

Можно себе представить, сколь "плодотворной" была в это время работа ученых-микробиологов! Их арестовывали одного за другим.

Особого рассказа заслуживает судьба Оскара Оскаровича Гартоха. Проф. Я.Л. Рапопорт в своих мемуарах пишет, что большая группа микробиологов была уничтожена в 1937-1939 гг. Перечисляя их фамилии, он называет и О.О. Гартоха. Об аресте микробиологов П.Ф. Здродовского, В.А. Барыкина, О.О. Гартоха, И.Л. Кричевского, М.И. Шустера, Л.А. Зильбера, А.Д. Шеболдаевой, Г.И. Сафоновой упоминает Р.А. Медведев, который считает, что, за исключением Л.А. Зильбера и П.Ф. Здродовского, освобожденных в 1939 г., остальные погибли. Между тем, чудом сохранившееся личное дело О.О. Гартоха содержит точную информацию о превратностях его судьбы.

Первый раз, как уже говорилось выше, Гартоха арестовали 13 августа 1930 г. и держали под следствием 2,5 мес., до 27 октября. Второй раз он был арестован 2 августа 1937 г. и находился под следствием до 20 мая 1938 г., когда заведенное на него дело было прекращено. Так что утверждение Я.Л. Рапопорта о том, что все арестованные микробиологи признались в инкриминируемом им вредительстве, не совсем точны. Впрочем, он не пишет, в чем именно обвиняли Гартоха. Зато сведения об этом приводит в книге "Старший брат" В. Каверин, который указывает, что арестованный 12 февраля 1938 г. сотрудник Мечниковского института А.А. Захаров вскоре подписал признание в своих вымышленных преступлениях. Он сознался, что "вместе с проф. О.О. Гартохом создал контрреволюционную организацию с целью убийства Вождя и Друга человечества И.В. Сталина, шпионажа в пользу фашистской Германии, диверсионной работы в виде заражения в случае войны источников водоснабжения и вредительства на фронте борьбы с эпидемиями". Если бы Гартох признал свою вину, то его, скорее всего, приговорили бы к расстрелу, но об освобождении его хлопотал кто-то из членов французского правительства, и Гартох был оправдан. В романе В. Каверина "Над потаенной строкой" об этом упоминает один из персонажей. Вряд ли это случайность: Каверин, будучи братом известного вирусолога Л.А. Зильбера, хорошо знал мир ученых-медиков. В пользу этой версии свидетельствуют и факты биографии Гартоха. В 1940 г. он был назначен заместителем директора Ленинградского филиала ВИЭМа, а в феврале 1941 г. ему присвоили звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Ходатайство руководства и общественных организаций ВИЭМа об этом поддержал председатель Ленгорисполкома Попков.

В первые же дни Великой Отечественной войны О.О. Гартоха вновь арестовали. В его личном деле сохранилась увольнительная записка, в которой указана причина увольнения — арест органами НКВД, и дата — 6 июля 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Саратовской области 28 ноября 1941 г. Гартох был обвинен в шпионаже и приговорен к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 декабря 1941 г. приговор оставлен в силе и 30 января 1942 г. приведен в исполнение.²⁷ Ученый погиб в заключении, как и многие ни в чем не повинные советские граждане.

Аресты крупных ученых вызвали необходимость перетасовки кадров. Так, приказом Наркомздрава от 14 ноября 1939 г. из Ленинградского бактериологического института им. Пастера был переведен в ВИЭМ на должность заведующего отделом микробиологии и иммунологии В.И. Иоффе. Вскоре последовал приказ о его переводе в Москву, но переезд ученого не состоялся. Он продолжал работать в Ленинграде, где организовал в составе филиала ВИЭМа отдел микробиологии детских инфекций. Вероятно, перевод В.И. Иоффе в ВИЭМ был связан с арестом руководителя отдела П.Ф. Здродовского. После того, как Здродовского освободи-

ли, необходимость в переезде Иоффе в Москву отпала. Для ленинградского филиала ВИЭМа приход В.И. Иоффе был большой удачей. Здесь под его руководством развернулись исследования по микробиологии и иммунологии капельных инфекций, а позднее, в конце 50-х — начале 60-х гг., разрабатывались вопросы общей иммунологии, иммунопатологии и клинической иммунологии.

Следует также отметить, что с 1 января 1938 г. в ВИЭМе был закрыт отдел общей микробиологии, а руководитель отдела Б.Л. Исаченко и часть сотрудников перешли в Академию наук.

Атмосферу жизни института достаточно полно отражали протоколы партийных собраний, но, к сожалению, они были уничтожены в числе многих других документов в первые месяцы Великой Отечественной войны. В Ленинградском партархиве сохранились, однако, так называемые информационные сводки, а точнее — доносы, в которых подробно фиксировались все высказывания сотрудников, имевшие хоть малейший политический оттенок.

В сводке об отдельных нездоровых настроениях (1936 г.) мы встречаем фамилии Баюина, Семенова, Голованова, Никитина, Елькиной.²⁸ В другой сводке²⁹ говорится, что проработкой обвинительного заключения (речь идет о троцкистском параллельном центре) охвачено 612 человек, собрание прошло хорошо, но были и отрицательные моменты. Например, научный сотрудник Гессе, дворянка, имеющая двух взрослых детей, работающих в Германии, с зачитки резолюции ушла и сидела одна в своем отделе; Гаршин (бывший белый офицер) заявил, что незачем обсуждать материалы процесса коллективно, это дело советских органов; проф. Гурвич упрекнул членов партии в том, что они не осведомились о том, желают ли сотрудники слушать их разъяснения; ведущие научные сотрудники отдела биохимии Ашмарин, Соколов и Паршин постоянно закрываются на ключ и подолгу о чем-то шепчутся, причем Паршин недавно опубликовал статью в фашистском журнале. Еще в одной сводке фигурирует фамилия сотрудницы института, члена ВКП(б) Школьниковой, муж которой был арестован органами НКВД. Последняя заявила члену ВКП(б) Рывлину, что ее муж невиновен, но, видимо, и ее скоро арестуют, так как в НКВД нет объективности — она работала в ЧК и знает, что там расстреливали многих невинных людей...

Очевидно, что в условиях взаимной слежки и доносительства идеалы науки предавались, научные дискуссии нередко являлись откровенным сведением счетов, а идеологизация науки придавала этому политический характер. Например, видных генетиков обвиняли в проповеди фашизма, в результате чего 17 сентября 1937 г. был закрыт руководимый С.Г. Левитом Медико-генетический институт. В приказе Наркомздрава указывалось, что он ликвидируется "в целях организации подлинно научной разработки вопросов медицинской генетики",³⁰ этим же приказом был создан отдел медицинской генетики в ВИЭМе, включающий лабораторию теоретической антропогенетики и кардиологическую лабораторию, а также клиническую и близнецовую группы. Руководство клиническими исследованиями возлагалось на С.Н. Давиденкова. Оборудование, библиотека и архив Медико-генетического института были переданы ВИЭМу, в который перешла и часть сотрудников. Однако уже 11 октября 1937 г. последовал новый приказ Наркомздрава, согласно которому с 1 ноября ликвидировалась руководимая С.Н. Давиденковым нервная клиника.³¹

В приказе Наркомздрава от 14 апреля 1939 г. в числе крупных недостатков в деятельности ВИЭМа отмечалось, что институт "не организовал и не возглавил критики и разоблачения антинаучных фашистских теорий".³² В октябре 1939 г. дирекция ВИЭМа приняла решение о ликвидации лаборатории медицинской генетики "как не имеющей руководителя и достаточной материальной базы". Разумеется, Наркомздрав это решение утвердил. И хотя директору Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности акад. Л.А. Орбели было предложено "предусмотреть в плане на 1940 г. разработку теоретических проблем медицинской и общей генетики, увязав эту экспериментальную работу с ВИЭМ на предмет использования выводов Института эволюционной

физиологии в клинико-экспериментальной работе ВИЭМ”,³³ этот параграф приказа был заведомо невыполним. Исследования по антропогенетике и медицинской генетике в нашей стране прекратились на долгие годы.

Не менее острая борьба развернулась в морфологии по вопросам клеточной теории. Руководитель отдела общей морфологии ВИЭМа А.А. Заварзин рассматривал ее как теорию развития, что вызвало резкие нападки оппонентов. Жестоким критике был подвергнут учебник Заварзина “Курс гистологии и микроскопической анатомии”, особенно глава о клеточной теории.

Надо сказать, что сотрудники Ленинградского филиала ВИЭМа А.А. Заварзин, Д.Н. Насонов, Н.Г. Хлопин заняли принципиальную позицию в отношении псевдонаучных работ О.Б. Лепешинской, которая в 1936 г. вместе со своей лабораторией перешла в ВИЭМ из Биологического института им. К.А. Тимирязева. На страницах “Архива биологических наук” они выступили с критической статьей “Об одном направлении в цитологии”. Ответная статья Лепешинской появилась в журнале с редакционным примечанием о том, что ввиду исключительной важности проблемы живого вещества и эволюции структуры Академия наук и ВИЭМ организуют теоретическую конференцию с обсуждением указанных вопросов “на основе теории Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина”.

В октябре 1940 г. в Ленинградском филиале ВИЭМа состоялась конференция по вопросам цитологии и гистологии. Сторонники идеи эволюционной гистологии на этом этапе одержали победу.

Сегодня высказывается мнение,³⁴ что к выступлениям Лепешинской ученые относились как к комическому вздору и ее попытки издать книгу несколько раз отклонялись. Вероятно, это соответствует истине лишь отчасти, ибо что бы в действительности ни думали специалисты об “открытиях” Лепешинской, но критиковать ее открыто осмеливались немногие. Во всяком случае, Совет ВИЭМа отметил в 1939 г. представленную Лепешинской рукопись монографии “Живое вещество и клетка” премией. Так что присужденная ей спустя несколько лет за эту работу Сталинская премия была уже второй наградой, хотя, разумеется, гораздо более высокого ранга. Эта награда знаменовала собой полную победу О.Б. Лепешинской “в борьбе против идеалистических течений в морфологии”. А.А. Заварзин к этому времени уже не было в живых, а Д.Н. Насонов, возглавлявший ИЭМ, вынужден был оставить этот пост.³⁵

Борьба с инакомыслием осуществлялась последовательно и планомерно. Под жесткий государственный контроль была поставлена издательская деятельность, а “идеологически вредная” литература изымалась из обращения. Инвентарные книги фондов институтской библиотеки содержат сведения о различных этапах проходивших “чисток”. Названия некоторых книг вымараны тушью настолько тщательно, что прочесть их невозможно. Вероятно, эти работы были сочтены особо опасными, так как против них обычно стоит пометка “сдано”.

Судя по пометкам “списано после ревизии” с указанием даты, чистки библиотеки проходили в 1930, 1935, 1937, 1938 и 1939 г. Изымались литература по философским вопросам естествознания, по генетике, инфекционным болезням и микробиологии, книги на немецком языке и, независимо от тематики работы, книги ученых, объявленных врагами народа. В числе изъятых в 1937 г. изданий был и “Список абонентов ленинградских телефонных станций”. Эта акция состоялась, вероятно, потому, что многие из абонентов к этому времени либо погибли, либо находились в заключении.

Итак, сделаны первые шаги в раскрытии истины, которая десятилетиями скрывалась, была “белыми пятнами” (вернее сказать — “черными”) в истории отечественной науки, в истории ИЭМа. К нам возвращаются после длительного отсутствия, обусловленного трагическими событиями в жизни общества, наши коллеги, их труды, их незавершенные эксперименты и нереализованные замыслы. Они должны занять свое место в летописи знаний, получить вторую жизнь в современных поисках и свершениях.

Перелистывая трагические страницы истории ИЭМа, мы узнали имена не только тех, кто волею судьбы оказался "классово-чуждым элементом", но и их "коллег", своей активной деятельностью всячески способствовавших поискам "врагов" социализма. Среди них встречаются кадры "новой формации", пришедшие в институт в 30-е годы в результате "массового похода революционной молодежи на науку".³⁶ Мы уже отмечали, что новые задачи предполагалось решать новыми силами... Но нужно ли сегодня говорить об этих силах? Нужно ли на этих страницах анализировать "хорошие" анкеты, подчас загадочные биографические данные, еще более загадочные результаты научной работы и обязательно обширные материалы, характеризующие общественную деятельность? Вероятно, нужно.

Но большинства участников тех событий, о которых шла речь выше, уже нет в живых. Одних уничтожила система, других она взрастила и воспитала, заставив каждого нести свой крест... О трагедии этих людей, их истории, отражающей историю системы, будет написана другая статья и в другой книге.

Примечания

- 1 Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. Л., 1990.
- 2 Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сб. документов. Л., 1974. С.48-49.
- 3 Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С. 111.
- 4 Цит. по: *Берберова Н.* Железная женщина // Дружба народов. 1989. № 12. С. 108.
- 5 *Грекова Т.И.* Исидор Александрович Обергард (1888-1938) (К 100-летию со дня рождения) // Актуальные вопросы биологии и медицины. Л., 1990. Т. 2. С. 160-166.
- 6 Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- 7 ЦГАОР, ф. 482, оп. 41, личное дело И.А. Обергарда, л. 38.
- 8 *Быковцева Л.* Горький в Москве. М., 1972. С. 80-85.
- 9 Цит. по: Горький и наука. М., 1964. С. 133-134.
- 10 Отчет по научно-исследовательской деятельности Всесоюзного института экспериментальной медицины за 1933-1937 гг. М., 1939. С. 9.
- 11 *Федоров Л.Н.* Всесоюзный институт экспериментальной медицины при Совнарком СССР // Арх. биол. наук. 1933. Т. 33, вып. 1-2. С. 3.
- 12 Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Указ. соч. С. 109, 113.
- 13 См., например: *Александров Д.А., Кременцов В.Н.* Опыт путеводителя по неизвестной Земле: Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950 гг.) // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 67-79.
- 14 *Венгорова И.В., Шилинис Ю.Л.* Социальная гигиена в СССР. М., 1976. С. 170-171.
- 15 Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- 16 Письмо И.А. Ремезова Л.Н. Федорову // Арх. ИЭМа АМН СССР. Личное дело И.А. Ремезова.
- 17 Письмо В.С. Гулевича Л.Н. Федорову // Там же.
- 18 Из справки УКГБ по Ленинградской области от 13 сентября 1990 г.
- 19 См.: *Грекова Т.И.* Тибетская медицина в России: Страницы истории // Наука и религия. 1988. № 8. С. 10-15.
- 20 Более подробно об этом см.: *Грекова Т.И.* Трудный путь к признанию // Байкал. 1991. № 2. С. 108-122; № 3. С. 98-109.
- 21 Цит. по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Указ. соч. С. 116.
- 22 *Грекова Т.И., Ланге К.А.* На пути к документальной истории Института экспериментальной медицины // Актуальные вопросы биологии и медицины. Л., 1990. Т. 2. С. 149-160.
- 23 См.: *Гайсинович А.Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988.
- 24 См.: *Аксенов Г.П.* Понятие живого вещества: От Бюффона до Вернадского // Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 1. С. 57-66.
- 25 ЦГАНТД Ленинграда, ф. 182, оп. 1, д. 586, л. 1-4.
- 26 Там же, л. 5
- 27 *Георгиевский А.С., Шалаев Н.Ф.* Репрессии против руководителей медицинской службы Красной Армии в 30-е годы // Воен.-мед. журн. 1992. № 7. С. 77.
- 28 Ленинград. партарх., ф. 6, оп. 1, св. 480, д. 2650, л. 1-8.
- 29 Там же, ф. 6, оп. 1, св. 481, д. 2653, л. 26.
- 30 ЦГАОР, ф. 6742, оп. 1, д. 73.
- 31 Там же.
- 32 Там же, д. 94.
- 33 Там же, д. 26.
- 34 *Александров В.* Трудные годы советской биологии // Знание-сила. 1987. № 10. С. 72-80.
- 35 Мы не останавливаемся на перипетиях этой борьбы, ибо данный вопрос уже достаточно подробно освещен в литературе.
- 36 *Сталин И.В.* Собрание сочинений. Т. 11. С. 77.

М.Г.Ярошевский

МАРКСИЗМ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (к социальной роли российской науки)

Обращение людей науки к марксизму имело свои не навязанные политико-идеологическими силами причины. Неудивительно, что Маркса на Западе издавна воспринимают как классика макросоциологии, и ни один серьезный ученый в этой области не отрицает значительности его влияния на поиск истины в этой дисциплине. Это влияние сказывается большей частью в полемике, в критическом анализе, которым испещрены тысячи страниц. Но кто сказал, что влияние означает репродукцию идей?

Как известно, психология в силу уникальности своего предмета изначально обречена быть, говоря словами Н.Н. Ланге, двуликим Янусом, обращенным и к биологии, и к социологии. Экспансия марксизма в конце XIX — начале XX в. совпала со все нараставшей волной социоисторических идей в психологии.

Известный американский психолог Д. Болдуин, в частности, назвал в 1913 г. "Капитал" Маркса в числе работ, под воздействием которых произошел коренной переворот во взглядах на соотношение индивидуального и общественного сознания.¹ Это было сказано Болдуином не попутно, а в книге "История психологии", сам жанр которой предполагал общую оценку эволюции одной из наук. В этой книге речь шла только о западной психологии.

Впрочем, и мы ничего не можем сказать по поводу того, оказал ли марксизм какое-либо влияние на дореволюционную психологическую мысль, хотя, сколь мощной была его роль в движении России к 1917 г., изучено досконально.

Нет следов увлечения им в предсоветский период и представителями той молодежи, которой выпало вскоре стать главными фигурами в новой психологии. Правда, по мнению А.Н. Леонтьева, студент юридического факультета Московского университета Лев Выготский приобщился к марксизму еще в дореволюционные годы.² Даже поверхностное знакомство с публикациями и заметками Выготского говорит, что в этот студенческий период его занимала не психология, а анализ искусства в духе импрессионистской критики, которую культивировал его учитель и покровитель Ю.А. Айхенвальд.³ Предчувствие великих потрясений преломилось у многих русских интеллектуалов в представлениях, отражавшие растерянность перед роковым ходом событий, выведивших на исторический простор новые социальные силы. Углубляются мистико-религиозные настроения. Чувство отъединенности личности от общества как враждебной ей силы, абсурдности и безысходности человеческого существования становится главным мотивом творчества ряда русских писателей, литературных критиков, мыслителей, в том числе и Л.С. Выготского, о чем свидетельствует его написанный в студенчестве (в дальнейшем радикально переработанный) трактат о Шекспировском "Гамлете".⁴

Крупнейший, наряду с Л.С. Выготским, теоретик советской психологии 20-х гг. П.П. Блонский был в юности поглощен изучением античной философии (главным

образом неоплатонизма), которую считал намного превосходящей по глубине проникновения в смысл бытия, чем все последующие системы, в том числе и современные ему, подвергнутые им резкой критике. В политическом плане ему было близко антимонархическое движение. Но ни материализм, ни марксизм не вызывали у Блонского симпатий.

Два других будущих лидера советской психологии — Д.Н. Узнадзе и С.Л. Рубинштейн — обучались в те годы философии в немецких университетах. Первый защитил в одном из этих университетов диссертацию о великом апостоле русского идеализма Владимире Соловьеве, а С.Л. Рубинштейн не задумывался о марксистской переориентации психологии не только в годы учения у неокантианца Когена, но и по возвращении в Россию, притом даже в начале 20-х гг.⁵, когда в столичных центрах в психологических кругах вопрос о такой переориентации стал чуть ли не главным предметом разговоров.

В новой России воцарялась новая духовная атмосфера. В ней утверждалась вера в то, что учение Маркса всесильно не только в экономике и политике, но и в науке, в том числе психологической. Даже идеалист Челпанов, директор Московского института психологии, заговорил о том, что марксизм и есть то, что нужно его институту (он возглавлял институт до конца 1923 г.). Правда, Челпанов оставлял на долю марксизма только область социальной психологии, индивидуальную же по-прежнему считал глухой к своему предмету, когда она не внемлет "голосу самосознания".

Между тем вопрос о том, каким образом внести в психологию дух диалектического материализма, приобретал все большую актуальность. К ответу побуждал не только диктат коммунистической идеологии с ее агрессивной установкой на подчинение себе научной мысли. Ситуация в психологии приобрела характер очередного кризиса, на сей раз более катастрофического, чем предшествующие. Это был всеобщий, глобальный кризис мировой психологии.

"Нет большей ошибки в понимании современного кризиса в психологии, как ограничение его пределами и границами русской научной школы. Так изображают дело представители нашей эмпирической психологии. Послушать их — на Западе все незыблемо и спокойно в психологии, как в "минералогии, физике и химии", а у нас марксисты ни с того, ни с сего затеяли реформу науки"⁶. Это было сказано в 1926 г. Л.С. Выготским, осознававшим себя приверженцем марксистской реформы психологии и написавшим вскоре свой главный теоретический трактат, в котором он попытался объяснить, в чем же заключается общеисторический (а не только локально-русский) смысл психологического кризиса. Молодая же поросль советских психологов, к которой Выготский принадлежал (это было поколение двадцати- тридцатилетних), с энтузиазмом восприняла в идейном климате начала 20-х гг., когда повсеместно шла ломка старого, призыв преобразовать психологию на основах диалектического материализма. Лидером этого движения стал, как известно, вчерашний сотрудник Челпанова К.Н. Корнилов. Он не имел такого фундаментального философского образования, как другие исследователи, ставшие ведущими фигурами советской психологии (Д.Н. Узнадзе, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), и осознал ряд сложных, эзотерических положений марксизма на уровне тогдашней "политграмоты" в простейшей, допускавшей перевод на популярный язык, форме. Вместе с тем его энергичная проповедь версии о "марксистской психологии" (изложенная в популярном учебнике) сыграла важную роль в том плане, что инициировала более глубинные искания психологов в новом направлении.

Мы оказываемся у поворотного пункта. Впервые в истории психологии марксизм приобрел силу официальной и обязательной для нее доктрины, отказ от которой становился равносильным оппозиции государственной власти и тем самым караемой ереси. Очевидно, что ситуация в данном случае существенно отличалась от описанной Болдуином. Этот американский автор, анализируя положение дел в психологии, отметил, что под влиянием Маркса наметился поворот в понимании вопроса о соотношении индивидуального сознания (как главной темы психологии) и социальных факторов. К этому западных психологов

направляло знакомство с "Капиталом" Маркса, а не с комиссарами в кожаных тужурках, вернувшимися с полей гражданской войны, чтобы в социалистической, а затем в коммунистической академии и других учреждениях партийного "агитпропа" воевать за новую идеологию.

Уже тогда заработал аппарат репрессий, и высылка в 1922 г. большой группы ученых-гуманитариев (в том числе автора книги "Душа человека" С.Л. Франка, профессора психологии И.И. Лапшина и др.) стала сигналом предупреждения об остракизме, грозящем каждому, кто вступит в конфронтацию с марксистской философией. Это вовсе не означало, что пришедшая в психологию молодежь (воспитанная, как сказано, в чуждом этой философии духе) встала под освященное властью государства знамя из чувства самосохранения. В действительности она искала в новой философии научные решения, открывающие выход из контrovers, созданных, как было сказано, общим кризисом психологической науки, а также специфической ситуацией в России. Здесь сложившееся в дореформенный период, восходящее к Сеченову естественнонаучное направление переживало после победы революции великий триумф, выступил в виде наиболее адекватной материалистическому мировоззрению картины человека и его поведения (учения И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, А.А. Ухтомского и др.). Под именем рефлексологии оно приобрело огромную популярность.

В ее свете навсегда померкли искусственные, далекие от жизни, от удивительных успехов естествознания схемы аналитически интроспективной концепции сознания. Но именно эта концепция идентифицировалась с психологией, как особой областью изучения субъекта, его внутреннего мира и поведения. Возникла альтернатива: либо рефлексология, либо психология.

Что касается рефлексологии, то учеников Павлова и Бехтерева (но не самих лидеров школ) отличал воинствующий редукционизм. Они считали, что серьезной науке, работающей объективными методами, нечего делать с такими темными понятиями, как сознание, переживание, акт души и т.п. Их притязания, получившие широкую поддержку, отвергла небольшая (в несколько человек) группа начинающих психологов. Признавая достоинства рефлексологии, для которой эталоном служили объяснительные принципы естествознания, они надеялись придать столь же высокое достоинство своей науке. Вдохновляла их при этом версия диалектического материализма, которая рассматривала психику как особое (нередуцируемое к другим) свойство высокоорганизованной материи (принадлежащая, кстати, не марксизму, а французскому материализму XVIII в.). Она воспринималась в качестве обеспечивающей перед лицом рефлексологической агрессии право психологии на собственное "место под солнцем" среди позитивных наук, утверждающей собственный предмет (не отступая при этом от материализма).

В свое время автором этих строк было подчеркнuto, что в ситуации начала 20-х гг., которую определяла альтернатива — либо рефлексология, либо отжившая свой век субъективная эмпирическая психология (а другой в русском научном сообществе тогда не разрабатывалось), — именно обращением к марксизму психология обязана тем, что не была сметена движением, обрушившимся на признанное новой верой за древние фикции (среди них значилось также представление о душе).

Казалось, именно учение о рефлексах проливает свет на истинную природу человека, позволяя объяснять и предсказывать его поведение в реальном, земном мире, без обращения к смутным, не прошедшим экспериментального контроля воззрениям на бестелесную душу.

Еще раз подчеркну, что это была эпоха крутой ломки прежнего мировоззрения, стало быть — и прежней "картины человека". Рефлексологию повсеместно привечали как образец новой картины, и ее результаты вовсе не являлись в те времена предметом обсуждения в узком кругу специалистов по нейрофизиологии. Рефлексология переместилась в центр общественных интересов, преподавалась (на Украине) в школах, увлекала деятелей искусства и др. По поводу нее выступали и философы, и вожди партии (Бухарин, Троцкий).

Защищая отвергнутую рефлексологами категорию сознания, ее немногочисленные приверженцы надеялись наполнить ее новым содержанием. Но каким? К марксизму обращались с целью "примирить" три главных противопоставления, сотрясавших психологию и воспринимаемых как симптомы ее грозного кризиса. Споры вращались вокруг вопроса о том, как соотносятся телесное (работа организма) и внутриспихическое (акты сознания), объективное (внешне наблюдаемое) и субъективное (в образе данного в самонаблюдении), индивидуальное (поскольку сознание неотчуждаемо от индивида) и социальное (поскольку личное сознание зависит от общественного).

Эти антитезы витали перед взором каждого, кто отважился вступить на зыбкую почву психологии, в том числе и призвавшего внедрить в нее марксизм К.Н. Корнилова. Взятое им из арсенала экспериментальной психологии понятие о реакции родилось в попытках примирить указанные антитезы под эгидой диалектического материализма.

Реакция и объективна, и субъективна, и телесна, и нематериальна (хотя способность материи являть особые нематериальные свойства — это нечто рационально непостижимое). Она индивидуальна и в то же время представляет собой реакцию на социальную (точнее, классовую) среду.

В таком заходе усматривалось преимущество марксистской диалектики, одним из стержневых начал которой служит принцип диалектического единства. С тех пор ссылка на диалектическое единство стала "палочкой-выручалочкой" во всех случаях, когда мысль не могла справиться с реальными трудностями выяснения связей между различными порядками явлений. Термин "единство" в лучшем случае намекал на неразлучность этих связей. Но сам по себе он не мог обеспечить приращение знаний об их динамике и логике, об их детерминационных отношениях.

Смысл внедрения марксизма в психологию виделся Корнилову в том, чтобы объяснить ее явления так называемыми законами диалектики: переходом количества в качество (например, качественные изменения цвета зависят от увеличения или уменьшения электромагнитных колебаний), единства и борьбы противоположностей (скажем, в соотношении процессов возбуждения и торможения), отрицания отрицания (так, инстинктивные бессознательные реакции переходят в сознательные, которые, в свою очередь, автоматизируясь, совершаются без участия сознания).

Подобный квазиметодологический подход сводил объяснения к "сумме примеров", иллюстрирующих "вселенские" принципы сведения к психологическим феноменам. "Готовый" закон прилагался к "готовым" фактам.

Подобный способ объяснения, в котором усматривалась сила марксистского метода, ничем не обогащал ни знания о психологических закономерностях, ни об эмпирии, которая им подвластна. Его эвристическая ценность была ничтожна. Тем не менее, апелляция к марксистской диалектике (в описанном варианте) вошла в те времена в моду, соблазнив даже такого великого детерминиста, как И.П.Павлов.

Литературовед В.Днепров вспоминал о своих беседах в тюрьме на Лубянке с анархо-синдикалистом Андрейчиным, который был переводчиком в разговоре между Павловым и Уэллсом: "В разговоре коснулись и общих вопросов мировоззрения, заметив, как само собой разумеется, что Павлов отвергает всякий материализм и диалектику. На это Павлов ответил: "Материалистом быть не могу как человек верующий, но вот диалектика — это мое. Посмотрите: торможение, а торможение торможения — растормаживание. Как видите, противоположности переходят друг в друга." У меня сразу сердце задрожало, я подумал о многих разговорах и спорах Павлова с моим другом Каревым и почувствовал в словах Павлова нечто идущее от Карева"⁷.

В дальнейшем "игра в диалектические объяснения" утратила в советском научном обществе свою привлекательность. Перестали ею заниматься и психологи. Ее бесплодность разъяснил Выготский, слово которого, однако, не могло быть услышано. Его сохранила и донесла до потомков неопубликованная рукопись о кризисе психологии. Если попытки Корнилова обновить психологию за счет материалистической диалектики не имели для развития этой науки в нашей стране сколько-нибудь серьезного значения, то почерпнутые им в марксистской

философии представления, касающиеся онтологии сознания как качественно нового свойства высокоорганизованной материи, а психических явлений как субъективных отражений независимо от сознания существующего бытия, в сочетании с постулатом о том, что человек — продукт труда и социальных связей, возникающих в процессе труда, — все это вошло в кахетезис советской психологии, в свод ее ответов на главные вопросы о природе сознания. Поэтому справедлив вывод А.А.Смирнова (одного из тех, кто некогда в знак несогласия с тем, что Челпанов сменил на посту директора Института психологии Корнилов, ушел из этого Института): "Будучи первым из советских психологов, осознавшим, что основой научной психологии должна быть философия марксизма, он первым выявил те положения диалектического материализма, которые должны быть положены в основу решения центральных проблем психологической теории, прежде всего понимания предмета психологии, его природы, путей его изучения, и которые в дальнейшем стали прочным достоянием советской психологии, навсегда вошли в систему этой науки. В этом, конечно, огромная историческая заслуга Корнилова"⁸.

При всей ограниченности методологических ресурсов реактологии К.Н. Корнилова она открыла путь к новым контактам психологии с марксизмом. Интересна в этом плане позиция Л.С. Выготского. Говоря, сколь важно для психологии обрести новую методологию, он подчеркнул: "Работы Корнилова кладут начало этой методологии, и всякий, кто хочет развивать идеи психологии и марксизма, вынужден будет повторять его и продолжать его путь. Как путь эта идея не имеет себе равной по силе в европейской методологии"⁹. Это писалось не в 1924 г., когда Выготский был принят на работу в институт, где директорствовал Корнилов, а в 1927 г., когда он, Выготский, как свидетельствует процитированная рукопись, пришел к принципиально иному, решительно отличному от корниловского пониманию отношений между философией и конкретной наукой — с одной стороны, природы и структуры самой этой науки — с другой (см. ниже).

К середине 20-х годов корниловская реактология стала идентифицироваться с тем, на что претендовал ее автор, — марксистской психологией. Между тем, в эти годы в кругу молодого поколения российских психологов в условиях государственной монополии на философию шел поиск новых перспектив осмысления проблем своей науки.

Здесь выделялись три наиболее творческие фигуры: П.П.Блонский, М.Я.Басов и Л.С.Выготский. Блонский, будучи прежде сотрудником Челпанова, решительно порвал со своим идеалистическим прошлым. Впоследствии он специально подчеркивал, что взрывной крутой поворот в его мировоззрении произвела революционная ломка старого общества. "Меня увлекало революционное разрушение старого общества вообще и в частности разрушение старой педагогики"¹⁰.

Последняя часть суждения представляет особый интерес для понимания энергии движения российской психологической мысли в этот период. Острая, диктуемая всем ходом развития страны потребность в коренном преобразовании господствовавшей до революции системы образования, обучения и воспитания личности, побуждала под новым углом зрения трактовать и саму личность, ее поведение и сознание.

К.Н.Корнилов, будучи в молодости учителем на Алтае, пришел в психологию, чтобы добывать реальное научное знание, отличное от знания о человеческой душе, исповедуемого в университетах. Работая под руководством Челпанова, он, разочаровываясь в том, что делалось в челпановском институте под именем точного эксперимента, сосредоточился на проблеме реакций. Ее разработка имела прочную традицию в экспериментальной психологии, даже тогда, когда в последней никем не оспаривалась неизбежность субъективного (интроспективного) метода.

Корнилов же избрал термин "реакция" с целью отграничить новое, адекватное марксизму, понимание психического явления, от традиционного. Став директором института, он потребовал переименовывать все прежние названия лабораторий, чтобы избежать соблазна возврата к прежним понятиям. Началось время (правда, недолго длившееся) "терминологической революции". Научная работа бывшего алтайского учителя осталась ограниченной лабораторными исследованиями.

Совершенно другой оказалась "эмпирия", которой были поглощены Блонский, Басов и Выготский. Их творчество отличала самая непосредственная, повседневная, поглощавшая значительную часть их интеллектуальной энергии работа с детьми. Они по существу жили интересами и заботами преобразования школы. Их научные дела освещала высокая идея служения социальной практике во имя созидания основ воспитания человека новой России исходя из теоретического осмысления этой задачи они обращались к марксизму как философскому ориентиру в попытках выхода психологии из той кризисной ситуации, которая сотрясала ее в 20-х годах.

Блонский, непосредственно вовлеченный в реформаторскую работу в области народного образования, ставший лидером педологии, стремился, используя данные многих наук, реализовать свою ключевую формулу, согласно которой "научная психология есть сравнительно-генетическая психология"¹¹.

Другим лидером педологии, стержнем которой являлась психологическая проблематика, стал М.Я.Басов. Ученик А.Ф.Лазурского и, по существу, его душеприказчик, он в первые же послереволюционные годы создает свою школу, программную ориентацию которой определяло изучение методом объективного наблюдения целостной развивающейся личности. Исповедуя возможно более широкое внедрение исследовательского метода в повседневную практику педагога, он побудил целое поколение нового учительства руководствоваться на деле данными психологической науки.

Начав свой теоретический поиск новой психологии с представления о сознании как системе взаимосвязанных психических функций, М.Я.Басов (как и Блонский и первоначально Выготский) стал говорить о "психологии поведения", подчеркивая, однако, что с термином "поведение" он соединяет признаки, чуждые бихевиоризму, поскольку последний "не открывает предпосылок для выявления специфических собственно психологических закономерностей развития и потому обрекает на односторонний биологизм"¹².

Главный же новаторский шаг Басова определило введение в научный оборот психолога понятия о деятельности. Само слово "деятельность" давно уже было в обиходном языке исследователей различных форм жизни и отношений между ними (включая человека).

В психологии одним из первых применительно к решению ее научных задач заговорил Сеченов. Более того, саму психологию он определял как науку о "происхождении психических деятельностей". Следует, однако, оговориться о том, что с терминами этой формулы следует обращаться осторожно, ибо ее смысловая нагрузка у ее автора была совершенно иной, чем у ее современного читателя. Под "происхождением" в ней понималось совершение действия (т.е. как оно совершается, происходит).

Стало быть, чтобы оценить пионерский шаг Басова, следует воссоздать контекст, в котором появился его совершенно необычный для тогдашнего читателя (и им, тогдашним читателем, невосприимчивый в силу своей необычности) вывод, согласно которому "различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встает перед нами как предмет особого значения, как особая область исследования, которая имеет свои особые задачи, присущие только ей и нигде, ни в какой другой области исследования, кроме данной, не разрешаемые"¹³.

Трактуя человека как "деятеля в среде", Басов саму среду понимает не в виде совокупности раздражителей, воздействующих на поведение по типу биологической детерминации. Под ней имелся в виду продукт социокультурной деятельности людей. "Как существо социальное, поднявшееся на высоту социокультурного развития, человек надстроил над действительностью "искусственную среду", куда входят наука, техника, искусство, религия и вся общественная организация людей"¹⁴.

Именно в работах Басова зарождалась категория деятельности в качестве оснащенной теми признаками, благодаря которым она впоследствии утвердилась в советской психологии. Есть основания полагать, что два теоретика этой психологии, определившие ее марксистскую ориентацию в последующий период, —

А.Н.Леонтьев и С.Л.Рубинштейн, — соединив эту ориентацию с деятельностным подходом, следовали за Басовым. Рубинштейн был приглашен Басовым возглавить кафедру психологии на педологическом отделении (в Педагогическом институте им. Герцена), которым он руководил.

Возможно, совместно работая, они при обсуждении коренных теоретических проблем психологии касались намеченных Басовым перспектив перехода от понятия о поведении к понятию о деятельности.

Но если диалогов на эту тему между ними и не состоялось, С.Л.Рубинштейн наверняка был знаком с басовскими "Основами общей педологии" — единственной в те годы фундаментальной книгой по психологии, принадлежавшей русскому исследователю, к тому же ближайшему коллеге.

Эта книга сразу же вызвала резонанс в психологическом сообществе. Одним из ее рецензентов выступил ближайший сотрудник Выготского¹⁵ А.Н.Леонтьев. Он положительно оценил опыт реализации Басовым естественнонаучного подхода, а также приемы структурного анализа, которые позволили формализовать психологическое изучение поведения.

Рецензент подчеркнул оригинальность "специального отдела (книги Басова), излагающего проблему анализа структурных элементов, стимуляции и структурных форм поведения, который... образует первое звено всей этой части, построенной по схеме: структура поведения — внутренние механизмы поведения — формы деятельности — общий тип деятельности". Это дает основание предположить, что книга Басова сыграла роль в переходе Леонтьева от его приверженности линии Выготского (согласно которому "единицей" психологического анализа служит психический акт, опосредованный знаком культуры; см. ниже), к предствлению о структуре деятельности. Введение такого представления (в чем, еще раз подчеркну, пионерская роль принадлежит М.Я.Басову), стало новой вехой на пути марксистской переориентации психологии.

Как сказано, синонимом марксизма в психологии считалась до конца 20-х годов корниловская реактология. К Басову восходит новый вариант, прочно утвердивший в советской психологии на последующие десятилетия в качестве ее методологического кредо. Имелась в виду отличающая марксистский подход к психике от любого другого ориентация на понятие о деятельности, ставшее парафразом формулы Маркса о роли труда в становлении человека и его сознания. Статус, который Басов придал понятию о деятельности, определялся тем, что, широко применяясь в самых различных контекстах (биологических, — например, у И.П.Павлова: высшая нервная деятельность, — или социологических, где речь шла об общественной деятельности), оно у Басова оснащалось комплексом собственно психологических признаков. Это было связано со своеобразной "морфологической" схемой строения деятельности. В ее организации выделялись "общая установка личности", действие с предметом, благодаря которому "стимул в себе" становится стимулом для человека", цель (задача), придающая всему процессу "апперцептивно-детерминированное течение" и др.

Вместе с тем утверждалось, что поскольку деятельность совершается в социокультурной среде, факторы этой среды должны быть каким-то образом "встроенны" в структуру деятельности, в противном случае невозможно объяснить, каким образом они способны ее детерминировать и организовать. Чтобы справиться с этим вопросом, необходимо было выйти за пределы самой психологии и ее собственных понятий (мотив, установка, образ цели, операция и др.) и соединить с их составом признаки, имеющие своим источником "искусственную среду", которую создает человек как "существо социальное, поднявшееся на высоту культурно-исторического развития"¹⁶.

Творчество Басова, в динамике которого можно выделить три основных периода: от функциональной психологии к психологии поведения и от этого комплекса идей к трактовке деятельности как особого предмета, не изучаемого ни одной из других наук, в своем пионерском подходе, отличающем последний

период, привлекло в российском научном сообществе внимание лишь немногих, не говоря уже о том, какой виделась ситуация в этом сообществе западным психологам.

В известной книге под редакцией Карла Марчесона "Психология 1930 года" составитель предоставил слово "трем русским психологическим школам". Под этим грифом значились: реактология Корнилова как психология в свете диалектического материализма¹⁷, учение Павлова о высшей нервной деятельности и рефлексология Бехтерева, очерк которой был написан Александром Шнирманом¹⁷.

"Диалектический материализм в психологии (школа Корнилова), — писал Бехтеревец Шнирман в указанной книге, — близок рефлексологии, поскольку он стремится базировать свое учение на принципах диалектического материализма. Однако вопреки большой эволюции, которую эта школа проделала на пути к объективизму, она не смогла полностью порвать со старым психологическим аутизмом, так как она оказалась неспособной отвергнуть само имя "психологии". Следы методологического аутизма, а потому и идеализма, до сих пор можно найти в этой школе"¹⁸.

Что касается Корнилова, то его отчет о реактологии в этой книге содержал пространное изложение взглядов Маркса и Энгельса на психику со ссылкой на законы диалектики и на важность изучения реакции отдельного человека с социально-классовой точки зрения (это подкреплялось авторитетом Бухарина и Плеханова)¹⁹. Говоря о конкретно-научных достижениях реактологии, Корнилов прежде всего упоминал изучение А.Р.Лурия аффективных реакций у преступников²⁰.

Упоминания о бывшем сотруднике корниловского института Выготском в этом тексте нет, хотя именно Корнилов был оппонентом по его диссертации "Психология искусства", где употреблялся главный корниловский термин "реакция" применительно к восприятию творений искусства (речь шла об особой реакции — эстетической). Очевидно, что Корнилову стало ясно, сколь далеко разошлись его представления о марксизме в психологии со взглядами Выготского. (Кстати, последний принимал участие в упоминаемых Корниловым опытах Лурия.)

Хотя три представленные в американской антологии школы в 20-х годах действительно являлись на российской психологической сцене наиболее влиятельными, за ее "кулисами" шли напряженные поиски новых путей выхода психологии из кризиса и "сценариев" разработки проблем этой науки с позиций, созвучных повсеместно исповедуемому диалектическому материализму, но отличных от притязаний реактологии на монопольное право считаться марксистской психологией. Одно из ответвлений этих поисков, как мы видели, было намечено Басовым. Другое — Л.С.Выготским, на творчестве которого следует остановиться подробнее, ибо именно оно получило наибольший резонанс как в нашей стране, так и за рубежом, поныне служа источником продуктивных идей в различных областях знаний.

В судьбе Выготского — самого могучего таланта в российской психологии нынешнего столетия — прочерчена извилистая линия социальной истории этой науки. Он пришел в психологию в 1917 г. Дитя "серебряного века" русской культуры, он выражал в своих первых опытах литературной критики и трактате о шекспировском "Гамлете" умонастроения тех молодых интеллектуалов, кто в предчувствии "неслыханных перемен, невиданных мятежей" (Блок) размышлял об "изначальной скорби бытия"²¹ и "вечной объединенности личности".

Между этими эссе и первым эскизом собственной психологической концепции Выготского огненной полосой пролегли "вздыбившие" Россию годы революции и гражданской войны, ставшие переломными и для той части русской интеллигенции, которая приняла на себя как историческое задание воспитание нового гражданина. Будучи юристом по образованию, литературным критиком по первым профессиональным интересам, Выготский работает школьным учителем и психологом в родном Гомеле. За эти несколько лет он, став зрелым исследователем, изложил впервые свои новые представления в 1924 г. на Петроградском съезде исследователей поведения. Кругом шли разговоры о марксизме. Уже была опубликована программная статья К.Н.Корнилова "Современная психология и марксизм" и вышло сочинение В.Струминского на эту же тему. Обе работы

Выготский знал. Но о марксизме в своем докладе не обмолвился ни словом. Его центральная идея сводилась к объединению владевшей тогда умами рефлексологии с психологией. Первая была подвергнута критике за отрицание того, что сознание может стать предметом столь же объективного и строго каузального изучения, как условный рефлекс. Это дало повод безвестному "просвещенцу" из Гомеля обвинить великого старца И.П.Павлова в дуализме²² — грехе, который сам Павлов числил за прежней наукой о высших жизненных функциях. Считая, что сознание следует понимать как "рефлекс рефлексов", "приходится быть большим рефлексологом, чем Павлов"²³. Имелся в виду "речевой рефлекс" как реакция на другие действия организма. Это было некое преддверие будущей павловской второй сигнальной системы²⁴.

На этой формуле завершился, условно говоря, "рефлексологический" период поисков Выготским новой психологии. Обращение к марксизму ознаменовало следующий период его творчества. В самом этом периоде различается несколько этапов, каждый из которых запечатлел не только стремительный динамизм творческой личности Выготского, но и быстрые изменения социо-культурной ситуации, влиявшие на осмысление им значимости марксизма для построения новой психологии, адекватной собственной внутринаучной логике ее развития.

Печать трагизма лежит на личности и творчестве Л.С.Выготского. Это сказывается, в частности, и в том, что он не увидел опубликованными свои главнейшие труды, в том числе такие, как "Психология искусства", "Исторический смысл психологического кризиса", "История развития высших психических функций", "Орудие и знак", "Учение об эмоциях", "Мышление и речь". При его жизни вышли из печати только "Педагогическая психология" и несколько пособий по педологии для заочного обучения. Подавляющая часть рукописей увидела свет через несколько десятилетий. И хотя "рукописи не горят", Выготский не мог не ощущать глубокий личностный дискомфорт от того, что самое для него сокровенное не стало достоянием научного сообщества.

Выготский прочел Маркса другими глазами, чем современники. Он не искал в нем готовых формул, а вел диалог, вслушиваясь при этом во множество голосов в сообществе его эпохи. Напряженный диалогизм — решающее свойство стиля его мышления. Он не принимал ни одного суждения в качестве неколебимого, но оппонировал всем. Оппонентный круг, в котором рождалась и продвигалась к новым рубежам его мысль, был чрезвычайно широк и многообразен²⁵.

Весь путь Выготского — это непрерывная полемика со множеством школ, из конфликтов которых складывалась картина кризиса. Но полемика носила продуктивный характер, поскольку ее эффектом являлось не ниспровержение оппонента, а извлечение в споре с ним нового знания, что было бы невозможно, если бы в "чужом слове" не содержались проблемы и мысль, указывающие на дотоле неведомую Выготскому психическую реальность, будь то "слово" Павлова или Левина, Фрейда или Пиаже. К этому следует присоединить неслыханный (тем более для его возраста) энциклопедизм познаний и интересов Выготского. С ним можно сопоставить в психологии XX в. разве что Пиаже. Но последний не занимался (подобно Выготскому) проблемами искусства и литературы и, хотя был по образованию биологом, не работал в области неврологии, дефектологии, психиатрии. Споры о том, что совершалось в этих областях, также формировали оппонентный "междисциплинарный" круг Выготского.

Только удерживая его в зоне "слышания", смог Выготский дать свой ответ на вопрос о смысле кризиса и перспективе марксизма в психологии. Смысл, если кратко определить, он видел в незримой за борьбой школ исторически созревшей и диктуемой социальной практикой потребности в "общей психологии".

Термин "общая психология" следует разъяснить. Содержание, в него вложенное, существенно отличалось от привычного. Оно означало не изложение общих проблем психологии, ее основных учений и т.п., а систему категорий и принципов, организующих производство знаний в данной области, строящих именно эту предметную область в отличие от других.

Тем самым в "теле" психологии различались ее теоретико-эмпирический состав, т.е. материал концепций и фактов, из которых она строится, и способ его организации и разработки. Этот способ и есть не что иное, как методология научного познания. В дискуссиях той поры ею повсеместно считался диалектический метод в его перевернутом Марксом "с головы на ноги" гегелевском варианте.

Важный шаг Выготского состоял в разделении двух уровней методологического анализа: глобально-философского и конкретно-научного. Это позволило сразу же на новый лад решать вопрос о марксизме в психологии. Корнилов и те, кто следовал за ним, не проводили различий между двумя уровнями и сразу же "сталкивали лбами" пресловутые законы диалектики с частными психологическими истинами. Согласно же Выготскому, "общая психология" (или, как он ее еще называл, "диалектика психологии") имеет свои законы, формы и структуры. В доказательство этого тезиса он апеллировал к политэкономии Маркса, которая оперирует не гегелевской триадой и ей подобными "алгоритмами", а категориями "товара", "прибавочной стоимости", "ренды" и др. Метод же, который в этом случае применяется, Выготский назвал аналитическим. Термин "аналитический метод" до Выготского применялся в зарубежной, а затем и в русской психологической литературе. В 1917 г. Московский психологический институт начал издавать "Психологическое обозрение". Журнал (выходивший под редакцией Г.И.Челпанова и Г.Г.Шпегга) открывался статьей Челпанова "Об аналитическом методе в психологии". В ней утверждалось, что именно этот метод (а не прежний, интроспективный) должен лечь в основу всех видов конкретного психологического исследования — экспериментального, генетического и т.д.²⁶ В данном контексте это означало уяснение априорных условий мыслимости предмета, предвещающих все, что дано опытом и реальной историей.

Л.С.Выготский соединил с представлением об аналитическом методе радикально иное значение. Если в феноменологии Гуссерля предметом анализа служило "очищенное" сознание субъекта, то Выготский, излагая свои соображения об аналитическом методе, трактует его как строго объективный. Путем мысленной абстракции создается такая комбинация объективно наблюдаемых явлений, которая позволяет проследить сущность скрытого за ними процесса.

В качестве образцов применения аналитического метода в естественных науках Выготский ссылался на открытия Павлова, Ухтомского и Шерингтона. Ставя опыты на животных, они ничего не прибавили к изучению собак, кошек и лягушек как таковых, но они открыли посредством указанного метода общие законы нервной деятельности. Весь "Капитал", по Выготскому, написан этим методом²⁷. В "клеточке" буржуазного общества (форме товарной стоимости) Маркс "прочитывает структуры всего строя и всех экономических формаций"²⁸.

Такой же метод нужен психологии. "Кто разгадал бы клеточку психологии — механизм одной реакции, — нашел бы ключ ко всей психологии"²⁹. Итак, адекватная марксистской методологии стратегия изучения сознания выдвинулась в открытии его "клеточки", причем в качестве таковой был назван "механизм одной реакции"³⁰.

Вскоре Выготский стал принимать за "клеточку" другие психические формы. Выстраивая их в восходящий ряд, можно проследить "генеалогию" и основные периоды его творчества: сперва "инструментальный акт", затем "высшая психическая функция", "значение", "смысл", "переживание"³¹. Поисками пресловутой "клеточки" занимались после Выготского многие психологи. И неудивительно, что безуспешным, ибо структура и динамика психической организации по самой своей сути "многоклеточны" и потому из одной "единицы" или "молекулы" невыводимы.

Вслед за выводом, согласно которому исторический смысл кризиса скрыт в потребности создать "общую психологию" как методологию этой науки, Выготский занялся поисками ключа к ней. В рукописи, о которой идет речь, содержится намек на то, что автор намеревался систематически изложить основные категории психологии. "Мы ... чтобы оправдать свои рассуждения, должны испытать наши выводы на деле, построить схему общей психологии"³².

Эта деловая задача осталась нерешенной, схема общей психологии (в функции конкретно-научной методологии) не была построена³³. Рукопись, лежавшая незавершенной в письменном столе автора, отразила его особое, существенно отличное от принятого в дискуссиях тех лет понимание значимости для психологии марксизма, уже приобретшего силу и влияние официальной государственной идеологии.

Л.С.Выготский не только отверг "марксоидную" версию разработки психологии по канонам гегелевской диалектики. Для него был неприемлем сам стиль мышления, зародившийся в начале 20-х гг., а затем на десятилетия определивший характер философской и методологической работы в советской науке, в том числе психологической. Вопреки догмату, согласно которому в трудах классиков заложены основополагающие идеи о психике и сознании, которые остается лишь приложить к конкретной дисциплине, он подчеркивал, что научной истиной о психике не обладали "ни Маркс, ни Энгельс, ни Плеханов... Отсюда фрагментарность, краткость многих формулировок, их черновой характер, их строго ограниченное контекстом значение"³⁴.

Официальная идеология ставила на каждой букве в текстах классиков знак непогрешимости. Поэтому столь вольное с ее позиций обращение с этими каноническими текстами не могло быть воспринято иначе, как "еретическое"³⁵. Да и в предперестроечные времена, когда "Кризис" наконец-то удалось опубликовать, оно воспринималось как недооценка вклада классиков³⁰. Выготский же считал, что по "Капиталу" Маркса следует учиться не объяснению природы психики, а методологии ее исследования.

Вместе с тем, вчитываясь в Маркса, он почерпнул у него несколько идей, осмыслив их соответственно логике собственного поиска. Идея Маркса об орудиях труда как средствах изменения людьми внешнего мира и в силу этого своей собственной организации (стало быть, и психической) преломилась в гипотезе об особых орудиях — знаках, посредством которых природные психические функции преобразуются в культурные, присущие человеческому миру в отличие от животного. Гипотеза дала жизнь исследовательской программе по инструментальной психологии, которая стала разрабатываться сразу же после трактата о "Кризисе". Если эта программа составила эпоху в деятельности школы Выготского, то вторая программа сохранилась в виде некой "завязи", не получившей дальнейшего развития. К ней Выготский обратился, когда в его руки попала книга французского психолога-марксиста Ж. Полицера, где был набросан проект построения психологии не в терминах явлений сознания или телесных реакций, а в терминах драмы. За единицу анализа принималось целостное событие жизни личности, ее поступок, имеющий смысл в системе ролевых отношений. Выготский, обдумывая этот проект, записал: "Динамика личности — драма, психология гуманизируется"³⁶. Здесь же он конкретизирует известное суждение Маркса: "Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как человеку". Выготский не ограничивается предположением о том, что социальная взаимоориентация очеловечивает индивидов. Он переводит его в генетический план. Развитие личности усматривается "в истории Петра и Павла... в перенесении социального отношения (между людьми) в психологическое (внутри человека)"³⁷. За исходный объект психологии следует принимать не функцию (или процесс), но целостную личность. Причем недостаточно сказать, что "мыслит не мышление, мыслит человек"³⁸. Этот общий ориентир следует рассматривать в исторической перспективе: "Раз человек мыслит, спросим: какой человек (кафр, римлянин...рационалист Базаров, невротик Фрейда, художник etc.)". Обращение к драме побудило ввести представление о социальной роли. "Социальная роль (судья, врач), — отмечает Выготский, — определяет иерархию функций, т.е. функции изменяют иерархию в различных сферах социальной жизни. Их столкновение — драма"³⁹.

Все эти реминисценции, уводящие в область исторической и социальной психологии, таили ростки зародившихся под влиянием марксизма идей, не получивших, однако, исследовательского импульса.

Беря уроки у Маркса, он стремился усвоить пригодное для решения психологических задач, и прежде всего принцип социодетерминизма. Напомним его знаменитую полемику с Пиаже об эгоцентрической речи. За расхождениями между ними по поводу этого малого феномена в работе детской мысли крылись принципиальные различия в объяснении природы человеческой психики, детерминант ее развития. Выготский, отправляясь от Маркса, доказывал, что развитие идет не от аутизма к социализации, как считал Пиаже, и к превращению изначально социальных отношений во внутриспсихические функции. Оба говорили об интериоризации. Но ее вектор Выготский объяснил по Марксу. "Изменяя известное положение Маркса, — писал он, — мы могли бы сказать, что психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры"⁴⁰. У Маркса не было понятий об интериоризации. Но это частнопсихологическое понятие, как думал Выготский, может быть выведено из общей формулы марксизма. "Мы не хотим сказать, что именно таково значение положения Маркса, но мы видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития"⁴¹. Он критиковал входившую в моду "методу" определения, "словно в пробирной палате, согласуется ли данное учение с марксизмом"⁴². Ведь "не человек для субботы, а суббота для человека"⁴³. Развивая внешние и внутренние факторы развития науки, он относил материалистические или идеалистические влияния к разряду первых. "Внешние факторы толкают психологию по пути ее развития... могут ускорить или замедлить этот ход... но не могут не отменить вековую работу, перескочить на век вперед. Есть известный органический рост логической структуры знания"⁴⁴.

Тема "Мышление и эффект" занимает Выготского в последний период творчества не меньше, чем "мышление и речь"⁴⁵. Термин "аффект" имел в данном случае особый смысл. Он указывал на всю область эмоций с учетом их мотивационного "измерения".

Мысль о том, что в центр психологии должна переместиться (взамен отдельных процессов) целостная личность, развитие которой исполнено драматизма, стало доминантой последнего периода его творчества. От нее радиусами расходятся различные направления его работы в области детской психологии, которые, согласно традиции того времени, относятся к разряду педологических. Обращение к категории личности отнюдь не означало забвения проблемы сознания.

Отныне предполагается, что "ткань" сознания образуют две его "клеточки": значение и смысл. Понятие о значении (умственном образе) слова было изучено в школе Выготского под углом зрения его эволюции в индивидуальном сознании, подчиненной собственным психологическим (а не историко-лексическим) факторам. И здесь его главные открытия. Понятие о смысле слова указывало не на его контекст (как обычно предполагается), в котором оно обретает различные оттенки, а на его подтекст, таящий эффективно-волевую задачу говорящего. К представлению о подтексте Выготский пришел под влиянием К.С.Станиславского. Вновь (как и в проекте психологии в терминах драмы) опыт искусства театра обогатил научную психологию. Но этим Выготский не ограничился.

Наряду с этой линией мысли он во внутреннем строе личности выделяет еще одну "клеточку" — переживание. Древний термин приобретал в различных системах различные обличья, в том числе неизменно вызывавшие резкую критику Выготского⁴⁶. "Действительной, динамической единицей сознания, т.е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание"⁴⁷, — заключает он.

Научная проблема личности виделась Выготскому в большом историческом времени. "Овладеть правдой о личности и самой личностью, — писал он, — нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом. Напротив, в новом обществе наша наука станет в центре жизни". "Прыжок из царства необходимости в царство свободы" неизбежно поставит на очередь вопрос об овладении нашим собственным существом, о подчинении его себе. В будущем

обществе психология действительно будет наукой о новом человеке⁴⁸. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы неполна⁴⁹.

Эти мысли позволяют понять высшие, последние мотивы обращения Выготского к марксизму. Их не следует ограничивать его приверженностью идее социальной обусловленности сознания или привлекательностью модели трудового процесса для разработки знаково-орудийной концепции поведения.

Между тем, вдохновлявшая Выготского вера в марксистский прогноз о новом грядущем обществе, где появится некий "сверхчеловек" с высшим сознанием, а психология из "надежды на науку" превратится в науку о нем ("это, — писал он, — будет единственный и первый вид в биологии, который создаст себя сам"⁵⁰) стремительно падала.

На социальной арене воцарилась сталинская инквизиция. Наступила эпоха тотального — экономического и духовного порабощения личности. На службу репрессивной научной политике была поставлена философия, представленная отныне "попами марксистского прихода". Перепалка между сторонниками рефлексологии и реактологии утратила значение. Корнилов, заслуживший репутацию научного лидера благодаря защите психологии от рефлексологической агрессии стал взывать к единству. Он писал: "Не вести же борьбу из-за одних лишь наименований. Тем более, что это наименование и предрешено, ибо и здесь, как и во всех других сферах жизни, марксизму и только марксизму принадлежит ближайшее будущее"⁵¹.

В то же время среди рефлексологов появилась энергичная молодежь, также считавшая, что пора положить конец распрям между ними и адептами реактологии. Оба направления клялись в своей верности марксизму и диалектическому методу. Но это их не спасло от обвинений в различных идеологических грехах, когда наступила полоса так называемых дискуссий, смысл которых сводился к поиску этих "грехов", изобличению в механицизме, биологизаторстве и т.п.

Как известно, дискуссии в науке служат важнейшим катализатором ее прогресса. Но это в нормальной, а не репрессированной (идеологизированной и политизированной) науке. В ней феномен дискуссии приобретает особую функцию, служа расправе с инакомыслящими, культивированию контроля за умами, мифологизации научного сознания. При этом извращенность в условиях тоталитаризма этой важнейшей формы общения ученых выражена в том, что иллюзия дискуссии создается благодаря ее инициированию ими самими якобы под влиянием стремления справиться со своими нерешенными проблемами, тогда как за этим "поверхностным" мотивом стояло идеологическое задание расправы с "неверными". Конечно, ставшие объектом публичной "проработки" психологические концепции имели множество уязвимых пунктов. Но их продуктивная критика, стимулирующая рост творческого потенциала коллективного научного разума, подменялась различными псевдометодологическими инвективами, которые в любом случае истолковывались как симптом сообразности какой-либо немарксистской концепцией.

Эти дискуссии-судилища, которые сотрясали сообщество советских психологов на рубеже 30-х годов, стали предвестником "технологии" обработки ученых партийным идеологическим аппаратом в последующие годы.

Поскольку основные просчеты советских психологов усматривались в приверженности идеям западных, стало быть представляющих классово-антагонистическую общественную систему ученых (фрейдизм, гештальтизм, бихевиоризм, персонализм), то главное достоинство "наших" теорий усматривалось в противостоянии зарубежным. В крайнем случае допускалось использование установленных в западной психологии "фактов", хотя, как известно, нет такой научной эмпирии, которая не была бы теоретически "нагружена".

Под влиянием указанной установки складывался миф об особой, превосходящей благодаря своей укорененности в марксизме, все остальные течения мировой науки советской психологии. Это коррелировало с мнением о том, что ее предметом надлежит быть советскому человеку как представителю высшей по отноше-

нию к буржуазному обществу формации. Все, что не соответствовало этой мифологеме, становилось объектом идеологических репрессий, одной из форм которых являлись пресловутые дискуссии, первая волна которых захватила психологию после "великого перелома" (1929 год), когда сталинский режим инспирировал кампанию "чисток" и политических процессов против "буржуазной" научной интеллигенции, кампанию, создавшую атмосферу идеологического террора.

Первыми жертвами разоблачительной критики стали два главные направления 20-х годов, некогда утвердившиеся в противовес субъективной эмпирической психологии (наследия "старого мира"), а именно реактологическое и рефлексологическое. Уже отмечался процесс их сближения на основе заверений в своей верности марксизму. Тем не менее, используя их слабые пункты и внемля "зову партийной совести" (присущей и делающим карьеру беспартийным) их вчерашние сторонники стали их противниками.

Полемика в психологии ориентировалась на опубликованное от имени ЦК ВКП (б) (и продиктованное как обычно Сталиным) постановление о журнале "Под знаменем марксизма". Пресловутый принцип "генеральной линии" и "борьбы на два фронта" стал главной идеологемой в духовной жизни общества, стало быть и в мире науки. "Фронтами", против которых требовалось направить огонь большевистской критики, были объявлены идеализм (в философии так называемый "меньшевиствующий идеализм") и механицизм.

Двойников этих философских школ стали разыскивать в психологических концепциях. Поскольку в реактологии ее ключевое понятие — реакция — возникло у Корнилова в поисках "диалектического синтеза" старой концепции сознания с новой концепцией поведения, его осудили как эклектика, к тому же плененного в своих попытках внедрить объективный подход к поведению американским бихевиоризмом. Еще проще было приписать механицизм рефлексологической схеме, притом не только в ее трактовке Бехтеревым, но и Сеченовым и Павловым. Идеализм был найден у тех, кто обращаясь к Фрейдю или Штерну не избличал их взгляды в несовместимости с психологией, опирающейся на диалектический материализм.

Многие из критикуемых теорий действительно исчерпали свой эвристический потенциал. Логика развития психологии требовала новых решений. Но дискуссии, о которых здесь идет речь, не стали тиглем, где новаторские идеи могли бы быть добыты. Обвальная критика, заданная внешним философским шаблоном, не могла стимулировать продвижение психологической мысли в собственной проблемной области. Под шквал критических выступлений, направленных (как и в общественной жизни) на поиск "сомнительных элементов" или даже "врагов", отвергались не только сыгравшие в свое время позитивную роль, но утратившие ее, реактологическое и рефлексологическое направления. Были опорочены перспективные попытки почерпнуть в марксизме идеи, способные эффективно работать в конкретной науке.

Под огнем критики оказались Басов и Выготский, искренне убежденные в высокой креативности марксистской методологии и искавшие, опираясь на нее, новую стратегию психологических исследований. Свою книгу "Общие основы педологии" Басов посвятил "дорогим сотрудникам... в знак признательности за совместно пройденный путь"⁵². Однако весной 1931 года многие из них выступили с идеологическими против него обвинениями. В характеристике, выданной секретарем партийного комитета Герценевского пединститута в начале марта 1931 года, о Басове сказано, что он "в методологической установке не свободен от эклектизма"⁵³. Но это была еще весьма мягкая оценка по сравнению с тем, что стали говорить об ученом через пару недель. 25-29 марта, по образцу недавно прошедшей реактологической дискуссии, в институте было проведено "местное мероприятие", поводом которому послужил выход второго издания басовских "Общих основ педологии".

В предисловии к сборнику материалов этой "дискуссии" Басову инкриминировались: "абстрактно-формальный подход к изучению развития человеческой личности, скатывание к биологизму, механицизм в понимании основных вопросов

взаимоотношений человека со средой, идеализм в понимании самой среды и ряд других ошибок, определяющих всю излагаемую им педологическую систему как эклектическую и тем самым заслуживающую жестокой критики”⁵⁴. Басов отвечал на ”критику” содержательно и в мягкой манере — ведь его критиковали ученики, которые могли что-то недопонимать, им, как всегда, нужно было объяснить, помочь...

Идеологическое бичевание было поддержано прессой. М.П.Феофанов в статье ”Методологические основы школы Басова” представил эти основы как ”Эклектическую путаницу: биологизма, механистических элементов и марксистской фразеологии”, заявив под конец, что ”работы Басова ни в коей степени нельзя признать отвечающими требованиям марксистской методологии”⁵⁵. Редакция журнала настойчиво приглашала Басова ответить. Его ответ ”О некоторых задачах предстоящей перестройки педологии” был опубликован уже после смерти автора⁵⁶. Но редакция выразила по поводу статьи Басова неудовольствие, считая, что он ушел из жизни ”нераскаившимся”. Камнем, брошенным в Басова уже после его смерти, была публикация журналом ”Педология” критической статьи его бывших учеников (Левина, Эльконин).

Тогда же бывший рефлексолог Б.Ананьев заклеил группу Выготского как ведущую к ”идеалистической ревизии исторического материализма и его конкретизации в психологии”⁵⁷. Еще до этого за Выготским и Лурия числился идеологический ”грех”. Стремясь понять развитие сознания в широкой исторической перспективе, они обращались и к его филогенезу (а не только онтогенезу), используя различные литературные данные, собранные этнографами, миссионерами, путешественниками. В то время в стране шли преобразования в сфере культуры, плоды которых нигде так не ощущались, как в бывших окраинах Российской империи. В 1929 г. Выготский выезжал с лекциями в Ташкент, став свидетелем тамошних преобразований. Его уверенность в обусловленности психических процессов условиями социальной жизни заронила идею изучения сдвигов в чувственном восприятии и мышлении, вызываемых овладением грамотой, включением в высокоразвитую культуру. В 1929 г. появилась его заметка о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств⁵⁸. Вскоре была отправлена экспедиция в Узбекистан, которую возглавил Лурия. Участники экспедиции надеялись, используя тесты, интервью и т.п. провести сравнительный анализ уровней развития сознания у различных категорий аборигенов исходя из гипотезы о том, что у того, кто включился в колхозное строительство и обучение в различного типа школах, изменяется строй восприятия и мышления. Работу экспедиции стали ассоциировать со стремлением затеявших ее психологов поставить мышление неграмотных людей (в данном случае в среднеазиатском регионе) в один ряд с первобытным, качественно отличным от современного. Это дало повод приписать этим психологам приверженность расистской идеологии⁵⁹.

Были признаны ”порочными” и другие положения, развитые Выготским, в частности, о роли знаковых систем в регуляции поведения. Ее посчитали заимствованной у буржуазного философа Кассирера.

Выготский, как пишет американский философ С.Тулмин, ”был счастлив называть себя марксистом”⁶⁰. Это было горькое счастье. В условиях нараставшего идеологического гнета свободные диалоги с Марксом (подобные тем, что отразила рукопись ”О кризисе”) стали невыносимы. Он не мог публиковать свои ключевые работы, содержание которых связывалось с культурно-историческим подходом, попавшим под огонь критики как немарксистская теория. В беседах со мной работавшая под руководством Выготского в психиатрической клинике Б.В.Зайгарник вспоминала, как метавшийся по клинике Выготский говорил: ”Я не хочу жить, они не считают меня марксистом”⁶¹. ”Красные” профессора, компенсируя свою немощь ”склеиванием цитат” и получив от главного партийного инквизитора право на суд и расправу, диктовали, как читать Маркса. В этом вакууме он жить не мог. О Выготском можно сказать так, как сказано о гениальном русском поэте, погибшем в возрасте Выготского: его убило отсутствие воздуха⁶².

Тот "обвинительный уклон", который отличал выступления собравшихся "под знаменем марксизма", распространился на психологию. Наиболее типичным было уже упомянутое выступление в 1931 году изменившего рефлексологии Б.Г.Ананьева. "В психологии, — заявил он, — не должно быть никаких школ, кроме единственной, основанной на трудах классиков марксизма", к лику которых, он, уловив новые веяния, причислил Сталина. Наряду с беспартийным Ананьевым агрессивную активность развили молодые коммунисты из Московского института психологии. На все многоцветье идей и направлений, определивших картину исканий прежних лет, была нанесена черная краска. На смену диалогу с марксизмом пришла операция "склеивание цитат".

Хотя это делалось руками самих психологов, а не партаппаратчиков, ментальность последних на многие годы пропитала теоретическую работу в науке. Новая волна разоблачений и "саморазоблачений" прокатилась после очередного партийного постановления, на сей раз запретившего педологию как лженауку. Работы таких выдающихся психологов как Блонский, Басов, Выготский относились к разряду педологических. Все, на чем стоял гриф педологии, оказалось в закрытых фондах и, стало быть, изъятым из научного оборота.

Наряду с идеализмом, раболепием перед западной психологией (в том числе фашистской и др.) ему инкриминировалось "издевательство над нашей советской детворой". В условиях репрессированной науки его ученики и последователи молчали. На само имя Выготского на десятилетия было наложено табу. Никто не отважился сказать правду об учителе, который верил в другую концепцию марксизма, чем его критики. Никто не мог сказать главное: его высокогуманистический образ человека как личности, движимой во взаимодействии с себе подобными энергией свободного саморазвития, был полярен по отношению к тому, во что превратила человека социальная реальность.

В постановлении о педологии декларировалось, что ее объяснительные принципы и методы опровергаются всей практикой социалистического строительства, "ликвидирующего пережитки капитализма в экономике и сознании людей". Сейчас хорошо известно, что вместе с ликвидацией "пережитков" шла ликвидация личностного начала в поведении и сознании тех, кому предназначалось служить "винтиками" всепоглощающей машины для рытья "котлованов" и попасть в многомиллионную армию рабов ГУЛАГа. Уничтожение целой научной области неверно объяснять прихотью Сталина, либо случайными обстоятельствами, лично его коснувшимися. (Его сын якобы получил по педологическим тестам низкую оценку). В его злодеяниях всегда была определенная социально-политическая логика, и свои решения он "рационализировал" псевдотеоретическими соображениями, призванными убедить, что они приняты только во имя блага трудящихся, социализма.

С разгромом педологии, с ликвидацией в одночасье многотысячного сообщества, получившего психологическую подготовку для повседневной работы в школах с целью изучения детей, были подорваны связи психологических исследований с практикой. Но теоретические поиски в оскудевшей (из-за ликвидации многообразия научных школ и разрыва с практикой) психологии, тем не менее продолжались. Предпринимаются поиски новых перспектив разработки психологической теории на началах марксизма.

Поворотной стала статья С.Л.Рубинштейна "Проблемы психологии в трудах Карла Маркса", где утверждался ставший для последующего периода развития советской психологии ведущим принцип единства сознания и деятельности. Опираясь на него, предпринимаются попытки переосмыслить проблемы развития и детерминации сознания, соотношения в жизнедеятельности человека социальных и природных факторов, построения психического образа предметного мира, активности личности и др. К категории деятельности (ростки которой, как отмечалось, пробивались у М.Я.Басова) обращается, наряду с С.Л.Рубинштейном, бывший сотрудник Выготского А.Н.Леонтьев.

А.Н.Леонтьев работал с Выготским, когда последний обратился к марксизму в надежде построить новую психологическую модель поведения. Во всех прежних моделях (в том числе рефлексологической, реактологической, бихевиористской, а также классической экспериментальной психологии) основанием служит отношение "стимул-реакция" (будь то телесная или душевная). У Маркса же Выготский почерпнул идею об орудиях труда как посредниках между человеком и веществом природы⁶³. Опора на принцип опосредования позволила заменить прежнюю "двухчленку" "трехчленкой" (стимул — орудие — реакция). Это вело к радикальным преобразованиям всего строя психологического мышления.

Орудие как объективное внепсихологическое творение культуры, в котором "записана" исторически заданная программа поведения, выступало в функции детерминанты этого поведения. Однако реальное орудие обернулось у Выготского психологическим орудием (знаком), а трудовая деятельность — оперированием им в процессе психического развития.

"История промышленности", в которой Маркс усматривал "раскрытую книгу человеческих сущностных сил", заменялась историей семиотического опосредования высших психических функций, а их история исчерпывалась онтогенезом. Здесь наметилось расхождение между Выготским и Леонтьевым. Последний перешел к изучению функции практического действия в формировании психических процессов, а затем — своей концепции о соотношении сознания и деятельности. В дальнейшем Леонтьев писал, в частности, в процитированной книге, что истоки этой концепции следует искать у Выготского.

Между тем, вопреки представлениям некоторых сторонников "деятельностного подхода" о единой школе Выготского-Леонтьева следует подчеркнуть, что обращение к Марксу стимулировало движение мысли двух выдающихся психологов в различных направлениях.

Как и Выготский, Леонтьев, работавший с ним в первый период своего творчества, говорил о поведении, а не о деятельности⁶⁴. (Именно последний термин позволил отграничить поведение человека как "активного деятеля в среде" от форм приспособления, свойственных животным). Однако он вскоре после публикации упомянутой статьи С.Л.Рубинштейна формулирует в качестве принципиальной задачи "преодоление разрыва между сознанием и деятельностью"⁶⁵.

Дальнейшая разработка этой проблематики привела к теоретическим расхождениям между Леонтьевым и Рубинштейном в интерпретации отношений между сознанием и деятельностью. Но это не затрагивало общей для обоих установки на реализацию принципов марксизма в психологии.

Ситуация в этой науке, как и в других, стала меняться в послевоенный период, когда накатила новая волна инспирированных Сталиным "дискуссий". В дела самой психологии он непосредственно не вмешивался (подобно тому, как это было в философии, биологии, языкознании)⁶⁶. Однако, как и в начале 30-х годов, общая идеологическая атмосфера, охватившая все сферы духовной жизни общества (и имевшие теперь социально-политической подоплекой начавшуюся "холодную войну"), отравляла также и психологическое сообщество.

В контексте псевдодискуссий в философии и биологии определились отношения между С.Л.Рубинштейном и А.Н.Леонтьевым, главные книги которых стали предметом идеологических "разборок". В "Очерке развития психики" А.Н.Леонтьева Рубинштейн усмотрел структурализм и формализм в том смысле, что изучение сознания сводилось к выяснению его зависимости от структуры деятельности. А.Н.Леонтьев же усмотрел главный методологический криминал рубинштейновских "Основ общей психологии" в "двойной детерминации". Под этим имелось в виду, что автор "Основ" придерживается взгляда, по которому психика детерминируется как мозгом, так и внешним миром.

К проблеме предмета психологии имел прямое отношение и другой вопрос: служит ли этим предметом деятельность в целом или ее психические компоненты. Теоретический спор двух ученых обернулся нараставшим противостоянием "на-

ших” и ”не-наших”. На философском факультете, где Рубинштейном была создана в 1942 году кафедра психологии, стала насаждаться версия о том, что концепция Рубинштейна — плод реакционной буржуазной психологии, тогда как советскую науку защищает Леонтьев.

Рубинштейн обратился с письмом к ректору университета с просьбой разобраться в ситуации. Обсуждение этого вопроса завершилось выводом: ”Имевшее место в последнее время противопоставление проф. Рубинштейну проф. Леонтьева как якобы возглавляющего передовое направление в психологии совершенно необоснованно”⁶⁷.

Однако вскоре грянула новая кампания ”борьбы с космополитизмом”. Она имела антисемитскую направленность, а это усугубило ”критику” Рубинштейна как приверженца буржуазной антимарксистской психологии. Самому А.Н.Леонтьеву антисемитизм был абсолютно чужд. Но его противостояние руководителю кафедры (имевшее научные предпосылки) получило поддержку в кругах карьеристски настроенного студенчества и среди отдельных ”бойцов” за истинно марксистскую психологию, причем их подавляющая часть вообще не имела никакого отношения к науке — ни тогда, ни в последующие времена.

Теперь уже речь шла не о ”двойной детерминации” и других методологических тонкостях. Рубинштейна прямо обвиняют в приверженности чуждой идеологии. Особенно позорным было заседание ученого совета философского факультета, где доцент П.Я.Гальперин заявил: ”Надо прямо сказать, что вся эта система порочная, не наша, не советская система”⁶⁸, а А.Н.Леонтьев по поводу попыток Рубинштейна объяснить недостатки в работе кафедры подчеркнул, что это ”не только неверное, но и опасное понимание”, потому что в этом случае ”закрывают глаза на действительные причины, которые порождают эти явления. Об этом говорил П.Я.Гальперин”⁶⁹.

”Доброхоты” занялись в различных изданиях (”Советской педагогике”, ”Вопросах философии” и др.) поношением Рубинштейна за ”преклонение перед иностранщиной”, недооценку отечественной науки и др. Последовали и ”оргвыводы” — его сняли со всех руководящих постов. Он ”в течение трех лет (1949-1951) не имеет возможности опубликовать ни одной статьи в журналах. В 1952 году положение становится еще более трудным”⁷⁰. Лишь в период ”оттепели” он смог опубликовать свои уточненные мысли о месте психического среди других явлений бытия.

Сообщество российских психологов освобождается ныне от идеологических мифов. Под их влиянием оно воспринимало также образы своего прошлого, своей собственной истории. Самый стойкий из этих мифов, порожденный бинарным, манихейским сознанием, отличавшим менталитет советской эпохи, делил науку на враждебные миры, в одном из которых властвует беспредельно прогрессивная методология, в другом же — сплошная порча, ищущих истину умов. При этом полагалось, что их противостояние обусловлено различием между общественными системами, по историческим орбитам которых эти системы вращаются.

Следы такой картины сохранила книга А.Н.Леонтьева ”Деятельность. Сознание. Личность”. К ней следует обратиться потому, что она стала эпилогом к психологической концепции, сопряженной с идеологией советского общества, концепции, которая идентифицировалась с марксистским подходом к проблемам психологии в последний период работы в этой науке при ”зрелом социализме”, подобно тому, как с марксизмом идентифицировалась реактология Корнилова на первом отрезке исторического пути советской психологии. Отраженное на страницах указанной книги запечатлело не особое личное мнение автора, но точку зрения, которая многие годы исповедовалась повсеместно — со страниц учебников и журналов, на лекциях и ученых советах.

Такова была общая, официально одобренная позиция, отступление от которой в условиях репрессированной науки грозило остракизмом. Поэтому ответственность и вина за подобную версию ”марксизма в психологии” лежит на всех, кто в те годы касался методологических вопросов этой науки, в том числе и на авторе данных строк.

Леонтьев говорит о неудаче, постигшей главные западные направления в их притязаниях на долгожданную теоретическую революцию. Тогда как "другие буржуазно-психологические направления были, пожалуй, менее претенциозными, их ждала та же участь: все они оказались в общей эклектической похлебке"⁷¹. Не то у нас. "Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека"⁷².

Автор полстолетия работал в советской психологии как один из самых продуктивных исследователей (начал свой путь рядом с Выготским), став под конец в России ее главным идеологом. И потому для нас важен его итоговый взгляд на этот путь. Он таков: "Главное, что это был путь неустанной целеустремленной борьбы — борьбы за творческое овладение марксизмом-ленинизмом, борьбы против идеалистических и механистических, биологизаторских концепций, выступавших то в одном, то в другом обличье... Мы все понимаем, что марксистская психология — это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно: что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам. И с этим невозможно не считаться"⁷³. Читая это, погружаешься в духовную атмосферу молодости автора, в гул звучавших на рубеже 30-х гг. грозных призывов к "борьбе на два фронта", большевистскому наступлению на классового врага и его науку, к построению единственно истинной марксистской психологии как высшего этапа истории мысли (и т.п.). Автор — участник и очевидец событий тех лет. Но если его свидетельские показания относятся и к позиции его учителя Выготского, то они недостоверны. Мы могли убедиться в этом, услышав голос Выготского. Выготский в полемике со многими возражал против самого термина "марксистская психология", говоря о том, что "оно совпадает с понятием *научной* (выделено Выготским) психологии вообще, где бы и кем бы она ни разрабатывалась" (выделено мной — М.Я.)⁷⁴.

В культивировании версии о марксистской психологии как "высшем этапе" и о том, что преимущественно изучаемого ею сознания советского человека определяются его образцом жизни в мире, враждебном частной собственности, был объективно заинтересован класс партийно-государственной номенклатуры. Объявив собственность общенародной, он в действительности ее присвоил.

Таков был реальный экономический интерес тех, кто противопоставлял частнособственнические отношения псевдосоциалистическим, исходя из сказания о том, что "царство Марксово" воцарилось на земле, а его подданные — люди особой природы, с особой психологией. При культивировании этого образа использовалась критика Марксом классического капитализма как строя, при котором отчуждение труда и порабощение человека ведет к "дезинтеграции сознания". Психологии людей буржуазного общества противопоставалось уникальное устройство внутреннего мира и поведения советского человека как существа, возникшего в условиях, которым чужды классовые антагонизмы. Схема смены экономических формаций переносилась в психологию, где складывалось представление о смене "формаций сознания", из которой следует безжалостно истреблять "пережитки прошлого". В подкрепление этого догмата использовалась критика Марксом классического капитализма как строя, при котором отчуждение труда и порабощение человека ведет к "дезинтеграции сознания".

Согласно А.Н.Леонтьеву, "уничтожение отношений частной собственности и практическое освобождение человеческого труда, приводящее к "реинтеграции" (Маркс) самого человека, приводят к реинтеграции также и его сознания. Так возникает переход к новой внутренней структуре сознания, к новой "формации" его, к сознанию социалистического человека"⁷⁵. При этом, используя понятия Выготского о "значении" и "смысле", Леонтьев утверждал, что в условиях социализма, где нет отчуждения труда, между "значением" (обобщенным психи-

ческим образом) и "смыслом" (как мотивацией поведения) в силу ликвидации частной собственности утверждается истинная гармония.

Взгляд на обусловленность сознания людей образом их жизни, в ситуации, когда этот образ, приобретающий иллюзорный характер, изображался как высший этап в развитии человеческой культуры, не был безразличен для исследовательской практики. Он препятствовал изучению реальных "Эмпирических данных" касающихся особенностей внутреннего мира и поведения людей. Психология в условиях тоталитарного общества лишалась права говорить правду об этих людях, об их расщепленном и мифологизированном сознании.

Оплодотворившие советскую психологическую мысль принципы социодетерминизма и историзма, образующие ядро марксистской концепции, не могли стать рабочими орудиями добывания научных истин в руках тех, кто присягал на верность этой концепции на вербальном уровне.

Примечания

¹ Baldwin J. History of psychology. New York; London, 1913. Vol. 11. P. 104.

² "В студенческие годы началось его знакомство с философией марксизма, которую он изучал главным образом по нелегальным изданиям" (см.: Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С.14). Никаких следов влияния на Выготского марксизма в предреволюционные годы не просматривается ни в его главном сочинении тех лет — трактате о "Гамлете", ни в других его текстах этого периода.

³ Хотя близкие к психологии сочинения и были ему в юности хорошо знакомы. Это прежде всего "Мысль и язык" А.А.Потебни и "Многообразие религиозного опыта" В.Джемса.

⁴ Выготский Л.С. Психология искусства. Изд. 2-е. М., 1968.

⁵ Задачи психологии в те годы он понимал следующим образом: определение всех форм отношений сознания к предмету в функциональной зависимости от взаимоотношений содержаний сознания между собой (см.: Вопр. психологии. 1979. № 5. С. 144).

⁶ Выготский Л.С. Собр. соч. Т.1. М., 1982, с.99

⁷ Днепров В. Люди двадцатых годов // Звезда. 1991. № 5. с.204. Н.Карев — один из видных представителей дебординской школы, с которой покончило НКВД.

⁸ Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М. 1975. с. 147.

⁹ Выготский Л.С. Цит. соч., с. 423.

¹⁰ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. М. 1961. с.43.

¹¹ Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М. 1964. с.60.

¹² Басов М.Я. Общие основы педологии. 2-е изд. М.-Л. с.264.

¹³ Там же, с.252.

¹⁴ Там же, с.143.

¹⁵ Выготский высоко ценил Басова, во-первых, за понимание человека как активного деятеля в среде, во-вторых, за новый метод анализа психики, объединяющий две линии исследований: "линию анализа и линию целостного подхода к личности" (Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 3. 1983. с. 93).

¹⁶ Басов М.Я. Цит. соч., с.143.

¹⁷ Понятие в литературе обсуждается вопрос о причинах неожиданной кончины Бехтерева. Выказывалось предположение, что он был отравлен Сталиным за поставленный диктатору диагноз.

¹⁸ L. Murchison(ed) Psychologies of N-V, 1930, P. 277. Очевидно, что под "психологическим аутизмом" подразумевалось обращение к данным самонаблюдения как компонентам поведенческого акта.

¹⁹ Ibid, pp. 266-267

²⁰ Известные опыты Лурья по "сопряженной методике" проводились им совместно с А.Н.Леонтьевым и при участии Л.С.Выготского. В них двигательная реакция на раздражитель сочеталась с юнговской методикой ассоциаций на слово. Введение слова в качестве детерминанты реакции было чуждо К.Н.Корнилову.

²¹ Выготский Л.С. Психология искусства. М. 1968. с.493.

²² "И в сущности дуализм (курсив Выготского) есть настоящая идея этой точки зрения Павлова и Бехтерева" (Выготский Л.С. Собр. соч. Т. I. с.57.)

²³ Там же, с.58.

²⁴ Кстати, сам Выготский предсказывал движение павловской мысли в этом направлении (см. там же)

²⁵ Об оппонентном круге как детерминанте научного творчества см. мои статьи "Оппонентный круг и научное открытие" (Вопр. философии, 1983, N 5) и "Оппонентный круг и генезис нового научного направления" (Вопр. истории естествознания и техники, 1990, N 4)

²⁶ Психологическое обозрение, 1917, с.55 и др.

²⁷ Выготский Л.С. Цит. соч., с. 407

²⁸ Там же

²⁹ Там же

³⁰ Здесь можно усмотреть следы еще не порванной Выготским связи с корниловской методологией.

³¹ Все они отличались от "клеточек" и "структур", выделенных другими концепциями: элементы непосредственного опыта, гештальты и др.

32 *Выготский Л.С.* Цит. соч., с.423

33 Поэтому никак не могу согласиться с торжественно-восторженным мнением А.А.Леонтьева будто в рукописи о "Кризисе" "заложили основы марксистской психологии, наметив пути ее развития на многие десятилетия, почти на целый век вперед" (См.: Леонтьев А.А. Выготский Л.С. М. 1990. С.33)

34 *Выготский Л.С.* Цит.соч., с.421

35 "Отступление от принятой марксистской риторики несомненно делает "Кризис" диссидентской книгой", — заметил А.Козулин (см.: Kozulin A. Psychology in Utopia, 1984, p. 116)

36 *Выготский Л.С.* Конкретная психология (Вестник МГУ, 1981, сер. 14. Психология. № 1. С.62. Введение в психологию из искусства театра понятия о драме позволяло вопреки другим школам, в частности, гештальтизму и бихевиоризму, не проводящим (в том числе в экспериментальной работе) различий между поведением человека и животных, гуманизировать эту науку и придать новое содержание таким категориям как общение (у животных — коммуникация) и личность (в этой категории членилось личностное и ролевое).

37 Там же, с. 58

38 Там же, с. 62

39 Там же, с. 61. Из этого следовало представление о различном соотношении личностного и ролевого, не получившее у Выготского конкретизации. Он ставил также вопрос о драматическом характере столкновения в личности различных функций; например, человек (по Фрейдю) — слуга страстей, по Спинозе — их господин.

40 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.3. С.146

41 Там же, с.2

42 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.1. С.421

43 Там же

44 Там же, с.422

45 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.2. С.22. Уже из этой дефиниции видна односторонность принятой на Западе трактовки Выготского как когнитивиста, обусловленная популярностью и влиянием его книги "Мышление и речь" (см., напр.: *Брунер Дж.* Психология познания. М. 1977. С.9)

46 В частности, при обсуждении "понимающей" психологии Дильтея, сделавшей своим кредо понятие о переживании.

47 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.4. С.383

48 В одном из машинописных текстов этой рукописи, говорилось не о "новом человеке", а о "сверхчеловеке".

49 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т.1. С.436

50 Там же

51 *Корнилов К.Н.* Проблемы современной психологии. М. 1928. Т.3. С. 25. Различие между рефлексологией и реактологией, по мнению Корнилова, в том, что первая изучает реагирование рукой, вторая — ногой.

52 *Басов М.Я.* Общие основы педологии. М.-Л. 1928. С.1

53 Характеристика на М.Я.Басова. Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда. Ф. 4331. Оп. 19. Ед. 36

54 В борьбе за марксистско-ленинскую педологию. Дискуссия по работам проф. М.Я.Басова 25-29 марта 1931. Сб. под ред. В.И.Капустина и М.А.Левинной. М.-Л. 1932

55 *Феофанов М.П.* Методологические основы школы Басова. Педология. 1931, 5-6, с. 3-28

57 *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции в психологии. Психология, 1931, № 3-4, с.341. За год до того превозносивший Бехтерева, покаявшись, он заговорил о бесплодии "бехтеревщины". Впрочем и сам был уличен в "ананьевщине" (характерное для тех времен словосочетание, заменявшее критическую работу мысли).

58 Педология, 1929, № 3

59 А.Р.Лурия и другие психологи отделались испугом (те, кто был членом ВКП(б) — выговорами). Участвовавший в экспедиции в качестве переводчика молодой таджикский психолог А.М.Богоутдинов был репрессирован.

60 *Тулмин С.* Моцарт в психологии. Вопр. философии. 1981, 10, с. 136

61 См.: *Ярошевский М.Г.* В школе Курта Левина (Вопр. психологии. 1988, 3, сс.172-179)

62 Известное высказывание Блока о Пушкине, которое относится и к самому Блоку.

63 Эта идея была воспринята и другими психологами.

64 Выготский использовал термин "деятельность", но в ином смысле чем Басов, а затем Рубинштейн. Он говорил о "деятельности сознания".

65 *Леонтьев А.Н.* Избран. психологические произведения. М. 1983. Т.1. С.67

66 Интерес Сталина к психологии выразился в том, что по его указанию началось преподавание психологии (и логики) в средней школе. Мне довелось быть в Москве городским методистом по психологии.

67 Вопросы психологии, 1989, 4, с.78

68 Вопросы психологии, 1989, 5, с.60.

69 Там же

70 См.: *Брушлинский А.В.* Принцип детерминизма в трудах С.Л.Рубинштейна. Вопросы психологии, 1989, 4, с.68

71 *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975. С. 4.

72 Там же

73 Там же, с. 5.

74 *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. I. С. 432.

75 *Леонтьев А.Н.* Цит. соч. С. 272.

Е.Б.Музрукова, Л.В.Чеснова

СОВЕТСКАЯ БИОЛОГИЯ В 30-40-Е ГОДЫ: КРИЗИС В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

Выявление и изучение закономерностей развития отечественного естествознания в 30-40-е гг. — безусловно одна из главных задач социальной истории советской науки. Здесь важно установить и общие принципы, и коренные различия, существовавшие в развитии отдельных наук и научных направлений. Попытки подобного рода уже были сделаны в нашей литературе. Достаточно упомянуть содержательную статью Д.А.Александрова и Н.Л.Кременцова¹.

Но история, как известно, не сводима к набору определенных, пусть и чрезвычайно удачно подобранных формул. В эпоху бурных общественных процессов и социальных катаклизмов усиливается роль таких социо-психологических факторов как "внеаучные аргументы", "скептическое отношение к учителям", соглашательство с позициями "сильных мира сего".

В истории отечественной биологии эти "политические приемы" прозвучали особенно сильно, подавляя подчас все остальные. На них мы и хотим остановиться.

Как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях М.Г.Ярошевский, "30-40-е годы в истории науки СССР — это и репрессии идей, и репрессии научного сообщества". Самое страшное заключалось в том, что в это время началась нравственная деформация личности. Для того, чтобы сохранить свою жизнь, жизнь своих близких, иметь возможность все-таки вести научную работу, сохранить созданное научное направление, люди начинают жить двойной жизнью. Возникает феномен двойного сознания, или двоемыслия, по Оруэллу.

Понимая всю нелепость и абсурдность происходящего, невозможность что-либо изменить, даже лучшие представители научного сообщества пытаются найти свою "экологическую нишу", заниматься тем, что не вызовет недовольства властей.

Это прежде всего относится к тематике исследований. Даже тем, кто еще мог в 30-е гг., до окончательной победы "лысенковщины", заниматься такими "буржуазными" направлениями, как классическая генетика, иммунология, физиология высшей нервной деятельности, приходилось постоянно искусственно связывать свои исследования с диалектическим материализмом и задачами "текущего момента".

Наиболее проходимыми становились темы, безупречные с точки зрения господствующей идеологии: эволюционное учение и дарвинизм (иногда совершенно неверно трактуемое), описательные морфологические дисциплины, клеточная теория (и всевозможные спекуляции на ней), упомянутая Ф.Энгельсом в "Диалектике природы". Приоритет отдавался прикладным наукам, связанным с сельскохозяйственной практикой: увеличением урожайности сельскохозяйственных культур или плодовитости скота, что соответствовало установкам партии. "Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практи-

ки. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она — прямо или косвенно — получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы”², — это из директивной речи Н.И.Бухарина в 1928 г.

Кроме того, поддержкой ”сверху” пользовался ряд медико-биологических проблем, которые на фоне миллионов смертей от голода и пыток поднимали вопрос о победе над смертью при социализме и достижении мифического долголетия — своего рода ”сказка” для взрослых.

Что касается истории биологии, то здесь выбирались ”прогрессивные” ученые, боровшиеся с реакцией во всех ее обличьях. В длинном историческом списке стояли самые разнообразные фигуры: начиная с философов античности и кончая К.А.Тимирязевым и И.И.Мечниковым, провозглашенным чуть ли не борцом с самодержавием. Таким образом, мы видим, что определенные черты упрощения и инфантилизма становятся неотъемлемой частью и биологии 30-х гг.

Наиболее характерными чертами биологии 20-30-х гг. стало огосударствление и идеологизация. Воля к знанию отождествлялась с волей к власти. Провозглашенная на словах свобода ”пролетарской” науки не значила ровным счетом ничего. Она полностью была подчинена государственным органам власти или псевдонаучным организациям, так или иначе связанным с властными структурами.

Весьма показателен в этом отношении анализ, проведенный на основе архивных материалов И.А.Тугариновым о роли Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНITCO) в Академии наук СССР³. Оказалось, что после 1927 г., когда, на первый взгляд, были созданы нормальные условия для развития академической науки, она явилась очень сильным конкурентом науке ведомственной. Кроме того, важно было не допустить выхода академической науки, набиравшей реальную силу, из-под контроля госаппарата и ГПУ. Именно для этих целей и была создана ВАРНИТСО.

В инициативную группу ученых, стоявших у истоков ассоциации, вошли известные биологи: А.Н.Бах, А.И.Опарин, Б.И.Збарский, Б.М.Завадовский. Инициаторы отлично понимали свои цели и задачи, что отражено в проекте решения группы, больше похожем на отчет тайной полиции. В нем говорится: ”Инициативная группа приходит к необходимости различать следующие основные течения: 1) группа активных советских работников, идейно солидарных с коммунистической партией и советской властью; 2) группа промежуточных и колеблющихся; 3) группа противников советской власти, тайно или явно враждебных социалистическому строительству”⁴. В отношении каждой группы была выработана соответствующая тактика действий.

Если вспомнить развитие науки в России до революции, то большинство российских ученых ставили перед собой цель научной работы вне всякой политической деятельности, хотя определенная часть революционно-демократической интеллигенции стремилась подчинить интересы науки высшему служению народу. В основном же русские ученые использовали принцип И.С.Сеченова: ”Ни реакции, ни революции”.

Неудивительно поэтому, что государственной власти пришлось столкнуться с сопротивлением научного сообщества при попытке подавить традиционные свободы. Дух авторитарности вовсе не являлся родным для ”русской почвы”, а тем более для свобододолюбивых и свободомыслящих в большинстве своем русских ученых-естественников. Мы позволили себе процитировать довольно значительный отрывок из статьи С.И.Лунева, характеризующий состояние русской культуры, обусловившее те жестокие меры, к которым пришлось прибегнуть тоталитарному режиму при ее огосударствлении: ”Русская культура... была открытой, чем и объясняется ее феномен: с одной стороны, готовность воспринять целые духовные пласты других цивилизаций, творчески переработать их и органично интег-

ризовать в себя, а с другой стороны, оказывать самое активное воздействие на другие цивилизации. Именно духовная свобода способствовала тому, что в России значительно чаще, чем в других странах, носителями революционных идей становились выходцы из тех классов и слоев, против которых эти идеи и были направлены... Естественно поэтому, что практически всю российскую интеллигенцию, воплощавшую дух народа, тоталитарному режиму пришлось уничтожать под корень, и она либо эмигрировала (и способствовала колоссальному творческому скачку Запада), либо закончила свой путь еще более трагично на родной земле"⁵.

Подчинение науки государственной власти стало возможным лишь с применением репрессий. То же самое произошло и с "идеологизацией" науки.

Общие черты идеологизации естествознания 30-х г. отражены в работе А.П. Огурцова⁶. Он показал, что борьба "диалектиков" и "механистов", развернувшаяся в конце 20-х гг., очень сильно затронула биологию, так как при интерпретации именно биологических процессов возникали многие квазифилософские проблемы: переход количества в качество, скачки и перерывы постепенности, сводимость или несводимость живого к физико-химическим процессам. Уже в ходе этой борьбы делались прямые политические выводы о лояльности того или иного ученого. Все критики механицизма, а среди них П.П.Лазарев, Л.С.Берг, В.И.Вернадский, были причислены к идеалистам, врагам марксизма и Советской власти.

"Диалектики" во главе с А.М.Дебориным считали главной своей задачей "диалектизацию" естествознания, подведение под естествознание фундамента материалистической диалектики. Для этого было создано Общество воинствующих материалистов-диалектиков, организован журнал "Естествознание и марксизм". В первых номерах этого журнала в 1929 г. были опубликованы статьи ведущих генетиков: А.С.Серебровского, Н.П.Дубинина, М.М.Завадовского, И.И.Агола.

В попытках провести полную диалектизацию естествознания "деборинцы" иногда шли на открытое противопоставление диалектической методологии методологическим приемам и нормам естественнонаучных дисциплин. С самого начала не повезло генетике.

Ситуация с "диалектизацией" биологии была далеко не однозначной. В это же самое время молодой Н.П.Дубинин с восторгом принимает философию диалектического материализма, правда уже лишённую крайностей "механистов" и "диалектиков", в интерпретации постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г., строго осудившего и тех и других. Он вспоминает: "Эта борьба на философском фронте, свидетелями и участниками которой были сотрудники лаборатории А.С.Серебровского и он сам, оказала глубокое влияние на мировоззрение ученых... Эти годы были для меня важнейшим мировоззренческим этапом, они углубили понимание громадного значения метода диалектического материализма для развития генетики"⁷.

Идеологизация биологии имела ряд специфических черт, которые порой ускользают от внимания исследователей. Тем не менее их нельзя упускать из виду, поскольку они во многом определили процесс развития отечественной биологии.

Многие члены партии еще до революции получили медицинское или естественнонаучное образование. Не все из них глубоко знали медицину и биологию, многие не доучились. Как полярные примеры можно привести эрудита и умницу А.А.Богданова, врача, выдающегося философа и теоретика, талантливого писателя, и фельдшера О.Б.Лепешинскую, "великого" реформатора клеточной теории. Биологи и медики, кроме того, в силу специфики профессий и сложившихся традиций легче, чем представители других естественных дисциплин, воспринимали и принимали естественнонаучный материализм вообще и догматы диалектического материализма в частности.

Биология в отличие от физики или химии для чисто обывательского, поверхностного взгляда казалась легко доступной и понятной. Именно на ее примере было удобно ставить всевозможные эксперименты с "диалектизацией" и т.д. Поскольку биологические процессы сложны и противоречивы, в них легко можно

было найти подтверждение практически всех законов диалектики и в то же время обвинять своих оппонентов по той или иной проблеме в идеализме и метафизике, умело подобрав аргументы. При этом использовались самые примитивные приемы, способные воздействовать на воображение обывателя. А уж полемического задора и лихости формулировок опытным партийным догматикам было не занимать.

Кроме всего прочего, именно биология была той наукой, на которой в основном построена "Диалектика природы" Ф.Энгельса. Он опирался в своих построениях на работы И.Мюллера, Ч.Дарвина, Р.Вирхова, Э.Геккеля. В силу этого биология становилась своего рода демонстрационным объектом, на котором можно было учить диалектике.

На общем фоне разрушенного сельского хозяйства близость к биологии помогла заручиться поддержкой верхов: всегда можно было придумать проблему, связанную с повышением урожайности, выведением новых сортов, пород и т.д. Это и сделал в дальнейшем Т.Д.Лысенко.

И наконец, особую роль сыграли немецкие биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР в 20-30-е гг. и оказавшие огромное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения биологов, вступивших в науку в 20-е гг⁸. В этом ряду прежде всего необходимо выделить М.Л.Левина (1885-1936) и Ю.Ю.Шакселя (1887-1943).

М.Л.Левин родился в Москве, в семье немецкого подданного⁹. Учился в Германии и Швейцарии. Был одним из основателей баварского союза "Спартак", в дальнейшем реорганизованного в Баварскую компартию. В 1919 г. он стал военным комиссаром Баварской Советской республики, после падения которой эмигрировал в СССР. В 1927-1928 гг. Левин начинает в СССР работу по истории естествознания. Работал в Комакадемии, а затем в МГУ, где с 1932 г. заведовал кафедрой эволюционного учения и кабинетом истории естествознания. Огромная работа была проведена им на посту редактора отдела зоологии БСЭ (1926-1934). Широкая эрудиция и личные впечатления от лекций крупнейших европейских ученых помогали исследователю и авторитетно выступать в научных дискуссиях, и бескорыстно отдавать свои знания молодежи.

Будучи ортодоксальным, воинствующим марксистом, Левин тем не менее одним из первых понял несостоятельность ламарксистского истолкования проблемы приобретенных признаков и последовательно защищал позиции классической генетики. Очень многие молодые генетики именно ему были обязаны своей приверженностью методологии диалектического материализма. Левин был репрессирован и погиб в конце 30-х гг.

Не менее трагична судьба Ю. Шакселя - "первого марксиста среди биологов", как называли его немцы¹⁰. Один из последних учеников знаменитого зоолога Э.Геккеля, Шаксель к началу 20-х гг. был в Германии известным специалистом в области экспериментальной эмбриологии и признанным борцом против витализма. Сам он считал, что своими экспериментальными работами 1912-1915 гг. доказал несостоятельность витализма в интерпретации Г.Дриша. Ю.Шаксель был профессором Йенского университета, а с 1918 г. работал в Институте экспериментальной физиологии, организованном в Йене с помощью фирмы К.Цейса. Еще в молодые годы Шаксель становится марксистом, а в ноябре 1918 г. принимает самое активное участие в революционных событиях.

В 1924-1925 гг. Шаксель по приглашению Института К.Маркса и Ф.Энгельса приехал в СССР. Он принимал участие в юбилейных торжествах Академии наук СССР, а также активно помогал в подготовке к печати комментариев рукописи "Диалектика природы" Ф.Энгельса (как известно, впервые увидевшей свет в нашей стране в 1925 г.). Очевидно, в эти годы у Шакселя установились прочные связи с высшими партийными кругами в СССР.

После прихода фашистов к власти Шаксель эмигрирует из Германии, отклоняет престижное предложение Э.Гийено работать у него в Швейцарии и, публично отказавшись от немецкого гражданства, в 1933 г. стал гражданином СССР.

Шаксель привез из Германии новейшее оборудование, богатую библиотеку. В Институте морфологии животных АН СССР для него была организована самостоятельная лаборатория механики развития с прямым подчинением Президиуму АН СССР.

Все, с кем нам довелось беседовать о судьбе Шакселя в московский период его деятельности, отмечают его антифашистские выступления, очень яркие и темпераментные. Расцвет его научной карьеры уже кончился, хотя из его лабораторий вышли интересные работы по регенерации. До 1938 г. в своих печатных публикациях Шаксель активно пропагандировал диалектический материализм и марксизм, пытается найти компромисс с неоламарксизмом. Даже произведения своего учителя Геккеля Шаксель по возможности "диалектизировал".

Несмотря на все это, в 1938 г. он был репрессирован и вернулся через год уже совершенно сломленным человеком. Шаксель тяжело переживал начало Отечественной войны и трагически погиб в академическом санатории "Узкое" в 1943 г. До сих пор неизвестно место его захоронения.

Шаксель, пользующийся европейским авторитетом, не мог не оказать влияние на формирование мировоззрения молодых биологов-экспериментаторов в СССР. Черты идеологической воинственности и бескомпромиссности многих биологов были непосредственным следствием свойственной их учителям-немцам прямолинейности и твердости.

Как же отразилась идеологизация биологии в периодической печати? Показателен в этом плане небольшой экскурс в публикации журнала "Успехи современной биологии", основанного в 1932 г., прогрессивного по своей научной тематике и рассчитанного на широкий круг читателей. Для анализа мы взяли первый номер журнала за 1932 г. и ряд номеров за 1939-1940 гг.

Ответственным редактором журнала в 1932 г. был назначен И.И.Агол, известный генетик, сотрудник А.С.Серебровского. В первом томе журнала были опубликованы ряд интересных статей, основанных на экспериментальном материале (как отечественном, так и зарубежном), а также теоретические обзоры. Среди них выделяются статьи Н.П.Дубинина "Успехи хромосомной теории наследственности"¹¹ и Н.И.Вавилова "Генетика на службе социалистического земледелия"¹².

Однако в редакционной статье, опубликованной в первом томе журнала, читаем: "Наш журнал, всемерно используя опыт буржуазной биологии, ее методы научно-исследовательской работы, ее фактические успехи, тем не менее ставит своей задачей беспощадно разоблачать ее классовую сущность, сознательную и бессознательную фальсификацию для спасения и сохранения капиталистической системы..."

Журнал будет стоять на страже генеральной линии партии, будет бороться против идеалистических извращений биологии, против механицизма и меньшевистствующего идеализма, против вульгаризаторства и упрощенчества, за внедрение марксистско-ленинской методологии в научно-исследовательскую работу"¹³.

Очевидно, уже в 1932 г. нельзя было обойтись без подобных фраз и формулировок, которые обеспечивали существование самого журнала. Характерно, что в этом же томе И.И.Агол публикует статью под названием "Дарвинизм и классовая борьба"¹⁴, где четкое изложение эволюционного учения перемешано с филиппиками в адрес буржуазии и капиталистического строя.

Минуло 7 лет. Сменилось время, сменился и ответственный редактор журнала (Агол был репрессирован и погиб в 1937 г.). Теперь во главе его — сам президент АН СССР академик В.Л.Комаров. Журнал увеличился в объеме, его тематика расширилась. В выпуске 2 за 1939 г. печатаются интереснейшие выдержки из "Физиологической генетики" Р.Гольдшмидта — "вечного" оппонента Моргана, но выпуск предваряет полный текст доклада И.В.Сталина на XVIII съезде партии с его портретом на первой странице. Времена изменились, теперь присягать на верность приходится более демонстративно.

Даже в очень специальной статье, посвященной проблемам экспериментальной эмбриологии, автор вынужден был говорить о непонимании буржуазной наукой

диалектического материализма, об извращении "их" теоретической биологией прогрессивных идей дарвинизма: "Этой "теоретической" биологии мы можем противопоставить нашу теоретическую биологию, основанную на диалектическом материализме, историческом, дарвинистическом подходе к изучению биологических явлений"¹⁵.

В 1939 г. исполнилось 80 лет со дня появления книги Ч.Дарвина "Происхождение видов". Естественно, что журнал посвятил этой дате специальный выпуск. Редакционная статья полностью соответствовала "духу времени". В ней не было, по сути, изложения учения Дарвина, анализа становления дарвинизма. Зато она пестрела цитатами из Маркса и Энгельса, ссылками на Ленина и словами признательности в адрес "великих" дарвинистов — И.В.Мичурина и Т.Д.Лысенко. Заканчивается статья следующим абзацем: "Трудящиеся массы нашего Советского государства под руководством коммунистической партии Ленина-Сталина создают основы коммунистического общества. В борьбе за коммунизм мы пользуемся и учением великого мужа науки Чарлза Дарвина, и потому имя Дарвина так близко и дорого нашей советской науке и каждому гражданину нашей великой Родины"¹⁶. Вряд ли добропорядочный викторианец Ч.Дарвин мог предположить, что через 80 лет станет "борцом за коммунизм".

1939 год был в определенной степени роковым для биологии. В этом году окончательно упрочились позиции группы Лысенко-Презента, и хотя классическая генетика официально еще не находилась под запретом, ее преследования усиливались. Приходилось прилагать все больше хитроумных уловок, чтобы "остаться на плаву" и иметь возможность печатать работы "немичуринской" биологии. Идеологизация в этот период достигает кульминационной точки.

В декабре 1939 г. И.В.Сталину было присвоено звание Героя Социалистического Труда в связи с его шестидесятилетием. В ознаменование этой даты вышло постановление об учреждении премий и стипендий имени Сталина. Все естественнаучные журналы откликнулись на это событие статьями, отражающими роль гения Сталина в развитии советской науки. Большинство из них было написано по принципу: "чем грубее лесть, тем она доходчивее".

Журнал "Успехи современной биологии" находился в очень сложном положении. Он продолжал печатать статьи по генетике, экспериментальной эмбриологии, дарвинизму видных ученых, не желавших делать реверансы Т.Д.Лысенко и использовавших для прикрытия в лучшем случае авторитет Ч.Дарвина и К.А.Тимирязева. Поэтому, по-видимому, в юбилейном, третьем выпуске журнала ко дню рождения Сталина была опубликована большая статья Б.Г.Кузнецова¹⁷. Даже такой умный, талантливый человек, пытался продемонстрировать свое соглашательство, лояльность редколлегии и журнала по отношению к процессам, происходившим в науке и в самой биологии.

Некоторые выдержки из этой статьи точно характеризуют дух того времени. Сквозь громкие, ничего не значащие фразы сквозит страх, желание любыми средствами отвести угрозу обвинений в идеализме, метафизике, буржуазности.

В начале статьи автор пишет, что "воспоминание о тяжелом прошлом русской науки, мысль о тяжелом настоящем науки за рубежом еще больше спланивает советских ученых под знаменем Великой Октябрьской социалистической революции, которой наука обязана своей свободой"¹⁸.

Наиболее законченной формулировкой диалектического материализма являются, по мнению автора, теоретические работы товарища Сталина, "гениального мыслителя современности, блестящего мастера материалистической диалектики".

Что касается коллективизации, то она "вызвала переворот в агрономической науке, связанный с именем Т.Д.Лысенко. Т.Д.Лысенко создал теорию стадийности и на ее основе добился яровизации пшениц, чеканки хлопка и т.д. При этом Т.Д.Лысенко опирается на колоссальную колхозную научную периферию. Когда в 1929-1930 гг. передовые колхозники узнали о весенних посевах озимой пшеницы Т.Д.Лысенко, поднялась мощная волна колхозной инициативы"¹⁹.

Присягнув на верность Лысенко, автор в заключении статьи писал, что только в сталинскую эпоху человек, его физические и культурные нужды, его здоровье, развитие его способностей становятся основным предметом государственных и общественных забот.

Вполне возможно, что статья Б.Г.Кузнецова, явившись своеобразным индикатором на верность идее и вождю, позволила журналу еще некоторое время печатать статьи антилысенковского толка.

Абсурдное положение о том, что развитие науки должно направляться запросами практики, что лучший судья в научных спорах не специалист-ученый, а производственник, колхозник, стало усиленно пропагандироваться Т.Д.Лысенко и его группой начиная с 30-х гг. Все основные положения Лысенко, которыми он так умело спекулировал, были, как известно, связаны с идеологией. Это прежде всего относится к проблеме наследования приобретенных признаков.

В книге А.Е.Гайсиновича прекрасно показано, как эта проблема интерпретировалась в научном сообществе с середины 20-х гг. и как "мичуринская биология", соединившись с культивировавшейся идеологией, сумела сделать проблему наследования приобретенных свойств своего рода пробным идеологическим камнем, проверкой на верность идеалам марксизма-ленинизма²⁰.

На принципиальных позициях отрицания наследования благоприобретенных свойств твердо стояли генетики, опиравшиеся на теоретические положения, сформулированные еще А.Вейсманом (1892) и обоснованные учением о генотипе и фенотипе В.Иоганнсена (1903, 1909).

Успехи хромосомной теории наследственности, связанной с именем Т.Х.Моргана, позволили выработать метод, с помощью которого можно было не только говорить об аналогии наследования хромосом с менделевскими факторами, но и исследовать внутреннее строение хромосом.

Но использование этих методик требовало наличия специальных глубоких знаний, включающих в себя как чисто биологические познания, так и знакомство с математическими и статистическими закономерностями. Неудивительно поэтому, что наши практики и выдвиженцы, получившие крайне поверхностное образование, предпочитали оперировать более простыми понятиями. Если для генетиков отказ от ненаследования приобретенных признаков был равносильным, по выражению Моргана, научному самоубийству, то большинство "практиков" и философов придерживались позиций "наивного" ламаркизма, в чем выразилась уже упоминавшаяся инфантилизация биологии.

Философские доводы в конкретной идеологической ситуации в нашей стране оказались наиболее роковыми для судеб генетики. С точки зрения диалектического материализма казалось невероятным, что "сома" не влияет на половые клетки, что закономерности генотипа могут быть независимыми от закономерности фенотипа. Это был "вейсманизм", заклеянный как "преформистское", метафизическое и идеалистическое учение.

Споры вокруг проблемы наследования приобретенных признаков носили уже с конца 20-х гг. острый идеологический характер. Но если в 1926 и 1927 гг. на дискуссиях по этой проблеме в Комакадемии А.С.Серебровский и его оппоненты (Е.С.Смирнов, Б.С.Кузин) еще оперировали в основном научными аргументами²¹, то на IV сессии ВАСХНИЛ, проходившей 19-27 декабря 1936 г., в полемике звучали в основном идеологические мотивы.

На этой сессии Т.Д.Лысенко и его сторонники обрушились на "буржуазную генетику", выдвинув тезис о переделке природы растений путем воспитания. Они отрицали реальность генов и их связь с хромосомами и обвинили генетику в антидарвинизме. Самыми серьезными были обвинения, выдвинутые с "классовых позиций".

Так, И.И.Презент заявил, что "тот, кто не понимает огромной социально-классовой значимости нашего спора, тот не понимает и существа нашей дискуссии"²². Ему вторил Н.В.Цицин, сказавший, что "наука есть только классовая, надклас-

совой науки не существует"²³. Учитывая специфику подобных аргументов, трудно было выступать с чисто научных позиций защитникам генетики — Н.И.Вавилову, А.С.Серебровскому, Н.К.Кольцову, М.М.Завадовскому, Н.П.Дубинину и др. Доклад Г.Мёллера, крупнейшего американского генетика, ученика Т.Г.Моргана, по приглашению Н.И.Вавилова работавшего в Институте генетики с 1929 г., вообще был вне понимания Лысенко. Этот доклад содержал в сущности учебный материал по генетике дрозофилы — объекта, который вызвал лишь насмешки лысенковцев.

Очень резкую и принципиальную критику Лысенко и его группы дал в своем выступлении Н.П.Дубинин, заведовавший в то время генетическим отделом Института экспериментальной биологии. Он прямо заявил: "Мы присутствуем при очень тяжелом положении, когда целый ряд товарищей, дискутирующих по вопросам генетики, в первую очередь тов.Презент, и выступивший сейчас акад. Перов и им подобные, хотят великой науке надеть дурацкий колпак"²⁴. И далее: "... в отношении генетики сделана попытка самые ее основы, кардинальные представления, на которых зиждется все здание генетической науки, объявить порочными, и я должен сказать, что на настоящем совещании действительно стоит вопрос о судьбах генетики в Советском Союзе. Не нужно играть в прятки, нужно прямо сказать, что если в области теоретической генетики восторжествует та теория, душой которой, по заявлению акад.Лысенко, является тов.Презент, то в этом случае современная генетика будет уничтожена полностью."²⁵

Надо отдать должное Н.П.Дубинину. В то время он, пожалуй, как никто понимал серьезность положения. Даже Н.И.Вавилов на этой сессии уклонился от прямой критики абсурдных положений Лысенко. Дубинин же, отстаивая принципиальные положения генетики, бил лысенковцев наотмашь. Он, действуя их же методами, обвинил Презента в идеализме и в том, что он позорит великое имя Энгельса²⁶. По-видимому, именно так надо было действовать с компанией Лысенко-Презента, а не идти с ними на компромисс, как это пытались сделать многие генетики, наивно рассчитывавшие на победу науки и здравого смысла над мракобесием.

Тем не менее на IV сессии ВАСХНИЛ Лысенко не одержал окончательной победы. Его звездный час был еще впереди. Действовал он последовательно, одними и теми же далекими от науки приемами, которые неизменно приносили ему успех. Собственно говоря, вся дискуссия была формальностью, она лишь провела расстановку сил и четко выявила, кто есть кто.

В 1938-1939 гг. Лысенко укрепил свои позиции. В адрес генетики им было выдвинуто опасное обвинение в том, что она не только оторвана от практики, но и мешает ей. Презент начал писать о ложности менделизма-морганизма и о "метафизике" морганизма. Все это проходило на общем фоне развернувшихся в стране репрессий, гибели многих генетиков, травли Н.К.Кольцова и Н.И.Вавилова. Противостояние генетики и мичуринской биологии усиливалось.

В этих условиях с 7 по 14 октября 1939 г. в Москве под руководством журнала "Под знаменем марксизма" состоялось совещание по генетике и селекции, вошедшее в историю как "дискуссия 1939 г.". Совещание ставило целью объективно разобраться в спорных вопросах генетики, имевших первостепенное значение для всей биологии и практики сельского хозяйства. Кризис генетики означал кризис биологии в целом.

Председательствовал на заседаниях член редколлегии журнала академик М.Б. Митин. С большим докладом выступили Н.И.Вавилов, а также Н.П.Дубинин, А.С.Серебровский, М.М.Завадовский, многие молодые генетики — специалисты с богатым опытом в экспериментальной науке и селекции. Их доводы создали мощное сопротивление лысенковцам. Особенно острой и полемически искусной была речь Н.П.Дубинина, в ответ на которую И.И.Презент вынужден был прибегнуть к аргументам абсолютно ненаучного свойства: "Мы сейчас стоим на новой высоте, куда нас поставили работы Т.Д.Лысенко, опирающиеся на работы Мичурина; мы стоим на новом уровне развития дарвинизма, на новом уровне

действия искусственного отбора. И с этой новой и более высокой ступени не Дубинину сбивать Лысенко, не Дубинину сбивать мичуринцев, не Дубинину и другим товарищам сбить завоевания советской науки.”²⁷

Заключительная речь М.Б.Митина и обзор спорных вопросов в генетике и селекции показали, что, несмотря на все заявления представителей мичуринской биологии о прогрессивности их направления и соответствии идеалам марксизма-ленинизма, вопрос о том, кто же окончательно прав — генетики или Лысенко, осталась открытым. Тем не менее идеологические ярлыки были развешаны осторожным Митиным достаточно четко. ”Передовым” было названо направление Лысенко, который якобы пришел на дискуссию с практическими достижениями, имеющими крупное народнохозяйственное значение. В то же время многие разделы генетики Митин назвал отсталым течением, придерживающимся устаревших догм в науке и мешающим нашей практике двигаться вперед²⁸. Таким образом, торжествовала не наука, а идеология.

Для того чтобы понять скрытые пружины механизма, двигавшего вперед мичуринскую биологию, безынтересно будет остановиться на характеристике и некоторых моментах биографий и деятельности лидеров мичуринской биологии — И.И.Презента и Т.Д.Лысенко.

По воспоминаниям всех, кто его знал, И.И.Презент (1902-1969) был умным, но совершенно беспринципным, с хорошей житейской хваткой человеком, фактически создавшим карьеру дремучему и невежественному Т.Д.Лысенко. Его беспринципность хорошо показана в книге А.Е.Гайсиновича²⁹.

Один из самых активных борцов с лысенковщиной, награжденный за эту борьбу орденом Ленина, доктор биологических наук А.А.Малиновский пишет следующее: ”У Презента была страсть выдвинуть себя на заметное место и приобрести влияние. Будучи преподавателем философии, ”методологом”, он очень хорошо понимал, что особенно необходимо на потребу сегодняшнего дня: подъем находившегося в полном упадке сельского хозяйства. Поэтому он искал людей, близких к сельскохозяйственной науке. Есть много свидетельств тому, что сначала Презент предложил свои услуги Н.И.Вавилову, но тот отверг его предложение”³⁰.

В начале 30-х гг. Презент познакомился с Т.Д.Лысенко и сделал на него свою ставку. Известно, что впервые ”заметил” Лысенко Н.И.Вавилов, увидевший его интерес к сельскому хозяйству, его энергию, почему он и счел возможным, несмотря на низкую общую культуру Лысенко, способствовать его выдвижению. Совершенно иные планы были у Презента. В то время Презент радостно говорил знакомым, что ”он нашел такого парня, с которым можно делать большие дела”, — это был Лысенко.

Презент, безусловно, очаровал и увлек Лысенко своей эрудицией, цитируя Дарвина, объясняя, как вредны реакционные ”буржуазные” ученые: Вавилов, Кольцов, Серебровский, Навашин и др. Восхищение и преклонение перед Презентом Лысенко сохранял многие годы. Участники второй дискуссии 1939 г. могут помнить эпизод, ярко характеризующий отношение Лысенко к Презенту. А.А.Малиновский вспоминает: ”На этой дискуссии свыше явно был дан приказ — отделить ”передового ученого” Лысенко от Презента, которого даже тогдашние официальные философы считали нечистоплотным пройдохой. Но Лысенко так держался за Презента, что даже нажимы ”сверху” не помогли, а сам Лысенко, уже приближенный Сталиным, был неприкасаем. На этой дискуссии кто-то из генетиков бросил Лысенко упрек в каком-то нелепом утверждении. Лысенко спросил: ”Кто это сказал? Я или Презент?” — ”Вы!” — ”Ну, это может быть, — ответил Лысенко, — Презент в сто раз умнее меня”. Воскликание Лысенко было столь непосредственно, что никто не усомнился в его искренности, тем более что всем было ясно, как судорожно Лысенко цепляется за Презента, боясь его потерять”.

А.А.Малиновский, участвовавший и в первой дискуссии 1936 г., вспоминает эпизод, характеризующий ловкость и находчивость Презента: ”В стенограмме дискуссии были слова Лысенко, научно его дискредитирующие: ”все части клетки

разнозначны в смысле передачи наследственности". Н.П.Дубинин, читавший оригинал стенограммы, указал на это нелепое утверждение. Но Лысенко ответил, что Дубинин неверно приписывает ему это утверждение. Посмотрели типографский текст, а там вместо "равнозначны" стояло "разнозначны". Совершенно очевидно, что Презент в верстке стенограммы исправил "в" на "з". Пустяк, а Дубинин попал без вины в положение клеветника. В то время он был смелым борцом за генетику".

К характеристике Презента можно добавить, что по образованию он был юристом, и многие знали его фразу, что его "жена — юриспруденция, а биология — всего лишь любовница". В его прошлом есть эпизод, поясняющий особую озлобленность и энергию в борьбе за улучшение своей судьбы.

По воспоминаниям А.А.Малиновского, во времена борьбы с троцкизмом Презент был арестован как троцкист, но был единственным из группы арестованных достаточно быстро освобожден. Он даже сохранил свой партийный билет. Объяснение этому из ряда вон для того времени факту только одно: очевидно, Презент самым неблагоприятным образом обеспечил себе свободу.

Первоначально Презент настроивал Лысенко на защиту дарвинизма от генетиков, что само по себе было абсурдно. Но затем они стали выступать в сущности против Дарвина, проповедуя ламаркизм самого низкого пошиба, доступный пониманию всех невежд. Может быть, это было вызвано и тем, что в какой-то дореволюционной статье Сталин положительно отозвался о ламаркизме.

Многие, работавшие в ВАСХНИЛ, рассказывают, что Презент часто вызывал Лысенко в помещение, где стоял правительственный телефон — "вертушка", якобы для переговоров со Сталиным. Такие комедии безусловно влияли на окружающих, но вряд ли подобные переговоры были частыми.

Еще раз вернемся к воспоминаниям А.А.Малиновского. Оценивая Презента как незаурядную личность, Александр Александрович считает, что, может быть, самая талантливая сторона его "деятельности" сказалась в разработке общей стратегии борьбы с неудобными биологами: выбирался обычно крупный деятель, мешающий лысенковской мафии, и на него велось массированное нападение. В ЦК партии шел поток писем с негодующими обличениями выбранной жертвы, фактически это были политические доносы. Сами письма были инспирированы, они подписывались или подлинными фамилиями, или вымышленными. На следующем этапе появлялась статья в какой-нибудь центральной газете против выбранной жертвы, и это был уже окончательный удар. В конце 30-х гг. основными жертвами Лысенко и К^о были Н.К.Кольцов и Н.И.Вавилов.

Очень интересен эпизод, описываемый А.А.Малиновским, в дискуссии 1939 г. Этот эпизод показывает, до какой степени недооценивались закулисные игры, "внеаучная" деятельность тандема Презент-Лысенко, сыгравшие решающую роль в развитии биологии. Малиновский называет этот эпизод "роковой ошибкой" Вавилова.

"Перед второй дискуссией 1939 г. я встретился с академиком Н.И.Вавиловым (кажется, по поводу помощи Н.К.Кольцову, снятому с поста директора института). Вавилов просил меня прокомментировать проект выступления на предстоящей дискуссии известного невропатолога и генетика С.Н.Давиденкова. Я, кажется, тут же написал наспех карандашом резкую критику, но не на сущность проекта, а на тактически неудачную форму, к которой было легко придраться Презенту и Лысенко. При этом я, во-первых, попросил Вавилова дать кому-нибудь из его большой свиты переписать чернилами и повежливее это мое заключение для Давиденкова и, во-вторых, посоветовал лично Вавилову как лучше ударить по Лысенко. Лысенко ему уже раньше кричал: "Что вы ссылаетесь, она буржуазная, а мы сорта делаем!". Но у Лысенко был всего один и плохо охарактеризованный в справочниках сорт, а сорта генетиков занимали большую часть посевной площади пшеницы по Советскому Союзу. Вавилов тут же продиктовал сопровождавшей его стенографистке мой совет, чтобы она напомнила ему взять данные из Наркомзема. Я успокоился. И вдруг, дней за 5-6 до начала второй

дискуссии, я узнал, что Вавилов отказался от этого плана. Что было делать? Я взял рекомендацию от академика ВАСХНИЛ Лисицина и получил эти цифры в Наркомземе. Данные были только по некоторым генетическим сортам, но и это была большая часть посевов, а всего генетические сорта занимали до 80 % посевной площади по пшенице в СССР. И это было по существу убийственно для Лысенко. Я, конечно, выступил на дискуссии с этими данными и добавил разоблачение фальсификации теории естественного отбора Презентом. На мое выступление Презент не сумел ответить, но это не повлияло на результат: в журнале "Под знаменем марксизма" полностью печатались только выступления академиков и докторов наук, а мое глухо, в нескольких строчках. Но с этого момента Презент и Лысенко меня возненавидели. Но это не беда. Беда была в другом: был упущен последний реальный шанс остановить лысенковщину.

Если бы имелся сборник с точно документированными достижениями генетики в сельском хозяйстве, доказывающими практическую пользу генетики, это послужило бы весомым аргументом для высших инстанций и даже при всех успехах интриг лысенковцев в 1948 г. могло изменить ход событий".

Очевидно, Н.И.Вавилов, как и многие другие, не понимал сущностиговора Лысенко и Презента, а, может быть, считал, что Лысенко из благодарности, что Вавилов когда-то способствовал его выдвижению, пойдет с ним на компромисс. Как бы то ни было, но шанс разгромить Лысенко был действительно упущен. И хотя после дискуссии 1939 г. установилось некоторое "равновесие" между мичуринской биологией и генетикой, оно было крайне неустойчивым. Кризис, в котором уже находилась биология в 30-е гг., поскольку идеологические стереотипы, а вовсе не научные аргументы, как мы видели, играли первостепенную роль в научной полемике, не мог не привести к 1948 г.

На пороге смерти в 1855 г. "революционный" поэт Германии Г.Гейне написал о грядущей власти коммунизма: "Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконоборцы встанут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют статуи красоты, столь дорогие моему сердцу... Они вырубят мою лавровую рошу и на ее место посадят картофель"³¹. Поэт не мог и предположить, что "грядущие гунны" в лице "народного" академика и его компании даже не станут утруждать себя посадками картофеля. В их руках будет другое, более надежное оружие: идеологическая трескотня, политические обвинения, доносы, ложь и обман.

Примечания

- ¹ Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводаителя по неизведанной земле: Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950-е годы) // ВИЕТ. 1989. № 4. С.67-80.
- ² Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции / Избр. произведения. М., 1988. С.373.
- ³ Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук СССР (1927-1937) // ВИЕТ. 1989. № 4. С.46-55.
- ⁴ Там же. С.49.
- ⁵ Лунев С.И. 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С.140.
- ⁶ Огурцов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа. М., 1989. С.359-361.
- ⁷ Дубинин Н.П. Вечное движение. 3-е изд. М., 1989. С.84-85.
- ⁸ См.: Дубинин Н.П. Вечное движение. С.83-87.
- ⁹ Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С.309.
- ¹⁰ I.Schaxel an E.Naeskel (1906-1917). Leipzig etc., 1987. S.9-14.
- ¹¹ Дубинин Н.П. Успехи хромосомной теории наследственности // Успехи соврем. биологии. 1932. Т. 1, вып. 3-4. С.83-97.
- ¹² Вавилов Н.И. Генетика на службе социалистического земледелия // Успехи соврем. биологии. 1932. Т. 1, вып. 5-6. С.159-178.
- ¹³ От редакции // Успехи соврем. биологии. 1932. Т. 1, вып. 1-2. С.1.
- ¹⁴ Агол И.И. Дарвинизм и классовая борьба // Успехи соврем. биологии. 1932. Т. 1, вып. 1-2. С.2-7.
- ¹⁵ Полежаев В.Л. Критика виталистических представлений Гербета // Успехи соврем. биологии. 1939. Т. 10, вып. 3. С.525-529.
- ¹⁶ Восемьдесят лет дарвинизма (1859-1939) // Успехи соврем. биологии. 1939. Т. 11, вып. 2. С.193-197.

¹⁷ Кузнецов Б.Г. Естествознание сталинской эпохи // Успехи соврем. биологии. 1939. Т. 11, вып. 3. С.389-395.

Борис Григорьевич Кузнецов (1903-1985) - широко известный как в нашей стране, так и за рубежом историк естествознания. Фактический основатель (1945) и первый директор Института истории естествознания и техники АН СССР, действительный член Международной Академии истории науки, создатель фундаментальных трудов по истории и философии естествознания (1958, 1960, 1962, 1982).

¹⁸ Там же. С.390.

¹⁹ Там же. С.394.

²⁰ Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. С.295-313.

Абба Евсеевич Гайсинович (1906-1989) известный генетик, историк науки. Участвовал в подготовке к изданию (редактор, автор вступительных статей и комментариев) серии "Классики биологии и медицины". Оценил в свете новейших открытий и обобщений современной науки основные положения классической генетики (1980).

²¹ Там же. С.305-310.

²² Спорные вопросы генетики и селекции: Работы IV сессии ВАСХНИЛ. М., 1937. С.382.

²³ Там же. С.296.

²⁴ Дубинин Н.П. Генетика — страницы истории. Кишинев, 1990. С.71-72.

²⁵ Там же. С.73.

²⁶ Там же. С.77.

²⁷ Там же. С.171.

²⁸ Колбановский В.М. Спорные вопросы генетики и селекции (Общий обзор совещания) // Под знаменем марксизма. 1939. N 11. С.86-126.

²⁹ Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. С.260.

³⁰ Здесь и далее мы пользуемся рукописью воспоминаний А.А.Малиновского от 25 июня 1990 г., любезно предоставленной авторам настоящей статьи. Мы выражаем Александру Александровичу за это свою искреннюю благодарность.

³¹ Цит. по: Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции. С.371.

В. Д. Есаков

НОВОЕ О СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 ГОДА

Внешне может показаться, что положение в отечественной биологии 30-х-60-х гг. уже достаточно изучено, что в российской и мировой литературе имеется значительное количество работ историков и философов, биологов и науковедов, в которых порой в деталях освещены многие стороны этой волнующей страницы истории советской науки, истории нашего общества. Авторы работ тщательным образом выявили, описали и проанализировали материалы научной и общественно-политической периодики, разнообразные свидетельства непосредственных участников данного процесса.

Но вот что интересно: у авторов нет полного удовлетворения от проделанной работы. Эту неудовлетворенность выразил американский философ и историк науки Лорен Грехем, который в своей книге о развитии науки и философии в Советской России, вышедшей еще в 1972 г., отмечал, что до опубликования архивов ЦК партии трудно понять реальную картину взаимоотношений как генетиков, так и Лысенко с лидерами партии.¹ Гипотетические, основанные на воспоминаниях положения ряда авторов о сочувственном отношении работников аппарата ЦК к генетикам в их борьбе с Лысенко слишком общи и не были до последнего времени подкреплены документально. На актуальность и научную значимость включения в исследования архивов партии вновь обратили внимание как выехавший в США В.Н.Сойфер,² так и И.Т.Фролов, призывающий теперь "видеть диалектику процессов, взаимодействие внутринаучных и внешних по отношению к науке факторов".³ В данном случае под внешними факторами имеется в виду партийно-государственное воздействие на науку.

Полные драматизма страницы борьбы за подлинно научное развитие биологии в СССР раскрывают документы бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — ныне Российского центра хранения и использования документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Часть их опубликована в журнале "Известия ЦК КПСС".⁴ Они позволяют значительно глубже понять реальное положение в советской биологической науке накануне печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Позиции Т.Д.Лысенко, "главного агронома Наркомзема СССР", к концу войны были сильно поколеблены. Дело было не только в том, что его брат, как отмечал В.Н.Сойфер, перешел на сторону оккупантов и после войны остался на Западе и что к руководству Академией наук СССР пришел С.И.Вавилов — брат Н.И.Вавилова.⁵ Важнейшее значение имели упрочение международного научного сотрудничества, как закономерное продолжение военного и политического взаимодействия великих держав в рамках антигитлеровской коалиции, и возрастание роли советской науки в развитии науки мировой, а Лысенко напрочь отвергал достижения буржуазной науки. Большое значение имели работа по определению

перспектив научных исследований на послевоенный период, а также приход к руководству новых кадров, способных объективно оценить деятельность президента ВАСХНИЛ.

Организатором и лидером выступлений против лысенковщины стал А.Р.Жебрak — генетик и селекционер растений, ученик Т.Х.Моргана, у которого в 30-е гг. он стажировался в Калифорнийском технологическом институте, а с середины 30-х гг. возглавил кафедру генетики Московской сельскохозяйственной академии им.К.А.Тимирязева (ТСХА).

А.Р.Жебрak понимал, что ликвидировать тяжелое положение в советской генетике, устранить монопольное положение в ней Т.Д.Лысенко невозможно без изменения отношения к ним в политическом руководстве страны. В конце 1944-начале 1945 г. он пишет большое письмо Г.М.Маленкову, в котором для поднятия международного престижа советской науки пытается убедить секретаря ЦК в необходимости нормализовать обстановку в генетике, восстановить генетико-цитологические исследования в ВАСХНИЛ, изменить руководство Института генетики АН СССР, возглавляемого Т.Д.Лысенко, командировать советских генетиков в США и Англию для обмена опытом и ознакомления с успехами генетики в области теоретических проблем и ее приложений к сельскому хозяйству.⁶ Не дождавшись ответа на это послание, А.Р.Жебрak в начале февраля 1945 г. вновь обращается к Г.М.Маленкову с письмом и просит принять его лично для ознакомления с положением генетической науки. "Моя просьба о личной беседе с Вами вызывается еще и тем, что никто из ответственных руководителей нашей партии не высказывался по вопросам генетической науки, а в то же самое время акад.Лысенко, акад.Келлер и др. позволяют в публичных выступлениях делать политические выводы, дезориентирующие мало осведомленных в этой науке слушателей".⁷ Это письмо дошло до адресата, который поручил Г.Ф.Александрову — начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в состав которого входил и Отдел науки: "Прошу ознакомиться с этими записками и переговорить со мной. Г.Маленков. 11 II".

Состоялась ли встреча А.Р.Жебрaka с Г.М.Маленковым, установить не удалось, но стало известно, что 16 апреля 1945 г. А.Р.Жебрak был на приеме у В.М.Молотова и информировал его о положении генетики и ее большом значении для развития культуры и производительных сил нашей страны.⁸

О перемене отношения к генетическим исследованиям в СССР в верхнем эшелоне власти свидетельствует то, что А.Р.Жебрak в сентябре 1945 г. был привлечен к работе в аппарате ЦК партии, сохраняя руководство кафедрой в ТСХА. В должности заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он проработал до апреля 1946 г., после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности. Сохранились его письма к Г.М.Маленкову и В.М.Молотову, в которых давался обзор состояния и перспектив генетики в мире и в нашей стране, ставился вопрос о создании советского генетического журнала и организации в Академии наук СССР Института генетики и цитологии наряду с существовавшим во главе с Т.Д.Лысенко Институтом генетики. Автор писем настаивает на введении двух вакансий в состав АН СССР по специальности генетика и цитология культурных растений для усиления среди академиков противовеса Т.Д.Лысенко.⁹ Вскоре были выделены два места членов-корреспондентов, на одно из которых был избран Н.П.Дубинин, а на другое — А.А.Аванян. Ситуация в науке стала меняться не в пользу лысенковцев.

Здесь хотелось бы сделать отступление и остановиться на неточностях в освещении деятельности А.Р.Жебрaka в послевоенный период. В третьем издании БСЭ, "Советском энциклопедическом словаре" и практически во всех работах по истории генетики указывается, что он в 1945-1948 гг. являлся президентом АН Белорусской ССР. На самом же деле А.Р.Жебрak был президентом лишь с мая по октябрь 1947 г., т.е. не три года, а всего шесть месяцев. И еще один момент. В противоборстве послевоенных лет важное значение имела статья А.Р.Жебрaka

"Советская биология", опубликованная в 1945 г. в американском журнале "Science" ("Наука"). В.Н.Сойфер как в публикации в "Огоньке" (1988, № 1), так и в своей книге "Наука и власть..." на основании свидетельства сына ученого пишет, что статья А.Р.Жебрака была подготовлена по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.А.Вознесенского, а непосредственное отношение к ее отправке в США имел начальник Совинформбюро А.С.Щербаков.¹⁰ Документы РЦХИДНИ позволяют уточнить, что идея написания статьи принадлежала самому А.Р.Жебраку, что ее первоначальный вариант был послан Г.М.Маленкову в феврале 1945 г. А затем, как свидетельствует справка, подготовленная Д.Т.Шепиловым для секретарей ЦК А.А.Кузнецова и М.А.Суслова, эта статья в апреле 1945 г. была отредактирована работником Совинформбюро Пилипчуком, бывшим позднее редактором журнала "Славяне", и утверждена членом Совинформбюро, директором Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) В.С.Кружковым.¹¹

После войны среди представителей и советской науки, и работников аппарата ЦК все прочнее утверждается понимание беспочвенности многочисленных обещаний Лысенко и псевдонаучности его якобы теоретических построений. В современной литературе при анализе борьбы генетиков против засилия в науке Лысенко чаще всего упоминаются имена А.А.Любищева и В.П.Эфроимсона, которые адресовали в ЦК партии в 1947 г. рукописи своих работ с детальным анализом ошибок Лысенко и оценкой того урона, который был нанесен стране. В архиве действительно находится значительное количество работ с критикой ошибочных положений Лысенко, но среди них нам не удалось обнаружить труды названных авторов. Публикация полного текста работы В.П.Эфроимсона в журнале "Вопросы истории естествознания и техники" в 1988 г. (№ 1-4) и публикация юбилейной статьи, посвященной 100-летию со дня рождения А.А.Любищева ("Природа", 1990, № 5), а затем и его книга "В защиту науки" (Л., 1991) показывают, что оба автора завершили свои работы в 1953-1954 гг., т.е. в условиях начавшегося падения сталинщины и наметившихся изменений в политическом курсе страны. Несомненно, что труды А.А.Любищева и В.П.Эфроимсона наиболее тщательно аргументировали последствия лысенковского засилия в науке, но они были завершены по существу уже в иной исторический период, в условиях ослабления репрессивного режима, а публикация их стала возможной только в условиях перестройки и гласности.

Острую критику воззрений Лысенко в послевоенный период вели многие ученые. Значительная часть этих материалов сохранилась в фонде ЦК партии.

Так, еще, казалось бы, недавно поддерживавший Лысенко академик ВАСХ-НИЛ, член партии Б.М.Завадовский подготовил две большие статьи, посвященные критике взглядов Т.Д.Лысенко на проблемы наследственности и эволюции: "О наследственности и ее изменчивости и других ошибках Т.Д.Лысенко"¹² и "Дарвинизм и внутривидовая конкуренция".¹³ Но все попытки Завадовского добиться опубликования их были безрезультатными, и тогда он обратился за содействием к А.А.Жданову.¹⁴ В справке, подготовленной для А.А.Жданова заместителем начальника Управления агитации и пропаганды, исполнявшим и обязанности заведующего Отделом науки ЦК С.Г.Суворовым 15 апреля 1947 г., отмечалось:

"Б.М.Завадовский подчеркивает, что редакции журналов не указывали ему на какие-либо ошибки или недостатки представленных им статей и не отвергали их по существу. Более того, они встречали сочувствие руководящих работников редакций. Препятствием к их опубликованию служили непринципиальные соображения, боязнь критиковать т.Лысенко, занимающего высокое положение в государстве..."

В ЦК ВКП(б) неоднократно поступали от ученых жалобы на то, что их статьи, критикующие отдельные научные взгляды Т.Д.Лысенко, не печатаются журналами и газетами по тем же соображениям, которые отмечает и Б.Завадовский (письмо действительного члена Академии сельскохозяйственных наук СССР проф.П.М.Жуковского, заявление академика Цицина и другие).

Ранее практиковалась передача этих жалоб на решение редакций журналов. Но редакции, даже если они согласны с критическими статьями, не публикуют их.

Многие биологи заявляют, что они фактически лишены возможности обсуждать важные вопросы биологии и защищать теоретические позиции в науке, против которых выступает в печати Лысенко, что создалась монополия одного направления в биологии. Ученые отмечают, что в силу этого создается видимость официального одобрения теоретических взглядов т.Лысенко в области биологии.

Считаю необходимым информировать Вас об этих настроениях ученых. Полагаю, что обсуждение спорных биологических вопросов в специальной печати было бы полезно для развития науки.

Прошу Ваших указаний"¹⁵.

Намечавшиеся изменения ситуации в науке не могли не встревожить Т.Д.Лысенко и его могущественных покровителей. Министр земледелия И.А.Бенедиктов, министр зерновых и животноводческих совхозов П.П.Лобанов, министр животноводства А.И.Козлов обратились в ЦК ВКП (б) с письмом, в котором обрушились на участников и организаторов 2-й генетической конференции в МГУ 21-26 марта 1947 г.¹⁶ В этом подлинном доносе лидеров командно-административной системы в области сельского хозяйства в ход идут те же "доводы", что выдвигались потом на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г.: обвинения в оторванности ученых-генетиков от практики, в пренебрежении наследием Тимирязева и Мичурина и даже в увлечении разведением мухи дрозофилы. С.Г.Суворов в связи с этим обращением подготовил 15 апреля 1947 г. обстоятельную докладную записку на имя А.А.Жданова. Он писал:

"СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. ЖДАНОВУ А.А.

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов просят поручить группе работников при участии академика Лысенко рассмотреть материалы 2-й генетической конференции, проведенной в Московском государственном университете 21-26 марта с.г., и дать этой конференции соответствующую оценку...

В связи с этим письмом выяснено следующее...

Генетическая конференция является одной из многих научных конференций, проводимых на факультетах Московского университета. Она была организована кафедрой генетики, которой заведует член-корреспондент Академии наук СССР профессор А.С.Серебровский... В работе конференции приняли участие крупные советские ученые-генетики: акад.Цицин, действ.член АН БССР Жебрак, член-корр.АН СССР Дубинин, проф.Навашин, проф.Глембоцкий и многие другие...

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов обвиняют конференцию в отрыве от практических задач на том основании, что ряд докладов посвящен использованию наследственности плодовой мушки дрозофилы. Однако не эти доклады определяют характер конференции. Кроме того, выбор дрозофилы в качестве объекта исследования вполне закономерен, он определяется тем, что дрозофила через каждые десять дней дает новое поколение, что облегчает возможность прослеживания изменения наследственности в ряде поколений; содержание ее дешево, методика работы с ней проста и хорошо изучена. Дрозофила для генетики является таким же удобным объектом экспериментального изучения, каким для физиологов является мышь, лягушка или морская свинка...

Практические доклады конференции посвящены вопросам селекции, породообразования, выяснению роли среды и экологических факторов в повышении продуктивности животноводства и урожайности растений. Многие докладчики дали ценные практические предложения.¹⁷

Все изложенное позволяет считать генетическую конференцию, проведенную в Московском университете, весьма полезной, а попытку тт. Бенедиктова, Лобанова и Козлова опорочить ее — несправедливой, основанной на односторонней информации".¹⁸

Итак, обвинения в адрес ученых в тот момент не получили поддержки. Тучи над Т.Д.Лысенко продолжают сгущаться. В этих условиях вопрос "О положении в ВАСХНИЛ" выносится 16 апреля 1947 г. на заседание Организационного бюро

ЦК ВКП(б). Ответственными работниками ЦК был подготовлен специальный доклад, адресованный секретарям ЦК ВКП(б) А.А.Жданову, А.А.Кузнецову и Г.М.Попову, в котором отмечалось состояние разработки отраслей сельскохозяйственной науки и ставился вопрос о довыборах действительных членов и членов-корреспондентов ВАСХНИЛ. В докладе говорилось:

”Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством... Академия замкнулась в узком кругу агробиологических проблем, связанных с исследованиями ее президента академика Т.Д.Лысенко, в связи с чем перестали быть, как это следует по Уставу, ”высшим научным учреждением по сельскому хозяйству в Союзе ССР”. Ограниченный круг научных проблем, разрабатываемых в академии сельскохозяйственных наук, а также разногласия среди ее действительных членов привели к тому, что большинство из них фактически прекратило работу в академии (академики: Брицке, Прянишников, Скрябин, Завадовский, Серебровский, Соколовский, Лисицын и др.)

Многие институты академии возглавляются малоизвестными в науке работниками, не имеющими ученой степени и звания... Попытки некоторых руководителей секций заменить непригодных ученых секретарей более квалифицированными и знающими дело специалистами сельского хозяйства не встречают поддержки со стороны президента академии академика Т.Д.Лысенко...

Считаем, что создавшаяся в Академии сельскохозяйственных наук им.В.И.Ленина обстановка не способствует решению важнейших вопросов подъема сельскохозяйственной науки. Полагаем, что, какова бы ни была оценка споров и разногласий в области агробиологии, нельзя все же ставить в зависимость от этих споров судьбу всей сельскохозяйственной науки в стране и держать Академию сельскохозяйственных наук в состоянии прозябания...”²⁰

Доклад явно показывал, что руководимая Т.Д.Лысенко ВАСХНИЛ находилась в состоянии кризиса. Поэтому было принято решение: ”Заслушать на Оргбюро ЦК ВКП(б) в первой половине июня 1947 г. доклад президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им.В.И.Ленина т.Лысенко о деятельности академии”.²¹

Материалы, готовившиеся к Оргбюро ЦК, не оставляют сомнения: Т.Д.Лысенко ожидал серьезный удар. Он предпринимает контрмеры. Был подготовлен отчет о деятельности ВАСХНИЛ, который с приложенной к нему докладной запиской был 14 июня 1947 г. представлен А.А.Жданову.²² Кроме того, хорошо информированные покровители Лысенко не допустили расправы над ”передовым советским академиком”. Да Лысенко и не подвластен ни Секретариату, ни Оргбюро ЦК. Он — номенклатура Политбюро, и его судьба полностью в руках И.В.Сталина. Заседание Оргбюро не состоялось.

К лету 1947 г. в стране активизируется борьба против интеллигенции: проходит философская дискуссия, рассылается закрытое письмо ЦК по делу Ключевой и Роскина, разворачивается травля ”космополитов”, начинают действовать ”суды чести”. В этих условиях Лысенко и его сторонникам удалось привлечь на свою сторону центральную печать. Вопрос о публикации статьи А.Суркова, А.Твардовского и Г.Фиша в ”Литературной газете”²³ и статьи И.Д.Лаптева в ”Правде” и ”Социалистическом земледелии”²⁴ в которых они обрушивались на А.Р.Жебрака и Н.П.Дубинина, обвиняя их в антипатриотизме, низкопоклонстве перед Западом, широко освещен в литературе. Большинство историков генетики отмечают, что прямым следствием этих статей являлась организация ”суда чести” над А.Р.Жебраком, состоявшегося 21-22 ноября 1947 г.

В архиве Секретариата ЦК ВКП(б) сохранились свидетельства непосредственной реакции на появление публикаций в прессе.

Ученые биологи И.А.Рапопорт, Д.А.Сабинин, П.И.Лисицын, С.И.Алиханян и другие направили в ЦК ВКП(б) свои протесты против этих публикаций. Написанные в удушающей атмосфере 1947 г., эти письма — памятник мужеству и гражданственности истинных ученых.

И.А.Рапопортов писал секретарю ЦК ВКП(б) тов. А.А.Жданову, что невозможно согласиться со статьей проф.Лапина, "так как она служит возрождению лихорадочной обстановки 1938-1939 годов, острых и бесплодных дебатов, мешающих научной, т.е. напряженной, точной экспериментальной работе в области генетики." Далее он продолжал:

"Я считаю информацию, которую дали на страницах "Science" гг.Жебрак и Дубинин (по заказу ВОКС), правильной не потому, что одержим слепым фанатизмом цитогенетика-специалиста или связан личной дружбой с авторами этих статей. К тому времени, когда эти статьи заказывались и отсылались, правильная общая информация иностранных естествоиспытателей, среди которых немало наших искренних друзей, о лабораториях и исследователях нашей страны, стоящих на почве цитогенетики и плодотворно работающих, могла принести только пользу. Ведь в действительности ламаркистская теория наследственности акад.Лысенко не просто устаревшая, а неправильная теория, не выдерживающая экспериментальной проверки. Если отождествлять это направление со всей советской генетикой, то возникает впечатление о чрезвычайной отсталости у нас ведущей биологической дисциплины, сделавшей большие шаги вперед при участии именно русских ученых.

Важно, чтобы высокий объективный престиж был не только у советской химии, советской физики, но и отечественной биологии.

Объявить какой-либо недоброкачественный или сомнительный общественный продукт прекрасным не значит совершить патриотический поступок, если даже это сделать по искренним побуждениям. В нем только самодовольство и глупость... Фальшивая лесть роняет достоинство ученого гораздо больше, чем правда.

8 IX 47 г. И.Рапопорт, чл.ВКП(б), доктор биол. наук."²⁵

И.А.Рапопорт, вступивший в партию на фронте в 1944 г., был после августовской сессии ВАСХНИЛ, на которой он выступил в защиту генетики как науки, исключен из рядов ВКП(б).

В современной публицистике встречается еще мнение, что Т.Д.Лысенко боролся с буржуазными учеными и внес много полезного в развитие советской агрономии, а все критические замечания в его адрес рождены журналистами и литераторами, проклинаящими сталинский период. Желаящих убедиться в наличии подобных высказываний адресуем к публикации В.Литова "И.А.Бенедиктов. О Сталине и Хрущеве" в журнале "Молодая гвардия" (1989, N 4). А о том, что подобное мнение не соответствует реальному процессу, наглядно свидетельствует письмо рядового селекционера, члена партии Е.Н.Радаевой, работавшей в Государственной комиссии по сортоиспытанию. Она писала 4 сентября 1947 г. А.А.Жданову:

"Под флагом борьбы за чистоту учения Дарвина-Тимирязева-Мичурина около 20 лет назад выступил Т.Д.Лысенко...

За короткий срок Т.Д.Лысенко стал академиком, главой сельскохозяйственной науки.

Вскоре, к великому удивлению и разочарованию советских ученых и колхозников, обнаружилось, что широкообещательные предложения акад.Лысенко при практическом их осуществлении являются бесплодными...

За короткий срок акад.Лысенко развалил ВАСХНИЛ. Основные массы академиков ВАСХНИЛ фактически покинули Академию, и ВАСХНИЛ превратился в пристанище шарлатанов от науки и всякого рода "жучков". Официальным философом ВАСХНИЛ стал небезызвестный Исая Презент, путаник и болтун, не раз битый за левацкие фразы и дела...

В то время как лысенковцы продолжали беззастенчиво кричать, что Лысенко — это "светильник истины", ученые-агрономы говорили между собою, что с.-х. наука "облысела".

Только трусливостью наших философов, ушедших в прошлое от решения современных задач, можно объяснить безнаказанное процветание лысенковщины.

Только потерей совести и чести можно объяснить ту беззастенчивую ложь и фальсификацию, к которой прибегают Лысенко и лысенковцы в борьбе за удержание занятых ими позиций в науке.

Не чем иным, как лысенковской фальсификацией является выпад "проф.Лаптева", помещенный в газете "Правда" от 2 сентября 1947 г. против А.Р.Жебрака... Под прикрытием громких стенаний об утраченных чести и патриотизма в лаптевской статье при помощи ловкости рук проведены два незамысловатых положения.

Первое — о том, что лысенковское направление в Советском Союзе является не просто направлением в биологии, а направлением государственным, это почти диалектический материализм. А отсюда следует второе — о том, что критиковать Лысенко — это почти нападать на основу Советского государства.

Расправой над отдельными учеными с использованием политической ситуации акад.Лысенко пытается спасти свое пошатнувшееся положение, страхом расправы удерживать от критики остальных ученых...

Акад.Жебраку следует привлечь Лаптева к ответственности за оскорбление, нанесенное ему как старому большевику, отнесением его разъярившимися лысенковцами, потерявшими всякое чувство политической меры, в один лагерь с буржуазными учеными с глубокомысленным намеком на Гитлера...

Член ВКП(б) с 1932 г., Партбилет № 4067056, кандидат с.-х.наук Е.Радаева".²⁶

Несмотря на усиливавшееся административное и морально-политическое давление на ученых, в конце 1947 г.-начале 1948 г. дискуссии по проблемам генетики и дарвинизма обострились. Их важной особенностью являлось возрастание роли научной общественности в обсуждении наиболее острых вопросов развития отечественной биологии. В ноябре-декабре 1947 г. на биологическом факультете МГУ и в Отделении биологических наук АН СССР состоялись заседания, посвященные обсуждению проблем внутривидовой борьбы; в феврале 1948 г. в МГУ была проведена конференция по проблемам дарвинизма. На этих собраниях ученых вновь отмечалась ошибочность теоретических положений Т.Д.Лысенко и предложенных им агроприемов, наносивших ущерб сельскому хозяйству.

Хотя после публикации критической статьи против генетиков в центральном органе партии работники аппарата ЦК ВКП(б) уменьшили свое внимание к развитию биологической науки, к началу 1948 г. они вновь оживились. Теперь выразителем их мнений становился Ю.А.Жданов, назначенный 1 декабря 1947 г. заведующим Отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Собственный высокий пост и поддержка отца, А.А.Жданова — одного из секретарей Центрального Комитета — позволили Ю.А.Жданову в начальный период его деятельности занимать относительно самостоятельную линию по руководству наукой. Он несомненно внимательно изучил материалы по биологии, сохранявшиеся в архиве Секретариата ЦК, знал о критическом настрое в отношении Т.Д.Лысенко членов Оргбюро ЦК ВКП(б), да и сам сразу же столкнулся с необходимостью решать вопросы, поднимавшиеся в обращениях ученых в ЦК партии. Среди этих обращений были и письма академика И.И.Шмальгаузена — лидера отечественной биологии того периода. Именно его активность в начале 1948 г. представляла особую опасность для Лысенко и его приспешников.²⁷ Сохранились как письма И.И.Шмальгаузена, так и справка, направленная Ю.А.Ждановым 12 февраля 1948 г. в секретариат А.А.Жданова:

"Академик Шмальгаузен И.И. в своих письмах в ЦК ВКП(б) указывает на некоторые недостатки, которые имели место при проведении дискуссии по вопросам внутривидовой борьбы за существование в природе и ее значение в эволюции.

Академик Шмальгаузен вызывался в Отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С ним проведена беседа.

Материал прошу направить в архив".²⁸

Ю.А.Жданов не только внимательно следит за развитием событий в различных отраслях науки и пытается снимать наиболее острые вопросы, грозящие перерасти в конфликт, но и делает первые попытки активно повлиять на дальнейшее

развитие науки. 28 февраля 1948 г. он направляет И.В.Сталину (копии — А.А.Жданову и Г.М.Маленкову) докладную записку "О тетраплоидном кок-сагызе", в которой прямо ставится вопрос о вреде, наносимом сельскому хозяйству Т.Д.Лысенко. Тетраплоидный сорт кок-сагыза был получен проф. М.С.Новашиным еще в 1939 г., и его исследования показали практическую перспективность повышения выхода натурального каучука.

"Трудности внедрения тетраплоидного кок-сагыза, — писал Ю.А.Жданов, — проистекают в первую очередь из неправильной установки, которую прямо и косвенно дает акад.Т.Д.Лысенко. Утверждая, что тетраплоиды — "уроды"... он с самого начала вместо объективного изучения новой формы, от которой были основания ожидать полезного эффекта, создал вредную обстановку враждебности и недоверия.

Вся история тетраплоидного кок-сагыза является ярким примером того, как полезное дело, почти на свой страх и риск поддерживаемое на низах практиками, всячески тормозится "руководством", находящимся под влиянием неверных установок Т.Д.Лысенко".

Ю.А.Жданов предлагал "обратить самое серьезное внимание на работы проф. Навашина и помочь ему".²⁹

Дальнейшее ознакомление с положением в биологической науке, встречи и беседы с генетиками убеждают Ю.А.Жданова в необходимости выступить с критикой монополизма Т.Д.Лысенко, необоснованности его теоретических взглядов и показом вреда, нанесенного сельскохозяйственной практике. 10 апреля 1948 г. Ю.А.Жданов выступает с большим докладом в Политтехническом музее на семинаре лекторов обкомов партии на тему: "Спорные вопросы современного дарвинизма". В последние годы эта страница истории советской генетики подробно освещена В.Н.Сойфером в публикации "Горький плод" (Огонек, 1988, № 1 и № 2) и в книге, вышедшей в США. Опубликованные им по текстам, обнаруженным в фонде ВАСХНИЛ, письма Т.Д.Лысенко И.В.Сталину и И.А.Бенедиктову в связи с докладом Ю.А.Жданова были включены в книгу Н.П.Дубинина "Генетика — страницы истории" (Кишинев, 1988). Сталин на письмо Лысенко не ответил, но их встреча, о времени которой высказываются различные предположения, состоялась, и на ней Сталин поручил Лысенко созвать сессию ВАСХНИЛ и выступить на ней с докладом.

Материалы личного фонда А.А.Жданова позволяют внести существенные уточнения в развитие событий, происходивших весной и летом 1948 г. В одной из его многочисленных записных книжек (он вел краткие записи о важнейших делах и событиях, а также замечаниях, высказанных Сталиным) вскоре после записи, датированной 20 мая, есть строчка: "О Лысенко выговор" и на следующем листе дважды подчеркнутая помета: "Кремль Лысенко".³⁰ Это дает основание сделать вывод, что встреча Сталина с Лысенко состоялась в двадцатых числах мая 1948 г. А.А.Жданов присутствовал на этой встрече, и именно во время нее могла появиться в той же записной книжке следующая запись: "Учение о чистых линиях ведет к прекращению работ над улучш.сортов. Учение о независим. (одно слово неразборчиво — В.Е.) ведет к иссушен.практики. Успехи передовой науки, выведение новых сортов и пород — достигнуты вопреки морганистам-менделистам".³¹

Кроме записи в записной книжке сохранился и отдельный лист бумаги, на котором, возможно, зафиксировано обсуждение на заседании Политбюро мер по исправлению положения, вызванного докладом Ю.А.Жданова. Его выступление ведь было не частной информацией, а инструктивным докладом, руководством к действию по тем направлениям, в которых должна была осуществляться пропагандистская деятельность на местах по вопросам дарвинизма, и критика Лысенко должна была стать достоянием широких масс. Чтобы предотвратить это, было намечено несколько возможных мер: первое — "одного из марксистов в биологии взять и сделать доклад", второе — "краткое постановление от ЦК", третье — "статью в "Правде". Дальше А.А.Жданов записал: "Если бы можно было бы поработать с Лысенко.

Что-либо популярное.

Доклад неправильный.

Два течения. — Первое опирается на мистицизм — тайна на тайну.

Другое материалистическое. *Жданов ошибся.*

Везде биология в духе Шмальгаузена преподается.

Теория безобраз (?)

а опыт".³²

В этих заметках нет фиксированного решения. Можно предположить, что с согласия Сталина было решение остановиться на подготовке специального постановления ЦК ВКП(б) по вопросам биологии.

Первоначальный текст проекта данного документа был подготовлен Д.Т.Шепиловым и М.Б.Митиным. Направляя его секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову, они писали 7 июля 1948 г.: "Направляем на Ваше рассмотрение проект сообщения ЦК ВКП(б) "О мичуринском направлении в биологии", исправленный согласно Ваших указаний".³³ Ознакомившись с этим проектом, А.А.Жданов изменил его название, написав "О положении в советской биологической науке", внес значительную правку и дополнил заключительную часть сообщения критикой доклада Ю.А.Жданова. 10 июля 1948 г. А.А.Жданов и Г.М.Маленков направили проект сообщения И.В.Сталину. На копии сопроводительного письма отмечено, что одновременно проект был разослан В.М.Молотову, Л.П.Берия, А.И.Микояну, Н.А.Вознесенскому, Л.М.Кагановичу, Н.А.Булганину. В результате проведенной работы получилось не краткое постановление, а обширное заявление на 22 машинописных страницах.

"В ЦК ВКП(б)

О ПОЛОЖЕНИИ В СОВЕТСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

За последние годы среди биологов развернулась широкая дискуссия по коренным вопросам биологической науки. Ознакомившись с материалами, научными трудами и практическими результатами работ представителей борющихся в биологии направлений, ЦК ВКП(б) считает необходимым дать оценку основных направлений в биологической науке.

ЦК ВКП(б) считает, что в биологической науке сформировались два диаметрально противоположных направления: одно направление прогрессивное, материалистическое, *мичуринское*, названное по имени его основателя, выдающегося советского естествоиспытателя, великого преобразователя природы И.В.Мичурина и возглавляемое ныне академиком Т.Д.Лысенко; другое направление — реакционно-идеалистическое, *менделеевско-моргановское*, основателями которого являются буржуазные биологи — Вейсман, Мендель и Морган и последователями их в советской биологической науке — акад.И.И.Шмальгаузен, профессора А.Р.Жебрак, Н.П.Дубинин, Н.К.Кольцов, А.С.Серебровский, М.С.Навашин и другие".

После данной преамбулы проекта шел раздел о менделизме-морганизме как буржуазном течении в биологической науке, нацеленном против учения Дарвина и его представителей в нашей стране, причем критика была направлена против А.Р.Жебрака, Н.П.Дубинина, И.И.Шмальгаузена, а также раздел о мичуринском направлении в биологии.

В заключение заявления говорилось:

"Всякие попытки примирить борющиеся направления в науке, занять некоторую среднюю позицию между мичуринским направлением и менделеевско-моргановским, смешать или объединить противоположные принципы неизбежно обречены на провал. В науке, как и в политике, противоречия разрешаются не путем примирения, а путем открытой борьбы.

Поэтому попытка т.Ю.Жданова в его лекции на тему "Спорные вопросы современного дарвинизма", прочитанной на семинаре лекторов группы обкомов ВКП(б), эклектически примирить два противоположных направления в биологии является ошибочной.

Ошибочным является утверждение т.Ю.Жданова, что среди биологов нашей страны не существует двух ясно определившихся направлений, а имеется несколько "школ", каждая из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны. Докладчик пытался оторвать академика Лысенко от Мичурина и утверждал, что академик Лысенко развивает одну из сторон ("веточек") мичуринского учения и что другие биологи, выступающие против академика Лысенко, будто бы тоже развивают мичуринское учение. Поэтому докладчик призывал к созданию "синтетической биологии", включающей все направления и "школы" в биологии.

Этот доклад противоречит позиции Центрального Комитета ВКП(б).

Вместо того чтобы вскрыть принципиальные различия двух направлений в биологии и подвернуть критике консервативное антимиучуринское направление в биологической науке (акад.Шмальгаузен и другие), т.Ю.Жданов встал на неправильный путь, пытаясь примирить и объединить это реакционное направление в биологии с передовым и прогрессивным мичуринским направлением, развиваемым академиком Лысенко, причем крен критики был направлен с ударом по Лысенко.

Последователи менделизма-морганизма не раз предупреждались, что их направление в биологии чуждо советской науке и ведет к тупику. Тем не менее менделисты-морганисты не только не извлекали должных уроков из этих предупреждений, но продолжают отстаивать и углублять свои ошибочные взгляды. До последнего времени идеи менделизма-морганизма продолжают пропагандироваться в литературе и особенно в учебной и преподавательской в высших учебных заведениях, а в ряде вузов и институтов Академии наук СССР менделеевско-моргановское направление является господствующим на кафедрах генетики и биологии. Такое положение не может быть далее терпимо".³⁴

Вопрос о разгроме отечественной биологии предрешен, но подготовка партийно-государственного акта ведется в строжайшей тайне. Ученые еще не ведают о подступившей трагедии. Они не потеряли пока надежду на торжество науки и здравого смысла. Именно в июле 1948 г. на имя Г.М.Маленкова продолжают поступать письма И.И.Шмальгаузена, А.Р.Жебрака, Г.И.Алиханяна, Е.В.Бобко, И.М.Полякова. 16 июля 1948 г. большое письмо И.В.Сталину направляет академик ВАСХНИЛ П.Н.Константинов. Он вновь ставит вопрос о снятии Лысенко:

"Такой человек не имеет права быть администратором, а тем более руководителем такого крупного учреждения, каким должен быть ВАСХНИЛ. Он использует права президента для утверждения своего господства в науке, для создания видимости нерушимости открытых им "законов". Он явно злоупотребляет Вашим доверием.

15 лет тому назад он боролся против некоторой монополии в науке и этим открывал себе дорогу. А что он сделал за эти 15 лет? Кем он стал сам? Это худший вид диктатора. Он требует ликвидации всего, что не согласено с ним, всего, что ему не нравится...

Дорогой Иосиф Виссарионович! Вначале можно было в какой-то мере мириться с ошибками и заблуждениями Лысенко, считая их заблуждениями и ошибками отдельного человека, неизбежными в творчестве каждого ученого. В первые годы его работы я даже отмечал в лекциях пытливость молодого человека, подающего надежды.

Теперь же мириться с этим нельзя. Нельзя потому, что эти ошибки и "достижения" превращаются в официальную линию Министерства сельского хозяйства и Министерства высшего образования.

Многие ученые АН СССР, ВАСХНИЛа, Московского университета и ТСХА-академии резко критикуют его. Работники мест прислушиваются к этому и не решаются выступить.

Почему с нами никто не хочет считаться?

Почему разрешение этих споров передоверяется либо таким лицам, как М.Б.Митин, либо работникам министерств?

Почему не прислушиваются к мнению ученых и практиков сельского хозяйства?
Почему наша официальная критика не отражает мнения научной общественности, а старается угодить Т.Д.Лысенко?

В результате деятельности Т.Д.Лысенко тормозится развитие сельскохозяйственного опытного дела и советской генетической и селекционной науки благодаря сложной системе семеноводства, выдвинутой Т.Д.Лысенко, замедляющей внедрение районированных селекционных сортов, почему и теряются сотни миллионов пудов хлеба.

Краткие выводы и предложения

1. Академик Лысенко чужд историзма в сельскохозяйственной науке. Отсюда много в его открытии давно открытого.

2. Он чужд представления о ведущем значении вопросов сельскохозяйственного районирования, экономики и организации сельскохозяйственного производства, организации единой системы сельскохозяйственного опытного дела.

3. Односторонний, так называемый агробιοлогический уклон в его деятельности тормозит всю сельскохозяйственную науку, а также отдельные ее звенья. Сам же вместо дарвиниста стал ламаркистом.

4. Он не замечает отрыва его науки от запросов сельскохозяйственного производства. Как крайний эгоцентрик, он тонет в догматике, в непогрешимости и саморекламе.

5. Он уклоняется от дальнейшего укомплектования вымирающей Всесоюзной академии с.-х. наук имени В.И.Ленина, боясь проникновения туда людей иного, чем он, толка.

6. Срочно реформировать систему с.-х. опытного дела, о чем я докладывал т.Маленкову и ЦК ВКП(б). Во главе всего опытного дела поставить реформированный ВАСХНИЛ.

7. Немедленно освободить Т.Д.Лысенко от обязанностей президента ВАСХНИЛ и произвести довыборы академиков и членов-корреспондентов без какого-либо нажима со стороны Т.Д.Лысенко.

8. Изъять из монопольного пользования Т.Д.Лысенко все вышеназванные журналы ("Агробιοлогия", "Селекция и семеноводство", "Доклады ВАСХНИЛ-Ла", "Труды Института генетики АН СССР" — В.Е.).

9. Созвать при ЦК ВКП(б) совещание по вопросам селекции и генетики и реформы системы сельскохозяйственных опытных учреждений.

Глубоко уважающий Вас действительный член Всесоюзной академии с.-х. наук имени Ленина, лауреат Сталинской премии, зав.кафедрой селекции, семеноводства и методики опытного дела Тимирязевской с.-х. академии проф.П.Константинов".³⁵

Но "корифей науки" и "вождь народов" уже не желает никого слушать. 23 июля он получает следующее послание:

"Товарищу И.В.СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу Вас просмотреть написанный мною доклад "О положении в советской биологической науке", который должен быть доложен для обсуждения на июльской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина.

Я старался как можно лучше с научной стороны, правдиво изложить состояние вопроса.

Доклад т.Юрия Жданова формально я обошел, но фактически содержание моего доклада во многом является ответом на его неправильное выступление, ставшее довольно широко известным.

Буду рад и счастлив получить Ваши замечания.

Президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина академик Т.Лысенко
23 VII 1948 г.”.³⁶

Текст доклада Лысенко первоначально состоял из 10 разделов и занимал 49 страниц. Сталин зачеркнул весь второй раздел доклада, который имел название “Основы буржуазной биологии ложны”, сохранив в нем только абзац с критикой физика Э.Шредингера и написав против него на полях: “ЭТО В ДРУГОМ МЕСТЕ”.³⁷ В этом же разделе Сталиным было подчеркнuto положение: “Любая наука — классовая” — и на полях написано: “ХА-ХА-ХА... А МАТЕМАТИКА? А ДАРВИНИЗМ?”. Были сделаны и другие сокращения, в том числе в десятом разделе четыре абзаца с указанием на “драгоценные руководящие указания... в работах товарища Сталина” и цитатами из его труда “Анархизм или социализм?”. Сталин определил и направления доработки лысенковского доклада. Так, в третьем разделе (он станет вторым) у четвертого абзаца появится замечание: “А НЕДОСТАТКИ ДАРВИНОВСКОЙ ТЕОРИИ?”. Это приведет к тому, что последующие 9 абзацев будут написаны дополнительно. В первом же абзаце четвертого раздела (он стал третьим) упоминались Морган и Йогансен. Против него Сталин написал на полях: “А ВЕЙСМАН?”. Это привело к тому, что после первой же фразы этого абзаца дополнительно появились 12 абзацев с критикой Вейсмана. Рукопись содержит и значительное число редакционных правок Сталина, которыми он усиливал идеологические акценты ряда положений. Например, буржуазное мировоззрение было заменено им на ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ мировоззрение, а буржуазная генетика становилась РЕАКЦИОННОЙ генетикой и т.п.

Из правки, внесенной И.В.Сталиным в доклад Т.Д.Лысенко “О положении в советской биологической науке”:

“...Представители неodarвинизма — менделисты-морганисты считают совершенно научным стремлением исследователей управлять наследственностью организмов путем соответствующего изменения условий жизни этих организмов. Поэтому менделисты-морганисты и называют мичуринское направление в агро-биологии неолamarкистским, на их взгляд, совершенно порочным, ненаучным.

В действительности же дело обстоит как раз наоборот.

Во-первых, те³⁸ ИЗВЕСТНЫЕ положения ламаркизма, которыми признается активная роль условий внешней среды в формировании живого тела и НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ ПРИОБРЕТЕННЫХ СВОЙСТВ в противоположность метафизике неodarвинизма (вейсманизма), — отнюдь не порочны, а, наоборот, совершенно верны И ВПОЛНЕ НАУЧНЫ.

Во-вторых, мичуринское направление отнюдь НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ НИ НЕОлармаркистским [не является], а являет собой творческий советский дарвинизм, ОТВЕРГАЮЩИЙ ОШИБКИ ТОГО И ДРУГОГО И СВОБОДНЫЙ ОТ ОШИБОК ТЕОРИИ ДАРВИНА В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ПРИНЯТОЙ ДАРВИНЫМ СХЕМЫ МАЛЬТУСА.

НЕЛЬЗЯ ОТРИЦАТЬ ТОГО, ЧТО В СПОРЕ, РАЗГОРЕВШЕМСЯ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА МЕЖДУ ВЕЙСМАНИСТАМИ И ЛАМАРКИСТАМИ, ПОСЛЕДНИЕ БЫЛИ БЛИЖЕ К ИСТИНЕ, ИБО ОНИ ОТСТАИВАЛИ ИНТЕРЕСЫ НАУКИ, ТОГДА КАК ВЕЙСМАНИСТЫ УДАРИЛИСЬ В МИСТИКУ И ПОРЫВАЛИ С НАУКОЙ.

(ЦИТАТА ИЗ ШРЕДИНГЕРА — СТР.2-3)...”.³⁹

Сюда был перенесен абзац из зачеркнутого Сталиным второго раздела первоначального текста доклада Лысенко: “Истинную идеологическую подоплеку морганистской генетики хорошо (невзначай для наших морганистов) вскрыл буржуазный физик Э.Шредингер. В своей книге “Что такое жизнь с точки зрения физики?”, одобрительно излагая хромосомную ВЕЙСМАНИСТСКУЮ теорию, он пришел к ряду философских выводов. Вот основной из них: “...личная индивидуальная душа равна вездесущей, всепостигающей, вечной душе”. Это свое главное заключение Шредингер считает “...наибольшим из того, что может дать биолог, пытающийся одним ударом доказать и существование бога, и бессмертие души”.⁴⁰

Таким образом, Сталин не только поддержал Лысенко и позволил ему выступить с докладом на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Он был редактором лысенковского доклада и в определенной мере ее соавтором. Лысенковщина — это прямое проявление сталинщины в науке, прямое вторжение административно-карательной системы в развитие научных дисциплин.

До настоящего времени историки отечественной биологии, говоря о реалиях погроста генетики в СССР, основывались на тексте приказа министра высшего образования С.Ф.Кафтанова № 1213 от 23 августа 1948 г. и материалах расширенного заседания Президиума Академии наук СССР, состоявшегося 24-26 августа 1948 г. Принятое на этом заседании постановление президиума АН СССР, как пишет В.Н.Сойфер, "подводило черту под разгром генетики"⁴¹. Еще в 1991 году, в связи со столетием С.И.Вавилова, мы отмечали, что вопрос о проведении расширенного заседания Президиума АН СССР не определялся самим Президиумом Академии, а был предопределен Центральным Комитетом ВКП(б)⁴². Принятые и Министерством высшего образования СССР и Президиумом Академии наук СССР решения служили лишь прикрытием репрессивной политики партийно-политического руководства страны. Практически все конкретные предложения, зафиксированные и обнародованные как якобы проведенные органами по руководству наукой и высшей школой, были приняты на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

Сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу 7 августа 1948 г. Уже 9 августа на ближайшем же заседании Оргбюро ЦК обсуждались мероприятия по проведению в жизнь рекомендаций сессии. Заседание проходило под председательством Г.М.Маленкова. Оно обсудило и вопрос "О мероприятиях по перестройке работы научных учреждений, кафедр, издательств и журналов в области биологии и укреплении этих участков квалифицированными кадрами — мичуринцами". В обсуждении этого вопроса, как свидетельствует протокольная запись, приняли участие Шепилов, Кафтанов, Немчинов, Столетов, Презент, Маленков. Было принято следующее решение:

"ЦК ВКП(б) считает нетерпимым, что важнейшие участки биологической науки до сих пор находятся в руках антимичуринцев-вейсманистов (менделистов-морганистов).

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать т. Кафтанова в 3-дневный срок представить в ЦК ВКП(б) отчет о состоянии преподавания биологических наук в высших учебных заведениях и мероприятия по укреплению биологических кафедр вузов.

2. Обязать т. Бенедиктова в 3-дневный срок представить в ЦК ВКП(б) отчет о состоянии сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений и мероприятия по дальнейшему развитию мичуринской агробиологии.

3. Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б):

а) в 3-дневный срок представить в ЦК ВКП(б) мероприятия по укреплению биологического отделения и биологических институтов Академии наук СССР;

б) в 3-дневный срок проверить биологические и сельскохозяйственные журналы (состав редколлегии, идейное направление, программу работ) и представить в ЦК ВКП(б) предложения по перестройке журналов, обеспечивающих теоретическую разработку и широкую пропаганду мичуринской биологии.

4. Обязать директора ОГИЗа т. Ревина и директора Сельхозгиза т. Абросимова в 3-дневный срок представить в ЦК ВКП(б) отчет об издательской деятельности в области агробиологии и издательских планах, обеспечивающих широкую популяризацию мичуринской агробиологии.

5. Обязать тт. Шепилова и Козлова изучить материалы сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина по вопросу о положении в биологической науке, рассмотреть предложения, внесенные участниками сессии, и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) соответствующий проект решения.

6. Поручить тт. Шепилову и Козлову в 3-дневный срок подготовить и внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложения об укреплении кадрами-мичуринцами основных научно-исследовательских учреждений и кафедр в области биологии"⁴³.

Это постановление ЦК ВКП(б) закрепило утверждение лысенковщины и явилось прямой атакой на биологическую науку, предопределившей все последующие акции. Хотя данное решение предусматривало трехдневный срок для рассмотрения кадровых вопросов, но "победителям" не терпится, они жаждут быстрее попраить своих противников. На этом же заседании Оргбюро ЦК проводятся и первые персональные изменения. В.С.Немчинов освобождается от должности директора Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и на его место утверждается В.Н.Столетов. Затем был рассмотрен вопрос о заведующем кафедрой дарвинизма биологического факультета и о декане биологического факультета Московского государственного университета. ЦК освободил И.И. Шмальгаузена от заведования кафедрой, а С.Д.Юринцева от обязанностей декана. На обе эти должности был утвержден И.И.Презент. На место освобожденного от обязанностей заведующего кафедрой генетики Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева А.Р.Жебрака был назначен сам Т.Д.Лысенко. Произошла и замена декана биологического факультета Ленинградского государственного университета — вместо освобожденного М.Е.Лобашева был утвержден Н.В.Турбин. Был рассмотрен и вопрос о проректоре по научной части Ленинградского государственного университета. Оргбюро ЦК освободило от этих обязанностей Ю.И.Полянского, но его преемник определен не был. По каждому из этих пяти персональных вопросов с обоснованием производимых перемен выступали Шепилов, Кафтанов и Маленков. Все персональные изменения выносились на утверждение Политбюро ЦК, т.е. Сталина, и были им одобрены⁴⁴.

Торопливость руководства и подготовленность лысенковцев позволили уже через день, 11 августа 1948 г., продолжить наступление представителей "мичуринской биологии" на заседании Секретариата ЦК ВКП(б), также проходившем под председательством Г.М.Маленкова. В этот день на заседании оперативного органа партии были обсуждены 20 вопросов, непосредственно вытекавших из итогов сессии ВАСХНИЛ. Прежде всего Секретариат ЦК обсудил отчет Министерства высшего образования о состоянии биологических наук в высших учебных заведениях и о мероприятиях по укреплению биологических кафедр вузов. После выступлений Кафтанова, Лысенко и Маленкова предоставленный проект постановления был в основном принят, а Шепилову, Кафтанову и Козлову поручалось "в суточный срок представить в Секретариат ЦК окончательно отредактированный проект постановления"⁴⁵.

Затем последовали кадровые вопросы: о заведующем кафедрой дарвинизма и генетики Харьковского государственного университета имени А.М.Горького (освободить И.М.Полякова и утвердить на его место С.Д.Шестакова); о заведующем кафедрой разведения сельскохозяйственных животных Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева (назначить С.А.Кудряшова вместо устранившего Е.Я.Борисенко); о председателе Экспертной комиссии Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР (освободить от этой должности П.М.Жуковского и утвердить на его место Д.А.Долгушина); о заведующем кафедрой динамики развития организма МГУ (на место М.М.Завадовского был утвержден Б.А.Кудряшов). Секретариат ЦК рассмотрел вопрос Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства, постановив вывести из состава членов комитета П.М.Жуковского и В.С.Немчинова и ввести Д.А.Долгушина и П.Н.Яковлева. Был поставлен вопрос и о директоре Биологического музея имени Тимирязева, в результате чего Шепилову, Кафтанову и Зуевой было поручено "вызвать т. Завадовского Б.М. и в суточный срок внести свои предложения"⁴⁶.

Следующие также семь вопросов, обсуждавшихся на Секретариате ЦК, были посвящены ведомству Министерства сельского хозяйства СССР. Был заслушан отчет Министерства о состоянии сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений и о мероприятиях по обеспечению дальнейшего развития мичуринской агробиологии. После выступлений Бенедиктова, Козлова и Маленкова проект предложенного постановления также был в основном принят. Вместе с тем,

созданной комиссии в составе Козлова, Бенедиктова, Лысенко, Скворцова, Лобанова и Ильичева поручалось подготовить проект постановления и окончательной редакции и определялось: "в проекте резче указать на недостатки руководства со стороны Министерства сельского хозяйства СССР сельскохозяйственными научно-исследовательскими учреждениями и конкретнее определить задачи и обязанности Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства совхозов СССР в обеспечении дальнейшего развития мичуринской агробиологии. Срок — 3 дня"⁴⁷.

Секретариат ЦК освободил Н.В.Цицина от обязанностей председателя Государственной комиссии по сортоиспытанию зерновых культур, утвердив на эту должность А.В.Крылова, работавшего директором Научно-исследовательского института земледелия имени Докучаева, а также утвердил новый состав этой комиссии. Были приняты персональные решения об освобождении от работы директора по науке Александровской государственной селекционной станции А.Ф.Будкова, начальника Управления Юго-Востока Главного управления зерновых и масличных культур Н.Я.Ицкова, начальника Отдела овцеводства Главного управления животноводства МСХ СССР Е.К.Дейхмана. Произошла смена редактора журнала "Советская агрономия" — вместо освобожденного В.И.Твердовского был утвержден Г.И.Павлов.

Два следующих вопроса были посвящены Академии наук СССР. При обсуждении мероприятий по укреплению биологического отделения и биологических институтов АН СССР выступили Вавилов, Шепилов, Лобанов, Орбели, Лысенко и Маленков. Секретариат ЦК постановил:

"Признать неудовлетворительным состояние руководства со стороны президиума Академии наук СССР и отделения биологических наук биологическими учреждениями Академии наук СССР.

Поручить комиссии в составе гг. Маленкова (созыв), Вавилова, Лысенко, Кафтанова, Шепилова, Бенедиктова, Орбели, Козлова и Лобанова в 3-дневный срок выработать проект постановления о мероприятиях по укреплению биологического отделения и биологических институтов Академии наук СССР"⁴⁸.

А следом Секретариат ЦК освободил академика И.И.Шмальгаузена от обязанностей директора Института эволюционной морфологии АН СССР и поручил Шепилову и Вавилову в 2-дневный срок представить кандидатуру на должность директора этого института.

Как орган политического руководства Секретариат ЦК 11 августа 1948 г. обсудил и вопросы издания и широкой пропаганды материалов сессии ВАСХНИЛ. Был заслушан отчет ОГИЗ об издательской деятельности в области агробиологии и издательских планах, обеспечивающих широкую популяризацию мичуринской агробиологии, поручив Шепилову "предварительно рассмотреть этот вопрос в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с тем, чтобы на очередном заседании обсудить соответствующий проект постановления". К этому заседанию были уже подготовлены "предложения Отдела пропаганды и агитации ЦК и Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б) на основе изучения выступлений на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина". Заведующим этих отделов Шепилову и Козлову было поручено в двухдневный срок оформить предложения в соответствующий проект постановления.

19-ым вопросом, обсуждавшимся в тот день Секретариатом ЦК, стало издание материалов сессии ВАСХНИЛ. ЦК ВКП(б) поручил Государственному издательству сельскохозяйственной литературы в 3-дневный срок выпустить отдельной брошюрой тиражом в 300 тыс. экземпляров доклад академика Т.Д.Лысенко "О положении в биологической науке" и заключительное слово по докладу, обязал это издательство выпустить 29 августа стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ, тиражом 200 тыс. экземпляров, утвердил редколлегию по подготовке к печати стенографического отчета в составе В.Н.Столетова, А.М.Сиротина и Г.К.Объедкова и обязал Министерство лесной и бумажной промышленности поставить изда-

тельству на издание материалов сессии ВАСХНИЛ "200 тонн типографской бумаги за счет уменьшения поставок в госрезерв по плану 1948 г."⁴⁹.

Приведенные материалы Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) убедительно свидетельствуют, что уже на четвертый день после окончания сессии ВАСХНИЛ Лысенко добился всего, что его "душеньке угодно". Устранены всяческие препятствия на пути утверждения его "теорий", ликвидируются очаги ненавистной ему классической биологии и генетики в научных учреждениях и вузах, сняты с работы почти все неудобные ему деятели науки и выразившие сомнения работники аппарата, все издательское дело и вся система популяризации науки перестраивались на пропаганду мичуринской агробиологии, его труды выходят мгновенно и огромными тиражами. Еще не все документы окончательно отредактированы, но это не беспокоит Лысенко, ибо все его устремления и желания оформляются в виде непрерываемых партийных решений. Он удовлетворен. Он сам, не будучи членом партии, присутствовал на заседаниях руководящих органов ВКП(б) и воздействовал на определение партийных директив. И это удовлетворение находит отражение еще в одном пункте повестки дня заседания Секретариата ЦК от 11 августа 1948 г.:

"82. Об отпуске т. Лысенко Т.Д.

1. Предоставить т. Лысенко Т.Д. месячный отпуск для лечения с 16 августа с.г.

2. Обязать гг. Чадаева и Егорова (Лечсанупр Кремля) обеспечить лечение т. Лысенко"⁵⁰.

16 августа 1948 г. Секретариат ЦК вновь обсуждает комплекс вопросов по утверждению мичуринского учения и по представлению комиссий, образованных на предыдущем заседании, и принимает ряд постановлений.

В постановлении ЦК ВКП(б) "О состоянии преподавания биологических наук и о мерах по укреплению биологических кафедр в высших учебных заведениях" говорилось:

"Заслушав отчет т. Кафтанова, ЦК ВКП(б) отмечает неудовлетворительное руководство со стороны Министерства высшего образования делом преподавания биологических наук в высших учебных заведениях.

В ряде важнейших высших учебных заведениях на кафедрах биологических наук и в экспертных комиссиях по биологии Высшей аттестационной комиссии руководящие посты оказались в руках сторонников вейсманистского (менделеевско-моргановского) направления (Шмальгаузен, Жебрак, Завадовский М., Жуковский, Поляков и другие), а сторонники передовой советской биологии были оттеснены".

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) обязал Министерство высшего образования СССР (т.Кафтанова): В месячный срок укрепить состав руководителей кафедр и преподавателей биологических дисциплин в сельскохозяйственных, педагогических и медицинских институтах и на биологических факультетах университетов квалифицированными кадрами-мичуринцами. В недельный срок пересмотреть состав экспертных комиссий по биологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, привлечь к работе комиссий авторитетных деятелей передовой советской науки. В месячный срок пересмотреть и переработать учебные планы и программы преподавания биологических наук с тем, чтобы обеспечить в вузах правильное и всестороннее освещение вопросов дарвинизма и мичуринского учения. Планы издания для вузов учебников и учебных пособий должны были представляться на рассмотрение ЦК ВКП(б). Постановление предписывало пересмотр планов научно-исследовательских работ биологических факультетов и проверку контингента аспирантов на кафедрах дарвинизма и генетики. Предусматривалось проведение в августе собрания актива работников министерства совместно с директорами высших учебных заведений и руководителями научных учреждений Москвы. Министр высшего образования т. Кафтанов был обязан представить отчет о выполнении данного постановления к 1 октября 1948 г.⁵¹.

16 августа 1948 г. было принято и постановление ЦК ВКП(б) "О мерах укрепления биологических учреждений Академии наук СССР", текст которого приводится полностью:

”ЦК ВКП(б) отмечает неудовлетворительное руководство со стороны президиума Академии наук СССР биологическими учреждениями Академии. В ряде биологических институтов и лабораторий Академии наук СССР при поддержке со стороны бюро отделения биологических наук Академии третирировалось передовое мичуринское направление в биологии, поддерживались метафизические концепции последователей реакционных теорий Вейсмана, Менделя, Моргана. На руководящих постах некоторых биологических учреждений Академии наук оказались противники мичуринского учения. Научные учреждения отделения биологических наук слабо содействуют решению практических задач социалистического строительства.

Считая одной из важнейших задач Академии наук СССР и ее биологических учреждений развитие передовой мичуринской биологической науки, связанной с практикой социалистического строительства, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Пересмотреть план основных научно-исследовательских работ биологических учреждений Академии наук СССР, изъять из плана антинаучную вейсмановскую тематику и заменить ее актуальными проблемами, отвечающими задачам социалистического строительства, разработать мероприятия по внедрению достижений биологических наук в сельское хозяйство.

Для пересмотра плана научно-исследовательских работ Академии наук в области биологии создать комиссию в составе: Вавилова (созыв), Лысенко, Орбели, Опарина, Бенедиктова, Кафтамова, Смирнова Е.И., Скворцова, Столетова, Глушенко, Лобанова, Скрябина.

2. Предложить президиуму Академии наук СССР:

а) укрепить бюро отделения биологических наук Академии и важнейшие участки биологических учреждений квалифицированными кадрами ученых-мичуринцев и обеспечить разработку биологическими учреждениями Академии наук СССР наиболее актуальных проблем биологической науки, отвечающих насущным вопросам социалистического строительства;

б) упразднить, как самостоятельную научную единицу, в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лабораторию цитогенетики, возглавляемую проф. Дубининым, как стоящую на антинаучных позициях и доказавшую в течение ряда лет свое практическое бесплодие; использовать научных работников лаборатории, способных перестроить свои исследовательские работы на основе мичуринской методологии, в соответствующих институтах биологического отделения, либо на практической работе в области сельского хозяйства;

в) пересмотреть в срок до 1 октября 1948 г. план издания научных трудов Академии в области биологии; укрепить состав редколлегии периодических изданий отделения биологических наук передовыми учеными-мичуринцами;

г) пересмотреть план подготовки аспирантов при институтах отделения биологических наук, руководствуясь в деле подготовки научных кадров интересами развития мичуринской биологической науки;

д) включить в план Комиссии по изданию научно-популярной литературы при президиуме Академии подготовку книг и брошюр, популяризирующих мичуринское учение.

3) Принять к сведению сообщение т. Вавилова С.И., что в ближайшие дни будет созван президиум Академии наук СССР для рассмотрения вопроса о мерах укрепления биологического отделения и биологических институтов Академии наук СССР и что на заседании президиума будут приняты решения в духе настоящего постановления ЦК”⁵².

На этом же заседании Секретариата ЦК была дана оценка отчета ОГИЗа об издательской деятельности в области агробиологии и издательских планах, обеспечивающих широкую популяризацию мичуринской агробиологии, а также была создана комиссия под председательством Сулова для разработки плана издания биологической литературы; в основном одобрен выработанный комиссией проект постановления ЦК по отчету Министерства сельского хозяйства СССР о

состоянии сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений и поручено Маленкову и Сулову его окончательное редактирование; создана комиссия для выработки предложений о передаче в ведение Министерства сельского хозяйства из Министерства высшего образования сельскохозяйственных вузов.

Хотелось бы обратить внимание на любопытную особенность решений Секретариата ЦК от 11 и 16 августа 1948 г., да и последующих его заседаний с обсуждением вопросов мичуринской биологии. Ни одно из принятых на них постановлений не посылалось на утверждение Политбюро ЦК. Это может означать, что принятие решений по всему кругу вопросов, вытекавших из итогов сессии ВАСХНИЛ, было "отцом народов" и "корифеем науки" возложено на Г.М.Маленкова, что наглядно прослеживается в приведенных материалах.

Именно постановления ЦК партии определили те репрессивные меры, которые нанесли непоправимый ущерб отечественной биологии и стали известны из приказа министра высшего образования от 23 августа 1948 г. и из решений расширенного заседания президиума Академии наук СССР от 26 августа 1948 г.

Если до сессии ВАСХНИЛ биологи и генетики еще надеялись, что их мнение может оказать влияние на определение направлений научной политики государства, то после нее развитие биологических наук, и прежде всего генетики, на десятилетия превратилось в политическую проблему, решалось номенклатурой, последствия чего полностью не устранены и ныне.

Примечания

- ¹ Graham L.R. Science and philosophy in the Soviet Union. New York, 1972. P. 443.
- ² Сойфер В.Н. Наука и власть: История разгрома генетики в СССР. США: Изд-во "Эрмитаж", 1989. С. 386.
- ³ Фролов И.Т. Философия и история генетики: Поиски и дискуссии. М., 1988. С. 21.
- ⁴ Из истории борьбы с лысенковщиной / Публикация В.Есакова, С.Ивановой, Е.Левинной // Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 125-141; N 6. С. 157-173; N 7. С. 109-121. В течение десятилетий существовала практика, что документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве, могут быть опубликованы только в печатных органах ЦК партии.
- ⁵ Сойфер В.: 1) Горький плод // Огонек. 1988. N 1. С. 27; 2) Наука и власть... С. 369, 372.
- ⁶ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 126-129.
- ⁷ Там же. С. 130.
- ⁸ Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 360, л. 5.
- ⁹ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 132.
- ¹⁰ Сойфер В.Н. Наука и власть... С. 370, 372.
- ¹¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 548, л. 103.
- ¹² Там же, д. 547, л. 6-69.
- ¹³ Там же, л. 70-112.
- ¹⁴ Там же, л. 1-3.
- ¹⁵ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 133-134.
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, л. 126-127.
- ¹⁷ В записке были отмечены доклады В.В.Сахарова, М.С.Навашина, Б.Л.Астаурова, Я.Л.Глембоцкого, Б.Н.Сидорова и Н.Н.Соколова, М.Л.Карпа.
- ¹⁸ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 135-137.
- ¹⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 303, л. 2.
- ²⁰ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 4. С. 137-140.
- ²¹ Там же. С. 140-141.
- ²² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 547, л.1-12.
- ²³ Сурков А., Твардовский А., Фиш Г. На суд общественности // Лит. газ. 1947. 30 авг.
- ²⁴ Лаптев И.Д. Антипатриотический поступок под флагом "научной" критики // Правда. 1947. 2 сент. На следующий день эта статья была напечатана в газете "Соц. земледелие".
- ²⁵ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 6. С. 163-164.
- ²⁶ Там же. С. 159-163.
- ²⁷ См.: Шмальгаузен И.И. Вопросы дарвинизма: Неопубликованные работы. М., 1990. Ряд материалов опубликован без указания, что эти тексты направлялись в ЦК партии.
- ²⁸ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 7. С. 109.
- ²⁹ Там же. С. 110.
- ³⁰ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 177, л. 30, 31 об.
- ³¹ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 7. С. 111.

- ³² Там же. С. 112.
- ³³ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 1, д. 991, л. 83.
- ³⁴ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 7. С. 112-113.
- ³⁵ Там же. С. 116-119.
- ³⁶ Там же. С. 119-120.
- ³⁷ Прописными буквами дан текст, написанный Сталиным собственноручно на первом варианте доклада Лысенко.
- ³⁸ В квадратные скобки заключены слова, вычеркнутые Сталиным.
- ³⁹ Изв. ЦК КПСС. 1991. N 7. С. 120-121. Текст доклада Лысенко с правкой Сталина см.: РЦХИДНИ, ф. 558, д. 5285.
- ⁴⁰ О положении в биологической науке: Стенограф. отчет сессии ВАСХНИЛ 31 июля-7 августа 1948 г. М., 1948. С. 14-15.
- ⁴¹ *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М. "Лазурь". 1993. С. 421.
- ⁴² *Есаков В.Д.* Мифы и жизнь // "Наука и жизнь". 1991. N 11. С. 116-117.
- ⁴³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 365. Л. 3-4.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6-7.
- ⁴⁵ Там же. Д. 366. Л. 1-2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 3.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Л. 5.
- ⁴⁹ Там же. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Л. 19.
- ⁵¹ Там же. Д. 368. Л. 3-4.
- ⁵² Там же. Л. 5-6.

М.Г.Ярошевский

КАК ПРЕДАЛИ ИВАНА ПАВЛОВА

Летним днем 1949 года Сталин прогуливался по роскошному саду хорошо законспирированной дачи в Сочи¹.

Он ожидал вызванного им министра здравоохранения Ефима Ивановича Смирнова. Ефим Иванович был известен в годы Великой Отечественной войны как выдающийся организатор военно-медицинской и санитарной службы, позволившей вернуть в строй миллионы раненых. Для самого генерал-полковника Смирнова вызов к Сталину был неожиданным. К тому же Ефим Иванович чувствовал себя неважно. Он лечился в то время в санатории в Железноводске. Впрочем, и там продолжал работать, поскольку президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов уговорил его выступить с докладом на юбилейном заседании, посвященном исполняющемуся в 1949 г. 100-летию со дня рождения И.П.Павлова. Вот он и сидел за текстом предстоящего доклада, перечитывал труды великого физиолога. Некогда, будучи студентом Военно-медицинской академии в Ленинграде, он слушал лекции И.П.Павлова и его ближайшего сотрудника Леона Абгаровича Орбели. Много знал о Павлове, о его независимом характере. Иван Петрович не принял однажды Молотова, пришедшего не в тот час, когда они условились встретиться. Лишь к Кирову у Павлова было особое отношение. Принимал его в любое время. Доверял ему. Павлову дорога была позиция Кирова — ученые сами должны определять, чем им заниматься. Никто не в праве вмешиваться в их творческие дела. Эта традиция прочно утвердилась в руководимых Павловым лабораториях. После Павлова ее поддерживал Орбели, назначенный по представлению Е.И.Смирнова начальником Военно-медицинской академии.

Орбели вел очень важные исследования, касающиеся изменения физиологических функций человека в экстремальных условиях, что имело оборонное значение. Честность и прямота суждений в сочетании с высоким демократизмом отличали отношения Орбели с окружающими. Ленинградским ученым запомнилось выступление Орбели в трудные дни 1937 года, когда на собрании руководимого им института он твердо сказал, что бдительность заключается не только в том, чтобы найти виновных, но и не считать ими невиновных.

Но вернемся к лету 1949 года, когда Е.И.Смирнов в железноводском санатории готовил доклад к столетию И.П.Павлова. Эту работу прервал звонок из МГБ с предложением выехать к Сталину. Начальник охраны Сталина Власик доставил его на дачу, где Ефим Иванович провел трое суток в беседах с ее хозяином. Беседовали о многом. У министра Смирнова было тщательно продуманное им предложение о том, чтобы в целях решительного повышения квалификации участковых врачей объединить поликлинику и больницу. Для подготовки постановления об этом требовалось создать правительственную комиссию. Зная о близости к Сталину Мехлиса Смирнов предложил поставить его во главе комис-

сии. "Кого Вы назвали?" — спросил Сталин, приложив руку к уху, делая вид, будто не расслышал. Смирнова озадачила эта реакция, у Сталина был прекрасный слух. Он повторил свое предложение. И тут, — как вспоминает Ефим Иванович, Сталин начал хохотать, схватившись за живот и вытирая слезы. "Да разве Мехлиса можно назначать на созидательные дела, — сказал он. — Вот что-нибудь разрушить, разгромить, уничтожить — для этого он подходит. Вам же нужно положительное решение". Когда речь зашла о лечении ответственных работников, Сталин вдруг спросил: "Почему Жданова и Димитрова лечил один врач?". Смирнов рассказал известное ему о причинах смерти этих партийных деятелей. "Один врач", — повторил Сталин. В беседе с автором этих строк Ефим Иванович высказал предположение, что, быть может, уже тогда у Сталина зародилась версия о врачах-отравителях. Как только возникло "дело врачей" Е.И.Смирнов был немедленно снят с поста министра. Трижды, как потом рассказывал Смирнову Поскребышев, Берия приходил к Сталину за санкцией на его арест. Была создана комиссия, о выводах которой можно судить по реплике Н.С.Хрущева, вызвавшего к себе Е.И.Смирнова в апреле 1953 года: "Над Вами, Ефим Иванович, висел Дамоклов меч".

Конечно, прогуливаясь со Сталиным мимо апельсиновых и лимонных деревьев, Смирнов не мог догадаться о потаенных мыслях своего собеседника. И так же, как Смирнов не мог предположить, что скрыто за сталинской репликой "один врач", он не мог догадаться о потаенном смысле сталинских рассуждений о пользе научных дискуссий. В данном случае — в физиологии. Смысл же этот, — как сказал мне Ефим Иванович, — заключался в том, чтобы расправиться с Орбели и другими независимо мыслящими учеными. Свое, воспринятое от Павлова убеждение в том, что ученый должен быть "хозяйном в собственном деле", Орбели ни от кого не скрывал. Широко известно было его поведение в период сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Орбели, будучи академиком-секретарем отделения биологии Академии наук, на сессию не явился, продемонстрировал, тем самым, свое отношение к Лысенко и его клике.

По мнению Е.И.Смирнова, когда Сталин беседовал с ним на даче по поводу дискуссии об учении И.П.Павлова, он придумал ее "для проформы", получив либо непосредственно, либо от зав.отделом науки Ю.И.Жданова сигналы от ближайших к Орбели лиц, по поводу настроений последнего и отношения к тому, что творилось в биологии.

В завершении беседы Сталин дал поручение организовать дискуссию по физиологии. Его записка была адресована Г.М.Маленкову, Ю.А.Жданову и Е.И.Смирнову².

Так, летом 1949 года по записке, отправленной со сталинской дачи, началась подготовка состоявшейся через год "павловской сессии", сыгравшей пагубную роль в судьбах советской науки.

Патологический страх перед независимой мыслью, перед любым проявлением личностного начала в человеке был изначально присущ Сталину. Этот страх, коренившийся в его притязаниях на то, чтобы быть в великой стране единственной личностью, приобретал с изменением социальных условий различные формы. Военный разгром фашизма означал также и крушение его людоедской идеологии.

Общая с союзными странами военная победа мнилась Сталину опасной для духовной жизни народа из-за перспективы сближения с культурой этих стран, которая начисто считалась буржуазной. Он ощущал в таком сближении угрозу для насаждавшегося им авторитарного "черно-белого" способа мышления³. Отсюда и его сценарий управления духовной жизнью страны в послевоенные годы. Во-первых, русская культура противопоставлялась западной. Во-вторых, он утверждал себя в роли высшего судьи в любых вопросах культуры, включая науку, с тем, чтобы воцарилось единообразие и обязательное для всех подданных великой тоталитарной империи понимание явлений природы и общества, повсеместно контролируемое его мощным бюрократическим аппаратом. Общечеловеческие ценности противопоставлялись классовому подходу. Решение же вопроса о том,

какие идеи и оценки ему соответствуют, а какие нет, принадлежало Сталину и его аппарату. Сталин мыслил системно. Методически реализуя задуманное, он предпринимал из года в год одну идеологическую акцию за другой⁴. Вслед за постановлением о журналах "Звезда" и "Ленинград" (1946) последовала так называемая философская дискуссия (1947). Поводом для нее послужила книга Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии". Её автору, занимавшему высокий пост члена Оргбюро ЦК и начальника Управления агитации и пропаганды, Сталин инкриминировал объективизм, отступление от принципа партийности. Он высказал эти обвинения в беседе с группой философов, поручив им публично обсудить книгу.

Мне довелось побывать на этом обсуждении, тон которого был довольно корректным⁵. Недовольный Сталин поручил тогда дело А.А.Жданову, учинившему разгром книги Александрова, перемещенного в Институт философии. Сталин хорошо разбирался в психологии своего окружения. Он знал, каким образом рядовой преподаватель Александров, после того как в 1937-38 гг. летели одна голова за другой, оказался в высшем партийном эшелоне. Знал, что приняв приписанную ему Сталиным вину, будет любыми средствами её "искупать". И он не ошибся. Философ Александров, успевший получить звание академика, сыграл зловещую роль во всех последовавших за экзекуцией над ним "дискуссиях"⁶.

В философской дискуссии, как и в нескольких других, проявилась одна из особенностей сталинского стиля их организации. Всем её участникам было известно, что он — инициатор и режиссер. Но он не "опускался" до того, чтобы самому появиться на сцене. Началось с философии, поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть — всех наук. Затем наступил черед конкретных наук. В 1948 году — печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, на которой был "разоблачен" менделизм-морганизм. Личное участие Сталина в этом зловещем для нашей биологии событии достаточно известно. Замечу, что генетику громили еще и потому, что она в отличие от "мичуринской биологии" была занесена в Россию с чуждой почвы, хотя, как известно, русским ученым принадлежал выдающийся вклад в ее развитии.

В следующем 1949 году была объявлена война "космополитизму", прокатившаяся сперва по литературе, а затем и по ряду научных дисциплин. Нападкам подвергались теория относительности Эйнштейна, теория резонанса в химии, ряд биологических и психологических теорий. Под особое подозрение попали труды советских авторов с нерусскими фамилиями...

В 1950 году первой прошла дискуссия по вопросам языкознания, в которой Сталин сам принял участие. Его тривиальные соображения о языке и его отношении к мышлению немедленно были превращены в "гениальное сталинское учение о языке", ставшее предметом диссертаций и даже специальных университетских курсов.

Ведомое узкому кругу специалистов будь то вопросы устройства генома, отношения между лексикой и грамматикой или локализации нервных функций требовалось знать всему народу. Для этого были мобилизованы газеты и огромная сеть политпросвещения. Они разъясняли кто "прав" и кто "виноват".

Положение заклеянных как "неправые" становилось трагическим. Им приходилось либо каяться вопреки истине и убеждениям, либо, сохраняя свои убеждения, становиться жертвой дискриминации, административных репрессий, лишавших возможности вести в дальнейшем научную работу. Ведь несогласие с очернительской критикой означало конфликт не с мнением частных лиц, а с авторитетом и волей Сталина.

Лысенко смог утвердить свою монополию только вненаучными средствами, благодаря поддержке, дарованной Сталиным. Но учение Павлова ни в какой поддержке и защите не нуждалось. Никто не препятствовал физиологам и психологам черпать в наследии Павлова то, что соответствовало логике разработки их проблем. Государственная и партийная поддержка науки не означает

передачу партийно-государственному аппарату функций научной экспертизы. Однако Сталину, который утвердил себя в "должности" великого ученого всех времен и народов, думалось иначе. Правда, в отличие от языкознания, в котором он, согласно известной песне, "понимал толк", в физиологии со своими конкретными соображениями он выступать не стал. Здесь он ограничился установками, выражавшими присущий ему стереотипный стиль мышления. Прежде всего, утверждалось, что существует только одно правильное учение, а именно — павловское, что оно, будучи создано русским ученым, противостоит всей западной науке, которая находится под влиянием враждебной нам идеологии, что у этого учения имеются противники, которых следует разоблачить, добившись от них "показаний", содержащих признание ложности своих позиций.

Не принимая непосредственного участия в сессии двух академий, Сталин проконтролировал документы, задавшие тон последующим выступлениям. Об этом, конечно, было известно участникам объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, состоявшейся 28 июня — 4 июля 1950 г. Мрачный отсвет других "дискуссий" и идеологических проработок лежал и на этой сессии.

В том, что на ней происходило вокруг павловского учения, интегрировало установку на борьбу с "космополитизмом" (западной наукой), аналогию лысенковщины и "сталинское учение о языке". Стало быть, понять смысл "объединенной сессии" можно только в системе сталинских идеологических акций 40-х годов. Она стала своего рода "интегратором" этих акций. Один за другим выходили на трибуну ученые, чтобы покаяться в отступлении от указаний Сталина. В приветственном обращении к нему он был назван "корифеем, создающим труды, равных которым не знает история передовой науки". Академик А.Д.Сперанский признавался, что ошибочность его взглядов вскрыл "один из наших современников и товарищей — академик Т.Д.Лысенко⁷". П.К.Анохин докладывал, что его заслуга в установлении связи между воззрениями его учителя Павлова и Лысенко⁸. Самому же Анохину инкриминировался космополитический характер его книг⁹.

Высказанная некогда Павловым мысль о том, что наряду с сигналами от внешних предметов мозг управляет поведением посредством речевых сигналов, стала поводом, чтобы связать Павлова не только с Лысенко, но и со Сталиным, выступившим за два месяца до того по вопросам языкознания.

Главным "обвиняемым" стал, как это и было задумано Сталиным за год до сессии: академик Леон Абгарович Орбели. Ему бездоказательно вменялись в вину не только научные просчеты. Г.Александров, речь которого, как мне помнится, произвела на нас, молодых научных работников, наиболее тягостное впечатление, поставил его в один ряд с теми, кто "подрывает дело борьбы за свержение капитализма". (Именно так записано в стенограмме). Если не ошибаюсь, он первый произнес слово "антипавловец", которое быстро было пущено в оборот и звучало столь же угрожающе как "антимичуринец", со всеми вытекающими последствиями.

Другим оборотом (за который, конечно, сам Павлов никакой ответственности нести не может) стало выражение "павловская физиология". Затем последовали: "павловская психология", "павловская медицина", "павловская биохимия" (так переименовал биохимию академик В.А.Энгельгардт)¹⁰.

Шабаш вокруг имени Павлова достиг апогея. Но за этим не стояло никакой реальной научной программы. Требовалось присягнуть на верность Павлову, поскольку этого требовал Сталин. Присягавшим могло казаться, что, тем самым, они поддерживают честь отечественной науки, великим представителем которой был Павлов. В действительности они предавали его дело, те высшие нравственные и научные ценности, которым он беззаветно служил.

Независимость и критичность мышления, подавление того, что он назвал "рефлексом рабства" Павлов считал незыблемым условием не только научного творчества, но любых форм гражданской жизни. Зимним днем 1931 года состоя-

лась его встреча с А.М.Горьким. В ней Павлов и говорил о "рефлексах рабства", на мысли о котором его навел один из рассказов Куприна, и о том, что полноценную человеческую личность создает чувство свободы в сочетании со строгой дисциплиной.

Когда Алексей Максимович заговорил о том, что у нас "на тысячах строек перековываются миллионы людей", то Иван Петрович, по записи его сына Владимира, "нетерпеливо заерзал в кресле и закричал: "Ну, ну и что же? А по мне так много говорят о новых фабриках, о пятилетках, что мне думается другое. Видится мне, что как раз люди обслуживают все это дело, а сами-то они, люди, остаются на втором плане. Понятно, что государство состоит не из машин, а из людей. Чтобы быть полезным государству, человек должен представлять собой гражданина с чувством собственного достоинства. Только такие люди, с твердыми принципами и непоколебимыми взглядами могут принести пользу".

Павлов был великим патриотом. Служение же отечеству значило для него обогащение энергией русской мысли прогресса мировой науки во имя устроения общечеловеческого счастья.

Он принес славу своей Родине Нобелевской премией, идеями и фактами, признанными во всех лабораториях мира, описанными в учебниках физиологии и психологии на всех языках. Овацциями встречалось само его появление на международных конгрессах — будь то в Бостоне или Риме, Копенгагене или Лондоне.

Восторженно относилась на Западе к живому русскому классику научная молодежь. Когда он приехал в Кембридж, студенты купили в магазине игрушек большую собаку, украсили ее резиновыми пробками, стеклянными трубками и другими приспособлениями, а затем спустили его на веревке прямо в руки получавшему почетный диплом доктора Павлову. Он неоднократно говорил, что это самая великая честь, которая когда-либо была ему оказана: "подумайте, даже английские студенты знают о моей работе".

В его лабораторию стекались молодые энтузиасты из различных стран. Воспитанный на идеалах русского освободительного движения Павлов презирал шовинизм. Своим учителем он неизменно считал еврея Ф.Циока. Никому из своих учеников он так не доверял как армянину Орбели. В преддверии XV Международного физиологического конгресса в Москве хотел предложить президентство на конгрессе грузину Бериташвили. Его никогда не покидало убеждение в интернациональности науки. Созданная им на русской земле самая крупная в физиологии XX столетия научная школа была интернациональной. Это определяло нравственный климат того братства, старейшиной которого он являлся. Ценностям этого братства изменили его ученики, когда над советской наукой простерла свои черные крылья сталинская ксенофобия. Под предлогом борьбы с космополитизмом культивировался навязчивый страх перед зарубежными учеными, их теориями и книгами. Было предписано их разоблачать. Любая ссылка на них давала повод заподозрить в симпатии к вражескому лагерю, или даже тайной связи с ним. Когда Б.М.Кедров — будущий академик — сказал, что наука — интернациональна, его сразу же объявили главным космополитом в философии.

"Оголтелый космополитизм, низкопоклонство перед зарубежными лжеавторитетами" — такие и им подобные слова произносились крупными физиологами с трибуны Московского дома ученых в адрес своих коллег.

К "лжеавторитетам" относили классиков мировой науки, в частности, одного из создателей современной неврологии лауреата Нобелевской премии Чарльза Шеррингтона. Понося его, тогдашний директор Института экспериментальной медицины Д.А.Бирюков заявил: "пиетет к Шеррингтону может лишь дезориентировать читателя и во всяком случае не вооружает его на борьбу с враждебной нам идеологией англо-американской буржуазной науки"¹².

Особенно досталось Ю.М.Конорскому. До войны он работал у Павлова, а после нее стал ведущим польским нейрофизиологом. Про него на сессии было сказано, что он "попелся в хвосте за англо-американскими реакционерами" и попал "в болото шеррингтоновского идеализма"¹³.

Те, из чьих уст неслась эта брань, многие годы работали с Павловым. Они овладели методами выработки условных рефлексов у собак. Но они не восприняли его твердых принципов, неколебимой гражданственности, непреклонной веры в научную истину, независимо от того, кому она открывается — хотя бы и тому, кто видит ее по-иному, чем он. Конорский, работая у Павлова, вышел на собственный путь, выработал свою концепцию. Павлов не сделал из этого вывод, что тот попал в "болото идеализма". Получив от Конорского письмо с новыми данными, он был восхищен. "Мы поневоле как не говорите, — сказал он, — заключены в известных рамках, а всякая свежая голова очень много значит... Надо их ободрить".

Требую верности "госпоже действительности" он был бесстрашен в критике самого себя, бесчисленное число раз проверял факты, ставил под сомнение выводы. Но именно эти свойства ума были чужды тем, кто выступил на сессии двух академий в роли апостолов его учения, которое превратилось в их речах в примитивное вероучение.

Оба главных докладчика, хотя и были некогда сотрудниками Павлова, не были ему близки. Быкова он удалил еще в 20-х годах, когда убедился, что тот в угоду Павлову фальсифицировал данные экспериментов. Об этом вспоминал заместитель Павлова по административной части Л.Н.Федоров¹⁴. "Однажды меня вызывает к себе Иван Петрович и говорит, что нужно убрать К.Н.Быкова. Я ему ответил: есть убрать Быкова. Вернулся к себе в кабинет и задумался — как убрать-то? С шумом или без шума, с повышением или с понижением. Вернулся к Ивану Петровичу и спрашиваю его об этом. Получил ответ: без шума и с повышением". Что касается отношений между Павловым и другим "героем" сессии "двух академий" Ивановым-Смоленским, то для них характерен диалог на одной из так называемых "павловских сред" (Раз в неделю, по средам Павлов обсуждал с сотрудниками ход исследований). Цитирую по стенограмме: И.П.Павлов: Вы ужасно придаете значение словам, незаконно больше чем фактам. Оставьте слова. А.Г.Иванов-Смоленский: Вашим словам я придаю большое значение. И.П.Павлов: Не в этом дело, смотрите факты, как факты систематизируются¹⁵.

Но не только в этом заключались расхождения между ними. Иванов-Смоленский рассматривал личность человека как рефлекторный механизм, игнорируя его переживания, его субъективный мир. Павлов резко возражал против этого, считая субъективный мир первой реальностью, с которой сталкивается познающий ум, и надеясь, что настанет время "законного брака" физиологии с психологией.

На заключительном заседании сессии двух академий было принято приветствие "любимому учителю и вождю", где заверялось, что сессия "войдет в историю передовой науки как начало новой эпохи в развитии физиологии и медицины". Этот прогноз оказался столь же эфемерным как и утверждение будто она наметила "грандиозную программу всестороннего творческого развития учения И.П.Павлова".

Какую серьезную программу можно было обсудить, когда взамен истинной дискуссии, поддержки многообразия исканий, два высших научных учреждения страны наложили вето на любое изучение организма, кроме навязанного группкой, которую благословил ничего не смысливший в физиологии Сталин. Группка состояла не из лучших учеников Павлова. Их примитивные представления канонизировались.

Тем самым был нанесен огромный ущерб делу великого ученого. Ставший после Павлова главой школы Орбели стремился поддержать ее научные и нравственные традиции. Он был низложен. Заклеймены все, кто развивал собственные взгляды на нервную регуляцию поведения. Пресечена разработка ряда важных направлений. Советская физиология стремительно откатывалась от переднего края мировой науки. Диктат нескольких "правоверных павловцев" определял какие лаборатории открывать, какие закрывать. Лишились всех должностей многие выдающиеся ученые.

Началась вакханалия в смежных науках. Прimitивно понятое учение об условных рефлексах стало насаждаться в психологии и психиатрии, став преградой на пути изучения душевной жизни в норме и патологии. Огромен был ущерб, нанесенный практике медицины и воспитания. Повсюду требовалось лечить и учить "по Павлову". Научная молодежь нравственно растлевалась. Чтобы держаться на плаву, публиковаться, защищать диссертации и т.д. приходилось манипулировать набором ритуальных слов. Никого не интересовала убежденность в их правоте. Перед ней были образцы поведения старших. Помню атмосферу сессии. Горько было слушать как поносили Орбели, который пользовался всеобщей симпатией. Но когда Анохин заверил, что после выступления А.А.Жданова об искусстве ему стал ясен политический смысл собственной экспериментальной работы, нам казалось, что разыгрывается спектакль. Можно было бы предположить, что это капустник, если бы не пахло кровью. В воздухе носились флюиды 37 года.

Отобранные на Старой площади "актеры" играли в Московском Доме ученых фарс, придуманный Сталиным в 1949 году на сочинской даче.

Примечания

¹ Этот эпизод изложен в интервью, которое дал мне в июне 1988 года генерал-полковник медицинской службы Ефим Иванович Смирнов. Магнитофонная запись этого интервью и стенограмма беседы с Е.И.Смирновым, завизировавшим текст и давшим согласие на публикацию, хранятся в моем личном архиве.

² Е.И.Смирнов в подготовке сессии участия не принимал. Вот что он сказал в своем интервью: "Через некоторое время я заболел и о дальнейших событиях, связанных с сессией, не знаю. Лежа в больнице, я прочитал доклад на сессии академика К.М.Быкова. Критика Л.А.Орбели была воспринята мной как несправедливая. Я знал Орбели как преданного ученика Павлова. Он был не только выдающийся ученый, но и замечательный организатор советской науки. По моему представлению его назначили начальником Военно-медицинской Академии".

³ Это усугублялось общей ситуаций "холодной войны", укреплявшей идеологическую установку на притвопоставление России — Западу, общечеловеческих ценностей — классовому подходу.

⁴ См. мою статью "Сталинизм и судьбы советской науки" в первом выпуске сборника "Репрессированная наука" (Л., 1990).

⁵ Обсуждение проходило в здании на Волхонке, 14, где находились некоторые гуманитарные институты Академии наук СССР. В первом ряду большого зала сидел человек в генеральской форме: изредка выражавший жестами и репликами негодование по поводу отдельных выступлений, а также характера ведения дискуссии председателем. Этим человеком, как мне сказали, был секретарь Сталина Покребышев. Вероятно, он и доложил "хозяину" о "либеральном" характере критики, после чего результаты первой дискуссии (на которой выступали сподвижники Г.Ф.Александрова, надеявшиеся его "спасти") были дезавуированы и назначена новая "дискуссия", которая на сей раз проходила в Кремле и носила несравненно более жесткий характер.

⁶ Он был перемещен на пост директора Института философии Академии наук СССР. Это "академическое" учреждение стало главным центром организации идеологических погромов. Сам Г.Ф.Александров оставался членом оргбюро ЦК ВКП(б). В период дискуссии, о которой идет речь, особенно сложным было положение сектора психологии (где мне в те годы довелось работать научным сотрудником). От психологии требовали перестройки на основе учения И.П.Павлова и эта проблема стала в центре интересов сектора и его руководителя — выдающегося ученого С.Л.Рубинштейна. Обвиненный в космополитизме, он был освобожден от заведования сектором и на его место поставлена совершенно невежественная особа, окончившая аспирантуру при Академии общественных наук. Когда был поставлен её отчет о проделанной работе, она на вопрос о том, что она сделала за отчетный период, ничтоже сумняшея ответила: "Как что? Тащила Сергея Леонидовича (Рубинштейна) из болота идеализма".

⁷ Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П.Павлова. Стенограф.отчет. М., 1950. С.124.

⁸ Там же, с.434.

⁹ Там же, с.390.

¹⁰ Там же, с.288.

¹¹ *И.П.Павлов*. Полное собр.соч. Изд. 2-е дополн. Т.3. Кн.1. М.-Л., 1951. С.345.

¹² Там же, с.102.

¹³ Там же, с.350.

¹⁴ По свидетельству Е.И.Смирнова (см. выше).

¹⁵ Павловские среды. Т.2. М.-Л., 1949. С.453.

Н.Л.Кременцов

РАВНЕНИЕ НА ВАСХНИЛ

сделать бы жизнь с кого...

В.В. Маяковский

Как правило, среди событий 1948 г. внимание историков науки привлекает проходившая с 31 июля по 7 августа сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им.В.И.Ленина. В многочисленных исследованиях обсуждаются вопросы, связанные с подготовкой и проведением сессии, анализируются причины ее организации и последствия для развития биологической науки и сельского хозяйства. Между тем, на мой взгляд, значение сессии отнюдь не исчерпывается "перестройкой" биологической и сельскохозяйственной наук. Ее цели, а соответственно и результаты, были куда значительнее. Августовская сессия ВАСХНИЛ ознаменовала начало новой идеологической кампании, адресованной непосредственно всему советскому научному сообществу. Масштабы этой кампании можно оценить уже по тому факту, что вслед за сессией во всех остальных академиях прошли заседания, "посвященные решениям сессии ВАСХНИЛ": 24-26 августа состоялось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР, 4 сентября — аналогичное собрание в Академии педагогических наук РСФСР, 9-10 сентября — в Академии медицинских наук СССР. Кроме того, в течение сентября-октября состоялись такие же заседания в республиканских академиях.

Собрания, проходившие в этих академиях, практически не рассматриваются в историко-научных трудах. В монографиях и сборниках, посвященных истории академий, причины организации и последствия упомянутых заседаний стыдливо опускаются. Например, в монографии И.А.Каирова "Очерки деятельности Академии педагогических наук РСФСР. 1943-1966" в специальной главе "Собрания и сессии Академии" заседание, проходившее 4 сентября, даже не упоминается.¹ Лишь в "Хронике деятельности Академии педагогических наук РСФСР" двумя строчками отмечен факт проведения расширенного Президиума.² Причем трудно заподозрить автора книги в неведении или непонимании значения этого события и его последствий для педагогической науки, поскольку именно он был одним из главных действующих лиц сентябрьского заседания Президиума АПН. Аналогичная "фигура умолчания" используется и в трудах, посвященных истории Большой, Медицинской и республиканских академий.

Ранее я рассмотрел некоторые последствия сессии ВАСХНИЛ для медико-биологических исследований и научных учреждений, подведомственных Медицинской академии.³ В настоящей статье я попытаюсь рассмотреть иные аспекты событий 1948 г., опираясь в основном на материалы Педагогической академии.

Академия педагогических наук занимает весьма своеобразное положение в структуре советского научного сообщества. В целом она призвана координировать и научно обеспечивать систему вертикальных связей этого сообщества — подготовку научной смены. АПН должна разрабатывать и внедрять программы и методики преподавания различных дисциплин, готовить и издавать учебные пособия для средней и высшей школы, для учащихся и преподавателей. Вместе с тем в учреждениях АПН ведутся и научные исследования в самых разных областях знания: психологии, биологии, гигиене и собственно педагогике. И специфика событий, происходивших в АПН, во многом объясняется именно этим особым положением Педагогической академии в научном сообществе.

Расширенное заседание президиума АПН РСФСР состоялось спустя почти месяц после сессии ВАСХНИЛ. Предшествовавшие ему академические собрания — сессия ВАСХНИЛ и расширенное заседание Президиума АН СССР — широко освещались в центральной прессе,⁴ а их стенограммы были незамедлительно опубликованы.⁵ Заседание же Педагогической академии прошло без особого шума. Информация о нем появилась лишь в "Учительской газете". Материалы этого собрания были частично опубликованы в 11-м номере журнала "Советская педагогика", в совокупности заняв лишь около 20 страниц. При этом постановление, принятое на этом заседании, было напечатано в изложении.⁶ Целиком оно появилось только в "Сборнике информационных материалов АПН РСФСР" тиражом всего в 2 тыс. экземпляров.⁷ Это, однако, не означает, что последствия заседания были столь же незначительны, как и информация о нем.

В целом заседание Президиума проводилось по общей схеме, проявляющейся во всех аналогичных собраниях 1948 г. Президент Академии И.А.Каиров в установочном докладе "Об итогах сессии ВАСХНИЛ и задачах Академии педагогических наук" перечислил важнейшие мероприятия по "искоренению идеалистической биологии" в АПН, обрушившись с критикой на сотрудников Академии, которые "стояли на порочных вейсманистических позициях", и сформулировал задачи АПН "в свете решений сессии ВАСХНИЛ".

Первой из этих задач стала тотальная чистка сотрудников, работавших в учреждениях Педагогической академии. Каиров заявил: "В связи с сессией ВАСХНИЛ Президиум Академии наметил ряд мероприятий, которые в настоящее время частично проведены, частично проводятся в жизнь. Мы ставим задачу выявить всех научных сотрудников в системе Академии и определить их идейные позиции в вопросах естествознания. Мы выявили группу биологов, которые стояли на порочных вейсманистических позициях. Мы освободили от работы ряд лиц — научных руководителей, потому что эти руководители стояли на неправильных позициях, и мы не можем представить им возможность руководить работой в дальнейшем".⁸

В последовавших за докладом президента выступлениях участники расширенного Президиума единодушно клеймили "вейсманизм-морганизм" и требовали "разгромить его до конца". Любой научный сотрудник, автор учебника, преподаватель или методист, использовавший в своей работе материал "немичуринской" генетики, объявлялся "морганистом". Практически все выступившие называли имена наиболее "злостных", по их мнению, "морганистов", работающих в представляемом ими учреждении, и требовали сделать соответствующие "оргвыводы". Чаще других, пожалуй, звучала на заседании фамилия действительного члена АПН Б.Е.Райкова — автора одного из лучших учебников по методике преподавания естествознания, редактора журнала "Естествознание в школе". Вот что, например, говорил М.И.Мельников по поводу работ Б.Е.Райкова: "Наша обязан-

ность сегодня, в свете решений сессии ВАСХНИЛ, не только разоблачить до конца все порочные основы такого направления в области методики преподавания, но разгромить до конца это реакционное направление и дальше не дискутировать, потому что дискуссия отняла очень много времени и сил, а мы знаем, что опыт партии учит, что в ответственные моменты партия не допускала дискуссий”.⁹

Как показывают итоги Президиума, никто и не собирался дискутировать с ”морганистами”. В постановлении, принятом 4 сентября, было записано:

”...В целях широкого внедрения мичуринского учения в работу школы и внешкольных учреждений и организационного укрепления научных исследований по вопросам преподавания биологии в мичуринском направлении Президиум Академии педагогических наук постановляет:

1. Освободить от работы в Академии педагогических наук старшего научного сотрудника А.А.Парамонова, действительного члена АПН Б.Е.Райкова, академика Л.А.Орбели и старшего научного сотрудника П.Ф.Винниченко. Поручить управлению кадров в месячный срок пополнить состав научных сотрудников Академии путем приглашения ученых и учителей мичуринского направления.

2. Бюро отделений и управлению кадров провести переаттестацию всех биологов, работающих в учреждениях Академии...

15. Отделениям Академии и отделу аспирантуры к 1 октября с.г. пересмотреть состав руководителей, тематику диссертаций, кандидатский минимум для аспирантов, специализирующихся по методике преподавания биологии, по педагогике, психологии и школьной гигиене, и увеличить число аспирантов-биологов по приему текущего года. В состав аспирантуры привлечь учителей-мичуринцев”.¹⁰

Второй задачей Педагогической академии ”в свете итогов сессии ВАСХНИЛ” стал пересмотр планов научно-исследовательской работы и структуры учреждений. Президиум постановил:

”13. Директорам институтов Академии в двухнедельный срок пересмотреть план научно-исследовательских работ институтов с тем, чтобы свои исследования безраздельно подчинить задаче развития мичуринского направления в биологической науке”.¹¹

В установленный срок это решение выполнено не было. Однако уже 29 сентября было проведено специальное заседание Президиума по ”обсуждению перестройки работ институтов Академии”.¹² К этому заседанию Институт теории и истории педагогики, институт методов обучения и Естественнонаучный институт им.П.Ф.Лесгафта представили ”справки о перестройке работы в свете итогов сессии ВАСХНИЛ”. В них директора институтов рапортовали о достигнутых успехах в деле ”внедрения мичуринского учения”. В октябре 1948 г. Ленинградский филиал АПН РСФСР был ”реорганизован” в Научно-Исследовательский институт педагогики. А в декабре ликвидирован Институт педагогического образования. Кроме того, был предпринят ряд реорганизаций в других институтах Академии.

Однако ”уроки” сессии ВАСХНИЛ для учреждений АПН не исчерпывались только изгнанием ”вейсманистов”, пересмотром планов научной деятельности и организационными ”перестройками”. Главной задачей Педагогической академии была ”перестройка преподавания биологии в духе мичуринского учения”. В этом отношении АПН была одной из ключевых структур научного сообществ, которую должны были бы попытаться ”захватить” сторонники Лысенко.

Между тем хронологически заседание Президиума АПН последовало не сразу за сессией ВАСХНИЛ, а лишь после заседания Президиума Большой академии. Однако обращение к архивным материалам позволило установить, что уже через неделю после сессии — 13 и 14 августа — в АПН был организован ряд совещаний под председательством вице-президента К.Н.Корнилова, посвященных ”перестройке преподавания биологии в связи с решением сессии ВАСХНИЛ ”О положении в биологической науке”.¹³ Уже на этих совещаниях рассматривались

проекты новых программ по биологии, планы изданий учебной и методической литературы, критиковались существующие учебники для средней и высшей школы.

В качестве примера, иллюстрирующего обстановку и содержание совещаний, можно привести выдержку из стенограммы заседания 13 августа. В этот день рассматривался вопрос о переиздании книги профессора А.А.Парамонова "Курс дарвинизма". Эта книга была одним из первых учебных пособий по дарвинизму для педагогических вузов, в котором излагались современные представления об эволюционном процессе и подробно разбирались генетические аспекты эволюции. После ряда выступлений, в которых Парамонов обвинялся в "идеализме", "вейсманизме", "морганизме" и прочих "измах", он заявил: "Вопрос об этой книге стоит таким образом: поскольку эта книга не соответствует тем принципам понимания теории развития, которые изложены в докладе Т.Д.Лысенко, и поскольку сам доклад академика Лысенко был одобрен ЦК ВКП(б), именно в силу последних обстоятельств, т.е. ввиду того, что это, очевидно, есть точка зрения ЦК ВКП(б), я не считаю возможным идти по пути, не соответствующем точке зрения ЦК ВКП(б)".¹⁴ Парамонову было предложено полностью переработать учебник в духе "мичуринской биологии". Аналогичные требования были предъявлены авторам других пособий.

На совещаниях была выработана программа мероприятий, "вытекающих из решений сессии ВАСХНИЛ". Смысл всех этих мероприятий сводился к изъятию материалов "вейсманистской" генетики из учебных планов всех биологических дисциплин, входящих в курсы средней и высшей школы, изменению учебников и отстранению от преподавания всех педагогов, заподозренных в "вейсманизме".

Эта же задача была одной из первых отмечена 4 сентября в докладе Каирова: "Сессия ВАСХНИЛ и ее решения имеют прямое отношение к Академии педагогических наук РСФСР, и прежде всего к преподаванию биологии в средней и высшей школе".¹⁵ Каиров обрушился с критикой на авторов ряда учебных пособий, обвиняя их в "вейсманизме" и отходе от "мичуринской биологии". Такой критике были подвергнуты вузовские учебники по дарвинизму и генетике, "Хрестоматия по дарвинизму", учебники для средней школы "Основы дарвинизма" и "Анатомия и физиология человека", а также ряд других изданий.¹⁶

В постановлении Президиума было записано: "12. Редакционно-издательскому совету и директорам институтов в месячный срок пересмотреть в свете итогов сессии ВАСХНИЛ все работы, находящиеся в печати и подготовленные к печати".¹⁷

Значение, придававшееся изменению преподавания биологии, иллюстрируется и фантастической скоростью, с которой были пересмотрены планы и программы: 13-14 августа прошли совещания в Президиуме;¹⁸ 4 сентября — расширенное заседание Президиума;¹⁹ 16 сентября — заседание Президиума по рассмотрению программ по биологическим предметам общеобразовательной школы, на котором представленные проекты были приняты за основу;²⁰ 20 сентября подготовлено "Методическое письмо о перестройке преподавания биологии в средней школе";²¹ 29 сентября было проведено заседание Президиума по обсуждению проспектов учебников по биологии.²²

К последнему заседанию были подготовлены проспекты и объяснительные записки к учебникам по всем биологическим предметам общеобразовательной школы: ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека с основами гигиены, основам дарвинизма.

Значение, придававшееся этой акции, можно продемонстрировать еще одним любопытным документом, подписанным министром просвещения РСФСР А.А. Вознесенским:

"Президенту АПН тов. Каирову И.А.

В соответствии с указанием директивных органов учебники для школ к следующему году должны быть изданы до 1 июля 1949 г. В связи с этим необходимо предоставить в Учпедгиз рукопись учебного пособия по "Основам дарвинизма" не позднее декабря 1948 г.

Ввиду того что авторам указанного пособия (<М.И.>Мельникову, <А.А.>Шибанову, <В.М.>Корсунской) Институт методов обучения установил более поздний срок — 1 марта 1949 г., — своевременное издание его становится невозможным.

Прошу обеспечить окончание работы авторами в указанный мною срок, освободив их от других поручений до конца декабря с.г.”²³

Незамедлительное пресечение всех путей распространения инакомыслия, особенно ведущих к молодым ”неокрепшим” умам, было одной из главных задач АПН ”в свете итогов сессии ВАСХНИЛ”. И, как свидетельствует приведенный материал, сотрудники Академии рьяно принялись за ее решение, не обходя своим вниманием не только среднюю школу, но и юннатские кружки. Так, в конце августа в Мичуринске прошел Всесоюзный слет юных садоводов, где воспевались успехи Лысенко и клеймилась ”буржуазная” генетика. Как отмечал Каиров, ”в свете итогов сессии ВАСХНИЛ Академия педагогических наук особенно большое значение должна уделять вопросам юннатского движения”.²⁴ Необходимость ”работы с юными натуралистами-мичуринцами” была отмечена и в постановлении Президиума АПН.

Естественно, что ”перестройка” преподавания не могла не коснуться самих преподавателей. Как заявил на заседании 4 сентября Н.А.Семашко ”преподавателями естественных дисциплин должны быть люди, которые способны правильно, интересно, научно, материалистически преподавать естествознание. Вейсманисты не должны переступать порога советской школы”.²⁵ Однако учителя средней школы подчинены не Академии педагогических наук, а городским и районным отделам народного образования. Поэтому нас не должно удивлять, что в дело ”перестройки” включились и местные Советы депутатов. Так, например, Исполнительный комитет Ленинградского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1948 г. принял специальное решение № 52-47 ”Об улучшении преподавания основ биологических наук в школах города Ленинграда”. В этом решении, в частности, было записано: ”п.3. Обязать городской отдел народного образования совместно с научными работниками биологических кафедр высших учебных заведений вести систематический контроль и тщательное изучение состояния преподавания и уровня подготовки учителей-биологов; решительно отстранять от работы в системе народного образования антимиичуринцев”.²⁶

Этим же решением были выделены средства для организации при каждой школе учебных агробιологических участков и районных станций юннатов.

Очевидно, что соответствующие усилия должны были быть направлены и на ”обработку” будущих учителей биологии. В эту акцию включились и Министерство высшего образования СССР, и Министерство просвещения РСФСР, и Академия педагогических наук.

Уже 30 августа министр высшего образования С.В.Кафтанов подписал приказ № 1259 ”О состоянии преподавания биологических наук в педагогических и учительских институтах”. По этому приказу во всех педагогических вузах были проведены увольнения преподавателей-”вейсманистов”, изменены планы и программы обучения, запрещено использование многих учебников и учебных пособий по биологии.²⁷ А 4 сентября постановлением Президиума АПН Институту педагогического образования предлагалось в месячный срок разработать новые программы по методике преподавания естествознания для педагогических учебных заведений.²⁸

18-23 октября Министерство просвещения провело Всероссийское совещание заведующих кафедрами биологических дисциплин педагогических и учительских институтов. Судя по всему, этому совещанию придавалось исключительное значение. Присутствовало на нем более семисот участников. Собрание прослушало установочный доклад министра просвещения А.А.Вознесенского: ”Итоги сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им.В.И.Ленина и задачи перестройки преподавания и научно-исследовательской работы по биологическим дисциплинам в педагогических и учительских институтах”. Затем перед присут-

ствующими выступил сам Т.Д.Лысенко, а за ним — почти вся его "гвардия": А.А.Авакян, Н.Г.Беленький, Ф.А.Дворянкин, И.И.Презент и др.²⁹

Все приведенные материалы наглядно демонстрируют значение, придававшееся внедрению мичуринской биологии в советское научное сообщество, и роль Академии педагогических наук в этом процессе. Необходимо, однако, попытаться понять причины столь активного и широкомасштабного включения АПН и других ведомств в кампанию "борьбы против идеалистической биологии".

В этой связи обращает на себя внимание почти дословное совпадение постановлений всех трех центральных академий, последовавших после сессии ВАСХ-НИЛ. Причины такого совпадения могут быть различны.

Можно предположить, что руководство академий просто воспользовалось готовым шаблоном, разработанным лысенковцами для сессии ВАСХНИЛ и апробированным в ЦК ВКП(б). В этом случае можно полагать, что инициатива проведения заседаний принадлежала руководству академий, вдохновленному "высочайшим" партийным одобрением и поспешившему использовать "опыт ВАСХНИЛ" в собственных целях.

Однако возможен и иной вариант: решения всех академий были подготовлены заранее в одном и том же месте — ЦК ВКП(б) — и "спущены" в Президиумы для формального утверждения. Косвенным подтверждением такой возможности являются документы, обнаруженные мною в архивах АН и АМН СССР.³⁰ Эти документы свидетельствуют, что почти сразу же после сессии ВАСХНИЛ руководители Большой и Медицинской академий были приглашены для собеседования в ЦК. На этих беседах им были даны устные указания (никаких письменных директив обнаружить не удалось) о проведении широкой кампании "за передовую мичуринскую науку". В Архиве АПН подобных сведений найти не удалось, но можно предположить, что и руководство Педагогической академии приглашали на аналогичные собеседования. По свидетельству В.Д.Есакова, в Центральном партийном архиве содержатся многочисленные документы, подтверждающие "руководящую роль ВКП(б)" в организации пролысенковской кампании.³¹ На мой взгляд, однако, неверно сводить объяснение всех событий 1948 г. исключительно к руководящим указаниям ЦК. Не меньшее значение имела и инициатива "снизу".

От мичуринской биологии к ... мичуринской педагогике

Помимо "перестройки работы в области биологии" во всех мероприятиях, проводимых АПН, и во всех выступлениях (устных и печатных) деятелей Педагогической академии отчетливо прослеживается иной, чрезвычайно важный момент — применение "достижений" мичуринской биологии в обсуждении собственных научных проблем. Как было записано в постановлении Президиума АПН "из доклада академика Т.Д.Лысенко "О положении в биологической науке" вытекают весьма важные следствия для организации научно-исследовательской работы во всех областях науки, в том числе и педагогике".³²

Практически все выступавшие на заседании 4 сентября призывали к перестройке на мичуринской основе тех областей науки, в которых они специализировались. Так, Н.А.Семашко убеждал присутствующих в том, что доклад Лысенко и решение сессии ВАСХНИЛ чрезвычайно важны для решения проблем школьной гигиены. А директор Института психологии А.А.Смирнов призывал пересмотреть всю работу в области психологии под углом зрения мичуринской науки. Президент же АПН Каиров утверждал: "Итоги сессии ВАСХНИЛ должны послужить новым стимулом к разработке теоретических и практических проблем педагогической науки".³³ В частности, он призывал обратить особое внимание "на правильное

материалистическое освещение в курсе педагогики вопроса о роли наследственности, среды и воспитания в развитии и формировании человека".³⁴ А Семашко в откровенной и доступной форме объяснил собравшимся, каким образом надо использовать мичуринский опыт в решении этого вопроса: "Недаром академик Лысенко утверждает такой термин: "воспитывать растения и животных, воздействуя на них". В этом отношении на человека нужно внести известную поправку, но мы тоже занимаемся воспитанием подрастающего поколения. Тут пред нами перспективы, которые дает советский строй в воспитании подрастающего поколения".³⁵

Неудивительно, что после столь четких указаний уже в двенадцатом номере журнала "Советская педагогика" за 1948 г. публикуется статья члена-корреспондента АПН С.М.Ривеса "Ведущая роль коммунистического воспитания в формировании личности подрастающего человека". В формулировке автора "задача настоящей статьи заключается в том, чтобы в свете итогов философской дискуссии и трудов Академии сельскохозяйственных наук наметить правильное решение этой проблемы (соотношение наследственности, среды и воспитания. — Н.К.)."³⁶

В следующем номере появляется объемная статья другого члена-корреспондента АПН — Н.Ф.Познанского, посвященная той же проблеме: "Материалистическое понимание роли наследственности, среды и воспитания в развитии и формировании человека".³⁷ Оснащенная изрядным количеством цитат из классиков марксизма, обильно пересыпанных идеологическими клише и критикой "буржуазной" педагогики, эта статья являет собой классический образец идеологизированной псевдонауки, выросшей на заботливо удобренной "мичуринцами" почве. Правда, нельзя не отметить одну отличительную странность: в ней нет доносов на коллег автора и призывов к "выкорчевыванию" немногочисленных приспешников разного рода "буржуазных" педагогов среди советских ученых. При этом весь "научный" смысл указанных статей сводился к утверждению главенствующей роли коммунистического воспитания в деле формирования советского человека.

Другим образчиком усвоения "мичуринских методов" является статья еще одного члена-корреспондента АПН — А.Н.Леонтьева "Важнейшие задачи советской психологии в свете итогов сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им.В.И.Ленина", опубликованная в том же журнале. По мнению автора, "из доклада Т.Д.Лысенко "О положении в биологической науке" на сессии ВАСХНИЛ вытекают весьма важные выводы не только для биологов, но и для других наук... Весьма важные выводы следуют из итогов сессии ВАСХНИЛ и для психологии".³⁸

Какие именно выводы сделали советские психологи из "итогов сессии ВАСХНИЛ", наглядно демонстрируется, например, решениями трех специальных открытых заседаний ученого совета Института психологии АПН РСФСР. В официальной информации об этих заседаниях, в частности, сообщалось: "Жесточкой критике подверглись содержание и методы исследований по общей психологии. Общая психология часто служит ширмой для совершенно абстрактных работ. Общая психология показала свою непригодность, а поэтому общая психология в абстрактном ее смысле должна быть ликвидирована, ее место займет психология конкретной деятельности".³⁹

Этим, однако, не исчерпывается влияние сессии ВАСХНИЛ на "перестройку" советской науки. Анализ выступлений на заседаниях Президиума АПН и многочисленных публикаций" в свете итогов" позволяет вычленить определенные положения, настойчиво повторяемые всеми участниками обсуждений.

Эти положения носили чрезвычайно общий характер и не имели никакого отношения к содержанию конкретной науки, представителями которой они провозглашались. В равной степени эти положения могли быть приложены к исследованиям в любой области знания.

”Работники педагогического фронта никогда не должны забывать основного марксистского положения о классовости науки, о ее партийности. Нужно решительно бороться с вредной идеей единства буржуазной и нашей, советской науки. Обсуждение на сессии Академии сельскохозяйственных наук вопроса о положении в биологической науке со всей очевидностью показало, какой огромный вред приносят раболепие и низкопоклонство отдельных советских ученых перед буржуазной наукой”⁴⁰. Эта цитата заимствована из редакционной статьи ”Торжество передовой мичуринской науки и задачи советской педагогики”, опубликованной в 10-м номере журнала ”Советская педагогика” за 1948 г. Сопоставление текстов позволяет утверждать, что эта статья является сокращенным изложением доклада Каирова. Аналогичные формулировки можно найти и в указанных статьях Ривеса, Познанского и Леонтьева, и во многих других публикациях 1948 г.

Принцип ”партийности науки”, на мой взгляд, является отражением общеполитических установок Советского государства в поведении научного сообщества (как и ”партийность культуры” — литературы, живописи, музыки и т.д. — является отражением государственной политики в поведении сообщества ”мастеров культуры”). Поэтому в различные исторические периоды он наполняется разным содержанием (в соответствии с изменениями в политике государства).

Так, в 20-е и в начале 30-х гг. главным в содержании этого принципа было противопоставление ”пролетарской” и ”буржуазной” науки (культуры). При этом ведущими критериями ”буржуазности” или ”пролетарскости” выступили классовая и/или партийная принадлежность того или иного ученого. В это время действие принципа ”партийности” в соответствии с тезисом об ”усилении классово-вой борьбы” обращено главным образом внутрь советского научного сообщества. Вспомним хотя бы кампанию борьбы ”против меньшевистствующего идеализма”.

Ко второй половине 30-х гг. параллельно с построением ”основ социализма” и становлением сталинской имперской политики в содержании этого принципа все больше начинает проявляться ”патриотический” акцент, а его действие направляется вовне советского научного сообщества. Широкая кампания критики зарубежной науки, развернувшаяся в это время буквально во всех областях знания, имела целью изоляцию советских ученых от мировой науки. Одновременно были приняты и первые административные меры по ограничению контактов с зарубежными учеными⁴¹. Обратной стороной этой кампании стало преследование ”аполгоетов буржуазной науки” внутри советского научного сообщества. Именно в это время впервые появляется призрак ”низкопоклонства и раболепия”. В качестве иллюстрации можно упомянуть кампании против ”лузинщины”.

После распада союзной коалиции изоляция советского общества от ”тлетворного влияния Запада” стала главной целью государственной политики. И не случайно после кратковременного (конец 1945 — начало 1946 г.) забвения принципа ”партийности” и оживления международных контактов советской науки в конце 1946 — начале 1947 г. принцип ”партийности” окончательно приобретает форму противопоставления ”советской” и ”зарубежной” науки (культуры). Шумные кампании ”борьбы с раболепием и низкопоклонством перед Западом”, ”утверждения приоритета отечественной науки и техники” ”борьбы с безродным космополитизмом”⁴² явились результатом приложения к жизни советского научного сообщества нового прочтения принципа ”партийности”. И сессия ВАСХНИЛ дала мощный толчок использованию этой новой редакции, подхваченный остальными академиями. Как, например, утверждал на заседании в АПН А.А.Смирнов, ”нам надо пересмотреть всю нашу работу по психологии под углом зрения, прежде

всего, принципа партийности в науке. Руководствуясь этим принципом, мы должны повести решительную борьбу с буржуазным влиянием на советскую психологию...⁴³.

Положение второе: "марксистскость" науки

"Итоги сессии ВАСХНИЛ еще раз показали, что только последовательное и творческое проведение в конкретной науке принципов диалектического материализма способно превратить эту науку в подлинно передовую"⁴⁴.

"Марксистскость" науки является в определенном смысле производной от принципа "партийности". Чем может отличаться "наука одной партии" (например, большевистской) от "науки другой партии" (например, меньшевистской)? Естественно, тем же, чем отличаются (или объявляются отличными) сами "партии", в первую очередь — идеологией. Основой идеологии правящей партии в нашем государстве всегда официально считалась марксистско-ленинская (в 30-е гг. стали по праву добавлять — сталинская) философия — исторический и диалектический материализм. Поэтому и "партийная" наука должна была опираться исключительно на официально признаваемую философию. Деятели "пролетарской" и ее преемницы "советской" науки всегда и всячески клялись в верности "диалектическому материализму", "марксизму", "ленинизму" и т.д., а своих оппонентов клеймили "идеалистами", "механическими материалистами", "троцкистами", "махистами" и т.д. В этой связи становится понятным широко употребляемое на всех заседаниях 1948 г. словосочетание "идеалистическая биология". Однако дело не ограничивалось только разоблачением идеологических противников.

"Никогда не следует забывать, что основным содержанием советской педагогики, ее основой является учение Маркса-Энгельса-Ленина и Сталина о коммунистическом воспитании"⁴⁵. Подмена науки идеологией, замена исследований наукообразными толкованиями мыслей и высказываний канонизированных идеологов, зачастую не имевших ни малейшего отношения к предмету конкретной науки, становятся отличительной чертой "советской науки", будь то биология, педагогика, психология или физика.

Причем в решениях АПН прослеживается и другой смысл этого положения: только "марксистская" наука должна преподаваться учащимся, поскольку лишь она является подлинной наукой. Как отмечалось в статье со звучным названием "Воспитание марксистско-ленинского мировоззрения", "в школе должна преподаваться мичуринская биология, ибо только она научно объясняет развитие органического мира"⁴⁶.

Особенно впечатляет, что автор этих утверждений не биолог, как можно было бы подумать, а заведующий кафедрой педагогики Института иностранных языков. Однако, если мы поймем, что "мичуринская биология" по существу является не биологией, а идеологией, то мы должны признать право любого деятеля, сведущего (или считающего себя таковым) в политике текущего момента, не только поучать и давать рекомендации специалистам, но и "вносить выдающийся вклад" в развитие этой или любой другой "советской науки".

И конечно, наибольший вклад в развитие такой науки должен внести главный идеолог государства: "Всеми своими лучшими достижениями, всем своим поступательным движением вперед наша наука обязана Вам, дорогой Иосиф Виссарионович!". Эта цитата заимствована из письма И.В.Сталину от участников заседания в Медицинской академии⁴⁷. Такие же фразы содержатся в письмах, отправленных по тому же адресу со всех остальных академических собраний. И как ни

парадоксально, в этих утверждениях нет и тени преувеличения: в достижениях "советской науки" Сталин принимал самое непосредственное участие. Как было показано К.О.Россиановым⁴⁸, при редактировании доклада Лысенко для сессии ВАСХНИЛ главное внимание Сталина было направлено именно на точную расстановку идеологических акцентов, которые были подхвачены и растиражированы на собраниях академий.

Положение третье: "практика — основа науки"

"Важнейший урок, который должен быть извлечен из августовской сессии ВАСХНИЛ, заключается в том, что развитие передовой науки требует подчинения ее задачам передовой социалистической практики. Вне связи с широкой практикой невозможно построение передовой научной теории"⁴⁹.

Подчинение исследований запросам "передовой социалистической практики" явилось еще одной мерой ограничения свободы научного творчества и подчинения науки партийно-государственному контролю. Ибо кто лучше деятелей партии и государства знает, что нужно, а что не нужно для "социалистического строительства". Наиболее отчетливо это положение выразилось в официальном административном подчинении сельскохозяйственной, педагогической и медицинской академий соответствующим министерствам, а Большой академии — Совету Министров.

Парадоксальным результатом декларирования подчиненности науки "запросам практики" стало чрезвычайно медленное и ограниченное внедрение действительных научных достижений в производство (практики). Это объясняется в первую очередь тем, что такое внедрение стало (и осталось) возможным только через партийно-правительственный аппарат, чиновникам которого нужно было не только объяснять сущность внедряемого новшества (что само по себе достаточно сложная задача), но и доказать необходимость его скорейшего внедрения. И ничего удивительного, что наибольших успехов в послевоенные годы советская наука добилась прежде всего в области военной техники и реализации разного рода престижных проектов: "... впервые в мировой практике!", "крупнейший в мире..." и т.п. Тем же объясняется практически мгновенное и массовое внедрение в практику фиктивных открытий и изобретений разного рода "мичуринцев". Приоритет практики перед теорией (читай — наукой), отчетливо проявившийся на сессии ВАСХНИЛ, стал образцом и для остальных академий: "В свете итогов августовской сессии Академии сельскохозяйственных наук особенно большое значение приобретает задача установления тесной связи нашей педагогической теории с практикой коммунистического воспитания и обучения"⁵⁰.

Кроме того, утверждение приоритета практики перед теорией фиксировало более низкий социальный статус профессиональных ученых по сравнению с другими социальными группами: рабочими, колхозниками, не говоря уже о партийных и государственных функционерах. Это помогало выдавать безграмотные рекомендации дилетантов, а то и просто невежд за последнее слово науки. И не случайно, по-видимому, после сессии ВАСХНИЛ вновь расцвело лысенковское детище — колхозные хаты-лаборатории, а в состав АПН стали "избираться" сельские учителя.

Три выделенных выше "положения" по сути представляют собой основополагающие принципы, в совокупности образующие определенный образ "советской науки". В этом образе прежде всего зафиксирован подчиненный характер отношений науки с государственной властью. В его рамках науке предписывались безусловное повиновение и выполнение текущих запросов как внешней, так и

внутренней политики (принцип первый), идеологии (принцип второй), а также в широком смысле слова производственных нужд (принцип третий) государства. Анализ материалов академических собраний позволяет утверждать, что одной из главных целей кампании 1948 г. было активное внедрение образа "советской науки" в сознание отечественных ученых. Именно поэтому, на мой взгляд, начавшись в сельскохозяйственной академии обсуждением "идеалистической биологии", эта кампания охватила все остальные академии и науки. В этом свете становится понятным, например, обсуждение итогов сессии ВАСХНИЛ в Отделении технических наук АН СССР⁵¹.

Положение четвертое: ищите ... основоположника

"Для советской педагогики и советской психологии А.С.Макаренко является тем, кем И.В.Мичурин является в биологической науке", — заявил В.М.Колбановский на заседании 4 сентября⁵².

Поиски "культурного героя" — "отца-основателя" конкретной научной дисциплины — имели двоякий смысл⁵³.

Во-первых, на должность "корифея" науки подбирался ученый (как правило, уже умерший), известный своей лояльностью к пролетарской власти и идеологии; подвижничеством во имя "идеалов светлого коммунистического будущего"; борьбой с царским правительством; пролетарским или крестьянским происхождением; личными контактами с "основоположниками" идеологии и государства (Лениным и Сталиным) или — на крайний случай — с другим, уже признанным "корифеем"; широкой практической деятельностью (ненужное зачеркнуть. — *Н.К.*).

При этом реальный ученый, послуживший прототипом "корифея", мог иметь мало общего с канонизированным образом. Обычными приемами "конструирования" образа "корифея" были выпячивание одних и замалчивание других фактов биографии, подтасовка и прямая фальсификация высказываний, упор на идеологическую, а не научную значимость исследований и т.п. Тем самым в научное сообщество внедрялся обобщенный образ "выдающегося ученого", соответствующий трем вышеизложенным требованиям, предъявляемым властью к науке. Это ясно просматривается в таком, например, пассаже: "У А.С.Макаренко есть очень глубокие и интересные педагогические идеи; именно здесь мы сталкиваемся с фактом, когда человек, овладевший марксизмом-ленинизмом, 16 лет применяя его в жизни, от практики подошел к теории"⁵⁴.

Во-вторых, образ "корифея" являлся как бы "заменителем" прямых инструкций власти. Поскольку в трудах идеологических основоположников невозможно было подобрать подходящие цитаты по поводу всех научных дисциплин (как это можно было сделать, например, в трудах Энгельса — по поводу биологии, Ленина — по поводу физики, Сталина — по поводу истории и языкознания), на "корифея" возлагалась миссия выражать официальную точку зрения по поводу конкретной науки, скажем химии или геологии. В этих условиях клятвы в "верности идеям" "корифея" являлись подтверждением не только идейной, но и идеологической, и политической преемственности. Соответственно упреки в "искажении" и "забвении" идей "корифея" были обвинением в покушении не только на научный авторитет, но и на освещаемые его именем принципы "советской науки".

В этом ключе состоится понятной широкая кампания по поиску "корифеев", развернувшаяся непосредственно после сессии ВАСХНИЛ: "В свете итогов сессии Академии сельскохозяйственных наук большое значение приобретает изучение педагогического наследия виднейших советских педагогов — Н.К.Крупской и А.С.Макаренко"⁵⁵. Аналогичными высказываниями пестрят практически все пуб-

ликации конца 1948 г. Их логическим продолжением явилось специальное Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки, проведенное 5-11 января 1949 г. Анализ чрезвычайно объемистых материалов этого собрания (только опубликованные доклады составили том объемом более 900 страниц) позволяет рассматривать кампанию по утверждению приоритета русской науки и выдвижению "корифеев" как еще одно средство "сплочения рядов" советского научного сообщества в борьбе против неугодных властям инакомыслия⁵⁶.

В этой связи становится понятным, почему, несмотря на то что 13 марта 1948 г. состоялось Общее собрание Академии, посвященное 60-летию со дня рождения А.С.Макаренко, 4 апреля следующего года с еще большей помпой в АПН было проведено заседание "педагогов столицы, научных работников педагогических вузов и научно-исследовательских институтов", посвященное на этот раз 10-летию со дня смерти "корифея педагогики".

Положение пятое: критика и самокритика

"Обсуждение на сессии Академии сельскохозяйственных наук вопроса о положении в биологической науке с исключительной силой продемонстрировало огромную роль и значение критики и самокритики как движущей силы нашего развития. Учитывая уроки этой сессии, работники педагогической науки также должны шире развернуть критику и самокритику"⁵⁷.

Под видом научной критики "мичуринцы" в самых разных науках навешивали на своих оппонентов идеологические ярлыки, "клеямили" и "выкорчевывали" любые проблески самостоятельного мышления. По существу практически все критические выступления этого времени направлены на утверждение в качестве высших научных ценностей четырех изложенных принципов "советской науки". В этой критике нет и речи об обсуждении конкретного научного материала или об экспериментальной проверке "опровергаемых" положений. Фактически это слегка завуалированные, а порой и откровенные доносы на неугодных по каким-либо причинам коллег.

Чрезвычайно важным орудием в руках "мичуринцев" стали публичные (устные и печатные) покаянные выступления "обвиняемых", преподносимые под флагом самокритики. Так, например, автор первого учебника генетики для педагогических вузов В.Ф.Натали говорил на заседании 4 сентября: "...Я полностью признаю и еще раз подчеркиваю ошибочность моей позиции... Я все имеющиеся у меня силы (пока они еще у меня есть) хочу отдать и в работе Академии, и в своей работе как биолога и педагога для пропаганды мичуринского учения, для перестройки всей биологии на мичуринской основе"⁵⁸. А Б.Е.Райков обещал "исправить свои ошибки и работать на будущее время в строго мичуринском направлении"⁵⁹.

Очевидно главной целью и критических, и самокритических выступлений была демонстрация лояльности их авторов к предлагавшейся схеме взаимоотношений власти и науки, а также к навязываемым образам "советской науки" и "советского ученого".

Вместе с тем поддержание атмосферы взаимных обвинений, постоянное разделение ученых на "правых" и "виноватых" чрезвычайно упрощало процедуру управления расколотым научным сообществом. И поскольку такой "раскол" имел не собственно научные (как, например, в дискуссии сторонников волновой и корпускулярной теории света), а методологические причины, ни один из членов сообщества не был уверен, что, пребывая сегодня в "агнцах", он завтра не окажется в "козлищах". Старый лозунг "Разделяй и властвуй", с успехом

внедренный в "советскую науку", велик чудовищным искажением научного этноса, забвению принципов научной и общечеловеческой этики⁶⁰. Последствия этого процесса мы продолжаем ощущать в отечественной науке и сегодня.

На мой взгляд, изложенный материал достаточно убедительно доказывает, что главной целью кампании 1948 г. было не столько утверждение монополии "мичуринской биологии", как это полагают некоторые исследователи, сколько поддержание в научном сообществе единомыслия по вопросам взаимоотношений власти и науки. При этом "мичуринская биология" использовалась как образец, наиболее полно соответствующий идеалу "советской науки", каким он виделся руководителям государства, и прежде всего Сталину. И смысл множества академических заседаний и собраний "научной общественности", проходивших в 1948 г., заключался в воссоздании предложенного идеала во всех науках и всех научных учреждениях страны. Как было записано в послании Президиума АМН И.В.Сталину: "Мы будем бороться за большевистскую партийность в медицине и здравоохранении, искореняя враждебную буржуазную идеологию и раболепие перед иностранщиной в нашей среде. Развертывая критику и самокритику в научной работе, мы будем неустанно трудиться, чтобы выполнить Ваши мудрые указания и развивать медицинскую науку на благо нашего народа — строителя коммунизма"⁶¹.

Примечания

¹ См.: *Каиров И.А.* Очерки деятельности Академии педагогических наук РСФСР. 1943-1966. М., 1973. С.289-316.

² Там же. С.399.

³ *Кременцов Н.Л.* От сельского хозяйства до медицины // Репрессированная наука. Л., 1990. С.91-113.

⁴ Чрезвычайно подробная информация о сессии ВАСХНИЛ печаталась в "Правде". В девяти номерах, три из которых были шестистраничными (обычно "Правда" выходила на четырех страницах; лишь в экстраординарных случаях, например проведение сессии Верховного Совета, в номере появлялся вкладной лист), были полностью опубликованы тексты доклада и заключительного слова Т.Д.Лысенко; с некоторыми сокращениями — тексты выступлений в прениях по докладу; и наконец, "Постановление" и "Письмо И.В.Сталину" (см.: Правда. 1948. № 217-225 от 4-12 авг.).

Собранию в Большой академии был посвящен всего один номер "Правды", в котором на первой странице появились "Постановление" и "Письмо И.В.Сталину", а вся вторая страница была занята изложением выступлений участников расширенного заседания Президиума АН СССР (см.: Правда. 1958. N 240 от 27 авг.). Информация об этих заседаниях публиковалась также в "Известиях" (см.: Известия. 1948. №№ 188, 199, 203).

⁵ Уже 19 августа трехсоттысячным (!) тиражом была издана брошюра Т.Д.Лысенко "О положении в биологической науке", в которую вошли доклад и заключительное слово, а в качестве приложения — постановление сессии ВАСХНИЛ. Стенограмма сессии была подписана в печать уже 21 августа и издана отдельной книгой тиражом в двести тысяч экземпляров! Отмечу любопытную подробность: информация о выходе обеих книг практически сразу же появилась в "Правде" (соответственно в N 232 от 19 авг. и в N 245 от 1 сент.). Причем первые три страницы сентябрьского номера были целиком посвящены смерти А.А.Жданова, и лишь четвертая, последняя страница отведена информации о всех остальных событиях в стране и за рубежом. И довольно значительная часть этой единственной страницы была занята извещением о выходе в свет стенографического отчета. "Известия" откликнулись большой статьёй И.Глущенко "Победа мичуринской биологии" (см.: Известия. 1948. N 221 от 1 сент.).

Стенограмма заседания Большой академии была опубликована в 9-м номере "Вестника АН СССР" (подписан в печать 19 сентября) с приложением текстов выступлений, которые не состоялись в связи с закрытием прений (см.: Вестн. АН СССР. 1948. № 9. С. 1-208).

⁶ См.: Сов.педагогика. 1948. № 11. С. 56-58.

⁷ Сборник информационных материалов АПН РСФСР (далее — Сборник...). 1948. № 33. С. 2-7.

⁸ Научный архив Академии педагогических наук СССР (далее в ссылках на это хранилище — НА АПН), ф.25. оп.1, № 503, л. 38.

⁹ Там же, л. 109.

¹⁰ Сборник... 1948. № 33. С. 5-6.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² НА АПН, ф. 25, оп. 1, № 507, л. 107.

¹³ Там же, № 573, л. 118; № 574, л. 158.

- 14 Там же, № 573, л. 107.
- 15 *Каиров И.А.* Итоги сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и задачи Академии педагогических наук // Сов. педагогика. 1948. № 11. С. 38.
- 16 Среди особенно часто упоминаемых учебников были: *Кабанов А.Н.* Анатомия и физиология человека. М., 1946; *Мельников М.И., Шибанов А.А., Яхонтов А.А.* Основы дарвинизма. М., 1941; *Натали В.Ф.* Генетика. М., 1937; *Новиков С.А., Парамонов А.А.* Хрестоматия по дарвинизму. М., 1945; *Парамонов А.А.*: 1) Курс дарвинизма. М., 1945; 2) Основы дарвинизма. М., 1946.
- 17 Сборник... 1948. № 33. С. 6.
- 18 НА АПН, ф.25, оп. 1, N 573, л. 158.
- 19 Там же, № 503, л. 278.
- 20 Там же, № 486, л. 176-177.
- 21 Там же, № 547, л. 58.
- 22 Там же, № 597, л. 75.
- 23 Там же, № 580, л. 55.
- 24 Там же, № 503, л. 35.
- 25 Обсуждение доклада президента Академии педагогических наук И.А.Каирова // Сов. педагогика. 1048. № 11. С. 43.
- 26 Архив АН СССР, ф. 534, оп. 1-1948, № 99, л. 12.
- 27 Бюл. Министерства высшего образования. 1948. № 10. С. 3-5.
- 28 Сборник ... 1948. № 33. С. 7.
- 29 См.: Нар. образование. 1948. № 12. С. 68-70.
- 30 См.: Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1-1948, № 149-150; Архив АМН СССР, ф. 1, оп. 1-1948, № 255, л. 195-200, 213-219.
- 31 *Есаков В.Д.* Попытки предотвратить лысенковщину // Вторая конференция по социальной истории советской науки: Тез. М., 1990. С. 19. (Препр. / ИИЕТ АН СССР; № 35).
- 32 Сборник... 1948. № 33. С.5.
- 33 НА АПН, ф. 25, оп. 1. № 503, л. 35.
- 34 Там же.
- 35 Там же, л. 54-56.
- 36 *Ривес С.М.* Ведущая роль коммунистического воспитания в формировании личности подрастающего человека // Сов. педагогика. 1948. № 12. С. 16-33.
- 37 *Познанский Н.Ф.* Материалистическое понимание роли наследственности, среды и воспитания в развитии и формировании человека // Сов. педагогика. 1949. № 1. С. 32-43.
- 38 *Леонтьев А.Н.* Важнейшие задачи советской психологии в свете итогов сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина // Сов. педагогика. 1949. № 1. С. 76-85.
- 39 Сборник... 1948. № 33. С. 21-22.
- 40 Торжество передовой мичуринской науки и задачи советской педагогики // Сов. педагогика. 1948. № 10. С. 14.
- 41 См. подробнее: *Кременцов Н.Л.* Ценности науки // Наука и этика. М., 1990 (в печати).
- 42 Довольно часто, особенно в публицистике, авторы смешивают воедино эти три, следовавшие друг за другом (в том порядке, в котором они перечислены) идеологические акции.
- 43 Обсуждение...
- 44 *Леонтьев А.Н.* Важнейшие задачи советской психологии... С.79.
- 45 Торжество... С. 15.
- 46 *Гончаров Н.К.* Воспитание марксистско-ленинского мировоззрения // Сов. педагогика. 1948. № 11. С. 13-22.
- 47 Вестн. АМН С ССР. 1948. № 5. С. 3.
- 48 *Россиянов К.О.* Сталин как редактор Лысенко // Вторая конференция по социальной истории советской науки: Тез. М., 1990. С. 51. (Препр. / ИИЕТ АН СССР; № 35).
- 49 *Леонтьев А.Н.* Важнейшие задачи советской психологии... С. 84.
- 50 Торжество... С. 15.
- 51 См., например: *Терпигоров А.М., Барон Л.И.* К перестройке академической научной работы в области технических наук // Вестн. АН СССР. 1948. N 11. С. 45-50.
- 52 Обсуждение... С. 51.
- 53 См. подробнее: *Александров Д.А., Кременцов Н.Л.* Опыт путеводаителя по неизведанной земле // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. N 4. С. 77-90.
- 54 *Каиров И.А.* Заключительное слово // Сов. педагогика. 1948. № 11. С. 37-43.
- 55 Торжество... С. 18.
- 56 Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки. 5-11 января 1949 г.: Докл. М.; Л., 1949.
- 57 Торжество... С. 19.
- 58 НА АПН, ф. 25, оп. 1, № 503, л. 62.
- 59 Там же, л. 66.
- 60 См. подробнее: *Кременцов Н.Л.* Ценности науки...
- 61 Вестн. АМН. 1948. № 5. С. 4.

М.Б.Конашев

ЛЫСЕНКОИЗМ ПОД ОХРАНОЙ СПЕЦХРАНА

Как только в стране в конце 1980-х гг. ослабли "идеологический гайки" и под сенью гласности стало наконец возможным не только апологетическое, но и по-настоящему критическое отношение к действительности, одним из первых объектов тотальной критики прошлого естественно оказался лысенкоизм. Уже во времена хрущевской "оттепели" те рамки, в которых было позволительно критиковать Т.Д.Лысенко, оказались тесны. Даже тогда предпринимались попытки выйти за эти рамки, но они были насильственно прерваны. В результате часть работ, которые могли бы быть изданы в СССР, были опубликованы за рубежом¹. Другая часть осталась в столах².

За время вынужденного молчания советских критиков Т.Д.Лысенко благодаря ряду серьезных и обстоятельных работ зарубежных авторов (в том числе и бывших советских граждан) не только Т.Д.Лысенко и его приспешники, но и *лысенкоизм* как явление в науке, как социально-политическое явление уже довольно широко исследованы. Это означает, что новейшая отечественная критика лысенкоизма должна учитывать опыт и результаты всей предшествующей критики, развиваться в контексте уже сделанных выводов.

Такой подход вовсе не исключает критического отношения к самой предшествующей критике, к уже выдвинутым предположениям и объяснениям лысенкоизма, интерпретациям тех или иных фактов и документов. Речь идет лишь о том, что, для того чтобы "не изобретать велосипед", следует издать (и чем скорее, тем лучше) наиболее значительные и интересные работы зарубежных авторов, в том числе и те, что упомянуты выше³. Тогда станут более понятны "узкие места", еще не решенные предыдущей критикой лысенкоизма проблемы, те вопросы и аспекты, которые в настоящее время актуальны в наибольшей степени.

К таким вопросам относится, на наш взгляд, тема, вынесенная в название данной статьи. Вероятно, каждый советский ученый хоть раз оказывался у двери спецхрана. Очевидно, это было обусловлено самим характером, структурой и организацией той политической власти, которая на протяжении нескольких десятилетий существовала в стране. Соответствующими были организация, структура и функционирование науки, и прежде всего система научной информации. К этим общим причинам добавляются в ряде случаев дополнительные, усиливающие действие общих. Существовали определенные области и направления науки, которые по привязанности к спецхрану безусловно можно было назвать приоритетными. В этом смысле биологам вообще и генетикам в особенности "повезло" гораздо больше других естественников в СССР. Поэтому неудивительно, что практически все работы, в которых критиковался лысенкоизм, находились в спецфондах научных и публичных библиотек.

По какому параметру ни проверять достоверность этого факта, результат получается один и тот же⁴. Наглядный пример — работы одного из наиболее

выдающихся генетиков и эволюционистов XX в., нашего соотечественника Фео-досия Григорьевича Добржанского. В 1921 г. он окончил Киевский университет и работал в 20-е гг. в Петроградском (затем Ленинградском) университете на кафедре генетики⁵. Находясь в научной командировке в лаборатории "отца" хромосомной теории наследственности Т.Г.Моргана, Ф.Г.Добржанский остался в США, предвидя, что не впишется в рамки, предписываемые ученому сталинским социализмом⁶. Среди биологов — критиков лысенкоизма — он занимает особое место: был и советским, и американским ученым. Будучи советским ученым, он непосредственно участвовал в процессе становления и развития отечественной генетики в 20-е гг., в частности в ожесточенной дискуссии между сторонниками механо-ламаркизма и их противниками⁷. Он был лично знаком со многими из тех, кто так или иначе впоследствии оказался жертвой лысенковщины, в том числе и с Н.И.Вавиловым, С.С.Четвериковым, Г.А.Левитским, Г.Д.Карпеченко и Ю.Я. Керкисом — единственными, кто избежал репрессий. Благодаря всему этому Ф.Г.Добржанский гораздо лучше своих западных коллег представлял творческие способности и нравственные качества каждого ученого, научный потенциал страны в области генетики. В отличие же от своих советских коллег и друзей он был волен писать по отношению к лысенкоизму все, что хотел и как хотел.

Тем не менее в первый период (работы 1946-1947 гг.) его критика лысенкоизма носила сдержанный и почти сугубо узконаучный характер, не затрагивая соци-ально-политических или даже культурно-исторических аспектов. Лишь после дошедших из СССР сообщений о смерти Н.И.Вавилова⁸ и воспринятой через призму этого факта августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Добржанский и другие зарубежные ученые стали в своей критике лысенкоизма исходить из того, что происшедшее не описывается и не анализируется в терминах и понятиях, приме-няемых к описанию и анализу обычной научной полемики. Тогда-то и пошла речь о социально-политических причинах лысенкоизма, о коммунистической идеоло-гии, партии, ЦК и И.В.Сталине.

Практически все работы Ф.Г.Добржанского, либо полностью, либо частично посвященные критике лысенкоизма, оказались (точнее — оказывались сразу после поступления в СССР в спецфондах (табл.1). Правда, как по отношению к работам Ф.Г.Добржанского, так и по отношению к работам других авторов приходится делать ряд оговорок. Во-первых, некоторые издания, в которых печатались статьи с критикой лысенкоизма, по разным причинам вообще не поступали в библиотеки СССР (например, в данном случае, как видно из табл.1, это "Science et liberte")⁹. Во-вторых, в ряде журналов соответствующие страницы просто аккуратно вырезаны¹⁰. В-третьих, некоторые журналы (как "Science", например) попадали к читателю лишь в виде советской перепечатки, где все "лишнее" отсутствовало, о чем официально уведомлял на одной из первых страниц следующий, часто поставленный криво штамп: "В журнале не печатается ряд страниц"¹¹. В-четвертых, начавшееся в 1987 г. "распецхранивание" изда-ний, упрятанных в спецфонды, происходило и происходит по сей день (январь 1990 г.) в форме или, точнее, в строгом соответствии с принципом спецхрана. На изданиях, поступающих отныне непосредственно по требованию читателя в читальный зал или переданных в другие библиотеки, ликвидированы все следы или метки спецхрана¹². Спецхран как существовал тайно, так и уходит в небитые тайно.

Косвенным подтверждением того, что данный экземпляр все же находился в спецхране, могут служить следы ликвидации следов спецхрана. На всех экземп-лярах журналов, книг, брошюр и т.п., хранившихся в спецхране, писали специ-альный спецхрановский шифр и ставили специальный штамп в виде шестиугольника с цифрами внутри (личный номер цензора Главлита). В процессе "возвращения" изданий цифры, похоже, заклеивали, а штамп аккуратно вырезали, замазывали или подчищали. В табл.1 такие подчищенные экземпляры помечены условным знаком "сх?".

Работы Ф. Г. Добржанского с критикой лысенкоизма,
хранившиеся в спецфондах ленинградских библиотек

№ п/п	Название статьи	Журнал или книга	Год	Том	№	Страницы	Библио-тека	
							БАН	РНБ
1.	Translator's preface	Lysenko T.D. Heredity and its variability	1946	—	—	*	чз	н
2.	Lysenko's "genetics"	J.Hered	1946	37	1	5-9	чз	сх?
3.	The new genetics in the Soviet Union	Amer. Natur.	1946	80	795	649-651	сх?	сх?
4.	N.I.Vavilov, a martyr of genetics	J.Nered.	1947	38	8	226-232	л	л
5.	The suppression of a science	Bull. Atom. Sc.	1949	5	5	144-146	чз?	сх?
6.	Marxist biology, french style	J.Hered.	1949	40	3	78-79	чз?	сх?
7.	Death of a science in Russia — heredity, east and west	J.Hist. Med. Allied. Sci.	1950	5	3	339-342	л	л
8.	Lysenko's "michurinist" genetics	Bull. Atom. Sci.	1952	8	2	40-44	чз	сх?
9.	Russian genetics	Sov. Sci.	1953	—	—	1-7	н	сх
10.	A comment on the discussion of genetics by His Holiness, Pius XII	Science	1953	118	3071	561-563	л ⁺	л ⁺
11.	Lysenko progresses backwards	J.Hered	1953	44	1	20-22	сх?	н
12.	Le naufrage de la biologie en Russie	Sci. et Liberte	1954	—	37	48-54	н	н
13.	Animal breeding under Lysenko	Amer. Natur.	1954	88	840	165-167	чз?	н
14.	On the nature of species in the USSR	Syst. Zool.	1954	3	—	66-68	н	н
15.	Ideologie und Forschung in der Sowjetischen Naturwissenschaft	Science	1954	119	3095	545-546	чз?	чз?
16.	The crisis in soviet biology	Continuity and change in Russian and Soviet Thought.	1955	—	—	329-346	н	сх
17.	A return to reason	Science	1955	121	3137	188-189	чз	чз
18.	Lysenko at bay	J.Hered.	1958	49	1	15-17	сх	н
19.	Evolution, marxian biology, and the social scene	Science	1959	129	3361	1479-1480	сх	п, л
20.	Soviet marxism and natural science	—""—	1961	133	3466	1762-1763	п	п
21.	Problemy radiacionnoi genetiki	—""—	1962	137	3526	276	чз?	п ⁺
22.	Sergei Sergeevich Tshetverikov, 1880-1959	Genetics	1967	55	1	1-3	чз?	чз?
23.	Revival of genetics in the USSR	Quart. Rev. Biol.	1968	43	1	56-59	сх?	н
24.	The rise and fall of T.D.Lysenko	Science	1969	164	3887	1507-1509	п	п

№ п/п	Название статьи	Журнал или книга	Год	Том	№	Страницы	Библиотека	
							БАН	РНБ
25.	A review of L.R.Graham's science and philosophy in the Soviet Union	Amer. Sci.	1972	60		489-490	сх	н

* — предисловие Ф.Г.Добржанского напечатано перед "Оглавлением" на втором листе книги без указания страницы; н — данного номера журнала (книги) нет в библиотеке; чз — выдавали в читальный зал; чз? — вероятно, выдавали в читальный зал; сх? — данный номер журнала (книги) находился в спецфонде библиотеки; сх? — данный номер журнала (книги), вероятно, находился в спецфонде библиотеки; л — страницы со статьей в журнале ликвидированы каким-либо способом; л⁺ — вырезана часть листа (с. 561-562); п — данный номер выдавался в виде перепечатки (копии), в которой отсутствуют соответствующие страницы; п⁺ — в тексте перепечатки есть купюры.

БАН — Библиотека Академии наук; РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

Другим косвенным подтверждением может служить свидетельство работника спецхрана, например заведующей. Но у него есть один существенный недостаток: оно субъективно. Аспекты или оттенки этой субъективности многообразны. Тут и личные политические убеждения, и пристрастия, и тот широкий и почти всегда сложный общественно-политический рисунок, на фоне которого дается свидетельство, и свойства человеческой памяти, и многие другие моменты. Поэтому преимущественно свидетельство может использоваться, скорее, как отправная точка, как ориентир для поиска в определенном направлении либо как дополнительный аргумент в пользу принятия той или иной версии. Именно из такого свидетельства исходит оговорка: частичное "распецхранивание" изданий проводилось и раньше (в частности, после смерти И.В.Сталина, еще до XX съезда КПСС). Поэтому вполне возможно, что некоторые работы того же Ф.Г.Добржанского конца 40-х — начала 50-х гг. были выпущены из спецхрана и по каким-то причинам вновь в него не вернулись, хотя новые работы, поступавшие как перед XX съездом (табл.1, № 16), так и после него (№ 18) там оказывались.

Безусловно, у работ Добржанского были особые заслуги, благодаря которым они могли попасть в спецхран: ведь его критика была критикой "невозвращенца", имя которого в советской печати (например, в "Правде" от 2 сентября 1947 г.) вместе с именем Н.В.Тимофеева-Ресовского упоминалось не одно десятилетие не иначе, как имя "открытого врага народа". Однако какой-либо "привилегии" работы Ф.Г.Добржанского по сравнению с работами других зарубежных ученых со стороны спецхрана не имели. Другими словами, перед спецхраном ("словно перед богом") были все равны: и английский эволюционист (Huxley), и американский философ, и историк науки (Joravsky), и бывший советский генетик (Medvedev), и политолог (Zirkle), чьи научные труды, как и труды других специалистов в этой области, обозначались негативно-устрашающим термином "советологическая литература" (табл.2)¹³.

Тотальный характер защиты лысенкоизма от "критики" спецхраном, или, точнее, с его помощью, имеет и веское прямое подтверждение. Помимо спецхрановских меток на самих журналах и книгах, а также в карточках читательских каталогов (алфавитного и систематического) непосредственным доказательством того, что тот или иной материал находился в спецфондах, являются соответствующие директивные документы Главлита (пока недоступные)¹⁴ и карточки в каталогах спецхранов¹⁵. Согласно разделу "Периодика" в каталоге читального зала отдела спецфондов БАН в табл.3 включены все номера нескольких журналов по биологии, генетике и истории биологии, хранившиеся в спецфондах. Подавляющая часть статей, из-за которых, видимо, данные номера оказались в спецхране¹⁶, приходится на статьи по лысенкоизму. Аналогичные результаты с небольшой поправкой получаются и по ограниченному выборкам по таким общенаучным журналам, как "BioScience" (табл.4), "Science" (табл.5), а также такому единственному в своем роде международному журналу по истории науки, как "Isis" (табл.6)¹⁷.

Список статей и книг (с критикой лысенкоизма) некоторых зарубежных авторов, хранившихся в спецфонде БАНа СССР

№ п/п	Автор	Название статьи или книги	Название журнала и выходные данные его или книги	Содержание
1.	—	Better late than never ¹	J.Hered. 1951. Vol. 42. N 4. P. 190	сх?
2.	C.R.	The quetion of Dr. Vavilov's death	J.Hered. 1946. Vol. 37. N 1. P. 15.	сх? ²
3.	Cook R.R.	Walpurgis week in the Soviet Union	The Scientific Monthly. 1949. Vol. 68. N 6. P. 367-372	сх?
4.	Тот же	Genetics dies in China	J.Hered. 1950. Vol. 41. N. 4. P. 90	л
5.	Darlington C.D.	A revolution in soviet science	J.Hered. 1947. Vol. 38. N. 5. P. 143-148	л
6.	Gates R.R.	Human races and the soviets	J.Hered. 1950. Vol. 41. N. 3. P. 84	л
7.	Gustafson A.	Marxist genetics at the Stockholm botanical congress	J.Hered. 1951. Vol. 42. N 2. P. 55-59.	сх?
8.	Huxley J.	Soviet genetics and world science: Lysenko and the meaning of heredity	London: Chatto a Winduss,1949. X+245 p.	чз?
9.	Тот же	Soviet genetics: the real issue	Nature. 1949. Vol. 163. N 4155. P. 935-942; N 4156. P. 974-982	сх?
10.	Joravsky D.	Soviet marxism and natural science,1917-1932	London: Rontledge a. Kegan Paul,1961. XIV+433 p.	сх?
11.	Тот же	The Vavilov brothers	Slavic Rev. 1965. Vol. 24. N. 3. P. 381-394	сх
12.	—””—	The Lysenko affair	Cambridge,Mass.: Harvard Univ. Press,1970. XIII+459 p.	н
13.	Kihara H. a. Sax K.	Genetics in the USSR	J.Hered. 1953. Vol. 44. N 4. P. 132,158.	сх?
14.	Medvedev Z.A.	The rise and fall of the T.D.Lysenko	New York; London: Columbia Univ.Press. 1969. XII+264 p.	н
15.	Muller H.J.	Science in bondage	Science. 1951. Vol. 113. N. 2924. P. 25-32	л
16.	Nachtsheim N.	The Soviet Violation of biology	J. Hered. 1952. Vol. 43. N 1. P. 19-21	сх?
17.	Popovsky M.	The Vavilov affair	Hamden,Conn. 1984. 280 p.	н
18.	Sax K.	Soviet science and political philosophy	Scient. Monthly. 1947. Vol. 65. N 1. P. 43-47	чз?
19.	Тот же	Genetics and agriculture	Bull. Atom. Sci. 1949. Vol. 5. P. 143	сх?
20.	Sonneborn M.T.	Heredity,environment and politics	Science. 1950. Vol. 111. N 2890. P. 529-539	сх?
21.	Roll-Hasons N.	A new perspectives on Lysenko?	Ann. Sci. 1985. Vol. 42. N 3. P. 261-278	сх
22.	Zirkle C.	Death of a science in Russia	Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1949. XIV+319 p.	сх
23.	Тот же	Evolution,marxian biology and the social scene	Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1959. 527 p.	сх

¹ — резолюция Genetics Society of America 11.09.1951 с осуждением подавления генетики в социалистических странах; ² — шифра нет, но есть штамп "52: только для служебного пользования"; сх? — шифр, вероятно, отрезан или замазан; л — страница или часть страницы отрезана; чз? — возможно, было в читальном зале; н — издания нет в библиотеке; сх — шифр спецхрана сохранился.

Из этих же табл.3-6, а также из табл.7, в которую включены данные по тем нескольким журналам, лишь немногие номера которых находились в спецфондах¹⁸, видно, что все материалы, которые, с точки зрения официальной идеологии и власти, подрывали авторитет и основы власти и идеологии, оказывались в спецхране. Поскольку в задачу данной статьи не входит анализ состава и структуры материалов, хранившихся в спецфондах, так же как и принципов, по которым спецфонды комплектовались, укажем лишь на их разнообразие, изменение их состава во времени и в то же время на некий общий принцип, который просматривается в помещении всех этих материалов в спецфонды.

Нежелательные для упоминания и обсуждения моменты в развитии советской астрономии (табл.7, № 5) и физики (табл. 6, № 19, 22), Академии наук СССР (табл. 7, № 6), различного рода предположения о советском биологическом оружии (табл. 4, № 9, 11; табл. 7, № 7), письма и резолюции в защиту ученых — участников правозащитного движения в СССР (табл.4, № 3, 5-8, 10) — таков эскизный перечень спецхрановского спектра. Одни актуальные, с точки зрения зарубежной научной общности, темы сменялись другими. Некоторые, как тема лысенкоизма, возвращались на страницы журналов. Но принцип спецхрана оставался неизменным: все, что нарушало или могло нарушить с таким трудом созданную и поддерживаемую идеологическую непорочность и гармонию, препровождалось в спецфонды.

Таблица 3

Список номеров некоторых журналов, находившихся в спецфонде БАНа СССР согласно читательскому каталогу спецфонда

№ п/п	Шифр спецхрана	Год	Том	№	Штамп-цензора	Страницы	Автор	Название статьи	Содержание
The Journal of Heredity									
1.	33-II (шифр только № 5 за 1947)	1947	38	5	8	143-148	Darlington C.D.	A revolution in soviet science	л
2.	195-A	1958	46	1	11	15-17	Dobzhansky Th.	Lysenko at bay	л
3.	195-F	1965	56	5	109	229-233	Cohen B.M.	The descent of Lysenko	л
4.	195-A	1965	56	5	109	228	Kupzow A.J.	Anton Romanovich Zhebrak, 1902-1965	лч
5.	195-A	1969	60	3	156	110 ⁺ -112 ⁺	Dunn L.C.	A firsthand account of the Lysenko quackery: The rise and fall of T.D.Lysenko	л
6.	195-A	1975	66	5	156 (?)	315-316	Cohen B.M.	Lysenko in retrospect: An english film dramatisation and a russian geneticist's memoir	
7.	195-A	1977	68	1	130	57	Тот же	The demise of Lysenko	л
8.	195-A	1979	70	2	456	152	—""—	A personal view of soviet science today	лч

№ п/п	Шифр спецхрана	Год	Том	№	Штамп цензора	Страницы	Автор	Название статьи	Содержание
9.	195-А	1983	74	2	96	129 ⁺ -130	Redei G.P.	Genetics in Hungary: A remarkable renewal in education	лч
The Quartely Review of Biology									
1	130-Б	1971	46	2	177	167-169 ⁺	Lerner I.M.	When biology is servant to polity	л
2.	130-Б	1976	*		176				л
3.	130-Б	1979	54	4	186	397-416	Berg P.L.	The life and research of Boris L.Astaurov	лч
4.	130-Б	1981	56	4	93	443,444 ⁺ ,445 ⁺ ,446-448	Glass B.	H.J.Muller: A definitive biography	лч
The Journal of the History of Biology									
1.	1130-А	1969	2	2	156	439-444	Brozek J.	Рец. на кн.: Развитие биологии в СССР. М.: Наука. 1967. 763 с.	лч
2.	1130-А	1971	4	1	121	149-170	Carlson E.A.	An unacknowledged founding of molecular biology: H.J.Muller's contributions to gene theory. 1910-1936	лч
3.	1130-А	1971	4	1	121	171-184	Werskey P.G.	Haldane and Huxley: The first appraisals	лч
4.	1130-А	1981	14	2	165	359-361	Scarborough J.	L.K.Saunders. Veterinary pathology in Russia. 1860-1930. Ithaca: Cornell Univ. Press. 1980. 327 p.	лч ⁺⁺
5.	1130-А	1983	16	1	95	1 ⁺ -37 ⁺	Paul D.B.	A war on two fronts: J.B.S.Haldane and the response to lysenkoism in Britain	л

л — о лысенковщине; лч — частично о лысенкоизме; + — штамп на данной странице; (?) — штамп неразборчив; ++ — в данной статье всего одна фраза о лысенкоизме: "This book should stimulate historians of zoology to do away with stereotype of Russian backwardness in the zoological and agricultural sciences, a myth unfortunately fostered by Lysenko's career" (p. 361); * — Spec. ann. suppl. (1936-1976).

**Список номеров журнала "BioScience",
находившихся в спецфонде БАНа СССР
(выборочно; шифр журнала в спецфонде-сх. 639-Б)**

№	Год	Том	Но- мер	Стра- ницы	Штамп цензо- ра	Автор	Название статьи	Со- дер- жа- ние
1.	1969	19	6	549 ⁺ - 552	130	Friedman S.M.	Basic research in the Soviet Union	др
2.	1970	20	15	860 ⁺ - 861 ⁺	130	Ticktin H.	Thought on three fish in a tank (Russia, United States, and China)	др
3.	1973	23	12	690- 691	130	Zwarun A.A.	Microbiologists support Nina Strokita	пр
4.	1974	24	10	583- 589	197	Kosin I.L.	Soviet genetics: Biography, history, commentary	лч
5.	1979	29	6	336		Post J.	Remembering Kovalev	пр
6.	1979	29	9	558		—	US scientists defend soviet colleagues	пр
7.	1979	29	4	211		Kates R.W.	You are not forgotten	пр
8.	1980	30	3	152, 207		Walton S.	US scientists agree to censure soviet actions	пр
9.	1980	30	7	485- 487		Тот же	"Germ Warfare" violation hard to fin down	др
10.	1980	30	9	618		Caplan A.L.	Cybernetic approach to human evolution	пр
11.	1980	30	10	646		Housewright R.D.	USSR anthrax vaccines	др

+ — на данной странице стоит штамп цензора; др — другие темы; пр — в связи с правозащитным движением в СССР; лч — частично о лысенкоизме.

Таблица 5

**Список номеров журнала "Science", находившихся в спецфонде
БАНа СССР (выборочно; шифр журнала в спецфонде-сх. 67-5)**

№ п/п	Год	Том	Но- мер	Стра- ницы	Штамп цензо- ра	Автор(ы)	Название статьи	Со- дер- жа- ние
1.	1959	129	3361	1479 ⁺ - 1480	169	Dobzhansky Th.	C.Zirkle's evolution marxian biology, and the social scene	л
2.	1959	130	3370	252 ⁺ , 25 3 ⁺ -255	169	Nutter G.W.	Soviet industrial growth. Estimates of it face difficulties, but the "best" western guess finds soviet claims much ex-aggerated	др
3.	1959	130	3389	1648- 1649 ⁺	343	Schramm W.	A.Inkeles, R.A.Bauer. The soviet citizen	др
4.	1960	132	3427	612 ⁺ - 613 ⁺	169	Kraus W.H.	A.S.Ulam's the unfinished revolution	др

№ п/п	Год	Том	Номер	Страницы	Штамп цензора	Автор(ы)	Название статьи	Содержание
5.	1961	133	3466	1762 ⁺ - 1763 ⁺	177	Dobzhansky Th.	D.Joravskys soviet marxism and natural science	1917-1932
6.	1961	133	3468	1912 ⁺ , 1913 ⁺ , 1914	177	Hinkle L.E.	Communist manipulation of behavior	др
7.	1961	134	3493	1917,1919 ⁺ , 1920-1924	102	Clemens W.S., Clemens D.S., Krauskopf K.B.	Public opinion in USSR	др
8.	1969	163	3863	129	185	Hyman Ch.	Czech science in iron globe	др
9.	1969	164	3887	1507-1509	185	Dobzhansky Th.	The rise and fall of T.D.Lysenko	л
10.	1969	164	3883	1043 ⁺ - 1044	158	Nelson B.	A.D.Sakharov: Soviet physicist believed to have been punished	др

+ — на странице стоит штамп (номер цензора); л — о лысенкоизме; др — другие темы; № 3361, 3370, 3389 (1959 г.) и № 3427 (1960 г.), 3466, 3468, 3493 (1961 г.) хранятся в одном переплете.

Таблица 6

**Список номеров журнала "Isis", хранившихся в спецфонде
БАНа СССР и переданных в библиотеку (отдел БАНа)
при Ленинградском отделении Института истории
естествознания и техники АН СССР (шифр спецхрана — сх. 141-Б)**

№ п/п	Год	Том	Номер	Страницы	Штамп цензора	Автор(ы)	Название, место, год издания, количество страниц	Содержание
1.	1950	41	123 ¹					
2.	1950	41	123	238-239	226	Sax K.	Zirkle C. The death of a science in Russia. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1949. XIV+319 p.	л
3.	1950	41	124	239-240	226	Тот же	Huxley J. Heredity — East and West. New York: Henry Schuman. 1949. X+246 p.	л
4.	1950	41	125/126	320	332	Jackman S.W.	Lindsay J. Marxism and contemporary science. London: Dobson. 1949. 261 p.	лч
5.	1950	41	125/126	320-321	332	Zirkle C.	Schmalhausen I.I. Factors of evolution. Philadelphia: Blakiston. 1949. XIV+327 p.	лч
6.	1951	42	127	80-81	295	Тот же	Ivan Vladimirovich Michurin: Selected works. Moscow Foreign Language Pubb. House. 1949. XIV+496 p.	лч
7.	1951	42	127	85-86	295	—""—	Fish G. A people's acad. Moscow. 1949. 192 p.	лч

№ п/п	Год	Том	Номер	Страницы	Штамп цензора	Автор(ы)	Название, место, год издания, количество страниц	Содержание
8.	1957	48	151	97-99	266	—””—	Borodin N.M. One man in his time. New York: McMillan. 1955. 344 p.	нв
9.	1957	48	151	71-73	266	—””—	Darlington C.D. The facts of life. New York: McMillan. 1955. 467 p.	лч
10.	1960	51	165	348-358	105	Joravsky D.	Zirkle C. Evolution, marxian biology and the social scene. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1959.	лч
11.	1968	59	198	329-332	184	Egerton F.N.	Botany in Russia. Washington, D.C.: Smithsonian Inst. Press. 1967. XIV+240 p.	лч
12.	1970	61	207	261-263	184	Graham L.R.	Medvedev Z.A. The rise and fall of T.D. Lysenko. New York; London: Columbia Univ. Press. 1969. IX+284 p.	лч
13.	1971	62	214	558(?)	184	Filner R.E.	Crowther J.G. Fifty years with science. New York: Humanities Press. 1970. 348 p.	лч
14.	1971	62	214	560-561	184	Adams M.B.	Joravsky D. The Lysenko affair. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press. 1970. XIII+459 p.	л
15.	1972	63	217	143-181	121	Salaff S.	A biography of Hua Lokeng	др
16.	1973	64	223	436-437	192(?)	Hahn R.	The Nobel foundation. Les prix Nobel en 1970. Stockholm: Imprimerial Royal P.A. Norstedt and Soner. 1971. New York: Amer. Elsevier. 1972	др
17.	1973	64	224	569-570	192	Beltz J.S.	Daniloff N. The Kremlin and the kosmos. New York: Alfred A. Knopf. 1973. XIV+253 p.	др
18.	1979	70	254	638-639	108(?)	Kasack W.	Sowjetmach und Wissenschaft: Dokumente zur Rolle Lenins bei der Entwicklung der Akademie der Wissenschaften. Berlin: Acad. Verlag. 1975. 495 p.	др
19.	1980	71	257	236-250	120	Vucinich A.	Soviet physicists and philosophers in the 1930s. Dynamics of a conflict.	др
20.	1981	72	263	393-405	120(?)	Ravetz J., Westfall R.C.	Marxism and the history of science.	др
21.	1982	73	266	146-147	100(?)	Dufour P.	Hyde H. The atom bomb spies. New York: Athereum; London: Hamish Hamilton. 1980. XII+339 p.	др

№ п/п	Год	Том	Номер	Страницы	Штамп цензора	Автор(ы)	Название, место, год издания, количество страниц	Содержание
22.	1983	74	271	141-143	100(?)	Kuchment M.	Livanova A. Landau: A great physicist and teacher. New York: Pergamon Press. 1980. X+217 p.	др
23.	1983	74	271	145-147	100(?)	Badash L.	Seaborg G. Kennedy, Khrushchev, and the test ban. Los Angeles; London: Univ. California Press. 1981. XVI+320 p.	др
24.	1983	74	273	413-416	100(?)	Allen G.E.	Carlson E.A. Genes, radiation, and society: The life and work of H.J. Muller. Ithaca; London: Cornell Univ. Press. 1981. 438+444 p.	лч, др
25.	1985	76	281	87-88	(?)	Lubrano L.L.	Vucinich A. Empire of knowledge: The Academy of sciences of the USSR (1917-1970). Berkeley; Los Angeles; London: Univ. California Press. 1984. X+484 p.	др

л — статья о лысенкоизме; лч — статья частично посвящена лысенкоизму; др — статья на другую тему; (?) — штамп неразборчив.

Таблица 7

Список некоторых журналов, отдельные номера которых хранились в спецфонде БАНа СССР

№ п/п	Название журнала и шифр спецхрана	Год	Том	Номер	Штамп цензора	Страницы	Автор(ы)	Название статьи
1.	AIBS Bull., сх. 549-Б	1961	11	3	100	14-16	McConnell A.A.	The absolute weapon (a hypothetical positive eugenics program as used in biological warfare)
2.	Ann. Sci., сх. 1177-А	1985	42	3	142	243-260	Weiner D.R.	The roots of "michurinism": Transformist biology and acclimatization as currents in the Russian life sciences
3.	Те же	1985	42	3	142	261-278	Roll-Hansen N.	A new perspective on Lysenko?
4.	Biol. and Human Affairs, сх. 1108-А	1969	35	1		44-45	B.Y.	The rise and fall of T.D. Lysenko
5.	BJHS, сх. 1557-А	1986	19	62	189	233-234	McCutcheon R.A., de Lima Dantas E.	Nicolaidis E. Le developpement de l'astronomie en USSR, 1917-1935. Paris: Observatoire. 1984. 253 p.

№ п/п	Название журнала и шифр спецхрана	Год	Том	Номер	Штамп цензора	Страницы	Автор(ы)	Название статьи
6.	Те же	1986	19	62	189	222-223	Roll-Hansen N.	Vucinich A. Empire of knowledge. The Academy of sciences of the USSR (1917-1970). Berkley: Univ. California Press. 1984. X+484 p.
7.	Bull. Entomol. Soc. Amer.,cx.470-B	1987	33	2	190	76-82	Lockwood J.A.	Entomological warfare: History of the use of insects as weapons of war
8.	Eugenics Rev.,cx.811-A	1961	53	3		174		The puzzle of Lysenko
9.	Те же	1961	53	1		54	H.K.	Radzinski J.M.Masks of Moscow: A history of russian behavior pattern. Chicago: Regent House. 1960. XIV+268 p.
10.	Pavlovian J. Biol. Sci.,cx. 873-B	1982	17	1		11	Mc Guigan F.J.	Review of psychiatry and psychology in the USSR

Отметим особо два обстоятельства в связи с дискуссиями конца 80-х гг. о природе того общества, которое накануне дискуссий именовалось "реальным социализмом" и к которому публицисты и общественеды в ходе дискуссий торопливо пытались подобрать эпитет-отмычку: "бюрократический", "казарменный", "феодальный", "административный" социализм.

Первое обстоятельство легко просматривается, если взглянуть в табл.8. Та власть, которая провозглашала себя результатом и преемницей революции, почему-то отправила "под арест" в спецфонды как раз те работы, в которых являлся читателю непосредственный образ революции, и, как правило, тех авторов, которые были ее творцами¹⁹. Можно ли расценивать это иначе, чем стремление, если выразиться языком детективной литературы, спрятать концы в воду? Даже данных одной этой небольшой табл.8 было бы достаточно, наверное, для пространных и печальных рассуждений о трагической судьбе российской революции начала XX в. вообще и марксизма как идейного и политического течения в частности.

Таблица 8

Список некоторых работ (выборочно), хранившихся в спецфонде библиотеки Ленинградского государственного университета (по данным, предоставленным автору статьи студентом V курса философского факультета О. Е. Прокопенко)

№ п/п	Автор	Название	Место и год издания	Шифр спецхрана
1.	Антонов М.А.	Ленин и Плеханов	Пг. 1917	17554
2.	Бердяев Н.	Библиография	Париж. 1978	7040
3.	Заславский Д.	Г.В.Плеханов	Пг. 1923	15985
4.	Иоффе О.С.	Вопросы теории права	М. 1961	18085
5.	Каутский К.	Социологизация сельского хозяйства	М. 1921	5196
6.	Луначарский А.В.	Великий переворот	Пг. 1919	17446
7.	Тот же	Революционные силуэты	М. 1923	14903

№ п/п	Автор	Название	Место и год издания	Шифр спецхрана
8.	—””—	Карл Маркс и социалистическая революция	Пг. 1918	17029
9.	—””—	Культура и свобода	Те же	9805
10.	—””—	Рабочий класс и культура	М. 1925	3078
11.	Нан Ш.	Диктатура и демократия	Пг. 1918	17539
12.	Тот же	Октябрьский переворот: Факты и документы. Архив революции 1917 года	Те же	2629
13.	Розанов В.В.	"Ангел Иегова" у евреев	СПб. 1914	10091
14.	Розенталь П.	Жизнь и смерть Учредительного собрания	Пг. 1918	18018
15.	Тот же	Стенографический отчет II Всесоюзного совещания воинствующих безбожников	М. 1930	10987
16.	Туткевич Д.В.	Что такое еврей?	Киев. 1906	8483
17.	Тихомиров Л.	Плеханов и его друзья	Л. 1925	16857
18.	Таль Б.	Пути строительства социализма в СССР	М.; Л. 1927	15804
19.	Трубецкой Е.	Два зверя	М. 1918	15714
20.	Тот же	Труд в России	Л. 1925	17984
21.	Хейфец И.Я.	Мировая реакция и еврейские погромы	1925	2790
22.	Тот же	Хрестоматия по истории классовой борьбы	Л. 1925	2608
23.	Цейтин З.	Что такое материя?	М. 1929	782
24.	Цейтлин К.	Роза Люксембург: Русская революция	М. 1923	7555
25.	Циолковский К.Э.	Статьи	Калуга. 1935	14992
26.	Челпанов Г.	Психология и марксизм	М. 1925	16697
27.	Чернов В.	Германская социал-демократия на распутье	Пг. 1917	16524
28.	Тот же	Земельный вопрос	Те же	3580
29.	—””—	Земля и право	—””—	6060
30.	—””—	Марксизм и аграрный вопрос	СПб. 1906	16536
31.	Штрайх С.Я.	Заговор декабристов	Л. 1925	13602
32.	Эренбург И.	А все-таки она вертится	Берлин. 1922	17652
33.	Юшкевич С.	Эпизоды	Берлин. 1923	5187
34.	Яковенко Б.	Очерки русской философии	Берлин. 1922	17761
35.	Яковлев Я.	Русский анархизм в великой русской революции	М. 1921	17106

Второе обстоятельство связано с правовым статусом спецхрана, его сотрудников и читателей. Во-первых, спецхран был доступен не для всех, а только для сравнительно узкого круга специалистов²⁰. Для того чтобы попасть в спецхран, каждый пожелавший должен был взять по месту работы специальное ходатайство, подписанное директором и скрепленное круглой печатью. Кроме того, читатель на формуляре отдела спецфондов ставил свою подпись под "Правилами" и тем самым оказывался перед потенциальной возможностью применения к нему ряда статей Уголовного кодекса, поскольку в этих "Правилах", в частности, был пункт: "Категорически запрещается разглашение антисоветских и антисоциалистических материалов, содержащихся в этой (спецфондовой. — М.К.) литературе". Если учесть, что спецхран был под юрисдикцией Главлита и его деятельность определялась не законом, а соответствующими директивами этого ведомства,

получаемыми через "Первые" отделы библиотек (причем документы необходимо было после ознакомления сдать обратно), то получаем картину абсолютного бесправия читателей, т.е. ученых и работников самого спецхрана, с одной стороны, и ничем не ограниченного своеволия таинственного ведомства — с другой. По сути само существование спецхрана являлось нарушением прав граждан и было, строго говоря, антиконституционным. Столь же очевидно, что оно отрицало свободу науки, превращало науку из деятельности, направленной на поиск истины, в деятельность, обслуживающую далеко не бескорыстные интересы тех или иных лиц и групп.

Эти лица и группы всегда стояли как бы над законом и инструкциями, созданными для всех остальных граждан. Они использовали и закон, и инструкции в своих интересах тогда и так, когда и как им это было нужно. В заключение один пример, подтверждающий это.

С 15 по 19 декабря 1958 г. состоялся пленум ЦК КПСС, посвященный сельскому хозяйству. Выступая на пленуме, Т.Д.Лысенко полностью использовал те преимущества, которые давала ему ситуация, когда все статьи западных ученых с критикой лысенкоизма находились в спецхране и даже те, кто имел доступ в спецхран, не могли их использовать, а ему, Т.Д.Лысенко, готовили переводы этих статей, на которые он не только ссылался, но и цитировал. Жалуясь на то, что "реакционеры в науке и журналисты буржуазного мира, в особенности США, Англии и других капиталистических стран", каких только грехов не приписывают ему, Т.Д.Лысенко сослался на статью в "американском журнале "Наследственность", том 49, N1 за 1958 год", в которой "явный недруг СССР биолог Добжанский утверждает, что "позорное положение, в которое Лысенко поставил материалистическую науку, не скоро будет забыто". В этой статье он высказывает радость, что некоторые биологические журналы в СССР резко критикуют мои теоретические и практические работы, и в то же время высказывает неудовлетворенность, что эти журналы не прямо, а косвенно, замаскированно критикуют материалистическую, мичуринскую биологию"²¹.

Накануне пленума в твой же "Правде" была опубликована статья без подписи (так называемая редакционная) "Об агробиологической науке и ложных позициях "Ботанического журнала", в которой заявлялось, что, критикуя агробиологические работы академика Т.Д.Лысенко, ряд зарубежных изданий "подвергают злобным нападениям материалистическую биологию, клеветуют на советский строй. Особенно изощряются в этом западные реакционеры вроде Т.Гексли, Ф.Добжанского, которые сделали своей главной целью поношение трудов И.В.Мичурина и его последователей. Заодно с ними злобную атаку против материалистической биологической науки ведут К.Зеркль, С.Харланд, С.Дарлингтон, О.Густафсон и некоторые другие"²². Читатели "Правды" даже те, кто владел английским языком, не могли прочесть, что в действительности написано "изощряющимися реакционерами", а отечественные критики Т.Д.Лысенко не могли цитировать статьи "реакционеров". Следовательно, они не могли показать, какова подлинная позиция всех участников столкновения.

Зато их позиция и позиция редакции "Ботанического журнала" были поставлены в нужный идеологический ряд, после чего последовали соответствующие оргвыводы. Всю редколлегию "Ботанического журнала" во главе с ее главным редактором академиком В.Н.Сукачевым заменили. Были произведены и другие "перестановки кадров", в том числе вместо В.А.Энгельгардта пост академика-секретаря Отделения биологических наук занял "верный мичуринец" Н.М.Сисакян.

Так для генетики и генетиков кончилась хрущевская "оттепель".

¹ *Metdvedev Z.A.* The rise and fall of T.D.Lysenko, New York; London, 1969; Popovsky M.N. Vavilov und die biologische Diskussion in der USSR. Berlin, 1977; Popovsky M.N. The Vavilov affair. Hamden, 1984.

² Не касаясь в данной статье достаточно деликатного вопроса о степени незавершенности тех или иных работ (особенно еще более деликатного вопроса о ненаписанных работах), отметим лишь, что, как только появилась возможность, были опубликованы в журнальном варианте либо в виде книг работы, которые, очевидно, главным образом были подготовлены в течение предшествующих лет. К таким работам, например, безусловно относятся как роман В.Дудинцева "Белые одежды" (Нева, 1987, № 1-4), так и историко-критическое исследование А.Е.Гайсиновича "Зарождение и развитие генетики" (М., 1988), а также опубликованная в предшествующем сборнике "Репрессированная наука" статья Э.И.Колчинского "Несостоявшийся союз "философии и биологии".

³ Например: *Huxley J.* Soviet genetics and world science (Lysenko and the meaning of heredity). London, 1949; *Joravsky D.* The Lysenko affair. Cambridge, Mass, 1970; *Zirkle C.* Evolution, marxian biology, and the social scene. Philadelphia, 1957.

⁴ Автор данной статьи не стремился к исчерпывающему перечню, ограничившись несколькими выборками практически только по двум крупнейшим ленинградским библиотекам. Даже такой ограниченный анализ дает достоверную картину. Во-первых, обе библиотеки — Библиотека Академии наук СССР (БАН) и Государственная публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (ГПБ, ныне — РНБ) — являются старейшими в стране и крупнейшими по числу "главной библиотеки страны" — Государственной библиотеки им.В.И.Ленина (ГБЛ) — книгохранилищами. Эти три библиотеки представляют своего рода остов и визитную карточку библиотечного дела в стране. По ним безусловно можно судить о состоянии библиотечного дела в целом. К тому же только в библиотеки такого ранга поступали все естественнонаучные журналы из-за рубежа. Во-вторых, поскольку во всех сферах жизни общества действовала единая государственная система, о законах организации и функционирования каждой сферы вполне можно судить по какому-то одному отдельно взятому объекту, хотя между теми же БАНом и ГПБ есть определенные отличия.

⁵ Подробнее о научном и жизненном пути Ф.Г.Добржанского см.: *Галл Я.М., Конашев М.Б.* Классик // Природа. 1990. № 3. С.79-87; *Конашев М.Б.* Ф.Г.Добржанский: генетик, эволюционист, гуманист // Вопр. истории естествознания и техники. 1991. № 1. С.56-71.

⁶ О причинах, побудивших Ф.Г.Добржанского остаться в США, см. подробнее: Конашев М.Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л., 1991. С.240-263.

⁷ См.: *Добржанский Ф.Г.* К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм или эпигенезис? Вологда, 1926. С.24-47.

⁸ См., например: *C.R.* The Question of Dr.Vavilov's death // *Hered.* 1946. Vol.37, № 1. P.15.

⁹ В ГБЛ этого издания также нет. Как правило, это означает, что издания вообще нет в библиотеках СССР и оно в принципе недоступно (если не считать частный путь) советскому читателю.

¹⁰ В пользу того, что такая операция вовсе не результат "партизанских действий" читателя, говорит тот факт, что одновременно в оглавлении аккуратно вырезаны соответствующие строчки или строчка (см. в табл.1, № 10, БАН, ГПБ; в экземпляре хранящемся в БАНе, "прооперированные" страницы аккуратно заклеены папиросной бумагой).

¹¹ К счастью, нередко в библиотеке наряду с перепечаткой или оригиналом, выдававшимся в читальный зал, имеется экземпляр того же издания, который в общий читальный зал не поступал, а хранился в спецхране, и прочитать его можно было только в читальном зале спецхрана. Поэтому, хотя текст десятилетия не был доступен, он все же сохранился. Иногда оказывалось, что этот журнал был в спецхране другой библиотеки (см. табл.1). Но иногда, как в ГПБ с журналом "Science" (см. табл.1, № 22), сначала получаешь перепечатку, а потом — оригинал с вырезанными страницами.

Другим подтверждением государственного характера данной операции является следующий фрагмент из воспоминаний М.Шишмолиной, бывшей главным библиотекарем ГПБ: "Очень немногие библиотеки имели спецфонды, но только в них сохранились книги репрессированных авторов ... Библиотеки, не имеющие таких фондов, все книги "изъятых" авторов должны были уничтожать. Но особенно критическое положение сложилось с августа 1949 года, когда Главлит издал циркуляр № 8

По этому циркуляру из сборников или других книг предписывалось удалять статьи, предисловия и даже стихи изъятых авторов и в таком виде оставлять их в общих фондах. Необходимо было вырезать или замазывать тушью все упоминания об этих авторах. Это делали все библиотеки страны (выделено нами. — М.К.), что подтвердили их представители, присутствовавшие на 70-летию ЛГИКа им.Н.К.Крупской в декабре 1988 года" (Берегите обязательный экземпляр! // Смена. 1990. 20 апр. (№ 92) С.4).

¹² По утверждению самих работников спецхранов, в частности заведующей спецфондом БАН Натальи Борисовны Парамоновой (которую автор благодарит за консультации при подготовке данной статьи), происходит это не по злому умыслу. Просто шифр книги или журнала меняют при передаче из одного фонда в другой.

¹³ Библиография всех работ с критикой лысенкоизма за рубежом намного превысила бы объем самой обширной статьи. Поэтому в выборку включены лишь некоторые из наиболее известных авторов. Причем в табл.2 не вошла часть работ некоторых авторов, так как они показаны в других таблицах.

¹⁴ В своей работе отделы спецфондов библиотек руководствовались различного рода документами, поступающими из соответствующего регионального подразделения Главлита, через 1-е отделы библиотек. Формально отдел спецфондов, как и всякий другой отдел библиотеки, подчинялся еще администрации данной библиотеки.

¹⁵ Не давая подробного описания каталогов спецфондов, отметим лишь, что, например, в каталоге читального зала отдела спецфондов БАНа есть раздел "Периодика", в котором разнесены по карточкам все журналы, хранившиеся в спецфондах.

¹⁶ Разумеется, вывод о том, что именно та или иная статья послужила причиной для помещения номера в спецфонд, является сугубо предположительным и может быть подтвержден только после соответствующего анализа документов и практики Главлита. Исключения могут представлять только те случаи, когда штамп цензора ставился на страницах той статьи, которая послужила причиной изъятия журнала в спецхран. Но в большинстве случаев основание достаточно очевидно. Например, в "Journal of Heredity" та или иная статья (или рецензия) с критикой лысенкоизма в каждом соответствующем номере является единственной среди всех остальных чисто генетических статей данного номера.

¹⁷ Из-за большого количества тех номеров этих журналов, которые хранятся в спецфонде БАНа, выборки делались только по двум года (1969 и 1979 для "Bioscience" и 1959 и 1969 для "Science"). Так как с номерами за эти годы были переплетены и другие по близким годам, данные года тоже были включены в таблицы. За 1959 г. номеров "Bioscience" в фондах спецхрана, судя по каталогу, нет.

¹⁸ Подобные выборки показательны. В табл.7 представлены результаты двух выборок: первая — по разделам "Биология" и "Генетика" в каталоге "Периодика"; вторая — по разделу "В" в каталоге "Журналы" (далеко не полная).

¹⁹ Из собрания книг коллекционера В.Марьяша на выставке в АПН в 1988 г. 90% наименований находилось в спецхране. В эти 90% входило: "более 60 прижизненных изданий сочинений Ленина, периодика первых лет Советской власти, биографические словари участников революционного движения, стенографические отчеты съездов, материалы по истории гражданской войны и уничтоженных впоследствии политических партий в России, листовки, плакаты, иконография — всего 336 номеров экспонатов ..." (Чудный спецхранчик Вячеслава Марьяша // Сов.библиография. 1990. № 2. С.77).

²⁰ Одним из свидетельств степени "доступности" спецхрана может служить следующее высказывание заведующего 2-й экспозиционной группой Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде В.Д.Боброва: "Ведь даже мы, сотрудники музея истории, знавшие, конечно, больше, чем непосвященные, и то не были знакомы со всем, что таил спецхран. Пускали ведь туда только по особым разрешениям, и то лишь тогда, когда докажешь, что ты непосредственно занимаешься данной темой. А кто, простите, в прежние времена мог позволить себе заниматься Бухариным или Зиновьевым?.." (И ничего, кроме правды // Смена. 1990. 7 апр. С.2).

²¹ Правда. 1958. 18 дек.

²² Там же. 14 дек.

В.Д.Каллиникова, В.Я.Бродский

ДЕЛО "КР"

Все три сына присяжного поверенного Иосифа Григорьевича Роскина были очень талантливы. Двое из них (Владимир и Александр) оказались у истоков советской культуры; имя третьего (Григория) широко известно в науке. И в судьбе каждого отразилось их время: первая половина и середина нашего столетия.

Художник Владимир Иосифович Роскин дружил с Маяковским, работал в "Окнах РОСТА", был родоначальником нашего декоративного искусства. Роскин оформил около 30 советских выставок как в нашей стране, так и за рубежом. За одну из них (в Париже в 1937 г.) он был удостоен "Гран-при", но верные стражники бдительности так и не позволили художнику получить эту почетную награду. Во время Отечественной войны Владимир Иосифович потерял на фронте сына Оську, о котором с большой теплотой написал его друг Ю.Нагибин.

Александр Иосифович Роскин был литературоведом, специалистом по Чехову. Подобно многим другим москвичам-интеллигентам, он в самом начале войны пошел в ополчение и вскоре попал в плен. Как писал К.Паустовский, нашелся предатель, выдавший немцам национальность Александра Иосифовича. Но на этот случай у писателя был приготовлен цианистый калий, который и спас его от истязаний и казни.

Мы расскажем о биологе Григории Иосифовиче, о его открытии и трагедии. В судьбе Г.И.Роскина особенно остро отразился социальный колорит нашей недавней отечественной истории.

Г.И.Роскин был биологом с мировым именем, одним из основателей отечественной гистохимии, блестящим лектором. Он 30 лет заведовал кафедрой гистологии Московского университета. В его научной специальности сочетались цитология и гистология широкого профиля с протозоологией, а в образовании — знаменитая российская кольцовская и европейская французская школы, что вместе с огромной общей эрудицией сделало Г.И.Роскина одним из самых образованных биологов своего времени, интереснейшей фигурой в науке. Широкий круг его цитологических интересов и исследований охватывал нервные, мышечные, раковые клетки, а также простейших — одноклеточные организмы. В познании злокачественных клеток им был сделан тройной вклад, касающийся их природы, диагностики и лечения рака. В исследовании природы раковых клеток Г.И.Роскину принадлежат оригинальные и важные идеи о неоднородности их популяции и о сочетании их агрессивности с ранимостью. Однако наибольшую известность, славу и страдания принесли Григорию Иосифовичу работы по терапии рака.

В 1931 г. Г.И.Роскину совместно с Е.Экземплярской удалось открыть интереснейший феномен — антагонизм между злокачественным ростом и заболеванием Шагаса, вызываемым паразитическим простейшим *Trypanosoma cruzi*. Эта инфек-

ция либо сильно подавляла рост опухоли экспериментальных животных, либо приводила к полной ее регрессии. Противораковая активность трипаносомы была показана на ряде разнообразных опухолей нескольких видов животных. Позже данный феномен был подтвержден многими отечественными и зарубежными работами.

Выяснилось, что активное антибластомное начало сохраняется в убитых клетках *T.cruzi*, на основе чего Г.И.Роскиным в плодотворном союзе с врачом-микробиологом, членом-корреспондентом АМН СССР Ниной Георгиевной Ключевой из них был получен препарат, названный сначала "КР", а затем — круцином. Этот препарат обладает широким спектром действия на опухоли животных, оказывает определенное профилактическое воздействие на возникновение спонтанных опухолей высококорактовой линии СЗН, подавляет рост вирусной саркомы Рауса и sv=40. При этом он не влияет на вирусы гриппа, бешенства, полиомиелита, на менингококки.

Широкий круг использованных животных и поддающихся воздействию *T.cruzi* и круцина опухолей разной природы свидетельствовал о том, что речь идет не о частном случае, а о серьезном явлении, касающемся злокачественных клеток вообще. Было ли это открытие везением? Да, было. Было ли оно случайным? Конечно, нет. Только сочетание в одном лице цитолога-онколога и протозоолога могло подсказать, где следует искать удачу.

Конечно, это открытие приобретало смысл прежде всего в его клиническом использовании. Поскольку *T.cruzi* вызывает у человека серьезное заболевание, экспериментировать с живыми паразитами в клинике недопустимо. И все же такой эксперимент за рубежом (в противораковом центре Сан-Паулу, Бразилия) был однажды проведен на добровольцах-заключенных и больных раком в терминальной стадии и приговоренных судом к смертной казни. После их заражения трипаносомой наблюдались некоторые положительные сдвиги. Однако были получены и косвенные свидетельства того, что и в организме человека болезнь Шагаса и злокачественный рост находятся в антагонистических отношениях. Широкое распространение болезни Шагаса в Южной Америке коррелирует с относительно низкой заболеваемостью раком. Понятно, что в клинике возможно только применение только препарата из *T.cruzi*. И лабораторные исследования на культурах ткани подтвердили, что в этих условиях круцин не действует на нормальные клетки, а избирательно подавляет рост и вызывает гибель всех испытанных злокачественных клеток человека: рака шейки матки, желудка, гортани, аденокарциномы молочной железы, поджелудочной железы, ангиосаркомы.

Клинические испытания круцина проводились дважды. Исследования 1939-1946 гг. дали основания для производства этого препарата, а результаты работ 1960-1961 гг. позволили получить разрешение на использование его в широкой практике. Несмотря на тяжелый контингент больных (главным образом безнадежных), малое количество и дороговизну препарата, его распыление по стране, а также на разные формы и локализацию леченных опухолей, в целом удалось установить следующее. Круцин безвреден и хорошо переносится. В 80-90% случаев он благотворно влияет на общее состояние раковых больных: снижает интоксикацию, боли (что позволяет уменьшить дозу наркотиков или отказаться от них), улучшает аппетит, восстанавливает трудоспособность, приводит к ремиссиям сроком от нескольких месяцев до нескольких лет. Во многих случаях он оказывает и специфическое противораковое действие, что выражается в стабилизации роста опухоли, уменьшении ее размеров, переходе к операбельному состоянию (иногда появлялась возможность провести и нерадикальную операцию), а при более ранних стадиях заболевания — даже в исчезновении основных узлов, метастазов и рецидивов. Так, из 29 больных раком губы лечение круцином вызывало стабилизацию процесса у 8 человек, уменьшение опухоли — у 6, а полное ее исчезновение — у 12 (пятеро из выздоровевших наблюдались в течение 5-17 лет). Среди леченных круцином 18 больных раком молочной железы I-II

стадии после нерадикальной операции 12 человек были живы еще 12 лет, трое — больше 5, один — более полутора лет (судьба двоих неизвестна).

Как в культуре тканей, так и в клинике различные опухоли человека неодинаково чувствительны к действию круцина. Наилучшие клинические результаты получены при лечении рака губы, молочной железы и толстого кишечника. Урологические опухоли оказались менее чувствительными. Лечение круцином хорошо сочеталось с хирургией и рентгенотерапией. Применение значительно более высоких доз препарата на опухолях толстого кишечника в последние годы существования круцина давало и более значительный эффект.

Полученный из *T.cruzi* препарат на своей биологической основе принципиально отличается от других противораковых препаратов. Как уже сказано, его использование основано на биологических свойствах этого вида жгутиковых простейших. Круцин — единственный препарат, полученный из животной эукариотной клетки, причем из такой клетки, которая часть своего жизненного цикла проходит в организме человека и заинтересована в нем. Отношения ее с организмом человека древние, пригнанные, и поэтому невозможна сильная общая токсичность круцина. При этом продуцент круцина отличается от других трипаносом цитотропизмом, размножаясь внутриклеточно, т.е. взаимодействуя с организмом человека на клеточном уровне. Более того, Г.И.Роскиным и его сотрудниками был открыт туморотропизм этого паразита (т.е. предпочтительное поражение именно злокачественных клеток хозяина), что является основой специфичности его воздействия на раковые опухоли. В поединке с раковой клеткой обнаружено важное преимущество паразита — многостадийность его жизненного цикла, возможность выйти из разрушенной клетки хозяина в новой форме и на новой стадии продолжать свое развитие вне клетки.

Открытие туморотропизма *T.cruzi*, ее антагонистических отношений с раковой клеткой и разработкой круцина явились началом нового направления — биотерапии рака (использования естественных биологических отношений пораженного раковым процессом организма и паразита). Это означало также экологически безопасную для человека терапию, терапию его нормальных тканей и органов. Такая идея за несколько десятилетий предугадала то, к чему теперь приходят онкологи. Онкотерапия получила уникальный препарат, который помог немалому числу больных. Это было приоритетом, честью и славой советской науки. Результаты работы Г.И.Роскина и Н.Г.Клюевой позже получили подтверждение во многих зарубежных исследованиях.

Однако судьба этого открытия и его авторов оказалась непростой. Публикации работ по биотерапии рака вызвали интерес в ООН, и Вышинскому был сделан запрос об открытии нового противоракового препарата в СССР. В это же время академик-секретарь АМН СССР В.В.Парин по каким-то служебным делам должен был поехать в США и собирать материалы, которые могли бы продемонстрировать последние достижения советской медицины. Н.Г.Клюева попросила его взять с собой и рукопись первой монографии ее и Г.И.Роскина "Биотерапия злокачественных опухолей"¹, которая вот-вот должна была быть опубликована у нас. Василий Васильевич Парин выполнил эту просьбу, за что жестоко поплатился.

О запросе и вывозе рукописи узнал Сталин, в то время озабоченный искоренением в нашей стране низкопоклонства перед Западом. В борьбе за патриотизм эту историю посчитали показательной и поучительной. На этом примере решили проучить недостаточно патриотично настроенных ученых. Их обвинили в предательстве; им была инкриминирована попытка протащить свое открытие за границу, продажа тайны, преклонение перед Западом и антипатриотизм. К этим "преступлениям" В.В.Парину добавили и передачу самой книги, а также других материалов за рубеж, вывоз которых, конечно, был заранее санкционирован соответствующими органами. В.В.Парина арестовали, судили по стандартному тогда обвинению в шпионаже в пользу США и приговорили к заключению на 25 лет (просидел он 7 лет). В это же время был снят с работы министр здравоохра-

нения Г.А.Митерев, а авторов препарата "КР" в связи с вмешательством ООН не могли судить уголовно.

С этой истории началась длительная кампания своеобразных моральных репрессий — "судов чести", первыми жертвами которых стали Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин. Их судили совсем по-особому: морально и всем миром. После реабилитации в ЦК и на Политбюро КПСС было устроено показательное общественное судилище на высоком уровне, а затем в парторганизацию было направлено закрытое письмо ЦК КПСС для ознакомления всех членов ВКП(б) с проступком Клюевой и Роскина. И хотя оба они были беспартийными, но проработки прошли во всех местных организациях. Их обвиняли в том, что, движимые тщеславием, честолюбием и преклонением перед Западом, они поторопились сообщить о своем открытии на весь мир, использовав для этого сомнительного посредника в лице В.В.Парина. Вскоре "суд чести" нашел продолжение: А.Штейн написал нужную пьесу "Закон чести", и по его сценарию быстро поставили и соответствующий фильм, который преследовал ученых, куда бы не бежали они от этой трагедии. Были написаны еще две пьесы (правда, скорее посвященные патриотизму в науке вообще): "Великая сила" Б.С.Ромашева и "Чужая тень" К.С.Симонова. Таким печальным образом авторы круцина стали известны всей стране как потерявшие советское достоинство поклонники Запада, их считали потенциальными предателями.

Однако работы их не были прекращены. Вопросом "КР" заинтересовались в верхах, и была провозглашена исключительная важность этих исследований. Ведь всякие суды за "продажу" работ, не представляющих ценности, смысла не имели. Дело о "КР" курировал в ЦК КПСС А.А.Жданов. На заседании присутствовал И.В.Сталин, что подчеркивает всю серьезность отношения в верхах к "КР". Обсуждая пьесу Симонова на эту тему, Сталин прямо заявил, что хотел бы, чтобы роль правительства осталась благородной: несмотря на совершенные учеными ошибки, он не сомневается в их порядочности и способности довести начатое ими дело до конца. Григорий Иосифович вспоминал, что ждал серьезного обсуждения перспектив ближайших исследований в Кремле. Но, хотя книга по биотерапии рака была прочитана Сталиным и на полях были сделаны многочисленные замечания, он ограничился высокой оценкой открытия и советом не останавливаться на лечении только безнадежно больных. Даны были распоряжения о создании специальной лаборатории для продолжения исследований. Ученые были засекречены. Таким образом, вмешательство Сталина способствовало клиническим работам по круцину, но привнесло в эти исследования неприятную шумиху, бессмысленную секретность, плановость, обязательность их выполнения к определенному сроку.

Однако политические обвинения того времени решали все. Они не только перекрывали какие бы то ни было заслуги, но чаще были направлены именно против заслуженных. Каковы могли быть благоприятные условия в отношении людей, осужденных политически? Само обвинение делало необъективным все, что относилось к ним. Надо было иметь немало мужества, чтобы активно поддерживать их научно. Наоборот, в полном согласии с политическим обвинением вызывало сомнение то, что политически неблагонадежные граждане могут быть надежными учеными, и вскоре к политическому обвинению добавилось научное.

Как и другие биологические работы, связанные с медициной, исследования по круцину в своих конечных результатах зависели от медиков. Они зависели от медиков-онкологов, страшный скепсис которых может быть понят, но очень затрудняет работу и далеко не всегда способствует успеху. Наконец, тут была и специфическая трудность: судьбу круцина крайне отягощало отрицательное отношение к нему бывшего президента АМН Н.Н.Блохина, мнению которого противостоять было очень трудно, а оно определило грустную судьбу и многих других исследований.

От ученых требовали быстрых (всего за 3 года) и блестящих (главным образом на больных в терминальной стадии) результатов. А ведь даже теперь (через 38

лет!), при новом арсенале лечебных средств, мы не видим подобных результатов в онкологии. В 1951г. комиссия АМН пришла к заключению об отсутствии противораковой активности у препарата из Т.сгузи, и при судейской роли "крупнейшего специалиста" К.Е.Ворошилова лаборатория была закрыта и все исследования прекращены. В соответствии с этим в АМН началась научная проработка авторов. При этом равно малоавторитетными судьями были и те, кто активно осуждал ученых на политическом "суде чести", и те, кто промолчал на первом судилище. Ученых теперь считали не оправдавшими возложенных на них научных надежд. Клюева и Роскин остались без работы. Г.И.Роскин был лишен кафедры, которую занимал с 1930 г. К чести назначенного на эту должность проф. А.Н.Студитского следует сказать, что, соглашаясь на это назначение, он поставил непременным условием восстановление Г.И.Роскина на кафедре. И несколько лет оба профессора сосуществовали в духе взаимопорядочности.

Новое время, которое началось в 1953 г. и называется оттепелью, оказалось ренессансом и для круцина, как и для многих других хороших дел. В 1955г. еще одна высокая комиссия (ученого совета Минздрава СССР) освидетельствовала больных, леченных круцином до 1951 г. В новой политической обстановке встал вопрос о реабилитации Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина. Летом 1956г. они были вызваны в ЦК КПСС для доклада о прежних работах. После этого политическое обвинение ученых и прекращение их работ было признано ошибочными. Их попросили продолжить исследования.

В 1957 г. ученые получили официальное свидетельство о реабилитации и личное письмо Н.С.Хрущева с извинениями. Однако эта реабилитация закончилась для Григория Иосифовича инфарктом.

Следует отметить, что судили ученых всенародно, а извинялись лично и реабилитацию проводили по рабочим каналам, тихо и незаметно даже для многих партийных работников. Уже в 1961 г., когда Г.И.Роскин получил приглашение на 1 Международную конференцию в Прагу, один из членов парткома МГУ разговаривал с ним как с виновным, "тем самым" Роскиным, которому нечего надеяться на заграничную поездку. Оказалось, что в парткоме не знали о реабилитации. Все равно в Прагу Григория Иосифовича не пустили. Да и нашлись ученые, возражавшие против реабилитации Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина и считавшие, что эта история была полезна и очень поучительна для советской интеллигенции. Так что полной реабилитации не было, но появилась возможность работать.

С исследований был снят гриф секретности. Г.И.Роскину вернули кафедру, при которой создали соответствующую лабораторию. Статус лаборатории при Контрольном институте сывороток и вакцин им. Л.А.Тарасевича получила и группа Н.Г.Клюевой. Вышла в свет вторая книга ученых². Позже монография их была переведена в Англию³.

В 1957 г., после проверки экспериментов Клюевой и Роскина, полного подтверждения результатов их исследований и сохранения советского приоритета, французы начали производство аналогичного препарата, назвав его трипанозой. Их клинические испытания охватывали около 200 больных, Несмотря на тяжелый контингент (главным образом терминальная стадия), почти во всех случаях лечение дало положительный эффект той или иной степени. Французские коллеги подчеркивали оригинальность биотерапевтического лечения рака, его специфичность и возможность сочетания с другими средствами без подавления защитных сил больного.

Этот всегда важный для отечественной науки сигнал извне способствовал налаживанию производства и у нас. Нарботанный препарат прошел клинические испытания. Однако пресс прежних гонений продолжал особенно чувствоваться в научной сфере, где официальной, документальной реабилитации не было. На всех этапах возрождения круцина неприятие его Н.Н.Блохиным ощущалось очень явственно. По его указанию была написана рецензия проф. Серебрякова о неготовности круцина к клиническим испытаниям. Сделанное зав. отделом новых

лекарственных препаратов АМН Г.А.Ульяновой обобщение о результатах испытаний в четырех ведущих клиниках не соответствовало заключениям самих клиник. Оно было исправлено главным специалистом по онкологии В.Сагайдаком (Фармкомитет Минздрава СССР, дело "Круцин"). Тем ценнее, что даже руководимый Н.Н.Блохиным Институт экспериментальной и клинической онкологии АМН СССР не смог дать отрицательное заключение о клинической ценности круцина. Правда, препарат признавался только симптоматическим. Хотя, конечно, маловероятно, чтобы препарат, избирательно действующий на злокачественные клетки животных *in vivo* и на клетки человека *in vitro*, в клинике просто улучшал аппетит или был анальгетиком. В целом в соответствии с результатами клинических испытаний и приказом № 338 Минздрава СССР в 1961г. разрешен был промышленный выпуск круцина, и препарат передали в аптечную сеть. Теперь главными становились вопросы химической очистки круцина, выяснение его химической природы, усовершенствование его производства и методов клинического использования.

В 1962 г. в Москве проходил Международный противораковый конгресс. Поданные нами и французами доклады по круцину и трипанозе были отклонены советским оргкомитетом во главе с Н.Н.Блохиным по одним только названиям. Французы написали, что это беспрецедентно в международных научных отношениях, и отказались приехать. Тем не менее в интервью корреспонденту журнала "Огонек" накануне конгресса Н.Н.Блохин заявил, что работа, которую проделали Н.Г.Клюева и Г.И.Роскин имеет принципиальное значение: она возродила интерес к биотерапии рака, которая имеет право на существование. Своими силами, вне рамок конгресса, но в дни его работы удалось организовать симпозиум по круцину на биологическом факультете Московского университета. Вот что сказал о нем доктор Киш — профессор из Будапешта: "... считаю своим долгом заявить, что самым сильным впечатлением из всего того, что мне пришлось в Москве узнать, является услышанное на этом симпозиуме. Я участвовал в работе многих международных научных собраний, но до сих пор мне не приходилось встретить столь интересные материалы, как те, о которых я узнал на этом симпозиуме".

В 1964г. от очередного инфаркта скончался Григорий Иосифович Роскин, но исследования препарата продолжались. Через четыре года вышел сборник последних работ по круцину, посвященный памяти Г.И.Роскина⁴.

Поступление круцина в аптечную сеть имело отрицательные последствия: препарат стал распыляться по стране, его применение стало нерегулируемым, а учет результатов очень осложнился. Поэтому особую ценность представляли опубликованные в сборнике итоги поликлинического использования круцина как в консультативном центре при поликлинике № 18 Свердловского района г.Москвы, так и четырнадцать районными онкологами столицы в течение 1963-1965гг. (точнее — 2 лет и 4 мес.). Несмотря на тяжелое состояние больных (IV стадия рака, невысокие дозы и кратковременность применения препарата), все врачи пришли к заключению о целесообразности применения круцина, о необходимости увеличения его выпуска и удешевления.

Нина Георгиевна Клюева ненадолго пережила своего мужа: она скончалась в 1971 г. В 1972 г. производство круцина было закрыто. Насколько много документов потребовалось Фармкомитету для открытия его производства, настолько ничего не понадобилось для приказа Минздрава СССР об "исключении из номенклатуры лекарства как малоэффективного и устаревшего средства" наряду с девятью другими (например, купоросными карандашами). Прекращение производства круцина лишило больных полезного препарата, прекратило его исследование, закрыло новое научное направление, нанесло ущерб научному престижу страны и вызвало протест многих специалистов. Оно имело и важное социальное последствие: поскольку производство трипанозы во Франции продолжалось, препарат стал для нашей страны только валютным, а потому и доступным лишь верхам, не спускаясь ниже Четвертого управления.

Протесты ученых и врачей, адресованные в отдел науки ЦК КПСС, ГКНТ при Совете Министров СССР, министрам здравоохранения и медицинской промышленности, по хорошо налаженному порядку возвращались к Н.Н.Блохину и, конечно, не могли привести к положительным результатам. Можно согласиться с тем, что клинические испытания круцина проходили в обстановке накала страстей, были недостаточно полными и широкими. Но положительные результаты были опубликованы, отрицательные же всегда только провозглашались и никогда не публиковались и не представлялись ни в каком виде. Не утруждал себя аргументацией Н.Н.Блохин и во время визита к нему группы протестующих учеников Г.И.Роскина. Блохин отвечал просто: "Не помогает".

К счастью, история круцина на этом не кончилась и, отражая новое время, получила продолжение. Как и многое в период гласности, новая история круцина началась с публицистики. О круцине можно прочитать в книге и двух статьях. В написанных еще до перестройки воспоминаниях К.Симонова "Глазами человека моего поколения" (Знамя. 1988. № 3-5) автор рассказал, как задумывалась кампания по делу Ключевой и Роскина. Пойманный на слове Сталиным, К.Симонов написал свою пьесу "Чужая тень" по его прямому указанию. Тогда, в 1947 г., ему импонировала идея советского патриотизма. Именно она (а не судьба и "преступление" двух незнакомых ему людей) и стала в пьесе главной. И хотя поэтому Симонову не пришлось особенно кривить душой, он честно говорит о своем стыде за это сочинение.

Судя по воспоминаниям А.Штейна "И не только о нем" (Театр, 1988. № 3), он не получал прямого заказа; от своего друга проф. Б.И.Збарского Штейн знал о кристальной честности и бескорыстии Г.И.Роскина и все же написал пьесу по делу "КР" ("Закон чести"), которая легла в основу фильма с таким же названием. По-прежнему гордясь своими знакомствами в Доме на набережной и начиная характеристики своих современников непременно с титулов, званий и наград, Штейн считает, что с Ключевой и Роскиным обошлись весьма гуманно, а свой поступок оправдывает слепым доверием к высшему партийному руководству.

Статья Я.Л.Рапопорта "Дело КР" (Наука и жизнь. 1988. № 1) специально посвящена круцине и написана участником этих событий. По существу это продолжение научного обвинения. Автором утверждаются несостоятельность открытия Г.И.Роскина и Н.Г.Ключевой, полная неэффективность препарата в клинике. Упоминается лишь их монография 1946г., но она остается без обещанного Рапопортом анализа. Зато ученых он прямо обвиняет в ограниченном научном багаже, в поднятой научной шумихе, поспешности, самостоятельной организации клинических исследований, недостаточности статистики, непонимании разницы между опухолями животных и человека, необъективности, принятии желаемого за действительность, в фанатической вере, не поддающейся рациональному контролю, и даже в попытке давления на автора статьи в 1951г. как на патоморфолога, призванного к Ворошилову в качестве эксперта. Я.Л.Рапопорт считает, что доказать все написанное в монографии Н.Г.Ключевой и Г.И.Роскина было невозможно, что клинические заключения об эффективности круцина не вызывали доверия, препарат в клинике "не имел массового успеха", а его производство во Франции должно было быть мимолетным явлением. Создается впечатление, что автора статьи больше беспокоили "безграничные возможности" ученых после положительной оценки Сталиным, чем их обвинение, гонения, прекращение работ. Научный суд в АМН над политически обвиняемыми учеными назван резкой, но справедливой критикой доброжелателей. И жертвы, скорее, выглядят виновниками, так и не понявшими преподанных им полезных уроков.

Свидетелей истории "КР" не так уж мало. И вызывает удивление выступление Я.Л.Рапопорта, который не был сторонним судьей, он был участником событий, коллегой и даже другом Г.И.Роскина. Заключение Рапопорта не раз свидетельствовало о положительном эффекте круцина, в том числе и в отношении рака губы. Вместе с профессорами М.Ф.Глазуновым, А.И.Струковым и

Л.М.Шабаром Я.Л.Рапопорт был в комиссии, которая пришла к положительному заключению об эффективности препарата. Отрицая в Кремле перед Ворошиловым активность круцина даже при лечении рака губы, Я.Л.Рапопорт участвовал в трагическом решении судьбы препарата и его авторов. Продолжая настаивать на несостоятельности круцина, не пытается ли Рапопорт освободить себя от этого прошлого? Не представляет ли его публикация симптом периода перестройки, когда интерпретаторами и судьями недавней трудной нашей истории становятся ее прежние, заинтересованные участники?

Примечания

¹ Ключева Н.Г., Роскин Г.И. Биотерапия злокачественных опухолей. М., 1946.

² Ключева Н.Г., Роскин Г.И. Проблема противораковых антибиотиков. М., 1957.

³ Ключева Н.Г., Роскин Г.И. Biotherapy of malignant tumors. Oxford etc., 1963.

⁴ Противораковый антибиотик круцин// Сб.работ /Под ред. Л.Б.Левинсона, Н.Г.Ключевой. М., 1968.

П. Я. Шварцман, И. В. Кузнецова

ПЕДОЛОГИЯ

В ряду поруганных наук педология занимает, пожалуй, особое место. Свидетелей ее расцвета остались единицы; о гибели же мы привычно судим по известному постановлению ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., упоминание которого назойливо перекочевывает из одного словаря в другой с неизменными ремарками. Более пристальное и не столь ортодоксальное представление о педологии до недавнего времени воспринималось как клевета на советскую педагогику, подрыв самих ее основ. В современной же исторической ситуации появились призывы к возрождению и развитию отечественной педологии. Мы попытаемся дать анализ развития педологии, ее идей, методологии и перспектив возрождения.

Можно сказать, что педология имела сравнительно длинную предысторию, стремительную и законченную историю.

Существуют противоречивые точки зрения на отправную дату в истории педологии. Ее относят либо к XVIII в. и связывают с именем Д. Тидемана¹, либо к XIX в. в связи с работами Л. А. Кетле и приурочивают к выходу в свет сочинений великих педагогов Ж. Ж. Руссо, Я. А. Коменского и др. "Мудрейшие воспитатели учат детей тому, — писал Ж. Ж. Руссо во "Введении к "Эмилю" в 1762 г., — что важно знать взрослому, не принимая в расчет того, чему в состоянии научиться дети. Они ищут постоянно в ребенке человека, не раздумывая о том, чем бывает он, прежде чем стать человеком".

Первоисточники педологии, таким образом, находятся в довольно далеком прошлом, а если учесть их и как почву для педагогической теории и практики, то — в очень далеком прошлом.

Становление педологии связывают с именем И. Гербарта (1776-1841), который создает систему такой психологии, на которой, как на одной из основ, должна строиться педагогика, а его последователями впервые начинает систематически разрабатываться педагогическая психология².

Обыкновенно педагогическую психологию определяли как ветвь прикладной психологии, которая занимается применением данных психологии к процессу воспитания и обучения. Эта наука, с одной стороны, должна черпать из общей психологии результаты, имеющие интерес для педагогики, с другой стороны — обсуждать педагогические положения с точки зрения их соответствия психологическим законам. В отличие от дидактики и частных методик, решающих вопросы о том, как должен учитель учить, задача педагогической психологии — выяснить, как учатся ученики.

В процессе становления педагогической психологии, в середине XIX в., происходила усиленная перестройка общей психологии. Под влиянием развивающегося экспериментального естествознания, в частности экспериментальной физиологии органов чувств, становилась экспериментальной и психология. Гербартианская

психология с ее абстрактно-дедуктивным методом (сведение психологии к механике течения представлений) сменилась вундтовской экспериментальной психологией, изучающей психические явления методами экспериментальной физиологии. Педагогическая психология все чаще называет себя экспериментальной педагогикой, или экспериментальной педагогической психологией.

Выделяют как бы две стадии развития экспериментальной педагогики³:

конец XIX в. (механический перенос выводов общей экспериментальной психологии в педагогику),

и XX в. (предметом экспериментального исследования в психологических лабораториях становятся сами проблемы обучения).

Экспериментальная педагогика того времени раскрывает некоторые возрастные психические особенности детей, их индивидуальные особенности, технику и экономику заучивания и приложения психологии к обучению^{4,5}.

Общую картину жизни ребенка должна была дать и другая, как полагали, особая наука — наука о молодом возрасте⁴, которая кроме психологических данных требовала исследований физической жизни ребенка, знания зависимости жизни подрастающего человека от внешних, особенно социальных условий, его воспитания. Так необходимость особой науки о детях, педологии, выводилась из развития педагогической психологии и экспериментальной педагогики³.

Эта же необходимость произрастала и из детской психологии, которая в отличии от педагогической психологии с ее прикладным характером выросла из эволюционных концепций и экспериментального естествознания, поставив вместе с вопросами о филогенетическом развитии человека вопрос об онтогенетическом его развитии. Под влиянием дискуссий в эволюционной теории начинает создаваться генетическая психология, преимущественно в США (особенно среди психологов, группировавшихся вокруг Стенли Холла), которая считала невозможным изучать психическое развитие ребенка оторванно от его физического развития. В результате было предложено создать новую науку — педологию, которая была бы лишена этого недостатка и давала бы более полную картину возрастного развития ребенка. "Наука о ребенке или педология — ее смешивают часто с генетической психологией, тогда как она составляет лишь главную часть последней, — возникла сравнительно недавно и в течение последнего десятилетия сделала значительные успехи"⁶.

Отметим, однако, то обстоятельство, что к моменту оформления педологии как самостоятельного научного направления слишком небогатым был запас знаний и в экспериментальной педагогической психологии, и в психологии детского возраста, и в тех биологических науках, которые могли бы лежать в основе представлений об индивидуальности человека. Это относится прежде всего к состоянию лишь зарождающейся генетики человека.

Оригинальность обособившейся науки, однако, демонстрирует ее определенный аппарат и методы исследований. Как обоснование самостоятельности науки⁷ особенно интересен анализ ее собственных методов.

Несмотря на то, что педология была призвана дать картину развития ребенка в единстве его психических и физических свойств, используя комплексный, системный подход к исследованию детства, предварительно диалектически решив проблему соотношения "био — социо" в методологии исследований, с самого начала приоритет отдается психологическому изучению ребенка (даже основоположник педологии Ст.Холл считает педологию только частью генетической психологии), и эта гегемония естественным или искусственным путем поддерживается на протяжении всей истории науки. Такое одностороннее понимание педологии не удовлетворяло Э.Меймана⁴, который одно психологическое изучение ребенка считает неполноценным и считает необходимым широкое физиологическое и антропологическое обоснование педологии. В педологию же он включает также патологические и психопатологические исследования развития ребенка, чему посвятили свои работы многие психиатры.

Но включение в педологические исследования физиологических и антропологических компонент не удовлетворяет еще существованию педологии как самостоятельной и оригинальной науки. Причину неудовлетворенности иллюстрирует следующая мысль: "Надо сказать правду: и сейчас курсы педологии фактически представляют собой винегрет из самых разнообразных отраслей знания, простой набор сведений из различных наук, всего того, что относится к ребенку. Но разве подобный винегрет есть особая самостоятельная наука? Конечно, нет"⁸. С этой точки зрения то, что понимает Э.Мейман под педологией, представляет "простой винегрет" (правда, на 90% составленный из однородного психологического материала и лишь на 10% — из материалов других наук). В этом случае вопрос о предмете педологии ставится так, что впервые удовлетворяющей его нашему пониманию или по крайней мере претендующей на это оказывается работа самого автора — П.П.Блонского, которая, следовательно, должна явиться "первым камнем в здании подлинной педологии".

В связи с этим остановимся на понимании предмета педологии проф. П.П. Блонским. Он дает четыре формулы ее определения, три из которых взаимно дополняют и развивают друг друга, а четвертая (и последняя) противоречит им всем и, видимо, сформулирована под действием социального заказа. Первая формула определяет педологию как науку об особенностях детского возраста. Это наиболее общая формула, встречающаяся ранее у других авторов⁹.

Вторая формула определяет педологию как "науку о росте, конституции и поведении типичного массового ребенка в различные эпохи детства". Так, если первая формула лишь указывает на ребенка как на предмет педологии, то вторая говорит о том, что педология должна изучить его не с одной какой-либо стороны, а с разных; вместе с тем вводится и ограничение: не всякого вообще ребенка, а типичного массового ребенка изучает педология. Обе эти формулы лишь подготавливают третью, которая дает определению окончательный вид: "Педология изучает симптомокомплексы различных эпох, фаз и стадий детского возраста в их временной последовательности и в их зависимости от различных условий". Содержание предмета педологии в последней формуле раскрывается более полно, чем в предшествующих. Тем не менее, существенные трудности, связанные с вопросом об определении педологии как науки (четвертая формула), остаются непреодоленными.

Они сводятся главным образом к следующему: ребенок как предмет изучения представляет собой явление природы не менее сложное, чем сам взрослый человек; во многих отношениях здесь могут возникнуть даже более сложные вопросы. Естественно, что такой сложный объект с самого начала потребовал дифференцированного познавательного отношения к себе. Совершенно аналогично тому, как при изучении человека *вообще* издавна возникли такие научные дисциплины, как анатомия, физиология и психология, изучающая один и тот же предмет, но каждая со своей точки зрения, подобно тому и при изучении ребенка с самого начала были использованы эти же пути, благодаря чему возникли и развивались анатомия, физиология и психология раннего детства.

С развитием дифференциация этого знания всегда возрастает. В этом отношении научное познание ребенка далеко еще не закончило своей дифференциации и на сегодняшний день. С другой стороны, для понимания многих специальных функций и закономерностей развития ребенка необходима общая концепция детства, как особого периода в онто- и филогенезе человека, положения которой направляли бы исследования специальных наук, процесс воспитания и обучения.

В таком понимании педологии отводилось особое, а иногда и неоправданно вышестоящее место среди других наук, изучающих ребенка^{6,13}. Науки, изучающие ребенка, исследуют и процесс развития разных сторон детской природы, устанавливая эпохи, фазы и стадии. Понятно, что каждая из этих областей детской природы не представляет собой чего-либо простого и однородного; в каждой из них исследователь встречается с разнообразнейшими и сложнейшими

явлениями. Изучая развитие этих отдельных явлений, каждый исследователь может, должен и фактически стремится, не выходя за пределы своей области, проследить не только отдельные линии развития этих явлений, но и их взаимную связь друг с другом на разных уровнях, их взаимоотношения и всю ту сложную конфигурацию, которую они образуют в своей совокупности на определенном этапе онтогенеза. Другими словами, и при одном психологическом изучении ребенка перед исследователем встает задача выявления сложных "возрастных симптомокомплексов" точно так же, как встает она и при анатомо-физиологическом изучении его. Но только это будут или морфологические, или физиологические, или психологические симптомокомплексы, особенность которых только в том, что они будут односторонни, что не мешает им оставаться внутри себя весьма сложными и закономерно организованными.

Таким образом, педология не только рассматривает возрастной симптомокомплекс, но она должна произвести совокупный анализ всего того, что накапливают отдельные научные дисциплины, изучающие ребенка. Причем этот анализ — не простая сумма разрозненных сведений, механически объединенных по признаку их принадлежности. По существу это должен бы быть синтез на основе органической связи составных частей в одно целое, а не простого их соединения друг с другом, в процессе которого может возникнуть ряд самостоятельно сложных вопросов; т.е. педология как наука должна была привести к достижениям высшего порядка, к разрешению новых проблем, которые, конечно, не являются какими-либо конечными проблемами познания, а составляют лишь часть одной проблемы — проблемы человека.

Исходя из таких положений полагалось, что границы педологического исследования весьма обширны, и нет оснований как-либо сужать их^{4,10}. При изучении ребенка в целом в поле зрения исследователя должны входить не только "симптомы" тех или иных состояний ребенка, но и сам процесс онтогенеза, смены и перехода одних состояний в другие. Кроме того, важной задачей исследования являлось нечто среднее, типичное, то, что охватывает сразу широкий круг изучаемых свойств. Огромнейшее разнообразие всякого рода особенностей — индивидуальных, половых, социальных и т.п. — представлялось также материалом для педологического исследования. Первоочередной же считалась задача систематизации научных данных в различных областях изучения ребенка.

Вышеприведенное рассмотрение определительного аппарата педологии можно дополнить еще двумя определениями педологии, которые были в ходу до 1931г.: 1) Педология — наука о факторах, закономерностях, стадиях и типах социально-биологического формирования индивида,¹⁶ 2) Педология — наука о генетических процессах, о выработке новых усложняющихся механизмов под воздействием новых факторов, о ломке, перестройке, трансформации функций и лежащих в их основе материальных субстратах в условиях роста детского организма¹¹.

Таким образом, единого мнения о педологии не существовало; содержание науки понималось различно, соответственно границы педологических исследований варьировались широко, и сам факт становления самостоятельной науки оспаривался долгое время, что естественно в ранний период развития науки, но, как будет видно из дальнейшего, проблемы эти не были решены в педологии и в дальнейшем.

Своеобразной попыткой построить систему методов педологии являются работы С.С.Моложавого¹². Он исходит из следующих положений: всякий акт растущего организма есть процесс уравнивания его с окружающей средой и может быть объективно понят лишь из его функционального состояния (1); это есть целостный процесс, в котором организм отвечает за ситуацию среды всеми своими сторонами и функциями (2); восстановление нарушенного равновесия организма человека со средой есть одновременно и процесс его изменения, посему всякий акт человеческого организма может быть понимаем лишь динамически, не только как акт выявления, но и как акт нарастания, перестройки и закрепления системы

поведения (3); подойти к типу поведения, к его устойчивым, более или менее постоянным моментам можно только путем изучения ряда целостных актов человеческого поведения, ибо только они способны раскрыть его наличный фонд и его дальнейшие возможности (4); доступные нашему восприятию моменты поведения организма являются звеньями в цепи процесса реакции: они могут стать показателями этого процесса лишь при сопоставлении ситуации среды, возбуждающей процесс, с видимой ответной реакцией, его завершающей (5).

Эти положения С.С.Моложавого оспаривал весьма активно Я.И.Шапиро¹³.

Весьма перспективной среди педологов считалась методика наблюдения. В ее разработке видное место принадлежит М.Я.Басову и его школе, работавшей при Ленинградском государственном педагогическом институте им.А.И.Герцена. Различали два типа методов педологической работы: метод изучения процессов поведения и метод изучения всякого рода результатов этих процессов. Поведение полагалось необходимым изучать с точки зрения структуры поведенческих процессов и факторов, их детерминирующих. При этом обычно поведение противоплагалось экспериментальному исследованию. Такое противоположение, однако, не вполне корректно, так как эксперимент применим и для изучения процессов поведения, если речь идет о естественном эксперименте, при котором ребенок находится в условиях жизненных ситуаций.

Тенденция педологов, отстаивавших самостоятельность своей науки, искать новые методические пути проявляется особенно ярко в острой дискуссии вокруг вопроса о методе психологических тестов. Поскольку в нашей стране применение этого метода явилось одним из доводов уничтожения педологии, следует остановиться на нем подробнее. Многочисленные работы, посвященные применению тестовой методики, выдвигают огромное количество аргументов за и против его применения в педологии^{10, 14-20}.

Ожесточенная дискуссия и широкое применение тестовой методики в народном образовании в нашей стране (практически каждый учащийся должен был пройти через тестовую оценку) привели к тому, что и сегодня чаще всего вспоминают педологию в связи с применением тестов со "страхом" обнаружить себя в результате тестирования. Разнообразные тесты были разработаны и применены впервые в США. Первый широкий обзор американских тестов на русском языке по выявлению умственной одаренности и школьной успешности детей был дан Н.А.Бухгольцем и А.М.Шубертом в 1926 г.¹⁹ Анализ этих тестов, их задач и результатов приводит авторов к выводу о несомненной перспективности их применения в педологии. Научная психологическая комиссия, выработавшая за 1919-1921гг. серию известных и поныне "Национальных тестов", рассчитанных на применение во всех народных школах США, так определяла задачу этих исследований: 1) помочь подразделить детей различных школьных групп на более мелкие подгруппы: детей умственно более сильных и умственно более слабых; 2) помочь учителю ориентироваться в индивидуальных особенностях детей той группы, с которой этот учитель начинает работать впервые; 3) помочь вскрытию тех индивидуальных причин, в силу которых отдельные дети не могут приспособиться к классной работе и к школьной жизни; 4) содействовать делу профессиональной ориентации детей, хотя бы в целях предварительного отбора пригодных к более высококвалифицированному труду¹⁹.

В середине 20-х гг. тесты начинают широко распространяться в нашей стране сначала в научных исследованиях, а к концу 20-х гг. внедряются в практику школ, других детских учреждений. На основе тестов определяются одаренность и успешность детей; даются прогнозы обучаемости, конкретные дидактические и воспитательные рекомендации педагогов; разрабатываются оригинальные отечественные тесты, аналогичные тестам Бине. Тестирование проводится в естественных для школьников условиях, в классном коллективе^{10,20,21}; испытания становятся массовыми, а результаты можно статистически обработать. Данные тестов позволяют судить не только об успешности ученика, но и о работе педагогов и

школы в целом. На период 20-х гг. это был один из самых объективных критериев в оценке работы школы. Объективный и количественно более точный учет успешности детей необходим для того, чтобы следить за сравнительной характеристикой различных школ, за ростом успешности различных детей по сравнению со среднестатистическим ростом успешности школьной группы. Таким образом, определяется "умственный возраст" ученика, что позволяет переводить его в группу, наиболее соответствующую его интеллектуальному развитию и, с другой стороны, формировать более однородные группы обучения. Это противоречит тоталитарным догматам уравнительного обучения, несостоятельность которого испытали на себе несколько поколений.

В американских школах индивидуализация обучения лежит в основе формирования классовых групп и поныне. Наше яростное ранее, и все более ослабляющееся сейчас сопротивление такому "покушению" на целостность классовых коллективов, стремление воспитать не действительно социально активную личность, которая бы легко входила в контакт с любой новой группой людей, училась бы понимать и любить не только узкий круг, но и всех людей, воспитывать "филантропов", а не социально замкнутую в коллективе личность, видимо, является следствием унитарности государства, господства авторитарности, закрытости личности, нашего мышления.

Методу тестов ставилось в заслугу то, "что он превращает педологию из науки, обще и субъективно рассуждающей, в науку, изучающую реальную действительность"³.

Критика же метода тестов сводилась обычно к следующим положениям: 1) тесты характеризуются чисто экспериментальным началом; 2) они учитывают не процесс, а результат процесса; 3) критиковался стандартизированный уклон за счет статистического метода; 4) тесты поверхностны, далеки от глубинного механизма поведения ребенка.

Критика основывалась на достаточно сильном первоначальном несовершенстве тестов. Практика многолетнего пользования методом тестов за рубежом и в отечественной психодиагностике последнего времени показала несостоятельность такой критики во многих положениях и недостаточную ее обоснованность.

Разночтения в применении метода тестов в теории и практике педологии можно свести к трем основным точкам зрения:

- 1) принципиально отвергалось применение тестирования^{12,20};
- 2) допускалось ограниченное применение тестов (по охвату и условиям проведения) при обязательном примате других методов исследования^{10,16,22};
- 3) признавалась необходимость широкого внедрения тестов в исследованиях и практической работе^{18,19,23}.

Однако, за исключением некоторых работ²⁴, в советской педологии примат оставался за психологическими методами.

После ознакомления с предметом и методами науки необходимо рассмотреть своеобразие основных этапов ее развития.

Критическому анализу развития педологии в СССР посвящены работы многих авторов еще в период становления педологии в нашей стране^{3,10,13,25}. Одной из первых отечественных педологических работ считается исследование А.П.Нечаева, а затем его школы. В его "Экспериментальной психологии в ее отношении к вопросам школьного обучения"²⁷ намечались возможные пути экспериментально-психологического исследования дидактических проблем. А.П. Нечаев и его ученики изучали отдельные психические функции (память, внимание, суждение и т.д.). Под руководством проф. Нечаева в 1901г. в Петербурге была организована лаборатория экспериментальной педагогической психологии, осенью 1904г. были открыты первые в России педологические курсы, а в 1906г. создан I Всероссийский съезд по педагогической психологии со специальной выставкой и кратковременными педологическими курсами.

В Москве также начала развиваться работа в этой области. Г.И.Россолимо в 1911г. основал и на собственные средства содержал клинику нервных болезней

детского возраста, преобразованную в специальный Институт детской психологии и неврологии. Результатом работ его школы явилась оригинальная методика "психологических профилей"⁴⁹, в которой Г.И.Росселимо пошел дальше А.П.Нечаева по пути дробления психики на отдельные функции: для составления полного "психологического профиля" предлагается исследовать 38 отдельных психических функций, по десяти опытов на каждую психологическую функцию. Методика Г.И.Росселимо быстро привилась, использовалась в виде "массового психологического профиля". Но его работы также ограничивались только психикой, не касаясь биологических особенностей онтогенеза ребенка. Господствующим методом исследования школы Россолимо был эксперимент, подвергшийся критике со стороны современников за "искусственность лабораторной обстановки". Критике подверглась также характеристика ребенка, даваемая Г.И.Россолимо, с дифференциацией детей только по полу и возрасту без учета их социальной и классовой принадлежности (!).

Основателем и творцом педологии в СССР называют и В.М.Бехтерева,²⁹ который еще в 1903 г. высказал мысль о необходимости создания особого учреждения для изучения детей — педагогического института в связи с созданием Психоневрологического института в Петербурге. Проект института был внесен в Русское общество нормальной и патологической психологии. В число отделов кроме психологического был включен и педологический отдел для экспериментальных и иных исследований, создавался научный центр изучения личности. В связи с основанием отдела педологии у В.М.Бехтерева появилась идея создания Педологического института, который существовал сначала как частное учреждение (на средства, пожертвованные В.Т.Зиминым). Директором института был К.И.Поварнин. Институт материально был плохо обеспечен, и В.М.Бехтереву пришлось подать ряд записок и заявлений в правительственные инстанции. По этому поводу он писал: "Цель учреждения была настолько важна и осязательна, что задумываться над созданием его даже на скромные средства не приходилось. Нас интересовали только задачи, положенные в основу этого учреждения".²⁹

Ученики Бехтерева отмечают, что он считал насущными для педологии следующие проблемы: изучение законов развивающейся личности, использование школьного возраста для образования, применение ряда мер предупреждающих аномальные развития ограждение от упадка интеллекта и нравственности, развития самодеятельности личности.

Благодаря неутомимости В.М.Бехтерева для осуществления этих идей был создан ряд учреждений: педологический и обследовательский институты, вспомогательная школа для дефективных, отофонетический институт, воспитательно-клинический институт для нервнобольных детей, институт морального воспитания, детская психиатрическая клиника. Все эти учреждения он объединил научно-лабораторным отделом — Института по изучению мозга, а также — научно-клиническим — Паторефлексологическим институтом. Общая схема биосоциального изучения ребенка по Бехтереву следующая: 1) введение рефлексологических методов в область изучения ребенка; 2) изучение вегетативной нервной системы и связи ЦНС и желез внутренней секреции; 3) сравнительное изучение онтогенеза поведения человека и животных; 4) исследование полного развития отделов головного мозга; 5) изучение среды; 6) влияние социальной среды на развитие; 7) детская дефективность; 8) детская психопатия; 9) неврозы детского возраста; 10) рефлексология труда; 11) рефлексологическая педагогика; 12) рефлексологический метод в обучении грамоте.³⁰

Работа в перечисленных выше детских учреждениях велась под руководством профессоров А.С.Грибоедова, П.Г.Бельского, Д.В.Фелдберга. Ближайшими сотрудниками в области педологии были вначале К.И.Поварин, а затем Н.М.Щелованов. За 9 лет существования первого Педологического института с весьма немногочисленным составом сотрудников было опубликовано 48 научных работ.

В.М.Бехтерева считают основателем педорефлексологии в ее основных направлениях: генетической рефлексологии с клиникой, изучение первых этапов разви-

тия нервной деятельности ребенка, возрастной рефлексологии по дошкольному и школьному возрастам, коллективной и индивидуальной рефлексологии. В основу педорефлексологии входило изучение законов временных и постоянных функциональных связей основных отделов ЦНС и отделов головного мозга в их последовательном развитии в зависимости от возрастных данных в связи с действием гормонов в тот или иной период детства, а также в зависимости от условий окружающей среды.²⁹

В 1915 г. выходит книга Г. Трошина "Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей",³¹ в которой автор подвергает критике методику "психологических профилей" за чрезмерное дробление психики и условия, в которых проводится эксперимент, и предлагает свою методику, исходя из биологических принципов изучения ребенка, во многом перекликающуюся с методикой В.М.Бехтерева. К этому же периоду, однако, относятся работы проф.А.Ф.Лазурского, углубляющего методику наблюдения. В 1918 г. появляется его книга "Естественный эксперимент".³² Его учеником и последователем является уже упомянутый проф.М.Я.Басов.

Изучение анатомо-морфологических особенностей растущего человека наряду с работами школы В.М.Бехтерева ведется под руководством проф.Н.П.Гундобина, специалиста по детским болезням. Его книга "Особенности детского возраста", вышедшая в 1906 г., подытоживает результаты работы его и сотрудников и является классической.⁹

В 1921 г. в Москве образовалось сразу три педологических учреждения: Центральный педологический институт, Медико-педологический институт, и психолого-педологическое отделение 2-го МГУ. Однако, Центральный педологический институт занимался почти исключительно вопросами психологии детского возраста; самое название вновь организованного отделения при 2-ом МГУ показывало, что у его создателей еще не сложилось четкого представления о том, что такое педология. И, наконец, Медико-педологический институт в 1922 г. выпустил сборник под заглавием "К детской психологии и психопатологии", в первой же статье которой говорится, что главная задача названного института — изучение детской дефективности.

В этом же 1922 г. вышла в свет книга Е.А.Аркина "Дошкольный возраст",²⁴ весьма полно и серьезно охватывающая вопросы биологии и гигиены ребенка и (опять нет синтеза!) очень мало вопросы психики, поведения.

Большое оживление в области изучения детства принес состоявшийся в 1923 г. в Москве I Всероссийский съезд по психоневрологии со специальной секцией по педологии, на которой были заслушаны 24 доклада. Секция уделила много внимания вопросу о сущности педологии. Впервые прозвучал демагогический призыв А.Б.Залкина о превращении педологии в чисто социальную науку, о создании "нашей советской педологии".

Вскоре после съезда в Орле стал выходить специальный "Педологический журнал". В этом же 1923 г. появилась в свет монография М.Я.Басова "Опыт методики психологических наблюдений",³³ как результат работы его школы. Являясь в значительной мере продолжателем работы А.Ф.Лазурского с его естественным экспериментом, М.Я.Басов еще большее внимание уделяет фактору естественности в изучении ребенка, разрабатывая методику проведения длительного объективного наблюдения за ребенком в естественных условиях его жизни, дающую возможность целостной характеристики живой детской личности. Эта методика быстро завоевала симпатии педагогов и педологов и стала широко применяться.

В январе 1924 г. в Ленинграде состоялся II психоневрологический съезд. На этом съезде педология заняла еще более значительное место. Ряд докладов по генетической рефлексологии Н.М.Щелованова и его сотрудников был посвящен изучению самого раннего детства.

В 1925 г. появилась работа П.П.Блонского "Педология"³⁵ — попытка оформления педологии как самостоятельной научной дисциплины и одновременно

первое учебное пособие по педологии для студентов педагогических институтов. В 1925 г. П.П.Блонский публикует еще две работы: "Педология в массовой школе первой ступени"³⁶ и "Основы педагогики".²³ Обе книги дают материал по применению педологии в области воспитания и обучения, а их автор становится одним из самых заметных пропагандистов педологии, особенно ее прикладного значения. В первой книге приведен важный материал для понимания процесса обучения письму и счету. Во второй дается теоретическое обоснование педагогического процесса.

К этому же времени относится появление в свет брошюры С.С.Моложавого: "Программа изучения поведения ребенка или детского коллектива",³⁷ в которой главное внимание уделяется изучению среды, окружающей ребенка, и особенностей поведения ребенка в связи с влиянием среды, но очень мало учитываются анатомо-физиологические его особенности.

К концу 1925 г. в СССР было накоплено уже значительное число публикаций, которые можно отнести к педологии. Однако в большинстве публикаций отсутствует системный анализ, о котором говорил М.Я.Басов, определяя педологию как самостоятельную науку. Авторы небольшой части исследований¹⁰²⁵³⁶³⁸ стараются придерживаться того синтетического уровня, который позволяет судить о ребенке и детстве, как особом периоде в целом, а не с отдельных сторон.

Поскольку педология — наука о человеке, затрагивающая его социальный статус, то противоречия из научной переходили часто в идеологическую сферу, принимали политическую окраску.

Весной 1927 г. было созвано педологическое совещание в Москве при Наркомпросе СССР(?), на котором собрались все виднейшие работники в области педологии. Основными проблемами, обсуждаемыми на этом совещании были: роль среды, наследственности и конституции в развитии ребенка; значение коллектива как фактора, формирующего детскую личность; методы изучения ребенка (главным образом дискуссия по методу тестов); соотношение рефлексологии и психологии, и др.

Проблема взаимоотношения среды, наследственности, изучаемая педологией, вызвала особенно ожесточенные споры.

Наиболее ярким представителем социогенного направления в педологии, одним из первых пропагандировавших примат среды в развитии ребенка являлся А.Б.Залкинд. Психиатр по образованию, специалист по половому воспитанию, работы которого строились исключительно на основе представлений о социогенном развитии личности и на марксистской фразеологии.

Провозгласив свою точку зрения как единственно верную, А.Б.Залкинд, таким образом, становится пророком и "революционером" в педологии и открывает войну инакомыслию в недостроенной науке. С его "легкой" руки во главе угла в педологии ставится идеологический принцип, на котором впоследствии паразитировали авантюристы от науки типа Лысенко. Можно в какой-то мере считать, что педология по Залкинду была социальным заказом лысенковщины. Иллюстрируя взгляды А.Б.Залкинда, его современник писал: "Проблема взаимоотношений организма со средой у нас должна быть наиболее заострена в виду острейшей необходимости проверить, соответствует ли новая строящаяся социалистическая среда биологическим данным, которые содержатся в организме человека. Перестройка нашего общества, питаемая моментами индустриализации, требует быстрой перестройки поведения наших масс, что предполагает и энергичную реформу в работе с детьми и ставит вопрос, годится ли наша советская масса детей в смысле их биологического содержания для этой быстрой перестройки, властно диктуемой перестраивающейся социалистической средой. Если организм современного ребенка в своих свойствах и в своем поведении консервативен, если господствующим в нем является древний фонд свойств, наследственно накопившихся под влиянием среды, окружавшей человека в древние эпохи, если он лишь очень медленно и туго способен изменяться, вращать в современность, в настоящее время крайне

чуждую прежней среде, посылающую организму ряд новых и новейших раздражителей, прежней среде несвойственных, если организм ребенка тем самым обнаруживает слабую пластичность и значительную сопротивляемость в области накопления нового фонда биологических свойств, то это может вести к отрыву темпа развития советской педагогики от темпа развития всей среды в целом. В этом основное значение проблемы”.¹³

Популярность взглядов на биопластичность организма, особенно организма ребенка, поддерживали “генетические рефлексологи”, подчеркивая большое и раннее влияние коры и широкие пределы этого влияния. Они считали, что ЦНС обладает максимальной пластичностью и вся эволюция идет в сторону нарастания этой пластичности. В то же время есть типы нервной системы, конституционно обусловленные. Для практики воспитания важны “наличие этой пластичности, чтобы наследственности не уделять такое место, которое ей уделяют консервативно настроенные педагоги, и в то же время учет типа работы нервной системы для индивидуализации воспитания и для учета в плане воспитания нервной гигиены, конституционных особенностей нервной системы”.⁴⁰

Основные возражения, которые эта тенденция встретила со стороны ряда педагогов и педологов,³¹⁰²⁴ сводятся к тому, что признание безграничных возможностей биопластичности, крайний “педологический оптимизм” и недостаточный учет значения наследственных и конституционных задатков на практике ведут к недоучету индивидуализации в воспитании, непомерно большим требованиям к ребенку и учителю и их перегрузке.

Свою схему взаимодействия “конституции” организма и среды в докладе на совещании 1927 г. дал В.Г.Штефко. Конституцию организма определяют: 1) факторы наследственные, выступающие в известных законах наследования; 2) факторы экзогенные, оказывающие влияние на гаметы; 3) факторы экзогенные, оказывающие влияние на эмбрион; 4) факторы экзогенные, оказывающие влияние на организм после рождения.⁴²

Тенденция определяющего влияния среды на развитие организма по сравнению с наследственными влияниями хотя четко и выявилась на этом совещании, но, благодаря значительному противодействию многих исследователей еще не стала самодовлеющей, единственно приемлемой и господствовавшей у нас в стране не один десяток лет.

Вторым дискуссионным вопросом стала проблема соотношения личности и коллектива. В связи с установкой советской школы “отрешиться от индивидуалистических тенденций” встал вопрос о “новом” понимании ребенка, так как мишенью педагога “в нашей трудовой школе является не отдельный ребенок, а растущий детский коллектив. Ребенок в этом коллективе интересен постольку, поскольку он является эндогенным раздражителем коллектива”.²²

На базе последнего понимания ребенка и должна была развиваться новая часть педологии — педология коллектива. Возглавил новое направление руководитель украинской школы исследователей детского коллектива проф.А.А.Залужный, исходя из следующей методологической социально заказанной предпосылки: педагогическая практика не знает отдельного ребенка, а только коллектив; отдельного ребенка педагог познает через коллектив. Хороший ученик для педагога — это хороший в данном детском коллективе, сравнительно с другими детьми составляющими этот коллектив. Педагогическая практика толкает на коллективизм, педагогическая теория — на индивидуализм. Отсюда необходимость “перестроить теорию.”²¹ Как и А.Б.Залкинд, проф.А.А.Залужный также ратовал за новую “советскую” педологию. Таким образом, существовавшие до сих пор педология и педагогика, взращенные на идеях Руссо и Локка, объявляются реакционными, так как слишком много внимания уделяют самому ребенку, его наследственности, закономерностям формирования его личности, в то время как нужно в коллективе, через коллектив воспитывать на потребу системе членов коллектива — социальные винтики, запчасти к системе.

Вопросами коллективной педологии занимались также проф. Г.А. Фортунатов⁴³ и Г.В. Мурашов с сотрудниками. Они разрабатывали методику исследования детского коллектива. Е.А. Аркин, упомянутый выше, тоже изучал конституционные типы детей в коллективе. Его подразделение членов коллектива по тенденции к большей экстраверсии у мальчиков и интраверсии у девочек вызвало резкую критику.

На совещании 1927 г. было решено созвать Всесоюзный педологический съезд в декабре этого же года с широким представительством всех направлений педологии. В подготовительный период до съезда произошел перелом в соотношении сил. Буквально за полгода количество сторонников социологизаторского направления в педологии сильно возросло. Перестройка в педологии шла полным ходом, и кризис в основном был завершён к съезду. Причин этому может быть несколько, но все они взаимосвязаны.

1. Из неформального, завуалированного стал четко сформулированным, провозглашенным социальным заказ, на основе которого строилась методология науки. Максимальная "биопластичность" и решающее преобразующее воздействие среды из мнения отдельных педологов превратилось в кредо педологии — "революционный оптимизм". Иллюстрацией может служить высказывание Н.И. Бухарина, прозвучавшее чуть позднее на педагогическом съезде, которое очень показательно для того периода, и которое авторы рискуют привести полностью, несмотря на громоздкость цитаты:

"Сторонники биогенетического закона без всякого ограничения или увлекающиеся им страдают тем, что переносят биологические законы на явления социального ряда и считают их тождественными. Это есть несомненная ошибка и стоит в совершенно несомненной связи с целым рядом биологических теорий (расовая теория, учение об исторических и неисторических народах и др.). Мы отнюдь не стоим на точке зрения абстрактного равенства, абстрактных людей; это вздорная теория, которая вопиет к небу в силу своей беспомощности и противоречия фактам. Но мы держим курс на то, чтобы не было деления на народы неисторические и исторические... Молчаливой теоретической предпосылкой этого является то, что у вас, педологов, называется пластичностью организм, т.е. возможностью в короткий срок догнать, наверстать потерянное... Если бы мы стояли на той точке зрения, что расовые или национальные особенности настолько устойчивые величины, что изменять их нужно тысячелетиями, тогда, конечно, вся наша работа была бы абсурдной, потому что она строилась бы на песке. Целый ряд органических расовых теоретиков распространяют свое теоретическое построение на проблему классов. Имущие классы (по их мнению) обладают наилучшими чертами, лучшими мозгами и другими великолепными качествами, которые предопределяют и навсегда увековечивают свое господство определенной группы лиц, определенных социальных категорий и находят для этого господства естественнонаучное, в первую очередь биологическое, оправдание. Большого исследования по этому поводу не было произведено, но если бы даже, что я не исключаю, мы получили на круг более совершенные мозги у имущих классов, по крайней мере у их кадрового состава, чем у пролетариата, то в конце концов означает ли это, что данные теории правы? Не означает, потому что это было так, а будет иначе, потому что создаются такие предпосылки, которые позволяют пролетариату при условии пластичности организма наверстать потерянное и совершенно переконструировать себя, или, как выражался Маркс, изменить свою собственную природу... Если бы не было этой пластичности организма... Тогда молчаливой предпосылкой было бы медленное изменение и сравнительно малое влияние социальной среды; пропорция между досоциальными приспособлениями и социальными приспособлениями была бы такова, что центр тяжести лежал бы в досоциальных приспособлениях, а социальные приспособления играли бы маленькую роль, и тогда не было бы никакого выхода, рабочий был бы биологически привязан к каторжной тачке... Следовательно, вопрос о социальной среде и о

влиянии социальной среды должны решить в таком смысле, что влияние социальной среды играет большую роль, чем это обычно предполагают”.⁴⁴

2. Идеологическая конъюнктура не только открывала “зеленую” улицу всем социологизаторам педологии, превращающим ее из науки, изучающей ребенка, в науку, описывающую факты, подтверждающие идеологические послышки, и в основном изучающую среду и ее воздействие на ребенка, а не его самого, но и подвергала опале любое другое научное направление: “Кто не с нами, тот против нас”.

3. Основополагающая идея “единства” в стране, за которой стояла унитарность, распространялась и на педологию, где для более быстрого развития науки требовалось объединение научных сил; однако это объяснение допускалось “верхами” и пропагандировалось и проводилось в среде педологов только под знаменем примата средового воздействия на организм.

Первый педологический съезд призван был завершить преобразование педологии, дать показательный бой инакомыслию, объединить разрозненные ряды педологов на единой платформе. Но если бы только эти задачи стояли перед съездом, его вряд ли удалось бы провести по сценарию, напоминающему сценарий знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Перед съездом стояли и другие задачи, актуальность которых понималась всеми без исключения педологами.

Следующие научные проблемы требовали неотложного анализа и решения: полная оторванность педологии от педиатрии, а отсюда узкий лечебно-гигиенический уклон педиатрии, с одной стороны, и недоиспользование педологией ценнейших биологических материалов, имеющих в педиатрии, — с другой; недостаточность связи педологии с педагогической практикой; отсутствие практических методик по многим направлениям исследований и недостаточное внедрение уже имеющихся.

Были и организационные проблемы: неясность взаимоотношений педологии с Наркомздравом и Наркомпросом, не определены границы их функций; бесплановость в государственном масштабе исследовательских работ по педологии, самотек и диспропорция различных направлений исследований; отсутствие штатного положения педологических практиков, что являлось тормозом к созданию собственных кадров; недостаточность финансирования педологических исследований; неясность в размежевании работы педологов различной научно-практической подготовки, что вело к затруднениям в вузовской подготовке педологов и чересполосице в работе; необходимость создания центрального общесоюзного педологического журнала и общества, координирующих и освещающих работу.⁴⁵

Исходя из поставленных перед съездом проблем, можно заключить, что на съезде предполагались внутренняя и внешняя формализация в педологии. Съезд был организован научно-педагогической секцией Главного ученого совета (ГУСа), Наркомпросом и Наркомздравом с участием свыше 2000 человек. В президиум съезда было избрано более 40 ведущих специалистов в области педологии, в почетный президиум избрали Н.И.Бухарина, А.В.Луначарского, Н.К.Крупскую, Н.А.Семашко, И.П.Павлова и др.

Торжественное открытие и первый день работы съезда были намечены на 27 декабря 1927 г. в аудиторном корпусе 2-го МГУ. Трагическая кончина акад. В.М.Бехтерева потрясла съезд и отсрочила его начало. В.М.Бехтерев только что закончил психо-неврологический съезд и активно участвовал в подготовке педологического. Съезд был поглощен кончиной академика, многие его сотрудники сняли свои доклады и уехали домой. Первый день съезда был целиком посвящен памяти В.М.Бехтерева и его похоронам.

Работа съезда проходила с 28 декабря 1927 г. по 4 января 1928 г. С вступительным словом выступил А.Б.Залкинд. Он говорил о том, что задачи съезда сводились к тому, чтобы учесть работу, сделанную советскими педологами, определить направления и группировки среди них, увязать педологию с педагогической и объединить советскую педологию “в единый коллектив”. 28,29,30 декабря работал пленум съезда; с 30 декабря по 4 января работало семь секций по

специальным направлениям. В работе пленарных заседаний съезда определились четыре главных раздела: политико-идеологические проблемы, общие вопросы педологии, проблема методологии изучения детства, педология труда.

Политико-идеологические проблемы затрагивались в выступлениях Н.И.Бухарина, А.В.Луначарского. Общим вопросам педологии были посвящены выступления Н.К.Крупской и доклад А.Б.Залкинда "Педология в СССР". Н.И.Бухарин в основном выступал по поводу взаимоотношений педологии и педагогики. Кроме того, он пытался сгладить со своих позиций разногласия методологического плана школ В.М.Бехтерева и И.П.Павлова. А.В.Луначарский, как и Н.И.Бухарин, подчеркивал необходимость скорейшего союза педагогики и педологии, их взаимопроникновения. По этому же поводу на съезде неоднократно выступала Н.К.Крупская.

С исторической точки зрения небезынтересно привести выдержки из выступлений на съезде этих исторических личностей, оказавших прямое и косвенное влияние на развитие педологии.

Н.К.Крупская: "Педология по самому существу своему материалистична... У современной педологии очень много оттенков: кто упрощает вопрос и недооценивает влияния общественной среды, даже склонен видеть в педологии некоторое противоядие против все глубже и глубже внедряющегося в школу марксизма; кто, наоборот, перегибает палку и недооценивает наследственности и влияния общих законов развития.

...Тяжелым недостатком, тормозящим реализацию гусовской платформы, оказалась педологическая ее непроработанность — отсутствие в науке достаточно четких указаний об учебно-воспитательной емкости каждого возраста, о специфических его особенностях, требующих возрастной индивидуализации, программного подхода.

...Уже то немногое, сделанное педологией в деле разработки методов обучения и образования, показывает, какие тут имеются громадные перспективы, как значительно можно при применении педологического подхода облегчить учебу, как многого можно достигнуть в воспитательном отношении."⁴⁶

А.В.Луначарский: "Чем сильнее будет смычка между педологией и педагогикой, чем скорее педология будет допущена к педагогической работе, к соприкосновению с педагогическим процессом, тем скорее она будет расти. Наша школьная сеть может приблизиться к действительно нормальной школьной сети в социалистическом марксистски-научно строящем свою культуру государстве, когда она будет насквозь проникнута сетью достаточно научно-подготовленных педологов. Помимо насыщения нашей школы педологами, надо еще, чтобы в каждом учителе, в мозгу каждого учителя жил, может быть, маленький, но достаточно крепкий педолог. И еще одно — ввести педологию, как один из основных предметов при подготовке педагога, и ввести серьезно, чтобы преподавал человек, который знает педологию".⁴⁷

Н.И.Бухарин: "Соотношение между педологией и педагогикой — это есть соотношение между теоретической дисциплиной, с одной стороны, и нормативной дисциплиной — с другой; причем это соотношение таково, что с известной точки зрения педология является служанкой педагогики. Но это не значит, что категория служанки является категорией кухарки, которая не научилась управлять. Наоборот, положение служанки здесь является таким положением, когда эта служанка дает директивные указания обслуживаемой ею нормативной наукообразной дисциплине".⁴⁴

Основным же профилирующим докладом съезда был доклад А.Б.Залкинда "Педология в СССР", посвященный общим вопросам педологии, в котором подводился итог проделанной работы, назывались основные направления педологии, существовавшие на данный период, учреждения, занимавшиеся педологическими исследованиями и практикой. В докладе практически подводились итоги всех исследований детства за последние десятилетия, а не только педологии. Видимо, поэтому уже столь многочисленным был и сам съезд, ибо на нем присутствовали и выступали и врачи, и педагоги, и психологи, и физиологи, и педологи.

Сложная проблема методологии детства была развернута в докладах С.С.Моложавого, В.Г.Штефко, А.Г.Иванова-Смоленского, М.Я.Басова, К.Н.Корнилова, А.С.Залужного и др.

В прениях по методологическим докладам обнаружилось отрицательное отношение к исключительному значению физиологического метода и возник значительный спор между представителями школ Бехтерева и Павлова о понимании психических явлений.

Часть выступающих потребовала "уничтожения" разногласий между школами В.М.Бехтерева и И.П.Павлова и "установления" практических выводов, на базе которых можно было бы проводить дальнейшую педологическую работу.

Углубленная проработка общих и частных вопросов педологии происходила в семи секциях: исследовательско-методологической, предшкольной, дошкольной, школьного возраста (две секции), трудного ребенка, организационно-программной.

В целом съезд прошел по задуманному сценарию: педология получила официальное признание, "объединила" свои разрозненные силы, продемонстрировав воочию, за кем "будущее" педологии, и наметила пути сотрудничества с педиатрией и педагогикой как методологическую основу. После съезда начал выходить объемный журнал "Педология" под редакцией проф.А.Б.Залкинда, первые номера которого в основном были собраны из докладов, прозвучавших на съезде. Педология получает необходимые ассигнования, и практически период с начала 1928 по 1931 г. является расцветом "советской" педологии. В это время идет внедрение педологических методов в практику педагогической работы, школа пополняется педологическими кадрами, вырабатывается программа Наркомпроса по педологии, в педиатрии готовятся кадры врачей-педологов. Но в этот же период все большее давление оказывается на биологические исследования ребенка, ибо отсюда проистекает опасность для "революционного педологического оптимизма", для господствующей идеологии.

30-е годы стали годами драматических событий в педологии. Наступил период конфронтации течений, которая привела к окончательной социологизации педологии. Вновь разгорелась дискуссия о том, какая педология нужна нашему государству, чья методология является более революционной и марксистской. Несмотря на гонения, представители "биологизаторского" (сюда относились и те педологи, которые отстаивали меймановское понимание педологии и ее самостоятельность) направления сдавать позиций не хотели. Если у сторонников господствующего социологизаторского направления не хватало научных аргументов, то в ход шли другие методы: противник объявлялся неблагоденственным. Так "воинствующим меньшинством и махистом" оказался Е.А.Аркин, "идеалистом" — Н.М.Щелованов, "реакционной" — школа В.М.Бехтерева.

"С одной стороны, мы наблюдаем все тот же старый академизм с оторванными от сегодняшнего дня проблемами и методами исследования. С другой стороны, мы сталкиваемся с далеко еще не изжитым безмятежным спокойствием по адресу острейших вопросов педологии... При таком безучастии к внедрению марксистского метода в педологию не удивляет нас и безучастие тех же кафедр и групп к социалистическому строительству: действительный "синтез" теории и практики, но синтез негативный, т.е. глубоко враждебный пролетарской революции".⁴⁸

С 25 января по 2 февраля 1930 г. в Ленинграде проходил Всесоюзный съезд по изучению человека, который также стал трибуной для оживившейся дискуссии в педологии и соответствующих рукоплесканий. Съезд "пошел в бой с авторитаризмом бывшего философского руководства, автогенетизмом, прямо направленным против темпов социалистического строительства; съезд преобладающе ударил по идеалистическим концепциям личности, всегда являющимся апологией голого индивидуализма; съезд отверг идеалистические и биологизаторски-механические подходы к коллективу, выявив его классовое содержание и его могучую стимулирующую роль в условиях социализма; съезд потребовал радикальной перестройки методов изучения человека на основе диалектико-материалистических принципов

и на основе требований практики соцстроительства".⁴⁸ И если на I педологическом съезде были еще в ходу научные противоречия, то здесь уже все получает политическую окраску и научные противники оказываются врагами пролетарской революции. Началась "охота на ведьм". Фактически на этом съезде была разгромлена реактологическая школа (К.Н.Корнилова), так как "вся теория и практика реактологии вопиют об ее империалистических общеметодологических притязаниях" и попутно "вскрыты ультрарефлексологические извращения В.М.Бехтерева и его школы", и все направление объявлено реакционным.

В журнале "Педология" появляется в 1931 г. новая рубрика — "Трибуна", отведенная специально для разоблачения "внутренних" врагов в педологии. Многие присягали на верность режиму, "осознавали" свою "вину" и раскаивались. Публикуются материалы с "радикальным пересмотром досоветских возрастных стандартов" детства с точки зрения гораздо большей их емкости и качественно иного их содержания у детей трудящихся масс в сравнении с тем, что хотели признать наши враги. Шла ревизия проблемы "одаренности" и "трудного детства" по линии "тех величайших творческих богатств, которые открывает наш новый строй для рабоче-крестьянских ребят". Нападению подверглись методы педологического исследования, особенно метод тестов, лабораторный эксперимент. Удары были нанесены и "проституции" в области педологической статистики. Произведен ряд серьезнейших нападений на "индивидуализм" досоветской педологии. Достаточно красноречиво через журнал "Педология" проводился парад мишеней для травли, причем к участию в "охоте" приглашались все желающие (и "мишени" тоже). Однако редакция журнала не ставила организацию травли себе в заслугу: "Политический стержень педологических дискуссий никак не является особым достоинством, "сверхзаслугой" самой педологии: она здесь отражает на себе лишь упорное давление классового педологического заказа, который по сути своей всегда является непосредственно политическим, остро партийным заказом".⁴⁸ Анализируя дальше положение в педологии, А.Б.Залкинд призывает всех к "покаянию"... Дифференциация внутри педологического лагеря требует в одну из первых очередей анализа моих личных извращений... Однако это не избавляет нас от необходимости расшифровать извращения в работах других наших руководителей в педологической работе... и наш журнал должен немедленно сделаться организатором и коллектором этого материала. На смотре педолого-психологических кафедр Академии коммунистического воспитания П.П.Блонский заявил об идеалистических и механистических корнях своих ошибок. К сожалению, конкретного анализа этих ошибок в их объективных корнях, в их развитии и в их реальном материале т.Блонским еще не дано, и мы срочно ждем соответствующего его выступления в нашем журнале. Приглашаем товарищей помочь П.П.Блонскому статьями, запросами". "Товарищи" не замедлили откликнуться: в следующем номере журнала публикуется статья об ошибках Блонского А.М.Гельмонта "За марксистско-ленинскую педологию".⁴⁹

Журнал "Педология" требовал "покаяния" или, что случалось чаще, кощунственных доносов по отношению к "недостаточно преданным ученым". Требовали "помощи со стороны товарищей" по отношению к К.Н.Корнилову, С.С.Моложавому, А.С.Залужному, М.Я.Басову, И.А.Соколянскому, Н.М.Щелованову. Требовали "разоружения" выдающегося педагога и психолога Л.С.Выготского, а также А.В.Лурия и др.

И эти "критика" и "самокритика" публиковались не только в самом журнале "Педология", но и в общественно-политических журналах, особенно в журнале "Под знаменем марксизма".^{21,50,51}

С другой стороны, травля в виде "научной критики" стала не только способом своего научного понимания, но и возможностью доказать свою лояльность по отношению к режиму. Потому так много появляется в это время "разгромных" статей, практически во всех научных журналах, не говоря уже об общественно-политических. Что из себя представляла подобная "критика", можно продемон-

стрировать на примере М.Я.Басова, трагедия которого закончилась трагической развязкой. В журнале "Педология" № 3 за 1931 г. публикуется статья М.П.Феофанова "Методологические основы школы Басова",⁵² которую сам автор резюмирует в следующих положениях: 1) рассмотренные работы М.Я.Басова ни в коей степени нельзя признать отвечающими требованиям марксистской методологии; 2) в своих методических установках они представляют из себя эклектическую путаницу биологизма, механистических элементов и марксистской фразеологии; 3) основная работа М.Я.Басова "Общие основы педологии" является такой работой, которая в качестве учебного руководства для студенчества может принести лишь вред, так как дает совершенно неправильную ориентировку как на исследовательскую научную работу по изучению детей и взрослых, так как и на воспитание личности человека; вредность ее еще более усиливается тем, что марксистская фразеология затушевывает вредные стороны книги; 4) понятие о человеческой личности, по учению М.Я.Басова, является совершенно не соответствующим всему смыслу, духу и установкам на понимание исторической личности, социально-классового человека, которое развито в трудах основоположников марксизма; оно по своей сути реакционно.

Эти выводы делаются на основании энциклопедичности работы М.Я.Басова в области педологии и ссылок в этом труде на виднейших в мире психологов и педологов, которые имели "несчастье" родиться не в СССР и не являлись выразителями идеологии победившего пролетариата. Эта и подобная ей критики повлекли за собой соответствующую административную реакцию руководства ЛГПИ им.А.И.Герцена, где работал М.Я.Басов. М.Я.Басову пришлось написать ответную статью, но опубликована она была уже... посмертно. За несколько месяцев до смерти М.Я.Басов покидает ЛГПИ (едва ли по собственному почину), где возглавлял педологическую работу. Он уходит "осознавать свои ошибки" у станка, простым рабочим, и нелепо гибнет от заражения крови. 8 октября 1931 г. в газете института "За большевистские педкадры" помещается соответствующий некролог и приводится предсмертная записка М.Я.Басова:

"Студентам, аспирантам, профессорам и преподавателям педологического отделения и моим Сотрудникам. Дорогие товарищи!

Нелепая случайность, осложненная трудностями овладения производством нашим братом, вырвала меня из ваших рядов. Конечно, я жалею об этом, так как я еще мог бы работать так, как это нужно для нашей великой социалистической страны. Помните, что всякая потеря в рядах компенсируется усилением энергии оставшихся. Вперед за марксистско-ленинскую педологию — науку о закономерностях развития социалистического человека на нашем историческом этапе.

М.Я.Басов".⁵³

Ему было 39 лет.

Еще более оживило "критическую" работу письмо И.В.Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" в журнал "Пролетарская революция". Во всех научных учреждениях в ответ на это послание, призвавшее покончить с "гнилым либерализмом" в науке, прошла идеологическая чистка кадров. На примере ЛГПИ им.А.И.Герцена можно проиллюстрировать, как она проходила: в газете "За большевистские педкадры" от 19 января 1932 г. в разделе "Борьба за партийность науки" напечатано: "Письмо т.Сталина мобилизовало на повышение бдительности, на борьбу с гнилым либерализмом. В порядке развертывания работы были вскрыты и разоблачены [идет перечисление по кафедрам]... на педологическом отделении: богдановщина, субъективный идеализм в работах психолога Марлина и эклектизм, меньшевистский идеализм в работах педолога Шардакова".

Чистка коснулась и руководящих педологических кадров. Сменилось руководство у центрального органа печати — журнала "Педология". А.Б.Залкинда, несмотря на весь его пыл самбичевателя и бичевателя других, отстранили от должности ответственного редактора: слишком серьезными были его "ошибки" в

первых работах по половому воспитанию, которые впоследствии он многократно конъюнктурно редактировал, а в дальнейшем практически от них отказался, перейдя на чисто организаторскую работу. Однако он оказался не к лицу зданию, которое с таким упорством воздвигал, хотя впоследствии, вплоть до самого разгрома педологии, он останется все же у руля педологии. Изменяется не только редакция журнала, но и направление работы. Педология становится "прикладной педагогической наукой" и с 1932 г. определяется как "наука социальная, изучающая закономерности возрастного развития ребенка и подростка на основе ведущей роли закономерностей классовой борьбы и социалистического строительства СССР". Однако практическая польза педологии просвещению там, где работа педологов была поставлена профессионально грамотно, была очевидна и определяла поддержку педологии со стороны Наркомпросов. В 1933 г. выходит постановление коллегии Наркомпроса РСФСР по педологической работе, где определяются направления работы и методы. В выработке этого постановления участвовали Н.К.Крупская и П.П.Блонский.³

Результатом этого постановления явилось широкое внедрение педологии в школу, появился лозунг: "Каждой школе — педолога", — который в какой-то степени напоминает современную тенденцию психологизации образования. Субсидировалось открытие новых школ, специализированных для определенных групп учащихся, в том числе росло число школ для умственно отсталых и дефектных детей. Практика педологического обследования, распределения детей по классам и школам в соответствии с их фактическим и психическим возрастом, зачастую не совпадающая с паспортным, а также не всегда качественная работа педологов-практиков ввиду их низкой квалификации зачастую вызывали недовольство родителей и педагогов на местах. Недовольство это подкреплялось и идеологической обработкой населения. Дифференциация школы на обычную и для разных категорий детей с задержкой умственного развития "нарушала" идеологию равенства и усредненности советских людей, которая нередко доходила в своих послышках до абсурда: утверждений, что ребенок самого передового и революционного класса должен быть достоин своего положения, быть передовым и революционным как в области физического, так и психического развития ввиду преобразующего воздействия революционной среды и чрезвычайной лабильности организма; попирались законы наследственности, отвергалось негативное влияние среды в социалистическом обществе. Из этих положений следовало, что ребенок не может быть умственно и физически отсталым, а потому педологические обследования и открытие новых школ для умственно отсталых и дефектных детей считались нецелесообразными; более того, они являются провокацией со стороны буржуазно мыслящих неперестроившихся педологов и взявших их под свою опеку Наркомпросов.

В связи с этим в "Правде" и других средствах массовой информации появляются призывы прекратить подобные провокации, защитить советских детей от изуверов-педологов.⁵⁴ Внутри самой педологии продолжается кампания перестройки педологии в истинно марксистскую науку.^{55,56} Но ни в самой педологической печати, ни в педагогической, ни в коридорах Наркомпросов не чувствуется приближения конца. На критику в средствах массовой информации и со стороны некоторых деятелей Наркомпроса, призывающих запретить педологию или вернуть ей в лоно породившей ее психологии, даются обстоятельные ответы, разъясняющие цели и результаты работы, ее необходимость. Создается впечатление, что разгромное постановление ЦК ВКП(б) явилось для многих педагогов и педологов полной неожиданностью. Это наводит на мысль, что нужно искать запрета педологии не только в ее содержании, но и в определенной политической игре "верхов". На острие "штыка" оказалась Н.К.Крупская.

Отчет по выполнению этого постановления, вероятно, был представлен в ЦК. Так завершилась краткая история педологии в СССР. Младенец принесен в жертву политике. Разгром благих начинаний — "мелкая" политическая акция,

направленная против Н.К.Крупской, Н.И.Бухарина, А.В.Луначарского, В.М.Бехтерева, активно поддерживавших Надежду Константиновну.

Есть и чисто внутренние тому причины. Прежде всего, отсутствие единства в понимании сути науки: не раздача идей на вынос, а эклектичное их привнесение из других областей знаний и даже из областей глубокого незнания. Истинного синтеза в мышлении, как это проиллюстрировано, не произошло. Педагогическая доминанта, позднее неоправданная социологизация сокрыли главные корни педологии.

Единственно правильным, на наш взгляд, был бы путь, базирующийся на создании учения об индивидуальности человека, о генетическом предопределении индивидуальности, на понимании того, как в результате широких возможностей комбинаторики генов складывается типология личности во взаимодействии "генотип-среда". На глубоком проникновении в понятие *норма реакции* генотипа могла вырасти глубокая и прочная наука о человеке. Могла бы уже тогда, в 20-30-е гг. получить нормальное научное развитие и практика педагогической деятельности, которая до сегодняшнего дня остается скорее искусством.

Возможно, общество не доросло до понимания целей науки, как было не раз, как было в свое время с открытием Г.Менделя. Однако виной тому то обстоятельство, что уровень базального генетического мышления был недоступен широкому кругу педологов, психологов и педагогов, как, кстати, и в настоящее время, хотя и были первые контакты. Так, М.Я.Басов, по воспоминаниям современников, человек высокой гуманитарной культуры, руководя "педологическими извращениями" в ЛГПИ им.А.И.Герцена, пригласил известного ученого Ю.И.Полянского для чтения соответствующего курса. Между тем это был, с одной стороны, курс общей генетики, а нужен был курс генетики человека; с другой стороны, это было разовое мероприятие. Можно прослушать курс генетики, но не впитать ее сущности, что произошло и с самим М.Я.Басовым. Учебник по генетике человека в то время отсутствовал. Несколько ранее (это задача специального и очень важного очерка) погасла наука евгеника, а затем — и сама генетика; драматические последствия этого в стране до сих пор ощутимы.

Привычной становится формула "Мы не можем ждать милостей от природы! Взять их — наша задача!". И берем, берем, берем... невежественно и жестоко, разоряя не только саму природу, но и интеллектуальный потенциал Отечества. "Брали", но не востребовали. А выжил ли этот потенциал после всех селективных процессов? Оптимистично помышляем — да! Даже при современном диковинном прессинге экологического головотяпства стоит уповать на безграничные возможности наследственной изменчивости. Применив различные, оказавшиеся хорошо развитыми на Западе методы ранней психодиагностики индивидуальных особенностей человека, стоит задуматься над тем, как востребовать от каждого человека то максимально возможное, что может он подарить обществу. Только теперь, может быть, и не стоит называть эти помыслы педологией, это уже пережито.

Примечания

¹ Румянцев Н.Е. Педология. СПб., 1910. С.82.

² Герbart И. Психология / Пер. А.П.Нечаева. СПб., 1895. 270с.

³ Блонский П.П. Педология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М., 1934. 338с.

⁴ Мейман Э. Очерк экспериментальной педагогики. М., 1916, 34с.

⁵ Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии / Пер. с англ. Е.В.Герье; вступ.ст. Л.С.Выготского. М., 1926. 235с.

⁶ Холл Ст. Собрание статей по педологии и педагогике. М., 1912. 10с.

⁷ Инженеров Х. Введение в психологию. Л., 1925. 171с.

⁸ Блонский П.П. Особенности детского возраста. СПб., 1906. 344с.

⁹ Гундобин Н.П. Особенности детского возраста. СПб., 1906. 344с.

¹⁰ Басов М.Я. Общие основы педологии. М.;Л., 1928. 744с.

¹¹ Моложавый С.С. Наука о ребенке в ее принципах и методах // Педология. 1928. № 1. С.27-39.

¹² Моложавый С.С. О программе изучения ребенка // Просвещение на транспорте. 1925. № 11. С.27-30.

- ¹³ Шапиро Я.И. Основные вопросы педологии // Вестн. просвещения. 1927. N 5. С.82-88; № 6. С.67-72; № 7. С.65-76.
- ¹⁴ Киркпатрик Э. Основы педологии. М., 1925. 301с.
- ¹⁵ Геллерштейн С.Г. Психотехнические основы обучения труду в школе первой ступени // На путях к новой школе. 1926. № 7-8. С.84-98.
- ¹⁶ Басов М.Я. Методика психологических наблюдений за детьми. Л., 1924. 338 с.
- ¹⁷ Болтунов А.П. Измерительная скала ума для подклассных испытаний школьников: Из психологической лаборатории Педагогического института им.А.И.Герцена. Л., 1928. 79с.
- ¹⁸ Гурьянов Е.В. Учет школьной успешности: Школьные тесты и стандарты. М., 1926. 158с.
- ¹⁹ Бухгольц Н.А., Шуберт А.М. Испытания умственной одаренности и школьной успешности: Массовые американские тесты. М., 1926. 88с.
- ²⁰ Залкинд А.Б. К вопросу о пересмотре педологии // Вестн. просвещения. 1925. № 4. С.35-69.
- ²¹ Залужный А.С. Детский коллектив и методы его изучения. М.;Л., 1931. 145с.
- ²² Залужный А.С. За марксистско-ленинскую постановку проблемы коллектива // Педология. 1931. № 3. С. 44-51
- ²³ Блонский П.П. Педология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М., 1934. 338с.
- ²⁴ Аркин Е.А. Дошкольный возраст. 2-е изд. М., 1927. 467с.
- ²⁵ Арямов И.Я. 10 лет советской педологии: Доклад на торжественном заседании исследовательского института научной педагогики при I МГУ, посвященный 10-летию Октябрьской революции // Вестн. просвещения. 1927. № 12. С.68-73.
- ²⁶ Залкинд А.Б. Дифференцировка на педологическом фронте // Педология. 1931. № 3. С.7-14.
- ²⁷ Нечаев А.П. Экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. СПб., 1901. 236с.
- ²⁸ Неврология, невропатология, психология, психиатрия: Сб., посв. 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И.Росселимо. М., 1925.
- ²⁹ Оситова В.Н. Школа В.М.Бехтерева и педология // Педология. 1928. № 1. С. 10-26.
- ³⁰ Бехтерев В.М. Об общественном воспитании детей раннего возраста // Революция и культура. 1927. № 1. С. 39-41.
- ³¹ Трошин Г. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. М., 1915.
- ³² Лазурский А.Ф. Естественный эксперимент. Пг., 1918.
- ³³ Басов М.Я. Опыт методики психологических наблюдений. Пг., 1923. 234 с.
- ³⁴ Арямов И.А. Рефлексология детского возраста: Развитие человеческого организма и характеристика разных возрастов. М., 1926. 117 с.
- ³⁵ Блонский П.П. Педология. М., 1925. 318 с.
- ³⁶ Блонский П.П. Педология в массовой школе первой ступени. М., 1925. 100 с.
- ³⁷ Моложавый С.С. Программа изучения поведения ребенка или детского коллектива. М., 1924. 6 с.
- ³⁸ Аркин Е.А. Мозг и душа. М.; Л., 1928. 136 с.
- ³⁹ Залкинд А.Б. Пересмотр педологии школьного возраста: Доклад на III Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию // Работник просвещения. 1923. № 2.
- ⁴⁰ Тем не менее А.Б.Залкинд раньше писал: "Конечно, путем передачи воспитанных признаков по наследству, так как в одном поколении серьезно изменить свойства организма нельзя..."
- ⁴¹ Шелованов Н.М. К вопросу о воспитании детей в яслях // Вопр. материнства и младенчества. 1935. № 2. С. 7-11.
- ⁴² Штефко В.Г., Серебровская М.В., Шугаев В.С. Материалы по физическому развитию детей и подростков. М., 1925. 49 с.
- ⁴³ Фортунатов Г.А. Педологическая работа в дошкольных учреждениях // Просвещение на транспорте. 1923. № 9-10. С. 5-8.
- ⁴⁴ Бухарин Н.И. Из выступлений на I педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 3-10.
- ⁴⁵ Материалы I Всесоюзного педологического съезда. М., 1928.
- ⁴⁶ Крупская Н.К. Из речей на I педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 3-10. Отметим, что эти высказывания Н.К.Крупской не вошли в "полные" собрания ее сочинений.
- ⁴⁷ Луначарский А.В. Материалы I Всесоюзного педологического съезда. М., 1928.
- ⁴⁸ Залкинд А.Б. К положению на педологическом фронте // Педология. 1931. № 1. С. 1-2.
- ⁴⁹ Гельмонт А.М. За марксистско-ленинскую педологию // Педология. 1931. № 3. С. 63-66.
- ⁵⁰ Левентув П. Политические извращения в педологии // Педология. 1931. № 3. С. 63-66.
- ⁵¹ Станевич П. Против излишнего увлечения методом вариационной статистики и неправильного его применения в антропометрии и психометрии // Педология. 1931. № 3. С. 67-69.
- ⁵² Феофанов М.П. Методологические основы школы Басова // Педология. 1931. № 3. С. 21-34.
- ⁵³ [Некролог М.Я. Басову] // За большевистские подкадры. 1931. 3 окт.
- ⁵⁴ [Редакционная статья] // Правда. 1934. 14 авг.
- ⁵⁵ Феофанов М.П. Теория культурного развития в педологии как эклектическая концепция, имеющая в основном идеалистические корни // Педология. 1932. № 1-2. С. 21-34.
- ⁵⁶ Бабушкин А.П. Эклектика и реакционная клевета на советского ребенка и подростка // Педология. 1932. № 1-2. С. 35-41.

Н.И.Невская

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук)

Необоснованные репрессии 30-х гг. XX в. нанесли громадный ущерб нашей стране и ее науке. Точные его масштабы пока не выяснены. Многочисленные публикации, появившиеся в последние годы, и те, что еще появятся, уже открыли и несомненно откроют немало славных имен ученых, кто был незаслуженно вычеркнут из истории науки нашей страны. Восстановление этих забытых страниц совершенно необходимо для воссоздания подлинной картины исторических событий. При проведении подобных исследований важно изучать не только прямое, но и косвенное пагубное влияние названных репрессий. Ведь именно из-за него многие талантливые ученые, даже продолжавшие работать в науке, сделали значительно меньше того, что могли. Сколько блестящих проектов осталось неосуществленными, сколько открытий не состоялось, а интересных и важных трудов не было опубликовано!

Общеизвестно, какому жестокому разгрому в годы необоснованных репрессий подверглась советская биологическая наука. Не меньше пострадала и астрономия. В этом можно наглядно убедиться на примере всемирно известной Пулковской обсерватории, которая с самого своего основания в 1839г. заслуженно считалась "астрономической столицей мира". В последние годы было опубликовано немало материалов о деятельности выдающихся пулковских астрономов, которые были незаслуженно репрессированы: Б.П.Герасимовича¹, Е.Я.Перепелкина², П.И.Яшнова³, Н.И.Днепровского⁴, Б.В.Нумерова⁵ и др. В работах раскрыты не только высокие духовные качества этих людей, но и их недюжинные научные таланты, организаторские способности и чрезвычайная активность в избранной области науки. Конечно, приведенные в названных статьях и книгах материалы наглядно свидетельствовали о том, какой утратой для науки стала гибель этих ученых.

Не менее убедительно, как оказалось, о том же могут свидетельствовать отчеты Пулковской обсерватории и переписка ее директора⁶⁷⁸, к которым нам пришлось обратиться в поисках одного документа. В Кеплеровской комиссии Баварской Академии наук в Мюнхене хранится копия письма В.Ф.А.фон Дика (1856-1934) к Ф.Ф.Ренцу (1860-1942) от 8 августа 1927г., где немецкий корреспондент называл Ренца "Высокоуважаемый господин директор". Как известно, Ренц никогда не был директором обсерватории, хотя как вице-директор в 1927г. нередко замещал директора А.А.Иванова. Для выяснения обстоятельств дела и архивного шифра оригинала письма фон Дика пришлось сначала обратиться к переписке директора Пулковской обсерватории, а затем — к отчетам. Интересующее нас письмо обнаружить не удалось. Однако в надежде на то, что письмо фон

Дика, относящееся к научному наследию Кеплера, могло попасть в другое место, пришлось посмотреть всю текущую документацию ГАО АН СССР за 1927-1940гг.

Беглый просмотр дел Пулковской обсерватории неожиданно произвел потрясающее впечатление. Глазам исследователя открылась история Главной обсерватории нашей страны за предвоенные годы, спрессованная в краткой, бесстрастной форме текущей документации научного учреждения. Стало ясно, что ни революционные события 1917г., ни тяготы гражданской войны не смогли нарушить великолепные традиции знаменитой Пулковской астрономической школы. Под руководством директора А.А.Иванова и его заместителя Ф.Ф.Ренца пулковцы продолжали свои обычные работы: Н.И.Днепровский вел наблюдения на большом вертикальном круге, В.В.Серафимов обрабатывал старые пулковские наблюдения для каталога звезд Скъеллерупа, А.А.Кондратьев и М.Н.Морин продолжали обработку наблюдений звезд Гельсингфорсской зоны. Патриарх русской астрономии А.А.Белопольский с помощью юной В.Ф.Газе на 30-дюймовом рефракторе со спектрографом наблюдал спектрально-двойные и переменные звезды. С.К.Костинский и А.Н.Дейч наблюдали на нормальном астрографе, Г.А.Тихонов — на астрографе Бредихина.

Пулковская обсерватория участвовала и в международных исследованиях по составлению фотографического каталога звезд, взяв на себя околополярную зону неба. Эту работу начали И.А.Балановский и И.Н.Леман-Балановская. Продолжались наблюдения на пассажном инструменте Бамберга по прежней программе. Их вели П.И.Яшинов и М.М.Мусселиус. Активно работали Служба времени (под руководством Н.И.Днепровского) и Междудементальный комитет Службы времени, а также учрежденное при Пулковской обсерватории Бюро Долгот (под руководством А.А.Иванова). Я.И.Беляев вел традиционные для Пулкова исследования колебаний полюса. Я.И.Беляев и Н.И.Днепровский закончили вычисления своих наблюдений по определению разности долгот между Пулковской и Гринвичской обсерваториями⁹.

Пулково поддерживало и прежние традиции Главной обсерватории страны, куда стремились попасть на стажировку астрономы из разных стран мира и из разных уголков СССР. Так, за 1927г. здесь побывали директор Киевской обсерватории профессор С.Д.Черный, профессор В.Лейтен (W.Luyten) из Гарвардского Университета (США), директор Одесской обсерватории А.Я.Орлов, директор Харьковской обсерватории И.Н.Евдокимов, директор Московской обсерватории С.Н.Блажко, директор Энгельгардовской обсерватории (под Казанью) А.А.Яковкин, профессор Московского Межевого института Ф.Н.Красовский. Кроме того, с работами обсерватории знакомились М.А.Горт-де-Грод (Одесса), преподаватель Смоленского университета Б.В.Базилевский. Несколько месяцев стажировался в Пулкове ассистент Московской обсерватории И.И.Путилин.

Более тесные связи поддерживались с Ленинградским университетом. Ассистентка ЛГУ Н.М.Штауде занималась под руководством С.К.Костинского, а студенты В.А.Амбарцумян и Н.А.Козырев под руководством А.А.Белопольского на 30-дюймовом рефракторе со спектрографом определяли послойно температуру больших пятен на Солнце. Студент В.А.Фаас вел наблюдения под руководством Г.А.Тихова. Хорошо проявили себя и пулковские аспиранты М.Д.Берг, А.В.Марков, Н.Н.Павлов и особенно Е.Я.Перепелкин, а также заочные аспиранты А.Н. Дейч и В.Ф.Газе¹⁰.

Главным событием года стали наблюдения полного солнечного затмения 29 июня 1927г. Частные фазы затмения в Пулкове наблюдали А.А.Белопольский, Я.И.Беляевский, С.К.Костинский и другие сотрудники обсерватории, а также проходившие здесь стажировку Б.В.Базилевский и студенты ЛГУ Амбарцумян и Козырев. В специальной экспедиции по наблюдениям полной фазы затмения в Швеции участвовали И.А.Балановский, Г.А.Тихов, С.В.Романская, А.Н.Дейч и Е.Я.Перепелкин. Экспедиции удалось получить редкие снимки внутренней и внешней короны Солнца, а также фотографии "спектра вспышки"¹¹.

По старой пулковской традиции в обсерватории продолжали стажироваться также военные геодезисты и гидрографы. Среди гидрографов, весьма успешно завершивших все свои задания, оказался и бывший мичман "Авроры" Л.А.Демин

(1897-1973)¹², в свое время давший команду к сигнальному холостому выстрелу крейсера Октябрьской революции. В дальнейшем он стал высококвалифицированным специалистом, на основе работ которого было издано более 100 морских карт и лоций. В 1941-1964гг. Л.А.Демин руководил составлением Морского атласа. В течение 16 лет (с 1957 по 1973г.) он возглавлял Ленинградское отделение Всесоюзного астрономо-геодезического общества (ныне — Русское астрономо-геодезическое общество)¹³.

Активно работали также и отделения Пулковской обсерватории в Семейе и Николаеве. Кроме того, многие сотрудники обсерватории преподавали в Ленинградском университете и совмещали службу в обсерватории с работой в других учреждениях Ленинграда. Так, И.А.Балановский возглавлял астрофизический отдел Астрономического института (ныне — Институт теоретической астрономии), основанного в 1920г. бывшим воспитанником Пулковской обсерватории Б.В.Нумеровым (1891-1941). Естественно, что он постарался привлечь к работам в своем Институте многих пулковских астрономов. В их числе оказались А.Н.Дейч (вычисливший орбиту малой планеты Аретузы по методу Нумерова), Н.И.Днепровский, Н.В.Комендантов, М.М.Мусселиус. Г.Н.Неуймин работал в научно-исследовательском институте на кафедре астрономии и астрофизики. Г.А.Тихонов читал лекции по астрофизике в университете и заведовал астрофизическим отделом Естественнонаучного института им. П.Ф.Лесгафта¹⁴, основанного в 1918г. по инициативе Н.А.Морозова. В том же институте вскоре стала работать и Н.М.Штауде.

Сотрудники Пулкова вели также большую вычислительную работу. В Пулкове ее возглавлял Ф.Ф.Ренц, а в Ленинграде — Б.И.Рак¹⁵.

Кроме того, пулковчане активно участвовали в проведении ряда экспедиций, организованных АН СССР по поручению правительства. Так, Я.И.Беляев руководил работами по составлению сводки астрономо-геодезических и магнитных исследований на территории Казахстана, участвовал в советско-немецкой Памирской экспедиции 1925г., в Кара-Кумской экспедиции 1926г. для поисков залежей серы. Кроме того, вместе с И.Н.Язевым И.Н.Беляев ездил в экспедицию на Белое море и Онежское озеро для определения координат мест и привязки горных разработок ряда полезных ископаемых¹⁶.

Итак, Пулковская обсерватория не только продолжала свои традиционные научные исследования и подготовку научных кадров, но и активно помогала Советскому правительству в его хозяйственной деятельности. Неудивительно, что, когда 16 марта 1927г. Совнарком издал постановление о том, чтобы продолжить изготовление фотографического рефрактора Пулковской обсерватории, заказанного в Англии еще до первой мировой войны, это вызвало в Пулкове бурю ликования. Башня для нового инструмента уже была готова и в разобранном виде находилась в Семейе. Труба и детали монтировки находились в Лондоне. Теперь же Советское правительство выделило 15 900 фунтов стерлингов для изготовления 41-дюймового объектива, заказав его фирме Парсонс и Ко.

Сообщив об этом в своем отчете за 1927г., директор Пулковской обсерватории А.А.Иванов писал: "Таким образом, Пулковская обсерватория к 10-летию Октябрьской революции, благодаря столь благожелательному отношению Советского правительства, получила не только надежду, но и уверенность, что она в недалеком времени будет обладать самым могущественным в мире фотографическим рефрактором"¹⁷.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Фирма не сумела изготовить такой гигантский объектив, а приготовленная для телескопа башня и монтировка погибли во время войны. Да и саму обсерваторию в Пулкове ждали худшие времена. И все же до 1936г. все еще шло своим чередом.

В 1931 г. астрофизический отдел Пулковской обсерватории возглавил новый сотрудник — Б.П.Герасимович, в 1933г. ставший и директором обсерватории. Выпускник Харьковского университета, он прошел стажировку в Пулкове, а в 1927-1929 гг. по приглашению директора Гарвардской обсерватории Х.Шепли

работал в США. Герасимович вернулся на родину полный новых идей об оснащении советских обсерваторий, и в первую очередь Пулковской, новой инструментальной базой. Отчеты обсерватории за 1931-1935 гг. полны великолепных замыслов и детально разработанных программ новых грандиозных работ на новых инструментах¹⁸. Ряд из них было решено возобновить в последние годы.

Яркая личность Герасимовича, его кипучая энергия привлекли к нему талантливых ученых, особенно молодежь из разных астрономических учреждений Ленинграда и дальних концов страны. И, несмотря на чрезвычайную занятость научными исследованиями и научно-организаторской работой, он считал своим долгом поддержать любое научное начинание. Не случайно именно к Б.П.Герасимовичу летом 1932 г. прислали свой русский перевод "Математических начал натуральной философии" И.Ньютона житель г.Корсуня Киевской области Александр Захарович Чеканов¹⁹.

Ознакомившись с рукописью, Герасимович направил ее 8 августа 1932г. в Москву, в Государственное технико-теоретическое издательство с рекомендацией опубликовать перевод. В случае, если издательство не сочтет возможным напечатать рукопись, Герасимович просил вернуть ее Пулковской обсерватории. 21 декабря 1933 г. по просьбе издательства переводчик разрешил использовать извлечения из его работы для "Материалов по истории развития механики" под редакцией профессора А.Н.Долгова, склонявшегося к тому, что перевод Чеканова стоит издать полностью "при соответствующей обработке"²⁰.

На запрос Пулковской обсерватории о судьбе рукописи издательство ответило 7 апреля 1935 г., что вопрос все еще не решен, а рукопись находится у профессора Долгова.

По-видимому, перевод Чеканова так и не был опубликован; во всяком случае, никаких сведений о нем в дальнейшем найти не удалось. Скорее всего, этот перевод пропал безвозвратно. Когда в 1989 г. встал вопрос о переиздании "Начал" Ньютона, использовался не очень удачный и уже издававшийся ранее перевод академика А.Н.Крылова²¹.

1936 год стал последним предвоенным взлетом работ Пулковской обсерватории, связанным особенно с широкомасштабными наблюдениями полного солнечного затмения, в которых активное участие приняли и американские ученые²².

Затем волна необоснованных репрессий смела Б.П.Герасимовича, наиболее близких к нему сотрудников Пулковской обсерватории и других ленинградских астрономических учреждений, в первую очередь Б.В.Нумерова и других сотрудников Астрономического института (ныне — Института теоретической астрономии), Ленинградского университета и Естественнонаучного университета им. П.Ф.Лесгафта. Уцелел лишь директор этого института Н.А.Морозов. Его, знаменитого революционера и ученого, лично знавшего К.Маркса и Ф.Энгельса, прошедшего в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости почти 30 лет, никак нельзя было заподозрить как "врага народа". Этому бы просто никто не поверил.

В 1937-1940гг. ленинградской астрономии был нанесен сокрушительный удар, от которого она долго не могла оправиться. Дела Пулковской обсерватории за эти годы представляют собой разительный контраст с предыдущими годами. Во-первых, объем этих дел уменьшился во много раз. Кроме того, исчезли всякие отчеты о научной работе. Их места заняли отчеты об инвентаризации книг и рукописей библиотеки и архива обсерватории. В 1937г. Президиум АН СССР принял специальное решение о передаче многих материалов и документов из Пулковской библиотеки и архива в Архив АН СССР. Среди них оказались рукописи Ж.Н.Делиля, Л.Эйлера и Г.И.Вильда²³.

Акт о передаче рукописей Кеплера 28 июня 1938 г. от Пулковской обсерватории подписали и.о. ученого секретаря В.Р.Берг, профессор Л.Л.Маткевич, младший научный сотрудник А.А.Немиро, сотрудник архива ГАО АН СССР А.Л.Владимиров. От Архива АН СССР акт подписали его директор Г.А.Князев и старший ученый архивист Л.В.Модзалевский²⁴.

9 октября 1937 г. был составлен акт о книгах и рукописях, хранившихся в сейфе библиотеки обсерватории²⁵. Отчетов о научной работе в делах обсерватории за этот год не было.

После репрессий, обрушившихся на пулковских астрономов и их ленинградский коллег, даже 100-летие Пулковской обсерватории не отмечалось. И лишь на следующий год, как бы спохватившись, пулковцы отметили свой печальный юбилей. Дела 1940 г. состоят из пачки поздравительных адресов, присланных в Пулково различными учреждениями и отдельными лицами из разных мест нашей страны. В описи специально отмечалось, если адрес был в кожаном или бархатном переплете, но таких — буквально единицы. Типичным же был адрес от Естественнонаучного института им. П.Ф.Лесгафта — самоделка, изготовленная из листа ватмана, окрашенного в синий цвет, на фоне которого незакрашенными оставлены звезды.

В адресе, подписанном Н.А.Морозовым и тридцатью пятью его оставшимися сотрудниками (четверо из них были также сотрудниками Пулковской обсерватории) говорилось: "В астрономических и астрофизических работах Института им. П.Ф.Лесгафта Пулково неизменно оказывало и оказывает всяческую помощь и содействие. Это дало возможность выполнить ряд кооперативных работ, часть которых напечатана в пулковских изданиях"²⁶. Адрес заканчивался словами: "... Институт им. П.Ф.Лесгафта и его лаборатории Прикладной Астрономии и Космической физики горячо желают Пулкову дальнейших успехов и, в частности, завершения работы по созданию крупнейшей южной астрофизической базы "для всестороннего развития советской астрофизики"²⁷. Именно за эту идею так ратовал репрессированный Герасимович ... Так Пулковская обсерватория вступила в свое второе столетие в самом начале второй мировой войны. И лишь в 1945г. обсерватория решила отметить свой знаменитый юбилей 1939г., которому был посвящен сборник статей "Сто лет Пулковской обсерватории"²⁸, изданный под редакцией С.И.Белявского.

Примечания

¹ Огородников К.Ф. Памяти Б.П.Герасимовича // Развитие методов астрономических исследований. М.:Л., 1979. С. 509-515.

² Гневышев М.Н. Евгений Яковлевич Перепелкин (1906-1937) // Историко-астрономические исследования (далее — ИАИ). М., 1969. Вып.10. С.241-244.

³ Горель Г.К., Зверев М.С. Пулковский астроном П.И.Яшно // ИАИ. М., 1977. Вып.13. С.117-146.

⁴ Зверев М.С. Николай Иванович Днепровский (1887-1944) // ИАИ. М., 1980. Вып.15. С.15-60.

⁵ Нумерова А.Б. Борис Васильевич Нумеров (1891-1941). Л., 1984.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — СПб ФА РАН), ф.703, оп.1, т.2, N 1,3-5 и др.

⁷ СПб ФА РАН, ф.703, оп.1, т.2, № 21,24,27,30,31.

⁸ Там же, ф.703, оп.1, т.2, № 23 (1927г.) — переписка о высылке рукописей И.Кеплера в Германию.

⁹ Там же, ф.703, оп.1, т.2 (1927г.), № 4, л.1-5.

¹⁰ Там же, л. 5-6, 52-56.

¹¹ Там же, л. 5, 46-48.

¹² Там же, л. 5-6, 50-56.

¹³ Леонид Александрович Демин (1897-1973) // Вопросы истории астрономии. М., 1974. С. 187-189.

¹⁴ СПб ФА РАН, ф. 703, оп.1, т.2 (1927), № 4, л.63-65.

¹⁵ Там же, л.5.

¹⁶ Там же, л.42-43.

¹⁷ Там же, л.18.

¹⁸ Там же, ф.703, оп.1, т.2 (1931 г.), (1932 г.), (1933 г.), (1934 г.), (1935 г.).

¹⁹ Там же, ф.703, оп.1 (1935г.), № 41, л.22.

²⁰ Там же.

²¹ Ньютон И. Математические начала натуральной философии./Пер. с лат. и комментарии А.Н.Крылова. Ред. и предисл. Л.С.Полака. М., 1989.

²² СПб ФА РАН, ф.703, оп.1, т.2, № 23 (1935г.), л.22.

²³ Там же, ф.703, оп.1 (1937г.), № 33, л.5-9.

²⁴ Там же, л.11-13.

²⁵ Там же, л.27.

²⁶ Там же, л.3.

²⁷ Там же.

²⁸ Сто лет Пулковской обсерватории: Сб.статей/Под ред. С.И.Белявского. М.:Л., 1945.

И.В.Мохнач
СИНИЙ ЙОД*

Владимир Онуфриевич Мохнач, блестящий врач, высокообразованный человек, в совершенстве владеющий несколькими иностранными языками, в том числе и древними, кандидат химических наук и доктор биологических наук, занимающий пост директора Дальневосточного филиала Института химии АН СССР, был арестован в 1937 г. во Владивостоке и осужден "за контрреволюционную деятельность" по статье 58: 10 лет заключения с последующей ссылкой на 15 лет без выезда.

В.О.Мохнач находился на общих работах в исправительно-трудовых лагерях Управления северо-восточных трудовых лагерей ГУЛАГа СССР. Крайне тяжелая физическая работа, главным образом на лесоповале и в рудниках, полное истощение физических и моральных сил, никакой надежды на будущее. В нечеловеческих условиях униженные, бесправные, голодные люди, осужденные в основном по ложным обвинениям, работали по 14-16 ч в сутки, даже не предполагая, что могут наступить другие времена.

Переходы в тайгу в обмотках при 60-градусных морозах, обязательное выполнение нормы каждым заключенным, бараки, колючая проволока, вышки, собаки, охрана... Огромная скученность в бараках — в каждом по 150-250 заключенных, которых наказывали за малейшую провинность и без таковой (например, за случайно перепутанную шапку с номером). Потерю же любого орудия производства (пилы, топора, кайло) считали просто преступлением. Владимира Онуфриевича избивали неоднократно за защиту слабых, несколько раз у него были переломы ребер и на теле на всю жизнь остались глубокие рубцы.

Заключенные часто болели, но от работы не освобождали ни больных, ни слабых. Для руководившего осмотром перед выходом на работу охранника все были здоровы.

Постоянными спутниками заключенных были инфекционные заболевания. Но в 1940-1941 гг. пришла еще одна страшная беда — эпидемия дизентерии. Заболевание протекало в тяжелой форме, с кровавыми поносами, рвотой и коматозным состоянием. Пачками выносили из барачков трупы, и освобождались места для новых поступлений заключенных. Эпидемия дизентерии принимала угрожающий характер и распространилась на вольнонаемное население.

На отдельный лагерный медпункт больных волокли такие же заключенные и выкладывали их рядами по 25-30 человек. Обход делал фельдшер, который зачастую подходил уже к трупам. С ростом эпидемии обычные бараки превращались в больничные корпуса, которые обслуживались врачами, тоже заключенными, осужденными по той же статье 58.

* При подготовке статьи к опубликованию она была сокращена за счет материала узкого медико-биологического содержания (*прим. ред.*)

Владимир Онуфриевич помнил многих из этих врачей, но чаще всего он вспоминал Юзефа Доминиковича Баркана. Добрый, мужественный, красивый человек, в прошлом полковник медицинской службы, начальник санитарной части дивизиона торпедных катеров Балтийского флота, он никак не мог привыкнуть к смерти людей в бараках: по утрам рядом с живыми лежало 10-15 остывших трупов. Однажды, войдя в барак, Баркан закричал: "Люди! Не умирайте, живите! Когда же вы перестанете умирать?!..."

Лечить больных было нечем. И хотя заключенные-врачи были опытными, квалифицированными специалистами, но без необходимых медикаментов они оказывались бессильными, а часто сами заболели и умирали.

Весь режим лагерей был рассчитан на вымирание заключенных. Зэк мог жить до тех пор, пока работал и давал норму. Смерть его никого не пугала: пополнение рядов было регулярным. Но эпидемия изменила установленный порядок и привычную систему, так как прибывавшие новые партии тут же заражались и умирали быстрее, чем заключенные-аборигены.

Начальник Дальстроя генерал-лейтенант И.Ф.Никишев за невыполнение плана получил выговор. Какой план на лесоповале, угольных и других рудниках могли давать голодные, больные, еле передвигавшие ноги заключенные...

В одном из больничных бараков пос.Ягодного находился заключенный В.О. Мохнач, и здесь не было больных дизентерией. Заразив себя, Владимир Онуфриевич сам перенес тяжелейшую форму дизентерии и впервые на себе же применил йод-крахмальный комплекс. В первоизданном виде это была смесь из картофельных очистков, которые Мохнач собирал, и йода, который он выпросил у фельдшера. Полученное лекарство заключенные называли "черная каша".

Всем, находящимся в бараке: и больным, и здоровым — Владимир Онуфриевич давал по столовой ложке "черной каши" 5-6 раз в сутки. Результат был поразительный: больные не только не умирали, но и выздоравливали, а здоровые контактные не заражались.

Весть о "черной каше" быстро распространилась среди заключенных и лагерной охраны. Часто не только днем, но и ночью в барак к Владимиру Онуфриевичу приползали, именно приползали заключенные из других бараков и просили дать им "черной каши".

Однажды произошло необычно: в пос.Ягодный приехала Н.В.Савоева, начальник санитарной части Северного управления лагерей, для встречи и беседы с Мохначом. "Я был страшен, — вспоминал Владимир Онуфриевич, — у меня были отечное, обмороженное лицо и синие руки, обмотанные грязными тряпками; на мне висел огромный, рваный, обгорелый ватник". Нина Владимировна знала, кем был Владимир Онуфриевич раньше, до ареста. Она долго разговаривала с ним, сделала обход в его бараке и попробовала его лекарство. Тут же своей властью Савоева разрешила В.О.Мохначу передвигаться по зоне (25-50 бараков на расстоянии 10-15 м друг от друга). Это была невероятная свобода: заходить во все бараки, осматривать и лечить больных. Доктор Савоева распорядилась выдавать Владимиру Онуфриевичу крахмал и йод. Впоследствии применение йод-крахмала в своих докладных Нина Владимировна называла методом Мохнача.

С 5 ч утра до глубокой ночи обходил Владимир Онуфриевич тяжелых больных, одним увеличивая, а другим уменьшая дозировку йода в крахмале. И эпидемия дизентерии была погашена сначала в зоне, а потом и во всем пос.Ягодном.

О результатах лечения методом Мохнача Н.В.Савоева сообщила начальнику Управления северо-восточных трудовых лагерей и заведующему горздравотделом г.Магадана доктору Попову. И сразу Владимира Онуфриевича перевели в пос.Сеймчан (Юго-Западное горнопромышленное управление), где находилась больница. Вслед за этим поступил совершенно исключительный для тех лет и мест приказ: "Разрешить применение метода Мохнача на территории всех лагерей Дальстроя СССР, а самого Мохнача допускать в очаги инфекции". И Владимира Онуфриевича зачислили фельдшером при больнице, штат которой был укомплектован

высококвалифицированными клиницистами, биохимиком и микробиологом, тоже заключенными. Кроме того, ему позволили открыто лечить вольнонаемных в лагерях: инженеров, геологов, их семьи и др. (до этого Мохнач, как и все осужденные по статье 58 врачи, не имел права не только лечить вольнонаемных, но и общаться с ними).

Об этом периоде своей жизни в монографии "Йод и проблемы жизни" Владимир Онуфриевич пишет: "Йодистый крахмал впервые был мною применен во время пребывания на Крайнем Севере в очень тяжелых условиях, на тяжелых, ослабленных больных при дизентерии (стул со слизью и кровью до 10-15 раз в сутки, рвота, обезвоживание и другие симптомы). Йодистый крахмал — амилоидин — я применял в виде порошка или коллоидного раствора в таком количестве, чтобы суточная доза содержала 0.5 г кристаллического йода. Эта доза распределялась на 5-6 приемов в сутки несколько дней подряд. Обычно на 3-4-е сутки клинические симптомы прекращались даже у тяжелобольных"¹. Так был открыт и испытан новый класс лекарственных препаратов — класс галаидполимеров.

Однажды, разбирая бумаги Владимира Онуфриевича, я обнаружила рукопись, напечатанную на грубой бумаге, на плохой машинке, под названием "Об этиопатогенезе бактериальной дизентерии". Эту статью из Сеймчанской больницы Магдананской области главный врач Е.М.Лысенков направил редактору журнала "Советская медицина", приложив к ней две записки: заключенного Мохнача и свою, в которой просил опубликовать эти ценные данные.

Предлагаемая в печать работа базировалась на огромном клиническом материале, собранном каторжником в невероятно тяжелых условиях, и содержала в себе открытие нового класса лекарственных препаратов. Но заведующая редакцией Е.Астафьева не поняла этого, о чем свидетельствует ее ответ В.О.Мохначу от 7 февраля 1953 г.: "Прочсть вашу статью не легко. Однако, сделав это по долгу рецензента, можно и нужно избавить читателей от бесполезной траты времени... Так как помочь читателю разобраться в сложных вопросах проблемы дизентерии статья, к сожалению, не может, ввиду чего и не подлежит опубликованию на страницах журнала" (стиль и орфография письма сохранены).

Но прошло шесть лет, и эта же статья В.О.Мохнача по лечению дизентерии, представлявшая большую ценность, была напечатана в сборнике "Важнейшие инфекционные болезни" под редакцией проф.В.Г.Космачевского².

Наступил 1956 г., и пришло неожиданное освобождение. Выйдя на свободу, В.О.Мохнач с головой окунулся в научные исследования. В Москве, оформляя реабилитационные документы, он тут же начал совместные работы с М.Н.Мейселем (директором Института микробиологии АН СССР) по изучению бактерицидного действия йод-крахмального комплекса на патогенную флору с различной дозировкой йода. В этом же году В.О.Мохначом была отработана наименьшая бактерицидная концентрация молекулярного йода (от 0.02 до 0.2%), при которой йод находится в положительной одновалентной форме, образуя синеокрашенный комплекс.

В декабре 1957 г. Владимир Онуфриевич выступил уже с докладом "Бактерицидные свойства комплекса крахмала с йодом" на заседании секции общей химии правления Всесоюзного химического общества им.Д.И.Менделеева.

Синяя окраска крахмала с йодом известна давно. Однако никому не приходило в голову не только есть эту смесь, но и лечиться ею. В общебытовом понимании это и есть "синяя каша" (или "черная каша", как называли ее на Колыме). А ведь это же комплексное химическое соединение с абсолютно точной дозировкой йода, в котором йод находится в биологически активной и нетоксичной форме. Йод в степени окисления 1+ синей окраски является необходимым микроэлементом для живых организмов. Именно эта форма йода может находиться и скапливаться в тканях и органах высших животных и человека.

Как показал Владимир Онуфриевич, соединения йода в окислении 1+ (йодкрахмальный комплекс) не только нетоксичны, но и обладают антибактериальным,

противовирусным и антимиотическим эффектом. Данная закономерность распространяется на всю группу галогенов: на фтор, хлор, бром, йод и астат. Это и есть открытие В.О.Мохнача, которое позволяет вести направленный поиск биологически активных веществ и упрощает их синтез. Суммируя полученные данные, в своей монографии "Йод и проблемы жизни" (с.72) Владимир Онуфриевич пишет: "Фактически действие препарата было исследовано в той же прописи, которая была предложена мною для лечения больных дизентерией в период пребывания на Севере: tincture iodi — 2.0-3.0, amuli tritici — 10.0, sacchari albi — 10.0, acidi citrici — 0.4, aquae destillatae — 200.0 (сахар и лимонную кислоту я добавлял только в Ленинграде)".

С 1956 г. В.О.Мохнач работает в Ленинграде и продолжает свои исследования в Ботаническом институте им.В.Л.Комарова АН СССР. Здесь им была получена новая лекарственная форма йода, которой Фармакологический комитет Министерства здравоохранения СССР в 1960 г. присвоил название "иодиол", в 18 мая 1962 г. разрешил применение его в медицинской практике.

В.О.Мохначом было изучено общебиологическое действие иодиола на организм в целом, а также на ткани, клетки как в норме, так и при патологических состояниях. Цитологические исследования и антибактериальный спектр действия проводились Мохначом с использованием флюоресцентной, фазово-контрастной и электронной микроскопии совместно с микробиологами (чл.-корр. АН СССР М.Н.Мейселем, проф.Л.Б.Борисовым и др.)^{3,4}.

Четыре года ушло на экспериментальные и клинические подтверждения действительности нового антисептика. И в 1960 г. В.О.Мохнач подал заявку на изобретение "Лечебный препарат амилйодин (иодкрахмальный комплекс)". Но в выдаче авторского свидетельства по этой заявке ему было отказано.

В мае 1969 г. В.О.Мохнач подает очередную заявку в Комитет по делам изобретений и открытий на новый оригинальный препарат — "амилоидин", который может быть использован в медицине и ветеринарии. Но и на этот раз в выдаче авторского свидетельства ему отказывают.

Особый интерес представляла возможность соединения высокополимеров, которые являются основой кровезаменителей и противошоковых растворов, с таким тотальным антисептиком, как йод. Общая токсичность и реакция крови изучались при введении иодиола экспериментально и клинически в Ленинградском институте переливания крови^{5,6}.

Исследуя действие антибиотиков на возбудителей дизентерии, японский ученый Яманака уже через час наблюдал появление устойчивых штаммов. И эта устойчивость сохранялась при пересевах, при этом повышалась вирулентность флоры⁷⁻¹¹.

В 1965 г. В.О.Мохнач подает заявку на открытие "Положительно одновалентная форма галогенов как причина биологической и химической активности и цветности их соединений" (регистр. № 32-ОТ-4781). Комитет по делам изобретений и открытий СССР отказывает автору в предполагаемом открытии.

Ввиду увеличения потребности и запросов в иодиоле выпуск его был расширен в масштабах страны. Иодиол производили на Ленинградском, Томском, Ереван-витамином (в Армении), Борщаговском (на Украине), Борисовском (в Белоруссии) химико-фармацевтических заводах, в Экспериментально-производственном объединении Всесоюзного НИИ сельскохозяйственной микробиологии (г.Колпино). На Донецкой кондитерской фабрике начали выпускать иодированные кондитерские изделия.

Труды В.О.Мохнача получили широкое признание, и в 1970 г. Всесоюзное химическое общество выдвинуло его на Ленинскую премию. Исследования Мохнача были названы выдающимися научными работами в области химии и биохимии.

В Комитет по Ленинским премиям были представлены все печатные работы В.Р.Мохнача, отзывы как отдельных ученых, так и целых научных коллективов, отчеты о применении иодиола в медицине и ветеринарии, сам препарат и

иодированные кондитерские изделия (наборы драже, зефира, мармелада — а.с. N197385 в соавторстве с Е.Р.Поповой и Ф.Х.Яхиной). Но благодаря "стараниям" акад.Н.Н.Блохина кандидатура В.О.Мохнача была снята. Николай Николаевич долго уверял Владимира Онуфриевича в том, что его "работы представляют огромную ценность, но, к сожалению, представлены на Ленинскую премию в неудачное время". "Понимаете, Владимир Онуфриевич, — сказал доверительно Блохин, — ведь это 1970 год, год столетнего юбилея со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Мы ведь подбираем работы с особой тематикой". Конечно, причина "очень серьезная". Печально, что на таком высоком уровне не захотели понять значение работ В.О.Мохнача, а жизнь и время показали их актуальность не только тогда, но и теперь.

В 1970 г. Владимир Онуфриевич просил предоставить ему возможность для всенародного обсуждения работ по иодиолу, но получил отказ. Зловещую роль в этом сыграл опять акад.Н.Н.Блохин.

Осенью 1970 г. на юге страны, в районе Астрахани, вспыхнула эпидемия холеры. К этому времени у В.О.Мохнача были получены данные о воздействии иодиола на холерный вибрион, что в 80-егг. подтвердили и работы А.К.Адамова — заведующего отделом микробиологии и иммунологии особо опасных инфекций института "микроб" в г.Саратове (подробнее об этом ниже).

Учитывая отрицательное отношение к нему Минздрава СССР, Мохнач решил заручиться поддержкой какой-нибудь вышестоящей организации. Владимир Онуфриевич вспомнил, что при реабилитации в Прокуратуре СССР ему сказали: "Если у Вас возникнут какие-либо чрезвычайные обстоятельства, обращайтесь в самые высокие инстанции государства — и Вам всегда помогут". Не знаю почему, но, подготовив подробную докладную записку с изложением экспериментальных и клинических данных по применению иодистого крахмала и иодиола при холере, Мохнач направил ее в Совет Министров СССР на имя К.Т.Мазурова. 10 сентября 1970 г., как раз в разгар эпидемии, получен был ответ, но от начальника управления по внедрению новых лекарственных средств и медицинской техники Э.Бабаяна: "Ваше письмо на имя тов.К.Т.Мазурова о применении иодистого крахмала при острых желудочно-кишечных заболеваниях было передано по назначению для ответа в Министерство здравоохранения СССР. Никаких конкретных мер по реализации Вашего предложения предпринять невозможно, так как оно не соответствует современным требованиям науки" (следует подчеркнуть, что этот ответ был послан без указания даже фамилии автора, просто в Ботанический институт АН СССР).

История перорального применения йода уходит в глубь веков. Еще Геродот во время путешествия по Сирии и Вавилонии отметил широкое употребление в пищу свежих и высушенных морских водорослей, а также приготовление мазей из свежих водорослей и морских губок с добавлением жировой основы. Сухие водоросли носили в ладонках, которые якобы защищали человека от болезней. Был строгий ритуал сбора водорослей, при котором учитывалось не только время года, но и количество осадков, полнолуние, приливы, отливы, глубина сбора. Водоросли собирали до восхода солнца в чистых и прозрачных водах без морской пены. Важно было знать, в каком месте срезать водоросли: в области точки роста содержится наибольшее количество йода. В наши дни все эти секреты утрачены.

В древнейших письменах, клинописях, таблицах, найденных в районах Месопотамии, рекомендовалось употребление в пищу водорослей, морских и океанических рыб. Рыбу необходимо было запекать в тесте вместе с морскими водорослями. Там же сказано, что употребление внутренностей морских животных предупреждает даже одряхление человека и выпадение волос.

По инструкции Фармкомитета МЗ СССР от 1964 г. иодиол разрешен только для наружного применения, включая такие заболевания, как ангины, хронические тонзиллиты, химические ожоги пищевода и желудка. Другими словами, пероральное применение иодиола фактически проводилось постоянно, так как со

слизистой оболочки полости рта, глотки, трахеи и пищевода иодиол всасывается в кровь моментально, особенно при недостатке йода в организме.

Способ лечения иодиолом химических ожогов полости рта и пищевода включен в инструкцию Минздрава СССР (проф.П.Ф.Мишечкин). Перорально иодиол применяется при эзофагитах и у больных с эстирпацией гортани при наличии пищеводно-трахеальных свищей (проф.В.П.Мельникова). Дозировка и способы применения иодиола четко клинически отработаны на протяжении многих лет (начиная с 1942 г.). Однако юридически разрешения Фармкомитета на пероральное применение иодиола нет.

В 1965 г., экспериментально и клинически обосновав и выполнив точные требования Фармкомитета, В.О.Мохнач подал заявку на пероральное применение иодиола — и получил отказ. Фармкомитет потребовал провести новые дополнительные исследования, которые также были выполнены. И опять отказ, и опять новые требования (все документы с отказами подписаны Г.А.Ульяновой). И так в течение ряда лет.

В 1971 г. лед как будто бы тронулся. Наконец-то получен запрос, на который В.О.Мохнач отвечает:

”Председателю Фармкомитета МЗ СССР, чл.-корр. АМН СССР, проф. Г.Н. Першину, уч.секр. к.м.н. Г.А.Ульяновой

В ответ на Ваше письмо от 26 июня 1971 г. за № 211-4661/2343, в котором Вы просите конкретно сформулировать, для каких целей рекомендуется прием иодиола внутрь и в каких дозах, сообщаем следующее:

1. Прием иодиола внутрь рекомендуется при желудочно-кишечных заболеваниях, в том числе при дизентерии и холере Эль-Топ.

2. Эффективность применения иодиола при дизентерии подтверждается клиническими испытаниями в Детской инфекционной больнице им.Филатова в г.Ленинграде и в Ленинградском научно-исследовательском институте детских инфекций (см. письмо Ботанического института от 27 ноября 1970 г.).

3. Данные о результатах экспериментальных исследований бактерицидного действия иодиола в отношении возбудителей дизентерии, холеры и других были направлены в Фармкомитет с основной первичной документацией (см. письмо Ботанического института от 11 и 27 ноября 1970 г. на имя чл.-корр.АМН СССР Г.Н.Першина)”.

В начале ноября 1971 г. на телефонный запрос В.О.Мохнача о судьбе иодиола Г.А.Ульянова сообщила, что Фармкомитет признал необходимым произвести дополнительные испытания по применению иодиола при холере и дизентерии на экспериментальных животных. В.О.Мохнач отправляет письмо Г.А.Ульяновой, приложив к нему отчет и заключение лаборатории Ленинградской портовой и городской противочумной наблюдательной станции по вибриоцидному эффекту иодиола по отношению к возбудителю холеры Эль-Топ: ”В лаборатории Ленинградской портовой и городской противочумной наблюдательной станции Г.И.Вашенок и Л.И.Бакулина испытывали действие иодиола на возбудитель холеры Эль-Топ. 0.1 мл суспензии микроба, содержащей 50 млн микробных тел, добавляли к 5 мл цельного иодиола и разведенного водой 1:10, 1:20, 1:40. Через 10, 20, 30 и 60 мин извлекали по 0.2 мл смеси и переносили в пробирку с пептонной водой. Пептонную воду просматривали на помутнение через 20 ч. Высевали 0.1 мл на чашку Петри. Чашки просматривали через 24 ч. Иодиол показал отчетливый вибриоцидный эффект в разведении 1:20 при 18-20 С и 1:10 при 37 С”.

Через полгода Ботанический институт получил от ученого секретаря Фармкомитета Г.А.Ульяновой сообщение, что материалы по применению иодиола при холере находятся на заключении, после чего будут рассмотрены Фармкомитетом.

В.О.Мохнач четко выполнял все требования Фармкомитета. В письме на имя председателя Фармкомитета Г.М.Першина он сообщает: ”Автор препарата имел с Вами и уч.секретарем Г.А.Ульяновой личные консультации, беседы, и Вами было сказано, что достаточно произвести эксперимент на любых животных, что и было

сделано... Эти работы по вибриоцидному действию при холере (а, возможно, и по отношению к возбудителям чумы) могут быть широко поставлены с целым рядом наших высокополимерных препаратов, с различными модификациями иодиола, различными препаратами йода и других галогенов, причем с самой тонкой их характеристикой на электронно-биологическом уровне".

Однако Фармкомитет стоит на своем: "Предлагаемый Вами препарат иодиол не может быть разрешен для клинического изучения при дизентерии и холере, так как в представленных материалах не содержится экспериментальных данных, доказывающих противодизентерийное и противохолерное действие препарата. Рекомендуем Вам обратиться к микробиологам". Письмо опять подписано Г.А. Ульяновой.

Совершенно необъяснимы требования и указания Фармкомитета при решении вопроса о пероральном применении иодиола. Рефреном звучит одна и та же рекомендация: "Проведение дополнительных испытаний иодиола на экспериментальных животных".

Но волею судьбы впервые в мире перорально и именно на тяжелобольных людях с диагнозом "дизентерия" в лагерях Колымы был применен иодполимерный комплекс. Затем в клиниках инфекционных болезней I и II медицинских институтов Ленинграда иодиол использовали при лечении дизентерии (чл.-корр. АМН Е.П.Шувалова, проф.В.Г.Космачевский). Иодиолом лечили обезьян, больных дизентерией (Г.Пиралов, В.Руденко), а проф.Э.К.Джикидзе показала полную идентичность заболеваний дизентерией человека и обезьян (Всесоюзный институт экспериментальной медицины, г.Сухуми). Также прошло успешное лечение животных при помощи иодиола в Ленинградском зоопарке.

В течение нескольких лет производство иодиола было прекращено. Препарат всячески дискредитировали. Все обращения мои в разные инстанции оставались без ответа. Все изменилось, когда пост директора Ботанического института АН СССР занял акад. А.Л.Тахтаджян. Сразу же было установлено, что иодиол не внесен в фармакопею и не имеет государственной защиты. И 18 сентября 1977 г. Армен Леонович отправляет письмо главному ученому секретарю Фармакопейного комитета МЗ СССР А.Н.Обоймаковой: "Прошу включить в очередное издание Фармакопеи СССР оригинальный отечественный препарат иодиол, разработанный в Ботаническом институте им.В.Л.Комарова В.О.Мохначом. Решением Фармкомитета МЗ СССР от 18.05.1962 г. иодиол разрешен для применения в широкой медицинской практике". Однако ответа нет до сих пор.

Учитывая важность проблемы, А.Л.Тахтаджян сохранил лабораторию и сотрудников В.О.Мохнача. Научно-теоретические и экспериментальные работы по иодиолу в Ботаническом институте были продолжены^{12,13}.

Иодиол находил все более широкое применение в клиниках. Проведены были испытания его в реконструктивной хирургии кровеносных сосудов при аортобедренном и подколенно-бедренном шунтировании, при обширных травмах с отрывом конечностей (Г.Н.Горбунов, I ЛМИ). В отделении хирургии легких ВНИИ пульмонологии МЗ СССР иодиол прописывали больным после торокальных операций, осложненных пиопневмотораксом и эмпиемой плевры (Ю.Н.Левашов).

В отделе патологической анатомии Института экспериментальной медицины изучали действие иодиола как стимулятора естественных защитных сил организма — аналогов миелопероксидазной системы (В.Е.Пигаревский, В.Н.Кокряков), во в НИИ "Микроб" — действие иодиола при таких особо опасных инфекциях, как холера, сибирская язва и др. (А.К.Адамов).

Иодиол испытывали для санации сточных вод. Colli-индекс сточных вод, обработанных иодиолом, близок к нулю. (П.Н.Горбунов).

По заданию Главного ветеринарного управления Госагропрома СССР в Ботаническом институте АН СССР была разработана и получена сухая форма иодиола, и в 1986 г. начались клинические испытания препарата.

В 1987 г. Ленинградский научный центр АН СССР в специальном информационном бюллетене № 10-87 сообщает о новом препарате, его эффективности и

экономическом эффекте. В 1988 г. директору Ленинградского химико-фармацевтического объединения "Октябрь" В.Г.Селезневу были направлены вся техническая документация, лабораторный результат, данные клинических испытаний, заключение о токсичности и образцы препарата. После рассмотрения получен следующий ответ: "... сухая форма иодиола полностью соответствует водному раствору (фармстатья 42-483-73). Однако сухая форма иодиола является новым лекарственным средством, на которое требуется разрешение Фармкомитета МЗ СССР".

И опять все идет по кругу. Директор Ботанического института Л.Ю.Буданцев посылает письмо председателю Фармкомитета чл.-корр. АМН СССР В.К.Лепяхину: "Ботанический институт им.В.Л.Комарова АН СССР направляет Вам необходимую документацию и сопроводительную записку на сухую форму иодиола. Просим рассмотреть вопрос". И ответ Фармкомитета такой же, как и прежде: "... как Вам неоднократно сообщалось, необходимо представить экспериментальные данные об эффективности и безвредности иодиола, в том числе и лекарственной формы... Необходимо обосновать преимущества иодиола перед антимикробными препаратами... Таким образом, как имеющиеся в Комитете материалы, так и вновь полученные не являются основанием для рассмотрения вопроса о разрешении клинических испытаний новой лекарственной формы иодиола. Фармакологический комитет обращает Ваше внимание на необходимость более ответственного подхода Ботанического института к вопросу представления материалов по новой лекарственной форме и новым показаниям для использования иодиола. В том случае, если Ваш институт не имеет достаточного опыта в разработке лекарственных средств, Фармакологический комитет рекомендует Вам обратиться к организациям, способным оказать необходимую помощь... Главный ученый секретарь Фармакологического комитета доктор мед.наук М.И.Миронова".

Вместе с тем нельзя не отметить глубокого понимания проблемы "иодиол" председателем Госкомитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР И.С.Наяшковым, далеким, казалось бы, от медицины и биологии человеком. Иван Семенович очень быстро и четко отреагировал на сопроводительную записку акад.А.Л.Тахтаджяна, прилагаемую к документации на выдачу авторского свидетельства на сухую форму иодиола, которая заканчивалась словами: "... особо важное значение сухая форма иодиола имеет в геохимических и эндемических зонах страны... Прошу Вас дать указание экспертизе об особо внимательном рассмотрении этой заявки" — и датирована 8 марта 1986 г. Поражает какая-то биологическая интуиция этих людей буквально накануне трагических событий в Чернобыле.

Обычно целые районы, области и страны с низким содержанием йода в водоемах и почвах относятся к эндемическим зонам. Известно много районов одной недостаточности: Беларусь, Закарпатье, Забайкалье, Кавказ, Урал, Алтай, Татарстан, Средняя Азия, Дальний Восток и др. При массовом обследовании населения сотрудниками Всесоюзного института экспериментальной эндокринологии (г.Москва) установлено, что к эндемическим зонам относятся Московская, Ивановская, Калининская, Новгородская, Новосибирская, Тюменская и другие области.

Известны случаи, когда заболели люди уже через несколько недель после переселения в эндемические районы. Наиболее неустойчивы в этом отношении дети, молодые и пожилые люди.

В воздухе Чернобыля было выброшено около 450 типов радионуклидов. Львиная доля из них приходится на ^{131}I , который составляет 80-90% от всей радиоактивности. Все это произошло в эндемической зоне, где в почвах, водоемах, включая реки (Уж, Припять, Тетерв), среднее содержание йода — 1 мг/л, в колодцах и артезианских скважинах — 1.78 мг/л. По данным Судакова, в луговых травах, в пшеничной, ржаной соломе, кукурузном силосе, свекле, картофеле, выращенных в этой зоне, очень низкое содержание микроэлементов, главным образом йода (следы), которые необходимы для жизнедеятельности организма.

Все продукты питания, в том числе и вода (пища — единственный путь поступления йода в организм человека!), не обеспечивают здесь организм йодом. Поэтому само строительство АЭС в Чернобыле было порочно.

Щитовидная железа человека и высших животных в условиях Чернобыля не насыщена йодом и фактически заранее готова к захвату радиоактивного йода. В течение периода полураспада ^{131}I (8-10 сут) разрушаются биологические защитные неспецифические резистентные факторы (и тем самым последующие радионуклиды воздействуют на беззащитный и ослабленный организм). Гормоны щитовидной железы, содержащие йод, тироксин и трийодтиронин, контролируют важнейшие физиологические функции организма: основной обмен, общий жировой, углеводный, белковый обмены, обмен витаминов, водный обмен, нормальное функционирование всех систем, а также устойчивость иммунных возможностей его.

Для лучевого поражения характерны действие самого ионизирующего излучения; насыщение организма токсическими недоокисленными продуктами метаболизма, что усиливает повреждающие действия радионуклидов; поражение эндокринной системы, кишечного эпителия (радиоактивный энтерит с летальным исходом), костного мозга и органов кроветворения.

После Чернобыля Фармкомитетом было одобрено и выдано разрешение на широкое применение ряда иодистых препаратов. Но эти иодистые лекарственные препараты для перорального применения непригодны. Дозировки йода не отработаны, как и препараты, содержащие фиксированный йод с учетом сроков хранения. Совершенно не принята во внимание и такая область применения йода, как слизистая оболочка. Человек должен проглотить лекарство, т.е. должен быть контакт иодистых препаратов со слизистой оболочкой. Даже такой "безобидный" препарат, как раствор Люголя, может дать повреждение слизистой оболочки и нарушить ее проницаемость, что крайне опасно и нежелательно, особенно при наличии радионуклидов. Не учитывается также высокая алергизация организма. Нерегулируемые дозы спиртовых растворов йода могут приводить к гипертиреозу, особенно в детском возрасте.

Сразу же после чернобыльской трагедии была создана особая правительственная комиссия по оказанию медицинской помощи пострадавшим в результате радиационной аварии. Приведу некоторые выдержки из заседаний этой комиссии и ее решения в разделе "Из секретного досье"¹⁷.

На первом заседании (6 мая 1986 г.) прежде всего обсуждался вопрос о выдаче больничных листов и диагнозе пострадавших и принято решение: выдавать больничные листы "после обследования в больнице, в остальных случаях — справки с диагнозом "вегетососудистая дистония"". Затем первый заместитель министра здравоохранения СССР О.П.Щепин сообщил: "Выяснено плохое знание степени опасности лучевых поражений среди медицинских работников...". П.Н. Бургасов говорил об "элементах паники среди населения и необходимости ряда выступлений по телевидению, успокаивающих население".

И только под № 5 программы обсуждался вопрос о применении йода. Зам. начальника Главного санэпидуправления МЗ СССР А.И.Зайченко сообщил расчетную норму облучения щитовидной железы, при которой показана иодная профилактика, но "... у нас нет четких данных, в какой момент необходимо начинать применение йода и как именно проводить иодную профилактику" (и это 6 мая 1986г.!).

Зам.министра здравоохранения СССР Н.М.Шмаков считал необходимым сосредоточить запасы иодистого калия в Москве. Первый заместитель начальника 4-го управления при МЗ СССР В.И.Шахматов был не уверен в том, "... что вреднее: радиоактивное облучение или применение йода".

Министр здравоохранения РСФСР А.И.Потапов предложил зам.министра здравоохранения СССР А.Г.Сафонову создать группу для подготовки оптимальных решений по применению йода, а А.Г.Сафонов рекомендовал "пить четверть чайной ложки" (сколько это?) 5 %-й настойки йода на стакан воды. П.Н.Бургасов

напомнил о том, что нужно "продумать организацию выдачи йода населению, причем бесплатно". Принято было еще одно "ценное" решение: "Во избежание ненужных встреч с иностранными специалистами отменить поездку проф. А.К. Гуськовой на конференцию врачей по теме "За мир и ядерное разоружение".

На следующем заседании (7 мая 1986 г.) В.И.Шахматов уточнил, "что накопление радиоактивного йода было только в районе пос.Припять"; проф. А.И.Воробьев просит сообщить степень радиоактивного поражения щитовидной железы, при которой показана иодная терапия; проф. Е.Е.Гогин рассказал о практической безопасности полученных доз радиоактивного йода для щитовидной железы: "... может идти речь только о легкой степени ее поражения"; А.И.Потапов еще раз напомнил "о нарушении психики и радиофобии среди населения пострадавших районов..", а А.Г.Сафонов предложил "... подготовить вместе с отделом пропаганды популярные выступления по телевидению о безопасности радиационной обстановки". Затем Е.Б.Шульженко было поручено "принять меры, исключающие приглашение или посещение каких-либо иностранных ученых" без ведом проф.А.И.Воробьева, и принято решение: "Все предложения иностранных фирм: отдельных ученых и государств о поставке медикаментов, оборудования, чистых продуктов питания и прочего вежливо отвергать... благодарить и не принимать".

Через три дня (10 мая 1986 г.) принято "важное" решение: "Можно ставить диагноз "лучевая болезнь"".

Председатель Фармкомитета Ю.Г.Бобков отказывает фирме "Солко", предложившей препарат "Солко-сера" для лечения лучевых ожогов. Обоснование: "... препарат не может быть принят, так как он не прошел проверку в Фармкомитете".

Однако на следующий день (11 мая 1986 г.) О.П.Щепин уже считает, что "сведения о смертельных исходах можно сообщать, так как о них знают иностранные ученые".

Почти через 2 нед (24 мая 1986 г.) обсуждается наконец вопрос об иодной профилактике, которая "необходима у детей, особенно в сельских местностях. Это надо сделать до конца месяца — и чем скорее, тем лучше".

Начальник Главного аптечного управления М.А.Клюев сообщает о необходимости "внести в инструкцию для лечения разрешение о применении растворов иодистого калия" (!).

Таким образом, еще раз подтверждена необходимость иодной профилактики у детей сельской местности; только опять заведующие сомневаются, "поймут ли на местах, что йод должны выдавать бесплатно" (и это 25 мая, т.е. через месяц после аварии").

В то же время начальник 2-го Главного управления при МЗ СССР В.И.Михайлов сообщил, что "за сутки в Москве обратились за помощью 600 человек — неясно, откуда выявляются загрязненные люди".

На Международной конференции консультативной группы экспертов МАГАТЭ, проходившей в мае 1991 г. в Вене, к проблеме № 1 отнесена нейтрализация радиоактивного йода. Работам, проводившимся в нашей стране, была дана высокая оценка. Особенно подчеркивалось своевременное и быстрое обеспечение населения таблетированным иодистым калием. К сожалению, эксперты получили ложные сведения и были введены в заблуждение о якобы проведенной иодной профилактике. Как считает Ю.Воронежцев, председатель Комитета по экологическим проблемам, "чиновники от медицины, которые стремились уйти от объяснения лжи, сообщили о том, что все жители были обеспечены таблетками иодистого калия и проведена иодная профилактика, однако никакой иодной профилактики вообще не было. а особенно своевременной"^{18,19}. В свои оправдания члены правительственной комиссии в 1991 г. ссылаются на резолюции XXVIII съезда КПСС, которые якобы и были выполнены.

При выяснении истинного положения установлено, что нет и не было никаких данных об итогах поражения населения, о его возрастных группах, а также о

количестве пораженных и обследованных. В "Заключении" правительственной комиссии сказано: "Обследованные дети признаны в целом здоровыми". Однако при обследовании школьников только одного Ленчанского района Гомельской области выявлено, что доля здоровых детей составляет лишь 1,4 %. "Увеличение щитовидной железы и ее гипофункция обнаружены у 50,7 % детей, примерно такие же данные получены и в других районах... В связи с дезинформацией не представляется возможным предсказать увеличение раковых заболеваний и особенно поражение щитовидной железы... Всего же от чернобыльской аварии пострадало 5 млн человек, и это еще не предел"^{20,21}.

Через 6 лет после чернобыльской катастрофы дана следующая оценка результатов принятых ранее решений^{22,23}:

I. "Огромные ошибки и преступления были допущены медиками; всех уверяли в том, что проводилась иодная профилактика, но это же ложь, это безнравственное отношение медиков к своему долгу" (А.Назаров — председатель Постоянной экспертной группы Парламентской комиссии по рассмотрению причин аварии на Чернобыльской АЭС и оценке действия должностных лиц в послеварийный период).

II. "Самое большое распространение рака щитовидной железы у детей Брестской области. Ведь 5 % детей после Чернобыля получили от 1000 до 3000 бэр, а это полное уничтожение не только щитовидной железы, но и всех биологических защитных возможностей организма. В настоящее время у уже повзрослевших детей выявлено 102 случая рака щитовидной железы; кроме того, у большого количества детей гиперплазия структур щитовидной железы, что вызывает целый ряд патологических состояний, включая нарушение деятельности сердечно-сосудистой системы..." (Т.Белоокая — председатель Белорусского комитета "Дети Чернобыля").

III. "В настоящее время многотысячная группа населения отнесена к группе онкологического риска, а могло быть иначе, если бы была проведена иодная профилактика (курсив мой. — И.М.), а не вриали, что ничего не произошло и ничего не нужно. Не было бы этих трагедий..." (Д.Фирсова — эксперт-координатор; статья названа "ложь нерентабельна").

IV. "Генетические аномалии и повреждения передаются следующему поколению... Около 20 % случаев смерти связано с канцерогенезом; у 70 % нарушены эндокринная и иммунная системы. Врожденные аномалии отмечены у 7,5 тыс. детей в 17 наиболее загрязненных районах Гомельской и Могилевской областей" (В.Шевченко — эксперт-координатор; о многом говорит название статьи: "Потомки спасибо не скажут").

V. "Около 1,5 млн людей республики, включая 250 тыс.детей, находились в зоне загрязнения и получили "иодовый удар", — пишет К.И.Масик в статье "Чернобыль тревоги и ожидания".

На протяжении жизни Владимира Онуфриевича и после его смерти со стороны Минздрава в целом и Фармкомитета в частности явно ощущалась почему-то враждебность, чувствовалось какое-то необъективное, предвзятое, отрицательное отношение к его препаратам с одним и тем же рефреном: старо, известно, не нужно. Поражали и до сих пор поражают полное единомыслие, солидарность и сплоченность таких сотрудников, как Г.А.Ульянова, Г.Н.Першин, П.Н.Бургасов, Э.Бабаян, А.И.Обоймакова, М.И.Миронова и "куратор" иодиола С.Б.Изосимова.

Жизнь показала необходимость, принципиальную новизну и полезность синеокрашенных иодистых препаратов, но со стороны государственно-бюрократических структур продолжается упорное непризнание заслуг В.О.Мохнача. Так, 20 апреля 1988 г. в Государственный комитет изобретений и открытий при Госкомитете СССР по науке и технике была отправлена просьба о пересмотре заявки (регистр. № 32-ОТ-4781) на открытие В.О.Мохнача. 30 мая 1988 г. получен ответ от начальника отдела В.В.Сапелкина: "приведенные Вами в данном письме доводы не дают основания для возобновления делопроизводства по заявке №

32-07-4781, поскольку они не обосновывают принципиальную новизну связи валентного состояния галогенов, их химической, биологической активности и цветности". Все то же...

Но на своем сложном и очень трудном пути В.О.Мохнач встречал и других людей. Когда после реабилитации он вернулся в Ленинград, никто не знал и не слышал ни о Мохначе, ни о его работах. Однако акад. В.Н.Черниговский, крупный ученый и прекрасной души человек, предоставил Владимиру Онуфриевичу возможность изучать физиологическое воздействие иодвысокополимеров в лабораториях Института физиологии АН СССР им.И.П.Павлова, и первая монография Мохнача была издана под грифом этого института. Проф. А.В.Вальдман не только руководил экспериментальными работами, но и взял на себя огромный труд по редактированию сборника "Иодиол в медицине и ветеринарии". Без единого слова отдала акад. Н.П.Бехтерева часть листов своей книги для того, чтобы монография Мохнача "Йод и проблемы жизни" вышла в полном объеме.

Проф. Н.Н.Демин, будучи председателем секции нейрохимии Научного совета по проблемам биохимии животных и человека, проводил экспериментальные работы по воздействию иодвысокополимеров эндокринологии Института акушерства и гинекологии АМН СССР проф. В.В.Потин не только был "почитателем Владимира Онуфриевича", как он сам о себе говорит, но и активно продолжает работать с иодиолом. Владимир Всеволодович считает: "Иодиол целесообразно использовать для блокирования щитовидной железы при возникновении опасности радиоактивных изотопов йода и при экстремальных условиях, когда требуется заблокировать и предупредить захват радиоактивного йода".

Не могу не вспомнить К.Л.Хилова, блестящего специалиста, впервые в клинических условиях Военно-медицинской академии проводившего испытания иодиола. Он скрупулезно вместе с сотрудниками кафедр биохимии и фармакологии отработывал дозировки препарата.

Огромный вклад в продолжение научных исследований В.О.Мохнача внес акад. А.Л.Тахтаджян. Несмотря на отсутствие разрешения Фармкомитета, Армен Леонovich обратился с просьбой к проф.А.К.Адамову попробовать применение иодиола при особо опасных инфекциях. Получены были положительные результаты, наиболее важны из них данные при лечении холеры. Перед катастрофой в Черновбyle именно в Киеве Армен Леонovich привлек к исследованиям проф. Н.А.Судакова, благодаря чему фактически была изучена (но, к сожалению, не использована) проблема иодной недостаточности и сохранности щитовидной железы. В период почти 3-летнего отсутствия иодиола хирургические клиники Ленинграда были обеспечены препаратом, причем бесплатно, так как А.Л.Тахтаджян выделил специальные ставки, в том числе и старшего научного сотрудника, и иодиол нарабатывали в химико-технологической лаборатории Ботанического института. Теоретические научные исследования по изучению иодиола не прекращались все эти годы и продолжают по настоящее время. Разработаны были новые лекарственные формы и получены два авторских свидетельства.

Да, В.О.Мохнач был репрессирован, провел на каторге, в нечеловеческих условиях, страшные 19 лет. Но его труды, его работы не подвергались репрессиям. Вот что написала мне в письме в феврале 1992 г. Н.В.Савоева, давшая жизнь иодиолу в те страшные дни на Колыме: "...Имя доктора Мохнача врачами Колымы произносилось не только с уважением, благодарностью, но и с благоговением. Коллектив больницы создавал ему условия, помогал во всем. Готовили иодкрахмал по несколько раз в сутки, так как давали его всем контактным заключенным и вольнонаемным. Мы оберегали доктора Мохнача, ограничивали его обходы барачков: у него были отечные ноги, он был очень слаб. В больнице Севлага на Беличьем я своей властью разрешила препарат и позволила Владимиру Онуфриевичу лечить больных... Я благодарна судьбе, что на своем жизненном пути я встретила Владимира Онуфриевича. Я благодарна Богу за то, что Бог дал мне разум понять, кто такой Мохнач, и увидеть в нем целеустремленного

талантливого врача и ученого. Доктор Мохнач, сам обреченный, спасал таких же обреченных и умирающих людей. Да, иодиол — это детище Мохнача. Я счастлива, что дала жизнь иодиолу. Доктор Мохнач спасал людей, делал добро, невзирая на запреты и угрозы. Спасибо ему, светлая ему память, он много страдал...”.

Примечания

- 1 Мохнач В.О. Йод и проблемы жизни. Л., 1974. С. 74.
- 2 Мохнач В.О. Предварительные данные о применении иодистого крахмала (амилоиодина) у больных дизентерией // Важнейшие инфекционные болезни. Л., 1959. С. 146-152.
- 3 Мейсель М.Н., Мохнач В.О., Вакина И.П. и др. О механизме антимикробного действия биологически активных форм йода // Изв. АН СССР. Сер.биол. 1971. Т.6. С. 819.
- 4 Мохнач В.О. Йод и проблемы жизни. Л., 1974. С. 75.
- 5 Богомолова Л.Г., Измайлова Е.Ф., Кротова Т.А., Мохнач В.О. Экспериментальное и клиническое изучение раствора иодполивинилового спирта (иодиола) // Иодиол и его применение. М.; Л., 1962. С. 12-23.
- 6 Шувалова Е.П. Применение иодиола при дизентерии у взрослых под контролем р ектороманоскопии // Иодиол в медицине и ветеринарии. Л., 1967. С. 52-63, 137-141.
- 7 Jatanasa T.Y. Transfer of resistance from an antibioticresistant strain of Shigella to a sensitive one by means of mixed cultivation // J.Jap.Ass. Infect. Dis. 1960. Vol. 34, № 8. P. 872.
- 8 Эшштейн-Литвак Р.В. К вопросу об этиологии “прочих” острых кишечных заболеваний // Материалы симпозиума по актуальным вопросам эпидемиологии и профилактики дизентерии, 4-6 июля 1968. М., 1969.
- 9 Мохнач В.О. Йод и проблемы жизни. Л., 1974. С. 85-87.
- 10 Мохнач В.О. Теоретические основы биологического действия галоидных соединений. Л., 1968. С. 279.
- 11 Перлмен А., Сиборг Г.Т. Синтетические элементы // Новая химия. М., 1959.
- 12 Лаврентьев А.И. Биологическая роль йода // Незаразные болезни сельскохозяйственных животных. М., 1959.
- 13 Бодхир Н.П., Донши Р.М., Ромашкин С.В. Атипичные проявления гипотиреоза // Клиническая медицина. 1986. № 5. С. 86-92.
- 14 См.: J.Biochem. 1988. Vol. 103, № 3. P. 393-395.
- 15 См.: Новый мир. 1989. № 3. С. 261.
- 16 Мохнач-Абрамевич И.В. Применение иодиола при химических ожогах глотки и пищевода // Иодиол в медицине и ветеринарии. Л., 1967. С. 105-108.
- 17 Истина // Мед. газ. 1991. 2 и 16 авг., 4 и 25 окт.
- 18 Мохнач В.О., Попова Е.Р., Яхина Ф.Х. Иодирование пищевых продуктов с помощью иодистого крахмала // Иодиол в медицине и ветеринарии. Л., 1967. С. 145-149; Мохнач В.О. Йод и проблемы жизни. Л., 1974. С. 27-35.
- 19 См.: Аргументы и факты. 1991. 27 июня.
- 20 Там же.
- 21 См.: Известия. 1991. 27 апр.
- 22 Неуничтоженные страницы // Мед. газ. 1992. 6 марта.
- 23 Мы — не пыль на ветру // Комс. правда. 1992. 12 июня.

Н.Ю.Годлевская, И.В.Крейтер

"КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО" ГЕОЛОГОВ

В целях восстановления справедливости и истины сообщим известное нам о беде, постигшей ученых-геологов в 1949 г. Среди них были выдающиеся ученые: академики, члены-корреспонденты, доктора наук, профессора, известные специалисты по полезным ископаемым, геофизике, геоморфологии и др. Большинство из них были истинными интеллигентами. Обратим внимание на слово "интеллигент" — оно было особенно ненавистно и преследуемо на протяжении последнего семидесятилетия. Упомянем о преступниках и палачах, действовавших вплоть до недавнего времени.

Как возникло дело геологов 1949 г.? В то время главным редактором "Правды" был П.Н.Поспелов, а одним из его корреспондентов — А.Ф.Шестакова. Ее знали многие. Она бывала в институтах, учреждениях, на конференциях, и ей была свойственна, как и другим в то время, истерическая потребность искать вредителей в науке, технике, народном хозяйстве страны. В одну из своих командировок в Красноярск Шестакова посетила геологический трест. Вот что рассказал об этом посещении М.Н. и Н.Ю.Годлевским И.А.Паукер, бывший в 1938 г. геологом Красноярского геотреста, а в дальнейшем работавший в Министерстве геологии РСФСР: "Ей показали коллекцию образцов, в том числе витрину-экспозицию; называли ей составы минералов и какие ископаемые с ними связаны. Среди выставленных в витрине оказался образец тюямунита, и ей объяснили, что это урановая руда. Как оказалось, этот образец кто-то из геологов привез из Ферганы (Тюямун — месторождение урана), поставил в витрину, и он не имел никакого отношения к полезным ископаемым Сибири. Однако, увидев минерал, Шестакова заявила, что, очевидно, в Красноярском крае есть месторождение урана, которое до сих пор скрывается от правительства". Из витрины треста тюямунит был отправлен в Москву к известному химику-аналитику Ненадкевичу, который, не зная, что это ферганский образец, сказал, что в нем содержится 1,5 % урана и что надо искать коренное месторождение (сообщение профессора Ф.И.Вольфсона). Для версии Шестаковой этого было достаточно.

Вот что вспоминает профессор А.П.Соловов, присутствовавший на заседании в Министерстве геологии в 1948 г., где была организована выставка достижений геологии, в том числе обширные стенды Главгеофизики, возле которых Соловов, бывший тогда главным инженером главка, давал пояснения. Вечером, в день открытия совещания, эту корреспондентку подвел к стендам М.И.Гуревич, познакомил ее с Солововым и просил провести по выставке. "Я, — говорит Александр Петрович, — пытался это сделать. Однако, о чем бы ни шла речь: о росте объемов сейсморазведки или численности специалистов, о геологических результатах геофизических работ или о дислокации геофизических трестов, корреспондентка неизменно прерывала все объяснения вопросом: "А в Красноярском крае?"." В

целом, говорит Александр Петрович, у меня осталось столь странное впечатление от нее, что, расставшись с ней и подойдя к находившемуся тут же главному геофизику главка А.И.Дюкову, я охарактеризовал ее как психопатку.

Буря разразилась через год. Целых две недели весь центральный аппарат был занят писанием самых различных справок о состоянии дел, в которых неизменно фигурировала строчка: "...в том числе в Красноярском крае...". "Полетели головы, — рассказывает дальше А.П.Соловов, — появились новые люди, начались массовые аресты так называемых буржуазных ученых — у них в плену были министр геологии И.И.Малышев и его окружение. Связь всего этого с посещением нас упомянутой корреспонденткой сомнения не вызывает". В Москве через Поспелова версия Шестаковой о сокрытии геологами уранового месторождения в Сибири была доведена до Сталина. Он вызвал министра геологии Малышева и спросил: "Какие у вас богатства в Сибири?". Тот ответил: "Медь, никель, кобальт, платина, золото". Сталин сказал: "Вас обманули вредители — там есть уран". Начались поиски, создавались тресты, работали экспедиции, искавшие уран. На эти поиски тратились сотни миллионов рублей — все было безрезультатно. Урана не было в Сибири, нет там его и сейчас (сообщения профессоров Ф.И.Вольфсона и В.М.Крейтера). Тем не менее "великий вождь" решил, что от него скрывают месторождения такого стратегически важного сырья, и распорядился разыскать специалистов, которые работали или консультировали в Сибири, репрессировать их и начать дело, которое потом стали называть "дело геологов 1949 г." или "Красноярское дело". В 1949 г. было арестовано 27 человек. Вот некоторые имена.

1. *Баландин Алексей Александрович* (1898-1967), академик АН СССР, основатель научной школы в области катализа, лауреат Государственной премии. Арестован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. (сведения И.В.Крейтер).

2. *Богацкий Вячеслав Вячеславович* (г. р. 1910), доктор наук, геофизик, математик. Арестован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. Отбывал срок в Магадане. После реабилитации работал в Красноярском отделении Сибирского института геологии и геофизики. Соделец В.Н.Верещагина (сведения Г.Ю.Гаген-Торн и Ю.Г.Старицкого).

3. *Булытников*, профессор Томского университета. Репрессирован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г.

4. *Верещагин Владимир Николаевич* (1912-1980). Арестован в 1949 г. Провел в тюрьме в Москве 1 год 8 мес., затем работал по специальности в Магадане. Реабилитирован 22 апреля 1954 г. Соделец В.В.Богацкого (сведения жены З.В.Потаповой и Ю.Г.Старицкого).

5. *Вологдин Александр Григорьевич* (1896-1971), член-корреспондент АН СССР (избран в 1939 г.). Выдающийся палеонтолог, стратиграф. Известен трудами по региональной геологии азиатской части СССР. Репрессирован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. (сведения Г.Е.Мирсчин).

6. *Григорьев Иосиф Федорович* (1890-1951), академик АН СССР, профессор. Читал лекции в Ленинградском горном институте и в Горной академии в Москве. Директор Геологического института АН СССР. С 1939 по 1946 г. — заместитель председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР. Во время Отечественной войны возглавлял Казахский филиал АН СССР. С 1945 по 1947 г. — главный геолог Комиссии по созданию базы атомного сырья. Арестован в 1949 г., умер в тюрьме после допроса. Реабилитирован 31 марта 1954 г. (сведения А.М. и Ф.И.Григорьевых).

7. *Гуревич Михаил Исаевич*, ученый секретарь (референт) министра геологии СССР И.И.Малышева. Арестован в 1949 г., погиб в тюрьме (сведения А.Н.Еремеева).

8. *Доминиковский Виктор Николаевич* (1902-1986). Минералог. Арестован в 1949 г. Работал в заключении в Норильске. Реабилитирован в 1954 г. Работал во ВСЕГЕИ до 1963 г. (сведения дочери Т.В.Доминиковской и Ю.Г.Старицкого).

9. *Котульский Владимир Климентьевич* (1879-1951), профессор, доктор наук. Выдающийся специалист по полиметаллическим месторождениям. В Ленинграде

сначала заведовал отделом цветных металлов. Арестован в 1929 г., приговорен к расстрелу с заменой 10 годами заключения. Освобожден благодаря хлопотам его сестры Елены Клементьевны Котульской — известной певицы Большого театра. Награжден орденом Ленина. В 1932 г. арестован вторично с отбыванием наказания сначала в Мончегорске, потом в Норильске. В 1946 г. реабилитирован. Арестован в третий раз в 1949 г., умер по дороге в Норильск (сведения А.Н.Еремеева и Т.Н.Тадиун).

10. *Крейтер Владимир Михайлович* (1897-1966), профессор Московского геологоразведочного института и Института цветных металлов и золота. Основатель учения о поисках и разведке месторождений полезных ископаемых. На допросах оговорил себя, спасая других. Сказал, что скважины, пробуренные в 30-е гг. на полиметаллических месторождениях восточного Забайкалья, являются "вредительскими". В 50-х гг. начальник Читинского геологического управления Г.К.Волосюк заявил органам МГБ, что контрольное бурение показало безупречную документацию скважин Крейтера. Арестован в 1949 г., реабилитирован в марте 1954 г.

11. *Лихарев Борис Константинович*, доктор наук, профессор, работал в Ленинграде во ВСЕГЕИ (ЦНИГРИ). Отбывал наказание в Норильсклаге. Большой ученый в области стратиграфии, исторической геологии, палеонтологии. В лагере категорически отказался работать и консультировать по специальности, выполнял только примитивную работу: наклеивал этикетки на образцы. По свидетельству сокамерников, вел себя независимо, с истинно дворянским достоинством (сведения М.Н.Годлевского, Б.П.Дубицкого).

12. *Меерсон* — буровик, сотрудник Министерства геологии СССР. Арестован в 1949 г. (сообщение А.Н.Еремеева).

13. *Налимов Василий Васильевич*, доктор физико-математических наук, крупный ученый. Первый раз был арестован еще студентом, отбывал срок на Колыме. После освобождения заведовал спектральной лабораторией Алтайской геофизической экспедиции Министерства геологии. Там в 1949 г. арестован повторно, реабилитирован в 1954 г. (сведения А.П.Солового).

14. *Ромм Яков Моисеевич*, начальник бюро изобретений Комитета по делам геологии. Награжден орденом Ленина. Арестован в 1949 г., погиб в тюрьме (сведения А.Н.Еремеева).

15. *Русакow Михаил Петрович* (1892-1963), академик Казахской академии наук, выдающийся геолог, первооткрыватель первых месторождений Коунрад (Казахстан) и Алмалык (Узбекистан). Им создан город Балхаш. Его именем названы улица в этом городе и школа-интернат № 2, русаковские слои в нижнем карбоне Казахстана, минерал русаковит (ванадат). Он рассказывал: "Я на первом же допросе признался, что я матерый шпион, и меня не били". Арестован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. (сведения А.П.Солового).

16. *Тетяев Михаил Михайлович* (1882-1956), известный геотектонист, профессор Ленинградского горного института, с 1932 по 1934 г. — заместитель директора ВСЕГЕИ (ЦНИГРИ). Арестован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. (сведения дочери Т.М.Тетяевой).

17. *Филатов Константин Васильевич* (1907-?, умер в 60-х гг.), специалист по разведке месторождений полезных ископаемых, особенно цветных металлов. Репрессирован в 1949 г., после реабилитации в 1954 г. работал в Министерстве геологии РСФСР руководителем управления минеральных ресурсов (сведения Г.Е.Мирсчин).

18. *Шаманский Лев Иосифович*, профессор, заведовал кафедрой разведывательного дела Иркутского горного института (ныне — Политехнический институт). Умер в заключении (сведения Ф.И.Вольфсона).

19. *Шахов Феликс Николаевич* (1894-1971), член-корреспондент Сибирского отделения АН СССР. Арестован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г. (сведения А.П.Солового).

20. *Шейнманн Юрий Михайлович* (1901-1974), доктор наук, окончил Ленинградский горный институт. Работал в Геологическом комитете (Ленинград), затем 3 года в Иркутске, потом снова в комитете в Москве. Первый раз арестован в 1938 г.

(после геологического конгресса), осужден на 8 лет (провел в Норильсклаге). В 1945 г. освобожден и переведен в Ангарскую экспедицию Красноярского управления. В 1947 г. вернулся в Москву. Арестован второй раз в 1949 г. и до 1954 г. отбывал срок в Магадане. Реабилитирован в 1954 г. Работал в Москве в Аэрогеологии, потом во Всесоюзном институте минерального сырья, затем в Институте физики земли (сообщение дочери Г.Ю.Гаген-Торн).

21. *Эдельштейн Яков Самойлович* (1869-1951), геолог широкого профиля, геоморфолог, профессор Ленинградского университета, знаменитый лектор, заслуженный деятель науки. В 1948 г. был судим в Министерстве геологии "судом чести" за космополитизм. В 1949 г. арестован по "Красноярскому делу". По свидетельству А.Г.Вологодина и письму и свидетельству дочери Эдельштейна, был содельцем всех репрессированных по делу 1949 г. Умер в тюрьме в возрасте 84 лет.

Итак, из 27 человек мы можем назвать пока 21 имя. Остальные похоронены в архивах КГБ. Следствие по "делу", начатое с обвинения в сокрытии месторождений урана, постепенно расширялось и перешло в более широкое обвинение в том, что "вредители-геологи" вообще скрывают от правительства месторождения полезных ископаемых в Сибири. Вызывает удивление, почему до сих пор не привлечены к уголовной ответственности те, кто вел следствие. Это позорное "дело" полностью провалилось. Все осужденные были реабилитированы одновременно, как свидетельствует В.М.Крейтер. Вот что пишет профессор Крейтер Н.С. Хрущеву, вернувшись из лагеря:

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу Н.С.Хрущеву

В 1949 г. при помощи клеветы и использования недостойных лиц бывший сотрудник газеты "Правда" Шестакова Анастасия Федоровна сумела обвинить в глазах Берия и Абакумова и посадить за решетку 27 геологов, в том числе 4 академика и членов-корреспондентов АН СССР и 10 профессоров, докторов геолого-минералогических наук. Все эти лица безвинно отбыли 5 лет наказания. Из них умерло в тюрьме и лагерях 6 человек, в том числе академик И.Ф.Григорьев, профессора Котульский В.К., Эдельштейн Я.С., Шаманский Б.Л., Гуревич М.И., Ромм Я.М.

Оставшиеся в живых, равно как и погибшие в тюрьмах и лагерях геологи, полностью реабилитированы решением Верховного суда СССР от 31 марта 1954 г.

Шестакова несет огромную ответственность не только за заключение и смерть геологов, но и за многие сотни миллионов рублей, бесцельно и безответственно растраченных Енисейстроем, за несправедливую пощечину тысячам геологов, которые учились и работали по книгам репрессированных профессоров. Она отвечает и за то, что 5 лет огромнейшие средства направлялись на ликвидацию последствий никогда не существовавшего вредительства. Эта матерая клеветница, которая еще в январе 1953 г. приходила в г. Красноярск в лагерь посмотреть, по ее выражению, своих арестантов, живет до сих пор в доме ЦК КПСС и практически остается безнаказанной. Полная безнаказанность Шестаковой А.Ф. и своеобразная неприкосновенность ее личности удивляют и оскорбляют геологическую общественность. Нам совершенно не ясно, почему Шестакова до сих пор не ответила за свою изощренную, злобную клевету, принесшую гибель людей, огромный вред геологическому производству, бесполезную затрату огромных средств и т.д. Поэтому мы обращаемся именно к Вам, Никита Сергеевич, так как убеждены в Вашей справедливости и умении быстро обнаружить истинных виновников.

Доктор геолого-минералогических наук профессор Минцветзолота Крейтер Крейтер Владимир Михайлович Котельническая наб., 17а, кв.2".

Это "дело" — пример чудовищного произвола. Из рассказов тех, кто остался в живых и вышел (Крейтер, Вологдин, Русаков), мы знаем их тюремно-лагерную биографию, знаем, что допросы велись так, будто это были фашистские застенки:

их избивали, пытали; знаем, что их заставляли оговаривать не только себя, но и тех, кто еще был на свободе. Подвергался пыткам Владимир Михайлович, которого заставляли дать клеветнические показания на его ближайшего друга, известного геолога-теоретика, члена-корреспондента АН СССР В.А.Николаева, а также на ученика Крейтера В.И.Смирнова. Владимир Михайлович предпочел оговорить себя, но не предал никого. Не подписал ни одного протокола допроса и умерший от пыток И.Ф.Григорьев.

В списке осужденных в 1949 г. — имена выдающихся ученых и замечательных людей. Заслуживает внимания биография каждого из них, здесь подробнее остановимся на судьбе двоих.

Академик Иосиф Федорович Григорьев — ученый-энциклопедист, честнейший и благороднейший человек. Коренной петербуржец. Окончив классическую гимназию, он в 1908 г. поступил в Горный институт.

В начале столетия в этом институте был собран первоклассный преподавательский состав: великий русский ученый Е.С.Федоров читал кристаллографию и петрографию; блестящий педагог, профессор В.В.Никитин преподавал минералогию; геологию вел знаменитый геолог и великолепный лектор профессор Иван Иванович Мушкетов, а после него кафедру возглавил К.П.Богданович. Специальные горные дисциплины читались профессорами: В.Н.Бауманом — основателем отечественной маркшейдерской школы и И.А.Тиме — крупнейшим представителем горной науки. Общеобразовательные дисциплины преподавали талантливые профессора: И.П.Долбня (математика), Д.П.Коновалов и Н.С.Курнаков (химия), М.А.Штелен и В.Ф.Миткевич (физика). Выпускники института были горными инженерами самого высокого класса и учеными широкого профиля.

Профессура Горного института, попавшая в мясорубку революции в ее первое десятилетие, была ненавистна тем, кто стал править государством, и репрессии начались с первых ее лет. Резко упали подготовка и качество специалистов, кончавших институт после 1930 г.

И.Ф.Григорьев, закончив учебу в 1916 г., занимался изучением геологии Алтая, Урала, Казахстана, Грузии. Выполнял многочисленные экспертизы на севере страны (Норильский р-н) в Западной Сибири, на Колыме. Иосиф Федорович был один из первых организаторов нового направления в геологии — экспериментальной минералогии. Развивая начатый в свое время К.П.Богдановичем "Курс месторождений полезных ископаемых", он первый составил и стал читать курс лекций "Рудные месторождения" в Горном институте (в Ленинграде) и в Московской горной академии (1929-1935 гг.). В 1921 г. впервые в Советском Союзе И.Ф.Григорьев начал читать в Горном институте новую научную дисциплину — минераграфию, точный метод определения оптических констант в непрозрачных рудных минералах. Его работа по изучению алтайских руд в отраженном свете является первым исследованием с применением минераграфии. Полиметаллические месторождения Алтая, детально изученные Григорьевым, как оказалось, содержали одновременно в промышленных масштабах руды свинца, меди, цинка. Присутствуют в этих рудах также благородные металлы. Разведка этого месторождения показала, что Алтай стоял на первом месте в России по серебру и свинцу. Также значительны его работы по оловянно-вольфрамовым месторождениям СССР. В этой области он пионер.

Для многогранной деятельности этого исключительно эрудированного ученого характерно сочетание научных исследований с решением сложных народнохозяйственных задач, касающихся расширения минерально-сырьевой базы страны. С именем И.Ф.Григорьева связано также начало металлогенических исследований. т.е. проблемы закономерностей расщепления оруденений на территории СССР. В дальнейшем металлогения становится одним из главных направлений в современной геологии.

Талантливость И.Ф.Григорьева была признана в самые ранние годы его научной деятельности. В 1918 г. он был избран геологом, а в 1927 г. — старшим

геологом Геологического комитета. В 1933 г. Иосиф Федорович, уже широко известный ученый в области геологии рудных месторождений, был приглашен на работу в Геологический институт АН СССР на должность заведующего рудным отделом. В 1941-1942 гг. он назначен заместителем директора, а в 1947-1949 гг. — директором этого института. Одновременно Григорьев исполнял обязанности заместителя академика-секретаря Отделения геолого-географических наук АН СССР. Понимая важность комплексных геологических исследований, новый директор уделяет много внимания перестройке вновь созданного Института геологических наук, разрабатывая в нем практически все научные направления геологии (стратиграфию, тектонику, минералогию, петрографию, учение об эндогенных месторождениях, геохимию, металлогению).

С 1939 по 1946 г. И.Ф.Григорьев работал также заместителем председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР. Во время Великой Отечественной войны он возглавлял Казахский филиал АН СССР и был членом Комиссии по мобилизации природных ресурсов на нужды обороны страны. Выдающиеся научные заслуги И.Ф.Григорьева и его огромный авторитет среди советских и зарубежных геологов способствовали избранию его в 1939 г. членом-корреспондентом, а в 1946 г. — действительным членом АН СССР. В 1944 г. он был назначен членом Высшей аттестационной комиссии при Комитете по делам высшей школы, а в 1947 г. — членом научно-технического совета Министерства геологии СССР. С 1945 по 1947 г. он был главным геологом Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья.

Большая и плодотворная деятельность ученого неожиданно оборвалась арестом 31 марта 1949 г. Арест и обыск в его квартире проводили полковник МГБ, два майора и два капитана, предъявившие ордер на арест, подписанный Абакумовым (один из майоров — Власов, один из капитанов — Воронов). Обыск продолжался сутки; делавшие обыск варварски обращались с книгами, вырывали дарственные надписи, взяли 5 мешков с бумагами, папками, 300 фотографий. Кабинет печатали, Иосифа Федоровича увезли. В тюрьме, во время допросов, он не подписал никаких протоколов, никого не оговорил, как ни старались палачи. Суда не было. Приговор был вынесен ОСО МГБ СССР 28 октября 1950 г.: 25 лет без права переписки с конфискацией имущества. Из квартиры вывезли мебель, посуду, одежду не только осужденного, но и всех членов семьи. Семья Иосифа Федоровича перенесла тяжелые испытания. Несчастье было довершено насильственным вселением в бывший кабинет академика женщины с открытой формой туберкулеза, а затем человека, состоявшего на учете в психиатрическом диспансере, в прошлом сотрудника КГБ, который терроризировал семью на протяжении 10 лет. После реабилитации покойного ученого жена и сын требовали освобождения комнаты в своей квартире и добились этого только через 20 лет (в 1974 г.).

Обвинение было нелепо и настолько не имело никаких оснований, что семья осужденного подавала заявление о реабилитации много раз в период с 1949 по 1954 г. Ответ всегда был один: "В связи с Вашей жалобой по поручению административного отдела ЦК ВКП(б) военной прокуратурой войск МГБ СССР дело по обвинению Иосифа Федоровича Григорьева проверено. Установлено, что Григорьев И.Ф. осужден правильно и оснований к пересмотру решения по его делу нет. — Подпись: военный прокурор войск МГБ". Все отказные справки имеют один номер следственного дела: 2/2 28064 — 49. В 1954 г. была реабилитация, которая звучит странно: "Постановление Особого совещания от 28 октября 1950 г. отменено, и дело за недоказанностью обвинения производством прекращено". Следовало бы сказать: дело прекращено за отсутствием состава преступления, и обвиняемый полностью реабилитирован. Возмутителен текст реабилитационной справки, где расчетливо скрывается преступление правительства и аппарата тех лет.

Последними в результате следствия, проводившегося с нарушением законности, были арестованы академик М.П.Русаков и профессор, доктор геолого-минералогических наук В.М.Крейтер. Им, как и всем другим арестованным по "делу геологов", инкриминировались неправильная оценка и заведомое сокрытие мес-

торождений полезных ископаемых, вредительство и большинство пунктов статьи 58 Уголовного кодекса: шпионаж, контрреволюционная агитация и др. Владимир Михайлович был осужден Особой комиссией на 25 лет заключения с конфискацией имущества, однако это не помешало "вредителя" Крейтера направить работать в качестве геолога Енисейстроя.

Владимир Михайлович Крейтер, основоположник отечественной школы разведчиков недр, создатель учения о методике поисков и разведки месторождений полезных ископаемых, заслуженный деятель науки и техники, родился 24 октября 1897 г. в г. Кузнецке в семье учителя. В 1915 г. он закончил реальное училище и поступил в Петербургский горный институт. Обучение в институте было прервано империалистической, а затем гражданской войнами, а также прерывалось практической работой в геологоразведочных партиях. В 1923 г., еще формально не окончив Горный институт, В.М.Крейтер начал работать геологом в Каменноугольном тресте на Урале, а с марта 1926 г. был назначен начальником Восточнозабайкальской разведочной партии. Окончил институт Владимир Михайлович только в 1928 г., будучи уже старшим геологом Геологического комитета при ВСНХ СССР (ныне ВСЕГЕИ). Он высоко ценил традиции Горного института и гордился тем, что получил в нем геологическое образование.

В 1929-1939 гг. В.М.Крейтер был командирован в США и Мексику для изучения зарубежного опыта геологоразведочных работ и ознакомления с месторождениями полезных ископаемых новых для СССР типов. Вернувшись на Родину, он использовал накопленный опыт для проведения экспертной геолого-экономической оценки вновь выявленных месторождений, в первую очередь медно-порфирировых, свинцово-цинковых, скарновых, вольфрамовых и др.

В.М.Крейтер уделял много внимания и вопросам техники геологоразведочных работ. Изучив в США опыт дробового бурения, он способствовал его внедрению в Советском Союзе. В начале 30-х гг. страна испытывала большие трудности из-за отсутствия отечественных алмазов и валютных средств на их покупку. Введение дробового бурения, которое В.М.Крейтер осуществил при проведении работ в восточном Забайкалье, на многие годы решило техническую проблему бурения. Главные научные интересы В.М.Крейтера лежали в области методики поисков и разведки полезных ископаемых, анализа структур рудных полей и месторождений, оценки месторождений по их выходам. Его разработки имели конкретную практическую направленность, они всегда были важным вкладом в народное хозяйство.

Владимир Михайлович активно участвовал в делах горной промышленности, был экспертом и консультантом геологической службы цветной металлургии, химической промышленности, Северного морского пути и постоянным экспертом Всесоюзной комиссии по запасам. Разработанное им понятие о промышленном типе месторождений заложило основу геолого-экономической оценки разведываемых месторождений, в понимании необходимости которой В.М.Крейтер был первопроходцем. Он сам разведкал и дал геолого-промышленную оценку многим месторождениям рудных полезных ископаемых в нашей стране, в том числе таким важным объектам, как Блява, Каджаран, Миргалимсай и др.

В годы Великой Отечественной войны проявился талант В.М.Крейтера-эксперта, когда ему пришлось давать ответственные заключения о возможности ускорения промышленного освоения как ранее известных, так и только что открытых рудопроявлений и месторождений оборонных видов минерального сырья, расположенных в восточной части страны, которые должны были заменить горнодобывающие мощности, оказавшиеся на занятой врагом территории.

Первое научное обобщение идей о поисках и разведке полезных ископаемых нашло отражение в учебнике "Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых", написанном В.М.Крейтером в 1940 г. Этот фундаментальный труд был защищен им в качестве докторской диссертации и стал настольной книгой всех отечественных геологов-разведчиков. Хочется подчеркнуть, что после ареста

В.М.Крейтера студентам предписывалось вернуть эту книгу в библиотеки, а геологам-практикам уничтожить ее как детище "врага народа". Однако почти все студенты одновременно "потеряли" учебник, а геологи убрали его со стола в стол. Многие геологи продолжали пользоваться трудами В.М.Крейтера в своей работе, тем самым не признавая выдвинутых против него обвинений. Эта основополагающая работа была переработана автором и дважды переиздана. Она переведена на английский, французский, испанский, китайский и другие языки.

Педагогическая деятельность В.М.Крейтера началась в 1933 г. в Московском геологоразведочном институте, где он возглавлял кафедру разведочного дела, а с 1935 г. — и в Московском институте цветных металлов и золота. В 1941–1943 гг. он читал курс лекций по методике разведки студентам старших курсов горного факультета Среднеазиатского индустриального института. В конце 50-х гг. Владимир Михайлович выезжал в Китай для чтения лекций в геологических вузах Пекина.

С 1962 г. Владимир Михайлович заведовал кафедрой в Университете дружбы народов им.Патриса Лумумбы. И здесь он отдавал все свои знания и яркий педагогический талант для подготовки кадров высококвалифицированных специалистов-геологов для развивающихся стран, создающих собственную геологоразведочную службу. В Университете дружбы народов ежегодно в день рождения В.М.Крейтера проводятся традиционные научные чтения. Его именем названо хромитовое месторождение в Судане, открытое одним из выпускников этого университета.

Стремление к преподавательской деятельности было свойственно Владимиру Михайловичу. В своих учениках он особенно ценил оригинальность мышления, умение обосновать и отстаивать свою точку зрения. Он щедро раздавал ученикам свои идеи. Многие из его учеников украсили геологическую науку нашей страны: академик В.И.Смирнов, доктора геолого-минералогических наук В.В.Аристов, Г.Д.Ажгирей, В.Н.Козеренко, Д.И.Горшевский, Д.П.Резвой, В.А.Невский, Е.М.Лазько, Н.П.Ермаков и др.

В.М.Крейтер был яркой, артистической натурой, энциклопедически образованным, демократичным и доброжелательным человеком. Он был предан своей науке, но его интересы выходили далеко за ее пределы. Главным увлечением Владимира Михайловича была литература, особенно поэзия, которую он хорошо знал и любил. Он шутил, говоря, что может прочитать стихи от Тредиаковского до Маяковского. Не меньший интерес он проявлял к истории, особенно к истории России, часто повторяя, что, не зная истории, невозможно правильно осознавать настоящее. Владимир Михайлович любил и знал театр, более всего ценил он Художественный и Вахтангова.

Неординарность натуры помогала ему в годы заключения стойко переносить все тяготы. Он даже заслужил "одобрение" одного из следователей, который сказал другому, менее твердому духом подследственному: "Что Вы раскисли, как баба? Вот Крейтер каждый день делает зарядку и учит наизусть Пушкина". Это было действительно так. Владимир Михайлович рассказывал своей жене Д.С. Крейтер, что когда он 8 мес. находился в одиночной камере в Лефортовской тюрьме, то попросил какую-нибудь книгу, и ему дали томик А.С.Пушкина. Ученый считал Пушкина своим спасителем, помогавшим ему разгружать мозг от невыносимо тяжелых мыслей.

В 1953 г. у Владимира Михайловича случился инсульт, и он был переведен в лагерную больницу. В результате лечения речь восстановилась очень скоро, а движения руки и ноги остались ограниченными до конца жизни. Когда Владимир Михайлович поправился, он снова вернулся в лагерь и продолжал свою работу в Енисейстрое.

Постановлением от 31 марта 1954 г. Военной коллегией Верховного суда СССР В.М.Крейтер был реабилитирован. Освобождение Владимира Михайловича было счастливым событием не только для него, но и для всех его близких, учеников.

Он вернулся больным, но не сломленным духом человеком, много и активно работал. По возвращении Владимир Михайлович переработал и подготовил к переизданию книгу "Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых", закончил книгу "Структуры рудных полей и месторождений", написал много статей, под его редакцией были выпущены книги по вопросам поиска и разведки месторождений. Во время почти 5-летнего заключения В.М.Крейтера не все его ученики и друзья вели себя этично, но он простил всех, кроме профессора И.С.Волынского, который был в течение 20 лет стукачом. Владимир Михайлович часто повторял: "Потеряв доверие к людям, нельзя жить и работать".

Крейтер скончался в канун 1966 г., не дожив до своего 70-летия. Его идеи не потеряли актуальности, они находят свое дальнейшее развитие в разработках его учеников и в научных направлениях ряда геологических институтов.

Итак, вырубался цвет науки, уничтожались ученые, создавшие теорию образования месторождений полезных ископаемых. Работы этих ученых имели и огромное практическое значение. В результате геология была обезглавлена. Расправ ученых, беззаветно отдававших себя интересам и нуждам страны, развернули злобную кампанию по уничтожению их работ. Ликвидировались книги, учебники, результаты фундаментальных исследований. Что руководило стремлением истребить самые высокие умы; чем объяснить злобную зависть к таланту, враждебность всякой добросовестной работе — все это трудно понять. Можно только сказать, что это отразилось на нравственном уровне всей страны.

Сейчас к судьбам людей, прошедших ад, должно быть привлечено внимание общества. Для этого должен быть раскрыт архив КГБ по делу геологов 1949 г. Однако нельзя ограничиваться желанием раскрыть архивы только для истории. Хотя явных массовых репрессий уже давно нет, память вновь возвращает нас к трагическим событиям относительно недавнего прошлого, например времен застоя. Эти события нигде не записаны и никогда не будут храниться в архивах: убийства и избиения бывших репрессированных, так называемых диссидентов, людей, подозревавшихся в неугодных настроениях, — одним словом, всех тех, кто стремился разоблачить действия органов, "стоявших на страже порядка"; обыски под видом грабежа и убийства под видом бандитизма. У всех в памяти избиение академика Д.С.Лихачева, гибель Константина Богатырева — известного переводчика австрийского поэта Рильке. Богатырев был так избит у дверей своей квартиры, что умер в больнице. Известно также убийство детей-подростков в семье одного из репрессированных.

Выступление Игоря Иосифовича Пятницкого в Доме кино на собрании, посвященном выдвижению А.Д.Сахарова в депутаты Верховного Совета, показывает, что подобные экстремистские действия имели место не так давно. И.И.Пятницкий рассказывал собранию, что его брат Владимир, член академической группы ленинградского "мемориала", председательствовал на одном из заседаний. Через два дня, когда он возвращался домой, в подъезде дома на него накинули удавку, стали душить и бить. Били по голове, по ногам; избили до того, что он стал инвалидом. Игорь Иосифович потребовал, чтобы органы общественного порядка защитили людей от подобного. Трое членов ленинградского "Мемориала" были сбиты машинами и получили серьезные травмы. Невольно приходят на ум исторические аналогии. Почему Иван Грозный убивал враждебного ему боярина, убивал всю его семью вплоть до малых детей? Потому что понимал: в будущем его ждет месть потомков.

Как бы то ни было, но в обществе сформировались негативные представления об органах, которые под видом охраны общественного порядка и обеспечения безопасности граждан в обход закона действовали тайно, убирая неугодных. Поскольку основания для таких предположений есть, эти учреждения с целью искупления вины перед обществом (покаяния!) должны открыть свои архивы.

СУДЬБЫ УЧЕНЫХ

Э.И.Колчинский

**ВЗГЛЯД ИЗ РЕКТОРАТА НА БИОЛОГИЮ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(Интервью с академиком А.Д.Александровым)**

Крупный советский математик Александр Данилович Александров в 1952-1964 гг. был ректором Ленинградского государственного университета. В эти годы продолжала процветать политика надзора министерств и партийных комитетов за подбором кадров и содержанием учебных программ. В биологии по-прежнему существовали псевдонаучные измышления типа "творческого дарвинизма" Т.Д. Лысенко и "клеточной теории" О.Б.Лепешинской, которые еще находили высоких официальных покровителей. Так, первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев не только всячески поддерживал Лысенко, но даже добился включения в программу КПСС положения о необходимости развития мичуринской биологии. И хотя в стране начался процесс возрождения генетических исследований, оценки и выводы августовской сессии ВАСХНИЛ не подвергались сомнению в официальной идеологии.

Вместе с тем в стране развернулась борьба с лысенковщиной. Наряду с Ботаническим институтом АН СССР одним из главных центров этой борьбы стал Ленинградский университет. Преподаватели и профессора этого университета выступили застрельщиками дискуссии по виду и видообразованию, которая фактически положила начало ревизии итогов августовской сессии ВАСХНИЛ и в значительной степени подорвала абсолютную монополию антидарвинистских воззрений Лысенко в печати. На биолого-почвенном факультете ЛГУ была возрождена кафедра генетики, заведующий которой М.Е.Лобашев написал первый учебник по генетике, а университет выпустил его в свет. Эти события стали возможны благодаря твердой антилысенковской позиции, занятой ведущими учеными факультета (Н.Л. Гербильский, Г.А.Новиков, Ю.И.Полянский, А.Л.Тахтаджян и др.), а также неизменной поддержке их со стороны ректората. Ректор университета академик А.Д. Александров постоянно выступал с поддержкой решений ученого совета биолого-почвенного факультета и предпринимал все возможные меры для предотвращения некомпетентных вмешательств в преподавание и научную деятельность.

О некоторых событиях, связанных с парированием подобных вмешательств со стороны Министерства высшего и среднего образования РСФСР, и шла речь в интервью с академиком А.Д.Александровым, которое провели Д.А.Александров и Э.И.Колчинский.

Вопрос. Какое впечатление сложилось у Вас об обстановке на биолого-почвенном факультете при вступлении в должность ректора ЛГУ в 1952 году?

Ответ. Первая запомнившаяся мне официальная встреча с ведущими преподавателями факультета состоялась по поводу приказа министра высшего и среднего

образования РСФСР о внедрении в курсы лекций учения О.Б.Лепешинской. Я пригласил биологов к себе в кабинет и сообщил им о содержании этого приказа. Все согласились и разошлись. Дней через пять я встретил одного из участников этого совещания и в разговоре с ним выяснил, что он считает учение Лепешинской "собачьей чушью" и не собирается о нем говорить на лекциях. Потом аналогичный разговор был еще с одним участником совещания, и я понял, что почти все профессора факультета не признают измышления Лепешинской, а лишь имитируют свое согласие. Правда, среди факультетской профессуры был заведующий кафедрой цитологии П.В.Макаров, который, хотя также понимал абсурдность концепции Лепешинской, поддерживал ее повсюду из каких-то соображений. Но это уже не имело значения в университете. Хотя мне был преподан урок, что не всегда биологи готовы открыто высказывать и отстаивать свои взгляды, мы познакомились. Вся министерская затея с Лепешинской закончилась ничем: приказ министра попросту не был выполнен. И это не один такой был случай, когда мы на министерские приказы не обращали внимания.

Вопрос. В январе 1954 года на философском семинаре биолого-почвенного факультета (руководитель семинара — заведующий кафедрой дарвинизма К.М.Завадский) состоялась оживленная дискуссия по проблемам вида и видообразования. В этой дискуссии участвовали и Вы. Что побудило Вас, математика по специальности, выступать по сугубо биологическим проблемам?

Ответ. Дело не в том, что я — математик, а в том, что я был ректором. Я, знаете, относился к ректорству не как к креслу, а как к долгу перед университетом. Мой долг был защищать науку в стенах университета всеми возможными способами. Способы разные были... Вот нужно было выступать на совещании... И до этого совещания началась борьба с Лысенко. Тогда кафедрой генетики на факультете заведовал Н.В.Турбин. В свое время он поддерживал Лысенко. Правда, видимо, все, кто после 1948 года остался на факультете, в какой-то степени были небезгрешны в этом отношении. Кто оставался тверд и непоколебим, тот изгонялся с факультета. И таких было очень мало. Но тот же Турбин и начал борьбу с Лысенко в Ленинграде. Он на заседании Ленинградского общества естествоиспытателей выступил (заседание специально было против Лысенко), статьи против начал писать. Поскольку выступления против Лысенко было делом серьезным, то и все такие заседания биологи проводили в актовом зале. А раз актовый зал, — то дело приобретает общеуниверситетское значение, публичный характер — становится общественным действием.

Критику Лысенко все начинали с проблемы вида и внутривидовой борьбы. Во-первых, никто тогда с решениями сессии ВАСХНИЛ спорить не решался, и при публичных выступлениях их хвалили. Во-вторых, про вид-то всем биологам и небиологам уже было ясно, что идеи абсурдны. И надо было ясной критикой подорвать авторитет Лысенко у власти предрержащих.

Кстати, а про наследование благоприобретенных признаков далеко не всем было ясно, что это чепуха. Я отлично помню, как мой знакомый биолог, однокурсник моей сестры, на мой вопрос о Лысенко и генетиках (он был прекрасный физиолог растений) с искренним энтузиазмом сказал: "Дело в том, что Лысенко — гений, а все — пигмеи". И он не одинок был, по крайней мере до самой августовской сессии 1948 года. Тогда политика перекрыла уже все мысли о науке...

В этих-то условиях и была в актовом зале университета затеяна большая дискуссия по виду и видообразованию. С основным докладом выступил Турбин. Особых споров не было. Большинство выступавших были согласны с тем, что точка зрения Лысенко вздорна. Но мне запомнилось выступление философа В.И.Колодяжного, который заявил, что все эти вопросы надо рассматривать, опираясь на суждения классиков марксизма-ленинизма, а также на экспериментальные данные. Это у нас вообще так любили и любят делать: сперва опираться на начальство, философию и тому подобное, а потом уже — на эксперименталь-

ные данные... Ну, ведь у нас любое решение не специалисты принимали, а обкомы или ЦК КПСС: канал Волга — Чограй, поворот рек... Почему-то еще в медицине хоть не спрашивали у обкома или парткома, какую операцию больному делать... Впрочем, мы сейчас не об этом...

Выступал я в самом конце — "прикрывал собой дискуссию", поддержав и Турбина, и других выступавших биологов. Тогда, конечно, приходилось делать все осторожно, и в своем выступлении я сказал, что выступавших ни в коем случае обвинить в ревизии решений сессии ВАСХНИЛ нельзя и никто-де и не собирается ее ревизовать, а критикуют взгляды Лысенко, о которых и речи на сессии 1948 года не было. И я знаю, что биологи были рады тому, что я пришел, и тому, как выступал.

В этой истории Турбин получил поддержку не только на факультете, но и в ректорате. Правда, опасаясь возможных репрессий, он все-таки решил уйти из университета. Избрание действительным членом Белорусской академии наук позволило ему покинуть университет. Он переехал в Минск.

Вопрос. А какие последствия эта дискуссия имела для ее организаторов? Были ли попытки административных мер против них?

Ответ. Прямо связанных с дискуссией подобных попыток я не припомню. Но после дискуссии оживились действия министерства, направленные на возвращение ближайшего сподвижника Лысенко — И.И.Презента. Презент заведовал кафедрами дарвинизма и в Москве, и в Ленинграде одновременно. В течение ряда лет он буквально терроризировал преподавателей нашего университета. Мой предшественник на посту ректора А.А.Ильюшин и секретарь партбюро университета В.И.Лебедев приложили немало усилий для изгнания этого негодяя с факультета. Это удалось сделать только в ноябре 1951 года. Презенту тогда инкриминировалось: развал научной и педагогической работы на факультете, нарушение дисциплины, приписывание часов занятий, которые проводили другие сотрудники кафедры, засорение лабораторий физиологии растений и физиологии развития животных сотрудниками, непригодными к научной работе. Не был он чисто плотен и в моральном отношении. Не помню точно, но, кажется, ему в довершение всего пришли троцкизм. За все это он был уволен и исключен из партии. Однако, используя высокие покровителей, весной 1953 года Презент восстановился в партии и стал добиваться возвращения в университет. Кафедрой дарвинизма тогда заведовал К.М.Завадский. И вот пришел приказ из Министерства высшего образования РСФСР о возвращении Презента и увольнении Завадского. Я все время ругался по поводу этого приказа с заместителем министра М.А.Прокофьевым, которому пытался объяснить, что неприлично выгонять с работы Завадского, вполне справляющегося со своими обязанностями. Но министерство продолжало настаивать.

И вот в мае 1954 года проходил партактив Ленинграда, посвященный "ленинградскому делу". На совещании присутствовал и Н.С.Хрущев, который предложил отметить 250-летие основания Ленинграда позднее реальной даты. Помню, я как-то сказал по этому поводу историку С.И.Ковалеву, что из-за "ленинградского дела" придется историкам доказывать, что Петербург основан не в 1703 году, а позже.

Выступая на активе, я и брякнул, что к нам министерство внедряет Презента, а я этому препятствую и не выполняю приказ. Раздались аплодисменты. Хрущев бросил реплику: "Ваша точка зрения меньшевистская. Как это Вы не выполняете приказы?" А в заключительном слове в конце партактива Хрущев кричал: "Как это ректор не выполняет приказы? За это с работы снимают, за это из партии исключают, а в военное время — расстреливают". Нельзя сказать, что меня его высказывания напугали. И действительно, через несколько дней секретарь по идеологии Н.Д.Казьмин передал свой разговор с Хрущевым. Оказалось, что тот был возмущен не столько моими словами, сколько последовавшими за ними аплодисментами. Хрущев уверял, что вынужден был парировать подобное одобрение невыполнений приказов. Хрущев спросил у Казьмина, как я работаю, и,

получив положительный отзыв, сказал: "Ну пусть и дальше работает". Поэтому я испытываю весьма теплые чувства к Хрущеву. Он хотя и был дикий, но все-таки человекообразный. Вспоминаю свой разговор с Турбиным по поводу истории с Презентом. Он сказал: "Александр Данилович, не сдавайтесь. Если Вас и выгонят, вы уйдете в лучах славы".

На следующий день после партактива Презент пришел в университет, будучи уверен, что его обязательно восстановят, но получил отказ. На этом история не закончилась. Вскоре я получил приказы министра В.Н.Столетова и зам.министра В.П.Елютина — с требованием уволить Завадского. Я их опять проигнорировал. Как сказал Пушкин: "Но ты останься тверд, спокоен и угрюм". Правда, Казьмин еще не раз вызывал меня в обком и требовал, чтобы уволили Завадского, так как в противном случае уволят и Александрова, и Казьмина. Иногда вместе со мной вызывали и секретаря парткома университета Бережного. Но мы и вдвоем, потупив головы, отвечали: "Мы не можем". Единственное, на что мы согласились, — исправить запись в трудовой книжке Презента. Мы вписали, что в соответствии с приказом министерства отменяется приказ ректора об увольнении Презента за нарушение дисциплины и т.д., и записали, что он уволен в связи с переходом на другую работу. Так вроде и приказ министра выполнили, и Презента не пустили на факультет.

Вопрос. В книге Р.Л.Берг "Суховой", напечатанной в Нью-Йорке, сказано, что она все время подвергалась гонениям в университете, ее держали на полставки ассистентом, а Вы были ее защитой от гонителей.

Ответ. Да, я оказывал ей содействие в организации общеуниверситетского семинара по кибернетике и математической биологии. Более того, без подобной поддержки семинар вряд ли мог бы существовать, поскольку кибернетика тогда подвергалась таким же гонениям, как и генетика. Я был как-то на собрании партактива в Московском университете, где секретарь парткома сказал, что где-то кто-то занимается кибернетикой, а мы это не контролируем. После партактива я пришел в ЦК КПСС и сказал заведующему отделом науки, что это было заседание не университета, а жандармского управления. Подобные силы были и у нас в университете, и в ленинградских партийных кругах, которые старались подвести под семинар различные "мины". Естественно, я защищал кибернетику и ее сторонников. Что касается полставки Р.Л.Берг, то здесь, видимо, были всяческие пакости, связанные с ее национальностью. Возможно, у меня даже был насчет нее какой-то разговор с С.И.Катькалой, который уже тогда был заведующим отделом кадров, чтобы ей не чинили препятствий. Не помню...

Вопрос. Ленинградский университет был первым среди высших заведений, где был восстановлен курс подлинной генетики, началась подготовка генетиков и был даже выпущен учебник М.Е.Лобашева "Генетика". Как могло такое произойти, если уже к середине 50-х годов отчетливо проявились симпатии Хрущева к Лысенко и соответственно его неприязнь к генетике? В 1958 году, исполняя его распоряжение, Президиум АН СССР даже разогнал редакцию "Ботанического журнала", которая возглавлялась В.Н.Сукачевым, ставшим к тому времени лидером антилысенковской борьбы в биологии.

Ответ. После избрания Н.В.Турбина академиком в Белоруссию на место заведующего был приглашен крупный ученый и серьезный цитогенетик М.С.Навашин, но он весьма прохладно относился к своим обязанностям. Навашин был настоящим "менделелист-морганист" и даже никак не был замешан в лысенковщине, но на кафедре у него, может быть, характера не хватило... или здоровья. Сам он лекций не читал, а в целом на кафедре продолжали работать сторонники мичуринской генетики. Ну, то есть, может быть, и не все сторонники были, но официально и внешне все было очень мичуринское.

В 1957 году Навашин отказался от заведования кафедрой, и началась борьба вокруг места. Большинство сотрудников факультета высказывались в пользу М.Е.Лобашева, который был изгнан с факультета после августовской сессии

ВАСХНИЛ. Но против него повели кампанию люди вне университета, поддержанные Н.П.Дубининым. Тогда я впервые столкнулся с Дубининым и ознакомился с его методами. Против Лобашева был выдвинут Д.Ф.Петров. Он весьма эффектно выступил на ученом совете университета, обвиняя Лобашева в лысенковщине. Но ничего не вышло. Ученый совет предпочел Лобашева.

Лобашев много сделал для возрождения генетики в университете. Сам читал лекции и приглашал для чтения лекций крупнейших специалистов. На кафедре дарвинизма читала курс лекций по эволюционной генетике Р.Л.Берг. Кстати, по ее инициативе у меня состоялся разговор с Н.В.Тимофеевым-Ресовским на предмет его устройства на работу в университет, но он по какой-то причине не проявил серьезной заинтересованности в этом предложении.

Неприятности начались, когда Лобашев сдал в печать свой учебник. В Горлите его начальник Шанин учебник не пропустил. Как объяснял мне проректор С.И.Тюльпанов, Шанину скоро предстояло уходить на пенсию, и он не хотел рисковать. Тогда я позвонил секретарю обкома А.П.Филиппову и сказал: "Александр Петрович, Вы прогрессивный человек, дайте указание издать учебник Лобашева. Там нет ничего о положении в советской биологии. Мичуринской биологии отдано должное. Это чистая наука". В ответ он меня спросил: "Вы ручаетесь?". И тут я почувствовал, как холодное лезвие гильотины коснулось моей шеи. Поэтому я напустил еще металлу в голос и твердо сказал: "Да, я ручаюсь". Учебник напечатали. Потом мне говорили, что Филиппов в Горлите сказал: "Пропускайте учебник. Ученые университета ручаются".

Все было бы хорошо, но профессор Сельскохозяйственного института М.Лебедев вылез на каком-то Пленуме ЦК КПСС с поношением лобашевского учебника. А у нас принято, если какой-нибудь дурак что-то сказал на пленуме, то это сразу превращается в директиву. Я не помню подробно всех событий, так как этим делом занимался проректор В.Ф.Барабанов. Но были интересные моменты. Министром высшего образования в РСФСР был тогда Всеволод Николаевич Столетов. Одним из его заместителей был некий Никишов. Он встречает меня, весь красный, глаза на ниточках. Говорит мне: "Из-за Вашего учебника речь идет о снятии Всеволода Николаевича". Суть дела была в следующем: из ЦК пошли такие флюиды, что мол, в Ленинградском университете крамола, министр виноват, надо его уничтожить.

Сельским хозяйством в ЦК КПСС ведал Д.С.Полянский, который на каком-то заседании облаял Столетова: мол, мы Вам покажем за этот учебник. Но Столетов был мудрый, как змий. Не менее мудрым был Председатель Совета Министров РСФСР Г.Воронов. Получив соответствующую бумагу из ЦК против учебника и нашего университета, Г.Воронов положил ее под сукно, не дал ходу. А Столетов, как положено, создал комиссию, включив туда и сторонников Лысенко, и его противников. Естественно, такая комиссия не могла прийти к единому выводу, зато заседали очень долго. Поэтому ничьи головы не полетели.

Благополучно все закончилось и в Ленинграде. Правда, первый секретарь обкома В.С.Толстиков грозил мне: "Мы Вас за генетику еще накажем!". Но я тогда твердо ответил ему: "Мы можем покаяться за пьянки студентов, за их драки с неграми. За генетику мы никогда каяться не будем. Это наука". Столь же тверды были и другие ученые университета. Так, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Ю.И.Полянский заявил на общеуниверситетском партсобрании, что как редактор книги полностью принимает на себя ответственность за ее содержание. Вскоре был снят Хрущев, и кошмары вокруг генетики закончились. Лысенко был осужден научной общественностью. Мы оказались полностью правыми.

Вопрос. Из Вашего рассказа следует, что за возрождение кафедры генетики, подготовку генетиков, выпуск учебника по генетике не было особых неприятностей. Шла обычная борьба, которая сопутствовала выпуску многих книг.

Ответ. Это не совсем обычная борьба. Во-первых, действительно могли и меня снять, и Лобашева выгнать. Это, знаете, не совсем обычная ситуация. Я Вам не

желаю таких ситуаций. Но это не главное. Главное, что она отличалась от всех остальных ситуаций тех непростых лет тем, что среди нас не было колеблющихся. Когда начались неприятности, я собрал всех крупных биологов и сказал, что в этих условиях не должно быть колеблющихся. Надо стоять насмерть. Самое страшное начинается тогда, когда под давлением сверху начинают говорить, что в критике есть рациональное зерно. Всякие страхи и колебания надо отбросить. Наша позиция должна быть твердой. Ничего нет — и точка. В учебнике — наука, и говорить больше не о чем. Все согласились. Никто из биологов не предал. И это сыграло большую роль в благополучном разрешении конфликта. Я даже могу сказать, что я счастлив, что работал с такими настоящими людьми, как Лобашев и Ю.И.Полянский. Благодаря таким людям университет и наука сохранились.

Вопрос. После разгона редколлегии "Ботанического журнала" был осужден и учебник по дарвинизму, подготовленный у Вас в университете. Среди его авторов были З.И.Берман, К.М.Завадский, А.Л.Зеликман, В.И.Полянский, С.С.Хохлов. Так вот, профессора Саратовского университета Хохлова вызвали в обком партии и потребовали или отказаться от участия в учебнике, или положить партбилет. Как эти события отразились на Вашей кафедре дарвинизма? Завадский говорил мне, что Вы его тогда защитили.

Ответ. Эти события как-то не запомнились мне. Возможно, от меня где-то и требовали отставки Завадского с заведования кафедрой. Я вспоминал только-что о таких случаях, но мне кажется, что это было в связи с Презентом.

У меня с Завадским всегда были хорошие отношения. Мы с ним часто беседовали о виде, о видообразовании. Собственно говоря, биология меня всегда интересовала. Я еще студентом физфака пришел к Догелю на кафедру зоологии беспозвоночных и сказал, что хочу заниматься биологией из общего интереса. Простейшие, по-моему, тогда мне были интересны. Тогда же прочитал книгу Т.Моргана "Структурные основы наследственности", книгу Ж.Леба об организме и другие разные книги. Но, конечно, совместить физику и занятия биологией (Догель предложил мне работу с микроскопом) было трудно. Так это ничем и кончилось.

Мне всегда было просто интересно общаться с биологами. Я помню, что говорил Завадскому о сходстве эволюции языков и видов, где изоляция играет главную роль в формировании нового. Но почему-то его это не заинтересовало. Так что мы не только какие-либо общие университетские или политические дела вместе делали, но и о науке разговаривали. В конце концов, ведь в науке поиски истины — самое интересное.

Вопрос. В 1959 году Завадский тяжело заболел, кафедра дарвинизма фактически осталась без заведующего и в конечном счете была закрыта. Пытались ли Вы как-то найти замену Завадскому? В частности, почему факультет отказал такому выдающемуся биологу-эволюционисту, как М.М.Камшилов?

Ответ. Подбор кадров — это было внутреннее дело факультета. Я в эти дела не вмешивался. Моя задача как ректора заключалась только в том, чтобы помогать биологам в случае опасности. В борьбе с лысенковщиной они, возможно, были столь тверды еще и потому, что знали, что руководство университета придет им на помощь в отстаивании науки. Я всегда считал, что наука — есть наука. И здесь никакие компромиссы невозможны. Маркс говорил, что считает низким человека, который пытается науку приспособить для своих целей. Именно таким человеком был Лысенко и его сподвижники.

Для меня такая позиция была полностью неприемлема. Иначе можно было вести себя только в сталинскую эпоху, когда за непослушание грозили тюрьма и смерть, то есть можно понять, почему в сталинское время люди на многое соглашались. Сейчас всех разоблачают за то, что они себя не так, как надо, вели в 30-е и 40-е годы. Это, знаете, сейчас легко делать. И ученых ругают — тех, что дрогнули в 40-е годы. А ведь те, кто сейчас их ругает, еще недавно сами сидели и помалкивали. Те же, кто решался и в 60-е или в 70-е годы что-то говорить, сейчас никого не разоблачают, а делают свое дело дальше. Многие из тех, кто

дрогнул после сессии ВАСХНИЛ или даже лысенковцем был, в 50-е годы стали защищать науку — было страшно, но уже не так.

А ведь и в 50-е годы люди дрожали. Писатели Пастернака осудили на изгнание. А я думаю, что дело было тогда не в Хрущеве, а в писателях. Если бы они не дрогнули и отказались, то и Хрущев бы одумался.

В 50-е годы нужно было бороться — здесь уже угрожала только потеря места, за которое я никогда не держался. И на биолого-почвенном факультете преобладала та же точка зрения. Мы действовали всегда вместе.

Кроме того, у меня уже был опыт такой деятельности даже в 40-е годы. Как-то в 1949 году один из сотрудников математико-механического факультета написал в ЦК КПСС письмо с разоблачением формализма в теории множеств. Эта ситуация обсуждалась на совещании у декана. Я выступил твердо против и сказал, что все это ерунда, здесь нет науки, а есть лишь желание подсидеть определенных людей. Партбюро предложило провести дискуссию. Хорошо. Я уже на следующий день утром приношу в партбюро тезисы о формализме в математике. Первый завладеваю трибуной и тем самым предопределяю ход разворачивающейся дискуссии — формализм мы раскритиковали, а в советской математике, а тем более в нашей университетской, никаких формалистов не нашли. Дискуссия прошла без так называемых оргвыводов. Инициатор ее, желавший разоблачить своих коллег, тогда пытался сказать, что дискуссию подменяют и уводят в сторону, ну и так далее. Но его уже никто не стал слушать. Внешне это, конечно, выглядело серьезно, а с нынешней точки зрения и скверно — идеализм в математике и все такое прочее. Но дискуссия уже была спровоцирована — письмо в ЦК было серьезным делом. И главное было — не дать погубить ученых и науку. Надо было действовать быстро и твердо.

Вообще твердость в научной позиции и энергичное ее отстаивание были очень важны во взаимоотношениях с партийными функционерами. Ведь им была совершенно безразлична суть обсуждаемых проблем. Их тревожила только угроза потерять место из-за "идеологических ошибок" людей, им подчиненных. И, наталкиваясь на непримиримость ученых, они часто отступали.

Э.И.Колчинский

ТРУДНЫЕ ГОДЫ НАУКИ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ФИЗИОЛОГА (Интервью с академиком А.М.Уголевым)

Вторая половина 40-х — начало 50-х гг. занимают особое место в истории отечественной науки. Победа в войне с Германией привела к росту самосознания народа, спасшего ценой громадных жертв человечество от фашизма. Этому способствовало и сохранение многих традиций отечественной культуры и науки, выживших, несмотря на страшные репрессии 30-х гг., которые уничтожили целые научные направления. И хотя страна лишилась многих выдающихся ученых, общий уровень исследований в большинстве областей естествознания оставался достаточно высоким и в целом соответствовал главным тенденциям развития мировой науки.

Подобное положение, однако, не устраивало тогдашнее руководство страной, которое еще в конце 20-х гг. посчитало необходимым приступить к созданию некой особой, доступной для понимания и руководства, дилетантской пролетарской науки, базирующейся на идеологии вульгаризированного диалектического материализма. И если в довоенные годы репрессиям подвергались лишь отдельные концепции и направления в области биологии, то начиная с 1948 г. шло тотальное преобразование всей биологии в советскую мичуринскую биологию (дискредитирующую, кстати, и работы самого Мичурина), отличающуюся от зарубежной науки и основанную на принципах "советского творческого дарвинизма" Т.Д.Лысенко, "новой клеточной теории" О.Б.Лепешинской и других псевдонаучных построениях. С этой целью была организована серия сессий различных академий наук, на которых громились целые отрасли биологии, а их создатели и приверженцы отлучались от науки, изгонялись с работы. Одновременно шла борьба с так называемым космополитизмом, в ходе которой делались попытки доказать, что все крупные открытия в различных областях науки и техники сделаны русскими учеными, а зарубежные исследователи в лучшем случае были лишь простыми эпигонами.

Еще предстоит оценить вред тех лет, нанесенный отечественной науке. Были созданы не только громадные трудности для развития биологии, но ликвидировались целые школы и направления. Существовали трудности и в подготовке научных кадров. Многие ученые, составляющие цвет современной науки, именно в те годы делали первые шаги в науке, испытывая все сложности в сохранении свободы научного творчества в условиях тотальной регламентации всех сторон жизни. Были и сложности в трудоустройстве. Зачастую начинающий ученый был вынужден довольствоваться случайными заработками.

С трудностями в начале своей научной деятельности столкнулся и выдающийся советский физиолог академик А.М.Уголев, с именем которого связаны такие фундаментальные открытия, как мембранное пищеварение, общие эффекты ки-

шечной гормональной системы и др. Уголев — создатель новой теории адекватного питания, в которую классическая теория сбалансированного питания вошла как важная составная часть, концепции универсальных функциональных блоков и эволюции функций путем рекомбинации таких блоков, происхождения и эволюции основных типов пищеварения, метаболической теории аппетита и т.д. Уголевым сформулированы также основные положения новой междисциплинарной науки — трофологии.

В публикуемых выдержках из интервью с А.М.Уголевым, которое было взято в апреле-мае 1990 г. за несколько встреч, речь шла прежде всего о социально-политической обстановке конца 40-х — начале 50-х гг. и ее влиянии на формирование целей, методов и этики научных исследований.

Вопрос. Александр Михайлович, Ваши первые научные исследования были выполнены в стенах Военно-морской медицинской академии. Как традиции и особенности академии, которая вскоре была ликвидирована, сказались на Ваших научных интересах и методах работы, этике научного исследования? Как общая обстановка в стране повлияла на внутриакадемическую жизнь?

Ответ. Годы, проведенные в Военно-морской медицинской академии, я считаю очень важными в своей жизни. К сожалению, академия просуществовала недолго, но ее научная и психологическая атмосфера оказалась весьма благоприятной и плодотворной. Неудивительно, что многие современные теоретики и практики наших биологии и медицины являются воспитанниками этой академии. В силу ряда обстоятельств военного времени она представляла собой прежде всего некий семейный очаг, вокруг которого совместно жили курсанты, преподаватели и профессора. И хотя общение между ними было регламентировано Военно-морским уставом, когда дело касалось работы на кафедрах, оно становилось академическим. Наши учителя старались всячески нам помочь и поддержать в трудные минуты.

Правда, требования Устава многие переносили очень тяжело. На каждом курсе были случаи самоубийства. В основном это было обусловлено тем, что мы жили достаточно изолированно от общества. Например, за первый год обучения я был в увольнении всего один или два раза.

Для меня, однако, эта жизнь, несмотря на все сложности, не была в тягость. Я не считал унизительными обязанности, возлагаемые на нас Уставом, а выполнял их как должное. С придирками начальства мне чаще всего помогал справиться юмор. Если некоторыми курсантами грубые приказы начальства воспринимались как оскорбление, то у меня они чаще всего вызывали смех. В тех же случаях, когда я сталкивался с проявлениями морального садизма со стороны начальства, то реагировал достаточно твердо. За это я не раз был на гауптвахте, а один раз даже должен был пойти под военный трибунал. Но меня спасло заступничество профессоров и мудрое решение начальника академии генерала А.И.Иванова. Он наложил на меня взыскание раньше, чем до него дошел официальный рапорт сержанта, моего командира-обидчика, которого я вынужден был ударить за оскорбление, нанесенное мне.

Академия приучила меня к дисциплине и тяжелой работе. По выходным дням мы рыли траншеи, разгребали завалы в городе. Была очень строгая самоподготовка: 8 часов в день, когда 50 минут занятий под наблюдением офицера прерывались лишь 10-минутным отдыхом. Спокойному отношению к тягостным обязанностям способствовало и мое знакомство на кафедре физиологии человека и животных с Владимиром Николаевичем Черниговским. Он объяснил мне, что в науке нет чистой и грязной работы. Всякая работа одинаково важна и должна быть сделана хорошо.

Кроме Черниговского в академии большое влияние на меня оказал А.П.Быстров, который был не только крупным эволюционистом и палеонтологом, но и блестящим художником, и поэтом. Я старался с ним общаться как можно больше, так как он рассказывал массу интересного, что помогло мне лучше понять различные концепции в области эволюции.

Быстров был великим педагогом. Именно он привил мне правило: всякую работу делать с удовольствием, даже если она неприятна. Его формулировка звучала примерно так: "Чем неприятнее работа, тем больше удовольствия надо из нее извлечь, ибо в противном случае она становится невыносимой". Кроме того, я усвоил другое его правило: "Все нужно изучать один раз в жизни и навсегда". Следуя ему, я уже на первом курсе потратил два месяца на то, чтобы овладеть всеми способами перкутирования, и больше к этому не возвращался.

Среди преподавателей академии были и другие выдающиеся ученые. Это Н.В.Лазарев (физико-химическая биология), В.С.Галкин (патофизиология), З.С.Кацнельсон (общая биология и ее история) и др.

В годы пребывания в академии были выполнены и мои первые научные работы, темы которых были предложены В.Н.Черниговским. В них были определенные методические разработки и изобретения, но не преследовалась цель решить теоретические проблемы. Вообще первоначально я старался избегать теоретических рассуждений и построений. Мною были сделаны три доклада на кафедре физиологии, которые неожиданно для меня получили высокую оценку. По существующей в академии системе подсчета очков я оказался первым учеником и стал сталинским стипендиатом.

Завершая свой ответ о Военно-морской медицинской академии, я хочу еще раз сказать, что она была исключительно полезной. Обучение в ее стенах сыграло большую роль в моей судьбе, развив ряд интересов, привив терпение и дисциплинированное честолюбие, при котором было ясно, что успеха можно добиться не скоро и только в результате тяжелого труда. В конечном счете из нас выработывали порядочных людей, нужных флоту. И мы были готовы умереть за правое дело.

Вопрос. Ваши студенческие работы были выполнены на кафедре физиологии, руководимой К.М.Быковым. Таким образом, в течение нескольких лет Вы могли близко общаться с ним. Как известно, Быков оставил весьма своеобразный след в истории советской физиологии. Многие сравнивают его даже с Т.Д.Лысенко, во всяком случае по роли в репрессиях, обрушившихся на нашу науку в конце 40-х — начале 50-х годов. Не могли бы Вы кратко рассказать о своих впечатлениях о Быкове?

Ответ. В своем ответе я постараюсь быть объективным. Прежде всего следует сказать, что Быков, как я узнал много позднее, по происхождению был из интеллигенции консервативных кругов, и сам в молодости придерживался консервативных взглядов. Во время гражданской войны он какое-то время служил даже в армии Колчака. Это меня поразило, так как в момент нашего знакомства Быков был Председателем Верховного Совета РСФСР.

По моим представлениям, Быков появлялся на кафедре довольно редко. За долгие годы учебы мне удалось услышать всего одну его лекцию и несколько докладов. Кроме того, я был на ряде его семинаров. В лекции речь шла о рефлекторной дуге. Однако на доске висела схема слюнной железы, которую Быков почему-то, вероятно от невнимания, именовал схемой рефлекторной дуги. Я был очень удивлен этим и сказал Черниговскому, что академик Орбели — это настоящий академик, а академик Быков путает слюнную железу и рефлекторную дугу. На это Черниговский ответил: "Если говорить в понятиях музыки, то Леон Абгарович — это Давид Ойстрах, который всегда играет превосходно, а Константин Михайлович — это Мирон Полякин, который часто играет неважно, но иногда — гениально. Ты походи на семинары Быкова".

Надо сказать, что на этих семинарах я услышал поразительные вещи. Первый раз речь шла об осморцепторах, и Быков высказал ряд идей, которые лишь значительно позже стали предметом серьезных научных исследований. Второй раз это было на одном из докладов, где Быков говорил, что возбуждение вообще и торможение вообще изучать нельзя. Например, Н.Е.Введенский много и плодотворно работал потому, что исследовал нервномышечный препарат и через него

увидел общие закономерности нервного возбуждения и торможения. И.П.Павлов изучал слюнную железу и через нее увидел мозг. А вот если бы Павлов исследовал общие закономерности высшей нервной деятельности, то он ничего бы не смог сделать. И далее Быков исключительно интересно говорил о том, что ученый должен иметь инструмент для научного открытия, приводя в качестве аналогии занятия музыкой. Хотя музыка является абстрактным искусством, нельзя быть музыкантом вообще. Нужно в совершенстве владеть каким-либо конкретным музыкальным инструментом. Эта тонкая и глубокая мысль произвела на меня большое впечатление. Хотя после этих слов Быкова многие слушатели остались при убеждении, что можно изучать возбуждение и торможение вообще, для себя я решил, что всегда буду анализировать лишь конкретный объект. Таким объектом для меня стала кишечная клетка.

После моих докладов на кафедре физиологии Быков заинтересовался мною и другим докладчиком — В.М.Хаютиным. В знак своего расположения он подарил нам двоим одну книгу. Я был удивлен таким подарком, так как ни до, ни после мне не приходилось видеть, чтобы одной книгой премировали двоих.

Нельзя обойти молчанием поведение Быкова на так называемой Павловской сессии двух академий наук (АН СССР и АМН СССР). На меня выступление Быкова на этой сессии произвело тяжелое впечатление. Следует сказать, что в ее подготовке Быков играл весьма пассивную роль. Вначале на место лидера советской физиологии и соответственно главного докладчика планировался А.Д.Сперанский, но потом почему-то решили использовать Быкова. Основными застрельщиками этой сессии были Ю.А.Жданов, Э.Ш.Айрапетянц и М.Е.Лобашев — ученые, в свое время много сделавшие для защиты генетики и пострадавшие за это. Видимо, в глазах Сталина они старались реабилитировать себя за поддержку генетики.

Когда одна "научная дама" стала при мне хвалить Быкова, я сказал, что наследник русской интеллигенции не должен был произносить слов, какие были произнесены Быковым на павловской сессии. На что она ответила: "Вы несправедливы к Быкову. В свое время я упрекнула его в несправедливом отношении к Вам, но он сказал, что это не так. Он хорошо знает Александра Михайловича и даже знает, что они с Борисом Кулаевым делали в его рабочем кабинете. Кулаев в столе из красного дерева держал яловые ботинки, а Уголев — бутылку водки и стихи. Одно стихотворение он даже прочитал: "Речь сказал и был таков, академик К.Быков"... "Но я никогда никому об этом не рассказывал", — добавил Быков. И действительно, мы буквально безобразничали в его кабинете, а среди стихов были и более резкие, затрагивающие не только Быкова, но и других лиц. И мне, вероятно, было бы не сдобровать, если бы Быков предал их гласности.

Вопрос. А как Быков оценивал свое участие в павловской сессии, особенно после того, как всем стал очевиден ее полицейский характер?

Ответ. Я этого не знаю, так как после сессии никогда не участвовал в "пиршествах" по поводу победы так называемой павловской школы в физиологии.

Вопрос. Почему Вы ушли из Военно-морской медицинской академии?

Ответ. Незадолго до моего окончания академии К.М.Быков спросил В.Н.Черниговского о моих научных планах и перспективах. Черниговский выразил желание оставить меня при кафедре физиологии. Но Быков сказал, что погоня и наука несовместимы и надо демобилизоваться. Это не соответствовало моим планам, так как я привык к военной среде и мне импонировали отношения, существовавшие в академии: точность, открытость, честность, патриотизм. Однако Черниговский отметил, что он простой профессор и подполковник и не может противостоять академику и генерал-лейтенанту Быкову. Как Быков решил, так и будет. В конечном счете я был демобилизован против моей воли. И только впоследствии я понял, как мне повезло. В год выпуска обострилась международная обстановка, и весь курс был направлен на Тихий океан, в том числе и десять лучших выпускников, которых обычно оставляли при академии для подготовки к научной работе.

Зная, что Быков подписал ходатайство в Президиум АН СССР о зачислении меня к нему в аспирантуру, я уехал в Днепропетровск, где в Медицинском институте намеревался завершить свое образование. Помимо того, что в Днепропетровске жила моя мама, я выбрал этот институт и потому, что здесь работал знаменитый физикохимик А.И.Бродский. Я в это время параллельно учился и на 3-м курсе химического факультета Ленинградского университета и надеялся дипломную работу по химии писать у Бродского. Но, увы. Незадолго до моего приезда в Днепропетровск Бродский был привлечен к работе над атомной бомбой. Главная цель моего пребывания в Днепропетровске оказалась недостижимой, а 5-й курс Медицинского института был для меня простым повторением.

К сожалению, ответ из Президиума АН СССР на письмо Быкова о зачислении меня в аспирантуру задержался в Киеве. К распределению у меня на руках было только личное письмо Черниговского, в котором сообщалось, что получен положительный ответ на просьбу Быкова. И мне повезло. Деканом нашего факультета был выдающийся гистолог, член-корреспондент АМН СССР Н.Н.Зазыбин, который всех студентов называл деточками. Узнав от меня о письме Черниговского, Зазыбин заявил, что он как декан распределяет меня к Быкову в аспирантуру. Так я получил направление в Ленинград.

Вопрос. Что помешало Вам в конечном счете поступить в аспирантуру к Быкову? Ведь у Вас не было конкурентов.

Ответ. Да, место было выделено специально для меня, но я должен был сдать вступительные экзамены в аспирантуру. Первый из них был по физиологии, и сдавать его я должен был ввншительной комиссии, в которую входили такие светила физиологии, как Г.В.Гершуни и А.Г. Гинецинский, а во главе стоял Л.А.Орбели. Напутствуя меня на экзамен, Быков сказал: "Помните, что Вы там будете представлять научную школу". Смысл этих слов я понял только во время экзамена. Меня в течение полутора часов спрашивали по всему курсу физиологии, задавая вопросы, выходящие за пределы требований, предъявляемых к поступающим в аспирантуру. Только после многочисленных вопросов и ответов меня отпустили, поставив оценку "отлично" и засчитав вступительный экзамен за кандидатский. Как кандидатский был засчитан экзамен и по марксизму-ленинизму. Однако на экзамене по английскому языку меня дважды провалили, хотя я и знал его.

Подоплека этой истории, видимо, стала известна Быкову и Черниговскому. Во всяком случае, никто из них не упрекнул меня за провал. Мне предложили поступить в аспирантуру Военно-медицинской академии, где у меня уже были соперники. Со слов начальника отдела кадров я записал дату сдачи документов. За два дня до истечения этого срока мне позвонил Черниговский и упавшим голосом сказал: "Саша, ты не сдал документы и тебя не допустили к экзаменам". Я посмотрел в записную книжку и ответил, что у меня записана точная дата и я готов ответить перед любым судом. По просьбе Черниговского я отправился к этому начальнику отдела кадров. Он не стал отказываться от своих прежних слов, но бросил мне такую реплику: "Как Вы можете заниматься наукой, если не можете решать личные дела". Я ответил: "Беда нашей науки заключается в том, что ею занимаются люди, устраивающие в основном личные дела". Впоследствии мне сказали, что эта фраза дошла до Быкова, который почему-то принял ее на свой счет, хотя я ни в коем случае не имел в виду какое-либо конкретное лицо.

По совету Черниговского я все же поехал к вице-президенту АМН СССР П.А.Куприянову, чтобы, сославшись на техническую ошибку со сроками сдачи документов, просить разрешения держать экзамены в аспирантуру. Однако оказалось, что всесильный вице-президент не в силах разрешить мне сдать документы после установленного срока. Так я оказался вне аспирантуры.

Вопрос. Как Вам удалось в этих условиях продолжать научные исследования и даже довольно быстро защитить кандидатскую диссертацию?

Ответ. Оказавшись безработным и без средств к существованию, я ни на один день не прекращал свою экспериментальную работу. Ежедневно я являлся к 8 часам утра в лабораторию и уходил только в 6 часов вечера. Работал я тогда в лаборатории ИЭМа АМН СССР, руководимой Р.П.Ольнянской. Кроме того, я занимался в лаборатории биофизики Ленинградского университета, причем меня хотели даже взять туда на постоянную работу, но Быков меня не отпустил, так как я продолжал числиться в его распоряжении. На ставку лаборанта хотел взять меня и Черниговский, но Айрапетянц возражал против этого, уверяя, что намеревается взять меня в свою лабораторию научным сотрудником. Создавалась парадоксальная ситуация: ряд коллективов хотел взять меня на работу, а я был безработным.

В это же время я продолжал посещать и различные научные семинары, а также заседания, в том числе ученого совета ИЭМа АМН СССР. Во главе этого ученого совета стоял тогда замечательный ученый и человек Д.Н.Насонов, которого я глубоко почитаю по ряду причин научного и морального порядка и в честь которого назван мой сын. Присутствовал я и на заседании ученого совета осенью 1948 г., на которое приехали трое учеников Сперанского: Дурмишьян, Острый и Броневицкий. В своих выступлениях они ругали Насонова буквально за все. Ему инкриминировали даже якобы происшедшую пропажу 6 кубометров дров. Я решил, что здесь какое-то недоразумение и необходимо его разрешить как можно скорее. Суть моего выступления заключалась в том, что в науке существуют и должны существовать разные методы и подходы и каждый волен выбирать себе те, которые больше соответствуют склонностям ученого. И поэтому нельзя ругать Дмитрия Николаевича только за то, что он использует собственные подходы к решению ряда научных проблем. С большой похвалой я отозвался и о моральных качествах Насонова. На заседании было много членов ученого совета, которые были явно согласны с моими доводами. Во всяком случае, они одобрительно кивали головами. Я тогда подумал: что же происходит? Столько согласных, а никто ничего не говорит. Почему это происходит? Как устроена общественная совесть и как она функционирует? Относительно дров я высказал предположение, что они скоро найдутся. Так впоследствии и оказалось. Однако Насонов был все же снят с поста директора института.

Хорошо помню, что никто, кроме меня, тогда не выступил. И тем более странно читать сейчас, что якобы на том заседании многие сотрудники выступали в защиту Насонова. В целом все же вряд ли это можно поставить кому-либо в вину. В сущности, такие выступления ничего не могли изменить.

Тем не менее мне кажется, что вопреки широко распространенному мнению общий уровень "внутренней" нравственности общества в 40-50-е годы, о которых идет речь, был гораздо выше, чем сейчас. Хотя сегодня больше эффектных слов, и звучат они гораздо возвышеннее. В настоящее время многие пишут, что в сталинскую эпоху люди были развращены. На это можно ответить: кто как. На самом деле, как в любое трудное время, ужесточается действие отбора — и происходит резкая дифференциация людей, при которой одних отбрасывает резко вправо, а других — резко влево. Еще раз хочу повторить, что многие хорошие качества тогда были развиты достаточно сильно и это помогало выдержать в трудной ситуации.

Я могу об этом судить: именно ненавязчивое внимание и помощь позволили мне пережить период безработицы, так как с дипломом врача нельзя было устроиться на другую работу. В комнате, где я временно обитал, было печное отопление, а дров не было. Я вынужден был спать сидя и в одежде. Мои коллеги по лаборатории специально приносили побольше еды, чтобы подкормить меня. Но это не могло продолжаться долго. Вскоре А.Я.Ярошевский обнаружил у меня голодные отеки. Ни на что уже не приходилось надеяться, надо было уезжать из Ленинграда...

Но здесь судьба сделала счастливый поворот. В это время крупнейший специалист в области экологической физиологии профессор А.Д.Слоним, который

заведовал лабораторией у Быкова и кафедрой в Стоматологическом институте, искал на место доцента человека, которого можно было в любой момент уволить. Вероятно, я подходил на эту роль. Меня зачислили условно на должность доцента со ставкой ассистента, т.е. 1050 рублей в месяц (старыми деньгами). Тогда мне казалось, что это громадная сумма. Обязанности же были охарактеризованы кратко: "Занимать должность, пока не подыщется достойная кандидатура". Поэтому я стал готовиться к следующей безработице, откладывая часть денег на это время. На кафедре, руководимой Слонимом, и были выполнены основные эксперименты, составившие кандидатскую диссертацию.

Вопрос. Почему Вы для экспериментальной работы, посвященной изучению слюнных протоков, выбрали столь неблагоприятные объекты, как кошки, кролики, морские свинки, у которых Павлов считал невозможным выработать условный рефлекс на сигналы о пище, так как у них нет при виде пищи слюноотделения?

Ответ. Действительно, Павлов считал операции с выведением протоков околушных слюнных желез у этих животных невозможными. Мой выбор был обусловлен не незнанием работ Павлова, а тем, что в этих операциях меня привлекали прежде всего красота и новизна эксперимента. Кроме того, в них усматривалась возможность компромисса между научными интересами Черниговского и Слонима. Ни о каких теоретических обобщениях я даже и не помышлял.

Опыты на кошках дали неожиданные результаты. У этих животных нет слюнного рефлекса, т.е. слюноотделения при виде мяса. Мне же удалось получить этот рефлекс. Быков и Слоним были поражены этим, так как Константин Михайлович сам слышал от Павлова, что у кошек условный слюнный рефлекс можно получить лишь на базе двигательной методики.

Выяснилась, однако, чрезвычайно интересная вещь. Отсутствие слюноотделения имело приспособительное значение, так как кошки охотятся не с гона, а подстерегая добычу. В этих условиях выделение слюны является не полезным, а вредным признаком. Можно было допустить, что если бы кошки не охотились, то у них было бы слюноотделение, как у собак. Вспоминая свое юношеское увлечение Дарвином, я стал изучать историю приручения кошек. Выяснилось, что у персидских кошек при приручении охотничий инстинкт был уничтожен. На рынке я купил персидскую кошку, и оказалось, что у нее слюна течет, как у собак. Даже в мою диссертацию вошла фотография кошки с сидящей на ее голове мышью, причем у кошки в это время течет слюна. Потом я научился оперировать новорожденных котят. Выяснилось, что, пока у них не появляется охотничий инстинкт, все идет, как у собак. Но если котят постепенно приучить к охоте, то слюноотделение исчезает. Результаты этих опытов свидетельствовали о существовании каких-то условных рефлексов, не связанных с простым замыканием условных связей, а опосредованных поведением.

В это время на кафедре Стоматологического института появился доцент. При наших совместных операциях выяснилось, что доцент не владеет элементарными хирургическими навыками. Я счел неприличным ассистировать такому человеку и сказал Слониму: "Под этой тетей я работать не буду, так как это профанация науки. За время работы у Вас я скопил кое-какие средства и готов хоть сейчас подать заявление об уходе". Слоним спросил: "А куда Вы пойдете?" Я твердо ответил: "На улицу, если Вы не найдете другого доцента". После этого ставка доцента была переделана в ставку ассистента, и я на ряд лет остался на кафедре, руководимой Слонимом. Однако вскоре я вновь превратился в полубезработного ("полуассистента").

Кандидатскую диссертацию я защищал в январе 1951 года после павловской сессии, а сама работа была написана до нее. Так вот, в диссертации у меня были ссылки на работы П.К.Анохина, И.С.Бериташвили, Л.А.Орбели как на ученых, внесших громадный вклад в развитие сравнительной физиологии высшей нервной деятельности. Мой официальный оппонент Д.А.Бирюков до защиты диссертации предложил мне изъять эти фамилии, но, поскольку он не привел никаких научных

доводов, я посчитал возможным проигнорировать это указание и на защиту вышел с первоначальным текстом. Я считаю своим долгом рассказать об этом, так как теперь в публикациях, посвященных событиям тех лет, есть тенденция сгущать краски. Обычно на темном фоне рисуют одно-два светлых пятна. Если одно — то это сам рассказчик; если два — то это Н.И.Вавилов и Л.А.Орбели, и так далее. На самом деле ситуация была иной. Порядочных людей было все-таки больше, чем непорядочных. Хотя Бирюков на защите и критиковал меня за академическую ограниченность, проявившуюся в цитировании всех подряд, его критика не была резкой. Из 31 члена ученого совета за диссертацию голосовали 30, несмотря на мой ответ Бирюкову, что Орбели, Анохин и Бериташвили — крупнейшие ученые и, по моему мнению, их нельзя обойти молчанием. В других научных кругах такая идеологическая "незрелость" могла мне дорого стоить. Члены же данного ученого совета ее "не заметили". "Не обратили" на нее внимания и все лица, причастные к защите диссертации. Я был утверждён через два-три месяца, хотя при проверке моей диссертации можно было прочитать и критику Бирюкова, и мой ответ.

Вопрос. Вы упомянули о том, что стали "полубезработным". Что это означало и с чем было связано?

Ответ. Это было связано с начавшейся "борьбой с космополитизмом". У нас на кафедре в институте висели портреты всех выдающихся физиологов, в том числе и иностранных. Пришел приказ их снять, а среди них были портреты Дарвина, Гарвея, Людвиг, Гейденгайна, Гельмгольца, Клода Бернара. Это и было сделано. Я попытался объяснить, что Дарвин — создатель эволюционной теории, Гарвей — основоположник физиологии, Гельмгольц — единственный ученый, которого Павлов называл гениальным. Кроме того, Гельмгольц, Клод Бернар, Людвиг и Гейденгайн были учителями И.М.Сеченова и И.П.Павлова. После таких слов я снова повесил снятые портреты. И хотя я был беспартийный, меня вызвали в партбюро и дали выговор.

Директор Стоматологического института В.И.Гаврилов относился ко мне очень хорошо. Впоследствии через много лет он даже стал в некотором отношении моим учеником. Он вызвал меня и сказал: "Александр Михайлович, я должен сделать какие-то организационные выводы, так как речь идет о борьбе с космополитизмом. Здесь высказывались далеко идущие идеи, я решил их несколько откорректировать и перевести Вас на половину ставки ассистента". Хотя ни тогда, ни потом он ничего не говорил мне о сути этих далеко идущих идей, речь, видимо, шла о наказании по крайней мере в два раза суровее, т.е. об увольнении. Надо сказать, что многие студенты, прослышав о моей безуспешной попытке восстановить портреты иностранных физиологов, отнеслись ко мне с явной симпатией и даже спрашивали на лекциях: "Что же теперь мы будем изучать: не нормальную физиологию, а русскую?". Задавать подобные вопросы в те годы было небезопасно, и все об этом знали.

В конечном итоге я оказался на "полставке", что было очень тяжело, так как к тому времени я был уже женат и должен был заботиться о содержании семьи.

Вопрос. Вы ученик Черниговского, который принадлежал к "партии" Быкова на павловской сессии. Участвовали ли Вы в работе этой сессии и каково Ваше отношение к ней тогда и сейчас?

Ответ. В сессии участвовали только сильные мира сего. Не участвовал я и в празднествах по поводу этой сессии, которая представлялась как победа павловской школы физиологии, тогда как, конечно, это было не так.

Прежде всего следует отметить, что в отличие от предшествующей аналогичной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. это было хорошо организованное мероприятие. Во всяком случае, люди, когда ехали на сессию, знали, что должны говорить. Сценарий был разработан и отрепетирован Ждановым. Как мне говорили, Быков в роли лидера павловской школы оказался случайно. Обсуждались и другие кандидатуры на эту роль. Однако имя Павлова в качестве знамени сессии было

выбрано не случайно. Также закономерно в качестве жертвы был намечен Орбели. По сравнению с ним все остальные были настолько малы, что критика этих ученых не произвела бы столь устрашающего впечатления. Здесь явно напрашивается аналогия с Н.И.Вавиловым. Ведь на самом деле Леон Абгарович был настоящим павловцем и гораздо больше сделал для развития учения Павлова, чем Быков. Быков по существу развивал, если так можно сказать, боковую для наследия Павлова ветвь физиологии. Орбели же развивал все стороны научного наследия Павлова. Конечно, особое внимание он уделял симпатической нервной системе, но обвинения в том, что он недооценивал физиологию высшей нервной деятельности, неверны.

На сессии было много натяжек. Вообще я считаю ее позорнее августовской сессии ВАСХНИЛ. Там тон задавали невежды и проходимцы. Здесь же одна и та же великая наука использовалась для уничтожения других ее ветвей. Учение об условных рефлексах было повернуто для отрицания всех других областей физиологии, и не только физиологии. Все, чем ни занимался Павлов, объявлялось антинаукой. Разгонялись лаборатории по исследованию гормонов, физиологии мышц и т.д.

Итог этого печален. Например, наша страна в области эндокринологии к тому времени занимала не последнее место, но после сессии быстро стала отстающей. Мы потеряли и темпы исследований, и специалистов по большинству физиологических систем (за исключением нервной).

Вопрос. В недавно опубликованной книге по развитию советской физиологии К.А.Ланге утверждает, что павловская сессия имела и положительный результат. В состав редколлегии этой книги входят многие крупные физиологи, в том числе и члены АН СССР. Насколько Вы, один из членов этой редколлегии, согласны с подобной оценкой?

Ответ. Прежде всего хочу заметить, что любой автор имеет право на собственную точку зрения и никакой редактор или член редколлегии не вправе запретить ему это. Что касается данной оценки, то она, как и все на свете, зависит от контекста. Я полагаю, что данная сессия, как и любое насилие над наукой, в принципе не могла иметь положительного значения. Истина должна рождаться в самой науке, а не привноситься извне, а тем более откуда-то сверху в виде некоторой системы инструкций. Если подобное происходит, то наука неизбежно становится уродливой, так как для науки всякая регламентация трагична, поскольку сужает свободу мышления и поиска. Кроме того, подобная регламентация приводит к несвободным отношениям между людьми, явлениями и областями науки по сравнению с теми, которые естественно складываются в процессе познания истины. Ведь по сути дела запрещаются одни подходы, а провозглашаются истинными другие. Вместе с тем соотношения между различными областями науки должны быть совершенно различными для разных наблюдателей. Эти соотношения всегда должны быть неопределенными и нерегламентированными. Наконец, попытки предопределить ход развития науки не просто вредны, это настоящий смертельный грех. В науке нельзя загадывать дальше одного эксперимента, так как результат каждого нового эксперимента предопределяет направление будущего поиска. В этом отношении классическим является ответ И.П.Павлова на требование А.П.Карпинского представить план научно-исследовательских работ: "Каждый следующий опыт предсказывается результатами предыдущего".

Конечно, можно найти и некие положительные моменты в развитии именно физиологии, так как на павловской сессии был провозглашен примат физиологии над всеми остальными биологическими дисциплинами. Во всех союзных республиках были открыты физиологические институты, выделены дополнительные ассигнования. Но это оказалось малополезным мероприятием, так как большинство работ было строго регламентировано, все они велись под строгим контролем "Павловского совета", во главе которого стоял Быков. Поэтому, как правило, выполнялись работы ординарные, но какие-то положительные элементы тем не менее были.

Когда мне рассказали об этой сессии ее участники, я Владимиру Николаевичу сказал, что мне непонятна идея этой сессии. На мой взгляд, возможны три варианта: 1) назад к Павлову, 2) ни шагу от Павлова, 3) вперед с Павловым. Мне по душе последний лозунг, так как только он обеспечивает подлинное развитие физиологии.

Вопрос. Как сам Владимир Николаевич относился к этой сессии?

Ответ. Могу сказать лишь одно. Он никогда не гордился участием в ней, хотя лично для него эта сессия оказалась полезной в административном отношении.

Вопрос. Вы работали по условным рефлексам у кошек, как Вы отмечали ранее. По-видимому, павловская сессия благоприятно отразилась на Вашей работе?

Ответ. Это не так. Как я уже говорил, в течение длительного времени я был полубезработным. Это создавало большие трудности для меня и моей семьи, но оставляло много свободного времени для научной работы. Этот период времени в чисто научном плане складывался удачно. Продолжая работу у Слонима, я контактировал с рядом выдающихся ученых. Так, я много общался с Н.Н.Самариным — нашим крупнейшим хирургом и замечательным мыслителем; с крупнейшим эволюционным физиологом А.Г.Гинецинским, который оказывал мне поддержку и позднее не только предложил стать его преемником по кафедре физиологии в Новосибирске, но и добился того, что это предложение было принято властями города.

Исследования, проводимые мной в то время, были очень интересными для меня и привлекли внимание научной общественности, а в начале 60-х годов вместе с моими работами по пищеварению были отмечены высшей для физиолога премией — премией им.И.П.Павлова. Однако павловская сессия поощрением такого рода работ на занималась. У нее были другие задачи, лежащие в иной области и охватывавшие совсем иные масштабы.

Я хотел бы вновь заметить, что это была одной из многих сессий, задуманных Сталиным, и, следовательно, она преследовала цели, которые невозможно истолковать в чисто научном смысле.

Сейчас, оглядываясь назад, я восхищаюсь великодушием, мужеством и стойкостью духа тех людей, с которыми меня сталкивала судьба. Вероятно, поэтому мне было легче устоять во многих трудных случаях, в частности в битве против иностранных ученых во главе с Дарвином. Кстати, это была первая битва за Дарвина. Вторая битва состоялась намного позднее: в середине 60-х годов в Институте физиологии им.И.П.Павлова АН СССР при обстоятельствах одновременно смешных и трагических.

Вопрос. Неужели и в 60-х годах в этом институте требовалась битва в защиту Дарвина?

Ответ. Представьте себе, что в нашей жизни возможно и это. Дело в том, что по желанию Павлова перед фасадом старого здания института в Колтушах были поставлены бронзовые бюсты Декарта, Сеченова и Менделя, которые символизировали те научные цели, которые Павлов в то время считал наиболее важными. Естественно, что после лысенковской сессии бюст Менделя был снят, а, для того чтобы пьедестал не оставался пустым, на его место был поставлен бюст Дарвина, сделанный неизвестным мне путем. Этот бюст стоял довольно долго и после того, как завершилась трагическая для нашей страны "генетическая эпопея". Но затем в один прекрасный момент справедливость восторжествовала — и Мендель занял подобающее ему место. Я был рад этому, но радость была непродолжительной, так как я увидел бюст Дарвина лежащим на земле. Пришлось объяснить людям, которые это сделали, что справедливость не торжествует в том случае, когда вместо одного плохого поступка делается другой. В конечном итоге для бюста Дарвина был сооружен новый постамент. Я испытывал удовольствие, что один из самых почитаемых мною ученых поднят на должную высоту.

Вопрос. Если я правильно понимаю, все это время Вы работали в русле идей Павлова?

Ответ. Да, это так. Я думаю, что отличия заключались в том, что в мою работу были внесены некоторые новые эволюционные, скорее — сравнительно-физиологические, и некоторые хирургические, т.е. технические, приемы. Однако в основном это были дальнейшее развитие и углубление основополагающих идей Павлова об адаптивной деятельности пищеварительной системы.

Вопрос. Как Вы относитесь к Павлову?

Ответ. Мое отношение к Павлову — это прежде всего восхищение гением человека, идеи и результаты работ которого не только сохраняют свое значение до сих пор, но время от времени дают толчок для формирования новых направлений мысли и исследовательских поисков. Мне пришлось столкнуться с совершенством творческих и "хирургических" замыслов Павлова. Я хотел бы это отметить особо, так как в дальнейшем обстоятельства заставили меня развивать некоторые взгляды, которые отдельными учениками Павлова характеризовались как антипавловские.

Вопрос. Что Вы имеете в виду?

Ответ. Я хочу сказать, что до 1957-1958 годов в моих работах все важнейшие результаты базировались на классической концепции пищеварения, которой ее современный вид придал Павлов. Я имею в виду концепцию полостного пищеварения. Но в 1958 году мною в значительной степени случайно был обнаружен неизвестный ранее тип пищеварения — мембранное пищеварение. С этого времени схема пищеварения и интерпретация пищеварительных процессов стали существенно отличаться от классических.

Дальнейшее исследование мембранного пищеварения, как известно, привело к разработке концепции универсальных функциональных блоков и, следовательно, как к ревизии представлений о путях и механизмах адаптаций, так и к анализу явлений на уровне биосферы. В последнем случае важными оказались подходы и традиции, заложенные другим великим ученым, долгое время жившим рядом с Павловым, — В.И.Вернадским.

Хочу, однако, заметить, что изменение моих взглядов ни в коей мере не уменьшило моего восхищения тем, что сделал Павлов. Более того, пройдя теперь уже достаточно долгий жизненный путь и испытав на себе многие трудности, противоречия и искушения жизни, я с еще большим уважением отношусь к кристальной чистоте этой натуры. Павлов справедливо символизирует способность человеческого духа вообще и духа, творящего науку, противостоять, казалось бы, всемогущим силам зла.

*Пока интервью проходило все стадии реподготовки и издания,
А.М.Уголев, к несчастью, ушел из жизни 2 ноября 1991 г.*

С.А.Калядина

**В.В.ЛЕОНТЬЕВ И РЕПРЕССИИ 20-Х ГОДОВ
(интервью с В.В.Леонтьевым)**

На первый взгляд предлагаемая тема может показаться странной. Василий Леонтьев, экономист с мировым именем, лауреат Нобелевской премии — и репрессии? Но ведь он покинул Россию еще в начале 1925 г., во времена, конечно, далеко не "вегетарианские", по выражению Анны Ахматовой, однако не был выслан, а покинул ее сам, причем будучи еще весьма молодым человеком¹. Но если присмотреться повнимательнее... Впрочем, начнем все по порядку.

С.К. Василий Васильевич, расскажите, пожалуйста, о своей семье, о своих корнях:

В.Л. Я очень мало знаю о своих предках, но думаю, что мой прадедушка был крестьянин и когда их освободили, он пришел в город и начал торговать ситцем². А потом Леонтьевы и ситценабивную фабрику завели. Рядом с ней построили дом по проекту моего деда. Он не был архитектором; он был купцом, но любил все делать сам. Я помню оранжерею в доме с высокими настоящими пальмами, большой бальный зал, где мы танцевали. А в маленьких комнатках (они больше на часовни похожи были — столько там было икон и лампад) жили многочисленные тетушки и приживалки. Семья была большая, патриархальная, старообрядческая. У моего деда 14 детей было.

С.К. Вы жили вместе с ними в этом доме?

В.Л. Нет, я никогда там не жил. Наша семья была не старообрядческая. Я имею в виду отца и мать. Наша семья была совершенно другая. Мой отец был профессором экономики в Петербургском университете, учился за границей, защитил докторскую диссертацию в Мюнхене. Там, за границей, он познакомился с моей матерью. Она была родом из Одессы, из состоятельной иудейской семьи. А отец-то из старовойска.

С.К. Это создавало серьезные проблемы?

В.Л. Бабушке моей было несколько сложно. Но отношения были все равно семейные, хорошие. Но жила наша семья отдельно, неподалеку от дома деда, в городке Сан-Гали, на Крестовском острове, в одном доме с братом отца, Леонидом, управляющим фабрикой Леонтьевых.

С.К. Расскажите, пожалуйста, поподробнее о своих родителях, об их политических убеждениях.

В.Л. Наша семья была буржуазно-интеллигентная, с либеральными взглядами. Впрочем, отец в молодости устраивал забастовки на фабрике моего деда. Это, знаете ли, типично русская черта. Позже, будучи профессором, он серьезно изучал марксизм и сам занимался изучением экономического положения рабочих в России. Это была тема его докторской диссертации.

С.К. А мать?

В.Л. Она была образованной женщиной, бестужевкой, изучала историю искусств. Знала четыре иностранных языка. Родом она из довольно состоятельной семьи, но молодежь в ней занималась революционной деятельностью. В молодости, в начале века, моя мать даже была арестована за участие в каких-то событиях против царя и сидела в тюрьме. Только это явно несерьезно было, потому что, как мне мама и тетюшки рассказывали, за ней в тюрьму приезжал одесский губернатор и вывозил ее в своей коляске на прогулку. А вот брат ее был действительно революционером, был посажен в тюрьму, а позже расстрелян.

С.К. Расстрелян? За что?

В.Л. Кажется, за участие в бунте заключенных. Не могу точно сказать: эту историю я слышал в детстве от родных. Это, так сказать, семейные легенды, предания. Но кое-что я видел и сам. У нас было маленькое имение в Финляндии, на Карельском перешейке, у реки Вуоксы. Так вот, когда революционеры хотели убежать из России, они, бывало, скрывались в нашем имении.

С.К. Как Ваши родители отнеслись к революции?

В.Л. Они не обозлились. Я никогда не слышал от своих родителей жалоб на то, что в революцию они потеряли все, что имели: деньги, имущество. А жить было трудно. Голодно, есть совершенно нечего было. Или топить... А потом нас в 19-м году выселили из нашей квартиры на Крестовском, ее отдали под лазарет губернской учительской школы. Университет ходатайствовал, чтобы моему отцу, профессору, оставили эту квартиру, но пришли революционные матросы и выселили нас. Нам дали 24 часа на сборы. А когда выносили вещи, они говорили, какие из вещей оставить в доме, а какие можно забрать. Вот там-то и осталась картина Петрова-Водкина, мой портрет, который он сделал по заказу моих родителей в 1914 году. Где теперь этот портрет — не знаю.

Но мои родители никогда не жаловались и никогда не говорили о происшедшем со злостью. Я помню, как они единственный раз сказали: "Послушай, у нас было достаточно средств, чтобы дать тебе приличное образование за границей. Теперь этого нет, и ты должен стараться все делать сам". И я делал сам.

С.К. Василий Васильевич, сколько Вам было лет, когда Вы поступили в университет?

В.Л. Пятнадцать. Это довольно рано. Дело в том, что я не учился в гимназии, а получил домашнее образование. Моими учителями были студенты-разночинцы, похожие на тургеневского Базарова. Только последние два года я ходил в единую трудовую школу, чтобы получить аттестат. И поступил на социально-экономическое отделение университета. Оно было на факультете общественных наук. Поступил я в 1921 году. И знаете: мое обучение шло с небольшими перерывами, потому что меня несколько раз на Гороховую забирали.

С.К. Вас? Но за что?

В.Л. Я сейчас расскажу. Студенты всегда и везде студенты, всегда обсуждают мировые проблемы, всегда спорят. И я очень много спорил с моими товарищами-студентами. Многие из них были коммунистами.

С.К. О чем же Вы спорили с ними?

В.Л. О том, нужна или не нужна свобода в нашем государстве, должна она быть ограничена или нет, о порядках в высшей школе³. Так вот, я часто спорил со своими коллегами-коммунистами. И когда я говорил вещи, которые они считали совершенно невозможными, тогда меня на Гороховую забирали, держали несколько дней, а потом опять выпускали. Так что образование мое было с небольшими перерывами.

С.К. Да, своеобразные аргументы выбрали Ваши коллеги. Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что Вас забирали по доносу Ваших сокурсников?

В.Л. О, безусловно. Потому что следователи знали абсолютно все, что я говорил во время этих споров. И потом... Со мной учился студент М.⁴, очень убежденный коммунист. И у нас с ним были частые споры, хотя отношения были

дружеские. Я вообще очень редко сержусь или злюсь. Так вот, следователи знали все, о чем мы говорили с ним с глазу на глаз. Я думаю, что этого М. назначили, чтобы он присматривал за нами, потому что он правильно понимал большевистскую политику. Но из бесед со следователями я понял, что М. дал обо мне в целом хороший отзыв. Может быть, поэтому меня и выпускали.

С.К. Значит, Вас арестовывали за споры с коллегами?

В.Л. Да, в основном за это. Но один раз — это в 1922 году было — за другое. Тогда много профессоров от преподавания отстранили. Питирима Сорокина⁵ и других. Их потом, осенью 22-го, всех посадили на пароход и выслали из страны. А Вы знаете, мы ведь потом с ним встретились. Это уже в Америке было. Мы оба в 30-х годах преподавали в Гарвардском университете. Он мне об этой высылке много рассказывал, показывал фотографии тех, с кем он на том пароходе из России уехал⁶. А тогда, в 22-м, мы с двумя другими студентами напечатали плакаты и отправились ночью их расклеивать.

С.К. Листовки?

В.Л. Нет, это были большие плакаты.

С.К. А какой был текст? О чем были эти плакаты?

В.Л. Мы требовали свободы. Свободы печати, свободы высказываний, свободы в государстве. Протестовали против отстранения от преподавания наших профессоров.

Пошли мы их расклеивать в три часа ночи. Но, похоже, об этом знали заранее, потому что за нами следили почти с самого начала. Мы шли, клеили плакаты, а в полуверсте от нас шли люди, потом они нас нагнали, арестовали. И мы оказались на Гороховой.

С.К. Вы сидели в общей камере?

В.Л. Сначала, очень недолго, в общей, а потом пересадили в одиночку. Моя камера была как угол этой комнаты (*ограничивает рукой 3-4 квадратных метра*). Очень высокий потолок, метров 4-5, деревянные нары. И очень много тараканов, они приходили по ночам.

Допросы тоже были по ночам. Это было обычно между тремя и четырьмя часами ночи. У меня большие дискуссии были с чекистами. В то время чекисты ведь были не просто полицейские. Они были интеллигенты, да-да, в ВЧК были интеллигенты. И даже искренние, убежденные интеллигенты. Конечно, они все мне говорили: "Мы Вас ведь расстрелять можем". Но не расстреливали, а мы долго с ними спорили, и я их не боялся. Это были совсем не такие следователи, как потом. И они нас выпустили⁷.

С.К. И это никак не сказалось на Вашей учебе в университете? Арест не имел последствий?

В.Л. Да, почти.

С.К. Почему почти?

В.Л. Потому что меня брали потом на несколько дней на Рождество или на революционный праздник, чтобы я в порядке был, а потом опять отпускали. Помню, однажды пришли меня забрать на Гороховую, а автомобиля у них нет. Так меня на трамвае туда везли, с охраной.

С.К. И все-таки, не повлияли ли эти аресты на Вашу учебу в университете?

В.Л. Ну разве только тем, что в учебе в момент арестов пропуски были небольшие. А так нет. Вы не думайте, пожалуйста, что я был активный борец, политик. Для меня то, что я Вам рассказал, незначительными эпизодами было. И я совершенно не боялся. Но вот родители... Они просто убиты этим были. А я не боялся, нет. Может быть, не понимал до конца, очень молодой был. Мне ведь в 22-м шестнадцать лет было. Да и самым главным в жизни для меня всегда наука была. А остальное... Я даже на Гороховой в одиночке занимался. Я в университете подготовил работу об экономических воззрениях Родбертуса. Так вот, Родбертуса я читал, сидя в одиночке.

С.К. Расскажите об этом поподробнее, пожалуйста. Как эта книга попала на Гороховую?

В.Л. Мне ее родители принесли. Мне разрешили передачу, и я сообщил им, какие книги мне нужны. Я уже говорил, что потолок камеры был очень высокий и там, далеко наверху, горела слабая лампочка, может быть в 10 ватт. Внизу почти ничего видно не было. Поэтому я читал, стоя на одной ноге на нарах, чтобы к свету было ближе. Вот так я эту работу и подготовил.

С.К. Причиной того, что Вы покинули страну, были эти аресты?

В.Л. Вовсе нет! Я еще раз хочу сказать: для меня это были малозначительные эпизоды, и я не боялся совершенно. Выйдя из тюрьмы, я спокойно продолжал при случае спор с теми же людьми и на те же темы. Но я был увлечен другим. Для меня главное было — наука. Вот ей я занимался всерьез.

С.К. Тогда что же побудило Вас к эмиграции?

В.Л. Цензор запретил мою статью к печати.

С.К. Только из-за этого?

В.Л. Но это было для меня событием очень важным и многое мне объясняющим. Я расскажу сейчас.

Студентом я много занимался в Публичной библиотеке, изучал труды экономистов XVII и XVIII веков в первоисточниках. Эти книги тогда никто, кроме меня, не брал; может быть, поэтому на меня обратил внимание директор библиотеки Эрнест Николаевич Радлов, очень глубокий, интересный человек, философ-идеалист. Он поговорил со мной о теме моего исследования и предложил написать статью, которую передал для печати в журнал "Анналы" академику Тарле. Вот там-то цензор и запретил ее.

С.К. Но почему? Что "криминального" было в ней?

В.Л. В том-то и дело, что ничего. Это была статья о путях развития науки, о казуальном и нормативном подходах в ней. Я рассматривал развитие двух этих методов у философов начиная с XVIII века, через Канта и Гегеля, и кончая Бергсоном. Это была историко-аналитическая статья, страшно далекая от политики, от идеологии. И если запретили даже ее... Я понял, что здесь наукой невозможно будет заниматься. Ну, может быть, и возможно отчасти, но нормальных условий для работы не будет. А работа моя — для меня главное в жизни. Когда я все это понял, я решил уехать.

С.К. Но как Вам это удалось? Выехать в начале 1925 года из России было делом непростым. "Железного занавеса" еще не было, но граница уже была на крепком замке.

В.Л. Вы правы, это было почти невозможное дело. Но мне повезло. Я заболел, у меня была опухоль на челюсти. Врачи сделали операцию, удалили часть кости и решили, что это саркома. Тогда я попросил, чтобы мне дали паспорт. И мне дали паспорт. Решили — пусть едет, все равно скоро умрет. Когда я уезжал, мне врач дал баночку с удаленной костью. И когда я пошел к врачам в Германии, они исследовали ее и сказали, что это не саркома, и я остался живой. Так что мне саркома очень помогла. Согласитесь, она не многим людям помогает.

С.К. Пожалуй, Вы правы... Как Вы думаете, что ожидало Вас здесь?

В.Л. Вряд ли что-то очень хорошее. Достаточно вспомнить судьбу моих родных здесь. Моим родителям удалось уехать в Германию, так как отец устроился на работу финансовым советником в нашем посольстве в Берлине. Когда начались репрессии, они остались в Германии, а затем переехали ко мне в Америку. Но другие родные...

Мой дядя по отцу, Леонид, я рассказывал о нем, был выслан из Ленинграда и умер в ссылке. Только тогда его семье разрешили вернуться.

А судьба моей тетки по матери, Любови Евгеньевны... Она до революции расписывала ткани на фабрике, создавала новые рисунки. После революции занималась с детьми дошкольного возраста, обучала их иностранным языкам, даже книжку об этом написала. В 38-м году ее арестовали, обвинили в продаже планов советских подводных лодок, да-да! Она провела на каторге много лет. Я от нее получил письмо в 1953 году, и мы переписывались. Я ее посещал все годы до ее смерти в 1967 году.

Так что, я думаю, вряд ли со мной здесь все хорошо было бы. Я всегда был слишком независимым. Это трудно и в Америке — быть независимым, когда требуется финансировать твою работу. Но здесь... Боюсь, здесь было бы намного хуже...

Вот и еще один, довольно распространенный путь, по которому шла "утечка мозгов" из России. Путь, по которому буквально выдавливали интеллигенцию, свободно мыслящих людей. Людей, которых не останавливали угроза лишения личной свободы, репрессии по отношению к личности. Однако репрессии по отношению к творческой мысли — угроза лишения свободы творить, заниматься любимым делом — часто бывали страшнее и действовали безотказно. Так было и в случае с Василием Лентьевым.

Судьба его, личная и научная, сложилась за рубежом счастливо. Он всемирно известен, награжден многими научными и правительственными наградами, его ученики работают во многих уголках земного шара. В конце концов, он мало что потерял. А вот что потеряли мы, наша страна...

Не будем говорить о старой тоталитарной государственной машине, талантливые личности для которой были в лучшем случае нежелательными пасынками. Важно другое. Извлечет ли для себя уроки новая государственность, рождение которой мы наблюдаем сегодня? Научится ли она ценить своих пророков, когда те пребывают внутри, а не вне Отечества?

Примечания

¹ Василий Васильевич Леонтьев родился 5 августа (23 июля) 1906 г.

² Как следует из документов, хранящихся в ленинградских архивах, предки В.В.Леонтьева, купцы-старообрядцы, поселились в Петербурге еще в 1741 г.

³ Горячие дискуссии проходили в это время не только в стенах Петроградского университета, но и во многих других учебных заведениях Петрограда и Москвы. Дело в том, что в системе высшего образования страны ожидалась большие перемены как идеологического, так и финансового характера. Правительство, экономившее в условиях финансового кризиса буквально на всем, планировало сократить ассигнования на высшую школу. Это вызвало протест профессорско-преподавательского состава, вылившийся в марте 1922 г. в забастовку преподавателей МВТУ, МГУ, а затем и петроградских вузов. Сокращение ассигнований, считали они, может привести к тому, "что мы окажемся в зависимом положении от крупных капиталистических государств Запада, которые будут снабжать нашу промышленность не только деньгами, машинами и материалами, но и командным составом".

Однако протест не ограничивался требованиями финансового плана. Профессора, преподаватели, а также значительная часть студентов требовали полной автономии университетов, отмены любых запретов на обучение по идеологическим причинам. Резкой критике подверглись система управления высшей школой и новые сословные правила приема студентов. Студенты-коммунисты же поддерживали позицию Луначарского, настаивавшего на директиве однозначного содержания: "Никакие уступки в сторону неприемлемой автономии университета при нынешнем политическом положении ни в коем случае сделаны не будут". Отсюда и жаркие споры, в которые погрузился юный Леонтьев с первых дней учебы в университете.

⁴ Фамилия студента М. известна, но не приводится здесь по вполне понятным соображениям: никаких документальных доказательств его "специфической" деятельности нет.

⁵ П.А.Сорокин (1889-1968) — известный социолог. В 1919-1922 гг. — профессор Петроградского университета. Выслан из страны осенью 1922 г. вместе с группой философов, историков, социологов и других деятелей науки и культуры. С 1930 г. — профессор Гарвардского университета, основатель кафедры социологии.

В.В.Леонтьев с большим интересом относился к социологии и посещал лекции и занятия по этой дисциплине, хотя она не входила в учебный план экономического отделения факультета общественных наук. В свидетельстве об окончании университета, включающем в себя перечень лекций, семинаров и практических занятий, есть и такая строка: "Кроме того, сдан необязательный предмет — социология".

⁶ Высылка известных ученых осенью 1922 г. была одним из шагов, предпринятых в это время для "усмирения" интеллигенции. Руководство партии, встревоженное упомянутой выше забастовкой и реакцией на нее студенчества, в большинстве своем поддержавшего профессоров, задумало целый комплекс "ответных мер" по пресечению воздействия "антисоветских группировок интеллигенции" на общественную жизнь страны.

8 августа 1922 г. на заседании Политбюро было принято решение о создании комиссии (в составе В.Яковлевой, И.Уншлихта), которой было поручено провести фильтрацию студентов к началу будущего учебного года, строго ограничить прием студентов непролетарского происхождения, установить свидетельство политической благонадежности студентов. Отныне проведение любого съезда или совещания могло быть реализовано только после разрешения ГПУ.

Что касается оппозиционно настроенных ученых, профессоров, то их решено было выслать за пределы страны. К 10 августа список лиц, рекомендованных к высылке, был утвержден. ГПУ было предложено провести у включенных в список обыски. Начались аресты тех, кто, по мнению ГПУ, мог скрыться; остальных подвергли домашнему аресту. Еще раньше, весной 1922 г., некоторые из них, в том числе и Питирим Сорокин, были отстранены от преподавания.

⁷ Приведенный здесь эпизод нуждается в подробном комментарии. Известно, что следователи в ГПУ и в то время были разные, в том числе и такие, "как были потом", по выражению Василия Леонтьева. Однако факт остается фактом: с молодыми людьми обращались достаточно корректно, а спустя некоторое время их вообще освободили. Они вышли из стен ГПУ, похоже, не до конца осознавая, на краю какой бездны находились. Множество людей платили тогда жизнью за неизмеримо меньшие деяния. Достаточно вспомнить таганцевское дело, следствие по которому немногим более года ранее закончилось расстрелом 61 человека, среди которых было немало представителей научной, технической и художественной интеллигенции. Что же им инкриминировалось?

Профессор университета Н.И.Лазаревский, например, обвинялся в составлении проектов типа "Формы местного самоуправления в России" или "О судьбе разного рода бумажных денег (русских)". В деле, как и в случае с Леонтьевым, фигурировали не плакаты, правда, а листовки. Так, замечательного русского поэта Н.С.Гумилева обвиняли в том, что он "активно содействовал (разрядка моя. — С.К.) составлению прокламаций" и "обещал связать с организацией...". А преступление студентки В.П.Акимовой-Перец состояло в том, что она была "сообщницей во всех делах мужа". Напомним, что в августе 1921 г. все они были расстреляны.

На фоне этих "преступлений" действия В.В.Леонтьева и его коллег просто не оставляют надежды на мало-мальское благополучный исход. Чем же можно объяснить освобождение студентов? Счастливым случаем? Отнюдь.

Работа Петроградской губчека, возглавляемой Б.А.Семеновым, вызывала к осени 1921 г. повсеместное недовольство. Мало того, что таганцевское дело обострило страх интеллигенции перед властью большевиков, что в свою очередь породило вторую волну эмиграции, преимущественно состоявшую из высококвалифицированных специалистов. Оно вызвало нарекания и в кругах партийного руководства. К октябрю 1921 г. у В.И.Ленина сложилось однозначное мнение о Петрогубчеке: "Негодна, не на высоте задачи, неумна". В итоге руководство ВЧК организовало централизованную проверку Петроградской ЧК. 20 октября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав сообщение И.С.Уншлихта о результатах этой проверки, признало работу Петрогубчека неудовлетворительной и поручило Оргбюро ЦК и ВЧК внести на утверждение новые кандидатуры в коллегию Петроградской губчека, учитывая исключительную важность Петрограда и необходимость работы "авторитетных и вполне компетентных в политических вопросах лиц". Б.А.Семенов был снят с поста председателя Петрогубчека; точнее, бюро Петроградского губкома РКП(б) удовлетворило ранее поданное Семеновым заявление об уходе с занимаемого поста. На его место пришел С.А.Мессинг, до того возглавлявший Московскую ЧК, а с ним — и более "искушенные как чекисты" следователи, которые и занимались делом В.Леонтьева и его коллег. Именно сменой руководства и части кадров Петрогубчека (преобразованной в декабре 1921 г. в ГПУ) можно объяснить факт освобождения студентов.

С.А.Калядина

ФРАГМЕНТЫ "ДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ"

Михаила Ярошевского арестовали 9 февраля 1938 г. Сперва — отличник-студент, затем аспирант, активный комсомолец... Нормальная биография. И вдруг — арест. Дальнейшее походило на кошмарный сон, но, увы, оказалось явью. Следователи, задав несколько вопросов, начали нещадно избивать его. Затем печально знаменитый "конвейер", когда приходилось стоять 4-5 суток перед сменявшими друг друга следователями. Когда падал — вновь избивали¹.

"Страшным в этом кошмаре, — вспоминал он впоследствии, — было еще и чувство того, что никого не интересовало, виноват ли ты и в чем, собственно, твоя вина. Когда после избиений бросали в камеру, начинались галлюцинации. "Вбивали" готовый, конкретный "сценарий" зачастую придуманный следователем. Алогичность этого сценария, его несовпадение с очевидными фактами, отсутствие каких-либо доказательств — значения не имели. Не покидало ощущение того, что твои убеждения, твоя личность истреблены этой кровавой мясорубкой. Несколько замечательных людей умерли в камере после пыток на моих руках", — вспоминает ученый.

Пытки достигли пределов человеческого терпения 31 марта 1938 г., когда М.Г.Ярошевский подписал самооговор, невзирая на чудовищность обвинения.

Каков же был вбиваемый "сценарий"? Какое место в нем предназначалось Михаилу Ярошевскому? Суть обвинения заключалась в следующем.

В Ленинграде существовала большая, тщательно законспирированная студенческая террористическая организация. Основные задачи ее: покушение на Жданова, взрыв Дворцового моста во время первомайской демонстрации и тому подобное (отсутствие как пиротехников в рядах "заговорщиков", так и взрывчатки, и вообще любого вида оружия следователей нисколько не смущало). Организация, повторюсь, тщательно законспирирована, разбита на боевые тройки, члены этих троек знают только своего старшего, поэтому в случае ареста большие провалы исключены. "Сценарий", похоже, был взят из воспоминаний революционеров и имел одно несомненное достоинство: он худо-бедно объяснял, почему группки "заговорщиков", представляющие собой обычные студенческие компании приятелей, не только не знакомы с другими группками, но даже не подозревают об их существовании.

Михаил Ярошевский был объявлен руководителем одной из таких групп. Почему именно он был выбран на эту роль, сказать трудно. Может быть, потому, что, будучи постарше своих приятелей-студентов на год-два, он уже был аспирантом? Или потому, что не принимал смиренно обвинений, выдвигаемых следователем, а жестоко ругался с ним? Трудно найти логику там, где ее, похоже, не было.

Кто же был объявлен членом этой "террористической группы"? Это прежде всего друг детства, студент исторического факультета Ленинградского универси-

тета Николай Гольдберг. Сын известного ленинградского невропатолога С.Н. Давиденкова², студент-биолог Николай Давиденков, "славный человек, думающий, смелый и немного смешной", так охарактеризовала его Л.К.Чужовская в своих воспоминаниях³. Юрий Люблинский, студент восточного отделения факультета иностранных языков. Сын университетского профессора истории и сам студент-историк Анатолий Предтеченский. Наконец, студент-медик, второкурсник Алексей Дернов.

Сестра последнего, Лидия Дмитриевна Дернова, очень хорошо запомнила арест брата. Это было в конце марта — начале апреля 1938 г. Родители уехали в Москву, и брат с сестрой решили устроить вечеринку. Алексей пригласил коллег-студентов, Лидия — одноклассниц. Веселье было в разгаре, когда в дверь позвонили гости совсем иного рода. Обыск продолжался до утра. Когда Алексея забирали, он, не понимая еще, что его ждет, хотел взять с собой учебники, чтобы не терять времени и готовиться к сессии.

Алексея и его приятелей ожидали совсем иные "университеты". Нет смысла описывать все те муки, которые они претерпели⁴. Перед следователем стояла задача: раскрыть еще один террористический заговор. Но истинными террористами являлись следователи. Сталинская машина террора в их руках работала беспощадно и почти без сбоев.

Почти, потому что сбои все же бывали. Так, 1 мая 1938 г. в камеру, где сидел Михаил Ярошевский, привели только что арестованного Николая Давиденкова. Это было крупной ошибкой работников НКВД. Подследственные, идущие по одному и тому же делу, не должны были встречаться в камере. Ведь они могли сговориться, как вести себя.

Через некоторое время после подписания признаний "террористов" перевели из Дома предварительного заключения на Шпалерной в Кресты. Условия в Крестах были ужасающими. В одиночных камерах размещалось до 25 человек. Однако тюрьма имела одно несомненное преимущество: на допросы отсюда не вызывали и не били.

И еще одни "университеты" прошли студенты в том памятном им году. Университеты мужества, человеческого достоинства. Николай Гольдберг вспоминал позже, какую огромную роль в его жизни сыграла встреча в камере с актером Большого драматического театра Алексеем Диким. Этот человек шутилво и ласково называл его "студент", всячески подбадривал, учил чинить носки и многим бытовым мелочам. Но самое главное — он учил, как продержаться человеку, может быть, в самые трагические моменты жизни, не сломаться, не потерять себя. Алексей Дернов вспоминал, что в камере звучали стихи, сокамерники по очереди читали лекции друг другу.

Но вернемся к сценарию "студенческого террористического заговора". Согласно ему, управлять этой организацией должна была руководящая тройка. На эту роль были выбраны гебраист Иерихович, арабист (ученик Крачковского) Теодор (тогда Тодик) Шумовский и Лев Гумилев.

"Нас подобрали. Подобрали трех студентов, которые между собой были почти незнакомы и ни с кем из других арестованных не были знакомы. Я Шумовского и Иериховича немного знал, но мы были даже на "Вы". Это было на восточном факультете, я там занимался монгольским языком. Но, так как [следователю] нужна была группа, этих одиночек и соединили в группу", — вспоминал Лев Николаевич Гумилев.

Ситуация с Гумилевым была, пожалуй, самой непростой. И дело, конечно, не в его каких-либо противоправных действиях или умыслах. Дело в биографических данных, анкете, которая по тем временам (впрочем, и до недавнего времени) часто решала судьбу человека.

Сын двух великих опальных русских поэтов: Николая Степановича Гумилева, расстрелянного в 1921 г. по таганцевскому делу, и Анны Андреевны Ахматовой — не мог рассчитывать на милостивую судьбу в советском государстве. К 1938 г. он уже дважды испытал на себе, что такое арест. Правда, первые аресты были недолгими.

В декабре 1933 г. Лев Гумилев, тогда еще не студент университета, а просто молодой человек, интересующийся историей Востока, был впервые приглашен в гости к арабисту Эберману. Вечернее чаепитие закончилось довольно неожиданно: Эбермана арестовали, а заодно забрали и всех присутствующих. Обошлось на первый раз практически без последствий: продержали 9 суток и выпустили, даже не оформив ареста.

Второй раз, в 1935 г., арест был уже оформлен. Основанием для него послужил донос, написанный студентами из группы, где Лев учился, о его "антисоветских настроениях". На этот раз, по-видимому, его спасло письмо, которое Анна Ахматова написала Сталину в связи с арестом сына. Через 11 суток его выпустили.

Поэтому 10 марта 1938 г. Лев Гумилев, к тому времени уже окончивший университет и защитивший диссертацию, встретил свой третий арест как человек, искушенный и в этой науке. В тот вечер к нему в гости зашел его брат по отцу, Орест Николаевич Высотский. "Все было ясно, говорить было не о чем; мы молча курили, дожидаясь, когда кончится обыск, потом простились", — вспоминал Л.Н.Гумилев.

Простились ненадолго: 4 апреля 1938 г. в студенческом общежитии Лесотехнической академии был арестован студент 4-го курса академии Орест Высотский. Вместе с ним арестовали еще 7 сокурсников: Исака Шура, Михаила Башко, Александра Шаравина, Антона Геннинга, Павла Горышина, Михаила Плутенко и Владимира Кудасова. Еще одна группа "врагов народа" была "обезврежена". Кровавая мясорубка работала безостановочно.

Льва Гумилева били 8 ночей подряд, после чего он подписал "признания", даже не читая их⁵. Так или при схожих обстоятельствах были получены признания и других арестованных.

К осени 1938 г. "студенческие дела" были слеплены. 23 сентября группу Михаила Ярошевского повезли на заседание Военной коллегии Ленинградского военного округа, где все до одного подсудимые заявили, что их показания сочинены следователями и подписаны под пытками! Особого эффекта это не произвело. Ответ Председателя суда Грачева был короток: "Вы клеветаете на органы НКВД!".

Несмотря на очевидную состряпанность дела, отсутствие свидетелей и доказательств, суд признал студентов виновными по статьям 58-10 (контрреволюционная агитация и пропаганда) и 58-11 (групповая террористическая деятельность). Создается впечатление, что сроки наказания определяла машина: двоим (Ярошевскому и Гольдбергу) — по 10 лет, двоим (Давиденкову и Люблинскому) — по 8 лет, двоим (Дернову и Предтеченскому) — по 6 лет лагерей. "Похоже, что были заданы параметры, статистика, — вспоминает М.Г.Ярошевский. — Логика? Ее никто не искал. Была задача найти "террористов", "врагов народа", а это совсем иное дело"⁶.

Сразу по окончании суда заключенных доставили в пересыльную тюрьму. Ирония судьбы: именно теперь, после суда, "руководитель террористической группы" Михаил Ярошевский познакомился наконец со своим "шефом", Львом Гумилевым, получившим, как и его "подельщики", на заседании Военного трибунала 10 лет лагерей по статьям 58-10 и 58-11. Около трех недель повседневно общаясь молодые люди спали рядом, на каменном, промозглом полу камеры. Подружились, читали друг другу письма с воли. Ярошевский на всю жизнь запомнил строки из одного письма Анны Андреевны Ахматовой к сыну, которое Лев прочел ему: "Сегодня пойду в сад шуршать осенними листьями!" Лев был верующим. Перед сном молился и непременно крестил подушку. Во время следствия Гумилев и Давиденков сидели в одной камере и тоже подружились⁷.

Вскоре Льва Гумилева отправили в лагерь, на Беломоро-Балтийский канал, а Михаил Ярошевский остался в ожидании своей участи.

Ждать пришлось довольно долго. Внезапно, в декабре 1938 г., его опять перевели в Дом предварительного заключения на Шпалерную. На этот раз

никаких побоев, никаких ночных допросов. Его не вызывали вообще, будто забыли о его существовании. Вновь потекли мучительные месяцы ожидания.

Лишь в первых числах мая 1939 г. Ярошевского вызвали наконец на допрос. Это был очень странный допрос. Новый следователь, не представившись, не произнес ни звука, протянул ему листок протокола допроса, на котором было три вопроса: "знал ли он лиц, занимающихся контрреволюционной и террористической деятельностью?", "занимался ли сам антисоветской деятельностью?", "принимал ли участие в террористической деятельности?". Против всех трех вопросов Ярошевский написал "нет", расписался, поставив число. Его тут же отправили в камеру.

"Все равно сгною" — со злобой бросил ему в спину энкаведешник.

Наконец, 23 мая 1939 г., не входя в особые объяснения, не выдав никаких документов или справок о причинах его пребывания в этих стенах, Ярошевского освободили. Только придя домой, он узнал о том, что Ежова сменил Берия; о том, что приговор по делу их шестерых, слепленному невероятно невежественно даже для того времени, не был утвержден военной коллегией Верховного суда СССР и дело отправлено на исследование. Стало понятно, почему появился новый следователь: ежовские кадры проходили тот путь, по которому прежде отправляли сотни тысяч своих сограждан. Вечером выяснилось, что Алексей Дернов, так же как и Ярошевский отправленный из пересыльной тюрьмы на Шпалерную, в тот же день отпущен на свободу.

Судьба четверых оставшихся товарищей, которых из пересыльной тюрьмы в декабре 1938 г. отправили не на Шпалерную, а в Кресты, была неясна. Она окончательно решилась на заседании судебной коллегии по уголовным делам Леноблсуда 28-29 июня 1939 г.

Из приговора по делу № 1141/54069: "Рассмотрев материалы предварительного и судебного следствия, выслушав показания подсудимых, свидетелей, суд нашел установленным, что предъявленное обвинение по ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР в отношении Гольдберга, Давиденкова, Люблинского и Предтеченского по материалам судебного следствия не установлено". И потому: "Гольдберга Николая Моисеевича, Давиденкова Николая Сергеевича, Люблинского Юрия Романовича и Предтеченского Анатолия Анатольевича по ст. 58-10 ч. 1 УК и 58-11 УК по суду оправдать. Мэру пресечения в отношении их изменить, освободив их немедленно из-под стражи".

Итак, все шестеро на свободе! И не только они. К осени 1939 г. из заключения вернулись все 8 студентов Лесотехнической академии, причем пятеро из них были освобождены так же, как Дернов и Ярошевский, а троих: Ореста Николаевича Высотского, Исака Соломоновича Шура и Михаила Степановича Башко — судила в закрытом заседании уголовная коллегия Леноблсуда 28-29 сентября. Все трое были оправданы за отсутствием состава преступления.

Что же, справедливость наконец восстановлена? Добродетель торжествует, порок наказан? Нам с позиции 90-х гг. очень хорошо известно, что на самом деле случилось в этот момент. При замене руководителя НКВД машина террора приостановилась на мгновение. Для доказательства того, что в НКВД пришел наконец "добрый, хороший начальник", было выпущено немало несправедливо обвиненных людей. Правда, в образовавшийся узкий просвет на волю вышло не более 5 % заключенных. А машина уже вновь набирала обороты.

Мы знаем, что недолеченная болезнь террора при поверхностном, косметическом лечении ушла вглубь, чтобы вскоре вновь выйти на поверхность. Сегодня нам важно выяснить другое: была ли видна поверхность "лечения" тогда, в 1939-м? Анализ документов показывает: да, была.

Обратимся к оправдательному приговору четверых из группы Ярошевского. В нем совершенно не упомянуты вопреки настоянию обвиняемых, противозаконные действия следователей, выбивавших показания из подследственных. На суде свидетели один за другим решительно отказывались от ранее данных ими показаний. Они не могли припомнить ни одного факта антисоветских высказываний

подсудимых. Почему же тогда эти показания фигурируют в деле? Угрозы и нажим следователей? Оговор, клевета? Но тогда почему свидетели, давшие ложные показания, не привлечены к ответу? Опять молчание.

Следует отметить, что на скамье подсудимых оказалось не четверо, а пятеро. Пятым был друг Давиденкова и знакомый большинству студентов Борис Быков. Почему же человек, не включенный в состав "террористической группы" даже при Ежове, присоединен теперь? Нет ответа.

Кстати, его судьба на суде сложилась по-иному. Нашлись свидетели, которые подтвердили, что в 1937 г. он "вел антисоветскую агитацию, выразившуюся в составлении пародийного стихотворения на смерть одного из общественных деятелей Советской страны"⁸. За это, а также за "хранение журнала антисоветского содержания 1918 года" он был приговорен к 4 годам лишения свободы по ст. 58-10 ч.1 УК с последующим поражением в правах на два года. Создается впечатление, что Быкова и присоединили-то к этой группе только для того, чтобы показать, что органы НКВД не совершали массовых беззаконий, а допускали "отдельные ошибки" при обнаружении подлинных "врагов народа"⁹.

В отличие от Быкова Льва Гумилева не присоединили к этой группе (это было бы логичнее) и вообще не судили уголовной коллегией, как остальных. История с ним произошла непростая. Еще при Ежове прокуратура отменила приговор по его делу; был назначен пересмотр, причем в сторону утяжеления. Гумилеву грозил расстрел. Спасло его то, что к этому моменту его уже отправили в лагерь. Ко времени, пока документы пришли в лагерь и заключенного этапировали в Ленинград, Ежова с подручными уже не было, а дела рассматривались уже в сторону облегчения участи заключенных. Сидя в знакомых ему Крестах, неподалеку от камеры брата, Ореста Высотского, с которым они с невероятными трудностями ухитрялись все-таки связываться¹⁰, Лев ожидал своей участи.

Оснований для обвинительного приговора не было ни малейших. Но, как уже упоминалось выше, была анкета. К делу ее, конечно, не пришьешь, и любой суд вынужден был бы оправдать Гумилева. Именно потому на суд он не попал. Приговор по его делу выносило ОСО, и приговор был — 5 лет лагерей. На сей раз на Север, в Норильск. Судя по воспоминаниям Лидии Чуковской, его отправили туда 15 августа 1939 г. (Лидия Корнеевна и Николай Давиденков помогали Ахматовой собирать теплые вещи для сына).

Гумилеву повезло: ему посчастливилось устроиться на шахту. На недоуменный вопрос автора статьи: "Почему посчастливилось?" — он ответил: "Конечно, шахта — это гораздо лучше, чем лесоповал. На улице — минус 39 градусов и ветер, а в шахте — минус 4 и тихо. Это разница большая. Я там в геологическом бюро работал, а потом перебрался в химическую лабораторию архивариусом". "Правда, — признался Лев Николаевич, — шахта очень изнуряет человека". Поэтому к моменту окончания срока здоровье его было столь слабым, что он с трудом работал здесь же, в Норильске, вольнонаемным техником-геологом и счел за благо добиться отправки на фронт. Фронтные тяготы и лишения он вспоминает с улыбкой: "Там гораздо легче было. По сравнению с лагерем — как на курорте." Отшагав рядовым от Брест-Литовска до Берлина и вернувшись домой, он успел еще почти 4 года пожить на свободе перед новым арестом в 1949 г. Вышел на свободу Гумилев только в 1956-м ...

По-разному сложились судьбы арестованных в 1938 г. шестерых студентов. Юрий Люблинский (1917-?) окончил факультет иностранных языков, прожил в Ленинграде страшную блокадную зиму 1941/42 г., был призван в армию и пропал без вести.

Анатолий Предтеченский (1916-1942) тоже был восстановлен в университете, окончил истфак, воевал на Ленинградском фронте, где умер от голода зимой 1941/42 г.

Николай Гольдберг (1917-1970) был восстановлен не только в университете, но и в комсомоле; сразу после освобождения ему даже была выдана путевка на юг. По окончании университета поступил в заочную аспирантуру. Учебу прервала война. Воевал, был тяжело ранен на Курской дуге. После войны защитил

кандидатскую, затем и докторскую диссертацию, работал старшим научным сотрудником Музея религии и атеизма. Издал свыше 60 научных работ. Самые известные из них — двухтомная антология "Американские просветители" и монография о Томасе Пейне.

Алексею Дернову (1916-1979) тоже удалось получить высшее образование. Война застала его на Севере, где он работал врачом. Всю войну прослужил на Северном флоте фланганским врачом бригады эсминцев. Был военврачом и в мирное время. После демобилизации защитил кандидатскую диссертацию и работал физиологом в одном из ленинградских научно-исследовательских институтов.

Михаил Григорьевич Ярошевский (р.1915) был восстановлен в аспирантуре, которую окончил только в 1945-м, уже в Москве. (До того по состоянию здоровья был признан негодным к военной службе). После защиты кандидатской диссертации он стал сотрудником сектора психологии в Институте философии АН СССР. Во время гонений на ученых в 1951 г. М.Ярошевский был вынужден оставить институт и уехать в Таджикистан, где организовал две кафедры и лабораторию экспериментальной психологии в университете и педагогическом институте. В Институте психологии в Москве защитил докторскую диссертацию. В 1965 г. создал и возглавил сектор психологии научного творчества Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. В этом институте работает и сегодня.

Как это ни парадоксально, но был реабилитирован прокуратурой Ленинграда лишь 7 мая 1991 года.

Пожалуй, самая тяжелая судьба выпала на долю Николая Давиденкова (1916-1950?). Он единственный из шестерых не был восстановлен в университете, поэтому перед войной (в начале 1941 г.) был призван в армию. Служил во Львове, прислал друзьям несколько писем с описанием порядков, царивших в армии. Затем война. Тяжелораненый, он попал в плен под Минском, бежал из немецкого лагеря. Опубликовал книгу о терроре, о своем аресте. Воевал с немцами в одном из соединений союзников на Западном фронте, потом оказался уже в советском лагере, где после войны был расстрелян, по слухам, за попытку поднять восстание в лагере. Никаких документов об этом нет, есть лишь непроверенные слухи. Во всяком случае, Лидия Чуковская получила от него письмо, которое называет прощальным, в мае 1950 г. В том же году М.Г.Ярошевского вызывали на Лубянку, задавали вопросы о Давиденкове. С большой степенью вероятности можно утверждать, что его не стало именно в 1950 г. Как напоминает Л.К.Чуковская, подробно судьба Н.Давиденкова изложена в книге "Архипелаг ГУЛАГа".

Борис Быков (1914-?) был освобожден незадолго до начала войны. Весной 1941 г. они с Николаем Давиденковым успели еще выпустить книжечку для детей "Правда и ложь", изданную с рисунками Давиденкова Домом занимательной науки, где в действительно занимательной форме давались сведения о биологии. (Эту книжечку бережно хранит у себя вдова Н.М.Гольдберга — Татьяна Дмитриевна). В войну ушел на фронт, следы его затерялись. После войны к Николаю Гольдбергу подошел в Публичной библиотеке человек и передал привет от Быкова. По его словам, Быков в это время жил в Вене. Это все, что известно о его судьбе.

Данная статья не случайно названа "Фрагменты "Дела...". В ней упомянуты лишь 18 имен тех, кто был арестован по сфабрикованному ленинградским НКВД делу. А это далеко не все. Так, известно, что в это же время была арестована группа студентов и аспирантов-востоковедов, куда входил будущий член-корреспондент АН СССР В.И.Рутенбург (1911-1988), обвиненный в международном шпионаже (он изучал эсперанто). Лев Николаевич Гумилев рассказывал, что на допросах упоминались "террористические группы" географического факультета университета, Института холодильной и молочной промышленности. Найти их имена — наша задача.

Автор приносит глубокую благодарность М.Г.Ярошевскому, Л.Н.Гумилеву, О.Н.Высотскому, Л.Д.Дерновой, Т.Д.Гольдберг-Тороповой за помощь в работе над статьей.

Примечания

¹ Пагубность глобального сталинского террора для будущего страны, для исторических судеб ее народов преувеличить невозможно. Жертвой террора стала преимущественно наиболее работоспособная часть населения., — та возрастная категория, которая аккумулируя лучшие силы нации, определяет ее процветание. И не только в данный актуальный исторический период. Разрушался генофонд народа, его творческий потенциал. И это, конечно, не могло не предопределять ослабление энергии следующих поколений, в том числе и тех, чьими талантами обусловлен научно-технический прогресс. Волна кровавых репрессий поглотила и часть студенческой молодежи, считавшейся властями потенциально опасной для тоталитарного режима. Как известно, в дореволюционной России передовое студенчество приносило властям немало неприятностей и хлопот. Оно в борьбе за новую Россию действовало активно, нередко студенты становились на путь террора. Со свойственной им инертностью мышления сталинские сатрапы переносили стереотипы прошлого на новые времена. В среде студенчества органы НКВД искали террористов. Если их не было, следовало их придумать. О том, что в итоге истреблялась молодежь, служащая резервом будущей науки (и, тем самым наносилась непоправимый ущерб этому будущему), свидетельствуют редкие прецеденты, когда в силу случайного стечения обстоятельств, студенты и аспиранты, оказавшиеся в застенках НКВД, уцелели, становились известными учеными. Им повезло. Но сколько молодых людей, которые впоследствии могли бы составить славу отечественной науки, погибли в безвестности в этих застенках и во мраке ГУЛАГа. Об одном из редких прецедентов рассказывает эта статья. В начале 1938 г. "бдительные" органы сфабриковали из студентов Ленинградского университета "террористическую организацию" численностью в несколько десятков человек. Из ставших жертвами этого липового "дела" смогли в последующем заняться наукой шестеро: всемирно известный профессор Л.Н.Гумилев, профессор Н.М.Гольдберг, кандидат биологических наук А.Д.Дернов, член-корреспондент АН СССР В.И.Рутенбург, Т.А.Шумовский и я (прим. М.Г.Ярошевского).

² В настоящее время в Ленинграде на доме по ул. Салтыкова-Щедрина, где он жил, установлена мемориальная доска.

³ См.: Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой // Нева. 1989. № 6. С. 3-74.

⁴ Сестра Алексей Дернова вспоминает, что после освобождения брат ничего не рассказывал, но на протяжении нескольких месяцев, когда к нему обращались даже самые близкие (родители, сестра), он вставал и закладывал руки за спину... латинская поговорка гласит: "Мудрому достаточно".

⁵ Как оказалось, среди обвинений, предъявленных Льву Гумилеву, было и такое: якобы мать подговаривала его убить Жданова, мстить за расстрелянного отца (см.: Чуковская Л.К. Указ. соч. С. 6).

⁶ Уже после освобождения молодые люди провели тщательный анализ вопросов, задаваемых им следователем. Анализ показал, что поводом к их аресту послужил донос, вероятнее всего на Н.Гольдберга (очень уж часто речь шла о круге его друзей). Предположительно даже установили лицо доносчика: его имя следователь ни разу не внес в протокол при перечислении друзей Гольдберга. Имя этого человека автор назвать воздерживается по мотивам понятным: нет документов, подтверждающих столь тяжкое обвинение. Об этом же просили вдова и дочь ныне покойного Н.Гольдберга. "Да и зачем это сейчас, — говорил М.Г.Ярошевский, — этот человек и так был наказан судьбой: и он, и его родители погибли в первую же бомбежку в Ленинграде". Если соображения о доносе на Гольдберга верны, то становится ясным, почему он был одним из двоих, получивших максимальный срок.

⁷ Здесь существует некоторая неясность. Л.Н.Гумилев утверждает, что познакомился и подружился с Колей Давиденковым в камере во время следствия. Л.К.Чуковская же со слов А.А.Ахматовой говорит о знакомстве ее с Колей Давиденковым еще до ареста. Одно не исключает другого, хотя, конечно, несколько странным выглядит то, что молодые люди не знали друг друга. Страшная судьба Н.С.Давиденкова лишила нас возможности уточнить что-либо в этой истории.

⁸ М.Г.Ярошевский поньше помнит строку одного из стихотворений Быкова, которое было объявлено "антисоветской агитацией": "Посмеяться над дояркой в платье ярко-голубом".

⁹ Между прочим, не стоит приуменьшать влияние подобных действий на массовое сознание. Многие тогда считали, что "зря не посадят, а если ошиблись — там разберутся". Проведение подобного рода процессов, оправдывающих только часть подсудимых, работало на укрепление этого убеждения. Приверженцами его нередко становились даже члены семей репрессированных. В частности, подобного мнения стала придерживаться и мать Николая Давиденкова, Ксения Григорьевна, приводя Анну Ахматову высказываниями по этому поводу в неописываемую ярость (см.: Чуковская Л.К. Указ. соч. С. 33).

¹⁰ Многие совпало в их судьбе: почти одновременный арест, даже один и тот же следователь — Бархударьян.

А.А.Фирсов

ИЗ ИСТОРИИ КОЛТУШСКОГО ПРИМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Среди многих ученых, изучающих поведение животных, утвердилось мнение, что имя И.П.Павлова, создателя условно-рефлекторной теории, связано в основном с экспериментальной работой на собаках. Вероятно, в значительной степени это обстоятельство объясняется кризисным моментом, когда Павлов, уже в самом конце жизни, убедился, что даже ближайшие ученики не понимают его и не поддерживают в том новом, что возникло в результате исследований психики человека и обезьян. Многочисленные биографы великого физиолога, словно сговорившись, забывали поставить нужный акцент в творчестве Павлова. Вместе с тем хорошо известно, что, проводя основную экспериментальную работу на собаках, он уже с 1918 г. начал обогащать науку о мозге фактами исключительной важности относительно психически больного человека. Спустя еще пять лет Павловым была предложена программа для изучения филогенеза высшей нервной деятельности. В связи с этим на Баренцевом море была организована лаборатория для исследования поведения беспозвоночных животных, где с большим успехом трудился молодой талантливый сотрудник Павлова, впоследствии известный академик Е.М.Крепс. В том же году в субтропическом Сухуми под влиянием многих крупных ученых, в их числе и Павлова, поддержанных наркомом здравоохранения Н.А.Семашко, создается биостанция ВИЭМа, ставшая прообразом ныне существующего Института экспериментальной патологии и терапии АМН СССР.

Чтобы в дальнейшем не возвращаться к началу этой статьи, следует сказать, что первые исследования сотрудников И.П.Павлова на обезьянах были выполнены в Ленинградском зоопарке, где Д.С.Фурсиков, Н.А.Подкопаев и несколько позже А.Г. Иванов-Смоленский оборудовали специальный физиологический кабинет. Необходимо отметить целенаправленность интереса Иванова-Смоленского, работавшего в павловской психиатрической клинике и придававшего исключительную важность онтогенетическому изучению психических процессов у детей. Естественность приматологического аспекта исследования в этом же ключе совершенно понятна. При этом, необходимо напомнить, что в 20-е гг. текущего столетия обезьяна как экспериментальный объект еще была полна загадок, что породило непримиримые трактовки разных авторов даже в том случае, если они работали по одинаковым методикам. С этим фактом нельзя не считаться, так как доля откровенного вымысла, чаще всего из-за непрофессионализма и желания взглянуть на обезьяну как на обычное ж и в о т н о е, пока не уменьшается. Уже на заре отечественных исследований поведения обезьян, в 30-е гг., все чаще встречаешься в публикациях с усиливающейся идеологизацией трактовок в понимании биологических фактов. Вероятно, это обстоятельство в значительной степени послужило тормозом в развитии приматологических исследований в нашей стране.

Все сказанное делает необходимым подчеркнуть еще раз, что организация обезьяньего питомника в Сухуми была поддержана Павловым. На запрос Академии наук о целесообразности устройства биостанции И.П.Павлов ответил со всей убежденностью, что "существование питомника для обезьян, несомненно, имеет большой биологический интерес". Как показали исследования сотрудников павловского физиологического отдела биостанции, мнение их учителя полностью подтвердилось. Физиологические параметры высшей нервной деятельности антропоидов (шимпанзе, орангутанг) и низших обезьян разных видов существенным образом отличались от тех, что были установлены на собаках. Особенно четко эти факты проявились в работах Л.Н.Воскресенского, Ф.П.Майорова, А.А.Линдберга, С.Д.Каминского, А.С.Долина и др. Поразительные факты, касающиеся тормозного процесса и лабильности нервных процессов, послужили Павлову для трактовки психического состояния больного человека.

Качественно новое проникновение в проблему высшей нервной деятельности обезьян начинается с 1933 г., когда в Колтуши были доставлены из Франции два подрастающих шимпанзе (Роза и Рафаэль), ставшие впоследствии знаменитыми в научных кругах, а благодаря созданию о них научно-популярного кинофильма — и среди всего населения. В этом месте статьи нам придется сделать отступление, чтобы сказать о многом, что до настоящего времени в текстах "Павловских сред", вышедших в свет в 1949 г., к столетнему юбилею со дня рождения И.П.Павлова, именовалось словом "экспериментатор".

Кто скрыт за этим словом? И почему он лишился права упоминания по фамилии? На основании исследования пока немногочисленных архивных материалов (стенограмм, постановлений государственных и партийных учреждений, фотографий, писем), бережно хранимых Анной Поликарповной Гуль — женой "инкогнито-экспериментатора", работавшей в Колтушах у И.П.Павлова, — основной вопрос выяснился довольно просто.

Речь пойдет о Петре Константиновиче Денисове, которого хорошо помнят старожилы с.Павлово (Колтуши). Хочется приоткрыть еще одну дверь в глухом заборе таинственности, перед которой много лет останавливался каждый исследователь, желавший узнать правдивую историю о первых работах И.П.Павлова с шимпанзе на его биостанции под Ленинградом. В литературе по разным причинам ответа не было. Казалось бы, и времени не так уже много прошло (всего лишь 30-е гг. нашего века), и публикация случайно промелькнула в трудах XV Международного физиологического конгресса¹, и жена Денисова А.П.Гуль с разрешения академика К.М.Быкова опубликовала статью в "Журнале высшей нервной деятельности", а туман все не рассеивался.

Становилось все понятнее, что "белое пятно" — не плод коварства человеческой памяти, а кем-то специально организовано и поддерживается хорошо отработанным механизмом забвения, замешанным на дурных страстях. Легко убедиться, что этот механизм безотказно работает и в настоящее время, легко справиться с совестью и порядочностью некоторых людей. По меткому выражению А.Аджубея, "долго нас учили ничего не видеть, ничего не слышать. И как следствие, — не знать"². Это состояние по понятным причинам устраивает не только власть имущих, но и всякого рода делег от науки, стремящихся в любых условиях урвать побольше.

Но известно, что все тайное в конце концов становится явным. Войдя в открывшуюся дверь забора, попытаемся без суеты оглядеться, спокойно взвесим все, что лежит перед нами, бережно разложим факты начиная с первого дня, когда И.П.Павлов увидел двух очаровательных шимпанзят, привезенных из Франции П.К.Денисовым, который получил их в подарок от профессора С.А.Воронова. Совершенно естественным решением Павлова было поручить своему аспиранту П.К.Денисову исследование сложного поведения шимпанзе, что и было сделано.

Интереснейшая совместная работа И.П.Павлова и П.К.Денисова продолжалась без малого три года, в течение которых был получен большой оригинальный материал, легший в основу докторской диссертации Денисова. Все основные серии

экспериментов, которые частично показаны в кинофильме "Роза и Рафаэль"³, а также широко прокомментированы Павловым на знаменитых "Средах", являлись, таким образом, и авторской собственностью П.К.Денисова. Теперь все это становится ясным, а архивные справки и оставшиеся стенографические отчеты, ждущие своей публикации, вскрывают многое из сложной судьбы не только самого Денисова и его трудов, но и всей павловской школы.

Обратимся вначале к текстам "Сред", где И.П.Павлов тщательно разбирает данные текущих опытов, поставленных П.К.Денисовым (в текстах он назван "экспериментатором"). В методах работы Денисова на шимпанзе Роза и Рафаэль поражает простота технической стороны эксперимента с глубокой продуманностью их биологической адекватности. По понятным причинам некоторые экспериментальные приемы Денисов заимствовал у В.Кёлера, который работал на группе шимпанзе и предложил ряд общих трактовок их поведения, не удовлетворивших И.П.Павлова. Поэтому настоятельно требовался повтор исследования по сходной методике на других обезьянах и другим экспериментатором. Это был для Павлова обычный ход, сделавший результаты его исследований эталоном физиологических закономерностей. Известно, что Павлов давал несколько своим сотрудникам диссертационные темы практически сходного названия, на что сейчас никто не отважится. И все полученное, как потом было проверено временем, составило золотой фонд науки о поведении животных.

Так что же обнаружилось в текстах физиологических "Павловских сред"⁴, вышедших под редакцией академика Л.А.Орбели и профессора В.В.Строганова? Откроем 2-й том на с.165-167, где изложен один из фрагментов стенограммы "Среды" от 20 декабря 1933 г. Из его содержания видно, что Павлов попросил экспериментатора дать одну из задач сидящим перед ними Розе и Рафаэлю. О научной значимости этой совместной работы будет сказано ниже, здесь же следует отметить, что наблюдения велись во время одного из опытов, предложенных для изучения сложного поведения антропоидов П.К.Денисовым. Опыт касался различения обезьяной формы. Дальше все остается на совести В.В.Строганова, который редактировал "Среды", но разбор идет уже только от одного лица. На этом заседании Павлов смело заявил о своем недоумении по поводу того, "каким манером человек ухитрился вырыть такую яму между собой и животным". (Там же. С.165).

Из многочисленных работ по высшей нервной деятельности животных и человека, по выступлениям Павлова на физиологических и психиатрических "Средах" отчетливо видно, что он был убежденным дарвинистом. Он считал, что "возбудителем и вдохновителем современного сравнительного изучения высших проявлений жизни животных по всей справедливости надо считать Чарлза Дарвина" и что его "гипотеза происхождения человека от животных придала захватывающий интерес изучению высших проявлений жизни животных"⁵. Надо ли уточнять, что под "высшими проявлениями жизни" Павлов понимал высшую нервную, психическую деятельность животных и человека в их планетарном значении. Именно отсюда тянется ниточка к рассуждению о "яме". Частое повторение этой идеи в трудах И.П.Павлова, В.М.Бехтерева, И.И.Мечникова, В.И.Вернадского, А.А.Ухтомского и др., индуцированной выдающимся трудом И.М.Сеченова "Рефлексы головного мозга" (которую тот в свою очередь почерпнул у Ч.Дарвина)⁶. может свидетельствовать только о том, что в науке назрела крайняя необходимость в поиске принципиальных линий общего сходства и категорического отличия между человеком и животным. Как показывает мировое состояние науки, многие проблемы, имеющие к этой идее самое прямое отношение: память, орудийная и подражательная деятельность, коммуникация, способность к абстрагированию, пресоциальное (у человека социальное) поведение, онтогенез психических функций, — с большим нетерпением ждут грамотного междисциплинарного синтеза.

В том же 2-м томе "Павловских сред" на с.385-389 изложен фрагмент "Среды" от 16 мая 1934 г. В нем, уже без ссылки на "экспериментатора", речь идет об

опытах П.К.Денисова, в которых проявилось отчетливое индивидуальное отличие поведения двух шимпанзе. Рафаэля И.П.Павлов называл "утробистым господином", тогда как Роза, по словам Павлова, "предпочитает умственные упражнения брюшному удовлетворению". Вполне возможно, что это различие в мотивированности поведения обезьян (Рафаэль за правильное решение получал пищу, а Роза выходила на свободу) определило существенную разницу в скорости образования моторных навыков с отожествлением формы палки-"ключа" и отверстия в проблемном ящике или в двери вольера: Рафаэль — 16 опытов, Роза — 5 опытов. Вероятно, обостренное внимание Павлова к индивидуальной характеристике поведения шимпанзе было подготовлено теми материалами, которые в его лабораториях были получены на собаках и легли в основу учения о типах высшей нервной деятельности.

Используя небольшие возможности, попытаемся оценить научный вклад П.К. Денисова в разработку проблемы высшей нервной деятельности человекообразных обезьян, сделанный при неусыпном внимании к работе самого Павлова. Как известно, несколькими годами раньше физиологические исследования поведения обезьян были начаты в Сухуми. Проводились они там при помощи методик, не отличавшихся от лабораторных приемов тестирования собак, кошек, крыс и других животных. И еще одно обстоятельство: сведения о полученных результатах периодически докладывались И.П.Павлову, но он сам никогда в Сухуми не был и опытов не видел. В отличие от этого колтушские шимпанзе Роза и Рафаэль сразу завладели вниманием Павлова, и он вместе с П.К.Денисовым приступил к опытам, в которых хотел проверить данные В.Кёлера. Естественно, что для этого необходимо было воссоздать до тонкостей, исключая критические серии, ситуацию экспериментов указанного психолога. Делалось это, как видно из рассказов Павлова на "Средах", после обстоятельного знакомства с книгами В.Кёлера (Kohler)⁷ и Р.Йеркса (Yerkes)⁸, которое породило много вопросов, ответ на которые мог дать только эксперимент, желательно на других обезьянах, что и было сделано.

Разумеется, стиль и обстоятельность разбора опытов на обезьянах по отчетам сухумских сотрудников и материалов, полученных в Колтушах совместно с Денисовым, отличаются в значительной степени. Эмоциональная сторона сообщений, а также информационная насыщенность их не оставляют сомнений в особой важности всего наблюдаемого. Как писал П.К.Денисов в "Вестнике Академии наук СССР", посвященном памяти его учителя И.П.Павлова, "мы явились виновниками этой работы (исследования поведения Розы и Рафаэля. — Л.Ф.) и вместе с ним на протяжении трех лет испытали всю прелесть научного творчества великого физиолога"⁹. Написано так, как сейчас уже не пишут.

Первое упоминание о начале работы в Колтушах на шимпанзе Роза и Рафаэль есть в "Среде" от 18 октября 1933 г. Мощная ориентировочно-исследовательская деятельность антропоидов не могла не поразить исследователей. Павлов говорил, что "совершенно независимо от еды обезьяны охвачены постоянным стремлением исследования"¹⁰. Это качество их поведения определило многие методики для изучения высшей нервной деятельности шимпанзе. В одном из опытов экспериментаторы показали Розе пенал, открыли и закрыли его, а потом вынули крышку пенала и дали обезьяне для игры. Быстрые и беспорядочные движения Розы ни к чему не приводили. Когда же экспериментаторы решили помочь обезьяне и стали вставлять крышку пенала в его прорези, "нужно было видеть, с каким интересом, с какой страстью она впилась в него глазами и досматривала все моменты этого акта"¹¹.

Исследователи увидели очень многое: и особое отношение обезьяны к пище, и напряженность внимания, и упорство, которое трудно оторвать от нашего понимания того феномена, который у психологов именуется волей. Она ведь тоже эволюционно возникла из какой-то "биологической почки", уже оформившейся у обезьян, даже необязательно человекообразных. Как видно из подробного павловского комментария, в опыте с пеналом Роза около 2 ч. пыталась сама закрыть его крышку, но успеха так и не достигла, чему, вероятно, мешала и ее стремитель-

ность. Во время заседания Павлов, рассказывая об опытах на обезьянах, говорит то "я", то "мы", иногда он обращается к присутствующим с вопросом по существу происходящего, и один из присутствующих "с места" (так в тексте) дает ему пояснения. Понятно, что все это приемы редакторов, желающих избежать цензурных запретов или (почему не подумать и так) показать читателю, что Павлов в этой работе не один, а дальше нужно догадываться.

Для того чтобы избежать повторения многих деталей хода экспериментов с обезьянами, здесь будут приведены первые систематизированные результаты, сделанные П.К.Денисовым к началу работы XV Международного физиологического конгресса летом 1935 г. в Ленинграде. Расширенные тезисы Денисова "Аналитическая и синтетическая функция больших полушарий обезьян шимпанзе" чудом сохранились в уже упомянутых трудах конгресса и в "Физиологическом журнале". Это несомненная удача, так как в названных книгах есть много вымаранных черной тушью фамилий в оглавлениях и заклеенных страницах текста. Уцелевшие страницы в обеих книгах с идентичным текстом дают отчетливое представление о физиологической направленности исследований П.К.Денисова поведения антропоидов с использованием в методах работы и о трактовке данных с позиции теории условных рефлексов.

Задача исследователя заключалась в определении способности шимпанзе к различению формы предметов и оперированию этими знаниями в дальнейших экспериментах. Для этого Розе и Рафаэлю предлагался так называемый проблемный ящик, в который на виду у обезьян закладывалась пищевая приманка, обычно фрукты, и давались палки-"ключи", с помощью которых ящик можно было открыть. Суть испытания заключалась в том, что форма отверстия в крышке ящика произвольно менялась экспериментатором (в одной крышке ящика отверстие было круглым, в другой — квадратным, в третьей — треугольным). В соответствии с этим палки-"ключи" также имели разное сечение. Следовательно, первая и последующая выработки навыков различения элементов ситуации опыта дали возможность автору установить не только скорость начального образования дискриминации форм палок-"ключей" и отверстия в крышке, но и сделать оценку степени хранения первого моторного условного рефлекса на фоне выработки последующих. Как пишет Денисов, тщательно сравнив результаты своих экспериментов на двух шимпанзе, сущность их поведения заключается в начальном анализе всех признаков экспериментальной ситуации, разложении общей картины на части и в дальнейшем синтезировании этих частей. Анализ и синтез, по мнению автора, осуществляются через фазы торможения с выработкой и тренировкой этого процесса до его окончательного укрепления, что отражает функциональное включение корковых процессов. Этот фрагмент статьи очень важен для понимания тактических моментов условно рефлекторной теории, принятых при жизни И.П.Павлова. Ниже мы остановимся на нескольких примерах, не забыв и этот, чтобы показать способы оценки роли некоторых психических функций животных и человека, как это было принято в середине 30-х гг. в павловской школе.

Чтобы показать развитие исследовательской работы П.К.Денисова, нам придется снова и снова обращаться к текстам "сред", где роль основного экспериментатора только угадывается. И.П.Павлов, базируясь на первых впечатляющих фактах, полученных в наблюдениях за поведением Розы и Рафаэля, предпринял очередную теоретическую атаку на психологов. На этот раз по понятным причинам острое его критики было направлено в основном на В.Келера и Р.Йеркса, с которыми он был лично знаком и встречался в Берлине и Ленинграде. Так, например, комментируя данные, полученные при изучении поведения шимпанзе Роза и Рафаэль в "опытах с огнем", Павлов говорит: "То, что забраковал для своего внимания господин Келер, то, наоборот, нас специально занимает. Ему неинтересно было ознакомление обезьян с окружающей средой"¹². Надо сказать, что, перечитывая многие работы, выполненные отечественными исследователями с 50-х гг. до настоящего времени, убеждаешься, что им, как и Келеру, было

”неинтересно” знать хотя бы приблизительно, каким жизненным опытом могла обладать обезьяна до начала на ней новой формы эксперимента. Выводы поэтому встречаются весьма одиозные, кричащие о самообмане экспериментаторов.

В самом деле, чтобы понять первые и последующие действия шимпанзе в ситуации ”опыта с огнем”, исследователь должен хотя бы предположительно оценить, что в действиях обезьяны является старым опытом и что формируется на глазах экспериментатора, каким образом связываются старые и новые навыки и как они, наконец, хранятся в памяти испытуемого. Если сказать о самой форме эксперимента с преодолением обезьяной завесы огня для добывания приманки, то она полностью оригинальна и имела несколько стадий усложнения. В завершающем виде ситуация опыта заключалась в следующем. В комнате, где проводилось испытание, перед обезьяной ставили прибор, в одной стенке которого было небольшое окошко. Через него внутрь аппарата закладывали фрукт, а затем перед окошком зажигали горизонтально уложенный фитиль, обильно смоченный спиртом. Для гашения огня обезьяне следовало повернуть кран, расположенный в верхней части прибора, где был и резервуар с водой.

В первом же опыте Рафаэль в порядке ориентировочно-исследовательской реакции повернул кран и вылившаяся вода погасила огонь. Это первое случайное движение запомнилось сразу, и Рафаэль стереотипно его производил. В связи с возникшим стереотипом опыт пришлось изменить. Теперь воды в резервуаре не было, поэтому поворот крана ничего не давал, но вместо этого возле прибора на полу была поставлена миска с водой. Вначале, вылив воду на пол, Рафаэль принимался гасить огонь пустой чашкой; потом, перепробовав все старые приемы, он брал чашку и выливал воду на огонь. Этот навык вскоре стал доминантным.

При дальнейшем изменении ситуации опыта (резервуар с краном удален, а вместо этого на полу поставили бак с водой и чашкой) Рафаэль после незначительного количества старых проб подтащил бак к прибору и вылил из него воду на огонь. Для того чтобы обезьяна действовала по ”сценарию” исследователя, Павлов посоветовал подставить чашку под кран бака, из которого сочилась вода. Рафаэлю просто нужно было воспользоваться наполнявшейся чашкой, что он и делал. Этот навык довольно быстро укрепился. В том случае, если чашку убирала, Рафаэль набрал воду из крана в рот и выливал ее на огонь. В статье П.К.Денисова, подготовленной к печати его женой А.П.Гуль¹³, имеется важное заключение: ”В этих опытах с огнем был исследован общий принцип деятельности больших полушарий, когда *первичное* звено объединенного нервного процесса последовательно подготавливало, ”проторивало” протекание *вторичного*, последующего процесса” (курсив мой. — Л.Ф.). Дело в том, что только в конце 70-х гг. в физиологии высшей нервной деятельности появились первые работы, в которых проблема о первичных и вторичных процессах научения, их эволюционном развитии и взаимодействии в организации сложного поведения животных (крысы, собаки, низшие и высшие обезьяны) была сформулирована и положительно оценена критикой¹⁴.

В настоящей статье нет возможности развить сущность ”общего принципа”, который имеет самое прямое отношение к современным психологическим разработкам эвристических форм поведения приматов. Вместе с тем следует отметить ростки сегодняшних научных проблем, которые возникли в Колтушах под руководством Павлова и были быстро поняты и оценены его талантливым учеником П.К.Денисовым.

Насколько процесс обогащения опыта может проявляться в структуре сложного поведения шимпанзе, можно оценить на основании комментариев Павлова, а также опубликованных и сохранившихся в стенограммах результатов, полученных Денисовым. Например, если вода оказывалась не в кружке или чашке, а в бутылке, Рафаэль безошибочно пускал ее в дело. Если в дне кружки экспериментатор проделывал отверстие, то обезьяна в одном случае закрыла ее пальцем, во втором — подняла с пола косточку персика и бросила в кружку, чем замедлила вытекание воды, и тоже погасила огонь. Несомненно, здесь имело место проявление стереотипа, выработанного на глазах экспериментатора: ”заливать огонь

водой, набрав ее во что-нибудь". Как было написано ранее, Рафаэль прекрасно справлялся с задачей, вылив воду на пол и пользуясь для тушения огня пустой чашкой.

Вероятно, стоит привести материал, который является результатом проведенных опытов, считающихся, скорее, проверочными для понимания трактовки, предложенной В.Келером в 1930 г. Эксперименты были начаты по инициативе И.П.Павлова, чтобы взглянуть "на факты глазами физиолога". Павлова поразило то обстоятельство, что Келер начисто игнорировал фазу действий шимпанзе в порядке "проб и ошибок". При этом следует подчеркнуть, что Павлов априорно исключал феномен *д у м а н ь я* в процессе решения обезьяной задачи с высоко подвешенной приманкой. При этом, как видно из работ Павлова, о думанье у животных и тем более высших обезьян он говорил многократно.

В опыте с высоко подвешенной приманкой и двумя ящиками в разных концах комнаты Роза и Рафаэль вели себя по-разному. Роза, потрогав ящик, тут же пристально посмотрела на висящий фрукт. Рафаэль возился с ящиком, а потом безрезультатно передвигал ящики по полу комнаты. Ему бросили два шеста, и с помощью одного, поставленного вертикально под приманкой, Рафаэль быстро овладел фруктами. Несколько позже у обезьян возникла ассоциация "ставить что-то на что-то" (снова обобщение), хотя бы себе на голову, как сделал однажды Рафаэль, приблизившись к висящей приманке. "Глупая ошибка", — написал бы Келер). По ходу этих опытов Рафаэль, умело балансируя, мог ставить по вертикали 2-4 ящика и более, чтобы достичь цели.

В опытах с составлением пирамиды (вариант составления вышки из ящиков) в распоряжении Рафаэля было 20 ящиков разного размера, из которых можно было сделать пирамиду. Устройству пирамиды из отдельных частей Рафаэль освоил по подражанию после показа ему готовой конструкции. Сделав пирамиду, шимпанзе подтащил ее под висящий фрукт и достал его. Над собиранием пирамиды Рафаэль мог трудиться 1-2 ч. и более, что, вероятно, отражало не только его "утробистость". Очень демонстративен сложный эксперимент, в котором была выявлена способность шимпанзе к ассоциации нескольких ассоциаций, выработанных у него в отдельных сериях опытов. В полной мере это можно рассматривать как тест на сохранность выработанных навыков.

В тексте "Среды" от 6 марта 1935 г. Павлов детально описал ход экспериментов на Рафаэле с использованием ранее выработанных двигательных навыков в цепи действий, направленных на достижение цели (овладение подвешенными фруктами). Павлов писал, что "все это произошло не сразу, а с известными трудностями"¹⁵. В результате консолидации известных навыков Рафаэль открывал дверь соответствующим "ключом" и оказывался в кабине, выход из которой был через окно. Но там горел спиртовой костер, который обезьяна заливала уже известным ей способом. Через окно можно было выбраться на площадку и сделать вышку из ящиков. Делалось и это. Как видно из статьи Денисова (а до того рассказывалось Павловым на "Средах"), последовательность указанных действий почти всегда прерывалась коротким отдыхом в кабине или на уже составленных ящиках, что расценивалось экспериментаторами как проявление усталости. Характерен комментарий Павлова: "Отдых необходим... наши условные рефлексy — тоже нервный труд"¹⁶.

Разбор экспериментов П.К.Денисова будет неполным, если не рассказать о влиянии его опытов с аппаратом на последовательность ассоциаций двух шимпанзе. По замыслу автора в опыте должны были участвовать Роза и Рафаэль одновременно. Им предлагался ящик с подпружиненной крышкой, которую можно было открыть с помощью троса. Задача строилась таким образом, что одна из обезьян должна была открыть ящик, а другая — взять из него фрукт. На деле же получилось так, что Рафаэль, открыв с помощью троса крышку, не позволял Розе не только взять, но даже приблизиться к ящику. Таким образом, совместная работа двух шимпанзе не получилась. Отрицательный результат этой части работы становится понятным только теперь, но важен сам факт постановки такой проблемы. Из приматологических работ, выполненных сотрудниками Павлова в

Сухуми еще в 30-е гг., известно, что убедительное физиологическое исследование группового поведения шимпанзе было выполнено А.О.Долиным и С.А.Палатник¹⁷. В какой мере тематика сухумских и колтушских работ на обезьянах была основательно скоординирована, отчетливо видно именно из этого опыта Денисова на паре обезьян.

На основании опытов на шимпанзе, выполненных П.К.Денисовым, Павлов сделал обстоятельный критический разбор ряда научных положений гештальт-психолога В.Келера относительно природы интеллектуальной деятельности человекообразных обезьян. Павлов сетовал на то, что "теория об условных и приобретенных рефлексах" не представляет для Келера в с е г о (разрядка моя, — Л.Ф.) знания о функциях нервной системы¹⁸. Эти слова Павлов произнес на "Среде" 9 января 1935 г. Их очень важно сравнить с новым положением о временной связи, которое он же высказал через 10 мес. Кто внимательно изучал тексты "Сред", помнит, что Павлов стал рассматривать временную связь как обобщенный (родовой) механизм, один из видов которого следует расценивать как у с л о в н ы й рефлекс.

Можно предположить, что активнейшая экспериментальная работа Павлова и Денисова на колтушских шимпанзе и многократное обсуждение в связи с этим идей западных психологов не прошли даром. "Революционная идея", по выражению Э.А.Асратяна, заставила Павлова перешагнуть границу им же созданной условно-рефлекторной теории, что обрекло его на одиночество. Жить Павлову уже оставалось считанные месяцы, но, живи он и много больше, он смог бы с горечью убедиться в правоте Сенеки, который сравнивал мнения с гвоздями. Павлов "колотил" долго и основательно, так что мнения засели прочно.

Обстановку того этапа жизни Павлова и его школы, которая до настоящего времени волнует не только историков и теоретиков, но и экспериментаторов, работающих в области онтогенеза и эволюции высшей нервной деятельности, описал Э.А.Асратян: "Мысль о том, что условный рефлекс — высшая и доминирующая форма деятельности мозга, оказалась задолбленной у его последователей достаточно крепко, и было трудно быстро отказаться от нее и примириться с новой мыслью о существовании и более высоких форм церебральной деятельности"¹⁹. Это очень важное свидетельство не только одного из учеников и биографов, но также наиболее последовательного экспериментатора и теоретика, разработавшего со своим коллективом фундаментальные положения условно-рефлекторной теории Павлова. Правда, вслед за этими комплиментами в адрес Павлова с высочайшей аттестацией "революционной идеи" учителя Асратян назвал один из видов временной связи — каузальную связь — "каузальным условным рефлексом"²⁰. Круг замкнулся теперь по вине уже самого Асратяна. Сенека снова оказался прав.

Следовательно, если придерживаться много раз повторенной трактовки П.К. Денисова, возникшей на основании физиологического анализа сложного поведения человекообразных обезьян, то сущность ее состоит в первоначальном анализе компонентов экспериментальной ситуации с последующим синтезом этих компонентов. Анализ и синтез осуществляются при помощи внутреннего торможения с тренировкой и упрочением этого процесса.

Все изложенное здесь преследовало главную цель: заполнить пусть далеко не полными сведениями "белое пятно" в истории отечественной экспериментальной приматологии, точнее — в истории павловской школы. Роль Петра Константиновича Денисова, репрессированного в июне 1937 г., по биологическим законам страха активным образом замалчивалась. Это состояние длилось вплоть до хрущевской оттепели, когда дамоклов меч перестал висеть над головами жены Денисова, А.П.Гуль, тоже прошедшей тюрьмы и ссылки, и их детей.

Трагичность положения состоит в том, что замалчивание обо всем случившемся продолжается и до сегодняшнего времени, хотя П.К.Денисов на основании дополнительного разбора его дела в высших инстанциях был полностью реабилитирован и даже восстановлен 25 апреля 1957 г. в рядах КПСС. Все это, как и многое другое (чего, например, стоит разгром в 1986 г. высокоспециализированной нейрофизиологической лаборатории профессора Ю.Г.Кратина, широта идей

которого упорно не воспринималась обновленной дирекцией Института физиологии им. И.П.Павлова), убедительно показывает, что страх, воспитанный за годы сталинизма и его варианта в биологии — лысенковщины, продолжает делать свое черное дело. Именно поэтому лишь спустя десятилетие после смерти была установлена мемориальная доска академику Владимиру Николаевичу Черниговскому на здании Института физиологии им.И.П.Павлова АН СССР. Понятно, что этот результат большой и не совсем безопасной работы инициативной группы ученых нескольких институтов Петербурга, Москвы и других научных центров порадовал далеко не всех. Как тут не вспомнить знаменитые слова Ф.Бэкона, что "наука смотрит на мир глазами, затуманенными страстями".

Как и прежде, все идет по хорошо сработанному сценарию, надежно проверенному трагическими десятилетиями, где, как писал поэт, "народ (читай ученый совет) безмолвствует". Эталон профессионализма, как ясно каждому, в случае необходимости будет определяться, как и в случае с Ю.Г.Кратиним, все той же сплоченной массой, которая организовала по сигналу сверху сессию ВАСХНИЛ в 1948 г., объединенную сессию двух академий в 1950 г., называла кибернетику буржуазной лженаукой и даже добиралась до отечественной теоретической физики (к счастью, на этой акции она и сломала себе зубы). Не следует, однако, забывать, что возможности у этой массы поистине огромные, тем более что главной объединяющей ее силой тоже является страх — страх потерять завоеванные позиции. Здесь наука ничем не отличается от всего нашего раздраемого противоречиями общества. При всем этом ежедневной заботой каждого профессионала, как считали И.П.Павлов, Л.А.Орбели, П.К.Анохин, И.С.Бериташвили и др., должны быть не только сохранение и отстаивание научных ценностей, но и забота о молодом поколении ученых. Важно, чтобы они в сложной ситуации текущего момента не потеряли главного ориентира при создании современных научных концепций.

Примечания

¹ Денисов П.К. Анализаторная и синтетическая функция больших полушарий обезьян шимпанзе // Тр. XV Междунар. физиол. конгресса. М., 1935; То же // Физиол. журн. СССР. 1936. Т.21, вып.5-6. С.831-833.

² Аджубей А. Те деять лет. М., 1989.

³ Совместное производство Института Физиологии АН СССР и киностудии "Лентехфильм" (режиссер-постановщик В.Н.Николаи, научный консультант П.К.Денисов, ассистент режиссера Г.А.Бруссе. 1935 г.).

⁴ Павловские среды. М.; Л., 1949. Т.1-3.

⁵ Павлов И.П. Полн.собр.соч. Т.3, кн.2. М.; Л., 1951. С.234.

⁶ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Избр.произв. Т.1: Физиология и психология. М., 1952. С.510-517.

⁷ Келер В. Исследование интеллекта человекообразных обезьян. М., 1930.

⁸ Yerkes R.M. Almost human. New York, 1925.

⁹ Денисов П.К. Великий материалист, ученый, гражданин // Вестн. АН СССР. 1936. № 3. С.37-43.

¹⁰ См.: Павловские среды. 1949. Т.2. С.69.

¹¹ Там же. С.69.

¹² Там же. Т.3. С.16. (Качество стенограмм, как пишет в своих трудах чл.-корр. АН СССР Э.А.Асратян, было столь высоким, что их можно приравнять к "парламентским стенограммам").

¹³ Денисов П.К. Анализаторная и синтетическая функция больших полушарий шимпанзе // Журн. высш. нерв. деятельности. 1958. Т.8, вып.6. С.845-854.

¹⁴ Фирсов Л.А. Экспериментальное изучение функции обобщения у человекообразных обезьян (шимпанзе) // Вопр. антропологии. 1974. Вып.47. С.87-100; Фирсов Л.А. И.П.Павлов и экспериментальная приматология. Л., 1982; Фирсов Л.А. и др. Механизмы условно-рефлекторного и отсроченного поведения у обезьян. Л., 1979.

¹⁵ См.: Павловские среды. 1949. Т.3. С.120.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Долин А.О., Палатник С.А. Физиологический анализ простого и сложного навыка обезьян в условиях группового эксперимента // Арх. биол. наук. 1935. Т.37, вып. 1. С.113-134.

¹⁸ См.: Павловские среды. 1949. Т.3. С.18.

¹⁹ Асратян Э.А. Иван Петрович Павлов. М., 1974.

²⁰ Асратян Э.А. Очерки по высшей нервной деятельности. Ереван. 1977.

С.М. Гершензон

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЫСЕНКОВЩИНЕ

Впервые я увидел Т.Д.Лысенко во время его посещения Института генетики АН СССР в начале 1936 г., где я в то время работал в лаборатории крупнейшего американского генетика Г.Меллера, впоследствии лауреата Нобелевской премии, приглашенного в Институт генетики его директором академиком Н.И.Вавиловым. Карьера Лысенко была в то время на подъеме: после его выступления на I съезде колхозников-ударников он стал пользоваться большим авторитетом у Сталина, похвалившего это выступление. Лысенко пожелал ознакомиться с деятельностью Института генетики, Вавилов дал на это согласие, и визит этот состоялся. После краткого рассказа о задачах и направлениях научных исследований института Вавилов провел Лысенко по всем лабораториям, и в каждой ее руководитель сжато ознакомил Лысенко с тематикой лаборатории и основными полученными результатами.

Пришли они и в лабораторию Меллера, носившую название Лаборатория природы гена. Меллер кратко рассказал о целях работы и основных выводах, сделанных сотрудниками лаборатории из своих опытов, объектом которых служила дрозофила (речь Меллера попутно переводил ему Вавилов). Меллер, хотя и старался говорить возможно популярнее, употребил термины "транслокация" и "кроссинговер". Лысенко прервал Меллера и просил объяснить ему, что значат эти незнакомые ему слова (такое невежество в элементарных понятиях генетики поразило меня и всех других сотрудников лаборатории, состоявшей исключительно из молодежи). Вавилов ответил Лысенко, что транслокация — это обмен участками негомологичных хромосом, а кроссинговер — это обмен участками гомологичных хромосом, т.е. принадлежащих одной паре. Последовало замечание Лысенко, так изумившее меня, что я запомнил его буквально дословно. Он сказал: "Не вижу никакой разницы между этими двумя событиями. Впрочем, это совершенно неважно. Ведь хромосомы — это маленькие обломки ядра, возникающие в клетке при ее делении; в покоящейся клетке, то есть на протяжении всей ее жизни, их там нет и в помине; это особенно убедительно доказал киевский ученый С.В.Чернояр. Да эти тельца, хромосомы, имеются далеко не во всех делящихся клетках и не у всех организмов; многие обходятся вовсе без них. Поэтому вся эта хромосомная эквилибристика, выдуманная буржуазными учеными и повторяемая некоторыми нашими, не имеет и не может иметь никакого значения для наследственности и изменчивости".

Следующая моя встреча с Лысенко произошла немногим позже, тоже в начале 1936 г., в большом зале Московского Дома ученых, где под председательством главного редактора журнала "Под знаменем марксизма" М.Б.Митина была организована дискуссия по вопросам генетики. Основной блестящий часовой доклад о важнейших достижениях генетики, ее значении для эволюционного учения,

понимания природы генетического аппарата организмов, закономерностей наследственности и изменчивости, практического значения для сельского хозяйства и медицины, опровержения генетикой расистских теорий сделал Меллер. Доклад он дела по-английски, а я, стоя рядом с кафедрой, дословно переводил его для переполнившей зал аудитории, состоявшей в основном из биологов московских институтов, МГУ, сотрудников медицинских институтов, небольшого числа философов и представителей прессы.

Вслед за Меллером с большой, примерно 40-минутной речью выступил Лысенко. Насколько я знаю, это было первое его публичное изложение всей совокупности своих антигенетических взглядов. В основном речь его состояла из голословного отрицания всего, что сделано генетикой. Он утверждал, что фундаментальные положения генетики — "гороховые законы" Менделя, хромосомная теория наследственности, учение о мутациях — представляют умозрительные концепции, не опирающиеся на факты и ни в малейшей степени не отражающие действительности; генов не существует, это миф, выдуманный идеалистами. Затем он остановился на своей приверженности ламаркистской теории наследования приобретенных признаков, т.е. изменений (модификаций), вызываемых в теле организма упражнением и не упражнением органов, характером пищи или голоданием, воздействием температуры или света. Лысенко восхвалял предложенный им способ направленной переделки сортов растений воспитанием, заявил об ошибочности дарвиновского учения о естественном отборе, высказал свое мнение об ошибочности дарвиновской теории естественного отбора. Он заявил, что идеалистическая менделевско-моргановская генетика абсолютно бесплодна в практическом отношении, она ничего не дала и не может дать практическому растениеводству и животноводству. Закончил Лысенко свое выступление заверением, что развиваемая им "подлинно научная передовая генетика мичуринского толка уже дала большие практические результаты и, несомненно, даст еще больше в самое ближайшее время".

Насколько я помню, из-за позднего времени потом было только два выступления: А.Р.Жебрака, рьяно, но не особенно убедительно защищавшего генетику (чем вызвал критическую оценку, потихоньку данную его выступлению Вавиловым, рядом с которым я сидел после того, как кончил переводить доклад Меллера), и председательствовавшего Митана, который похвалил Лысенко и умолчал о докладе Меллера.

На следующее утро Вавилов созвал у себя в кабинете научных сотрудников Института генетики, гневно, с возмущением рассказал об агрессивной и безграмотной вчерашней речи Лысенко и призвал нас, а через нас и всех советских генетиков объединиться и всеми силами бороться с невежественными бреднями Лысенко, дабы оградить советскую генетику от вреда, который они могут ей нанести. В этот день возник для меня новый облик Вавилова — страстного, вдохновенного трибуна, бесстрашного борца за истину. На всех нас эта его речь произвела потрясающее впечатление.

За этой дискуссией последовали еще две такого же рода: первая — осенью 1936 г. в ВАСХНИЛе; вторая — в 1939 г., снова устроенная редакцией журнала "Под знаменем марксизма". Я на них не присутствовал: во время первой был в командировке, а в 1939 г. меня уже не было в Москве (летом 1937 г. я переехал в Киев). Знаю только по рассказам коллег и по опубликованным отчетам, что на этих дискуссиях в защиту генетики выступали Н.И.Вавилов, Н.П.Дубинин, А.Р.Жебрак, но преобладали сторонники Лысенко, возглавляемые им самим.

Следующая моя встреча с Лысенко произошла в конце 1937 г., когда я уже работал в Киеве, куда переехал из Москвы по приглашению вице-президента АН УССР А.А.Сапегина и где стал заведующим незадолго до этого организованным отделом генетики Института зоологии АН УССР (должность эта освободилась вследствие ареста И.И.Агола, ее занимавшего). Одновременно по рекомендации директора Института зоологии АН УССР, а также профессора Киевского универ-

ситета И.И.Шмальгаузена я был приглашен ректором этого университета возглавить кафедру дарвинизма и генетики. Осенью того же года в Киев приехал Лысенко и выступил на собрании Отделения биологических наук АН УССР с докладом об актуальных проблемах эволюционного учения.

В этом докладе, собравшем многочисленную аудиторию, Лысенко основное место уделил критике Дарвина. Признавая большую заслугу Дарвина, доказавшего реальность эволюции, докладчик сказал, что нельзя закрывать глаза на существенные ошибки Дарвина в некоторых важных вопросах. Во-первых, это его утверждение о большом значении внутривидовой борьбы за существование. В действительности же, сказал Лысенко, никакой внутривидовой борьбы в природе нет и Дарвин не смог привести ни одного убедительного доказательства ее. Во-вторых, Дарвин построил свою теорию о ведущей роли в эволюции естественного отбора на убеждении, что отбор оперирует главным образом с наследуемыми "неопределенными" изменениями, причины которых неизвестны, но которые постоянно возникают у растений и животных. А докладчик утверждает, что главной движущей силой эволюции служит не естественный отбор, а прямое приспособление организмов, т.е. наследование приспособительных изменений, вызываемых в теле организма непосредственным воздействием среды: характером пищи, теплом и холодом, влагой и засухой, упражнением и неупражнением органов; в практике же сельского хозяйства новые сорта растений и пород животных выводились главным образом посредством воспитания, а не отбора. И наконец, Лысенко сказал, что не согласен с мнением Дарвина о том, будто видообразование идет постепенно, мелкими шагами. Напротив, в ряде случаев наблюдается совсем внезапное порождение одного вида другим вследствие зарождения в особях старого вида зачатков нового; это известно и у растений, и у животных.

В последовавшем обсуждении одни киевские биологи критически оценили высказывания докладчика; другие в более мягкой форме высказали сомнение в правильности некоторых положений доклада. Но были и безоговорочные заявления о правоте взглядов Лысенко по эволюционным вопросам, особенно горячо их защищала заведующая кафедрой биологии Киевского медицинского института К.Ю.Кострюкова. Я возражал всем антидарвиновским нападкам Лысенко и сделал это в довольно резкой форме, со рвением, свойственным молодежи (я был самым молодым из участников обсуждения). Этим выступлением я, конечно, очень настроил Лысенко против себя, что сыграло большую роль в последующей судьбе моей первой докторской диссертации. Расскажу об этом, так как это может служить иллюстрацией того, как в те годы относились к генетике руководящие научной инстанцией, действовавшие полностью в духе тогдашних газетных и журнальных публикаций, безудержно восхвалявших Лысенко и все более грозно громивших менделеевцев-морганистов.

В конце 1936 г., работая еще в Институте генетики АН СССР, я закончил подготовку докторской диссертации, посвященной изучению генетической структуры гетерохроматического участка X-хромосомы дрозофилы. Работа эта была в значительной мере новаторской: тогда считали, что гетерохроматические участки хромосом не содержат генетически существенного материала, почему их именовали генетически инертными; мне же удалось впервые показать, что гетерохроматический участок хромосомы состоит из нескольких функционально различных частей разной протяженности, и составить генетическую карту их местоположения. Эту диссертацию я защитил на заседании ученого совета Института генетики АН СССР, проходившем под председательством Н.И.Вавилова; оппонентами были выдающиеся генетики А.С.Серебровский, М.С.Навашин и Дончо Костов (из Болгарии). Диссертация была единогласно поддержана и, как положено, передана для утверждения в ВАК СССР. Не дожидаясь решения ВАКа (а что оно будет положительным, я не сомневался), летом 1937 г. я, как было уже сказано, переехал в Киев.

Примерно через три месяца после описанного выше доклада Лысенко на собрании Отделения биологических наук АН УССР я получил вызов в Москву на заседание пленума ВАКа. Вместе со мной туда был вызван из Ленинграда Ю.И.Полянский, назначенный ВАКом экспертом по моей диссертации и давший на нее положительный отзыв. Затем произошло фарсовое заседание пленума ВАКа. Меня посадили в комнату рядом с залом заседаний, а в зал был приглашен только Ю.И.Полянский. Он зачитал свой хвалебный отзыв, а затем вызвали и меня. В числе присутствовавших на заседании членов ВАКа единственным биологом был Лысенко (тогда заместитель председателя ВАКа). Сесть мне не предложили, я стоял, как ученик на экзамене. Лысенко задал мне два вопроса: "Почему в своей диссертации Вы высказываете взгляды, противоречащие воззрениям К.А.Тимирязева? Как Вы трактуете в своей диссертации природу гена?". Я кратко ответил, что моя работа имеет чисто цитогенетический характер; Тимирязев же в своих трудах цитогенетики никогда не касался, поэтому никаких противоречий Тимирязеву в диссертации нет. Природу гена я в диссертации не обсуждал и не затрагивал, но многократно упоминал гены, считая их общепринятыми материальными единицами наследственности. После этого мне предложили покинуть зал, и я снова удалился в прилегающую к залу комнату. Оттуда достаточно ясно доносились голоса, но слов разобрать было нельзя.

Сперва в течение 40 мин. (я смотрел на часы) слышался хриплый голос Лысенко; затем недолго возбужденно говорил Ю.И.Полянский. После этого он вышел ко мне и сказал, что моя диссертация провалена, так как Лысенко охарактеризовал меня как убежденного вейсманиста-менделиста-морганиста и категорически потребовал отклонения моей диссертации. Положительный отзыв Ю.И.Полянского и его заключительное выступление в мою защиту не помогли. Я до сих пор с восхищением и благодарностью вспоминаю этот поступок Ю.И.Полянского, требовавший в той обстановке подлинной большой отваги.

Вторую докторскую диссертацию, посвященную изучению генетического полиморфизма и естественного отбора в природных популяциях животных, я защищал семь лет спустя, и она была утверждена ВАКом на заседании, где отсутствовал Лысенко. Добавлю, что свою первую докторскую диссертацию (забракованную ВАКом) я издал в 1939 г. в Киеве на украинском языке в виде отдельной монографии¹. Много лет спустя (в 1958 г.) я получил из США отпечаток статьи известного американского генетика Д.Линдслея (в соавторстве с А.Сандлером), напечатанной в журнале "Дженетикс". В ней сообщалось, что авторы перевели мою изданную в Киеве монографию, экспериментально проверили мои опыты, полностью подтвердили сделанные выводы и высоко оценили их значение (а в параллельном письме мне Линдслей поздравил меня с "отличными давними новаторскими результатами"). С тех пор эту книгу неоднократно положительно цитировали в мировой генетической литературе (насколько я знаю, в последний раз в 1978 г. японские генетики Ямамото и Миклос в журнале "Хромосома"). Очень сходная история произошла с прекрасной первой докторской диссертацией А.А.Прокофьевой-Бельговской, которую тоже в те же годы забраковал ВАК по требованию Лысенко; вторую ей пришлось защищать много лет спустя.

Широкая антигенетическая кампания в прессе, возглавляемая Лысенко и Презентом, сначала трактовала генетиков как научных противников "мичуринской биологии", затем стала изображать их идеологически вредными личностями и, наконец, как политических врагов советского строя. Больше всего было нападок на выдающихся передовых отечественных биологов — противников Лысенко — Н.К.Кольцова и Н.И.Вавилова (я был одним из учеников и сотрудников того и другого). В 1939 г. о Кольцове и его деятельности была напечатана разгромная статья в "Правде"; вслед за этим комиссия, назначенная Президиумом АН СССР, в состав которой, конечно, входил Лысенко, осудила направление работы Кольцова и созданного и руководимого им Института экспериментальной биологии, завоевавшего мировую известность. На основании решения этой комиссии Коль-

цова сняли с поста директора института, а институт был полностью реорганизован и превращен в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии. Травля подорвала здоровье Кольцова, и через несколько месяцев он в возрасте 67 лет скончался от инфаркта. В 1940 г. по ложному доносу был арестован и приговорен к расстрелу Н.И.Вавилов, но этот приговор не был приведен в исполнение. После двухлетнего пребывания Вавилова в камере смертников (в тяжелейших условиях, без права передач и переписки, без сведений о семье) расстрел был заменен 20-летней тюрьмой, но менее чем через год в возрасте 55 лет он умер в Саратовской тюрьме от истощения и погребен в общей могиле, так что точное место захоронения этого крупнейшего ученого неизвестно.

Последний раз я видел Н.И.Вавилова летом 1940 г., за несколько дней до его ареста. Он проездом остановился в Киеве, направляясь в свою последнюю экспедицию в западные области Украины, где и был арестован. Будучи в Киеве, он, близко знавший меня по работе в Институте генетики и хорошо ко мне относившийся, зашел ко мне в лабораторию; но ему сказали, что я ушел домой обедать. Жил я в пяти минутах ходьбы, и Николай Иванович пришел ко мне, пообедал вместе с нашей семьей. Расспрашивал о работе, говорил о своих планах, рассказывал о научных новостях, шутил с детьми. Как всегда, был бодр, полон сил, неотразимо обаятелен. Таким он и остался в моей памяти.

Совершенно случайно мне довелось узнать об одном из последних дней Н.И.Вавилова. Вскоре после Победы, кажется в 1947 г., в Москве состоялась всесоюзная конференция по эмбриологии и гистологии. Из Института зоологии АН УССР туда были командированы Н.Н.Синицкий и я. Гостиницы АН СССР тогда еще в Москве не существовало, было общежитие для приезжих, которое находилось на набережной Москвы-реки. Нас поселили в номере на троих; соседом нашим оказался бывший военно-морской инженер, служивший в войну на Балтийском флоте. Из разговора со мной и Синицким он узнал, что мы биологи, и сказал, что знал одного биолога — академика Вавилова. Далее он рассказал нам следующее (я хорошо запомнил его слова и могу передать их почти со стенографической точностью). После ранения и поправки в госпитале он был демобилизован и в 1942 г. получил работу заведующего центральной отопительной системой Саратовской тюрьмы. Там ему сказали, что в тюрьме содержится академик Вавилов, и показали его. Это было за несколько дней до смерти Вавилова, когда его перевозили из камеры в тюремную больницу. Он был очень худ и так слаб, что идти сам не мог, его вели под руки два санитаря; а он "громко ругал последними словами какого-то Лысенко, по чьим доносам он попал в тюрьму". К сожалению, ни я, ни Синицкий не записали фамилии и адреса этого инженера, так как знали, что сообщенное им о Н.И.Вавиллове мы никому не сможем рассказать: это тогда — и в течение многих лет потом — было слишком опасно.

Как известно, вслед за Н.И.Вавиловым были арестованы и погибли в бериевских застенках некоторые его ближайшие сотрудники и многие другие видные советские генетики и селекционеры. Упомяну только тех из них, которых лично хорошо знал и чью гибель поэтому особенно тяжело пережил. Это были: Г.А.Левитский, крупный цитогенетик; Г.Д.Карпеченко, первый в мире генетик, который экспериментально создал новый вид растений, используя для этого межвидовую гибридизацию с последующей полиплоидизацией (он погиб в самом расцвете творческих сил, в возрасте 43 лет); С.Н.Левит, врач, ученик и сотрудник А.С.Серебровского, а затем основатель и директор первого в Советском Союзе (и одного из первых в мире) Медико-генетического института, распущенного после его ареста; М.Л.Левин, талантливый, высокоэрудированный биолог, председатель существовавшего тогда в Москве Общества биологов-материалистов; (Левин был венгерским коммунистом, деятельным участником венгерской революции, после подавления которой эмигрировал в СССР; он много сделал для пропаганды новейших достижений биологии, активно боролся с неоламаркизмом, в том числе и со взглядами Лысенко).

Апогеем монопольного влияния Лысенко в советской биологии стала известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Как проходил разгром генетики на этой сессии, описано много раз, и я об этом говорить не буду. Скажу только, что, после того как в конце сессии Лысенко объявил об одобрении Сталиным текста его доклада и это было широко оповещено прессой, любые печатные или открытые устные возражения Лысенко стали невозможными. Более того, ряд советских ученых, занимавших видные посты в Академии наук СССР и в других научных учреждениях, начали восторженно восхвалять в докладах и статьях проповедуемые Лысенко антинаучные взгляды, отрицать и поносить генетику, хотя отлично понимали нелепость своих утверждений. Чего только не сделаешь ради карьеры! К числу таких восхвалявших Лысенко лиц относились, например, глава Биологического отделения АН СССР академик А.И.Опарин, академик Б.А.Келлер, члены-корреспонденты АН СССР Х.С.Коштоянц, Н.И.Нуждин, профессора А.Н.Студитский, П.Н.Лобанов, В.Н.Столетов, академик АН УССР П.А.Власюк, академик АН БССР Н.В.Турбин (все по специальности биологи) и др.

На Украине в первых числах сентября 1948 г., т.е. сразу после сессии ВАСХНИЛ, было создано широкое трехдневное собрание научной общественности, которое проводилось в Киеве в зале Верховного Совета УССР. На этом собрании М.А.Ольшанский, один из ближайших соратников Лысенко, сделал большой доклад об итогах августовской сессии ВАСХНИЛ. Собрание было проведено примерно по тому же сценарию, что и сессия.

Сначала Ольшанский подробно пересказал содержание доклада Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ и заключительную резолюцию этой сессии, в которой восхвалялась "мичуринская биология", т.е. воззрения Лысенко, и осуждалась в самых резких выражениях вейсманисты-менделисты-морганисты как совершенно бесплодные в научном и практическом отношении представители реакционной буржуазной идеологии в биологии. Потом он поведал собравшимся, что на Украине передовая мичуринская агробиологическая наука быстро распространяется, предложенные Лысенко методы используются все шире в работе селекционеров и во всем сельском хозяйстве, и сказал, что благодаря этому уже достигнуты крупные практические успехи. Однако когда он постарался подтвердить эти успехи несколькими примерами, то сделал это весьма неубедительно, так как не показал количественно, насколько применявшиеся в этих примерах лысенковские рекомендации повысили урожайность по сравнению с получаемой без соблюдения этих рекомендаций (обычный прием, которым Лысенко и его последователи "доказывали" практическую ценность предлагаемых ими методов для растениеводства и животноводства).

После этого Ольшанский перешел к разоблачению менделизма-морганизма на Украине, который, по его словам, усилился за последние годы. Это выявилось в прерывании приверженцев менделизма-морганизма на руководящие посты некоторых институтов Академии наук УССР, кафедр ряда университетов, сельскохозяйственных и медицинских институтов республики. Перечислив некоторых наиболее видных представителей, в том числе и И.И.Шмальгаузена, ученого мировой известности, Ольшанский в качестве примера более подробно охарактеризовал четырех украинских менделистов-морганистов, которые, по его словам, являлись особенно оголтелыми антимичуридцами, заядлыми приверженцами формальной менделеевско-моргановской генетики и работы которых порочны в научном отношении и бесплодны для практики, а педагогическая деятельность дезориентирует студентов и вредит им. Это Н.Н.Гришко, Л.Н.Делоне, И.М.Поляков и С.М.Гершензон.

Все четверо были изображены в самых черных красках, но больше всего попало Н.Н.Гришко и мне. Вот что Ольшанский сказал про меня: "В Институте зоологии подвизается профессор С.М.Гершензон, который работает над проблемой "наследственность отбора". В полном согласии со Шмальгаузеном и на той же теоретической основе он изучает влияние химических факторов на мутационный процесс

с целью выяснения его механизма” (поясню, что тут Ольшанский говорил о моих работах 1939 и 1940 гг. по вызыванию мутаций у дрозофилы с помощью ДНК, которыми я горжусь, так как они были первыми в мире экспериментальными исследованиями, связавшими ДНК с генетикой; впоследствии они были подтверждены на разных объектах во многих советских и зарубежных лабораториях и получили мировой признание).

Далее Ольшанский продолжает: ”Для характеристики содержания генетических трудов Института зоологии Академии наук УССР достаточно ознакомиться с содержанием ”Сборника трудов по генетике”, изданного в 1941 г. Вот над какими ”проблемами” работает коллектив этого института: Гершензон — ”Новые данные по генетике природных популяций дрозофила”; Скарба — ”Генетическое исследование плодовитости и стерильности в природных популяциях дрозофила” (тут в брошюре сказано: ”*В зале оживление*”). Затем Ольшанский перечисляет заглавия еще десяти статей сборника, посвященных изучению генетического строения и естественного отбора у дрозофилы, и так заканчивает рассказ об этом сборнике (статья которого впоследствии неоднократно высоко оценивалась в мировой литературе по генетике популяций и микроэволюции): ”Понятно, почему академик Перов менделистов-морганистов назвал на сессии ”мухачами”. Действительно, настоящие ”мухачи” (в брошюре, в скобках: ”*смех, аплодисменты*”)”.

Говоря о моей преподавательской работе в Киевском университете, Ольшанский сказал: ”Программа по курсу ”Генетика животных”, составленная профессором Гершензоном, выгодно отличается от разобранного мною учебника Гришко и Делоне тем, что в ней пренебрежено преподавание формальной генетики без какой-либо фальсификации или предостережений. Тут полностью излагается менделизм, за ним — ”материальные основы наследственности”, то есть учение про вещество наследственности, затем — генетические теории пола, модификации и так далее. Программу можно было бы считать целиком выдержанной в менделевско-моргановском духе с ”похвальным” размещением материала, который позволяет наиболее доходчиво втолковывать в головы студентов и создать иллюзию экспериментальной доказательности формально генетических спекуляций, если бы не последний, XVI раздел программы ”Буржуазные извращения генетики”, заканчивающийся словами: ”Видная роль Тимирязева и Лысенко в борьбе с буржуазными извращениями в генетике”.

По поводу последней фразы я должен дать разъяснение. Этот последний раздел составленной мной программы содержал критику антинаучных попыток посредством ссылок на генетику создать видимость обоснованности некоторых реакционных политических концепций, существующих за рубежом. Ни Тимирязев, ни Лысенко не упоминались в тексте программы, которую я передал для утверждения тогдашнему декану биофака Киевского университета, заведующему кафедрой зоологии позвоночных А.П.Корнееву, а он, как редактор всех программ биофака, вписал в последний раздел моей программы эти две фамилии, сказав мне, что без их упоминания он не подпишет программу в печать. Он явно следовал духу времени.

После Ольшанского на этом собрании выступили многочисленные лысенковцы или люди, решившие, что им выгодно стать таковыми. Все они восхваляли Лысенко, его ”мичуринскую агробιологическую науку” и всячески поносили ”формальную генетику”, ”вейсманнизм-менделизм-морганизм”. За малыми исключениями, выступавшие были совершенно неизвестными в науке людьми. Потом по очереди было дано слово всем четырем подвергавшимся осуждению ”менделистам-морганистам”. Чтобы было яснее, в какой обстановке нам предстояло выступать, расскажу, как меня готовили к этому выступлению.

Накануне собрания меня вызвал секретарь парткома АН УССР т.Исакович (тогда при Президиуме АН УССР существовал парткомитет на правах райкома КПСС). Он настоятельно предложил мне в предстоящем выступлении хотя бы в общей форме покритиковать мои генетические работы и непременно признать

какие-то достоинства учения Лысенко, ничем не порочить его. В случае отказа от его совета, сказал он, мне предстоит исключение из партии и увольнение с работы в АН УССР. "Не забывайте, — добавил он, — ведь к тому же всем известно, что до переезда в Киев вы были учеником и сотрудником врага народа Вавилова". Примерно так же велась подготовка к выступлениям и остальных троих "менделистов-морганистов", избранных для проработки на собрании.

Когда на этом собрании дошла очередь до моего выступления, я не стал отказываться от основных положений генетики, ограничился признанием, что в советской генетике имелись элементы, заслуживающие критики. Так, не давалось должного отпора зарубежным попыткам использовать генетические данные для обоснования расизма, социал-дарвинизма, реакционных евгенических мероприятий. Я признал, что своими работами не помогал практике растениеводства и животноводства; признал, что Лысенко правильно стремится поставить науку на службу народного хозяйства. В таком же духе выступили Гришко и Делоне; Поляков же полностью отверг классическую генетику и объявил себя верным последователем учения Лысенко. Происходившее на собрании стенографировалось. Мы, четверо обвиняемых, просили показать нам стенограммы наших выступлений, но в этом было отказано. А в напечатанном затем отчет о собрании наши слова были почти до неузнаваемости искажены. Говорю об этой фальсификации потому, что в № 2 журнала "Огонек" за 1988 г. в очерке В.Сойфера о лысенковщине упомянуто в совершенно искаженном виде мое тогдашнее выступление; он, по-видимому, использовал напечатанный отчет (сам Сойфер на собрании, конечно, не присутствовал: он был тогда еще ребенком).

В своем заключительном слове Ольшанский сказал, что борьба мичуринцев с вейсманистами-морганистами является формой классовой идеологической борьбы социализма с капитализмом, а победа революционного мичуринского учения над реакционным учением вейсманистов-менделистов-морганистов имеет величайшее значение в усилении основ марксистско-ленинского мировоззрения и в практике социалистического строительства. Он призвал беспощадно разоблачать тех, кто продолжает отстаивать лженаучное реакционное учение Вейсмана — Менделя — Моргана, как бы они ни маскировались. Все это приблизительно в таких же выражениях, но в более развернутом виде было отражено в резолюции, принятой собранием. В этом документе была повторена и поименная критика тех украинских генетиков (в том числе, конечно, и меня), которых распекал в своем докладе Ольшанский, и было сказано, что они "нанесли существенный вред развитию агробιологической науке, подготовке кадров и принесли убытки народному хозяйству, препятствуя распространению передовой мичуринской науки".

После августовской сессии ВАСХНИЛ и аналогичных собраний, проведенных в разных республиканских и областных центрах страны, наступило безраздельное владение Лысенко и лысенковщины в нашей биологии и агрономии. Естественно, это отразилось и на моей судьбе. Я, как и еще более ста профессоров и доцентов, читавших генетику в университетах и других вузах, был объявлен "антимичуринцем" в приказе министра высшего образования С.В.Кафтанова и этим приказом уволен из Киевского университета, где читал основные курсы генетики и эволюционного учения, несколько генетических спецкурсов, руководил аспирантами и научной работой кафедры, которой заведовал. Лаборатории, которые возглавляли генетики, были везде закрыты или полностью преобразованы в чисто лысенковские. Отдел генетики Института зоологии АН УССР, которым я заведовал, сейчас же после киевского собрания также был ликвидирован, а сотрудники уволены.

Меня вызвал вице-президент АН УССР Н.П.Семененко и предложил мне подать заявление об освобождении от работы в АН по собственному желанию. А когда я отказался сделать это, он сказал: "Ну, тогда нам придется уволить вас по уже подготовленному приказу как неперспективного научного работника". Уйдя от Семененко, я попытался попасть к президенту АН УССР А.В.Палладину, но

он отказался принять меня. Понимая, что с формулировкой об увольнении, даваемой в приказе, я никуда не смогу устроиться на работу, а на моем иждивении тогда находились больная жена и трое маленьких детей, я решил в тот же день ехать в Москву в ЦК партии и просить там как-то защитить меня. В бюро пропусков ЦК мне отказались дать пропуск в Отдел науки, о чем я просил, но позволили позвонить в этот отдел. Я поговорил с инструктором М.Ф.Жениховой, с которой был хорошо знаком по совместной работе на кафедре генетики МГУ, возглавляемой А.С.Серебровским (я работал там по совместительству в должности доцента, а Женихова была в то время аспиранткой). Она сказала мне: "Вы понимаете, что я мало чем могу Вам помочь, но позвоню в Президиум АН УССР, чтобы Вас не увольняли, а дали какую-нибудь другую работу в системе Академии". Вернувшись в Киев, я узнал, что меня перевели научным сотрудником в другой отдел Института зоологии АН УССР, где занимались экологией дубового шелкопряда, в те годы разводимого в промышленных масштабах в колхозах северных районов Киевской области и в южной части Белоруссии.

Но и там мне не давали работать спокойно. Не прошло и месяца, как в партбюро Института зоологии подал заявление член КПСС профессор И.Г.Пидопличко (заведующий отделом палеонтологии института) с требованием исключить меня из партии, так как, по его убеждению, мировоззрение менделистов-морганистов несовместимо с их пребыванием в партии. Это заявление разбиралось в моем присутствии на заседании партбюро и после довольно бурного обсуждения было отклонено только благодаря защите меня моими партийными коллегами Е.М.Емчук и А.П.Маркевичем (вместе с ними во время эвакуации АН УССР в Уфу я вел ответственную оборонную работу, за которую мы были награждены правительственными грамотами и медалями). А через год после этого дирекция Института зоологии получила настойчивое указание того же вице-президента АН УССР Н.П.Семененко уволить меня "по сокращению штатов", мотивируя это нежелательностью работы менделистов-морганистов в системе Академии.

Тут снова пришлось повоевать, пока институту удалось отказаться от выполнения данного указания. Но этим не кончилось: спустя год с лишним Н.П.Семененко предпринял еще одну попытку изгнать меня из АН УССР, на этот раз под предлогом тогда развернутой "борьбы с космополитизмом". Мне особенно вменялось в вину, что в 1945 г., т.е. еще во время войны, я напечатал в США (в журнале "Дженетикс") свою работу по генетическому полиморфизму и естественному отбору у хомяков, написанную к тому же "полностью с позиций менделизма-морганизма". Отбиться удалось потому, что у меня сохранилось письмо президента АН УССР А.А.Богомольца, написанное еще в то время, когда Академия была в эвакуации в Уфе, в котором он просит меня дать какую-нибудь новую свою научную работу для публикации в Америке, так как Академия наук СССР хочет показать мировой научной общественности, что украинская наука не уничтожена войной, а продолжает функционировать. В этом письме Богомолец просит передать лично ему рукопись статьи (на английском языке), а он по своим московским академическим каналам обеспечит отправку ее в Америку для напечатания. Добавлю, что эта моя работа в значительно расширенном виде была вскоре затем опубликована у нас в "Журнале общей биологии", а с тех пор она много раз и до самого последнего времени цитировалась и излагалась в отечественной и зарубежной литературе по генетике популяций и микроэволюции. Из моих работ она получила наиболее широкую известность.

Собрание в зале Верховного Совета УССР и доклад Ольшанского подробно описывались в республиканских и киевских городских газетах, где при этом без стеснения поносились нехорошими словами три из четырех фамилий генетиков, избранных Ольшанским в качестве первоочередных жертв его нападок (фамилия Полякова не упоминалась или упоминалась снисходительно, так как на собрании он объявил свой безоговорочный переход в сторонники Лысенко). Затем примерно в течение года фамилии Гришко, Делоне и моя служили в республиканской и

городской прессе предметом насмешек и самого сурового осуждения. Это же происходило на различных научных, партийных и профсоюзных собраниях, в лекциях, читаемых студентам в Киевском и Харьковском университетах, в педагогических, сельскохозяйственных и медицинских вузах Украины. Поэтому наши три фамилии, сопряженные с порочащими их прилагательными, стали известны не только в научных кругах республики, но и далеко за ее пределами. В течение нескольких лет после августовской сессии ВАСХНИЛ и собрания в зале Верховного Совета УССР мы трое чувствовали себя незаслуженно превращенными в оклеветанных изгоев. Это выражалось для меня и в том, что со мной "раззнакомились" не только некоторые коллеги по работе, но и кое-кто из моих бывших сотрудников и учеников (они избегали меня, при случайных встречах не заговаривали, а в лучшем случае ограничивались кивком головы или обходились и без этого). И так продолжалось почти десять лет, а полностью прекратилось только после 1965 г., когда порочность лысенковщины была официально признана Академией наук СССР и другими руководящими наукой инстанциями.

Правда, в описанной ситуации были и приятные исключения. Так, после моего выступления по докладу Ольшанского я получил два письма, в которых в горячих выражениях высказывалось сочувствие мне и восхвалялась моя "отвага"; но эти письма были анонимными, их авторы побоялись указать свои фамилии. Были и коллеги, которые в разговорах с глазу на глаз при встрече со мной говорили о своем возмущении Лысенко и его бреднями и выражали солидарность с моей приверженностью настоящей генетике. В этой связи я с особой теплотой вспоминаю выдающегося гидробиолога, ныне покойного А.В.Топачевского и физиолога растений К.М.Сытника, бывшего потом вице-президентом АН УССР (в настоящее время он является директором Института ботаники).

Вернуться к генетике и к опытам с моей любимой дрозофилой я смог только после десятилетнего перерыва, в 1957 г., а полностью развернул эту работу, когда в Институте зоологии АН УССР был восстановлен отдел генетики и я был вновь назначен его заведующим.

Примечание

¹ Как курьез отмечу, что в ней отсутствовал список использованной литературы, главным образом зарубежной, так как этот список был вычеркнут республиканским Главлитом (в те годы запрещалось упоминать в наших изданиях зарубежные источники).

Д.В.Лебедев, Э.И.Колчинский

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА Н.И.ВАВИЛОВА С И.В.СТАЛИНЫМ (Интервью с Е.С. Якушевским)

Ефрем Сергеевич Якушевский (1902-1989) — один из ближайших учеников и соратников Н.И.Вавилова. Впервые с Вавиловым он познакомился еще на студенческой скамье в 1924 г. Обратив внимание на талантливого студента, Вавилов пригласил его в 1925 г. на работу в Институт прикладной ботаники и новых культур. Под руководством Вавилова Якушевский стал крупнейшим специалистом по культуре сорго. До конца дней Вавилова он оставался верным своему учителю и пользовался полным доверием с его стороны. После ареста Вавилова Якушевский отказался выступить против него и был изгнан из института вместе с другими настоящими вавиловцами и приверженцами генетики. Якушевский принял активное участие в борьбе за подлинную науку в нашей стране, штабом которой стал Ботанический институт им.В.Л.Комарова АН СССР. Он способствовал реабилитации Н.И.Вавилова и немало сделал для пропаганды и развития творческого наследия своего гениального учителя.

Ефрем Сергеевич отдавал все силы для восстановления подлинной правды о трагических событиях во Всесоюзном институте растениеводства, которые разразились в 30-е гг. и завершились гибелью Н.И.Вавилова. За 11 дней до своей смерти, будучи тяжело больным, Ефрем Сергеевич согласился дать интервью Д.В.Лебедеву и Э.И.Колчинскому. Отрывок из этого интервью, в котором шла речь о титанических усилиях Вавилова спасти генетику и научную селекцию в нашей стране, публикуется ниже.

Вопрос. Чем вызвано резкое изменение к Н.И.Вавилову и его институту после 1932 года?

Ответ. Я считаю, что Николай Иванович сделал серьезную ошибку в конце 20-х годов, поддержав Т.Д.Лысенко, который оказался для науки человеком неподходящим, а скорее — губительным. Он был очень самолюбивый и завистливый и не терпел всех, кто был выше его в интеллектуальном отношении. И хотя Вавилов способствовал научной карьере Лысенко, последний, после того как связался с И.И.Презентом, начал борьбу против Вавилова.

Вопрос. В истории ВИРа имеется темное и совсем неизвестное пятно. В 1933 году была арестована целая группа ведущих ученых института (Н.Н.Кулешов, Г.А.Левитский, Н.А.Максимов, В.И.Писарев и др.). Не могли бы Вы сказать, что послужило причиной этого ареста? Было ли это результатом общего гонения на интеллигенцию или же попыткой возложить на ученых ответственность за провал сельского хозяйства, вызванный коллективизацией?

Ответ. Я тогда работал летом на опытной станции, редко бывал в институте и не знаю никаких подробностей об этом деле. Есть у меня кое-какие подозрения о

причастности И.И.Презента к этим событиям. Но непосредственно для Вавилова и института неприятности начались только в 1935 году, когда Презент появился вместе с Лысенко и книгой "Теория стадийного развития растений".

К Лысенко Презент пристроился, потому что нашел в нем человека, которого можно использовать для своих целей, угождая ему во всем. По хитрости, злобе, нахрапистости Презент превосходил даже Лысенко.

Я особенно не вникал в содержание этой книги, так как был далек от теоретических проблем генетики и физиологии растений. Я всецело доверял Н.А.Максимову, по учебнику которого изучал физиологию растений. В этих вопросах и Вавилов полагался на Максимова и его жену С.В.Галееву. Вот вокруг этой книги, по словам М.И.Хаджинова, и развязалась вся эта мура.

В те годы я с Вавиловым встречался не только в Москве и Ленинграде. Неоднократно он приезжал ко мне на Кубанскую селекционно-опытную станцию, где мы обсуждали не только научные проблемы. Вавилов делился со мной тревогой о судьбе института. Приходилось не раз присутствовать при встречах Вавилова и Лысенко, в том числе и на опытных участках. Аргументация Лысенко на меня не производила никакого впечатления. Что же касается Презента, то он вообще никаких опытов не проводил. Как я тогда говорил, он выращивал картофель в кармане. А если его спрашивали о результатах опытов с картофелем, то Презент объяснял, что семена съели мыши и крысы.

Вопрос. Что происходило тогда в самом ВИРе? Кто травил Вавилова? Кто входил в так называемую пятую колонну ВИРа?

Ответ. Начало этой травле положил А.К.Коль, заведовавший отделом интродукции. Он стал конфликтовать с Вавиловым. Потом появились Г.Н.Шлыков, С.Н.Шунденко, А.В.Пухальский, М.А.Ольшанский, Ф.К.Тетерев. Тогда был большой набор так называемых особых аспирантов. Все они были партийными и запрограммированы на лысенкоизм. Все они оказались малообразованными людьми, обладали очень слабой теоретической подготовкой и соответственно были не способны к научной работе. Зачастую научные руководители вынуждены были за них писать диссертации. Так, например, М.И.Хаджинов фактически написал кандидатскую за своего аспиранта Шунденко. Неспособность к научно-исследовательской работе эти аспиранты компенсировали высокой общественной активностью. На всех собраниях они выступали против Вавилова, клевали его по разному поводу. Однако их претензии были просто смехотворны.

Вопрос. Вавилов пытался спасти свой институт и с этой целью не раз встречался с руководящими деятелями партии. Известно ли Вам что-нибудь о встречах Вавилова со Сталиным по этому вопросу или о встрече со Ждановым в 1940 году?

Ответ. О встрече со Ждановым я ничего не знаю. Что же касается Сталина, то Вавилов часто заговаривал о необходимости встретиться со Сталиным, которого он считал не только главой государства, но и человеком, внимательно следящим за развитием науки и философии в нашей стране. Я лично считал Сталина человеком малосведущим в вопросах науки и называл его закавказским сапожником. По моему мнению, много зависело не столько от Сталина, сколько от его окружения, а также псевдоученых, которые, несмотря на научные звания, поддерживали Лысенко.

Вавилов же понимал главенствующее значение Сталина во всех сферах государства. Он нес прямую ответственность за вакханалию в стране, начавшуюся в 30-е годы. Прежде всего это проявилось в разрушении сельского хозяйства, о чем я знаю не только как специалист в области селекции, но и от своих родных, проживающих тогда в деревне, в Белоруссии. Сам я тоже родом из деревни и хорошо понимаю ужас, пережитый белорусскими крестьянами.

Николай Иванович рассказал мне и о последней встрече со Сталиным. До недавнего времени я молчал об этом эпизоде. Случилось это в конце ноября 1939 года. Осень в том году была поздняя, дождливая. И мой полевой сезон на Кубани

затянулся: надо было просушить материал. После Кубани я обычно заезжал в Москву, в Президиум ВАСХНИЛ, чтобы узнать всякие научные и околонучные новости. Поднимаясь по лестнице, я столкнулся с Н.И.Вавиловым, как говорится, нос к носу. Я спросил Вавилова, чем он занят в Москве. Вавилов ответил: "Да вот сижу здесь, разбираюсь и мучаюсь со всеми нашими виrowsкими делами". — "А что мучаетесь?" — "Дела наши, между нами говоря, плохи. Но об этом сейчас говорить нельзя. Заходи вечером ко мне, побеседуем". — "Но я связан с командировкой, с гостиницей". — "Командировку можно отложить на день. А квартиры если нет, то переночуешь у меня. Диван у меня свободный. Живу я один, чайник на ходу".

Мы разошлись, каждый по своим делам. И в восемь часов я к нему явился. И за чаем мы просидели до 12 часов ночи. Вавилов рассказал, что давно пытался встретиться со Сталиным и поговорить с ним серьезно о сельском хозяйстве и сельскохозяйственной науке. Это он считал особенно важным, так как его несправедливо обвиняли в нежелании заниматься сельским хозяйством, которое действительно находится в плачевном состоянии. Но из этого состояния его нельзя вывести методами, предлагаемыми Лысенко. Однако все предыдущие попытки Вавилова обратить внимание руководства страны на пагубность действий Лысенко были безрезультатны. В таких случаях Лысенко заявлял, что ему мешают враги, и требовал убрать Вавилова.

В течение долгого времени Вавилов добивался встречи со Сталиным. В конце концов аудиенция была назначена на 20 ноября в 10 часов вечера. Два часа Вавилова продержали в приемной. Только в 12 часов ночи его впустили в кабинет Сталина. Войдя в комнату, Вавилов сказал: "Здравствуйте, Иосиф Виссарионович". Сталин, ходивший с трубкой в руке по комнате, ничего не ответил. Говорят, он не любил обращение по имени и отчеству, а предпочитал, чтобы его называли "товарищ Сталин".

Вместо приветствия Сталин сказал: "Ну что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками, василечками и другими ботаническими финтифлюшками? А кто будет заниматься повышением урожайности сельскохозяйственных культур?". Вначале Вавилов опешил, но потом, собравшись с духом, начал рассказывать о сущности проводимых в институте исследований и об их значении для сельского хозяйства. Поскольку Сталин не пригласил его сесть, то Вавилов стоя прочитал устную лекцию о виrowsких исследованиях. Во время лекции Сталин продолжал ходить с трубкой в руке, и видно было, что ему все это совершенно неинтересно. В конце Сталин спросил: "У Вас все, гражданин Вавилов? Идите, Вы свободны".

Так Вавилов ушел несолоно хлебавши. Настроение у него было ужасное. "Наше дело табак, — сказал мне Вавилов. — Шайка Лысенко принимает все меры, чтобы убрать меня из института и из Академии наук". Я пытался возразить, что это, мол, еще вилами на воде писано. Сменить директора не так легко, да и найти замену трудно. "Они найдут", — с горечью ответил Вавилов.

К сожалению, он оказался прав. На свободе Сталин позволил остаться Вавилову только восемь месяцев. Нашли ему и замену. Человеком, согласившимся заменить Вавилова, был И.Г.Эйхвельд, впоследствии член-корреспондент АН СССР и президент АН ЭССР. Он же стал и палачом ВИРа, но об этом уже особый рассказ.

К сожалению, продолжения этого рассказа уже не было, так как через несколько дней Ефим Сергеевич скончался.

Э.И.Колчинский

РЕПРЕССИИ И УЧЕБНИКИ
(интервью с Ф.И. Кричевской)

30-е и 40-е годы вошли в историю отечественной науки как период непрерывного осуждения и запрещения все новых и новых направлений в области биологии, психологии и педагогики. Неизбежно это отражалось и в издании учебников, которые должны были поспевать за меняющейся конъюнктурой. Борьба за комплексный метод обучения и за издание учебников-проектов внезапно оказалась свернутой и была заменена уже походом против подобных новаторств в педагогике и за создание стабильных учебников. Причем постоянно осуществлялся жесткий политический и идеологический контроль за их содержанием. Не обошли стороной Учпедгиз и постановления ЦК ВКП(б) о педологии, решения августовской сессии ВАСХНИЛ, борьба с космополитизмом и т.д. Об этом и шла речь в интервью с Фонедой Иудовной Кричевской, ученицей В.А.Догеля, которая в 30-х — начале 50-х гг. работала в Ленинградском отделении Учпедгиза. В военные и послевоенные годы она была и директором, и главным редактором этого издательства. В 1951 г. Кричевскую арестовали и осудили по пресловутой 58-1 статье на 25 лет за "вредительство". Однако в 1954 г. (после смерти Сталина) она была освобождена.

Фонеда Иудовна скончалась в декабре 1990 г. До конца своих дней она работала внештатным редактором в Ленинградском отделении издательства "Наука". При ее активном участии в 60-80-е гг. вышли десятки книг, многие из которых способствовали восстановлению в нашей стране подлинно научной биологии. Среди них особенно надо отметить коллективную монографию "Современные проблемы эволюционной теории" (под редакцией В.И. и Ю.И.Полянских), которая стала первой книгой по дарвинизму, вышедшей у нас в стране после 20-летнего господства лысенковщины. Восстановлению исторической истины служили и книги по развитию эволюционной теории в целом или ее отдельных проблем, редактором которых также была Кричевская. Авторами этих книг были ведущие специалисты в области истории биологии: К.М.Завадский, И.И.Канаев, Т.А.Лукина, К.В.Манойленко и др.

Вопрос. Несколько слов, пожалуйста, о Вашей юности. Где Вы получили образование и как очутились в Ленинграде?

Ответ. Революция застала меня в Екатеринославе, когда я училась в гимназии. Страшные годы гражданской войны. Власть двадцать два раза менялась в городе. И приход почти каждой очередной власти означал погромы и массовые расстрелы. Так, банда Григорьева всего три дня была в городе, а после ее ухода трупы штабелями лежали в рабочих районах. Но это особый разговор.

В Екатеринославе было прекрасное коммерческое училище, старшие классы которого были преобразованы в социально-экономический техникум, куда я и

поступила на первый курс. После окончания техникума я выбрала Институт народного образования (так назывались тогда на Украине бывшие университеты), где и проучилась два года. Но все мы стремились уехать в столицы: Москву или Петроград. Отправилась в 1923 году в Петроград и я, поступив в Институт социального воспитания, который был образован на базе Психоневрологического института, созданного В.М.Бехтеревым. Правда, во главе института тогда был уже не Бехтерев, но он продолжал здесь преподавать. Вообще там были прекрасные педагоги: В.А.Вагнер, В.М.Мясищев, И.П.Павлов, — лекции которых дали нам прекрасную естественнонаучную и психологическую базу. Большое внимание уделялось педологии, психологии детского возраста, психологии переходного возраста, психологии взрослых, патологической психологии. Там я проучилась два года, так как это было время постоянных реорганизаций. В 1925 году наш институт вместе с Дошкольным институтом был влит в Педагогический институт им.А.И.Герцена, где кафедрой методики естествознания заведовал блестящий педагог и организатор науки Борис Евгеньевич Райков.

Вопрос. Какие наиболее характерные черты тогдашней педагогики, и особенно методики преподавания, Вы могли бы назвать?

Ответ. Это было время оживленных дискуссий и интенсивных поисков новых форм обучения. Борьба шла в основном вокруг двух направлений в методике преподавания естествознания: московского и ленинградского.

Московское направление нашло воплощение в программах Государственного учебного совета, в которых доказывалась необходимость расположения учебного материала не по отдельным предметам, а по производственно важным темам. Это были так называемые комплексные программы. Целью их было показать, как при возникновении общества природа вовлекалась в трудовую деятельность, в результате чего возникли сельское хозяйство, т.е. материальный базис общества; над ним надстраивались производственные отношения, формировались культура, наука и т.д. Считалось, что в результате такого образования обеспечивалась связь школы с жизнью, а учебный процесс избавлялся от схоластики прежней системы образования. Предполагалось, что в результате такого образования произойдет синтез знания и опыта. Давалось ядро, вокруг которого в дальнейшем должно было концентрироваться представление учащихся о природе и обществе.

Против комплексной системы обучения резко выступал Б.Е.Райков. Он доказывал, что учебный процесс должен занимать главное место в школе. Для этого производственное обучение должно быть подчинено воспитательным задачам, предполагающим прежде всего систематическое изучение отдельных школьных предметов: биологии, физики, химии, истории и т.д. Райков возражал против примитивного утилитаризма, заложенного в комплексные программы, считал недопустимой подмену естествознания сельскохозяйственной рецептурой.

Вопрос. Как эта борьба двух школ реально отражалась в повседневной жизни школы и в Вашей деятельности?

Ответ. После окончания института меня направили в экспериментальную школу, которая находилась на его территории. В школе работала вся профессура института, ее лучшие методисты. Здесь было достигнуто удачное сочетание знаний крупных ученых с энтузиазмом молодых педагогов. Это была по-настоящему экспериментальная школа. В ней применялись самые разные методы преподавания, в том числе и метод проекта.

Однако все же ситуация изменилась. На Всероссийской конференции преподавателей естествознания в 1929 году группа ленинградских методистов во главе с Райковым была осуждена за приверженность дореволюционным методам обучения, связанную с их борьбой за сохранение отдельных предметов, за неприятие комплексной системы обучения, за игнорирование связи с практикой. Редактируемые им журналы "Естествознание в школе" и "Живая природа" были закрыты. Распоряжением ГУСа комплексные программы были введены во всех общеобразовательных школах. Эти программы были призваны разработать путь обобщения

учебного материала на основе изучаемой трудовой деятельности. Началась эпоха политехнизации школы.

Такая школа могла действовать только на базе какого-либо завода. У нас в Куйбышевском районе не было промышленных предприятий. Поэтому нашу экспериментальную школу расформировали, а в качестве базовой выбрали школу при заводе "Электросила". Добираться туда было очень сложно, я лично чаще всего ехала на подножке или "колбасе" трамвая. Контингент учащихся тогда был непростой. Мне дали класс, ученики которого незадолго до этого устроили бунт, разорвали "Ленинские искры" и заявили предыдущей учительнице, что не желают иметь с ней дела.

Первоначально и мне пытались устроить obstruction. Но мне удалось найти с ними общий язык, хотя многие были очень обозлены, испытав раскулачивание. Совместная работа на заводе "Электросила" позволила привести их в "христианский вид". Вместе с ними я освоила все операции на заводе (от штамповки до сборки), чтобы объяснить им практическое действие того или иного закона. С этой целью мне пришлось работать на заводе по ночам, осваивая до урока ту или иную специальность.

Вопрос. А что, отдельные предметы тогда совсем не преподавались, например история, литература, русский язык?

Ответ. Насколько я помню, в начальной школе все гуманитарные знания преподавались также в комплексе. Ведь учебников не было. К нам методисты уже приезжали за опытом. Так, не раз в школе был известный педагог М.Я.Басов, который все хотел узнать у меня способ умиротворяющего воздействия на учеников.

Вопрос. Был ли арест Райкова как-то связан с переходом к всеобщему внедрению комплексных программ? И почему в гонениях на Райкова принял участие И.И.Презент, который, как известно, тогда в основном занимался теоретическими проблемами биологии и генетики.

Ответ. Переход к тотальной политехнизации школы, по-видимому, был частью "великого перелома", замышленного как наступление социализма по всему фронту. Начались и массовые репрессии против интеллигенции. Естественно, что они не могли обойти такого свободомыслящего и независимого человека, как Райков. Непосредственной причины ареста я не знаю. Да, скорее всего, ее и не было. Презент же действительно принимал самое активное участие в травле Райкова, выступал с погромными докладами, статьями. Видимо, ему было трудно остаться в стороне, когда кого-нибудь травили. Он был доносчик и палач по натуре, а не по убеждениям. Райков был сослан на строительство Беломорканала, там он создал лабораторию по борьбе с эпидемиями.

Вопрос. Как началась Ваша деятельность по подготовке и изданию учебников?

Ответ. Я была привлечена к созданию учебников по методу проекта. Это были рассыпные учебники, т.е. под одной обложкой были тетради по разным предметам, объединенные единой темой. Например, в школе был проект: "Поможем посевной кампании — организуем огород". Надо было все знания о растениях, овощах, другие биологические сведения, знания о почве, приемах агротехники, сельскохозяйственных орудиях труда, а также пословицы, поговорки, сказки, стихи подчинить этой идее. Таким образом, материал располагали не по предмету, а по жизненно важным темам, связанным с производственной деятельностью человека. Такие учебники создавались тогда во всем мире. И к нашим проявляли интерес. Так, на международной выставке учебник, в подготовке которого я принимала участие, был даже украден. У меня также не сохранились эти учебники: все они пропали при аресте. Вот так я оказалась приобщена к делу издания учебной литературы: сначала в качестве автора, а потом и редактора.

Вопрос. Когда закончилась эпопея с комплексными программами, методом проекта, бригадным методом обучения и другими нововведениями ГУСа?

Ответ. В сентябре 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, в котором осуждались комплексные программы и попытки проти-

вопоставить политехнизацию обучения систематическому усвоению наук. Была поставлена задача создать предметные программы и на их основе издать учебники по отдельным дисциплинам. Наша трагедия заключалась в том, что мы, авторы только что вышедших учебников, должны были разъезжать по конференциям Новгорода, Пскова, Ленинграда и других городов, входящих в сферу действия Ленинградского издательства, и критиковать собственные учебники. Нам же поручили и создать бригады по подготовке новых стабильных учебников. Особенность этих бригад состояла в том, что в них наряду со специалистами должен был входить и рабочий от станка. Его положение было довольно дурацким: он не знал, что ему делать в кругу профессоров; трудно было вообще найти какую-либо работу, чтобы чем-то занять его; я ему давала на рецензию учебники, методики и т.д.

Вопрос. Во второй половине 30-х годов при Вашем активном участии стали выходить фундаментальные учебники для высшей школы, авторами которых были В.А.Догель, Б.Е.Райков, Л.С.Берг, П.В.Терентьев, Д.Н.Кашкаров и другие. Каким образом Вы подключились к изданию литературы для вузов?

Ответ. Наряду с работой в издательстве я училась в аспирантуре Государственного института научной педагогики. Там я сдала кандидатские экзамены и решила специализироваться по биологии. Я пришла на кафедру В.А.Догеля. Это была лучшая кафедра в университете, который тогда был богат прекрасными научными школами. К школе Догеля принадлежат такие выдающиеся советские биологи, как академики АН СССР Б.Е.Быховский, А.В.Иванов, член-корреспондент АН СССР Ю.И.Полянский и другие. Мое рабочее место было прямо в кабинете Догеля, и, можно сказать, вся жизнь кафедры протекала у меня на глазах. Сотрудниками кафедры был подготовлен большой практикум по зоологии беспозвоночных. Так, я стала не только редактором учебников, но и редактором биологической литературы.

К тому времени был досрочно освобожден Б.Е.Райков, направленный на поселение в Медвежьегорск. Я обратилась с письмом в Центральный Комитет с просьбой разрешить использовать репрессированного Райкова в качестве автора методических пособий. Получив разрешение, мы переиздали в 1938 и 1941 гг. его совместную с М.П.Римским-Корсаковым книгу "Зоологические экскурсии". Долгое время эта книга была основным пособием по экскурсионной зоологии. В нем излагались основные темы экскурсий, принципы и методы их проведения, давались практические советы и описание объектов. Тогда же мы задумали с ним издать учебник по методике естествознания, который вышел уже после войны.

Вопрос. Начало Вашей работы в издательстве совпало с годами массовых репрессий в стране вообще и в науке в частности. Понимали ли Вы тогда, что происходит в обществе?

Ответ. Конечно, понимала. Это было страшное время, когда все постоянно ходило под дамочловым мечом. Вокруг рушились людские жизни, карьеры. Целые семьи, пласты общества уходили в небытие. Среди них были и друзья. Каждый понимал, чувствовал, что вот-вот подойдет и его очередь. Но говорили об этом только у себя, только с самыми близкими друзьями. Мы, конечно, не верили, что Бухарин и Троцкий контрреволюционеры. Мы не могли только понять, почему они признавались. Нам в голову не могло прийти, что их там пытаются.

Одного за другим арестовывали главных редакторов издательства. Так накануне войны я стала главным редактором. И возможно, именно война отложила мой арест на десять лет. Вообще в первые дни войны я сделала "головокружительную" карьеру. Все мужчины ушли на фронт. Я стала "едина в трех лицах", будучи одновременно директором издательства, главным редактором и секретарем парторганизации. Во время войны одни мои авторы эвакуировались (Л.С.Берг, В.А.Догель), другие ушли на фронт (Ю.И.Полянский), некоторые умерли в эвакуации (Д.Н.Кашкаров); в блокаду скончался П.П.Иванов. Мы в те годы в основном издавали различные книги для блокадных детей.

Вопрос. В 1936 году вышло специальное постановление ЦК КПСС по педологии. Как отразилось оно на Вашей издательской деятельности?

Ответ. Прямо издательскую деятельность оно не затронуло, так как учебная литература по биологии была вне педологии; но это был очередной идеологический погром. Весьма серьезная наука, признанная во всем мире была объявлена буржуазной и осуждена. И хотя это были идеологические репрессии, сторонники педологии не были арестованы, однако вся кампания безусловно нанесла громадный ущерб нашей системе школьного образования.

Вопрос. Послевоенные годы также оказались не очень спокойными для нашей высшей школы: сессия ВАСХНИЛ 1948 года, борьба с космополитизмом. Вероятно, эти события уже не обошли стороной Ваше издательство?

Ответ. Конечно, нет. Причем обстановка все время обострялась. Вначале казалось, что жизнь входит в нормальную струю. С Райковым мы возобновили издание журнала "Естествознание в школе". В 1947 году была опубликована задуманная еще в 20-е годы Борисом Евгеньевичем книга "Методика естествознания", к работе над которой автор привлек также многих крупных методистов (П.И.Боровицкого, Н.М.Верзилина, С.А.Павловича). Стал вопрос об усовершенствовании программ по естествознанию, утвержденных коллегией Наркомпроса еще в 1933 году и с тех пор остававшихся неизменными. Но случилось все по-иному.

В "Учительской газете" была напечатана разгромная статья, инспирированная московскими оппонентами Бориса Евгеньевича. Затем в марте в Министерстве просвещения состоялось обсуждение книги. До начала этой проработки мне удалось уговорить Бориса Евгеньевича признать некоторые второстепенные недостатки книги. В частности, ему инкриминировалось, что не отражены коренные изменения в методике естествознания, которые произошли за годы советской власти. Все знали непреклонный характер Райкова, и его самокритичное выступление обезоружило критиков. Весь пафос был направлен главным образом против меня как редактора. Я заработала на этом строгий выговор с занесением в личное дело. А Борис Евгеньевич поцеловал мне ручку и сказал: "Умница Вы моя. Спасибо Вам большое".

В те же годы мной был задуман справочник для учителя по биологии, где содержались бы основные сведения из зоологии, ботаники, генетики, экологии, физиологии, которые могли быть использованы на уроке. В подготовке справочника мне помогал Ю.И.Полянский. Но здесь разразилась августовская сессия 1948 года. Генетика была осуждена, а вместе с ней подверглись различным репрессиям все, кто стоял на пути у Лысенко и его сторонников. В герценовском институте был учинен подлинный разгром. Райков был освобожден от всех должностей и обязанностей по Педагогическому институту и по ленинградскому филиалу Академии педагогических наук. Из института изгнали также Ю.И.Полянского, который был даже вынужден уехать на Север, А.А.Стрелкова (последнего приютил в Зоологическом институте Е.Н.Павловский), М.А.Розанову и других.

Вместо Ю.И.Полянского заведующим кафедрой зоологии и генетики была назначена дама из Ветеринарного института, Т.В.Виноградова, которая занималась там какими-то опытами с пчелами. Виноградова отличалась редким невежеством в вопросах биологии и столь же редкой искренней приверженностью к так называемой мичуринской биологии, но именно она стала одним из главных рецензентов редакции и везде и во всем усматривала крамолу и требовала все писать в духе лысенкоизма. Приходилось лавировать: вставлять в предисловия обязательные фразы о верности мичуринской биологии, об историческом значении работ Лысенко и так далее. Впрочем, все авторы сами понимали обстановку и шли на мимикрические ухищрения. Правда, были и упрямцы, например Л.С.Берг, Ф.Д.Сказкин. Интересен случай с Бергом, который однажды пришел даже в типографию и вместе с наборщиком стал вносить изменения в текст, уже утвержденный Горлитом. И только мои слова о том, что этим самым он посадит меня в тюрьму, подействовали на него, и он отказался от этой правки.

Тучи надо мной все сгущались. Все время работали какие-то комиссии. Шли бесконечные проверки. Мне постоянно приходилось что-то объяснять. А тут еще началась эта борьба с космополитизмом. Как главный редактор, я имела дело и с учебниками по литературе. Среди моих авторов были М.Б.Азадовский, Г.А.Гуковский, В.М.Жирмунский. Их буквально изничтожали в те годы. Мне приходилось присутствовать на их проработках. Это было ужасно, так как со всеми я была связана дружбой. Часть из них все-таки арестовали, например Гуковского. Добрались и до меня.

Вопрос. Что послужило непосредственной причиной Вашего ареста?

Ответ. Будучи директором издательства, я очень тяготилась этой должностью. На все просьбы освободить меня предлагалось найти самую замену. Знакомые посветовали мне взять бывшего директора Стройиздата Бессонова. Все о нем отзывались примерно так: "Он грубоват, хамоват, но ты с ним будешь как за каменной стеной..." Все так и получилось, и благодаря ему я оказалась за "каменной стеной": сперва в тюрьме, а потом в лагере. Он не только был грубоват и хамоват, но и обдeldывал различные делишки со своими друзьями в издательстве. Поскольку я категорически отказалась участвовать в этих делах, расправа последовала скоро.

В качестве непосредственной причины мне была инкриминирована попытка задержать издание предвыборной речи Сталина на эвенкийском языке. Дело в том, что наше издательство готовило учебники для северных школ. Для этого привлекались ученые из Института народов Севера. И в данном случае была создана специальная группа. Все ее члены уже подвергались репрессиям в 30-е годы и хорошо сознавали ответственность и грозящие последствия. Поэтому они всячески затягивали работу, уклонялись от нее, постоянно спорили друг с другом о том, как надо переводить то или иное место. Письменный язык был в значительной степени искусственным и очень отличался от разговорного. Эвенки часть его не понимали, и нам приходилось корректуру учебников посылать на места, чтобы узнать, понятен ли текст самим эвенкам. В конечном счете меня в 1951 году обвинили во вредительстве, в космополитизме, в приверженности еврейским авторам и так далее. Некоторые обвинения были просто смехотворны: например, спрашивали, почему Том Сойер на картинке одет в американскую одежду. Видимо, его следовало бы одеть в пионерскую форму. Когда на обвинения в покровительстве евреям я сказала, что из 33 авторов, с которыми я работала, только 4 еврея, следователь сказал: "Оставим эти антисемитские разговоры". Суд шел 10 дней. Это был военный трибунал, который осудил меня на 25 лет, на полную катушку. Тогда я была уверена, что в заключении и закончится моя жизнь. Меня освободили в 1954 году, заменив обвинение во вредительстве на обвинение в служебной халатности. Пришлось немало потратить сил, чтобы добиться полной реабилитации и тем самым вернуть себе прописку и право работать. Но только в 60-е годы я вернулась к редакторской работе.

Вопрос. У Вас за плечами почти 60 лет работы в качестве автора и редактора учебной и научной литературы. Как кратко можно было бы подытожить Вашу деятельность?

Ответ. Становится страшно, сколько сил было потрачено только на то, чтобы выпускать столь нужную стране и системе образования доброкачественную литературу. К каким уловкам приходилось прибегать, чтобы усыплять бдительность различного рода идеологических палачей! И какие потери на этом пути! Сколько было задумано в 20-е и 30-е годы (метод проекта, педология, экскурсионное и исследовательское воспитание и т.д.), и все это ушло в небытие: было разгромлено, уничтожено. А в результате мы имеем нашу современную школу. И все общество бьется над проблемой, что надо делать для коренной перестройки образования, чтобы оно давало и знания, и воспитание, и, самое главное, хотя бы элементарные навыки культуры.

Э.И.Колчинский

РЫЦАРЬ НАУКИ
(интервью с В.С. Кирпичниковым)

14 ноября 1991 г. ушел из жизни выдающийся ученый и гражданин Валентин Сергеевич Кирпичников. Более полувека его труды в области генетики и селекции составляли славу отечественной науки и получили международное признание. Он был почетным членом Международной ассоциации генетиков аквакультуры. Но признание со стороны властей пришло к Валентину Сергеевичу только в конце его жизни. В 1990 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда за выдающийся вклад в сохранение и развитие генетики и селекции в нашей стране. За несколько месяцев до смерти Кирпичников был избран действительным членом Академии естественных наук РСФСР. Да и докторскую диссертацию он смог защитить только после окончательного краха лысенковщины в биологии.

И такое временное расхождение между признанием со стороны научной общественности и признанием "власть предержащих" не случайно, ибо вся жизнь Кирпичников была отдана не только поиску научной истины, но и борьбе против всех негативных явлений, которыми столь богата была наша наука в послереволюционный период.

Рыцарем науки назвал Валентина Сергеевича на праздновании его семидесятипятилетнего юбилея в 1983 г. другой антилысенковец с довоенным стажем — Д.В.Лебедев. И это удивительно точная характеристика Кирпичникова. Начиная с 1935 г., т.е. фактически с первых нападков Лысенко на генетику и теорию Дарвина, Кирпичников постоянно был в числе тех немногих, кто, не обращая внимания ни на что, не только продолжал оставаться верным своим научным убеждениям, но и использовал всякий шанс для опровержения антинаучных построений творцов "мичуринской биологии" и "советского творческого дарвинизма".

Воспитанник Московского университета Кирпичников еще на студенческой скамье выбрал генетику своей специальностью. Его университетскими учителями были выдающиеся ученые, создатели отечественной генетики Н.К.Кольцов и С.С.Четвериков. Именно в основанном Кольцовым Институте экспериментальной биологии (ИЭБ) выполнены первые работы Кирпичникова по генетике и эволюционной теории. Эти работы были посвящены проблеме "наследования приобретенных признаков", которая в течение многих лет служила предметом ожесточенных дискуссий в биологии, принимавших в нашей стране порою даже политический характер. Кирпичниковым был найден оригинальный выход из этой, ставшей фактически бесплодной идеологической дискуссии. Он предложил гипотезу косвенного отбора, в которой объяснялся селекционный механизм наследственного закрепления признаков, возникавших у организмов под влиянием внешних условий. Гипотеза Кирпичникова сыграла важную роль в выяснении роли приспособительных модификаций в эволюции и тем самым способствовала решению

проблемы "наследования приобретенных признаков" в рамках современной науки. Этим выбивался один из краеугольных камней из построения Лысенко и его приспешников.

В.С.Кирпичников был участником совещания по проблемам генетики и селекции, организованной в 1939 г. редколлегией журнала "Под знаменем марксизма". Одним из поводов для проведения этого совещания было письмо А.А.Жданову группы ленинградских биологов, обращавших внимание на тяжелое положение в генетике. Выступление Кирпичникова на этом совещании было настолько убедительно и безупречно в фактическом отношении, что весомость его аргументации вынужден был признать и официальный руководитель этой дискуссии М.Б.Митин, прославившийся идеологическими погромами в области биологии.

Непосредственная специальность Кирпичникова — генетика и селекция рыб. На базе генетики и эволюционной теории Кирпичников разработал методы селекции, которые позволили создать новые породы рыб, в том числе и знаменитого "ропшинского карпа", обладающего холодоустойчивостью и высокой продуктивностью. Это дало возможность существенно продвинуть карповодство на север и доказало еще раз громадные практические возможности генетики. Его классический труд "Генетические основы селекции рыб" получил всемирное признание и был переведен на английский, немецкий и японский языки.

Практическая направленность основных исследований Кирпичникова определяла его постоянную заботу о развитии народного хозяйства. Тревога по поводу все увеличивающегося отставания отечественного рыбоводства от зарубежного побуждала его быть всегда в центре всех дискуссий, сотрясавших нашу биологию за все годы существования советской власти. Вместе с Ж.А.Медведевым В.С.Кирпичниковым была напечатана в 1963 г. в журнале "Нева" статья в защиту генетики, которая в условиях открытого покровительства Лысенко со стороны Хрущева прозвучала подобно грому среди ясного неба для всех приверженцев Лысенко и их официальных защитников.

Именно борьба Кирпичникова против лысенковщины была главной темой интервью, которое взяли К.О.Россианов и Э.И.Колчинский у Кирпичникова в феврале 1989 г. Рассказ Кирпичникова имеет не узконаучный интерес. Из него видно, что даже в условиях жесточайшего тоталитарного режима были люди, которые, несмотря на возможные репрессии, выступали в защиту научной истины. Их пример оставляет веру в возрождение нравственности в отечественной науке.

Важно отметить, что Кирпичников близко к сердцу воспринимал и задачу демократизации общества. Он один из основателей клуба творческой интеллигенции нашего города "Ленинградская трибуна" и Санкт-Петербургского союза ученых.

Вопрос. Ваше обучение в Московском университете совпало с переходом на бригадный метод сдачи экзаменов и с началом массовой подготовки научных сотрудников для вновь создаваемых научно-исследовательских институтов по биологии. В этих условиях были резко снижены требования к студентам. Основное внимание уделялось социальному происхождению выпускника вуза, но не его знаниям. Такое снижение требований к подготовке студентов сказалось резко отрицательно на науке. В нее хлынула масса малограмотных людей, многие из которых вскоре и составили поддержку Лысенко. Как все эти события сказались на Вашем обучении и на начале научной деятельности?

Ответ. Я дважды пытался поступить на биологический факультет Московского университета. После второй неудачной попытки, что было обусловлено анкетными данными, я, с молчаливого согласия профессоров и студентов, вместе с двумя другими товарищами (И.Лубенским и В.Ивлевым) стал вольнослушателем. Это был 1929 год, и мы фактически были последними "свободными" студентами — институт вольнослушательства был затем запрещен. Успешно сдав экзамены за первый курс обучения, мы стали добиваться зачисления на второй курс. Я составил письмо, которое подписали около ста студентов, десять профессоров и

доцентов МГУ. С этим ходатайством я отправился к наркому просвещения. Несмотря на уже резко выраженный тоталитаризм системы, к министру тогда было попасть во много раз легче, чем теперь. Попал к нему довольно быстро и я. Правда, нарком меня обругал за составление массовой петиции, однако написал резолюцию о зачислении всех нас на второй курс университета. Так я попал вместе со своими друзьями на биологический факультет МГУ, где и проучился до 1932 года.

Однако обстановка в университете постоянно ухудшалась. Все большую силу приобретал студенческий профком. Мне удалось прослушать блестящий курс лекций по генетике С.С.Четверикова — последний, прочитанный им перед арестом и высылкой из Москвы. В 1929 году экзамен по этому курсу проходил следующим образом: профком собрал все студенческие книжки, отнес Четверикову и объяснил, какому студенту надо ставить отметку о сдаче экзамена, какому — не надо, Четвериков, не экзаменуя никого, должен был этому "приказу" подчиниться. Тогда же была ликвидирована и кафедра экспериментальной зоологии Н.К.Кольцова, которому пришлось уйти из университета. Постепенно сошел на нет и большой зоологический практикум, который блестяще вел один из учеников Н.К.Кольцова — Г.И.Роскин.

Студенческий профком в конце четвертого курса обучения (в 1932 году) составил на всех оканчивающих студентов характеристики. В моей характеристике было записано, что Кирпичников "излишне увлекается академизмом и поэтому по окончании университета должен быть направлен на производство". Не желая с этим мириться, я ушел из университета, не закончив образования. Вначале я устроился на работу в Центральный научный институт рыбного хозяйства (в качестве научно-технического сотрудника), а потом во вновь организованный Институт прудового рыбного хозяйства (ВНИИПРХ). Рекомендовал меня туда Кольцов на должность заведующего лабораторией генетики. Это также весьма характерная черта того времени; можно было, не имея ни степени, ни даже диплома о высшем образовании, заведовать лабораторией.

Как заведующий, я на себе испытал порочность сложившейся системы образования. Во всех студенческих организациях брали верх фанатики, как правило плохо подготовленные, некультурные, но нахально третирующие и преподавателей, и студентов. Массовый выпуск людей, не способных ни к преподаванию, ни к научной работе, пагубно сказывался на работе научно-исследовательских учреждений и вузов. Так, к нам в лабораторию был направлен для прохождения практики студент Ф.Н.Михайлов — из набора партийцев-"тысячников". Он оказался малограмотным, и мы вместе с моей сотрудницей К.А.Головинской вынуждены были почти целиком написать за него диплом. Получив с нашей помощью высшее образование, Михайлов, направленный на работу в нашу же лабораторию, за короткий срок создал в ней такую обстановку, что я вынужден был отказать от заведования, а позднее — уволиться. Михайлов сразу же был назначен на место руководителя лаборатории вместо меня. Это произошло, если не ошибаюсь, в 1937 году.

К концу 30-х годов блестящая система подготовки генетических кадров, которая была создана в Ленинградском университете замечательным генетиком и педагогом Ю.А.Филипченко, а в Московском университете Н.К.Кольцовым и С.С.Четвериковым, подверглась серьезным испытаниям на прочность и окончательно оказалась ликвидированной после августовской сессии ВАСХНИЛ (в 1948 году).

Вопрос. При каких обстоятельствах Вам пришлось включиться в борьбу с лысенковщиной?

Ответ. С 1932 года я стал работать по совместительству в Институте экспериментальной биологии, вначале без зарплаты. Я приходил ежедневно во второй половине дня в институт, ставил опыты с дрозофилой и с аквариумными рыбами. Кольцов относился ко мне, как и к другим нештатным сотрудникам, очень хорошо, не делая никакого различия между нами и основными, оплачиваемыми работниками института. Позднее я был зачислен в штаты сотрудником так

называемой эволюционной бригады, входившей в состав руководимой Н.П.Дубининым лаборатории генетики. В бригаде я был особенно дружен с А.А.Малиновским, сыном известного революционера и философа, который вошел в историю как оппонент В.И.Ленина под псевдонимом Богданов. Во главе эволюционной бригады стоял талантливый генетик и систематик Д.Д.Ромашов.

С середины 30-х годов обстановка в стране все больше и больше обострялась. Это резко отражалось на биологических науках, в особенности на генетике. Официальные нападки на генетику вызвали мощное движение в ее защиту, в которое включилась и научная молодежь. Мы с А.А.Малиновским старались как-то помочь сохранить в нашей стране генетику, подвергавшуюся ожесточенным, но совершенно необоснованным нападкам со стороны Т.Д.Лысенко и его сторонников. После сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в декабре 1936 года, когда впервые разгорелась открытая дискуссия между Н.И.Вавиловым, Н.К.Кольцовым, Г.Меллером и другими генетиками, с одной стороны, и Лысенко и Презентом — с другой, у нас зародилась мысль послать письмо Сталину и попросить его организовать встречу представителей правительства СССР с молодыми генетиками. На этой встрече я и мой товарищ и соавтор письма А.А.Малиновский предполагали рассказать Сталину о значении генетики для народного хозяйства СССР и о недопустимости ее замены антинаучными "теориями" Лысенко. Тогда мы просто не понимали, что происходит в нашей стране, хотя репрессии уже прямо затронули Институт экспериментальной биологии. В 1937 году, в частности, были арестованы сотрудники института В.А.Вендровский, Г.Г.Фризен (оба погибли в лагерях) и Г.Г.Тиняков. Тиняков счастливо отделался, просидев всего четыре месяца в тюрьме; его выпустили после снятия с работы и расстрела Ежова. Он успел, однако, испытать на себе все страшные ежовские способы ведения следствия. Мы наивно считали, что аресты и репрессии — преступления клики Ежова и его помощников, а Сталин здесь ни при чем. Мало кто из нас представлял себе масштабы репрессий и руководящую роль Сталина в их проведении.

К сожалению, письмо наше не сохранилось. В нем мы писали о заслугах генетики, о хромосомной теории наследственности и популяционной генетике и т.д. Но главное заключалось в предложении устроить с молодежью встречу. Для передачи письма я решил воспользоваться своей работой по совместительству в Институте прудового рыбного хозяйства, где еще продолжал числиться консультантом.

Дело в том, что институт Кольцова был очень беден средствами на командировки и для экспедиционных исследований легче было получить деньги через прикладной рыбохозяйственный институт. Народным комиссаром пищевой промышленности, в ведении которого находился ВНИИПРХ, тогда была П.С.Жемчужина — жена председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова. Я был уверен, что ей не составит труда передать письмо Сталину. На прием к ней я пошел очень легко. Пришел, спросил у секретаря, может ли П.С.Жемчужина меня принять, и сразу же был впущен. Это — один из парадоксов 30-х годов, когда демократия практически уже была зарыта в землю, но к наркому можно было попасть без труда. Я представился Жемчужиной и изложил суть своих просьб — денежной и гуманитарной. Обе она тут же удовлетворила: на заявлении написала распоряжение о выделении средств на исследования, правда почему-то через расположенный в Ленинграде Институт озерного и речного рыбного хозяйства (ныне ГосНИОРХ), и согласилась передать письмо Сталину. Через неделю я уехал в Ленинград, став злостным совместителем, так как пришлось работать одновременно в Москве и в Ленинграде. Я был уверен, что письмо попало к Сталину, но позднее я понял, что, к счастью для нас с Малиновским, письмо не дошло до Сталина, в противном случае реакция его, вероятно, была бы однозначна. Жемчужина, видимо, пожалела нас и не стала передавать письмо по назначению.

После 1937 г. для Н.К.Кольцова наступили тяжелые дни. Была организована настоящая травля. Тяжелая обстановка складывалась в ИЭБе. После дискуссии, организованной в 1939 году журналом "Под знаменем марксизма", генетика

фактически была официально осуждена и держалась лишь на энтузиазме отдельных ученых. В нашем институте появились такие "преданные" Лысенко партийный деятели, как Л.Б.Утевская, В.А.Шолохов и другие, усилиями которых собственный институт стал для Кольцова немил. После появления разгромной статьи в газете "Правда", подписанной А.Н.Бахом, Б.А.Келлером, Х.С.Коштоянцем и другими, "Лжеученым не место в Академии наук", Кольцов был снят с поста директора института и заменен Г.К.Хрущевым, который активно поддерживал лысенковщину и осуждал "формальную" генетику.

В те годы борьба за генетику в нашем институте была перенесена в райком партии, где мы с Малиновским всячески старались опровергнуть доносы Утевской и Шолохова: против нас выступали единым фронтом парторганизация и дирекция института. Многие тогда поступали, подобно Г.К.Хрущеву, чтобы обеспечить себе и спокойную научную работу, и продвижение по службе.

На дискуссии в 1939 году я вместе с С.И.Алиханяном, Б.Л.Астауровым и Ю.Я.Керкисом привел немало данных, которые подтверждали законы Менделя. Даже М.Б.Митин, руководивший дискуссией, был вынужден признать, что мы рассказали много интересного о наследовании различных признаков у кур, рыб, тутового шелкопряда и т.д. Однако он предупреждал, что мы окажемся в тупике, если не пересмотрим свои теоретические взгляды.

16 февраля 1940 года в нашей лаборатории появился сам Лысенко. Не обращая внимания на остальных, он подошел прямо ко мне. У нас состоялась беседа, во время которой он хриплым голосом спрашивал: "Как Вы проводили скрещивания? Сколько у Вас там было самцов?" Я ответил, что в каждом скрещивании мы использовали одну самку и двух самцов, как это принято в карповодстве. Тогда Лысенко сказал: "Мне больше ничего не надо. Здесь два самца. Какой же это менделизм!" После разговора со мной он поднялся на второй этаж к Б.Л.Астаурову, но о содержании их беседы я никогда не расспрашивал Бориса Львовича.

Дискуссию 1939 года и последующее посещение Лысенко нашего института я расцениваю как его последние попытки сохранить хотя бы видимость научной дискуссии. Он убедился, что генетики не откажутся от своих научных взглядов, и решил поэтому в дальнейшем расправиться с ними исключительно политическими методами. Отныне в официальной идеологии, казалось, окончательно укоренилась характеристика генетики как идеалистической, буржуазной, даже расистской, враждебной нам науки. Такие обвинения в адрес генетики и генетиков одним из первых стал выставлять на каждом шагу И.И.Презент. На дискуссии 1939 года к ним фактически присоединился и тогдашний официальный глава советской философии М.Б.Митин.

Вопрос. Как лично на Вас отразились репрессии против генетики в конце 30-х годов, и какова была реакция властей на Ваше участие в дискуссиях по генетике?

Ответ. Весной 1940 года, когда я был в экспедиции, пришла телеграмма о моем увольнении "по сокращению штатов". У меня тогда шли опыты, и, имея телеграмму такого содержания, я задержался на пять дней в командировке для завершения исследований. Но, когда я вернулся, было выдвинуто новое обвинение: в опоздании из командировки. Увольнение по этой статье грозило или крупным вычетом из зарплаты, или тюремным заключением. Будучи абсолютно уверен в своей правоте, я отказался взять адвоката и, как это ни странно, выиграл процесс, предъявив телеграмму. Тогда 95% подобных процессов заканчивались осуждением обвиняемых.

Однако на этом я не остановился и решил добиваться восстановления на работе. Зная, что среди чиновников Отделения биологических наук АН СССР я не найду поддержки, так как там засели ярые сторонники Лысенко (прежде всего, ученый секретарь Отделения Р.Л.Дозорцева и другие), письмо я отправил в ЦК ВКП(б). Меня вызвали в Отдел науки, и инструктор Женихова (имя и отчество я не помню), внимательно просмотрев мои документы, сказала, что, по ее мнению, меня следует восстановить на работе. Ровно через три дня меня вызвали

в сектор кадров АН. Там было три инспектора, но Женихова позвонила лишь одному из них и рекомендовала восстановить меня на работе. Двое других не знали об этом звонке из ЦК партии и всячески старались отправить меня на работу на Дальний Восток или в Забайкалье. Инспектор, разговаривавший с Жениховой, говорил, однако, что не надо с этим решением спешить, следует, мол, еще подумать. Зная причину их разногласий, я в душе смеялся над беспринципностью чиновников, не согласовавших свои действия с начальством. В конечном счете меня восстановили, и я проработал в той же должности до начала войны с Германией, но затем вновь был уволен, на сей раз под предлогом борьбы с совместительством. Так завершились мои довоенные попытки как-то повлиять на судьбу генетики и защитить Кольцова. Были и другие мои письма в ЦК; удалось также в 1940 году в соавторстве с М.Л.Бельговским и А.А.Прокофьевой подготовить и напечатать статью в защиту хромосомной теории наследственности.

В те годы обращались в ЦК партии и другие ученые, и среди них — много сил отдавший борьбе за генетику очень талантливый В.П.Эфроимсон. Дважды пришлось ему заплатить за это и отсидеть положенные сроки в тюрьмах и сталинских лагерях. Писал и Н.П.Дубинин, также в конце 30-х годов активно выступавший против лысенковщины. Но все было тщетно. В середине 1940 года были арестованы Н.И.Вавилов, а вскоре и его коллеги по ВИРу, крупнейшие генетики, цитологи и ботаники: Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитский, Л.И.Говоров, К.А.Фляксбергер.

В Москве продолжалось преследование Кольцова. Большинство сотрудников бывшего кольцовского института продолжали его поддерживать, но положение Кольцова было крайне тяжелым. Грубые оскорбления, непрекращающаяся травля ускорили его гибель. Будучи в командировке в Ленинграде, Кольцов скоропостижно скончался 2 декабря 1940 года, и через день после этого его жена М.П.Садовникова-Кольцова покончила жизнь самоубийством. Мне пришлось быть в числе тех, кто сопровождал их тела в Москву. Я хочу подчеркнуть, что, хотя я не всегда разделял идеи Кольцова и не был так близок ему, как например Н.Н.Соколов, Г.Г.Тиняков и В.В.Сахаров, я все же считаю себя прямым учеником Кольцова. Это связано не только с прослушиванием его лекций в университете. Сам стиль общения Кольцова со своими сотрудниками — дружелюбный и деловой — делал всех нас его учениками.

Вопрос. Кто из сотрудников института был репрессирован в 30-е годы?

Ответ. В.А.Вендровский, Г.Г.Фризен, Г.Г.Тиняков, Л.В.Ферри. В начале 30-х годов был арестован, но через полгода освобожден П.Ф.Рокицкий. Дважды арестовывали Д.Д.Ромашова, но его выпускали из-за болезни. Однако его жену, Е.И.Балкашину, арестовали как жену "врага народа" и выслали в Усть-Каменогорск, где она и пробыла до конца жизни. Это стало тяжелой потерей для науки, так как Балкашина была прекрасным генетиком-экспериментатором, автором фундаментальных открытий.

Вопрос. На совещании, организованном журналом "Под знаменем марксизма", А.А.Малиновский говорил о практической бесплодности Лысенко в области селекции. Но в материалах этого совещания, опубликованных в журнале, слов Малиновского мы не находим. Не знаете ли Вы, где стенограмма этого совещания?

Ответ. Не знаю. Вообще стенограммы дискуссий 30-х годов найти трудно. Далеко не все участники вели себя там достойно, они безусловно были заинтересованы в сокрытии текстов своих выступлений. Так, мне с трудом удалось найти стенограмму моей последней "проработки" на ученом совете ГосНИОРХ в 1964 году и убедиться, что весьма почтенные люди явно говорили не то, что думали. В 30-е и 40-е годы научные работники нередко вели себя еще хуже. Вспомним августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 года: из шести ученых, выступавших в защиту генетики, трое потом покаялись. Остались непреклонны только И.И.Шмальгаузен, В.С.Немчинов и И.А.Рапопорт. Частично пытался защищать на

сессии генетику еще Б.М.Завадовский, но, как помнится, он до этого сделал немало для поддержки Лысенко.

Вопрос. После позорной статьи в "Правде" в 1939 году, подписанной А.Н.Бахом и компанией, состоялось ее обсуждение в ИЭБе под председательством Н.П.Дубинина. Были ли Вы на этом собрании?

Ответ. Не был, но у меня имеется копия протокола этого собрания, где сотрудники института дружно выступали в защиту Кольцова, критикуя, правда, его за ошибки в области евгеники.

Вопрос. Что произошло с Вашей эволюционной бригадой после Вашего увольнения в 1940 году?

Как некое целостное образование она распалась. Мы работали потом как сотрудники лаборатории генетики. Вставал вопрос о передаче нас в другой институт, но мы отказывались и до начала войны оставались в ИЭБе, преобразованном в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии.

Вопрос. Генетики твердо держались в борьбе с Лысенко в 30-е годы, но принимали ли участие биологи других специальностей в этой борьбе?

Ответ. Вместе с генетиками боролись многие крупные селекционеры, и некоторые из них были репрессированы. Немало сочувствующих находилось и среди биологов других специальностей, но активных борцов было очень немного. Назову двоих: выдающегося физиолога растений профессора МГУ Д.А.Сабинина и крупнейшего нашего гидробиолога Г.Г.Винберга. Винберг был вскоре репрессирован, к счастью ненадолго, а Сабинин после сессии ВАСХНИЛ был уволен с работы и покончил с собой. Активно включился в середине 40-х годов в спор академик И.И.Шмальгаузен, за что после сессии ВАСХНИЛ сам оказался в опале. Были и генетики, выступившие с поддержкой Лысенко, и среди них прежде всего надо назвать отлично все понимавших, но пожертвовавших наукой ради карьеры Н.И.Нуждина и Х.Ф.Кушнера. Вообще биологи других специальностей вступили в борьбу с Лысенко в основном только после войны, когда развернулась дискуссия вокруг проблемы внутривидовой борьбы за существование. Активизации противников Лысенко способствовала позиция, занятая тогдашним заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А.Ждановым, который поверил в генетику и дарвинизм и пытался ликвидировать лысенковскую монополию в биологии. Об этом подробно написал В.Н.Сойфер в своей статье (Огонек. 1988. № 1-2) и в книге "Власть и наука", опубликованной в Америке.

Вопрос. Существует версия, что и Андрей Александрович Жданов положительно относился к генетике, поддерживал Н.И.Вавилова. В книге Д.Жоравского написано, что еще до войны по его инициативе была создана комиссия по проверке законов Менделя, в частности классического расщепления 3 : 1.

Ответ. О такой комиссии я ничего не знаю, но с А.А.Ждановым действительно все обстоит непросто. Мы не знаем, отчего он так скоропостижно скончался вскоре после сессии ВАСХНИЛ. Есть недостаточно проверенные сведения, что Жданов тяжело переживал публичное покаяние своего сына, его признание в идеологической близорукости, сказавшейся в поддержке генетики. А.А.Жданов, видимо, понял, что в этой истории он сильно проигрывает в глазах Сталина в своем тогдашнем противостоянии Л.П.Берии и Г.М.Маленкову. Сам факт организации этой сессии помимо отца и сына Ждановых свидетельствовал о выражении недоверия к ним Сталина. Все это могло способствовать инфаркту, от которого Жданов скончался.

Вопрос. На вечере, посвященном памяти репрессированных генетиков, Вы назвали малоизвестную фамилию И.Б.Паншина, охарактеризовав его как одного из наиболее блестящих теоретиков генетики. За что он был репрессирован после войны?

Ответ. Паншин еще до войны выступил с рядом прекрасных докладов, основанных на очень тонких генетических экспериментах. Эти работы по существу предвосхитили многие современные идеи геной инженерии и непостоянства

генома, так как в них осуществлялись сложные перестройки хромосом и показано было изменение проявления генов в результате синтеза новых генных и хромосомных комбинаций. Работал он в лаборатории Дубинина. Осенью 1941 года Паншин попал в окружение на Западном фронте, был взят в плен и увезен в Германию. Н.В.Тимофеев-Ресовский вызволил его из неволи и устроил на работу в своем институте. Здесь он и был арестован после прихода Советской Армии, отправлен в СССР и сослан в северные лагеря. После освобождения Паншин поселился в Воркуте и до конца своих дней к генетике не вернулся.

Вопрос. Сотрудничал ли знаменитый американский генетик, впоследствии Нобелевский лауреат Г.Меллер с ИЭБом после своего переезда в Москву вместе с Институтом генетики?

Ответ. Постоянного сотрудничества не было. В 1937 году после декабрьской сессии ВАСХНИЛ (в 1936 году) Г.Меллер уехал из СССР. На его проходах я не был, но я присутствовал на прощальном вечере К.Оффермана, аргентинского генетика-антифашиста, также приглашенного в свое время Вавиловым в Институт генетики и вынужденного теперь покинуть нашу страну. Офферман, не стеснясь, плакал, не хотел уезжать из СССР. Но, видимо, Вавилов его предупредил, что оставаться нельзя, опасно.

Вопрос. Какую роль И.В.Курчатов сыграл в спасении Н.В.Тимофеева-Ресовского?

Ответ. После ареста Тимофеева-Ресовского его разыскивали по двум каналам. С одной стороны, этим занималось Министерство внутренних дел, с другой — учреждения, занимавшиеся атомным проектом, которым руководил И.В.Курчатов. Когда его нашли в лагерях и поставили на ноги, он стал работать в системе, возглавляемой Курчатовым, над проблемой накопления радиоактивных изотопов в организмах животных и растений. После 1948 года это была единственная генетическая лаборатория у нас в стране, но о ее наличии никто тогда не знал. О том, что Тимофеев-Ресовский жив и находится в СССР, мы узнали только в 1953 году. Курчатов в середине 50-х годов организовал у себя в институте в Москве специальную лабораторию по радиационной генетике, ее руководителем стал талантливый ученый Р.Б.Хейсин. И в этом громадная заслуга Курчатова перед отечественной биологией.

Вопрос. Репрессии 30-х годов затронули не только генетиков. По своей основной специальности Вы специалист по генетике и селекции рыб. Кто был репрессирован среди ихтиологов?

Ответ. Всех назвать очень трудно, это можно будет сделать после проведения специального исследования. Надо отметить, что репрессии среди ихтиологов начались гораздо раньше, чем среди генетиков. Одним из репрессированных уже в конце 20-х годов и умерших в тюрьме был М.С.Алексин, который руководил всеми рыбными промыслами на Дальнем Востоке. Было сфабриковано дело о якобы готовящемся создании Дальневосточной республики, где Алексину предназначался пост одного из министров. Среди репрессированных в разные годы были П.Ю.Шмидт, А.И.Березовский, Г.У.Линдберг, М.Ю.Фортунатов, Т.Б.Берлянд и другие. К сожалению, в публикациях последних лет обычно фигурируют фамилии одних и тех же репрессированных. Это не позволяет представить подлинные масштабы ущерба, нанесенного нашей науке.

Вопрос. Сказалось ли как-нибудь на развитии ихтиологии доминирующее положение школы Г.В.Никольского?

Ответ. Никольский был очень крупным ихтиологом, профессором МГУ, но после 1948 года встал на позиции лысенкоизма и придерживался их до конца своих дней. Думаю, что сделано это было отнюдь не по научным соображениям. Мои попытки в личном разговоре с ним выяснить причину активной поддержки им Лысенко и дружбы с Презентом ни к чему не привели. Он ссылался на право ученого исповедовать любые взгляды. Бесспорно, Г.В.Никольский и его друзья и последователи Б.Г.Иоганзен, Н.В.Лебедев, Г.Д.Поляков и другие принесли большой вред ихтиологии. Именно поэтому я протестовал против попыток избрать

Никольского академиком. Надеюсь, что мое письмо к Общему собранию Академии наук сыграло определенную роль в его избрании.

Вопрос. Сейчас идут споры, кем же был Лысенко. Фанатиком? Убежденным обманщиком и карьеристом? Слепым орудием в руках Презента?

Ответ. Хотя многие считают Лысенко просто не порядочным человеком, следует учитывать, что у больных паранойей не порядочность может соединяться с фанатизмом. Я признаю правомочность обвинения его в обмане, хитрости, нечестности, карьеризме, но все это сочеталось явно с болезненным мироощущением. Это доказывает, в частности, его беседа с молодыми биологами, которая состоялась в 1966 году в Москве после учредительного съезда Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н.И.Вавилова и о которой мне рассказал участник этой встречи Л.В.Богданов. Это было уже после снятия Лысенко со всех постов, и никто его не заставлял повторять старые небылицы о превращении ели в сосну, пеночки в кукушку и так далее. Но он продолжал настаивать на этом, хотя мог спокойно признать свои ошибки. В конце разговора он вдруг сказал: "Меня обвиняют в убийстве Вавилова. Я не убивал Вавилова! Я не убивал Вавилова!" И начал кричать, все больше и больше повышая голос. Это показывает, что, будучи параноиком и совершая нечестные поступки, он вместе с тем хотел оправдать себя. Истошный крик является косвенным признанием вины. Он действительно прямо не убивал Вавилова и даже не подписал ни одного доноса на него. Но ему этого и не надо было делать. В 30-е годы Лысенко неоднократно публично называл Вавилова среди тех, кто мешает ему внедрять научные результаты в практику социалистического строительства и является по существу вредителем. Будучи председателем Совета Союза, Лысенко свои обвинения произносил в присутствии Сталина, что следует оценить как прямой донос. Кроме того, ближайшие сотрудники Лысенко писали доносы на Вавилова, составляли заключения о его вредительской деятельности, лжесвидетельствовали. Обо всем этом Лысенко не только прекрасно знал, но и назначил экспертную комиссию по делу Вавилова. И он не мог не понимать, что такие обвинения неизбежно приведут к аресту и осуждению Вавилова.

Что касается Презента, то это просто был жулик, человек без каких-либо убеждений, жесткий и беспринципный карьерист. Он активно поддерживал Лысенко, помогал созданию антинаучной бредовой теории "генетики без генетики" (так называемого мичуринского учения), и это Лысенко было, безусловно, приятно.

Вопрос. Как непосредственно на Вас отразилась августовская сессия ВАСХНИЛ?

Ответ. Я тогда работал в ГосНИОРХе и по совместительству в Зоологическом институте АН СССР. Соответственно на мою долю досталось участие в двух общественных судилищах. Первое состоялось на заседании ученого совета Зоологического института, где после многих обвинительных выступлений меня принесли в жертву и выгнали. Особенно тяжело я переживал речи моих бывших друзей, в частности тогдашнего секретаря парторганизации института, выходца из очень интеллигентной семьи, крупного ученого. Он честил меня самыми не лестными эпитетами. Не хочу называть его фамилию — он давно уже умер, как и многие другие обвинители.

Второй ученый совет, посвященный "проработке мendenлиста-морганиста" Кирпичникова, состоялся в ГосНИОРХе и собрал множество научных работников. На нем присутствовал симпатизировавший мне А.С.Богданов, директор Московского института рыбного хозяйства и океанографии, присланный Министерством рыбного хозяйства специально для осуждения Кирпичникова. Он выбрал остроумную тактику, заявив с самого начала, что осуждать надо не только меня: все мы, сотрудники института, все ихтиологи должны покаяться, ибо мы недооценили влияние внешней среды на организм и наследственность, не понимали сущность мичуринского учения. Накануне заседания Богданов пришел ко мне домой и уговаривал меня признаться хотя бы в какой-нибудь методологической ошибке.

И я смалодушничал, сказал в своей речи, что я не уделял достаточного внимания влиянию внешней среды на наследственность. Это было, конечно, неправдой: всю свою жизнь я глубоко интересовался проблемой модификаций, возникавших непосредственно под влиянием временных факторов, и их ролью в эволюции. Признание в ошибке меня спасло от изгнания: я был оставлен в институте, но с категорическим запрещением впредь заниматься генетикой. Я должен был целиком перейти на рыбоводство.

Вопрос. А когда Вы вернулись к исследованиям по генетике?

Ответ. Юридически я занимался рыбоводством, но фактически продолжал селекционно-генетические исследования. Еще до сессии ВАСХНИЛ, весной 1948 года, я перевез самолетом на северо-запад селекционный материал (производитель карпа) из Горьковской области и организовал работы по разведению и селекции новой зимостойкой породной группы — ропшинского карпа. С этой целью я использовал гибридов между зимоустойчивым амурским сазаном и галицийским карпом. В 1954 году зав.кафедрой гидробиологии и ихтиологии ЛГУ профессор Н.Л.Гербильский пригласил меня читать курс лекций по акклиматизации рыб, в который я сразу же включил раздел, посвященный генетическим законам. Постепенно этот раздел расширялся — и курс становился все более и более генетическим. Это было еще в период запрета генетики. Читал я подпольно курс генетики и на дому, для группы молодых биологов, воспитанных на лысенковских бреднях.

Вопрос. В историю генетики вошла Ваша статья, написанная в соавторстве с Жоресом Медведевым и напечатанная в 1963 году в журнале "Нева". Эта статья вызвала буквально переполох в официальных кругах, считавших генетику "продажной девкой империализма". Что побудило Вас в столь неблагоприятное время выступить в защиту генетики?

Ответ. Начиная с 1954 года я не раз обращался с письмом в защиту генетики к Н.С.Хрущеву, к тогдашнему президенту АН СССР А.Н.Несмеянову и другим ответственным лицам. Вместе с другими генетиками готовились и коллективные письма. Зная о хороших отношениях Хрущева с М.А.Шолоховым, я пытался вовлечь и последнего в борьбу за генетику. С этой целью я послал Шолохову письмо с просьбой помочь организовать встречу Хрущева с известными селекционерами: Я.Л.Глембоцким, М.И.Хаджиновым, Ф.Х.Бахтеевым и другими. Только через полтора года пришла ответная телеграмма, в которой говорилось: "Если Вы помните содержание Вашего письма от такого-то числа, сообщите согласие действию". Я сразу же отправил телеграмму по указанному Шолоховым адресу, но, видимо, никакого "действия" не последовало, вряд ли Шолохов пытался поговорить на эту тему с Хрущевым. В те годы я явно переоценивал гражданственность Шолохова.

Учитывая поразительные успехи, которых достигла в это время генетика за рубежом, я понял, что надо попытаться обратиться за поддержкой к широкой общественности. В конце 1962 года ко мне пришел Ж.А.Медведев и принес набросок статьи о генетике для какого-либо "толстого" журнала. Моя жена, Л.М.Алексина, загорелась желанием помочь нам в публикации этой статьи. Она работала на кафедре литературы в Институте культуры, зав.кафедрой был А.И.Хватов, один из редакторов журнала "Нева". Главным редактором этого журнала был С.А.Воронин. После их предварительного согласия мы вместе с Ж.А.Медведевым переработали статью для журнала, и вскоре она была напечатана. Резонанс на эту публикацию был огромным: посыпались письма, в основном с поддержкой и одобрением, хотя в двух или трех письмах были и критические замечания. Эта статья вызвала большой гнев Хрущева. На нашу статью его внимание обратил Броз Тито во время визита Хрущева в Югославию. Броз Тито сам симпатизировал лысенкоизму и, желая уязвить Хрущева, вероятно, сказал, что поклонники вейсманизма-морганизма слишком вольготно чувствуют себя в СССР. Хрущев разгневался. Тут же, по прямому проводу, в Белград был вызван

первый секретарь Ленинградского обкома КПСС В.С.Толстикова, и ему, по словам Хватова, была дана серьезная взбучка. Вернувшись в Ленинград, Толстикова немедленно вызвал Воронин и Хватов в обком и приказал "навести порядок в редакции и опубликовать опровержение". Порядок был наведен: из редакции уволили девять человек (не только не причастных к этой публикации, но и ничего не знавших о статье, например поэт С.С.Орлов). По моей просьбе состоялась беседа с Хватовым один на один, во время которой я пытался как-то защитить ни в чем не повинных людей. В ответ Хватов откровенно заметил, что они с Ворониным воспользовались указанием Толстикова, чтобы убрать из редакции лично им неугодных членов редколлегии.

Появились тогда и ругательные статьи в "Правде", "Сельской жизни" и других изданиях. "Нева" напечатала передовую с извинениями за ошибочную публикацию: редакторов, мол, ввели в заблуждение авторы статьи. После появления всех этих осуждающих нас "откликов" состоялась еще одна, уже последняя в истории генетики общественная "проработка" защитников генетики (в 1964 году). Академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР Б.Е.Быховский в ходе заседания заявил, помахивая иностранным журналом со статьей известного американского историка науки и публициста Д.Жоравского: "Вы только посмотрите, что они там пишут, на Западе. Они уверяют, что в Советском Союзе образовались два лагеря в биологии. Один лагерь — это Академия наук, начавшая признавать современную морганистскую генетику, а другой лагерь состоит из партийных бюрократов, поддерживающих Лысенко!".

Обстановка в мировой генетике к началу 1964 года резко изменилась, сказывались революционные открытия: были расшифрованы генетический код и механизм синтеза белков, совершенно преобразилась вся биология. На заседании ученого совета выступили в нашу защиту несколько крупных ученых, и среди них Ю.М.Оленов, В.Я.Александров, А.С.Трошин. Обвинители, молодые ленинградские философы, чувствовали себя весьма неудобно. И приговор в результате оказался мягким: "Виновны, но заслуживают снисхождения".

Вскоре состоялся октябрьский Пленум ЦК КПСС (в 1964 году), на котором Хрущев был снят, и сразу же официальные гонения на генетику прекратились. Необходимо, однако, отметить, что возрождение генетики шло чрезвычайно медленно и до сих пор она продолжает оставаться в жалком положении. Наше отставание от западных стран и Японии оказалось очень большим; по ряду разделов оно и сейчас продолжает увеличиваться. Но это должно быть предметом особого разговора.

М.А. Аршавский

О СЕССИИ "ДВУХ АКАДЕМИЙ"

Первым докладом на Павловской сессии (1950 г.) был доклад К.М.Быкова. О том, что он отредактирован и просмотрен самим Сталиным, мы узнали уже на сессии. Об этом мне сказал хорошо информированный об общей ситуации Д.Бирюков, кое-что рассказывал А.Д.Сперанский. Быков сам не скрывал этого в кулуарах сессии.

Думаю, что Сталина устраивала в учении Павлова формула "стимул — реакция", позволяющая рассматривать человека как простой автомат, поведением которого можно легко управлять. Если бы Сталин не считал, что павловское учение дает возможность научно обосновать ту рабскую психологию, которая была ему необходима, никакой Павловской сессии не состоялось бы. Конечно, сам Павлов не понимал, что его учение может быть использовано в политических целях. Но сам Павлов не нужен был Сталину. Я бывал на так называемых павловских средах, и мне известно, что свои лекции в Военно-медицинской академии Павлов начинал не с физиологических, а с общих вопросов, имеющих прямое отношение к политике.

Павлов был гражданин и патриот в самом высоком смысле слова. Если Ленину Павлов нужен был как ученый (и поэтому появился известный декрет о создании наилучших условий для его работы), то Сталину нужно было обоснование психологии автомата ("чего изволите"). В 1936 г. Павлов как гражданин и патриот мог откровенно сказать то, что смогло бы помешать в 1937 г. Поэтому перед 37-м годом не стало ни Павлова, ни Горького. Я знаю, что от начала до конца болезни Павлова при нем находился В.Галкин, который считал себя как учеником Павлова, так и учеником Сперанского. В 1937 или 1938 г. Сперанский рассказал мне, ссылаясь на Галкина, о том, что при лечении Павлова, который хотя и был болен, но уже выздоравливал (вообще он был "скроен" не менее, чем на 100 лет), были заменены все врачи. Павлов сделал свое дело и был убран, а его учение должно быть сохранено. Всю физиологию надо было мобилизовать на разработку того, чем занимался Павлов, на "стимул — реакцию", с использованием тех же павловских методов.

Чтобы провести задуманную Сталиным сессию, нужны были надежные люди из физиологов. На вождизм в этой науке тогда претендовали многие. Я не знаю другой физиологической школы по количеству квалифицированных физиологов, нежели то, что было сделано Орбели, но и он хотел монополизировать физиологию. В основную борьбу перед сессией включились Быков, Сперанский и в особенности Анохин, который за год до сессии возглавил комиссию по проверке работы павловского института, которым руководил Л.А.Орбели. Приехав в Москву, Анохин выступил в Доме ученых, где, доложив о результатах обследования, не просто обливал Орбели помоями, но объявил его учение антипавловским. Тогда

было почти традицией, что тот, кто возглавлял проверочную комиссию, становился на место снятого директора.

В своем докладе Анохин прямо утверждал, что смог бы возглавить физиологический институт. Широкую деятельность развернул и Сперанский со своей группой. Через Айрапетьянца, который был вхож к заведующему Отделом науки ЦК Ю.А.Жданову, в борьбу включился Быков. Айрапетьянец держал Быкова "на мушке", так как знал о его службе в армии Колчака. Рвался к власти и Асратян. Л.Н.Федоров много раз ездил в ЦК, умаляя роль Орбели, доказывая, что физиологу в России должен возглавить русский человек. Анохина отклонили из-за его патологического честолюбия. И возглавить сессию было поручено Быкову.

Я приехал на сессию из Ленинграда; на столе — письмо. Меня вызывают в Дом ученых. Я пришел в одну из комнат этого дома, где сидели Айрапетьянец и Бирюков. "Вот, Илья, ты знаешь о сессии". Я говорю: "Ничего не знаю о сессии". — "Ну вот, должна быть через два дня сессия, ты включен в список выступающих. Мы знаем, что ты не согласен со взглядами Орбели по поводу времени возникновения функций симпатической нервной системы; вот тебе и поручается бить по Орбели". Так и было сказано: "Бить по Орбели". Я сказал, что "бить по Орбели" не собираюсь; если я и не согласен, так как же я могу в такой ситуации использовать кафедру, чтобы выражать свое несогласие? Вижу, что здесь не все гладко. "Так что ты собираешься говорить?" — "Раз вы меня вызвали, я могу сказать, какое значение имеет школа Введенского — Ухтомского для того, что вы называете "павловской физиологией".

Меня выгнали, сопроводив нецензурными словами, такой матерщиной, которой я еще не слышал на своем веку. Как ни странно, Быков позвал меня к себе. "Вот, Илья Аркадьевич, мы имели в виду, что Вы выступите". Я сказал: "Нет, Константин Михайлович". — "Но Вы знаете, что готовят против Вас выступление, но я постараюсь его смягчить". Я думаю, что в этом смысле я ему обязан, потому что все ограничилось тем, что Худорожева должна была сказать в своем выступлении, что Аршавский занимается "не тем онтогенезом", каким полагается заниматься в связи с требованиями павловской физиологии.

Никакой научной дискуссии на сессии не было. Это был шабаш обскурантов. Ни одно выступление (кроме письменного выступления Бериташвили, Генецинского, Рожанского) не было научным выступлением. Оперировали словами условный и безусловный рефлексы, но к науке это не имело отношения.

Какими только ярлыками не награждались истинные ученые! Я должен сказать, что среди павловцев истинным ученым был Купалов. Он подошел к раскрытию геноза произвольной деятельности. Это были совершенно изумительные опыты. Но его раскритиковали, поскольку он обычно не пользовался классической методикой.

Сессия — страшнейший средневековый обскурантизм. Я вспоминаю выступление Гуревича, крупнейшего психиатра. Это было тяжело слушать. Гуревич хотел подспудно показать, что психиатры не могли предпринять что-либо такое, что могло помочь раскрыть душевный мир психически больного человека, но фразы о том, что "мы недооценивали учение Павлова" и т.п., было тяжело слушать.

Те, кто должен был выступить, не только обязаны были обелить линию сессии, но лица, попавшие в черный список, должны были сказать о ненаучности своих исследований. Это было мракобесие! После сессии Усиевич стал директором Института физиологии. Это был ограниченный физиолог. Магницкий подал ему план, а Усиевич сказал ему: "Вы опять с симпатической нервной системой, бросьте эти орбелевские штучки!". Симпатической нервной системы не существовало, это были только "орбелевские штучки или выдумки"! Целый ряд разделов физиологии не признавался. Это по всей стране. Какие же последствия закладывались для всей физиологии!

Несколько слов о "заправилах" сессии.

Айрапетьянц, как физиолог, был один из очень немногих талантливых экспериментаторов. Я не знаю более талантливого и гениального авантюриста. Он мог держать в голове десятки комбинаций, как поступить в том или ином случае, причем действуя чужими руками. Айрапетьянц был вовлечен в игру, так как это соответствовало его желаниям. Во время войны он проштрафился, Орбели его спас, сделав своим личным адъютантом, а потом Айрапетьянц "отблагодарил" Леона Абгаровича. Это показало моральный облик ученика.

Что касается Анохина, то лица, которые хотели возглавить физиологию, понимали, что он будет им помехой.

Другой представитель, павловский ученик Майоров, был средним научным работником, и больше — ничего. Он подвергся нападкам на сессии, так как писал, что учителями Павлова были Цион и Гейденгайн (а тот и другой — иудеи).

Что касается Асратяна, то он внутренне считал, что, помимо сделанного Павловым, ничего более серьезного сделать нельзя. Это было искреннее убеждение. Он рвался в верхи, не понимая, что ему не дадут, так же как и Коштыянцу, по национальному признаку. Хотя я считаю, что это пропасть. Коштыянц — талантливый человек, а Асратян — посредственность, как исследователь — также.

После обретения власти они оказались как пауки в банке. Кто первый? Это была самая неприличная драка на глазах у всей физиологической общественности. Так, например, Асратян считал Анохина жуликом и делал все возможное через ЦК, чтобы помешать ему. "Наверху" к Анохину сохранилось покровительственное отношение. Ему сказали, что он поедет в Рязань, но ненадолго. И он это отлично знал. Вместе с тем Асратян и Бирюков не хотели допускать Анохина к власти, так как считали его не только эгоцентриком, но и боялись его. Выдающемуся физиологу Бернштейну закрыли дорогу задолго до сессии; "клевать" его стали еще в 30-е годы. Его преследовали как истинного ученого, а также как еврея.

В заключение скажу несколько слов по поводу вреда от этой сессии. Было объявлено, что вся медицина должна опираться на павловское учение, так же как педагогика и биология. Широкое распространение получил метод лечения сном. Во что обошлось лечение сном взрослых, мы не знаем. Но лечение сном детей обошлось слишком дорого. Сон считали эффективной формой терапии. Пичкали детей люминалом и превращали их в олигофренов. Кто сейчас прибегает к павловскому пониманию природы сна? Практика имела самые отрицательные последствия для медицины. Барбитураты давали детям с первых недель жизни.

В дни Павловской сессии представители школы Ленинградского университета (Битюков, Голиков и я), поскольку школу хотели переключить на павловские рельсы, решили пойти к Т.Д.Лысенко, который в то время фактически возглавлял биологическую науку. Мы решили убедить Лысенко оказать противодействие уничтожению целого научного направления — школы Введенского — Ухтомского. Добиться свидания с ним было нелегко. Но, когда мы пришли к Лысенко, нас поразила его фраза: "Что же вам от меня надо? Вас много, а я один". Это говорило об его вере в собственную непогрешимость. Когда мы ему изложили свою просьбу, он сказал: "Вы занимаетесь ерундой, вся физиология должна перейти на павловские рельсы, все животноводство. Всех коров, свиней надо кормить по звонку, по лампочке, чтобы они знали, что делать; тогда мы решим проблему животноводства". Это показывало убогость его взглядов, с одной стороны, а с другой — понимание важности воспитания автоматов. Тем не менее многие годы в животноводстве применялись "павловские" методы. Это была нелепость, невежество.

Анохин, формально якобы пострадавший после сессии, присвоил себе понятие Ухтомского о функциональной системе. Но ничего общего с системными принципами это понятие Анохина не имело. Сам Ухтомский называл Анохина разбойником, ушкуйником с большой дороги. Будучи вхож в ЦК, Анохин добился создания программы по физиологии для медвузов, в которой главным была не физиология, а изучение так называемых функциональных систем. Это имело трагические

последствия для нашей медицины, для подготовки врачей. Врач, не знающий физиологии, — не врач. Эта программа до сих пор фактически не отменена.

После сессии, в 1953 году, когда началось "дело врачей", я и моя жена целый год были без работы, находясь в крайне бедственном положении. Однажды ко мне явился Бирюков и сказал: "Вот, Илья, если ты напишешь критическую разгромную статью об Орбели или об Анохине, то твою лабораторию восстановят, я уже обо всем договорился". Моя жена сказала: "Дмитрий, чтобы больше твоей ноги не было в нашем доме". Тогда Бирюков показал нам список лиц, физиологов, работы которых не рекомендовалось цитировать не только у нас в стране, но и в странах народной демократии. Моя фамилия была одной из первых.

Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров, Л.В.Ченоснова

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ГЕНЕТИКИ*
(Интервью с академиком Н.П.Дубининым)

Жизненный путь Н.П.Дубинина воплотил в себе основные этапы становления и развития отечественной генетики, которой он служит вот уже свыше 60 лет.

Едва закончив Московский университет (1928) и начав работать в Московском зоотехническом институте на кафедре генетики, руководимой А.С.Серебровским, Дубинин проводит серию классических исследований по гену *scute* у дрозофилы и подтверждает идею Серебровского о дробимости гена.

В 1932 г. Н.К.Кольцов предложил Дубинину возглавить отдел генетики в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР, которым ранее заведовал С.С.Четвериков. Под его руководством (1932-1948) отдел стал одним из ведущих мировых центров генетических исследований.

Уже в 1936 г., на четвертой сессии ВАСХНИЛ, Дубинин выступил в защиту хромосомной теории наследственности на стороне Н.И.Вавилова, А.С.Серебровского и Г.Меллера, положив начало своей деятельности борьбе с Т.Д.Лысенко.

В 1939 г. редакцией журнала "Под знаменем марксизма" была проведена дискуссия по спорным вопросам генетики и селекции. Мнения участвовавших в ней весьма авторитетных специалистов разделились как раз по их отношению к ключевым положениям генетики. Дубинин, выступавший на этом совещании, был в числе тех, кто смело и решительно отстаивал достижения современной генетики.

После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. лаборатория цитогенетики, в которую ранее был преобразован отдел генетики кольцовского института, была расформирована, и Дубинин оказался не у дел. Вскоре он принимает предложение акад. В.Н.Сукачева, зачисляется старшим научным сотрудником Института леса АН СССР и в течение нескольких лет (1949-1955) работает орнитологом в составе Комплексной научной экспедиции по вопросам ползащитного лесоразведения.

Но ничто не вечно под луной ... Времена меняются, в науке и жизни возникают новые неотложные проблемы, а биология неожиданно обретает солидную поддержку. Во всем мире, включая Советский Союз, энергично развивалась атомная физика со всеми ее практическими результатами. Среди них не последнее место занимал вопрос о влиянии радиации на наследственность живых организмов.

Уже И.В.Курчатов, руководивший работами по атомной энергии, задумал создать в институте, носящем теперь его имя, биологический отдел. Смерть помешала ему осуществить этот проект. Однако необходимость организации специальной лаборатории радиационной генетики вскоре овладела умами большинства крупных физиков, математиков и химиков.

* Автор введения — В.И.Назаров.

Дубинин, уже давно вынашивавший план возрождения генетики и вместе со своими соратниками бомбардировавший высшие органы страны многочисленными докладными записками о необходимости реабилитации генетики (им было также подписано известное "Письмо трехсот"), незамедлительного развертывания исследований по радиационной генетике и применению полученных результатов в сельском хозяйстве, с полным основанием мог считать, что исходной вехой на этом пути было создание в 1956 г. при содействии президента Академии академ. А.Н. Несмеянова лаборатории радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР. Возглавив эту лабораторию, он сформировал и ее штат, собрав уцелевших генетиков со всей страны. В этой лаборатории и были возобновлены генетические исследования, прерванные после 1948 г.

Следующими крупными вехами в возрождении генетики были организация в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР и создание под Новосибирском Института цитологии и генетики, возглавить который по предложению председателя этого Отделения академ. М.А. Лаврентьева вновь было суждено Дубинину (правда, ненадолго, так как через два года по настоянию Хрущева он был от этого поста освобожден). И опять Дубинин был брошен клич по стране, на который откликнулись многие генетики, оставив те места, которые они успели обжить за десять лет. Образовался дружный и высокопродуктивный коллектив.

Теперь уже остановить развитие генетики в стране было невозможно. Оно шло все более убыстряющимися темпами, пока октябрьский Пленум ЦК КПСС 1964 г. не устранил последние препятствия.

В 1965 г. Дубинин был утвержден председателем вновь созданного Научного совета по проблемам генетики и селекции Отделения общей биологии АН СССР и ответственным редактором новой серии "Успехи современной генетики", а в 1966 г. его избирают действительным членом Академии. В том же 1966 г. Дубинин по поручению Президиума Академии организует в Москве на базе своей лаборатории в Институте биофизики и академического Института генетики — Институт общей генетики АН СССР и становится его директором. С самого начала своей деятельности тематика нового института охватывает все основные направления современных генетических исследований: популяционную и эволюционную генетику, биохимическую и молекулярную генетику, генную инженерию, радиационный и химический мутагенез, космическую генетику, феногенетику, цитогенетику, генетику и селекцию растений, животных и микроорганизмов, генетику человека и другие области.

Любой обстоятельный и капитальный труд не может заменить живую беседу с его автором. У беседы очевидные преимущества в том, что она позволяет дополнить уже известные вещи новыми деталями, выявить у них необычные грани, по-иному расставить акценты. И все это становится возможным благодаря свободному диалогу с собеседником, который вправе задать интересующие его вопросы и уточнить любую деталь из полученного ответа.

Думается, что подобные ожидания всецело оправдывает интервью, на которое любезно согласился Николай Петрович Дубинин.

Вопрос. Николай Петрович, Вы по праву являетесь патриархом отечественной генетики. Для нас большая честь беседовать с Вами.

Нам бы хотелось задать Вам первый вопрос: чем Вы лично объясните ту обстановку, которая сложилась к 1948 году в биологии и генетике? Ведь сходные ситуации были и в других науках: в физике, биологии, — но именно в биологии все обернулось подлинной трагедией. Вот чем Вы можете это объяснить?

Ответ. В других науках все-таки было подспорье — это именно работы по атомной энергетике. Создание атомной бомбы набрасывало флер на физиков, на химиков, на прочие науки, удерживавшие этот флер. С генетикой же были

связаны острота положения в сельском хозяйстве, острота идеологической борьбы с фашизмом, который все-таки использовал в своих целях евгенику. К этому надо добавить наличие таких воинственных лидеров, как Лысенко и Презент. Лысенко был личным фаворитом Сталина, и все это вместе обрушилось на генетику.

Вопрос. Понятно. Но вот в этой связи очень часто приходится слышать и читать, что Н.И.Вавилов боролся активно против Лысенко и Сталина. Иногда, кажется, напротив, что он в какой-то мере покровительствовал Лысенко. Хотелось узнать о Вашем мнении, можно ли было уже в 1936 году на сессии ВАСХНИЛ каким-то образом монополию Лысенко ликвидировать? Или это было невозможно?

Ответ. Вавилов находился в очень трудном положении. Когда Лысенко появился на горизонте, то Вавилов его поддержал, причем эта поддержка не соответствовала достижениям Лысенко. Вавилов говорил, что достижения Лысенко таковы, каковых нет в мировой генетике. Это, конечно, было преувеличением.

Вопрос. А почему он это сделал? Неужели он не понимал существа дела?

Ответ. Он не мог, конечно, предвидеть будущих страниц истории. К тому же Лысенко был до такой степени представлен в виде социально значимой фигуры как новатор, обещающий невиданный прогресс сельскому хозяйству, что Вавилов вынужден был уступить напору. Это безусловно. Лысенко же этим как раз и воспользовался, ибо такое признание со стороны Вавилова сбивало с толку не только "верха", но и ученых, для которых Вавилов был крупнейшим авторитетом. Кроме того, позиция Вавилова была такова, что он не уступал ничего в генетике (в этом смысле, борясь за генетику, он боролся против Лысенко), но против Лысенко, как такового, он не боролся. Он занимал, так сказать, твердые, неуступчивые, принципиальные, самоотверженные, но оборонительные позиции. Его положение было, конечно, очень трудное, поскольку начиная с 1933 года его не пускали за границу, несмотря на его огромные связи. С 1931 года на него было заведено досье, начинались взрывные процессы внутри Института прикладной ботаники. Там возникла мафия. Г.Н.Шлыков, А.К.Коль, С.Р.Шунденко и другие буквально взрывали этот институт. В Институте генетики, которым руководил Вавилов, тоже завелась шайка. Это были Н.И.Нуждин и Р.Л.Дозорцева, также ведущие подкоп под институт. Неудивительно, что Вавилову приходилось осень нелегко.

Вопрос. Вы знаете, А.А.Малиновский как-то в беседе с нами сказал, что в принципе в 1936 году на сессии ВАСХНИЛ можно было доказать, что Лысенко проходимец и что Вавилов этим почему-то не воспользовался.

Ответ. Я не знаю, как это можно было доказать.

Вопрос. Ну, может быть, надо было доказать, что у него не было никаких новых сортов, кроме одного — ветвистой пшеницы.

Ответ. Да, и этот сорт был выведен совершенно другими методами, не теми, о которых говорил Лысенко.

Вопрос. Может Вам, тогда стоило объединиться? Ваше выступление, конечно, очень острое. И мало кто так активно выступал против Лысенко в то время.

Ответ. В 1936 году Н.К.Кольцов послал письмо президенту ВАСХНИЛ А.И. Муралову, но на самой сессии он не выступил. Что касается выступлений Вавилова, Серебровского, Меллера, то они прозвучали как лекции. Они думали, что Лысенко как ученик их воспримет, а он уже научился и поставил себе явной целью уничтожить генетику.

Вопрос. Судя по высказываниям Лысенко, он был абсолютным невеждой, хотя многие говорят, что когда он выступал, то в его речах была какая-то сила убеждения. Вот какое впечатление он производил на Вас?

Ответ. Вначале он был действительно просто абсолютный невежда. К примеру, в 1932 году А.А.Сапегин созвал в Одессе конференцию по методологии генетики. Выступивший на ней Лысенко произвел ужасное впечатление. Он говорил отрывистыми фразами, вроде: "Фальшь", "Не принимаю", "Гены — это ерунда". Но, когда около него появился Презент, тогда все стало уже по-другому. Презент научил его некоторым принципиальным вещам, умению выступать. Лысенко стал выступать как новатор-демагог.

Вопрос. Николай Петрович, бытует такое мнение, в частности среди историков науки, что споры, начинавшиеся в биологии в 30-е годы, носили не научный, а политический характер и сильно подпитывались политической обстановкой. Как Вы относитесь к такому мнению?

Ответ. Я бы не сказал, что были особые политические разногласия. Скажем, Вавилов был искренно предан идеалам социализма, что он всячески подчеркивал. Никаких других политических идей, которые бы противопоставлялись партии или Лысенко, который говорил, что говорит от ее имени, не существовало. Но Лысенко и Презент поставили своей задачей разбить биологию и заменить ее своим учением. Какими мотивами они при этом руководствовались — это другое дело. Но в этой борьбе, в которой они использовали политические акценты, ссылки на Сталина, извращения марксизма-ленинизма, они придавали наукообразный характер, и это производило впечатление. Наукообразность проводилась ими в плане трех основных тезисов. Первое — это отрыв теории от практики (например, Вавилову вменялись в вину занятия "цветочками", частые разъезды и пр.). Второе — наследование условия формируют человека всю жизнь и ведут его эволюцию. Сорты создаются таким же путем. Но, поскольку вопрос о благоприобретенных признаках находился в фокусе научной дискуссии в предыдущие годы, и поскольку биологи в массе еще не восприняли генетику, это положение многих устраивало, а особенно Сталина, который сам стоял на этой точке зрения. Третье, связанное с политическими тенденциями, — это ошибки, допущенные в евгенике, которые чрезвычайно настойчиво использовались Лысенко и Презентом и были очень доходчивы для руководства страны, ибо они хорошо размежевывали советскую науку и фашизм. Вот и получился сложный клубок противоречий, из которых Сталин, в частности, выйти не мог.

Вопрос. Николай Петрович, думается, что в то время всем в общем приходилось быть дипломатами. В частности, и Вы в своем выступлении на сессии отметили "неумность социалистической практики у тов.Лысенко". Вы тогда действительно так считали? Или это была чистой воды дипломатия?

Ответ. Элементы дипломатии, может быть, и были. Но все-таки Лысенко производил впечатление связью с практикой. Например, его летние посадки картофеля были известны по всей стране. За посевы какие-то проса он и вся его бригада получили ордена Ленина. Никто не мог тогда подумать, что это полный обман, если правительство награждает за высокие урожаи проса. Мы просто думали, что он какой-то хитрый агроном.

Вопрос. Но вот В.П.Эфроимсон пишет в своих воспоминаниях, что уже тогда у некоторых возникало в этом сомнение и что уже тогда можно было начать какую-то проверку.

Ответ. Нет, проверку провести было невозможно. Вот предлагается яровизация. Во-первых, Лысенко — колхозный ученый. Он не признавал вашей делянки, статистику, биометрию. Это для него было все вздором. Вот он высевает в колхозах, например, в 1929 году на 100 тысяч га и получает результат, который уходит в правительство: прибавка на 2-3 центнера с гектара. Затем, через 3-5 лет, 10 миллионов га сеется с яровизации. У кого может возникнуть сомнение в реальности этого факта? Но это же фикция, потому что когда он дает в колхозы, то там сажают яровизированные семена на лучших участках и дают результат. Поймите: это в то время проверить было невозможно. Но когда жизнь показывает, что такой результат получен на такой гигантской площади, то ясно, что тут уже невозможно подобрать условия. И оказывается, что все это миф.

Вопрос. То есть практически все эти методы погубили наше сельское хозяйство? Их можно квалифицировать как вредительство?

Ответ. Да, конечно. Они дополнительно усугубляли кризис нашего сельского хозяйства.

Вопрос. Позвольте задать Вам несколько вопросов о генетическом отделе кольцовского института. Приходилось слышать от людей, работавших у Кольцова,

что, в сущности, Кольцов не обладал в Институте никакой фактической властью. Там существовала мафия, вершившая всеми делами. Так ли это было на самом деле?

Ответ. Так это было какое-то время. В частности, до моего прихода в 1932 году. Там действительно Комиссарук, Вендровский и другие пытались все сломать. И поскольку парторганизация и местком были против Кольцова, то он действительно властью не обладал. Но он обратился к Горькому, тот — к Сталину, и все поломали. Комиссарук и Вендровский ушли, и Кольцов стал в институте полновластным хозяином.

Вопрос. Николай Петрович, Вы пришли в институт совсем молодым человеком, Вам было только 25 лет. Вам нетрудно было руководить таким созвездием, в котором были очень талантливые и разные люди?

Ответ. Но дело в том, что их всех набрал я. Они были в значительной мере моими единомышленниками. Когда я пришел, в лаборатории С.С.Четверикова оставалось только двое сотрудников: В.В.Сахаров и А.Н.Промптов; причем Промптов вскоре переехал в Колтуши, чтобы исследовать генетику поведения птиц. Остался один Сахаров. Следовательно, все, кто приходил, были моими единомышленниками. У нас создалась нормальная творческая атмосфера.

Вопрос. А кого все-таки Вы считаете своим учителем в генетике? Четверикова?

Ответ. Четверикова, конечно, и одновременно А.С.Серебровского, несмотря на существовавшие между нами разногласия.

Вопрос. Николай Петрович, позвольте опять вернуться к теме разоблачения Лысенко. Как Вы считаете, могли ли в 1939 году генетики вывести Лысенко, выражаясь обиходным языком, на чистую воду?

Ответ. Я думаю, что не могли, потому что Лысенко уже был близок к Сталину, и Сталин ежедневно вечером прослушивал отчет о ходе дискуссии. Если бы Вавилов и Серебровский заняли очень жесткие позиции, то это, наверное, было бы истолковано как неприятная "групповщина". Понимаете?

Вопрос. Но Вы же не побоялись тогда выступить в дискуссии 1939 года и говорить какие-то достаточно резкие слова?

Ответ. Но я один. Они ко мне не примкнули. Но если бы и они примкнули... У меня позиции были, так сказать, философско-научные. Я не знаю, обладали ли такими способностями Вавилов и Серебровский. Насколько я знаю, Александр Сергеевич занимал крайние философские позиции. Так что если бы они с жестко научной точки зрения (а я с такой общей комбинированной точки зрения) вместе выступили, то не воспринял ли бы Иосиф Виссарионович это выступление как реальную угрозу? Не исключено, что это могло бы приблизить 1948 год.

Вопрос. То есть Вы хотите сказать, что пресловутая сессия ВАСХНИЛ могла бы состояться еще до войны?

Ответ. Да, именно так, когда арестовали Вавилова.

Вопрос. А все-таки чем можно объяснить, что Лысенко так приблизился к Сталину? Произошло ли это благодаря его псевдодостижениям в сельском хозяйстве?

Ответ. Нет. Во-первых, когда в 1935 году после одного из его выступлений Сталин сказал: "Браво, Лысенко, браво!", — то Лысенко говорил о сельском хозяйстве, об успехах яровизации, о том, что мы его поднимем. Одновременно он сказал о классовых врагах в науке, понимаете? Сталину это было очень по душе, а, кроме Лысенко, никто об этом не говорил. Наука об этом молчала. Первым об этом заговорил Лысенко. Значит, это был человек, на которого можно опереться.

Вопрос. Как Вы считаете, биологи-марксисты — М.Л.Левин, В.Н.Слепков, И.И.Агол — внесли ли они в биологию какую-то долю идеологизации? Имело ли это положительное или отрицательное значение или было нейтральным фактором? Как вообще сочеталась марксистская диалектика с Вашими собственными фундаментальными открытиями в генетике?

Ответ. Дело в том, что эта группа сыграла, в частности для меня, очень большую роль. Наряду с идеологизацией биологии они еще все-таки привнесли метод, мировоззрение — марксизм-ленинизм, который сейчас вызывает улыбку. Ученым свойственно материалистическое мировоззрение, и я никогда мистиком

не был. Поэтому такое оформление материализма марксистской диалектикой для меня было очень важно. Скажем, то совершенно новое явление в процессах эволюции, которое не укладывалось в классический дарвинизм, оно же все-таки созвучно диалектическому методу! Вообще вся наука укладывается в диалектический метод. На меня философская сторона науки всегда производила очень большое впечатление.

Так вот, возвращаясь к нашей теме, скажу, что в лаборатории все были моими учениками, только я их учил — и на дрозофиле, и методам, и проведению экспериментов, — все это делал я. Поэтому и сложилась очень дружественная обстановка. Например, И.И.Агол, оказавшись в Америке у Моргана, прислал мне оттуда фотографию — а он, кстати, был очень красив — с надписью: "Милому Николаю Петровичу от наших в Америке".

Надо сказать, то, что наша "красная профессура" делегировала группу своих слушателей в Моргановскую лабораторию для постижения практической науки, тоже производило очень большое впечатление.

Вопрос. А они были совсем не подготовлены биологически?

Ответ. Да, совершенно не подготовлены. Правда, они занимались у Б.М.Заводского наследованием благоприобретенных признаков (*смеется*). Слепков обосновал это с позиций марксизма. И вот нам удалось их убедить, что они неправы... Привлечение философских кадров, которые были противниками генетики и стали ее адептами, — это же тоже очень большое событие.

Вопрос. А они могли составить какую-то оппозицию Презенту? Почему этого не произошло?

Ответ. Да потому, что они, по-моему, уже в 1934 году были все разогнаны как троцкисты, а Слепков — как бухаринец.

Вопрос. Николай Петрович, а приезд Меллера как-то повлиял на развитие генетики?

Ответ. Д.Гранин в своей повести "Зубр" ссылается на одно письмо (причем без комментариев, а это значит, что он с ним согласен), где написано, что отъезд Меллера из СССР теоретически обезглавил Институт генетики. Но это, конечно, неверно. На самом деле, теоретические устремления Вавилова находились за пределами дрозофильной тематики. Кроме того, я бы сказал, Меллер в нашей стране не оказал ожидаемого влияния на развитие науки. Дело в том, что он и его сотрудники до переезда в Москву сидели в Ленинграде, закрывшись в лаборатории, занимались конкретными работами. Широкого влияния на генетику они не оказали. В дискуссии Меллер участвовал неудачно: он как ученый мирового масштаба излагал общеизвестные истины, словно читал по учебнику (*смеется*).

Вопрос. Насколько известно из литературы, у него были постоянные разногласия с Морганом?

Ответ. Да... Он был иногда у нас на семинарах. Конечно, он великий ученый, но на меня он не производил впечатления (*смеется*).

Реплика. Меллер в это время очень увлекался евгеникой.

Ответ. Да, чрезвычайно. Он и Серебровский были основными советниками С.Г.Левита, и за всеми их евгеническими крайностями последнего стоял Меллер.

Вопрос. Но как Вы считаете, разгром Медико-биологического института и изгнание Левита все-таки повлияли на развал медицинской генетики?

Ответ. Ну, это, конечно, безобразие полное. Несмотря на статью Серебровского, там же велись очень хорошие работы, и там были очень крупные люди. И если бы Левит остался, то, безусловно, медицинская генетика и генетика человека у нас продолжали бы развиваться. А разгром института был дополнительной трагедией.

Вопрос. Николай Петрович, а как Вы расцениваете создание Новосибирского академгородка? По мнению многих, это была своего рода веха в возрождении генетики в 50-х годах после постигшей ее трагедии. Сотрудникам городка было предоставлено много свобод (хотя и ограниченных): и научных, и в общении. Как Вы считаете, можно ли связать возрождение генетики в 50-х годах в какой-то мере с новой атмосферой, складывавшейся в этом центре?

Ответ. Р.В.Петров напечатал статью в "Коммунисте", где написал о периоде возрождения генетики. Написал абсолютно неправильно, о чем я ему серьезно сказал. Он пишет, что примерно до 1960 года полуподпольные группы Тимофеева-Ресовского, Астаурова, Энгельгардта и Сукачева определяли возрождение генетики. На самом деле исходным пунктом ее возрождения было создание лаборатории генетики в Институте биофизики в 1956 году. Это произошло после всех писем в ЦК партии, в том числе известного "Письма трехсот". Были и другие письма, которые я привожу в новом издании своей книги¹. На ЦК было оказано весьма существенное давление. Кроме того, после взрывов атомных бомб в 1945 году проблемы радиационной генетики за границей стали чрезвычайно актуальными. И вот вопреки мнению Хрущева и благодаря поддержке всех математиков, физиков, химиков в 1956 году в Институте биофизики и была создана лаборатория генетики, которую я возглавил.

В этой лаборатории собрались крупнейшие генетики: И.А.Рапопорт, Р.Б.Хесин-Лурье, А.А.Прокофьева, Б.Н.Сидоров, Н.Н.Соколов, В.В.Хвостова, Я.Л.Глембоцкий, — словом, те, кто уцелел, и я их собирал отовсюду. Хвостова работала в Библиотеке иностранной литературы; Соколов, Сидоров и Глембоцкий находились в Якутске, и т.д.

Конечно, огромную роль сыграл тогдашний президент Академии наук СССР академик А.Н.Несмеянов. Пользуясь совершенно свободным доступом к нему, я ему рассказывал о том или ином генетике и говорил, что его надо взять, и получал единицы. В результате к 1960 году моя лаборатория насчитывала 100 сотрудников и 50 аспирантов. Ими велась огромная лекторская работа.

В 1957 году мне позвонил М.А.Лаврентьев и сказал, что мы о Вашей лаборатории знаем, довольны ей, но что мы откроем для Вас в Сибири "зеленую улицу". Поезжайте туда, организуйте институт и прочее. В том же 1957 году и был создан Институт цитологии и генетики, который стоял на совершенно четких современных научных позициях. Я собрал по стране, так сказать, остальных генетиков и направил их туда. Ю.Я.Керкис приехал из Таджикистана, где руководил совхозом; П.К.Шкварников — с Украины, где был председателем колхоза; З.С.Никоро оставил музыкальную школу; Д.К.Беляев работал в звероводческом совхозе; Ю.П.Мирюта был агрономом на Украине. Все они слетелись в Новосибирск, причем мне их особенно и приглашать не надо было: они все рвались работать по генетике. И там создавался центр, который работал 9 лет параллельно с Институтом генетики, возглавлявшемся Лысенко. Значит, официальный центр генетики как институт Академии наук был противопоставлен институту генетики Лысенко.

Конечно, давление сибирский институт испытывал страшное. За год там побывало несколько комиссий из ЦК КПСС (*смеется*), из Сельхозотдела, причем с сотрудниками Академии наук. В них участвовали Н.И.Нуждин, И.Е.Глушенко и им подобные. Все они давали институту положительную оценку (в том смысле, что в нем работа идет, печатаются статьи, но направление его, так сказать, в корне порочное). Когда уехала вторая комиссия, то М.А.Лаврентьев с нами в узком кругу пошутил: "Да, вот это мужики-ежики, в голенищах — ножики" (*смеется*). Он, так сказать, стоял насмерть за институт.

Однако в это время Лысенко возбудил ненависть Хрущева не только к Институту цитологии и генетики и его директору, но и к Академии наук в целом. Хрущев горел желанием институт закрыть. И когда в 1959 году Лаврентьев летел вместе с Хрущевым в одном самолете из Владивостока, то М.А. ему сказал (он мне об этом потом рассказывал): "Ну, Вы же не встречались с Дубининым. Вы повстречайтесь с ним, послушайте, что он Вам скажет". Хрущев ему ответил: "Довольно! Если ты будешь мне говорить об этом, я спущу самолет на следующем аэродроме, а ты хоть пешком добираться до Новосибирска" (*смеется*). После этого ЦК потребовал от Лаврентьева моего смещения. Лаврентьев мне сказал тогда, что ничего сделать нельзя. Было это в декабре 1959 года. Я тогда продолжал руководить лабораторией в Институте биофизики. Мне были известны мотивы и настроение Хрущева.

Вопрос. Николай Петрович, а где Вы работали после сессии 1948 года? У Сукачева?

Ответ. После сессии ликвидировали лабораторию в кольцовском институте, который стал уже "Хрущовским", и я оказался безработным на 7 месяцев. Меня пригласили в отдел кадров Академии и спросили, где я хочу работать. Я сказал, что хочу работать в Якутии: ну, подальше уехать... романтика. Они сказали, что подумают, и через неделю заявили: "Вам неудобно ехать в Якутию" — и все. Устроили меня к Сукачеву с его согласия. Это была экспедиция по полезным насаждениям от Института леса. Шесть-семь месяцев в году мы находились в экспедициях. Когда же в 1952 или в 1953 году ликвидировали комплексную полезную экспедицию, то все штаты передали Институту леса. Поэтому я перед Институтом биофизики работал в этом институте.

В Институте биофизики тоже было очень сложно. Не хотели создавать в нем генетическую лабораторию. Поэтому вначале мы поместились на карантинном питомнике у Н.В.Цицина в Ботаническом саду (там, где находится автобаза). Это были буквально хибары. Затем мы переехали в Ботанический сад, в один из домов, которые не значатся в плане; потом И.Л.Кнунянц передал нам домик на ул.Осипенко. Помню, что, когда мы грузили свои вещи в Ботаническом саду, прибыл бульдозер, который сносил наше обиталище (*смеется*).

Вопрос. Нам бы хотелось узнать Ваше отношение к личности и работам Тимофеева-Ресовского.

Ответ. Тимофеев-Ресовский уехал не позднее 1925 года, скорее в интервале между 1923 и 1925 годами. У него жена была немка, немецкий для него был почти родным, так что ему легко было освоить этот язык. Тимофеев-Ресовский быстро акклиматизировался в Германии и, конечно, занял большое место в мировой науке. Его работы с К.Циммером по теории мишени, по популяциям, в особенности по сезонным колебаниям численности черных божьих коровок, труды по проявлению генов в популяциях (экспрессии) — все это, конечно, превосходные работы.

Вопрос. Вы считаете его генетиком мирового уровня?

Ответ. Да, безусловно. Но не первым генетиком, конечно. Крупных генетиков было в то время несколько десятков. Однако работа Тимофеева в Германии вызывала все же недоумение. Он уехал на два года и не позднее 1927 года должен был вернуться — до всяких событий. Он остался. Но в Германии с 1935 года у становился твердый фашизм. Все его друзья-генетики уехали из Германии. Ему предлагали уехать куда угодно. Но он остался в Германии и после того, когда в ней наступил разгул фашизма.

Во время странной войны с Францией и Англией Тимофееву настойчиво предлагали выехать. Он выезжал, но возвращался, занимая в фашистской Германии какое-то свое место. То, что пишет Д.Гранин, все это, конечно, самая настоящая неправда. Он занимал какое-то место в системе фашизма — вот в чем дело, а фашизм же абсолютно все подчинял своей идеологии. Значит, он с этой идеологией, во-первых, мирился, а, во-вторых, в какой-то мере фашизм и обслуживал. В частности, у меня есть одна фотография. Когда была конференция по расовой теории, он на ней выступал и вместе с Розенбергом запечатлен на фото. Кроме того, он делал какие-то авансы в пользу арийской расы. То, что он процветал в этих условиях, и то, что он внутренне солидаризировался с арийской теорией, сомнений не вызывает. Все-таки в 1941 году немцы были под Москвой и были уверены, что Россия — родина Тимофеева — падет, а Тимофеев продолжал работать на расовую теорию. Почему он остался в Германии? Как его взяли наши войска в плен? Это совершенно непонятно. Правда, в какой-то мере это последнее обстоятельство можно истолковать в его пользу: что он хотел перейти, а его не взяли. Но здесь от него требовали того же: как действует ядерная энергия на наследственность, на живую клетку. Поэтому ему после тюрьмы дали возможность работать за Уралом, в Миассе. Но к нему как к специалисту послали ряд людей, в том числе и Рема Петрова, чтобы они учились. Они там сидели, совершенно не понимали, что происходит в стране, и занимались, так сказать "окологенетикой" вместе с Петровым, Жоресом Медведевым и другими. Так что поведение Тимофеева при фашизме не может быть принято и оправдано. Тем более что его сына Фому расстреляли, а этот факт совершенно не отразился на отце: он процветал до самого конца войны.

Вопрос. А Вы были с ним знакомы до его отъезда в Германию?

Ответ. Нет, он уехал, когда меня еще не было в Москве; вернее, когда я еще был в пединституте и был далек от генетики. И он сидел в Миассе, окруженный своими учениками, среди которых был только один генетик — Лучник.

Вопрос. А скажите, пожалуйста, после возвращения Тимофеева, после тюрьмы, Урала, Вы с ним познакомились?

Ответ. Да, да, я с ним общался.

Вопрос. А какие-нибудь значительные работы Тимофееву удалось осуществить после возвращения на родину?

Ответ. Он выполнил общегенетические и общегенетические работы, в частности о влиянии радиации, но они несравнимы с тем, что он сделал раньше.

Вопрос. В заключение нашей беседы нам хотелось бы спросить Вас о Вашем мнении — как лидера и классика генетики — в отношении перспектив развития нашей генетики. Можно ли в ближайшее время ожидать от генетики чего-то нового, оригинального?

Ответ. Когда генетика возрождалась в 60-е годы, то у нас были очень хорошие кадры: Н.Н.Соколов, Б.Н.Сидоров, И.А.Рапопорт, Я.Л.Глембоцкий, В.В.Хвостова, М.А.Бельговский, А.А.Прокофьева-Бельговская и др. Они, к сожалению, довольно быстро ушли из жизни после реабилитации генетики и не успели реализовать свои возможности. Пришли новые кадры, в основном лишённые генетического образования. В генетике они самоучки, и это, конечно, сказалось на уровне науки. Это были медики, агрономы, педагоги, физики, химики, ставшие генетиками. Образование наложило на них определенный отпечаток. Это поколение, которое до сих пор руководит генетикой, не подняло эту науку, ибо отдельные ученые погоды не делают. К тому же одновременно необычайно усилилась физико-химическая биология. Скажем, академики В.А.Энгельгардт и А.А.Баев переклочили все ресурсы на так называемые молекулярную биологию и молекулярную генетику. Эти области биологии стали особенно престижными. На них уходили огромные денежные и материальные ресурсы. Поэтому генетика, конечно, находится сейчас только у порога своего восхождения. Пришли молодые люди, владеющие новыми методиками, свободные в своем мышлении. Эти люди в течение 20 лет, по моему мнению, и должны будут сделать рывок, чтобы достигнуть уровня мировой генетики.

Вопрос. Николай Петрович, а не могли ли бы Вы назвать две-три многообещающие фамилии или школы нового поколения? Кого Вы держите в поле зрения?

Ответ. Из нового поколения наиболее глубоко в охвате проблем я считаю А.А.Жученко, бывшего директора Института генетики и бывшего президента Молдавской Академии наук. Он выпустил ряд очень интересных книг, выполнил десяток больших экспериментальных работ. У него совершенно самостоятельное мышление, и мне кажется, он еще много может сделать.

Вопрос. А какого Вы мнения о В.А.Гвоздеве?

Дубинин. Да, это очень хороший исследователь, и на него можно возлагать большие надежды. Могу упомянуть А.П.Акифьева из Института химической физики. По генетике избраны два члена-корреспондента: В.А.Шестаков и С.Г.Инге-Вечтомов. Будем надеяться, что они останутся не только хорошими исследователями, но и станут генераторами новых идей. Я думаю, что подъем генетики в нашей стране не за горами. В течение ближайших пяти лет ростки должны проклонуться.

* * *

Участники встречи выражают Н.П.Дубинину глубокую благодарность за содержательную беседу, за то, что ученый нашел для нее время, и желают ему доброго здоровья и дальнейшего активного участия в развитии генетики.

Примечание

¹ Дубинин Н.П. Страницы истории

И.А.Горяев

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ (интервью с И.Б.Паншиным)

Многое в жизни зависит от случайностей. Сколько у каждого из нас было ситуаций, подобно сюжету из фольклора: направо пойдешь, налево..., прямо... И как много в дальнейшей судьбе зависит от нашей реакции на случай, от умения и способности делать выбор.

Человеку, с которым свел меня самый настоящий случай, в своей жизни много раз приходилось выбирать...

Было это летом 1989 г. в Норильске. Директор местного краеведческого музея любезно откликнулась на просьбу порекомендовать человека с интересной судьбой. Ничто не кольнуло, когда я переносил в записную книжку имена и телефоны людей. Сидя потом в гостиничном номере и просматривая список, размышлял: в чей же дом постучаться? Одна из фамилий как будто... Нет, незнакома. Но вроде бы читана где-то: Паншин Игорь Борисович.

Звоню, получаю приглашение.

На пороге небольшой квартирки в доме на центральной улице Норильска меня встречает поджарый мужчина со шкиперской бородкой, очень подвижный и громкий — признак ослабленного слуха. По виду — свежеиспеченный пенсионер. Потом выяснится, что ему 75, что первейшая страсть его — горные лыжи зимой и охота с рыбалкой летом. А еще прежде придется пережить чувство неловкости и досады на собственную память: ведь у Гранина читал я эту фамилию, в его "Зубре"! Да, это был тот самый Игорь Борисович Паншин, который с лета 1943 г. и до конца войны был одним из сотрудников Н.В.Тимофеева-Ресовского, возглавлявшего отделение генетики Института изучения мозга в Берлин-Бухе.

Два дня магнитофонные кассеты вбирали в себя неторопливый рассказ человека, судьба которого столь изобиловала случайностями и резкими поворотами. Впрочем, и сам характер времени был таков.

Самым первым событием в жизни Игоря Паншина было, безусловно, его рождение. Случилось это в 1914 г.

Мужская ветвь рода Паншиных ведет начало от крепостных. Его прадед, Иван Иванович, мужик башковитый и грамотный, получив свободу, сумел наладить хозяйство и даже разбогатеть. Дед — Аркадий Иванович — увлекся наукой, занялся селекцией орловских рысаков и даже имел переписку с Дарвином. Аркадий Иванович умер рано, но успел вызвать интерес к научным занятиям у сына, Бориса Аркадьевича. Гимназию тот закончил с золотой медалью и поступил учиться в Киевский университет, к знаменитому эволюционисту Северцеву. Учение шло весьма успешно, и Бориса Аркадьевича вместе с его ближайшими товарищами И.И.Шмальгаузенем и Д.Е.Берингом должны были оставить при университете для подготовки к профессорскому званию. Товарищи стали-таки

профессорами, а вот Борис Аркадьевич помимо науки увлекся еще и политикой. Занялся революционной деятельностью, стал членом киевской группы коммунистов-анархистов. В 1907 г. попался на прокламациях и был посажен в тюрьму. Грозил ему ссылка, да вмешались в его судьбу два генерала.

Дед Бориса Паншина по материнской линии был генералом от артиллерии, а вообще-то — математиком, специалистом по баллистике, конструктором. Был он из немцев, что переселились в Россию еще при Петре I, по фамилии Шпиллер, Алексей Логинович Шпиллер.

Другой генерал — отец будущей жены, а пока еще невесты, Чернов Василий Егорович. Этот был действительным статским советником, ректором Киевского университета, основателем первого в России бактериологического института, и вообще — видным медиком. Он консультировал наследника престола, страдавшего гемофилией, за что в знак благодарности получил в подарок от Николая II портрет с дарственной надписью. Любопытен и такой факт: среди семейных реликвий Паншиных долго хранилась белая фуражка Василия Егоровича с пятнами крови Столыпина: Чернов как раз был в Киевском оперном театре, когда Богров стрелял в премьер-министра, и оказывал смертельно раненному Столыпину первую помощь.

Вот эти два генерала — Шпиллер и Чернов — и посодействовали тому, что через несколько месяцев выпустили Бориса Аркадьевича из тюрьмы. Университет закончить позволили, но уж о профессорском звании речи быть не могло. Потом уже он женился, переехал в имение тестя под Уманью, где и занялся селекцией — главным делом своей жизни. К политической деятельности больше не возвращался.

Борис Аркадьевич еще трижды будет арестован — в советское уже время, а последний раз — в 1940 г., вскоре после ареста Николая Ивановича Вавилова, с которым и Паншин был тесно связан по научной деятельности. Кстати, судили их судом Военной коллегии в один день: 11 июля 1941 г. Вавилову — смертная казнь, Паншину — 10 лет. Николаю Ивановичу казнь заменили тюрьмой, но от смерти он так и не ушел...

Если на факт своего появления на свет Божий Игорь Борисович никак не мог повлиять, то уж последующее бытие всецело зависело от него самого. Были в его жизни ситуации почтице болотных топей, повороты судьбы — удивительные, как в сказке. Один такой неожиданный случай предопределил его двухлетнюю совместную работу в качестве подданного Германского рейха вместе с Тимофеевым-Ресовским. Рассказ об этом еще впереди. А пока...

Родился Игорь Борисович 11 июля 1914 г. под Уманью. В то время его отец, Борис Аркадьевич Паншин, заведовал селекционной станцией и землями при Верхнекняжеском сахарном заводе. В смутное время революции и гражданской войны семья переехала в Киев. Здесь пережили смену многих властей. От большевиков, как другие, не побежали. Напротив, по призыву советской власти Борис Аркадьевич активно включается в процесс восстановления разоренного сельского хозяйства.

Начался НЭП. На волне "ленинского внимания" к специалистам Борис Аркадьевич становится директором сортоводносеменного управления.

"Жили мы, — вспоминает Игорь Борисович, — очень хорошо. Зарплата и положение у отца были настолько весомыми, что нас "разуплотнили", вернув пятикомнатную квартиру. В доме регулярно устраивались концерты. Отец был одаренным в музыкальном отношении человеком. Одно время он даже собирался стать профессиональным музыкантом. В доме бывал часто Пантелеймон Норцов — тогда еще восходящая звезда, играл Генрих Нейгауз. Постоянный участник этих вечеров — Наталия Шпиллер, — в будущем народная артистка, солистка Большого театра. Натка приходилась мне каким-то образом и двоюродной сестрой, и чуть ли не троюродной бабушкой — сложные там были переплетения. Так что жизнь была достаточно насыщенной, интересной..." В 1924 г. Бориса Аркадьевича направили в заграничную командировку. Цель — знакомство с организацией

сахарной промышленности, селекцией сахарной свеклы, а главным образом — выяснение вопроса относительно концессии по производству свекловичных семян. Сравнив зарубежный опыт с собственными достижениями по селекции семян, Борис Аркадьевич от концессии отказался: сами обойдемся! А вскоре после возвращения его уволили, а потом и арестовали.

”Это был 25-й год, — рассказывает Игорь Борисович. — Первый арест отца. Любопытная история! Вместе с отцом в эту командировку ездил некто Шнайдер, немец или немецкий подданный. Фирма, опыт которой они отправились изучать, очень была заинтересована в концессии. И, я полагаю, именно это стало причиной доносов Шнайдера на отца в ГПУ. Такого же мнения и его ”однодельцы” — высококвалифицированные агрономы Саликов, Грюнер. Их письма хранятся у меня. Вот так начинались дела о вредительстве. А этот Шнайдер из ГПУ не вылезал. Потом он был директором Мироновской сельскохозяйственной селекционной станции. Зарплату получал в валюте. А после того, как развалил всю работу станции, спокойно себе уехал в Германию. Я потом наводил на нем справки: процветал, обласканный фашистами. А отец просидел тогда десять месяцев. По теперешним меркам это — пустяк. Протестовал, десять дней держал голодовку. Тогда была еще хоть какая-то тень законности. Дело его попало следователю Мелешкевичу — старому, опытному юристу. И он прекратил дело. Такой категории, как реабилитация, тогда не было. Вас просто выпускали на свободу, и вы шли устраиваться на работу, словно ничего и не случилось. Но — лиха беда начало! После этой отсидки отец короткое время проработал в Харькове, в Наркомземе. Потом опять вернулся в Киев, в сортоводное управление, руководил по существу всей селекционной работой на Украине, целой сетью семенных станций. В 30-м году последовал его второй арест. Это было время широкой облавы на ”вредителей”: процесс Промпартии, Кондратьев, Чайнов... На этот раз отец просидел семь месяцев и тоже вышел на свободу после недельной голодовки. И вот после этого мы переехали в Ленинград. Отец уже давно собирался уехать с Украины, полагая, что в России можно жить, а там — нет. Я вот сейчас считаю, что на Украине этот 37-й год начался значительно раньше, ”посадки” начались значительно раньше. И какие были гарантии, что через год-два отца опять не арестуют? Как рассуждали? ЧК не ошибается, раз посадили — значит, что-то было. Поэтому отец решил воспользоваться давними связями с Николаем Ивановичем Вавиловым и переехать в Ленинград, в его институт.

— В чем выражались эти связи, контакты Бориса Аркадьевич с Николаем Ивановичем?

— Еще с 1925 года между ними наладилась переписка. Это, между прочим, опубликовано в двухтомнике эпистолярного наследия Вавилова. Николай Иванович живо интересовался вопросами селекции, а отец, как я уже говорил, руководил практически всей этой работой на Украине с солидной финансовой базой. Это позволяло ему оказывать Николаю Ивановичу поддержку в некоторых его начинаниях, в частности в организации экспедиций. Кроме того, они встречались на всяких съездах, где Борис Аркадьевич выступал с научными докладами. Так что контакты были тесные. И вот он перебрался в Институт растениеводства под крылышко Вавилова, куда, надо сказать, стекались все наиболее квалифицированные агрономические кадры...”

Это был 1931 год. Игорю Паншину — 16 лет, и он — весь в науке. Надо сказать, что в школе Игорь не учился. Родители опасались его туда отдавать. И вот почему. Одна из сестер матери еще в то время, когда Киев был в руках добровольческой армии, вышла замуж за белого офицера. Потом вместе с мужем она оказалась в Крыму, а позже — за границей. Другая сестра была замужем за Евстафием Гершкевичем-Трехимовским, профессором Киевского университета, известным химиком-органиком. В 1925 г. с тремя детьми (всей семьей) они ухитрились тайно уйти в Польшу. Все эти обстоятельства были известны подраставшему Игорю, и, чтобы не искушать судьбу (а вдруг в школе с языка

соскочит?) родные решили обучать его дома. Занимались этим главным образом старшие брат и сестра Игоря.

...Кто в детстве не собирал жучков-паучков? Вот и Игорь Паншин начал с коллекционирования бабочек. В какой-то момент отец, Борис Аркадьевич, решил, что пора кончать с увлеченностью и переходить к серьезным занятиям: повел отдавать сына в обучение к академику Шмальгаузену...

"У нас в семье это был Ванечка Шмальгаузен, университетский товарищ отца. Приводит он меня к нему с таким разговором, что, мол, не возьмет ли он к себе в лабораторию сына. А Иван Иванович сказал так, что заниматься экспериментальной эмбриологией мне будет и трудно, и скучно; что для биолога раньше всего нужно познакомиться с систематикой, а потом уж заниматься конкретными вещами. И посоветовал отдать в обучение к другому товарищу отца — Дмитрию Евстафьевичу Берингу. Был он в то время директором Днепровской биологической станции. Там я и начал работать, с 28-го года, т.е. с четырнадцати лет".

В то время замышлялся ДнепроГЭС. На днепровских порогах работала экспедиция, которая изучала вопрос, как повлияет строительство станции на ихтиофауну. Был в экспедиции и Игорь Паншин. В 16 лет он написал, а затем опубликовал свою первую научную работу "О ихтиофауне Днепра от Днепропетровска до Никополя". Эта работа сослужила ему роль рекомендации при поступлении в Ленинградский университет. А перед этим он еще сдал экстерном экзамены за среднюю школу.

"Когда мы переехали в Ленинград, к Вавилону, тут я уже занялся генетикой. В 1931 году я поступил в университет и одновременно работал в вавилонском институте, в лаборатории генетики. Эта лаборатория была основана Юрием Александровичем Филиппченко — крупнейшим генетиком, собственно, основателем этой науки у нас. Видел я его только один раз, еще в Киеве, в 1930 году, во время съезда зоологов, анатомов и гистологов. Тогда же я впервые увидел знаменитого Кольцова, у которого потом работал, Любищева, Книповича. Слушал их доклады. Я ведь считался уже ученым, — смеется Игорь Борисович. — Был привлечен к техническим вопросам организации работы съезда. Например, удостоверение участника съезда Ю.А.Филиппченко выдавал я. И там же, в Киеве, я впервые увидел И.И.Презента, слушал его. Какое впечатление? Впечатление опасного проходимца: способный, великолепно подвешен язык, весьма находчив и нагл. Конечно, всего, о чем он говорил, я оценить не мог. Но помню рассуждения о нем старших. А потом я встретился с Презентом в университете, где он заведовал кабинетом методологии и биологии, слушал его лекции по диалектике природы. В какой-то степени он излагал даже дарвинизм, и неплохо. Но одновременно поносил буржуазную евгенику...

Но вернемся к лаборатории генетики...

Сюда в 1933 году из Германии приехал Меллер. Причем до приезда он что-то в течение года работал у Тимофеева-Ресовского. О Николае Владимировиче он отзывался восторженно, а ведь Меллер вообще тогда считался первой величиной в генетике, ему принадлежит открытие искусственного получения мутации рентгеновскими лучами. А уж более подробно всю эту тематику на высоком биофизическом уровне начал разрабатывать Тимофеев-Ресовский, именно когда у него был Меллер. Вот откуда идет это самое подключение Тимофеева-Ресовского к урановой проблеме, которое ему никак не могут простить!

Обычно спрашивают: кто ваш учитель? Так вот, я всегда отвечаю, что в генетике мой учитель — Меллер. Как-то я сделал одну небольшую работу. Публиковать ее не собирался, но рассказал о ней Меллеру. Это было описание интересного случая двойной мутации хромосомы. Когда Меллер услышал мой рассказ, то буквально потребовал, чтобы я сделал эту публикацию. Почему? Да потому, что вот в Германии работает Штерн, а в Соединенных Штатах — Демерец, и все — по сходной тематике. И не дай тебе Бог упустить приоритет! Работу я опубликовал, и между прочим, если бы я занялся этой проблемой и

дальше, то, может быть, обошел бы американского генетика Люэса с его открытием строения гена. Но... Много чего в жизни, в науке осталось несделанным, незавершенным...

— Игорь Борисович, вспомните, пожалуйста, обстановку того времени, людей, которые работали в вавиловском институте...

— Институт был замечательный, и кадры там были великолепные. Жили мы в квартире, расположенной в самом здании Института растениеводства, на углу Мойки и Невского, так что я имел счастливую возможность знать и наблюдать многих выдающихся ученых. Это и сам Н.И.Вавилов, и его заместитель Жуковский, и В.Е.Писарев.

О каком-то серьезном знакомстве с Вавиловым говорить, конечно, не приходится. Встречи были довольно-таки минутные. Только один раз я был у него дома, на квартире: отец послал за какой-то книжкой или, наоборот, отнести ее Николаю Ивановичу. Больше приходилось сталкиваться на работе. Впечатление он производил самое приятное. Очень быстрый, всегда в хорошем расположении духа, без конца что-то рассказывал, обязательно вокруг него народ собирался. И всегда нас поругивал за то, что мы делаем мало открытий: "Делайте больше открытий!" — требовал Н.И.Вавилов.

Смутное время началось в 34-35-м годах, с появлением в институте Лысенко и его сближением с Презентом. К Вавилову зачастили всякого рода комиссии, ревизии. Николай Иванович очень выдержанный был человек, но это, как я слышал от отца, действовало на него удручающе. Тучи над институтом сгущались. В 1935-м уехал в Москву и перешел на работу в Институт свекловичного полеводства отец. Тогда же ушел Виктор Евграфович Писарев. Ему тоже в свое время, как и отцу, досталось "посидеть". Для таких людей оставаться в опальном институте было небезопасно. К тому же они своим присутствием усложняли положение самого Вавилова, потому что эта кампания против него и против генетики разворачивалась уже вовсю.

— Почему она была развязана, в чем был смысл?

Да ведь все это значительно раньше начало развязываться! Было у нас такое общество — биологов-марксистов. Чем могло оно заниматься во времена всеобщей идеологической бдительности? Блюдо идейную чистоту научных исследований. Известно, что Энгельс интересовался вопросами диалектики природы, говорил, что нужно обязательно разрабатывать эту область. Но сам Энгельс только-только приступил, работу не закончил, то, что написал, к печати не подписывал. По существу это были лишь его наброски к вопросам, которые он намеревался разрабатывать. Поэтому диалектику природы Энгельса и публиковать-то было нельзя, и уж во всяком случае не рассматривать ее как законченный труд. А у нас цитаты из него выхватывались по потребности. Надергают и говорят: вот, мол, Энгельс против борьбы за существование, против естественного отбора. И так далее, и так далее... Для этих самых биологов-марксистов, псевдодиалектиков — хлеб насущный! И вообще, надо сказать, ламаркистская постановка вопроса о наследовании приобретенных признаков, она гораздо более соответствует обывательскому сознанию. Тезис генетики, сатирически-резкий, "против генов не попрешь: коль родился идиотом — идиотом и помрешь", это, видите ли, нехорошо. Как же, это концепция "голубой крови"! С этой стороны генетика, конечно, была уязвима очень. А коль скоро имелся уже давным-давно социал-дарвинизм и его стал брать на вооружение Гитлер, то не так уж трудно было и соответствующую философскую базу подвести под генетику. И доподводились в конце концов!

Помню первую дискуссию 36-года. Выступали Вавилов, Меллер, Презент и Кольцов. Уже тогда Презент изо всех сил набросился на Вавилова. Дескать, громадный институт, громадные штаты, а ничего, понимаете, не делают, практических результатов не дают. А вот Лысенко обещает в два счета все проблемы решить, на ходу подметки рвать! Это импонировало...

Тогда же, в 36-м, я закончил Ленинградский университет. Рассчитывал, что меня возьмет к себе в Институт генетики Вавилов, где тогда и Меллер работал. А я-то — ученик Меллера, занимался по его тематике; он бы, конечно, меня взял. И я пошел по этому поводу к Николаю Ивановичу. А он мне говорит: "Ситуация в институте такова, что мы вас взять к себе не можем". Вот таким было уже положение летом 1936 года, что меня, человека с безупречными анкетными данными, они взять не могли. А какие данные? Отец сидел, брат сидит. Брата звали Кирилл; он закончил физтех, делал дипломную работу у Сергея Ивановича Вавилова, у него же и работал. Арестовали его по явно сфабрикованному делу. Сейчас известно, как НКВД само стряпало всевозможные кружки, организации. Всякие там контрики, колеблющиеся, куда им деваться? А в организации! Это называлось профилактикой: раскрывать, проникать в "намерения" и сажать. Брат три года провел в Воркуте, пока его совершенно неожиданно не освободили. По благу, можно сказать. Суть в том, что вместе с ним был посажен сын академика Параикошица. А этот Параикошиц в свое время прятал то ли Дзержинского, то ли Менжинского — в общем, связи сохранились. Брат умер в блокадном Ленинграде от туберкулеза — следствие лагерной простуды.

И вот, значит, к Николаю Ивановичу Вавилову я не попал и уехал устраиваться на работу в Москву, в Институт экспериментальной биологии — знаменитый кольцовский институт. Кольцов хотел взять меня в аспирантуру. У меня уже четыре работы были опубликованы. Кольцов устроил мне экзамены, прежде всего по иностранным языкам. У меня до сих пор эта бумажка хранится, где сказано, что перевод с немецкого и английского — свободный, а с французского — со словарем. В общем бумаги мои были отправлены в Наркомздрав — тогда в его ведении находился институт. И тут на меня случился донос. Некто Сапожников, был он у нас еще в университете руководителем студенческого политкружка, узнал о моих намерениях относительно аспирантуры и написал заявление, что я-де человек аполитичный и плохо относился к политучебе. Этого было достаточно, чтобы остаться без аспирантуры. Но Кольцов меня все-таки принял на работу, простым лаборантом. И только через полтора года перевел уже в научные сотрудники. Потом мне все же разрешили защищать диссертацию. Снова сдал все необходимые экзамены, тем для защиты было не менее трех, любую можно выбирать, материала хватало. Но тут началась война...".

Земной путь каждого человека непредсказуем. Но все это тысячекратно усиливается во времена потрясений, когда случайности начинают сыпаться как из рога изобилия. Закономерен был путь юного Игоря Паншина в генетику. Конечно, в чем-то и случаен, но случайность эта глобального порядка: семья, окружение, склонности. Но вот закономерен ли то, что финал этой судьбы пришелся на заполярный Норильск? Или здесь опять же случайность?

Рассказ Игоря Борисовича о военных годах можно разделить на две части: до Берлина и Берлин. Его повествование о себе было долгим, с подробностями. Где-то я перескажу его в сжатом виде, а где-то будет звучать прямая речь.

...К исходу первого месяца войны И.Б.Паншин записался в 7-ю Бауманскую дивизию народного ополчения. При ней же закончил школу младших командиров и в начале октября в районе Ельни оказался на фронте. Только-только оттремели здесь ожесточенные бои, притормозившие немецкое наступление на Москву. Переформировки, переброски — последовательность населенных пунктов смешалась в памяти: Дорогобуж, Вязьма, бесчисленные деревушки. По-настоящему повоевать Паншину так и не довелось. Часть была рассеяна, управление не функционировало, связи практически никакой. Где что происходит — мало понятно. Этакое напряженное затишье перед готовящимся немецким натиском. Сплошного фронта нет. В лесах какие-то разрозненные группы красноармейцев, стремящиеся выйти к своим. А кругом немцы. Не то, чтобы окружение, а как-то так, словно они везде.

Одну такую группу вел к своим на восток младший командир Паншин. Ночью в октябре, переходя ручей, попали под немецкий огонь. Все-таки переправились с боем, потом проскочили несколько немецких застав. К утру набрели на какую-то заброшенную хибарку. Справа и слева — по деревеньке. Что-то с километр до той и другой. Момент в судьбе Игоря Борисовича поворотный...

“...Беру с собой одного бойца. А я мокрый насквозь, зуб на зуб не попадает, и потом — ужасающий понос. Уже несколько дней маялся животом. И эта моя “животная” болезнь в конце концов кончилась историческими событиями. Подходим, значит, к этой хибарке. Бойца посылаю к деревне, посмотреть, что там делается, а сам решаю переодеться — в вещмешке-то у меня белье сухое. И одновременно, провожу очередную операцию по очистке кишечника, значит.

Да, начал переодеваться и вдруг слышу шаги. Тут же смотрю: суют в окошко гранату неизвестного мне образца. И голос: “Рус, сдавайся!” А я в ответ: “Не стреляйте, я говорю по-немецки!”

Ситуация: стою голый, рядом винтовка лежит со штыком. Открывается дверь, я стою за ней, меня не видно. Заходит немец с автоматом. У меня верный шанс проткнуть его штыком, однако же я этого не делаю. Представьте, что получилось бы после того, как я бы его проткнул и в чем мать родила, с винтовкой и штыком наперевес вылетел бы на тех других, что стояли на улице? С ума бы посходили от ужаса и разбежались? Не знаю... Стреляться? Времени на это уже не было, нужно было еще штык для этого снять. Но, по правде, эти соображения меня тогда не занимали, я бы не стал стреляться, в принципе против этого. Это всегда успеется.

В общем немцы узнали, что я говорю по-немецки, а я узнал новое для себя немецкое слово: “понос”. Это они сразу заметили, что он кровавый — тоже. И очень обрадовались такому интересному случаю взятия в плен. И отнеслись ко мне самым любезным образом: привели в часть и немедленно начали лечить. Надо сказать, что здесь я сразу как-то четко определил для себя линию поведения: максимум лояльности, максимум доверия с их стороны, побольше узнать, чтобы при случае с пользой употребить эти знания. Каким образом? Это уж как получится, как случай представится...

Часть, в которую я попал, была тыловая, входила в состав 7-й танковой дивизии. Мне сразу предложили остаться у них в качестве переводчика. Вообще пленных, знающих язык, как правило, оставляли при частях. Во всяком случае, наших переводчиков я встречал довольно много.

Чем приходилось заниматься? Да в основном проблемами снабжения. С подвозом продовольствия у них в это время складывалась уже довольно напряженная ситуация. Сами обеспечивали себя за счет населения: ездили по деревням, собирали картошку, скот, который остался, и так далее. Даже справки какие-то давали, в которые, конечно, никто не верил. В общем, “пособничал действиям”, которые не менее успешно были проделаны и без моего участия.

Спустя какое-то время произошел случай, весьма для меня благоприятный. Как-то еду в автобусе с немцами, а один из офицеров вертит приемник и натывается на Москву. И что же я слышу! Поет Натка Шпиллер, Наталья Дмитриевна Шпиллер, певица Большого театра, которая приходится мне я уже рассказывал кем. Кстати, мать ее тоже очень известная была певица, даже, пожалуй, покрупнее, чем дочь. В детстве, изучая немецкий, мы старались дома больше говорить на языке. И, естественно, знали, что Шпиллер — фамилия немецкая, что приставка “фон” свидетельствует о дворянском происхождении, и потому иногда дразнили Натку баронессой.

И вот слышу Натку по радио и говорю: “Это поет моя тетка”. — “Как, твоя тетка? Кто такая?” — “Баронесса фон Шпиллер”, — отвечаю. — “Что, баронесса? В Советском Союзе — баронесса?” — “Да, говорю, — только у нас вслух об этом нельзя было говорить”.

Начался разговор; становится ясно, откуда я так хорошо говорю по-немецки. Мало этого, выходит, в моих жилах течет еще и дворянская немецкая кровь...

Потом, это уже в Вязьме, меня вызывал к себе начальник штаба части, майор, не помню фамилии, но тоже с приставкой "фон" — "голубых", значит, кровей. Долго беседовал со мной. Я ему рассказал о своем прадедушке, кто он был. Что моя бабушка Александра Алексеевна часто жила в Мюнхене. В общем поговорил. И с тех пор пошел слух, что я не кто-нибудь, а немецкого дворянского происхождения и вообще не очень-то от мира сего, занимаюсь науками. Стало быть, всякие там гнусные предложения делать, вовлекать в недостойные дела не следует. Правда, этого и не было, но все равно оказалось кстати...

Пробыл я в этой части до лета 1942 года, когда 7-ю танковую дивизию, изрядно побитую, решили вроде расформировать. А незадолго до этого произошел еще один замечательный случай — встреча с унтер-офицером Ракелем. Случайно я с ним разговорился; немцы всегда интересовались, кто да что. Он горными лыжами увлекался, поговорили о горнолыжном спорте. Я ему — о генетике, он — о себе, о том, что по специальности архитектор, из Мюнхена. И, между прочим, проектировал дачу для Бехштейна. А это довольно известный немецкий генетик. Спрашиваю: "А фамилию такую, Тимофеев-Ресовский, не слыжали?" — "Да, — говорит, — слыжал". — "А где он?" — "А он сейчас, кажется, по-прежнему в Берлине".

Так совершенно неожиданно я получил информацию о Николае Владимировиче. Сразу же созрело решение написать ему. Мне позволили это сделать. Письмо, конечно, проходило через цензуру; поэтому и тональность его была соответствующая: что Россия, дескать, войну проигрывает, заниматься наукой здесь будет совершенно невозможно, и нельзя ли мне работать в Германии. Вот такое письмо ушло в Берлин. Адрес я указал приблизительный: Берлин-Бух, институт, такому-то.

Через некоторое время вызывают меня в СД, в контрразведку. "Писали письмо такому-то?" — "Писал". "Так вот, вы совсем не Игорь, а Иван Паншин. Тимофеев-Ресовский знает Ивана Паншина, а не Игоря". "Нет, — говорю, — он перепутал". В общем, окончился этот разговор ничем. А себе я уяснил, что Николаю Владимировичу, видимо, не очень-то понравился антипатриотичный тон моего письма. Кто я — Иван или Игорь, он вообще знать не мог. Но главное — хоть какая-то информация есть. Поэтому, когда я второй раз написал ему, то уже совершенно в другом духе..."

Возможность написать второе письмо у Игоря Борисовича появилась только через год. Танковую дивизию, при которой он находился, расформировали. От предложения влосовцев записаться в добровольческую армию он отказался, решив, что оставаться при немцах в его положении гораздо больше резона. Некоторое время в команде военнопленных работал по ремонту дорог. Потом, после разговора с генералом, командующим тылом 9-й немецкой армии (благодаря все тем же слухам о необычном фон-военнопленном захотелось генералу лично встретиться), Паншина вновь приписали к штабу. В 1943 г. (это уже в Орле было) он познакомился с девушкой, работавшей в немецком госпитале. Звали ее Александра Райнхард. Немецкая фамилия досталась ей от отца — австрийского военнопленного еще времен первой мировой. Он умер, когда Александре было всего несколько недель от роду. Молодые люди решили пожениться, и это их желание не только не встретило возражений со стороны германского армейского командования, но даже было поддержано самым неожиданным и сентиментальным образом: считавшимся полунемцами, им предложили принять германское подданство. Они отправились в Лодзь. Здесь, в лагере для пересельных, окончательно решился их вопрос с гражданством и женитьбой. Из Лодзи же И.Б.Паншин обращается к Н.В.Тимофееву-Ресовскому вторично.

"...В этом письме уже ничего похожего на "ура, да здравствует Германия!" не было. Даже намек. А писал я ему в том духе, что знаю его от таких-то и таких-то людей, объяснял свое положение, а в конце просил взять к себе на работу. Спустя время пришел ответ: Тимофеев-Ресовский вызывал для знакомства и переговоров.

В Берлин-Бух я приехал рано утром. Нашел институт, Николая Владимировича еще не было. Секретарша проводила в его кабинет. Смотрю, что за диво-див-

ное?! По стенам висят портреты русских ученых: Ломоносов, Мечников, Павлов, Вавилов, еще кто-то... А в простенке — по-русски известное изречение Ломоносова насчет того, что на немецком языке хорошо с врагами говорить, на итальянском — с друзьями, а на русском ... и так далее.

Конечно, сразу ясно стало, куда я попал и каково должно быть мое поведение. Короче говоря, буквально за пять минут мы обо всем с ним договорились...”

Прежде чем И.Б.Паншин продолжит свой рассказ, следует, видимо, сделать небольшую ремарку. Побудительным мотивом к многочасовой моей беседе с Игорем Борисовичем послужило именно и прежде всего желание узнать что-то дополнительное о личности замечательного ученого, каковым, безусловно, является Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. И понятно почему: его пребывание и работа в нацистской Германии по сей день не дают покоя приверженцам черно-белого восприятия жизни. Было и еще остается немало желающих видеть в Николае Владимировиче не только великого ученого, но и презренного пособника фашистов. Документальных доказательств для такого взгляда нет никаких. Зато существуют многочисленные свидетельства людей, в том числе и крупных ученых, опровергающих эти домыслы. Среди них и тех, кто лично был знаком с Николаем Владимировичем, работал вместе с ним.

Закономерен вопрос: Насколько можно доверять рассказу о Тимофееве-Ресовском Паншину — изменнику родины, сдавшемуся врагу с оружием в руках? ”Зеку”, получившему за свое предательство законные 10 лет Норильлага? Можно ли верить такому человеку?

Ох, как все просто в черно-белом мире! Нет, не зря я пытался рассказать как можно подробнее о судьбе самого Игоря Борисовича. Вникая в жизненную эпопею Паншина, я поразился пронзившей вдруг меня догадке: передо мной человек, цивилизованно (не благоговейно, а именно цивилизованно, может даже с изрядным прагматизмом) относящийся к жизни как величайшей ценности. Не жизнь во имя жизни, а жизнь во имя смысла. Смысла! Зачем всего лишь единожды является человек на этот свет? Чтобы пасть жертвой исторических обстоятельств, выпавших на его жизненный отрезок? Жертвой мракобесия, тоталитарных страстей, преступной политики? Прийти и уйти? Не реализовав себя делом рук, ума? Допускаю, что кому-то сама постановка вопросов может показаться кощунственной. Однако не есть ли появление подобных вопросов знак осознания человеком высшего смысла пребывания своего на земле? СОЗИДАНИЕ!

Можно было бы проткнуть одного непутевого немца штыком и остаться навечно в памяти других кроваво-поносным идиотом-фанатиком. А можно было и по-другому: шлепнуть генерала, но наверняка загубить тем самым полсотни, а то и сотню таких же, как сам, плененных товарищей — была и такая возможность.

Паншин сделал свой выбор и получил за него ”свое”: статью 58-1Б (Измена Родине). Этот факт он не отрицал в 45-м, не отрицает и сейчас. Но других деяний, кроме сдачи в плен, за ним не числится. И у меня нет оснований не верить ему. Да и сам Игорь Борисович неоднократно повторял, что после того, как имя его и фамилия неоднократно упомянуты Д.Граниным в ”Зубре”, могли бы найтись свидетели его каких-то иных преступлений. Не нашлось. Смысл его жизни был прагматически чист: не навредить другим, из всякой ситуации извлечь максимум разумного, полезного. Дождаться случая... Ну, а теперь — о Тимофееве-Ресовском.

”Игорь Борисович, вы два года проработали у Николая Владимировича. Вы с ним часто общались или не очень?

- Более тесного общения и представить невозможно. Рабочие места мое и моей жены были рядом с кабинетом Тимофеева-Ресовского. С нами же в комнате и Елена Александровна — супруга Николая Владимировича. Минимум дважды в неделю, а то и чаще ходили к ним домой в гости. Надо сказать, людей у него всегда было очень много, самых разных: кроме немецких ученых полно иностранцев, полный интернационал. И русские — из числа эмигрантов, французы — братья Пейру, грек, даже китаец один был.

— Как бы Вы могли охарактеризовать Тимофеева-Ресовского? Как человека, как ученого?

— То, как описал его Д.Гранин, довольно верно. Добавить что-либо новое очень трудно. Безусловно, что это был очень умный и очень мужественный человек. Вместе с тем ему была свойственна наша русская бесшабашность. Но не дурная, а основанная на сознании своей силы, уверенности.

— А можно сказать, например, так, что для Тимофеева-Ресовского наука была превыше всего? Превыше борьбы?

— Этого нельзя сказать, я бы так не сказал. Я думаю, превыше всего была для него Россия-матушка. Противопоставлять науку родине — это для такого человека, как Николай Владимирович, невозможно.

— Но тем не менее он ведь ради науки оставался так долго вдали от родины?

— В какой-то мере так. В какой-то... По сути он попал в безвыходное положение, в ловушку. Нельзя ему было возвращаться в Советский Союз: это гибель. Это, кстати, прекрасно понимали наши генетики, с которыми мне приходилось разговаривать: Дубинин, Прокофьева-Бельговская, другие. "А почему, — задавались они вопросом. — Николай Владимирович не уехал из Германии в Америку, например?" А ведь не понимают, что значит эмигрировать в Америку. Его посылали в Германию. И не вернуться в Советский Союз, а эмигрировать в Америку — это значит раз и навсегда порвать с родиной. То же и Вавилов: надо было ему возвращаться из своих зарубежных командировок?

— Наверно, нет. Но возвращался...

— Правильно, возвращался. Но почему? Потому что каждый из нас надеялся на то, что все эти беззакония, дикости — все это временно, преходяще, что такое не может продолжаться бесконечно. Почему оставался в Германии и тянул время Тимофеев-Ресовский? Да по той же самой причине! Кто же мог предположить, что у немецкого народа, с богатейшей культурой, на родине Маркса и Энгельса возможен такой кошмар, как фашизм! Одинаковое совершенно положение. Значит, ежели человек не уверен твердо в том, что ему нужно делать, тогда необходимо придерживаться кутузовской тактики: в сомнении воздерживайся, и все приходит вовремя для того, кто умеет ждать. Два кутузовских изречения из "Войны и мира" вынес, очень они мне понравились. Там, у Толстого, это по-французски написано. Ну, а если по-русски, по-простому, то — не зная броду, не суйся в воду.

Предпринимать что-то нужно только тогда, когда ты абсолютно уверен. Риск — не благородное дело. Оно таким становится, во-первых, только во имя благородной, достойной цели и, во-вторых, когда он оправдан. Можно ли считать жизнь и поведение Тимофеева-Ресовского рискованными? Если да, то в таком случае его риск был оправданным. Между прочим, и тем, что Советский Союз вовремя получил атомную бомбу. Насколько было ускорено ее создание? На месяц, на полгода или на несколько минут — это сказать невозможно. Но, видимо, все же ускорило, иначе не получил бы Риль звания Героя Соцтруда и две Государственные премии...".

Физик Николай Васильевич Риль (Николаус Риль), немец, выходец из России, близкий друг Тимофеева-Ресовского, был в годы войны одним из руководителей немецкого "уранового проекта". Дружба этих двух людей была гораздо старше самого проекта, однако впоследствии знакомство Николая Владимировича с Рилем, а также с Ромпе, Ганом, другими физиками-ядерщиками, работавшими в Берлин Далеме, послужило поводом для обвинений Тимофеева-Ресовского в том, что он якобы был подключен к атомной проблеме.

"Как биогенетик Николай Владимирович совершенно не был причастен к этой работе. Хотя был, безусловно, и в курсе того, что такие исследования ведутся и на какой стадии находится реализация проекта. И ведь что любопытно: какого-то огромного секрета из этих работ не делалось. Я имею в виду дружеские встречи в доме Тимофеева-Ресовского. Немецкие физики, бывавшие у него, довольно

открыто обсуждали перспективу атомной бомбы, не очень-то веря в реальность дела, которым занимались, т.е. именно в реальность бомбы. Ясно было всем как Божий день, что от теории до ее реализации дистанция огромного размера. Начать с того, что у Германии не было промышленного ускорителя. Был один слабенький, опытный, который перед самой войной заработал и на котором только и удалось, что подтвердить теорию, т.е. возможность цепной реакции. Но для того, чтобы всерьез, практически заниматься ядерным оружием, физики должны были пойти к Гитлеру и сказать: "Без этого оружия мы войну не выиграем". И при этом добавить, что атомное оружие требует громадных средств. А ведь вся гитлеровская пропаганда строилась на том, что Великая Германия вот-вот победит! В этих условиях идти и требовать огромные средства на не совсем достоверную вещь значило быть обвиненным в неверии фюреру. Поэтому работы велись без особой веры в конечный успех и объяснялись примерно таким образом: раз американцы этим делом тоже занимаются (а что занимаются — ясно: коль уничтожили завод тяжелой воды в Норвегии — значит, интересуются атомной проблемой), то и нам нельзя отставать, и мы должны теоретически эту тему разрабатывать. Такова примерно была их логика.

При этом должен заметить, что Николай Владимирович прекрасно знал, что в СССР есть выдающиеся физики, которые вполне могут справиться с этой самой проблемой. И что ускоритель у нас есть — тоже знал. Проблема атомная действительно колоссальной сложности, а помощь таких людей, как Риль или Отто Ган, была бы нелишней. Я вот говорил о риске. Был ли риск в решении Тимофеева-Ресовского вернуться после войны в Советский Союз? Безусловно. Этот вопрос мы обсуждали очень часто и подолгу. Помню фразу Николая Владимировича после одного такого разговора: "Ну, может, ты и прав, Борисыч. Но ежели ты ошибаешься, то имей в виду, что висеть мы будем с тобой рядом".

— Прав в чем, Игорь Борисович?

— В том, что следует ориентироваться на Советский Союз.

— А каковы были Ваши аргументы?

— Никаких, голое желание вернуться на родину. Аргумент такой, что мы русские и драпать в Америку или еще там куда не следует. Ну, еще тот аргумент, что матушке-России бомба может пригодиться. Риск был. Меня и Риль спрашивал, как его примут в Советском Союзе. "Вас, — говорю ему, — примут наилучшим образом". Когда накануне прихода Красной Армии в Бух там появился Николаус Риль, то в руках у него был здоровенный портфель. Были ли там документы — этого я точно не знаю. Но у хорошего ученого все в голове, все можно повторить...".

Николай Васильевич Риль стал Героем Социалистического Труда. Значит, повторил ...

"Игорь Борисович! Расскажите, чем конкретно занимался Тимофеев-Ресовский?"

— Ну, прежде я хочу сказать, что уже при первой же нашей встрече Николай Владимирович рассказал мне о своих отношениях с атомной проблемой, почему, собственно говоря, он держится в лабораториях и является заведующим. Военное ведомство секретило все, что так или иначе было связано с радиоактивностью. И вот под видом военной тематики он здесь и осуществляет свою исследовательскую деятельность. Ту, которую он ведет с самого своего приезда в Германию: изучение ионизирующего, мутагенного действия рентгеновских лучей. Эту тему он начал разрабатывать еще в Советском Союзе по предложению Кольцова. У нас этот эффект был обнаружен Надсоном и Филипповым. А в Германии его открыл в опытах на дрозофилах Меллер. Вот, собственно, направление исследовательской деятельности Тимофеева-Ресовского — действие ионизирующих излучений. И никоим образом это не может быть связано ни с атомной бомбой, ни с защитой от нее. У нас ведь как: услышат слово "нейтрон", ах, это связано с атомной бомбой! У всех глаза от страха, понимаете ли, на лоб лезут! А этими самыми нейтронами Тимофеев-Ресовский начал заниматься задолго до войны, и о его

опытах делал доклады Н.П.Дубинин как о классических опытах, подтверждающих всю теорию действия ионизирующих излучений на хромосомный аппарат наследственности.

Почему у Тимофеева-Ресовского было много друзей физиков? А все благодаря общему интересу к биофизическим проблемам. Ведь современная молекулярная биология, молекулярная генетика немыслимы без тончайших опытов с применением радиоактивных изотопов. Риль, например, очень интересовался биологией. Вот и получился такой великолепный синтез генетика и биолога Тимофеева-Ресовского с физиками Рилем, Ромпе...

Сфера интересов Тимофеева-Ресовского — радиобиология в широком смысле. А душой радиобиологии является радиационная генетика. Ею он и занимался. "Урановый проект" здесь был просто, как говорится, притянут за волосы. Вроде того, что занимались ненужным делом — облучением крыс. Почему ненужным? Да потому, что крыс-то есть нельзя. А кого можно? Можно кроликов. Придумали тематику по их облучению, а потом их благополучно поедали ввиду абсолютной безвредности. Отчитывались, как за использованный на опыты материал. То есть самое обыкновенное очковтирательство. Ну, а поскольку крыс все-таки есть нельзя, то некоторые опыты, иногда для отмашки, все же делались. Кто занимался с крысами? Полуеврей Кач. Почему ему надо было этим заниматься? А потому, что Кача надо было спасти. Кстати, работа у Тимофеева-Ресовского помогла спастись многим таким несчастным, как Вельт, Гельшоу, Хегнер, Фельт...

Кач, значит, облучал, а моя жена резала бедным крысам хвосты, чтобы из спинного мозга взять мазок. Таким вот образом и Сашка была подключена к "урановой проблеме".

— Какова была репутация Тимофеева-Ресовского как ученого?

— Очень высокая, и не только среди немецких ученых, но и вообще в западном мире. Везде пользовался громадной популярностью и симпатией. Порядочность, честность — эти его качества не подвергались ни малейшему сомнению. Его по праву считали основателем современной биофизики и молекулярной биологии. Николай Владимирович отличался необыкновенной образованностью и широтой интересов. Эта чисто русская особенность настолько ярко была выражена в Тимофееве-Ресовском, что людей буквально притягивало к нему как магнитом. Его авторитет в научных кругах был очень большой. И этим, кстати, объясняется то, что гитлеровский режим не рискнул предпринять какие-то санкции в отношении Тимофеева-Ресовского после начала войны. Все-таки, несмотря на фашизм, отношение немцев к науке было уважительным.

— Не отразилась на его положении и история с арестом сына...

— Что значит не отразилась! Я бы так сказал: при всем этом немецком уважении к науке положение у Николая Владимировича не очень было устойчивое. Он, конечно, висел на ниточке. Через какое-то время после начала моей работы у него (Фома был арестован за несколько месяцев до моего приезда) я получил вызов в соответствующее учреждение. И какой-то там фюрер вел со мной долгий разговор о Тимофееве-Ресовском в связи с Фомой. Мои ответы сводились, примерно, к следующему: "Ах, это такое несчастье, молодой еще человек натворил, сам не ведая чего. Как жаль, что я приехал так поздно, я бы не допустил таких действий в отношении Великой Германии". И так далее, и тому подобное — все, мол, произошло по недомыслию. "Что же касается самого Тимофеева-Ресовского, — врал я этому фюреру, — так он же чуть ли не царских кровей, дворянин и вообще белогвардейский офицер. Так что подозревать его в какой-то симпатии к коммунизму никак невозможно!" Вот в таком плане был разговор. Ясно, что они интересовались Тимофеевым-Ресовским, наблюдали за ним. Поводов было и без того предостаточно. Я уже говорил о том, кто у него работал: военнопленный француз Шарль Пейру, полно русских, немцы с еврейской кровью, ну и так далее.

Что же касается Фомы, то я бы действительно вмешался в это дело и был бы против всех этих листовок, потому что в той жизни и при тех условиях это было

малоэффективное занятие, т.е. огромная степень риска при минимальной пользе. Николай Владимирович тяжело переживал случившееся, пытался хлопотать за сына, ему даже устроили с этой целью встречу с Кальтенбруннером. Можно ли ставить ему это в вину, когда сыну грозит смерть? Конечно, нет. Вот говорят: яблочко от яблони недалеко падает. Поступок Фомы говорит о его мировоззрении, о воспитании, полученном дома. А я бы переиначил эту поговорку еще и таким образом, что и яблоня от яблочка недалеко растет.

— В связи с этим я хотел бы Вас спросить, Игорь Борисович, о политических убеждениях Тимофеева-Ресовского. Можно ли считать его человеком аполитичным?

— Аполитичным? Знаете, политикой он не занимался, не хотел влезать в эти дела. Но вот такая вещь: все-таки в гражданскую войну он служил в Красной Армии. И в узловые, решающие моменты он умел принимать правильные решения. Да, он находился в фашистской Германии, но все-таки вернулся на родину. И вернулся не один, а со всем штатом своих работников и, кроме того, с этими самыми атомными технологиями. Были ли колебания, сомнения? Да, я об этом уже говорил. Но ведь после всех этих колебаний и сомнений он оказался не где-то, а в Советском Союзе. Объяснять это политическими убеждениями было бы, очевидно, неверно. Это, скорее, гражданская позиция человека, патриота своей родины. А рисковал он действительно очень многим. Как-то Елена Александровна (супруга Николая Владимировича) спросила меня: "Вы считаете, что ежели бы не Вы, то мы бы не вернулись в Советский Союз?" Не хочу преувеличивать свою роль в этой истории. Я ей ответил так: "Вы бы без меня не вернулись, а я бы без вас не вернулся. А вот вместе мы вернулись". Но, повторяю, возвращаться надо было с чем-то, не с пустыми руками. Так это все и задумывалось.

— Расскажите, пожалуйста, как был встречен вами приход Красной Армии?

— Наступил момент, когда немецкие войска уже оставили Бух, а наши еще не вошли. Тут у меня возникла идея вооружиться, поскольку в одном сарайчике я обнаружил целый склад оружия, приготовленного немцами для их, так сказать, народного ополчения. Предложил Тимофееву-Ресовскому: давайте вооружимся на всякий случай. Он против. Тут чуть не разругались мы с ним. А ругаться с ним довольно трудно, потому что он начинает сразу орать и прочее. В общем решили, что вооружаться не следует. У нас вообще не любят никакой организации. А, кроме того, наши солдаты могут просто перестрелять всех, увидев людей с оружием.

Встреча с советскими войсками произошла, по-моему, 23 апреля. Я и многие другие сотрудники института были в доме Тимофеева-Ресовского. Утром раздалась стрельба. Выглянул в окно, смотрю: цепь наших солдат движется. Я — к ним с самодельным белым флагом. Все в общем довольно мирно произошло. Были, конечно, вопросы: кто да что. Но я очень так туманно что-то про спецзадание отвечаю.

Одной из первых наших акций была отправка телеграммы Сталину. Как только вошли наши части, я разыскал старшего офицера (сейчас не помню, полковник или подполковник) и сообщил ему, что необходимо отправить телеграмму в адрес Сталина. Содержание такое, что нами для работы в Советском Союзе оставлены там-то и там-то такой вот институт со штатом работников и оборудованием, имеющих очень большое значение. Точно такую же телеграмму мы отправили еще и на следующий, кажется, день.

— От чьего имени были телеграммы?

— Их подписывали Тимофеев-Ресовский и я.

— А как Вы попали в особый отдел?

— Видите, все документы свои я спрятал, и до поры до времени все обходилось, не до нас было — все-таки обстановка еще боевая. Но ждатель, когда обратят внимание, — тоже опасно. Был уже случай, когда какой-то выпивший офицер размахивал перед Николаем Владимировичем пистолетом: контра, мол, белый офицер и прочее. Тогда я уговорил какого-то майора, дал он нам солдата и втроем

— я, Николай Владимирович и Ромпе — мы отправились разыскивать СМЕРШ. Нашли. Ромпе и Тимофеева-Ресовского после разговора отпустили, а меня задержали. И началось следствие. Николая Владимировича я встретил только через 20 лет, в Обнинске...”

Эпопея И.Б.Паншина, вероятно, привела в немалое удивление следователей военной контрразведки. По предварительной договоренности жена извлекла из тайника и передала следствию документы Игоря Борисовича. Был в числе их и советский паспорт. Ополченцам 41-го года, поскольку они не являлись бойцами кадровой армии, оставляли гражданские документы, и Паншин свой паспорт умудрился сохранить. Подследственный честно изложил всю историю своего пленения, однако рассуждения о высшем смысле и целесообразности такого его поведения, равносильного выполнению спецзадания государственной важности, отклика не нашли. Как не помогли и призывы к элементарной логике: если вполне очевидный (по мнению следствия) военный преступник не спасается бегством, а, наоборот, разыскивает соответствующие органы, то это ведь что-то да значит!?

Впрочем, следствие шло достаточно спокойно, объективно, насколько это было возможно. Паншину выражали понимание, сочувствие, успокаивали, что трибунал непременно учтет все обстоятельства дела. Однако на суде все было сфокусировано на факте измены с оружием в руках. Подсудимый не отрицал наличия состава преступления, а вникать в психологические его мотивы, разбираться в деталях последующих поступков Паншина трибунал не стал. Приговор — 10 лет за измену родине. А то, что родина получила выдающегося ученого с мировым именем, талантливых немецких физиков-ядерщиков — это членам трибунала было слишком сложно для понимания. Да и генетика в стране была в загоне...

Из Германии “военного преступника” Паншина повезли в Союз. В пересылочной тюрьме, в Орше, набирался этап в Норильск. Одни говорили, что там очень страшно; другие — наоборот: что там хорошо, зеки ходят чуть ли не без конвоя и вообще очень много всякого интеллигентного, образованного люда. Игорь Борисович решил, что для него это подходящее место.

Транспорт с зеками прибыл в Дудинку в сентябре. На Таймыре в это время уже вовсю зима...

Почему Вы выбрали Норильск, Игорь Борисович?

— Мне понравилось романтическое место у черта на куличках. И потом я не знал, как дальше сложится моя жизнь. Я считал, что мне нужно куда-нибудь подальше...”

Уже 45 лет живет в Норильске И.Б.Паншин. Совершенно очарован этим краем...

Перипетии его нахождения в лагере — это особый и долгий рассказ. 8 лет и три месяца с учетом всевозможных зачетов, что называется — от звонка до звонка.

Первые сведения о Тимофееве-Ресовском он узнал из письма жены. Она еще примерно год оставалась в Германии. Потом переехала в Москву, установила связь с матерью и сестрой Паншина. Через них он и был более-менее в курсе происходящего. О многом о чем Игорь Борисович догадывался и сам...

”Как-то в газетах я прочитал фамилию Рилья. Так я узнал, что Николай Васильевич Риль находится у нас, и сразу мог понять, в связи с чем. Потом была чисто случайная встреча с одним физиком, Ткачевым. Он мне рассказал, что работал на Урале, как раз с Рилем. И что Тимофеев-Ресовский там, и Кач, и Циммер, и жена Циммера, короче — весь коллектив сотрудников Николая Владимировича, за небольшим исключением, работал вместе с ним на Урале. Значит, понимал я, Риль был занят непосредственно созданием бомбы, а Николай Владимирович по прежней своей тематике работал — радиационной генетике. В одном из писем жена меня спрашивала, почему я не захотел работать с Тимофеевым-Ресовским. Действительно, был запрос на меня от Завенягина. Я отказался. Почему? Во-первых, я не знал точно, что это исходит от Тимофеева-Ресовского. Но даже если бы и был уверен в этом, то имелась и вторая причина для отказа.

Не хотелось мне появляться там в виде зека. В Берлине для немцев я был полузагадочной фигурой: разведчик — не разведчик, но что-то такое мои немецкие коллеги про себя предполагали. Так что здесь сыграло свою роль самолюбие. А наша встреча с Николаем Владимировичем произошла только в 1965 году. Время, так сказать, радикального поворота в генетических делах, когда вместе с Хрущевым отодвинули наконец-то в сторону и Лысенко. Примерно за год до нашей встречи Тимофеев-Ресовский переехал с Урала в Обнинск. Здесь по инициативе И.В.Курчатова был создан Институт медицинской радиологии. Событию, в значительной степени он был создан именно для Николая Владимировича. Попутно замечу здесь, что, не случись преждевременной смерти Курчатова, не только дела Тимофеева-Ресовского пошли бы успешнее, но и я бы, скорее всего, вернулся в генетику.

В общем в 1965 г. я приехал в Обнинск, а оттуда вместе с Николаем Владимировичем и Еленой Александровной мы отправились на Можайское море. Там была организована конференция по генетике и биофизике. Да, а еще раньше я ему направил свою теоретическую работу по генетике бактериофага. Почему я этим решил заняться? А от нечего делать: сломал ногу на слаломе, а тут кое-какие материалы получались, вот и решил заняться теоретизированием. После конференции на Можайском море мы вернулись в Обнинск, там я и сделал доклад по своей работе. Николай Владимирович требовал, чтобы я переходил в Институт медицинской радиологии. Уже была и договоренность на этот счет с директором института. Но я все не решался. Ведь сразу возникал вопрос о моем статусе. Степени ученой у меня не было, хотя материалов на диссертацию было предостаточно. Обойтись без защиты, добиваться присвоения, так сказать, по сумме работ? Но в аттестационной комиссии еще хватало лысенковцев. Не решился в общем.

Прожил я тогда в Обнинске у Николая Владимировича недели две. Тогда же я поставил перед ним вопрос о том, что нужно написать письмо в ЦК. Не только насчет реабилитации, но и чтобы расставить все точки над "и" в вопросе его заслуг и в генетике, и в атомной проблеме, к которой он, конечно же, причастен, не непосредственно, разумеется, а через своего друга Риля. А он мне так отвечал: "Знаешь, Борисыч, ты пиши, а я, дескать, полностью реабилитирован, мне это не нужно". В этих вещах он был очень наивным человеком. Никакой реабилитации он не получал, а было у него снятие судимости. Была у него статья та же, что и у меня, — измена родине. А судимость с нас сняли по указу; всем снимали, кто был осужден на срок до 10 лет. Так он реабилитации и не получил...

Потом, после 1965 г., мы с ним много раз встречались. И всякий раз, когда я к нему приезжал, Николай Владимирович ругал меня: когда же наконец ты бросишь этот свой Норильск, этих своих гусей, хариусов, лыжи свои чертовы и вернешься в науку? И как нехорошо, что у нас с тобой до сих пор нет ни одной коллективной работы!

Так это дело и тянулось...

— Игорь Борисович, Вы не жалеете об упущенном?

— Что не вернулся тогда, в 65-м, в науку? Иногда немножко и жалею. Тогда для меня это было вопросом самолюбия. Если бы мы написали тогда с Николаем Владимировичем в ЦК и если бы получили тот ответ, который был мне нужен, я бы, конечно, вернулся в генетику. Но быть в науке на положении отсидевшего преступника я не мог.

— Значит, Вы считаете, что незаслуженно получили Норильский лагерь? (Это был мой последний вопрос в нашем многочасовом разговоре. Было видно, как непросто дался моему собеседнику этот подробный рассказ о своей жизни. Явно чувствовалась усталость. Но этот последний вопрос всколыхнул Паншина, и он заговорил опять о том поворотном в его судьбе, роковом (?) дне 10 октября 1941 года).

— Заслуженно ли? Вопрос сложный, потому что формально я вполне очевидный военный преступник. Мало того, что я добровольно сдался в плен, я же еще и принял вражеское подданство, был причастен к "урановому проекту". Букет полный!

А если по существу... Да, много было случайного, стихийного в событиях моей военной жизни. Однако определенная линия поведения у меня была, и я считаю, что, следуя ей, я сделал максимум того, что мог сделать во время Великой Отечественной войны. Если бы я бросился тогда со штыком наперевес, то равным счетом ничего бы не достиг. То есть счет был бы один к одному. Я, конечно, не рассчитывал тогда, что вот проберусь в Берлин, проникну в "урановый проект" и все такое прочее. Все это было в определенной степени случайно. Но я был внутренне готов к подобным случайностям. Не случись Берлина, было бы что-то другое, были у меня и другие возможности сосчитаться с врагом. Я о них говорил на следствии, рассказывал о том, что предпринимал, что делал, чтобы сосчитаться. А мне говорит следователь: "Знаешь, лучше не трепись, доказать ты этого не можешь, придумал ты это или нет — неизвестно. Почему, говорит, не сбежал из плена?"

В самом деле, почему? Расскажу Вам об одной ситуации.

Было это под Смоленском, в каком-то старом имении. Расположился там штаб генерала Кульмана. Какой-то писарь из штаба приносит как-то мне наш автомат. Есть, говорит, среди ваших военнопленных оружейный мастер. Пусть посмотрит, что-то барахлит. Ладно. Беру, иду. Действительно, есть такой мастер, молдаванин, помню. Починил. Дал я ему бутылку, возвращаюсь. В это время появляется генерал Кульман. И захотелось ему со мной прогуляться, побеседовать — это случалось уже раньше. И мы отправляемся с ним гулять. На плече у меня ППШ с полным диском патронов, свежо отремонтированный. Его это никак не смущает, что я с оружием; напротив — вроде как охрана. Отошли так километра полтора. Вот она, возможность побега: очередь в спину, документы генераловы забирают — и в лес. К тому же вооружен.

Довольно неприятная акция, но она возможна. Я даже в какой-то момент навел на генерала автомат, а потом передумал. Ну, ухлопал бы я этого генерала. А дошел бы до своих — еще неизвестно. Результат какой? Немцы бы расстреляли полсотни, а то и сотню военнопленных, а я, если бы и перешел через линию фронта, ничего бы не доказал. Посчитали бы немецким шпионом и ...

Я считаю, что сделал в войне максимум того, что мог".

Л.В.Чеснова, Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ*
(Интервью с А.А.Нейфахом)

Доктор биологических наук, профессор Александр Александрович Нейфах, возглавляющий лабораторию биохимической эмбриологии в Институте биологии развития АН СССР им. Н.К.Кольцова, — один из выдающихся представителей этой отрасли знания в нашей стране. А.А.Нейфах — автор около 150 научных публикаций и пяти монографий. Среди них выделяются такие фундаментальные работы, как "Молекулярная биология процессов развития" (1977), "Проблемы регуляции в молекулярной биологии" (1978), написанные в соавторстве с М.Я.Тимофеевой, "Гены и развитие организма" (1984), в подготовке которой приняла участие Е.Р.Лазовская. Ряд работ А.А.Нейфаха издан в США.

Путь Нейфаха в большую науку складывался непросто. В нем в довольно типичной форме отразились противоречия и уродливые стороны нашей жизни в послевоенные годы. В период, когда лысенковцы торжествовали победу, Александр Александрович был еще совсем молодым человеком, только что окончившим биофак Московского университета. Несмотря на хорошую научную подготовку и подлинное призвание к исследовательской работе в области эмбриологии, его в течение многих лет не принимали в аспирантуру и в штат института. И ему самому приходилось вести борьбу за элементарную справедливость.

За 20 лет после 1948 г. общественно-политические взгляды Нейфаха эволюционировали от восторженного поклонения Сталину до понимания прав человека как первоосновы демократического государства, характерного для московских диссидентов. В 1968 г. в связи с чехословацкими событиями Нейфах подписал письма в высшие инстанции с протестом против незаконного ввода войск в суверенную страну и ареста группы лиц, демонстрировавших осуждение этой акции на Красной площади, за что был исключен из партии. Только благодаря поддержке акад. Б.Л.Астаурова он остался тогда на посту заведующего лабораторией. Однако его все-таки освободили от этой должности в 1974 г., когда выяснилось, что один из сотрудников его лаборатории остался на Западе. В связи с реорганизацией института лаборатория биохимической эмбриологии была вообще расформирована, а восстановлена вместе с ее бывшим заведующим только в 1989 г.

Как отмечает сам Нейфах в своем интервью, в центральных событиях, развертывавшихся в отечественной биологии, он по молодости лет не участвовал, но был где-то около них и хорошо их помнит. Отлично сохранил он в своей памяти общую обстановку тех лет и все то, что говорилось тогда в научных коллективах московских биологических институтов. Достаточно красноречивы и некоторые обстоятельства его личной биографии.

* Автор введения — В.И.Назаров.

В интервью с Нейфахом, которое мы предлагаем вниманию читателя, есть помимо всего прочего еще одно ценное, на наш взгляд, качество — полнейшая объективность. Воссоздавая облик того или иного сподвижника Лысенко или просто должностного лица, которому по работе приходилось с ним общаться и сотрудничать, Нейфах не пользуется одной черной краской, как это у нас принято в отношении людей развенчанных, а находит для их характеристики многообразные и даже притягательные тона. Интервью записано 20 января 1990 г.

”Я родился в 1926 году в Москве. Сейчас мне, стало быть, 63 года. До начала войны (Великой Отечественной. — *Ред.*) у меня была вполне обеспеченная жизнь. Родители мои были врачи, но никто не репрессирован, и никто из их ближайших родственников не пострадал. Сам я в общем все предвидел. Глубокий патриотизм у меня всегда был. В 1946 году, когда были первые выборы, а я только что вернулся с фронта, я специально брал открепительные талоны, ехал в Сталинский избирательный округ, чтобы голосовать за Сталина. Мне тогда было 20 лет. Более того, когда Сталин умирал, я уже многое понимал, но отец, который знал больше меня, говорил, что вот мы не можем сейчас оценить масштаба тех явлений; что, если бы мы жили во время Французской революции, мы бы тоже говорили: ”Какой ужасный Дантон, какой ужасный Робеспьер”, — а вот сейчас мы видим, что Французская революция — это все-таки Французская революция. Но я отца сейчас оправдываю. Он умер перед самым XX съездом. Он знал ситуацию, но не представлял масштабов. Вот этим я и объясняю себе линию его поведения. Когда я собирался вступать в партию, я с ним советовался, но он колебался. Я подал заявление...

В начале войны мне было 15 лет. Отец поехал в армию, а наша семья жила в эвакуации в Омске. Там я впервые встретился с Трофимом Денисовичем Лысенко вплотную, вот так, как сейчас с Вами. До этого я увлекался биологией, был однажды на его лекции о картофеле. Я, конечно, не понимал тогда всех подспудных течений. Я знал, что это большой ученый; мне нравилась его выразительная речь, которая захватывала слушателей. Может быть то, что он говорил, было и неверно, но он умел убеждать. Я до сих пор думаю, что он шел на сознательный обман ради большой идеи; например, что никакие не гены, а весь организм передает наследственность, все меняется и прочее, а ради того, чтобы эту идею донести, чтобы она победила, он готов был идти на подтасовку фактов, на жульничество, на доносы, на то, чтобы убрать Вавилова. Но в отличие от И.И.Презента он просто шарлатаном не был. А вот Презент был совершенный подонок, аморальный человек, готовый вилять направо и налево, и в общем, он, конечно, был не очень грамотным в биологии, но был достаточно умным, чтобы особых глупостей не говорить, знал кое-какую литературу. Или взять такого человека, как Н.П.Нуждин. Он был членкором и замом Лысенко по Институту генетики. Лысенко сломался, и даже Г.К.Хрущову ставили в укор, что тот пытался продвинуть Нуждина в Академию наук. Академия решительно отказалась его выбрать: ведь это было либеральное время. И это был первый провал Лысенко.

Нуждин был образованным генетиком. Он просто сознательно говорил — что черное белое, а белое — черное. А когда я с ним беседовал, он доверительно говорил, что ”так устроен мир, а как жить? Конечно, мы с Вами понимаем, но выбираем... А где сказано, что надо жить честно? Это вовсе необязательно”.

В Омске в годы войны находился Сельскохозяйственный институт, а при нем какие-то плантации. И вот Лысенко довольно часто туда наезжал. Там наряду с местными работала группа ученых, эвакуированных из Москвы. Они занимались разными посадками в целях изыскания наиболее экономичных способов разведения применительно к условиям военного времени. Сажали картофельные верхушки — так называемые глазки. Интересовал Лысенко почему-то мак. Возделывались и какие-то другие культуры.

Я попал туда летом после окончания 9-го класса вместе с двумя одноклассниками. Нам нужно было ехать куда-то в колхоз, но нам этого не хотелось. Мы

узнали, что в этот Сельскохозяйственный институт можно устроиться на летний период сторожами — охранять эти посадки, что будет эквивалентно работе в колхозе. Вот мы, три эдаких интеллектуала, и устроились в этот институт и начали там работать, хотя и были далеки от сельского хозяйства.

Вот на посадках и стал периодически появляться Лысенко. Он на нас не обращал внимания. Как-то раз он, кажется, на нас ругался за то, что мы не обрабегли посадки и у него якобы украли мак или что-то другое.

Помнится был там такой случай. Ученые, работавшие на посадках, имели бронь от военного призыва. Любая неприятность по службе оборачивалась для них угрозой призыва в армию. Они уже были немолодые и боялись этого как огня. Так вот, на моих глазах эти ученые собрали мак и положили его в мешки. А головки мака, сложенные вместе, обладают свойством разогреваться, в результате же перегрева семена утрачивают всхожесть. Значит, эксперименты могли бы погибнуть. Вот такая история как раз там и произошла, и я видел, как Лысенко с болтающейся на груди "Золотой Звездой" бегал по полю, топал ногами, его слюна текла по пиджаку, а двое ответственных за это ученых, на которых он кричал... С ними, я даже не могу сказать, что с ними там было от страха и ужаса перед тем, что их может ждать. Отругал Лысенко и меня за плохую работу. Это была моя первая встреча с Лысенко.

В 1948 году я после полуторагодичной службы в армии и двухгодичной учебы в университете (благодаря пребыванию на вечернем отделении я имел возможность пройти курс быстрее) закончил полный университетский курс. Конечно, я уже тогда во многом разобрался и понимал, что в отличие от настоящей генетики, которую до августовской сессии ВАСХНИЛ еще преподавали, учение Лысенко — чужь и глупость.

Курс генетики на биофаке МГУ читал тогда С.И.Алиханян. Шли разговоры о Лысенко, но казалось, что это споры какие-то академические, что ли, вроде серии статей в "Литературной газете", в которых, в частности, участвовал И.И.Шмальгаузен. Оказалось, что Шмальгаузен занял в спорах довольно нечеткую мягкую позицию. До выступлений Лысенко он был против конфронтации с Дубининым, считавшим, что все зависит исключительно от генов. Шмальгаузен, как и многие морфологи, придерживался взгляда, что не все определяется генами. Такая нечеткая позиция Шмальгаузена выражала не столько борьбу за научную идею, сколько отношение к спору, кто важнее — Дубинин или его противники. Поэтому, например, когда в дискуссию о виде, видообразовании и естественном отборе вмешался философ М.Б.Митин, он Дубинина ругал больше, а Шмальгаузена меньше; например, говорил, что Шмальгаузен прав, но не совсем, а Лысенко вот прав совсем. Молодой Ю.А.Жданов занимал антилысенковскую позицию, и в этом некоторые видели некий шанс. Но все упиралось в незнание позиции Сталина.

Потом прошла сессия ВАСХНИЛ 1948 года. Она очень секретно готовилась и для большинства явилась неожиданностью. Интересно, что перед сессией было распоряжение правительства зачислить в академики что-то порядка 40 человек, что было нарушением всяких правил, и никто этого распоряжения не оспаривал. Эти 40 человек все были сторонниками Лысенко, и их приход сразу изменил соотношение сил в Академии: при этом терялся смысл дискуссии. На сессии были слабые попытки выступить против доктрины Лысенко, но они потонули в мощном хоре его сторонников. На стороне Лысенко выступала центральная пресса, вышла его книжка "Агробиология". Но тут важно правильно оценивать поведение противников Лысенко. Так чувствовал себя увереннее И.А.Рапопорт благодаря тому, что потерял на войне глаз, имел ордена, а участие в войне ценилось. Он был смелым, даже отчаянным человеком. Он не шел на компромисс. Тут он решил играть ва-банк. Остальные генетики, в частности С.И.Алиханян, занимали менее жесткую позицию. Шмальгаузен опять-таки выступал противоречиво: он говорил, что никогда не был генетиком. Но он не сказал ни одного подлого слова, не дал повода для вывода, что, дескать, Лысенко прав. Он просто не хотел влезать в политику.

Незадолго до сессии был арестован генетик Д.Д.Ромашов. Его поместили в Казанскую психиатрическую больницу, где содержались политические инакомыслящие. Многие рассматривали этот факт как продолжение репрессий, которые, собственно, и не прекращались. В 1949 году прошла большая волна повторных заключений. Она коснулась лиц, уже отбывших срок; скажем, 10-летний для тех, кто был осужден в 1937 году. Они пытались вернуться в Москву, но их в столицу не пустили, и они осели в Подмосковье. В 1949 году их всех снова арестовали и отослали, и вот тут многие этого не перенесли и умерли. Повторные репрессии коснулись десятков тысяч людей, из которых после второго заключения осталось в живых не более тысячи.

Печального примера этих людей генетики, не согласные с Лысенко, не могли не учитывать. Не всякий мог свыкнуться с перспективой очутиться в тюрьме. Речь шла не только о работе в институте, но и о судьбе семьи. Все понимали, что от того, будет ли признано существование генов или это отвергнут, мировая наука никуда не денется и гены не перестанут существовать. Для многих было ясно, что верх возьмут лысенковцы и что их победа санкционирована сверху.

На сессии ВАСХНИЛ 1948 года Лысенко объявил, что его доклад одобрен Политбюро. Он не назвал прямо имя Сталина, но все, конечно, понимали, что это одно и то же. И тогда генетики попросили слова. Каялись и С.И.Алиханян, и А.Р.Жебрак, и П.М.Жуковский, обещая, что теперь будут честными. Я их за это не осуждаю, хотя досадно, конечно, за них. Если бы был не один Рапопорт, а хотя бы человек пять таких же, как он, может, ситуация на сессии сложилась бы по-другому.

Стенограмма выступлений была неполной. Был диалог между Рапопортом и Презентом. Последний, говорят, сказал что-то вроде: "Молчите, блудливый шакал!". В это время я как раз кончал университет и стоял вопрос о моей аспирантуре. Мой шеф Василий Васильевич Попов, по образованию эмбриолог, был далек от генетики, хотя понимал все происходившее, но предпочитал не вмешиваться, считая, что это не его дело. У него была лаборатория в Академии наук, и одновременно он работал в Московском университете. Он предложил мне сделать выбор. Я предпочитал быть аспирантом университета, поскольку вырос в его стенах. Как раз в этот момент деканом биофака назначили Презента. До него деканом был С.А.Юдинцев — замечательный человек. Его сняли и поставили Презента. Причем Презент был назначен одновременно деканом биофаков Московского и Ленинградского университетов и ездил на "Стреле" взад и вперед. Это сильно расширяло сферу его деятельности. К тому же ему особенно нравились первокурсницы, как ленинградские, так и московские. Пока одна из ленинградских студенток из-за него не попыталась выброститься из окошка, у него не было никаких неприятностей. А тут его вынуждены были убрать из Ленинградского университета.

Однажды Презент собирал будущих аспирантов. Был объявлен так называемый мичуринский набор: брали порядка сорока-пятидесяти аспирантов (тогда не было таких ограничений, какие существуют сейчас). Надо сказать, никакого антисемитизма со стороны Исаия Израилевича не было. Кастати, не было ни малейшего намека на антисемитизм и со стороны Лысенко. Он на этом даже никогда не играл.

Нас было всего два кандидата в аспирантуру. Вот мы пришли к нему (я и еще одна девушка), он спросил, на какую кафедру мы хотим идти. Мы сказали, что на эмбриологию. "А что вы там хотите делать?" — "А вот изучать индукцию Шпемана". Ведь мы тогда росли на этом. Он заявил, что "это нас не интересует. Вот вы знаете о работах Хеманда?" Я сказал, что не знаю. "Вот это наука, это эмбриология! Вот это механика развития, которая нужна народному хозяйству!". В общем от нас требовалось какое-то слово лояльности, признание нашего согласия, что будем этим заниматься. Больше ничего не требовалось. У меня за спиной была Академия наук, и я сказал, что не знаю. "Ну, так", — говорит. Я спрашиваю: "Ну что, разговор окончен?". Он говорит: "Окончен, до свидания".

Но он меня запомнил. Я довольно легко поступил в аспирантуру в Академию и потом не раз благодарил судьбу. Здесь была школа.

Кольцовский институт находился тогда на улице Обуха, в доме, где помещается Индийское посольство. Директором института был тогда Г.К.Хрущов, отец нашего нынешнего директора — Н.Г.Хрущова. Меня взяли туда без особых хлопот даже с тройкой по марксизму.

Личность Хрущова была достаточно своеобразной. Его многие справедливо осуждают за то, что, когда надо было выступать, он говорил то, что требовалось; например, что мичуринское учение — это единственно, что сейчас отражает биологическую науку... Он устроил меня к О.Б.Лепешинской. Случалось, когда в разговоре наедине я говорил ему, что, например, Вейсман был прав, он возражал, советовал об этом не говорить, добавлял, что это лишнее. При этом он никак себя не скомпрометировал.

Когда я окончил аспирантуру, в институте меня, единственного из всех аспирантов, не оставили. Попов не очень старался, а тогда нужно было усиленно хлопотать. За это я не был на него в претензии, так как вел себя независимо. Другие, выполняя работу, ставят рядом со своей фамилией шефа. Я этого не делал. Каждый из нас был сам по себе. Мы никогда не ссорились всерьез, но и любви большой между нами не было.

Моим кумиром был тогда Г.В.Лопашев. В это время в науке работали М.Л. Бельговский, Б.Л.Астауров, который в то время был простым сотрудником без больших перспектив. Никто не мог подумать, что со временем он займет место зав.лабораторией. Лысенковцы его не трогали. Все решал Хрущов. Н.П.Дубинина уволила без разговоров; тут Хрущов ничего не мог сделать, а всех остальных он выдал за эмбриологов. С Лопашевым в этом случае трудностей не возникало. А вот другие видные эмбриологи института, такие как Г.А.Шмидт или Л.П.Полежаев, кинулись кричать: "Ура, ура, Лысенко!".

Полежаев поддерживал Лепешинскую. У него есть такая жизненная установка, что надо приспособливаться, делая свое дело. Вместе с тем он себя при этом не забывал. Шмидт при всей своей огромной эрудиции тоже был готов на многое пойти. Он набрал к себе в лабораторию малокомпетентных людей. Они вовсе не были мичуринцами, хотя и были выходцами из Сельхозакадемии. Они даже говорить не умели. Лопашева не трогали, и он продолжал заниматься своими прежними вещами. Попов продолжал опыты с лечением катаракты.

Тогда важно было иметь выход в практику. Астауров тихонько занимался шелкопрядом. Он был эмбриологом, большой пользы не обещал. Хрущов, конечно, знал о взглядах Астаурова, но он делал вид, что тот занимается эмбриологией, которой он не касается. Так что там, где Хрущов мог что-то сохранить не во вред себе, он сохранял.

Увидев, что после окончания аспирантуры я оказался без работы, Хрущов сказал мне, что хочет меня рекомендовать на студию научно-популярных фильмов. Там намечались съемки фильма о Лепешинской. Работа эта временная — на период, пока у меня нет места в лаборатории. Ставка экспериментатора на студии — это 100 рублей (сумма, по тем временам достаточная). Экспериментатор готовил под микроскопом клетки, которые нужно было снимать.

Однажды на студию пришел кинорежиссер Згуриди снимать фильм о Лепешинской. Он абсолютно верил в ее бредни, хотя, впрочем, суть дела его не очень интересовала. Он думал лишь о том, как все красиво снять: вот делится клетка, вот старая женщина сидит перед микроскопом, к ней идут ученые. Он обратился ко мне: "Давайте снимем, как делится клетка". Я стараюсь подыскать клетки, которые бы делились, а они не делятся. Ведь это процесс медленный: сидишь ночь, а они не делятся или фокус уходит. Но вот отснят негатив. Он берет уже позитивную пленку, смотрит, берет ножницы, отводит мою руку и говорит: "Запомните, юноша, с пленкой нужно обращаться, как с женщиной, без всякой жалости". Потом мы поехали к Лепешинской посоветоваться. Согласно ее теории,

клетки нужно было мелко растереть — там получается полный ноль; потом появляются капельки, они сливаются — в них происходит "нечто". Или, скажем, один из опытов с гидрой. Ее растирают, при этом тоже появляются шарики. Мы растирали, снимали шарики — и все было совершенно достоверно: возникает шарик, в нем на следующий день появляется маленький шарик, потом сбоку прирастает еще один. Это все меняется. Когда снимаешь на цейтраферной съемке, это все живет.

Как я сейчас думаю, шарики — это капли жира, в которых происходят какие-то процессы (может быть, гниение; может быть, от смешивание или выпадают соли). Создается впечатление, что это какие-то витальные процессы. Я не верил, что это живое, но мы продолжали съемки.

У нас все начиналось с шарика, а Лепешинская хотела, чтобы он возникал из ничего. Однажды мы к ней поехали домой. Она жила в "Доме на набережной", то есть в Доме правительства. У нее была великолепная квартира на одном из верхних этажей. Лепешинская была с нами очень любезна. Но непринужденная обстановка нарушалась тем, что она не помнила своей книжки, и между нами начались споры. Я говорил, что это не так, а она утверждала, что так, и при этом ее лицо покрывалось красными пятнами. Препирательства перемежались разговорами о политике, о гистологии и прочем. Она говорила, что не намерена всем этим заниматься и хочет, чтобы гистологией занимался Хрущов, а микробиологией — А.А.Имшенецкий, директор Института микробиологии, а чтобы она была над всеми, некоей "царицею морскою". Вместе с тем в ней не было важности, и она производила впечатление доброй женщины, довольной своей жизнью.

Надо иметь в виду, что к ней бросилась куча народа: верующих, неверующих — любых; она каких-то уволенных устраивала, за кого-то хлопотала, каких-то сирот воспитывала. И при этом оставалась дремучей невеждой. Она особенно заводилась, когда речь заходила о ее врагах, в частности об А.Г.Гурвиче, который был врагом номер один.

Мне довелось с Лепешинской разговаривать. Я не могу сказать, чтобы я произвел на нее большое впечатление. Большой любви между нами не было. Но она была вполне контактная, доброжелательная. Летом мы еще раз приезжали к ней, уже на дачу. Был общий разговор, но ничем конкретно он не завершился.

Я участвовал в киносьемках, длившихся 2-3 дня. Мы брали гидру из прудовой воды, растирали ее. Естественно, в этой кашнице бактерий больше, чем гидры. Они начинают в этой питательной среде размножаться и бегать, затягивая всю поверхность жидкости. Что делать? Мы пытались эту гидру стерилизовать, чтобы она была живая, центрифугировать. Ничего не получалось. Тогда я добавил формалина (10 %). И все наладилось: живых микробов не осталось, а процесс шел точно так же, что снимало всякие вопросы. Если это происходит в присутствии формалина, то о какой жизни можно говорить!

Хрущов был главным консультантом этого фильма, я же — всего-навсего мальчик-экспериментатор. Я ему в присутствии 10-15 киношников и других лиц показываю отснятую пленку. Он спрашивает: "А что Вы сделали, чтобы не было микроорганизмов?". Я говорю, что это я Вам потом отдельно расскажу. Вдруг он багровеет и говорит: "Хорошо, хорошо, я Вас потом специально спрошу.". Он никогда потом этого не спрашивал.

Когда эпоха Лепешинской подходила к концу и уже можно было ее критиковать, я выступил на одном из собраний в ее присутствии и рассказал, что опыты, которые мы проводили, действительно так и выглядят, но они идут в присутствии формалина тоже. Она на меня стучала палкой. Больше мы с ней не виделись. Плохо, конечно, что я не сказал этого раньше.

В общем у меня к ней отношение неоднозначное. Но она играла ужасную роль.

Вопрос. Говорят, что она просто писала доносы, например на ее друга Б.П.Токина.

Ответ. Ну, Токин сам был хорош... Лысенко хоть и был фанатиком, а знал, что сказать Сталину, что написать, считал нужным заявить, что он Вавилова не трогал, но этого никто не знает.

Лепешинская искала контактов с Лысенко, в какой-то мере их обрела, но не в полной мере. Может, они не хотели делить приоритет, устанавливая, кто из них первый. Тут у нас в аспирантуре появился Бошняк, кстати недавно защитивший докторскую. Она его тоже не очень приняла, хотя он дул в ту же дуду. Но у него произвол совсем уж оголтелый. Он из стрептомицина получал стрептомид, из пенициллина — пенициллиум. Я пытался в разговоре с Ф.А.Дворянкиным доказать, что этого не может быть, так как все живое содержит серу и фосфор, а в молекулу пенициллина сера и фосфор не входят. Он говорил, что я подхожу к вопросу слишком узко, чисто химически, а нужно смотреть на него диалектически. Надо заметить, что он говорил со мной очень душевно. Мы с ним встречались еще несколько раз на улице, и он производил на меня впечатление человека, который вот-вот умрет (хотя после этого он жил еще долго).

Я вам рассказал такие вещи, которые вам больше никто не расскажет. Ну, кто вам еще скажет какие-то теплые слова в отношении Лепешинской? Что, например, Лысенко производил впечатление? Если вы поговорите с людьми, которые были в то время студентами, они вам расскажут то же самое. Ведь не случайно весь биофак вдруг перековался. Это ведь сейчас студенты стали прагматиками, а тогда они искренне уверовали в Лысенко. Даже некоторые дипломники, заканчивавшие кафедру генетики и буквально трогавшие руками хромосомы, раскаивались в своих представлениях, признавая, что это была ошибка в их жизни, неправда и что вот теперь они работают по-настоящему. Разумеется, на людей старшего поколения, имевших свои устои и хорошо понимавших все происходящее, слово Лысенко не действовало.

Вопрос. Вы знаете, о многом говорит предисловие Лысенко к книге Лепешинской¹. Это такое невежество. Представляется, что он и говорил так же, как серый валенок.

Ответ. Валенок-то валенком, но все-таки не совсем... Вот он говорит: "Организм, организм — а почему организм? А потому, что он состоит из органов. Вот орган, вот орган...". Это надо было слышать. Я был, так сказать, во всеоружии. В научном плане я мог ответить на любые его слова. И тем не менее его речь как-то завораживала. Ее можно по действию сравнить с проповедью священника. Хотя 6 тысяч лет назад, как мы знаем, было не сотворение мира, а начало цивилизации, заявления, что Бог есть любовь, а любовь есть Бог, производят впечатление. Речи Лысенко были того же плана. Таковы свойства человеческой природы. Окружавшие меня люди стали мичуринцами на моих глазах, но потом так же легко от своих взглядов отказались.

А вот Хрущов был хорошим дипломатом и по возможности ничего плохого не делал, хотя себя не забывал. Стал, например, членкорром. У него была одна работа, которой он страшно боялся до конца своей жизни. Он был одним из первых, кто стал заниматься культурой тканей. Он стал изучать в культуре тканей кариотипы, т.е. хромосомы. И вот, исследуя хромосомы японца, китайца, американца, русского и еще кого-то, он якобы обнаружил у них какие-то отличия. Это означало, что генетика дает основания для расистских теорий. Поэтому Хрущов эту работу никогда не упоминал, но за месяц до неожиданной для него сессии ВАСХНИЛ он признался, что есть три человека, которые оказали на его научную жизнь решающее влияние. Это А.Г.Гурвич, А.А.Заварзин и еще один из старой когорты; кто именно, я сейчас не помню.

Я хотел бы сказать в защиту еще одного человека — А.Н.Студитского. Я слушал последний доклад Студитского перед сессией ВАСХНИЛ. Это был вполне профессиональный доклад известного гистолога о некоторых проявлениях морфогенеза. Студитского цитировали и сейчас продолжают цитировать во всем мире. Так вот, с самого начала сессии ВАСХНИЛ он безоговорочно встал под ее знамена и начал ругать своего шефа Шмальгаузена, которому был многим обязан. Его сделали научным редактором газеты "Правда". Это была очень высокая должность. Ему как раз принадлежала статья "Мухолобы — человеконенавистники".

А в целом он в общих вопросах был человеком малообразованным, хотя долгое время возглавлял редколлегия журнала "Успехи современной биологии".

У Стругацких есть книга "Как трудно быть Богом". Герой этой книги ведет себя, как князь, и прочее, прочее. Но все заметили, что он никого не убивает. И это его погубило. Они кинулись на него, так как знали, что что бы с ним ни делали, он все равно не убьет. Так вот, Студитский, за исключением "американских расистов и империалистов" и своего учителя Шмальгаузена, а отчасти также Дубинина, то есть людей уже "лежащих" никого не тронул. Ни один человек не может сказать, что его Студитский погубил. Науку он продавал направо и налево, но не живых людей. Это была его особенность. Может, поэтому он не считался "своим". Более того, когда у меня были неприятности по партийной линии еще до чехословацких событий 1968 года, я, зная Студитского, пришел к нему и стал рассказывать свою историю. С ним началась чуть ли не истерика. Он изменившимся голосом воскликнул: "Зачем же так делать?". Он ничего не сделал конкретно.

В общем Студитский никого не погубил, никого не разоблачил, никого не выявил. Недаром его любила вся лаборатория. Такой он был. Конечно, конъюнктурщик, но человек незлобный.

Вопрос. А вот не могли бы Вы рассказать о Вашей встрече с Н.В.Тимофеевым-Ресовским?

Ответ. Когда Н.В.Тимофеев-Ресовский стал созывать молодежь к себе на Урал, на знаменитые семинары физиков, то меня раза три приглашали. Каждый раз семинары приходились на май, когда я должен был ехать в экспедицию за морскими ежами. От экспедиции я отказаться не мог, хотя приглашение Тимофеева было для меня очень лестным. Я посылал вежливые телеграммы и ни разу на семинарах не был. Когда Тимофеев приехал на несколько часов в Москву, я пришел, представился. Он говорил, что знает обо мне со слов Б.Л.Астаурова. Но между нами был какой-то холодок, потому что он говорил: "Вот мы, генетики, знаем, а вы, эмбриологи, не знаете. А что вы можете сказать?"...

Конечно, я в жизни не поверю, чтобы Тимофеев ставил какие-то опыты на людях. Во-первых, генетика человека — это вопрос такой, что, я думаю, евгеникой можно заниматься только не негативной. Он ею не занимался. Но Тимофеев был директором института, и в нем, конечно, велись такие работы. Почему он не вернулся в СССР, это совершенно ясно. Но мне непонятно, почему он не уехал на Запад. Объяснения нет. Единственное, что мне кажется, это что он был там нашим агентом, что у него было задание оставаться на месте, и он как-то с властями сотрудничал. Другое дело, что наши на это плюнули и посадили его. Возможно, что он как-то пытался не порывать связи с нашими на том основании, что он будет им здесь полезнее на посту директора института.

Вопрос. Говорят, что он из-за сына не уезжал?

Ответ. С сыном все выяснилось буквально в последние месяцы. Его арестовали за несколько месяцев до конца войны и потом расстреляли. Он об этом ничего не знал. Это-то понятно; возможно, поэтому он от наших и не убежал. У меня в голове такая рабочая версия (хотя абсолютно без фактов), что вряд ли человека, жившего во вражеском стане, наши не попытались бы завербовать. Думаю, что он не отказывался. Другое дело, что он бы мог сообщить. Только такое объяснение может показаться правдоподобным, иначе непонятно. Тем более, что он все время говорил, что они с Бором очень сходились и тот его настойчиво приглашал.

У нас Тимофеева изображают, включая Гранина, генетиком первого класса. А он был генетиком третьего класса. Первый генетик первого, или высшего, класса — это Морган. Есть большой второй класс. Это Меллер, Бриджес, Дельбрюк — приятель Тимофеева, затем Ледерберг. Их где-то с десяток.

Правда, есть такой рассказ: Менухина спрашивают про Ойстраха: "Как Вы его оцениваете?". Тот отвечает, что Ойстрах — это вторая скрипка мира. — "Вторая? А кто же первая?" — "Ну, первых много..."

Так вот, Тимофеев третьего класса. У него были хорошие идеи, задумки. Он ученик С.С.Четверикова. По нашим масштабам это генетик не ниже Н.П.Дубинина. Большой ученый, спора нет.

Расскажу Вам и такую институтскую историю. После сессии ВАСХНИЛ 1948 года лаборатории эмбриологии и механики развития закрыли, сотрудников никого не уволили, а посадили как бы на практическую тематику. Т.А.Детлаф и А.С.Гинзбург занялись развитием осетровых рыб, и до сих пор они остаются в этом деле первыми людьми. Ими создана большая школа, написаны многие книги. Я бы сказал, что в этой области они сделали гораздо больше, чем если бы они продолжали пересаживать эктодерму и энтодерму. У них была хорошая школа, они работали на базе лабораторий Д.П.Филатова.

У нас был, по-моему на должности старшего научного сотрудника, некто И.А.Садов. После зав.лабораторией это был второй человек. У него был свой метод инкубации икры. Он считал, что икринки должны быть наклеены, как это бывает в природе. Он из головы выдумывал всякие теории и тут же пытался их внедрять в практику, отвергая привычные методы. При этом он боролся за свой приоритет. И вот, пока меня повторно не взяли в аспирантуру, а работа на киностудии закончилась, Хрущов предложил мне временное место в этой лаборатории. Нужно было оформиться в экспедицию, где требовался мужчина. "Вот Вы поедете, поработаете, а там, думаю, останетесь у нас навсегда", — сказал Хрущов. Это был суровый 1952 год. Я поехал в экспедицию, и все там было замечательно. Когда мы ехали туда, то у нас с Садовым был какой-то спор, вполне дружелюбный. К слову я ему сказал, что ум — это еще мало, это ничего не доказывает. Вот Бухарин и Гитлер, может, тоже были умными, но это ведь ничего не меняет. Он оборвал меня, сказав: "Перестаньте на эту тему говорить!". Потом мы забыли об этом разговоре. Но там он увидел, что я не его человек, что многое знаю, переписываюсь с Детлаф, что я говорю, "А как Вы докажете такие-то тонкости дробления, а почему нельзя столь же успешно инкубировать икру обычным способом, а не Вашим?". Он понял, что я не свой человек. И мы расстались, правда по-хорошему, но разговор о возможности продолжения моей работы в этой лаборатории даже не поднимался. Я вернулся к исходному положению.

Но тут предстояло обсуждение метода работы с осетровыми рыбами. Я был сильным свидетелем. Садов ничего не мог соврать, потому что я тут же стою, а он знает мои взгляды. И тут он пишет в партбюро заявление, что я аполитичен (а я был кандидатом партии и не могу сказать, что был совсем лишен стремления к карьере) и говорил, что Гитлер и Бухарин — умные люди; что я, будучи руководителем молодежного семинара в институте, призывал сделать наш семинар не хуже, чем семинар докторов наук. А так как семинар докторов наук организован парторганизацией, а молодежный — комсомольской организацией, то я пытался оторвать партию от комсомола. Об осетровых не было ни слова, о сионизме тоже. И вот собралось расширенное партбюро для рассмотрения этого дела, на которое пришли все его друзья, а моих никого не позвали. Я многое отрицал из того, что мне приписывали. Правда, Сталин только что умер, и еще все ходили зареванные. Шло дело врачей. На этом фоне Хрущов меня не поддержал, видимо посчитав, что это невозможно. Тут раскрылось очень многое. У меня было много друзей и людей, с которыми у меня были хорошие отношения. Казалось, наш профорг всегда хорошо ко мне относился, а тут она выступает и говорит, что я три или четыре месяца не платил за профсоюз и, следовательно, недооцениваю эту общественную организацию. Вот это все один портрет. Те, кто присутствовал и был на моей стороне, предпочитали быть в стороне и не выступать. Т.М.Турпаев, наш бывший директор, на заседание не пришел.

В конце концов они меня сломили, и я в общем сдался. Я сказал, что если мои слова вызывают такую реакцию, то, очевидно, я не прав, я даю основание для высказанных по моему адресу суждений и в этом моя ошибка. Так я покаяться. Вопрос перенесли на партсобрание, где меня должны были исключать из кандидатов партии.

На следующий день дело с врачами было закрыто. Через три дня я был у Хрущева, говорил о своем деле. Он говорит: "Ну что вы, забудьте об этом". На этом все кончилось, но на работу все равно меня не брали. Стоял апрель. У власти тогда был Маленков. Я написал письмо, отнес его в башню, прямо в Кремль, где все написал черным по белому, указав на пятый пункт. Через неделю мне звонят из Президиума Академии: "Идите на работу в Институт морфологии животных" (теперь Институт биологии развития им.Н.К.Кольцова), Вы зачислены. Я туда прихожу, а Хрущов мне говорит: "Александр Александрович, нам удалось для Вас найти ставку". Я с энтузиазмом его поблагодарил.

Вот я Вам рассказал, пожалуй, самое главное. Хочу подчеркнуть, что я был не в гуще событий, а около них. Конечно, мне завидно, глядя на И.А.Рапопорта. Я мог так же сказать, как он, а я этого не сделал.

Вопрос. Как Вы считаете, эмбриология при Лысенко тоже пострадала?

Ответ. Пострадала, потому что она неотделима от генетики, по крайней мере так должно было быть. Тогда пострадала механика развития. От нее отрекся такой крупный ученый, как Л.В.Полежаев. Г.В.Лопашев не отрекался, но сидел в своей "норке" очень тихо. Как только директором стал Т.М.Турпаев, он Лопашева убрал из института.

Что касается Б.Л.Астаурова, то он был деликатным: он считал, что представителей кольцевой гвардии нельзя трогать, их надо собирать. Вот мы и ругались, что у нас эмбриологию зажимают, а генетику расширяют, но Астауров считал, что генетика важнее. И он был по-своему прав. Когда меня, исключенного из партии, надо было снимать с заведования лабораторией после невозвращения из-за границы одного моего сотрудника, он меня вызвал и сказал, что мы вынуждены так поступить. Я ответил, чтобы он поступал, как считает лучше, и что я его ни в чем не упрекаю, а напротив, целиком ему доверяю. Вместе со мной он снимал еще ряд "провинившихся" сотрудников. Конечно, ему это было неприятно, внутренне он был с таким актом не согласен.

Вопрос. Таким образом, у нас генетика развития тоже пострадала?

Ответ. Да, конечно, пострадала. Она просто не развивалась. Но в общем уже в 1972 году можно было говорить и писать по-другому".

Примечание

¹ Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М.; Л., 1945.

Ж.М.Шмерлинг

НЕКОТОРЫЕ НЕНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Р.Б.ХЕСИНА

Хочется рассказать о той научно-бытовой обстановке и той атмосфере, в которой проводились исследования Р.Б.Хесина. Мне довелось долгие годы работать рядом с Хесиным, быть свидетелем, а в некоторой степени и соучастником событий его рабочей жизни.

В 1948 г. после сессии ВАСХНИЛ и увольнения с кафедры генетики МГУ Хесин остался и без работы, и без каких-либо перспектив продолжать работать по своей специальности, которую он очень любил и считал самой центральной в биологии. Уже в те годы, задолго до возникновения молекулярной биологии, он предвидел неизбежное слияние генетики и биохимии и поэтому считал лучшим для себя выходом переквалифицироваться в биохимика.

С этой целью он прошел большой аспирантский биохимический практикум в I ММИ под руководством проф. Н.Ф.Толкачевской. После окончания практики и основательного изучения биохимических учебников Хесин в октябре 1949 г. поступил на работу в лабораторию химии тканей Института медицинской химии АМН, руководимую проф. С.Я.Капланским. С этого времени я и знакома с Хесиным. Наше знакомство перешло в большую дружбу и долгое сотрудничество до самых последних дней его жизни.

В лаборатории был дружный, сработавшийся коллектив, сложившийся еще до войны. Благодаря необыкновенно высоким человеческим качествам С.Я.Капанского, его доброте и юмору, сочетанию строгого отношения к научной работе с научной этикой в лаборатории создался прекрасный микроклимат. Научные интересы сотрудников тесно переплетались с лабораторным бытом и дополнялись дружественными отношениями между сотрудниками за пределами лаборатории. Р.Б.Хесин был принят коллективом очень тепло. Этому, конечно, способствовали и его личные качества, и та несправедливость, которая привела его, генетика, в биохимию. Хесин быстро освоился с традициями лаборатории, строго соблюдал и полностью вписался и в коллектив, и в его научную тематику. Капланский, крупный специалист по патологической химии, в то время занимался исследованием влияния малобелковой диеты на метаболизм тканей.

В лаборатории были коллективные завтраки с ежедневными дежурными. Много лет велись "скрижали", был свой поэт — Т.В.Краснова, которая своими стихами комментировала все внутрилабораторные события, свои маленькие праздники. Хесин выучил и пел наш лабораторный гимн на ежегодном праздновании Дня лаборатории, который отмечался 7 февраля, в день рождения С.Я.Капанского. Р.Б.Хесин обогатил жизнь лаборатории и новыми научными идеями, и очень интенсивной системой работы даже для нашего нормально работающего коллектива. Сам он трудился очень много, по 15-17 ч, и часто уходил с работы

далеко за полночь. Обстановка была во всех отношениях очень благоприятна для исследований. Хесин высоко ценил рабочую и моральную обстановку лаборатории. В дальнейшем он перенес многое из обычаев лаборатории Капланского в свой рабочий коллектив. Хесин был исключительно хорошим экспериментатором. Он быстро освоил биохимическую специфику исследований и разработал много своих оригинальных методов фракционирования тканевых гомогенатов и изучения функций отдельных клеточных фракций. Его работа обещала много интересного.

Но не так благополучно складывался "служебный путь" Хесина в Институте. Летом 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию в университете и по счастливому стечению обстоятельств буквально за несколько дней до трагической сессии ВАСХНИЛ успел пройти утверждение в ВАКе. Это позволило зачислить его в нашу лабораторию на должность младшего научного сотрудника. Однако меньше чем через год произошло очередное сокращение, под которое, как самый новый сотрудник, попал Хесин. В этот раз удалось его отстоять: два старших научных сотрудника согласились перейти в младшие с тем, чтобы сохранить Хесина на работе.

Следующий удар был более страшным. В АМН получили приказ, согласно которому "нераскаившимся" генетикам было запрещено заниматься научной деятельностью, и наша, сама по себе не очень "кровожадная", но очень послушная администрация издала приказ об увольнении Р.Б.Хесина. На этот раз единственной возможностью оставить его на работе был перевод на должность лаборанта. Инициатива и помощь в осуществлении такого решения проблемы принадлежали С.Е.Северину. Альтернатив не было. Перевод Хесина на должность лаборанта совпал с периодом начала его пионерских исследований по изучению синтеза белков в изолированных цитоплазматических гранулах. Коллектив не только нашей лаборатории, но и всего института, в котором Хесин пользовался большим авторитетом, был потрясен алогичностью, несправедливостью принятого решения и полной своей бесправностью в преодолении этой несправедливости. В ответ на действия администрации С.Я.Капланский освободил Р.Б.Хесина от всех плановых обязательств (он ведь числился лаборантом) и создал ему зеленую улицу для работы над докторской диссертацией.

Интересные научные данные, успех в работе и дружеское отношение окружающих позволили Р.Б.Хесину перенести эту неприятность и компенсировали острый недостаток в деньгах. Он продолжал работать со свойственным ему интенсивным темпом и с обычным для него энтузиазмом. Правда, возник новый, весьма неприятный компонент жизни, язва желудка со всеми ее классическими симптомами. Были и "голодные" боли, и приступы тошноты, в лабораторном термостате появилась дежурная манная каша. Трудно объяснить ее причины. Может быть, она была следствием всех служебных перипетий, а может быть, результатом очень случайного нерегулируемого питания на фоне многоочасовой работы. Вероятнее всего, сыграли свою роль оба фактора. Если не считать военных ранений, язва была первым ударом по его завидному здоровью.

Так, будучи лаборантом, имея язву, не имея ни денег, ни положения, Р.Б.Хесин закончил экспериментальную часть своей докторской диссертации. И жизненная, и научная судьба снова представлялась в радужном свете.

18 марта 1953 г. 26 сотрудников еврейской национальности были уволены из института в связи с его реорганизацией. Остались неуволенными только два еврея: А.Е.Браунштейн и П.Н.Рабинович. На следующий день дополнительно были уволены сотрудники, у которых один из родителей был евреем. На этот раз остались неуволенными М.Н.Колосов (будущий академик) и Ирочка Каганова, очень красивая девушка, только что окончившая университет.

А.Е.Браунштейн в то время еще не был академиком, но уже открыл переамирирование и имел всемирную известность. П.Н.Рабинович, химик-органик, был единственный человек в стране, который умел синтезировать радиоактивные аминокислоты.

Наша, как всегда, послушная администрация очень торопилась. Так, С.Я.Капланскому, который тоже был уволен, приказ об увольнении парторг (М.А.Губерниев) и директор (В.Н.Орехович) отвезли домой. Капланский только что выпился из больницы после своего первого инфаркта и еще не ходил на работу.

Сейчас трудно себе представить наш институт после этих приказов. Реакция как оставшихся, так и уволенных была очень сильной. Теперь ее называли бы стрессом. Тогда такого слова не было в обиходе. Было много слез. Плакали оставшиеся. Особенно тяжело было смотреть на А.Е.Браунштейна. Он сидел в своем кабинете и тоже плакал: были уволены очень близкие ему и давние его сотрудники. П.Н.Рабинович из своей лаборатории не выходил. Мы с Р.Б.Хесиным сдавали оборудование и собирали свои экспериментальные материалы. У меня к тому времени тоже была подготовлена экспериментальная часть докторской диссертации. Препятствий к выносу этих материалов нам не чинили.

Увольнения прошли по многим институтам АМН. Устояли только редкие директора, например директор Института питания проф. Молчанова, в ее институте в эту кампанию не пострадал ни один человек.

Не веря в реальность увольнения, в первые дни безработицы мы пытались "искать правды" коллективно и обивали пороги в Министерстве здравоохранения, в Академии медицинских наук и других организациях общей уволенной группой. В тех случаях, когда нас допускали на прием, нам, естественно, ничего не объясняли и ничего не обещали.

Радостным для всех нас был день 4 апреля, когда в газетах был опубликован приказ об освобождении "врачей-убийц" и они были признаны невиновными. Ликование было всеобщим. Мы были уверены, что нас восстановят на работе. Р.Б.Хесин помчался в лабораторию, чтобы сохранить свои рабочие растворы.

Действительно, большая часть уволенных сотрудников была восстановлена. Вернулся на работу и С.Я.Капланский и сразу стал хлопотать о нашем возвращении. Но до сих пор по непонятным для меня причинам В.Н.Орехович категорически отказался вернуть Р.Б.Хесина и меня на работу.

И вот началась долгая и томительная безработица. Коллектив безработных распался, и каждый начал устраиваться в одиночку. Мы были очень энергичны. Были даже в отделе науки "Правды", которым тогда заведовал А.Н.Студитский. Бывали во всех учреждениях, где узнавали о вакансиях. Как правило, всегда получали положительные резолюции на своих заявлениях от заведующих лабораториями, которые совершенно не учитывались заведующими отделов кадров. Для меня география Москвы до сих пор связана с локализацией тех институтов, в которых мне не удавалось устроиться на работу. Такая же ситуация была и у Р.Б.Хесина. Ему тогда еще очень мешало его "генетическое" прошлое. Нам очень помогали в наших поисках работающие товарищи. Все было безрезультатно. В то время развернул свою деятельность Институт информации. Он не зачислял на работу евреев, но рефераты давал независимо от национальности и очень этим выручал, но нужна была настоящая работа. В течение почти полутора лет все попытки ее получить были безуспешны. Стало ясно, что придется из Москвы уезжать.

Друзья Р.Б.Хесина узнали, что в Москву приехал новый ректор Каунасского медицинского института проф. Янушкевичус и что его очень тревожит отсутствие научной деятельности на кафедре биохимии института. И вот через В.В.Хвостову удалось найти общих знакомых с женой Янушкевичуса, которая устроила Хесину свидание с ним. Итогом этого свидания было приглашение Р.Б.Хесина заведовать кафедрой биохимии. Сейчас, много лет спустя, можно только удивляться как легкомыслию, так и глубокому пониманию людей со стороны Янушкевичуса, доверившего кафедру уволенному лаборанту без биохимического образования, а вместе с тем и смелости Р.Б.Хесина, никогда не читавшего лекций по биохимии, но отважившегося взять на себя ответственность за кафедру. Будущее показало, что они оба были правы.

В этом же августе 1954 г. меня пригласил на работу мой университетский учитель — М.М.Завадовский, получивший маленькую лабораторию через 6 лет после увольнения из университета в связи с той же сессией ВАСХНИЛ.

Итак, безработица кончилась. Окончился очень тяжелый период, наполненный обидами, ощущением несправедливости происходящего и своего неравноправия. Я не знаю, как бы мы пережили это время, если бы не помощь и дружеское отношение наших товарищей, русских ученых, к которым относятся М.М.Завадовский, В.В.Алпатов, П.М.Комаров, Е.Д.Вышепан и многие другие. Эти ученые всегда оставались верны лучшим традициям русской интеллигенции. Великая им за это благодарность.

Перед тем как перейти к каунасскому периоду жизни Хесина, необходимо сказать, что и во время безработицы, наполненное отрицательными эмоциями, Роман Бениаминович не изменил себе и своему образу жизни. Он работал без выходных, и к моменту его отъезда в Каунас в ученом совете Института им.А.Н.Баха лежала готовая к защите докторская диссертация.

Каунасский период начинался плохо: трудно было уезжать из родного дома и родной Москвы, трудно было оставлять одного очень молодого и нездорового отца, которого Роман Бениаминович очень любил. Между ними были не только родственные отношения. Р.Б.Хесин считал отца как и А.С.Серебровского, своим первым учителем и в жизни, и в науке. К этому нужно добавить и волнения о будущей работе, и сильнейший приступ язвы с жестокими болями. Этот приступ очень испортил первый период каунасской жизни Хесина. В своем первом письме из Каунаса он пишет: "Вас, конечно, интересует и моя личная жизнь. Ее нет почти совсем, а то, что есть, — боль в животе. Очень мне худо: сильнейший приступ, так что, идя на лекцию, думаю, не придется ли сбегать! Но пока все обходится. Снял комнату, хозяйка теперь покупает молоко, и я надеюсь, что это меня спасет (уже стало лучше). Таким образом душевные переживания у меня полностью заменились буквально чисто животными. А вообще уехал из Москвы с очень тяжелым ощущением отъезда в ссылку, и здесь, пока не заболел животик, было весьма одиноко. Сильное впечатление заграницы, потери родины".

К счастью, дальнейшие события не подтвердили грустных прогнозов. Очень помогли литовские товарищи, сотрудники Мединститута. Они дружелюбно встретили Хесина. Ученый совет единогласно утвердил его и.о. заведующего кафедрой. Приступ язвы ослабевал. Р.Б.Хесин довольно часто приезжал в Москву, а главное — большое удовлетворение доставляли ему лекции. Если на первых лекциях студенты громко возражали против русского языка, то уже через 2-3 лекции возникло взаимное понимание, лекции привлекали большое число студентов и преподавателей других курсов и кафедр. Очень повезло Р.Б.Хесину и с жильем. Хозяева, молодая пара, хорошо относились к молодому одинокому жильцу, с которым они подружились; они старались ему помочь в бытовом плане и целиком взяли на себя заботу о Пинге — ирландском сеттере, который сопровождал ученого в его поездке.

Штаты кафедры были невелики: 3 ассистента и 4 лаборанта. На кафедре был хорошо налажен педагогический процесс, но действительно научной работы не велось. Р.Б.Хесин ничего не ломал, не устраивал общих собраний, бережно относился к обычаям кафедры. С каждым сотрудником он говорил отдельно. После этих общих бесед каждый твердо знал, что от него требуется, и стал спокоен за свою судьбу. С большим теплом сотрудники кафедры вспоминают, как в их жизнь начала внедряться наука. Это внедрение начиналось с оборудования, которое частично одалживал у друзей в Москве. Так появились на кафедре аппараты Варбурга, центрифуга и спектрофотометр. Любовь и интерес к науке Р.Б.Хесин воспитывал личным примером, который всегда был главным инструментом в его педагогике.

Сейчас, почти 40 лет спустя, кафедра преобразилась. Медицинский институт переименовали в Медицинскую академию. В новом ее здании кафедра биохимии

занимает 30 комнат. Кафедра прекрасно оборудована самыми современными приборами. На ней идет большая исследовательская работа, посвященная изменению синтеза белка при инфаркте миокарда. Руководит этими исследованиями профессор, доктор биологических наук Лукошявичус. Эта кафедра мало напоминает скромное помещение в старом здании Медицинского института. Немного осталось людей, которые помнят Р.Б.Хесина, но те, кто помнит, вспоминают о нем тепло и уважительно. Хочется думать, что есть связь между современной кафедрой и деятельностью Р.Б.Хесина. В фундаменте, на котором она построена, есть камни, заложенные ученым в те далекие годы.

В отношении к сотрудникам кафедры появилась характерная для Р.Б.Хесина черта: обязательность к тем людям, которые связывали с ним свою судьбу. Трое его ассистентов защитили диссертации непосредственно под его руководством или при его активном участии. Двое — Толюшес и Петрашкайте — заканчивали свои кандидатские работы уже в лаборатории Хесина в Москве. Между ними и сотрудниками лаборатории установились прочные дружеские отношения, которые сохранились и до сих пор. Толюшес, к сожалению, умер еще очень молодым, а Стася Петрашкайте — всегда желанный гость в лаборатории.

Очень скрашивали каунасское одиночество Р.Б.Хесина его друзья. Они часто приезжали и жили у него. Друзья в жизни Романа Бениаминовича всегда играли большую роль, и мне хочется сказать несколько слов о нем как о друге. Он очень умел дружить, и когда с тем, кого он считал своим другом, случалась беда, с горячим участием приходил на помощь. Здесь он не жалел даже своего времени, которым дорожил больше всего. Никогда ни к кому не обращавшийся с просьбами для себя, он использовал все свои возможности для того, чтобы помочь своим друзьям. Я думаю, что многие из друзей Р.Б.Хесина четко делают свою жизнь на то время, пока он был жив и когда его не стало. Особенно близкими ему были Е.В.Карасева, Б.С.Кулаев, А.М.Уголев, К.М.Эфрон и Г.Э.Фельдман. В тот трагический период, когда волей обстоятельств число членов его семьи снизилось до нуля, друзья заменили ему семью.

Каунасский период близился к концу. Несмотря на его относительную краткость (3 года), он сыграл очень важную и положительную роль в жизни Р.Б.Хесина. Здесь он почувствовал и проявил свой организационный талант, способность возглавлять научный коллектив. В это же время Хесин защитил докторскую диссертацию и почувствовал твердую почву под ногами.

Осенью 1956 г. Р.Б.Хесин вернулся из Каунаса в Москву по приглашению Н.П.Дубинина для организации группы биохимической генетики в составе его лаборатории в Институте биофизики АН СССР. Эта группа стала зародышем будущей основной лаборатории Хесина. Она состояла из 6 человек (И.А.Басс, Т.П.Платова, В.А.Гвоздев, Ж.М.Горленко, Л.Алейникова и В.Нанкина). Свообразием группы было полное отсутствие территории. Сотрудники были распроданы по всей Москве в тех институтах, где работали друзья Хесина, которые пошли ему навстречу и выделили 1-2 рабочих места в своих лабораториях. В этот период самую большую помощь оказал Р.Б.Хесину верный его друг проф. Д.М.Гольдфарб (умер в конце февраля 1990 г. в Вашингтоне). Он щедро поделился своей очень скромной в то время лабораторной жилплощадью и оборудованием, приютив двух сотрудников бездомной группы. Работать было трудно и потому, что отдельные звенья эксперимента были разобщены. Связь между ними, по принципу члечного вектора, осуществлял Хесин на своей машине, которая и тогда и в каунасский период очень облегчала ему жизнь. Эту машину, коричневую "Победу", подарил ему отец в самый тяжелый период безработицы.

Территориальные, да и другие служебные мытарства Р.Б.Хесина закончились при переходе всей группы в радиобиологический отдел Института атомной энергии (ИАЭ), созданный по инициативе академиков И.В.Курчатова, А.П.Александрова и И.Е.Тамма для возрождения и развития поруганной и разрушенной в

1948 г. генетики. Тогда Хесин пригласил меня работать в своей вновь созданной лаборатории, которая в системе института называлась сектором 57.

Нельзя не отметить очень большую благожелательность к новому такому непривычному для физиков отделу. Мы постоянно чувствовали не только интерес, но и поддержку со стороны и администрации, и тех сотрудников, с которыми нам приходилось сталкиваться. Большую часть лабораторий нового отдела приютил у себя в здании проф. И.И.Гуревич. У персонала ИАЭ вызывали нескрываемый интерес и любопытство наши мыши, крысы и кролики, которые мирно разместились в окружении мощных физических лабораторий и реакторов. Институт был в то время богатый, и нам по возможности ни в чем не отказывали. Были доступны даже такая экзотика, как молоко кокосовых орехов, а также морская вода, необходимая для привередливых клеток некоторых культур.

Непосредственным организатором нашего биологического отдела в недрах ИАЭ был В.Ю.Гаврилов, отдавший много душевных и физических сил для его создания и для строительства нового здания, в котором сейчас расположен Институт молекулярной генетики АН СССР, организованный на базе биологического отдела ИАЭ. Об истории биологического отдела, возникшего в недрах физической науки, уже многое известно, и я не буду останавливаться на хронологическом изложении событий, связанных с его созданием, и развитием в нем научных исследований. Это подробно описано В.А.Гвоздевым. Сектор 57 превратился в ЛМОГ — лабораторию молекулярных основ генетики. В этой лаборатории Р.Б.Хесин работал всю свою оставшуюся жизнь. В ней он вырос в крупного ученого с мировым именем и в организатора. Здесь проявились все его замечательные качества исследователя и человека. При создании лаборатории и в организации ее работы Хесин следовал принципам высокой научной этики, научного энтузиазма и самоотверженного труда, был очень требователен к себе и к сотрудникам, исключал всякую халтуру и небрежность в работе. В организации лаборатории принимал участие весь ее коллектив, к которому вскоре присоединились М.Ф.Шемякин, О.Б.Астаурова, Ю.Н.Зограф и В.Г.Никифоров.

Шло время. Появились новые люди, аспиранты, дипломники. Лаборатория росла. Увеличивались и педагогическая, и административная нагрузки. Р.Б.Хесин упорно продолжал заниматься экспериментальной работой, которая часто продолжалась далеко за полночь.

В лабораторию перешла большая группа генетиков, изучавшая микроорганизмы, из отдела С.И.Алиханяна. В ней были С.З.Миндлин, Т.С.Ильина, Э.С.Каляева и др. Такое пополнение сильно содействовало усилению генетической направленности лаборатории. Этому же способствовало превращение В.А.Гвоздева в истинного дрозофилиста. В научном плане Гвоздев повторил путь Хесина, но в обратном порядке: получив классическое биохимическое образование на кафедре биохимии животных в МГУ, он переквалифицировался по инициативе Хесина в генетика. На это у Гвоздева ушел год напряженнейшей работы. Такая смена профессий с их последующим синтезом привела к созданию новой, отпочковавшейся от ЛМОГ лаборатории, которой заведует Гвоздев. Успешная работа в этой лаборатории и ее интересные данные давали Хесину большое удовлетворение.

Р.Б.Хесин большое внимание уделял внутрилабораторной педагогике и созданию в лаборатории обстановки взаимной доброжелательности. У нас появились свои традиции и обычаи. Мы отмечали много дат и событий. Основной датой было 20 декабря — день, когда в группу биохимической генетики был принят первый сотрудник. Им была И.А.Басс, у которой 20 декабря был собственный день рождения. Первые годы, когда лаборатория была маленькой, этот день отмечали на квартире Р.Б.Хесина (на улице Белинского). С увеличением числа сотрудников этот день продолжали отмечать, но уже на других территориях.

Важной датой в жизни лаборатории считалось 10 апреля, с которого начал свою жизнь 57 в ИАЭ. Этот день отмечали в круглые даты, через 5, 10, 15 и 20 лет. Жалко, что мы не сохранили этой традиции и никак не отметили 30-летие,

которое было в 1989 г. Праздновались и другие события: удачное завершение работы, хорошие доклады, иногда дни рождения и т.д.

Остались в памяти вкусный и интересный капустник в честь получения первого РНК-полимеразного мутанта, устойчивого к действию рифампицина, и празднование получения первого радиоактивного НТФ, которого тогда не было в нашей стране. В традицию лаборатории вошло празднование дня рождения Р.Б.Хесина — 24 марта. В этот день мы устраивали в лаборатории общий чай, на который сотрудники приносили самодельные кулинарные изделия. Материальных подарков шеф не допускал. Во всех праздниках лаборатории Р.Б.Хесин принимал активное участие, любил их и всегда танцевал, постоянно меняя партнерш, чтобы не было обиженных. Существовали у нас и другие обычаи. Так, при рождении у сотрудника лаборатории ребенка обязательным подарком считали коляску. Была обще-лабораторная касса, которая составлялась из ежемесячных взносов сотрудников в размере 1 % зарплаты; эти деньги тратили на чай и подарки. Была у нас и другая касса; ее основу составляли деньги за руководство аспирантурой, вносимые в кассу сначала Хесиным, а потом и другими сотрудниками. Эта касса давала нам возможность основательно поддерживать сотрудников в их тяжелые минуты.

Большое место в жизни лаборатории занимали "пятиминутки", которые проводились почти каждый понедельник и фактически длились до конца дня. В перерыве пили чай. Программа пятиминуток была очень разнообразна: экспериментальные отчеты, рефераты, репетиции внелабораторных выступлений и диссертационных докладов и др. Эти семинары были очень нужны и полезны лаборатории и помогли многим стать настоящими учеными.

Росла лаборатория, рос ее научный потенциал. Работы лаборатории получили общее признание, и она заняла свое место в числе ведущих лабораторий в области молекулярной биологии. Сотрудники лаборатории стали лауреатами Государственной премии, несколько раз получали премию им.И.В.Курчатова. Р.Б.Хесин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Хочу остановиться на двух далеко не стандартных особенностях Р.Б.Хесина. Первая — он никогда не соглашался быть соавтором тех публикаций, в которых не принимал участия в качестве экспериментатора или при теоретической разработке вопроса. На этой почве возникали частые недоразумения, но его трудно было переубедить. Может быть, по этой причине список научных публикаций Хесина меньше, чем у многих ученых его ранга, зато очень велик список тех работ, в которых ему выражается искренняя благодарность за советы и руководство.

Вторая особенность Р.Б.Хесина — то, что он практически до конца жизни сам работал экспериментально и многие исследования, проводимые в лаборатории, начинались за его рабочим столом. Это имело большое и положительное значение для жизни лаборатории. Хесин был прекрасным экспериментатором и наглядным примером для своих учеников.

Совмещать руководство лабораторией, чтение лекций в университете и экспериментаторскую работу позволяла исключительная работоспособность ученого. Он работал буквально днем и ночью.

Я сознательно не останавливаюсь на всех хороших и плохих чертах Р.Б.Хесина, которые, конечно, тоже у него были, но не сказывались заметно на его образе большого ученого и достойного человека. Об еще одной черте характера Романа Бениаминовича не могу не сказать: он был очень добрым человеком, но стеснялся своей доброты и старался ее не показывать. Ему нравилось быть "железным".

Рассказывая о Р.Б.Хесине, нельзя не сказать о самом большом его горе. Весной 1965 г. погиб по нелепой случайности его единственный сын. Это горе, конечно, притупилось со временем, но никогда не оставляло отца ни в светлые, ни в горькие минуты. Он высказал такую мысль: "Свои гены можно передавать не только генетическим путем, их можно передавать своим ученикам". Может быть, и поэтому он так любил своих учеников и отдавал им много времени и души.

После 1965 г. началась серия инфарктов. Не удалось точно установить, было ли их три или четыре. Хесин научился бороться с ними, в чем очень помогал ему проф. А.И.Сыркин. На работе лаборатории они сказывались несильно. После нескольких дней, проведенных в реанимационном отделении, его палата в больнице превращалась в филиал лаборатории, где обсуждались экспериментальные данные, правились статьи и на столе увеличивалась стопка журналов. Научная жизнь Хесина и в больнице продолжала быть плодотворной.

Не нужно думать, что работа в этот период была сплошной идиллией. Как и повсюду, до идиллии было далеко. Были и кадровые трудности, и несогласия с руководством, и многое другое. Р.Б.Хесин несмотря на многочисленные и постоянные приглашения, практически ни разу не был за границей, если не считать поездку в Чехословакию на Менделеевские торжества и в бывшую ГДР (на 5 и 7 дней). Даже ставшие классическими работы о "поздних" и "ранних" РНК докладывал за Хесина в Страсбурге В.Ю.Гаврилов. По-моему, это было очень большой и непоправимой ошибкой, принесшей серьезный вред нашей науке. По-видимому, ее можно объяснить только тем, что чиновникам, от которых зависели поездки, была недоступна степень гражданственности Романа Бениаминовича.

В 1984 г. Хесина настигла последняя болезнь, с которой он не мог справиться. Последние дни своей жизни он провел в онкоцентре. В этот период он допускал к себе только самых близких людей и очень боялся огорчить их своей беспомощностью. Среди этих людей был Гарри Израилевич Абелев, который очень скрасил последние дни жизни Романа Бениаминовича.

Р.Б.Хесин умер 16 июля 1985 г.

Роману Бениаминовичу пришлось испытать в жизни много несправедливостей, горя и физической боли. Несмотря на это, он прожил прекрасную жизнь, которая была у него бескомпромиссной. Он знал счастье творчества, радости любви и дружбы. Он был признан при жизни. Его любили ученики и сотрудники. Большую радость он испытывал при общении с природой.

Способом его жизни была работа во имя науки. Ее эмоциональной основой были твердость, доброта и любовь к людям. Р.Б.Хесин оставил о себе самую светлую память.

М.М.Завадовская-Саченко

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА

В 1991 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Михаила Михайловича Завадовского, профессора Московского государственного университета, академика ВАСХНИЛ.

Он родился 17 июля 1891 г. в селе Покровка-Споричево Херсонской губернии в семье помещика Михаила Владимировича Завадовского. Мальчику было четыре года, когда умер отец, и мать с четырьмя детьми переехала в Елисаветград.

Интерес к природе проявился рано: коллекция насекомых; голубятня, в которой были и редкие виды голубей; любовь к животным; обезьяна у соседа по двору, вызывавшая особый интерес детей. В реальном училище, куда поступает учиться Миша, пробуждается интерес к книгам по естествознанию, интерес к литературе. Он читает Агафонова "Происхождение земли", "Общую биологию" Лункевича, "Биологические основы зоологии" Шимкевича. Взрослея, Миша приобретает к чтению классиков естествознания: Дарвина, Геккеля, Тимирязева, Уоллеса, Гельмгольца, Мечникова; особенно нравятся ему "Этюды о природе человека". Его интересуют химия, геология, астрономия. Ответы на многие тревожащие юную душу вопросы дает чтение Тургенева и Гончарова, а позже Толстого и Достоевского, пробуждает интерес к внутренней жизни.

В своих написанных позднее воспоминаниях Михаил Михайлович подчеркивает, что под влиянием разнообразных книг по естествознанию и классиков русской изящной литературы постепенно складывалось у него требовательное отношение к себе как будущему члену общества. "Понимание того, что уже с юных лет человек должен работать над собой, и забота об этом падает не столько на другого, сколько на самого себя", — пишет он в "Страницах жизни". Он любил эту мысль. И позднее, уже поступив (в 1908 г.) в Московский университет и на лекции знаменитого физика П.Н.Лебедева услышав, что студент должен "не обучаться, а обучать самого себя", он понял, что это откровение для него. Впоследствии он назвал Лебедева своим учителем, посвятив ему свою первую книгу "Пол и развитие его признаков" (1922). "Художнику мысли и научного опыта", — написано в посвящении.

В университете, обучаясь на естественном отделении физико-математического факультета, М.М.Завадовский слушал лекции зоологов М.А.Мензбира, Г.А.Коженикова, Н.К.Кольцова, анатома П.И.Карузина, физика П.Н.Лебедева, ботаников Галенкина, Крашенинникова и Курсанова. Интерес к зоологии сложился ранее, но уже на первом курсе он решает, что заниматься будет не превалярующей в то время описательной, а экспериментальной биологией.

С первых студенческих дней М.М.Завадовский близко сходитя со своим однокурсником А.С.Серебровским, а несколько позднее — с С.Н.Скадовским. Дружба эта продолжалась всю жизнь.

В своих воспоминаниях Завадовский пишет: "Недели через две после начала занятий в Государственном университете Кольцов объявил на лекции, что он может организовать практические занятия к своему курсу зоологии, но только не в стенах Гос.университета, а в стенах Народного университета им.Шанявского, который находился в то время на Волхонке, против Храма Христа Спасителя. Вместе с Серебровским я поспешил записаться на занятия к Кольцову. И сразу, с первых же практических занятий, я убедился, что они дадут больше, чем какие-либо другие. Весь практикум был построен на изучении живых, в основном одноклеточных, животных. Практикум охватывал небольшую группу животного царства, но он давал возможность наблюдать живую жизнь наименее знакомых до того животных форм и давал представление о большом разнообразии протозоа. Практикум проводил сам Кольцов. Его объяснения были коротки, ясны, просты. Материал был подобран продумано и заботливо. Я испытывал на занятиях истинную радость, боясь пропустить даже мелочи".

Этот практикум был прекрасной школой для многих поколений студентов, из которых вышла блестящая плеяда экспериментальных биологов. Летнюю практику после окончания первого курса Завадовский провел на биологической станции на Глубоком озере, наслаждаясь красотой природы Подмосковья, обществом веселых товарищей и захватившим его целиком делом. Здесь он начинает свою первую научную работу по изучению полупроницаемой оболочки яиц аскариды. Биологическая мысль того времени, особенно в школе Кольцова, была прикована к клетке. Поэтому неудивительно, что Завадовский заинтересовался проблемами цитологии. Здесь на Глубоком озере, он познакомился с прекрасным зоологом, а позднее основателем отечественной экспериментальной эмбриологии Д.П.Филатовым. Работа, начатая на первом курсе, была продолжена зимой 1912/13 г. во вновь организованной Н.К.Кольцовым лаборатории экспериментальной биологии в Университете им.Шанявского. Работа была представлена как дипломная и опубликована в "ученых записках" Университета.

Семестр 1910/11 г. был бурным. Решением царского министра просвещения были отстранены от должности прогрессивные профессора Московского университета. В знак протеста против этого возмутительного акта более ста профессоров и преподавателей подали заявление о прекращении работы в университете, в том числе и Н.К.Кольцов, перешедший на работу вместе со своими учениками в Университет им.Шанявского. Студенчество волновалось, занятия шли с перебоями. Был канун первой мировой войны.

В 1913 г. в Москву вернулся маститый ученый П.И.Бахметьев, эмигрировавший еще в студенческие годы в Швейцарию. Преследуемый полицией за участие в студенческих беспорядках, он многие годы прожил за границей. Бахметьев был славен своими работами по оживлению насекомых и млекопитающих животных после замораживания. К моменту приезда в Москву он был окружен ореолом славы. Все это не могло не произвести впечатления на студента. М.М.Завадовский знал работы Бахметьева, некоторые из них читал в подлиннике. Как говорит он в своих воспоминаниях, "Исследования были смелые и поражали умелым применением новой физической техники к изучению биологической проблемы". Бахметьев сделал доклад в Университете им.Шанявского. Правление Народного университета пригласило проф.Бахметьева переехать в Москву для работы в специально для него создаваемой лаборатории низких температур. Он дал согласие на возвращение на родину и выехал в турне для чтения лекций по городам России. В дороге он умер. На траурном заседании, посвященном памяти П.И.Бахметьева, доклады делали профессора Н.М.Кулагин, Н.К.Кольцов и студент Завадовский, говоривший о П.И.Бахметьеве как о популяризаторе. Это было первое его выступление перед большой аудиторией.

Лабораторию низких температур было предложено возглавить Н.К.Кольцову. Когда же в 1914 г. Завадовский окончил университет, Кольцов предложил ему место ассистента в своей лаборатории. "Биологическая атмосфера", созданная

Кольцовым, несомненно оказала огромное влияние на формирование научных интересов Михаила Михайловича.

Еще в студенческие годы он заинтересовался проблемами превращения пола. На Звенигородской биологической станции, где он работал по приглашению С.Н.Скадовского, отдавшего собственный дом под биологическую станцию университета, Завадовский изучал цикл размножения коловраток и факторы, определяющие пол этих животных. Проблемой пола занимался он и в заповеднике Аскания-Нова, куда со студенческих лет ездил много раз. Впервые желание посетить Асканию появилось после того, как в 1910 г. он прочитал сообщение Новорусского в "Новом мире" о работах по искусственному осеменению сельскохозяйственных животных. Эта поездка и знакомство с И.И.Ивановым оставили глубокий след в памяти и определили дальнейший ход развития исследовательской работы — зоотехническое направление научной деятельности М.М.Завадовского.

Впоследствии, вспоминая об И.И.Иванове, Завадовский писал, какое теплое чувство симпатии поселили в его душе та стойкость, то упорство и юношеский энтузиазм, с которым вел, не жалея сил и личного благополучия, И.И.Иванов борьбу с традициями, сложившимися среди биологов, — консерватизмом профессионалов-животноводов и обывательскими представлениями. Он писал: "Впервые в своей жизни я столкнулся с проявлением резкой борьбы с прогрессивным делом в области науки. Я чутьем чувствовал и своими глазами видел, что дело Иванова стоит на твердой почве современных биологических достижений и зовет практику вперед, к рационализации животноводческого процесса" — и далее: "Мне тяжело было смотреть в последующие годы, как уже немолодой, но страстный искатель исследований, рискнувший пойти своими особенными путями, достигший замечательных результатов на своих неисхоженных путях, человек большой честности и скромности был изолирован только потому, что он выпадал из круга прочно сложившихся профессиональных групп. Тематика увела Иванова из среды биологов в область зоотехники, но зоотехническая среда не хотела принять его в свою среду, так как его идеи считали бредом. Я чувствовал потребность стать рядом с этим человеком".

Впоследствии все это в большой мере можно было отнести и к самому М.М.Завадовскому. Его труды вышли за рамки какой-либо одной области биологии и нашли применение в эмбриологии, цитологии, медицине, зоотехнии, эндокринологии. Он был активным пропагандистом тесной связи академической биологии с практикой сельского хозяйства. Эту область науки он впервые объединил и назвал биотехнологией.

После Октябрьской революции, сдав магистерские экзамены, Завадовский приступил к чтению курса лекций по экспериментальной биологии в Университете им.Шанявского и был зачислен на должность приват-доцента в Московский государственный университет.

Его увлекают вопросы педагогики. Нуждаясь в заработке, в студенческие годы он преподает в гимназии им. Свентицкой. В это время оттачиваются его педагогическое мастерство, умение заинтересовать слушателей новыми интересными проблемами. Он печатает целый ряд статей, посвященных вопросам педагогики, научному творчеству, взаимоотношению теории и практики. Мысль о том, что студент должен не обучаться, а обучать самого себя по первоисточникам, развивается им в "Письмах к слушателям", которые печатались в журнале "Вестник Шанявцев". Он сотрудничает в журнале "Природа", которым руководил Н.К. Кольцов, в журнале "Высшая школа" и др., выступал часто как популяризатор науки. (Биобиблиографии популяризаторских работ М.М.Завадовского нет¹).

В одной из статей того времени, обращаясь к молодежи, он писал: "...На великодушные способны лишь люди, сохранившие юную любовь к своему делу. Таких немного. В протесте более молодых немалую роль играет рабское доверие к авторитету старших. Положение осложняется тем, что новая идея, за весьма редкими исключениями, идет из молодых уст. Оствальд, опираясь на свой

огромный опыт в области жизни великих, готов сделать вывод, что великая мысль, как правило, зарождается в голове лишь до 32-летнего возраста (книга "Великие люди"); в позднейшие же годы, когда кривая жизненных сил идет на убыль, она лишь развивается и шлифуется. В самом деле лишь молодость обеспечивает воодушевление, которое нужно, чтобы совершать великие дела. "Нужно быть молодым, чтобы совершать большие дела", — сказал Гете.

Как хорошо понять вывод жизни физиологу, и как трудно понять девиз Оствальда — "Дорогу юности!" — руководителям старой общественности². Его, тогда еще совсем молодого увлекающегося человека, особенно привлекали те представители науки, которые, снимая пелену с глаз и избавляя человечество от иллюзий, не только утверждали представление о предмете неоспоримыми доказательствами, но и раскрывали "механизм" этого явления в природе. Он писал по поводу книг акад. В. Стеклова "Ломоносов", Евг. Замятина "Роберт Майер", по поводу статьи Тимирязева "Значение науки (Луи Пастер)" и др. В 1934 г. вышла книга М. М. Завадовского в серии "Жизнь замечательных людей" — "Пастер".

В 1919-1921 гг. проводит свои (ставшие впоследствии классическими) работы по превращению пола. Эксперименты проводились на курах и показали, что при пересадке половой железы превращенный в курицу петух не только идентичен курице по внешним признакам, но и способен откладывать яйца в полость тела. А курица, превращенная в петуха, имеет полное морфологическое и физиологическое сходство с петухом.

Работа велась в заповеднике Аскания-Нова, куда на этот раз Михаил Михайлович поехал с женой и группой студентов из Университета им. Шанявского. В своих воспоминаниях он рассказывает, что командировка была уже закончена, когда началась гражданская война. Сменилась власть, и положение было опасно. Часть студентов уехала в Крым, так как Москва была отрезана фронтами войны. Часть из них пошла в госпитали Красной Армии. После отъезда студентов с женой он поехал в Симферополь, где вскоре присоединился к нему и студенты, выехавшие в Крым ранее. Приютил их у себя в лаборатории проф. А. Г. Гурвич. Подопытных кур и петухов удалось устроить в подвале лаборатории.

М. М. Завадовский был зачислен доцентом в Таврический университет и вскоре начал читать курс "Экспериментальная биология и генетика". Появившаяся в печати версия о том, что Завадовский якобы "бросил" студентов, ложна и не имеет ничего общего с действительностью. Вот как пишет об этом одна из участниц экспедиции, тогда студентка, кандидат биологических наук Т. П. Ролич, в редакцию "Нового мира" по поводу повести Д. Гранина "Зубр": "Когда кончился срок нашей командировки, Москва была отрезана фронтом, и была связь только с Крымом. Первыми в Крым, в Севастополь, уехали учиться на биологическую станцию Е. А. Фидлер (к родственникам), С. Н. Филиппов (он был на один год моложе Мих. Мих.) и А. Н. Мещеринова. Вслед за ними на биологическую станцию в Севастополь уехала и я. Потом разъехались и остальные студенты (перечисляются фамилии и подробности отъезда. — М. З.-С.). Михаил Михайлович уехал из Аскания-Нова последним. Таким образом, не он бросил нас, а мы его. Когда я, по приглашению Мих. Мих. приехала в Симферополь в апреле 1920 г., то там уже работала в его лаборатории Е. А. Фидлер (Тимофеева-Ресовская). Обо всем этом у меня есть письма и документы"³.

Москва была по-прежнему отрезана четырьмя фронтами. Несколько раз возвращался М. М. из Симферополя в Аскания-Нова, помогая спасти этот уникальный заповедник. Один, без спутников, правя четырьмя верблюдами, так как лошадей не было, выезжал он в Асканию, пересекал фронты. Даже возницу трудно было найти ввиду большой опасности пути. Он обращался к временным властям, доказывал уникальность заповедника и необходимость отменить постой солдат, добивался приказа о выделении корма для животных. В это тяжелое и смутное время он делал все возможное, чтобы спасти заповедник.

Не раз впоследствии писал он с любовью об Аскании-Нова, рождавшей у него и поэтические образы. Он продолжал работать над книгой, обобщавшей исследо-

вания последних лет "Пол и развитие его признаков", которая вышла уже в Москве в 1922 г. В предисловии М.М. благодарит студентов за неоценимую помощь.

В Крыму тяжело болела мама. Началось с воспаления легких; не успев выйти из больницы, она заболела тифом. Но нужно было возвращаться в Москву. И, погрузив в санитарный вагон еще слабую после болезни жену, а в ящик под вагоном, где ездил в те годы беспризорные, подопытных кур (которых он сберег, несмотря на голод и другие напасти), М.М. покинул Крым.

Квартиры в Москве не было, вещи разграбили. Приютит старый товарищ. Директор зоологического сада А.Ф.Котс предложил поместить подопытных кур в вольерах зоосада. В университете А.Н.Северцев предоставил пристанище в своей лаборатории, и М.М. начал чтение лекций.

Вот как вспоминает это один из его учеников, проф.Л.Я.Бляхер, на заседании, посвященном 75-летию со дня рождения М.М.Завадовского: "Осенью 1921 год мой однокурсник, присутствующий здесь доктор Н.И.Базаров, во время занятий в анатомическом театре сказал мне, что он на днях побывал на лекции молодого профессора первого университета М.М.Завадовского, которая ему очень понравилась. По совету Н.И. я пошел на следующую лекцию — и моя судьба была решена! Заканчивая лекцию, М.М. сообщил, что он намерен в дополнение к лекциям организовать семинар, на котором слушатели будут реферировать иностранную научную литературу. После лекции я подошел к М.М. и с великим смущением сказал о своем желании участвовать в семинаре. Он поговорил со мной дружески-приветливо и, узнав, что я с грехом пополам могу читать по-немецки, пригласил к себе домой — он жил тогда в директорском доме Московского зоосада — и дал мне книгу Р.Хабера, предложив прореферировать одну из ее глав. Потом М.М. повел меня в Зоосад и показал привезенных из Крыма кур, на которых были поставлены опыты кастрации и пересадки половых желез, сказав при этом, что намерен организовать в зоосаду экспериментальную работу по изучению развития признаков пола. Легко представить себе, какое впечатление на студента должны были произвести эти чудо-петухи, превращенные в кур, и куры, превращенные в петухов, созданные мыслью и руками экспериментатора. Вероятно, не один из присутствующих здесь учеников М.М. может, основываясь на собственных воспоминаниях, подтвердить блестящее умение М.М. увлекать молодежь захватывающими перспективами научной работы...

И далее. В 1922 году вышла в свет замечательная монография М.М. "Пол и развитие его признаков", которую, несмотря на годы разрухи, удалось выпустить на прекрасной бумаге с цветными таблицами. Я берегу, как дорогую память, экземпляр этой книги, подаренный мне тогда М.М., с авторской надписью и замечательным девизом и исследователя-экспериментатора, взятом из "Фауста" — *Am Anfang war die Taht*, которым он хотел сказать, что истина добывается не словами, а делом"⁴.

Работы по превращению пола у птиц и млекопитающих, начатые Завадовским в 20-е гг., привлекали к себе внимание новизной, смелостью мысли и были предтечей биотехники.

В 1923 г. М.М. было предложено взять на себя руководство зоопарком. Он согласился, хотя считал, что административные функции всегда отвлекают от научной работы. Но была надежда создать лабораторию для осуществления работ по экспериментальной биологии, и поэтому риск был оправдан. В течение короткого времени ценой больших усилий ему удалось превратить зоологический сад из зверинца в прекрасное культурно-просветительное учреждение и организовать там исследовательскую лабораторию. Была построена новая территория с открытыми вольерами и "островом зверей". Этому строительству предшествовала поездка в Германию, где М.М. мог познакомиться со многими зоопарками. Наибольшее впечатление произвели зоопарки Нюрнберга, Гамбурга и Берлина. Посетил он интересовавшие его научно-исследовательские институты. Вернув-

шись в Москву, Михаил Михайлович выписал из Германии архитектора и вместе с ним стал создавать и строить новую территорию зоопарка. Работа быстро шла к концу. Уже бродили по дорожкам доверчивые косули. На обширных зеленых полянах, охваченных сетками, группками собирались лани и пятнистые олени. Дети катались на пони и оленях. По инициативе Завадовского был создан Кружок юных биологов зоопарка. Перед открытием новой территории для проверки надежности в вольере "острова зверей" вместе хищников были выпущены коты. И каковы же были разочарование и испуг всех присутствующих, когда коты, быстро вскарабкавшись по стенам, исчезли. Пришлось вольеры переделывать.

Первый день открытия новой территории также принес много волнений: исчез барс. Когда его выпустили из внутреннего помещения, он мягко спрыгнул из своего жилища на землю и пропал где-то высоко на стене. Михаил Михайлович, вооруженный крейценом, а за ним кто-то из сотрудников бросились наперерез на хребет "острова", за ними и молодежь — юные натуралисты. Барс был найден только на третий день на чердаке. Из-под чердачных ступенек недовольно подрагивал его великолепный пушистый хвост. Завадовский в романовском полуботке, в оленьей шапке-ушанке, в двух парах теплых рукавиц во главе сотрудников с 1000-свечовой лампой наступали на мощного зверя, пока не взяли его руками. В то время директору было немногим более 30 лет. Он был высокого роста, широкоплечий, с ладно посаженной головой и копной густых с ранней проседью волос, которые достались ему от матери, имевшей даже в старости длинную косу.

В эти годы больше всего сил М.М. отдавал созданию лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка, о которой мечтал многие годы и оборудование для которой купил на свои средства в Германии. Новое направление исследовательской работы, которое он задумал и начал осуществлять, — причинное изучение индивидуального развития организма, названное им "Динамика развития организма", не имело еще подготовленных кадров. Он писал: "Помощников нужно было создавать из зеленой молодежи начиная со студенческой скамьи. Молодежь гибка, отзывчива на новые идеи, не заражена консерватизмом и отвратительным профессиональным чванством".

Он любил своих учеников, бережно относился к их научному росту. Надеялся, что молодежь будет проводником его идей, в которые он сам твердо верил и которым принес немало жертв.

Лаборатория росла и развивалась, появились молодые люди и из других городов. Был организован практикум, который носил несколько необычный для курсов биологии в университете хирургический характер с уклоном в область эндокринологии. Жизнь в лаборатории была ключом. М.М. Завадовский любовно собирал молодежь вокруг науки, которой и сам был предан беспредельно. Школа Завадовского дала много крупных ученых, вышедших из стен лаборатории зоопарка и Московского университета: проф. Б.А. Кудряшов, проф. Л.Я. Бляхер, проф. Б.П. Токин, д-р биол. наук. П.А. Вундер, проф. Н.А. Ильин, проф. Я.М. Кабак, проф. И.А. Эскин, проф. В.Ф. Ларионов, д-ра биол. наук Т.А. Детлаф, А.Л. Падучева и многие, многие другие. Школа дала более 30 докторов и более 100 кандидатов биологических наук. Своих учеников (по отзывам их самих) Михаил Михайлович не подавлял, а вдохновлял к самостоятельному решению задач. Ученики М.М. и поныне плодотворно трудятся в Московском, С.-Петербургском, Саратовском университетах, в научно-исследовательских институтах РАН, РАМН и др.

Энтузиазм и подъем научной мысли характеризовал и молодежь, окружавшую М.М. в эти годы. Да и сам он был еще молод и полон энтузиазма и надежд. Издание трудов лаборатории экспериментальной биологии получило благоприятный прием за рубежом. Интерес к лаборатории в мире науки выразился и в том, что в эти годы коллектив лаборатории принимал у себя таких ученых, как Шаксель, Гольдшмидт, Баур из Германии, Каммерер и Гофштеттер из Австрии, Эванс, Иеркс, Ден, Ингл, Ридл из Америки, Бенуа, Анри из Франции, Хеммонд

из Англии, ученых Болгарии, Бразилии, Бельгии, Аргентины и других стран. В Германии проф. Пршибрам дал в одной из своих книг фото лаборатории Завадовского как одного из лучших исследовательских учреждений подобного типа в Европе.

Поздравляя лабораторию с ее десятилетием, Н.И.Вавилов писал: "Среди новых научных дисциплин на наших глазах оформляется новый крупный раздел исключительно актуального значения, определяемый как динамика развития организма. М.М.Завадовский конкретно своими работами показал единство эмбрионального и постэмбрионального развития, единство физиологических и генетических методов исследования и прекрасно связал теорию с практикой, повернувши резко этот раздел биологии к зоотехнии и наоборот: зоотехнию в сторону изучения динамики развития организма. М.М.Завадовскому этот раздел обязан оформлением в самостоятельную дисциплину. В Советском Союзе М.М.Завадовский является инициатором и создателем школы биологов, ведущей интенсивную продуктивную исследовательскую работу в этом новом разделе биологии. Исследования М.М.Завадовского и его школы дают интересные образцы применения генетического метода для анализа динамики развития признаков организма и служат проводниками идеи генетики в области физиологии"⁵.

К 30-му году относятся два, определивших дальнейшую судьбу и деятельность М.М. события: переход лаборатории зоопарка в ведение Всесоюзного института животноводства, что усилило его внимание к вопросам и задачам животноводства, и создание кафедры динамики развития организма в Московском государственном университете. Курс "Динамика развития организма" он читал в университете до 1948 г.

В этом же 30-м году М.М. сформулировал свое теоретическое обобщение — принцип обратной связи, или принцип "плюс — минус взаимодействие". Работа эта во многом перекликается с идеями Норберта Винера, которые легли в основу теории кибернетики. Эта, по существу общебиологическая, теория позволила впоследствии объяснить и понять сложные взаимоотношения, осуществляющиеся в организме, и нашла себе применение как в различных областях биологии, так и в медицине. Мысль Завадовского заключалась в том, что развитие любого организма осуществляется на основе взаимодействий, существующих между органами или частями целого организма. Взаимодействие осуществляется по меньшей мере между двумя органами. Если один из органов оказывает на другой стимулирующее влияние, то другой, в свою очередь, — тормозящее, т.е. взаимодействие между органами в теле развивающегося животного носит взаимно противоречивый характер, то, что мы называем теперь обратными связями.

В этом крупном теоретическом обобщении впервые и накануне открытия Винера заложены основы кибернетического анализа в биологии. Монография М.М. "Противоречивое взаимодействие между органами в теле развивающегося животного" была издана в 1941 г., перед самой войной, очень небольшим тиражом и осталась поэтому неизвестной широкой научной общественности. Она была переиздана только в 1981 г. в сборнике "Механизмы гормональных регуляций и роль обратных связей в явлениях развития и гомеостаза" в издательстве "Наука" и посвящена 90-летию со дня рождения М.М. На семинарах у акад. А.М.Ляпунова М.М.Завадовский был признан первооткрывателем биокибернетики, а принцип "плюс — минус взаимодействие" — истинным приоритетом советской науки.

Завадовский продолжал упорно работать, утверждая свои представления о предмете, свои истины, горячо отстаивал их и всегда, при любых обстоятельствах, оставался самим собой. Но работать спокойно становилось все труднее. И жить тоже. В эти 30-е годы страну начинало уже лихорадить, и многие процессы не могли не сказаться в науке. Начались партийные чистки, приклеивание ярлыков, методологические проработки профессоров студентами. Всюду стали искать вредительство, сознательное нежелание заниматься актуальными проблемами. Вместе с Н.К.Кольцовым, И.П.Павловым, И.И.Лазаревым и Самойловым М.М.Завадовский был назван "механистом". Это был первый ярлык, потом он был назван

"вейсманистом-морганистом" вплоть до "пособника врагов народа". Оттуда был один шаг до судьбы миллионов несчастных, разделивших судьбу Вавилова.

"Сам я имел страсть превращать в свою веру других людей. С молодости чувствовал потребность убедить собеседника в том, во что сам верил, в чем убедился. Но считал интересным и достойным достигнуть победы на путях сознания путем убеждения, а не навязывания, тем более насилием и угрозой. Ведь нет ничего легче, как добиться признания своей правоты силой прежде всего от прохвоста — "Я за вами, дяденька". А вместе с тем во всем была видна тенденция поставить на колени и унижить человеческое достоинство. Я не понимал нужды в этом насилии, не видел пользы от этого "сколачивания" идей даже без учета, насколько искренен призыв новой веры", — писал об этом времени Михаил Михайлович.

В 1935 г. Академия сельскохозяйственных наук избрала Завадовского своим действительным членом, а затем вместе с Н.И.Вавиловым и К.Г.Мейстером он был назначен вице-президентом ВАСХНИЛ.

Но жизнь становилась все труднее. М.М.Завадовский увлеченно работал, был полон новых идей и планов. Он все еще был молод и энергичен. Назначение на ответственный пост обязывало к активности прежде всего в деле организации сельскохозяйственной науки. Он видел крупные недостатки в организации научно-исследовательских институтов и станций. Необходимой задачей считал создать и центральный реферативный журнал, который обеспечивал бы информацию о современных достижениях мировой науки в области биологии и сельского хозяйства, и многое, многое другое, что необходимо было для развития сельскохозяйственной науки в стране.

Сам Завадовский в связи с переходом его лаборатории из зоопарка в ведение Института животноводства должен был взглянуть на свои работы в плане их применения к нуждам сельского хозяйства. Он искал пути повышения продуктивности сельскохозяйственных животных с помощью средств, которые создаются самими организмами. Все шире разворачивались исследования по особенно увлекавшей своими практическими перспективами проблеме ускоренного размножения сельскохозяйственных животных — гормональной стимуляции многоплодия. Вопрос о восстановлении поголовья скота и в те годы стоял необыкновенно остро. Начало коллективизации обернулось для страны большой потерей поголовья сельскохозяйственных животных.

Как высоко могла бы быть поднята отечественная наука, сколько могла бы дать, скольких потерь можно было бы избежать, воплотиться в жизнь надежда и труд истинных, честных ученых!

Но этого не случилось. Приход к руководству ВАСХНИЛ Лысенко стал бедствием для биологической науки.

Впервые об агрономе Т.Д.Лысенко Завадовский у слышал в 1934 г. и имел еще до вступления последнего на пост президента сельскохозяйственной Академии с ним существенные разногласия. Не раз М.М. публично выступал против псевдоноваторских невежественных положений Лысенко. Завадовский был одним из первых, кто противостоял этому злу. В 1937 г. когда прежнее руководство ВАСХНИЛ было ложно обвинено во вредительстве, в число пособников так называемых врагов народа были зачислены Н.И.Вавилов, М.М.Завадовский, П.Н.Константинов и др. Газета "Социалистическое земледелие" за 11 января 1938 г. писала: "Оздоровить Академию с/х наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостья из научных учреждений".

В своих воспоминаниях Завадовский пишет: "Эйхе в краткой речи представил Т.Д.Лысенко как нового президента Академии. Период междуцарствия кончился. Началась новая форма жизни. Новая эпоха. Для знакомства с работой и сотрудниками научно-исследовательских институтов, входящих в состав Академии, президент решил устраивать выездные заседания Президиума в недрах институтов. Хорошая сама по себе идея получила, однако, довольно уродливое выраже-

ние... Я, как вице-президент, посетил вместе с Т.Д.Лысенко три института: Ин-т агрохимии и агротехники, Ин-т электрофикации и не помню название третьего института. Заседания носили стереотипный характер. С докладами выступали директора и старшие научные сотрудники. Президенту было скучно слушать доклады. Он непрерывно прерывал докладчиков своими репликами, подолгу говорил сам и, видимо, в своих собственных речах видел основное содержание этих заседаний.

Наблюдая Т.Д.Лысенко, меня не покидала мысль, что передо мною ярко выраженный тип по существу не ученого деятеля, а пророка-проповедника. Он упивался собственными речами. В отношении к работникам институтов был груб, нетактичен. Мало-помалу это приводило к тому, что у людей отпадала охота дискутировать с Лысенко, и они ограничивались короткими репликами и ответами, а то и совсем молчали”.

Так работалось и М.М. Ко всему этому еще личная ненависть к нему Лысенко, который не гнушался ни провокациями, ни подлогами, ни оскорблениями, пытаясь опорочить и политически.

Был Михаил Михайлович человеком глубоко интеллигентным, неагрессивным, немстительным, и вся эта злобная возня терзала его, отвлекала от работы, а порой и не давала работать. Так случилось, когда он однажды в конце лета очень устал, да и сердце начало сдавать. Он купил путевку в санаторий. Но была очень срочная работа по заготовке сыворотки многоплодия (СЖК) для совхозов, и вся лаборатория работала буквально день и ночь. Отец был уже в отпуске. На два дня он приехал к нам в Подмосковье, где жили мы с мамой, а вернувшись, застал повестку в суд. Только что вышел очередной закон о нарушении дисциплины. И его, опросив, ”подвергался ли раньше приводу”, приговорили к отбыванию принудительных работ и штрафу за ”нерадивое отношение к работе и нарушение дисциплины”. Директор института животноводства скрыл от судьи, что сам подписал заявление об отпуске, да и числился М.М. на работе в университете, а не в институте. Но моральный удар был нанесен. Горсуд отменил решение районного суда, но М.М. был потрясен оскорбительной ситуацией, в которой оказался впервые.

Травля ученого шла и в печати. В 1937 г. М.М.Завадовский подает заявление в Совет Министров с просьбой освободить его от должности вице-президента ВАСХНИЛ и мотивирует это невозможностью разделять взгляды и работать рядом с Лысенко. Долго не было ответа. Тогда М.М. пошел в ЦК и снизу, из комендантуры, позвонил руководителю Отделом науки. Сказал, что видит полную невозможность продуктивной работы, да и просто хочет избежать дальнейших издевательств над человеческим достоинством. Он давно подал заявление об уходе с поста вице-президента, но ответа нет... Голос сверху был строг, сказал, что не примет М.М. до тех пор, пока он ”безоговорочно не признает верности позиции и линии поведения Лысенко”. ”Я ответил, — пишет в своих воспоминаниях М.М., — что после того, что только что услышал, мое пребывание на посту вице-президента тем менее оправдано, что я всегда считал себя честным человеком и на сделки ни с чужой, ни со своей честью не входил и на этот раз не имею намерения менять свою линию поведения. Это я говорил уже возмущенным тоном”.

Ответ пришел только в 1938 г. Но 38-й год был не менее страшен, чем 1937-й. Поддерживала уверенность в правоте своих научных исканий и своего гражданского поведения. Он оставался самым собой в самые трудные времена.

В конце 30-х гг. Завадовский сосредоточивает свои силы на практической работе. С помощью своих сотрудников и учеников он успешно разрабатывал и внедрял в практику гормональный метод стимуляции многоплодия сельскохозяйственных животных. К началу 1941 г. накопился огромный материал, говоривший об эффективности метода.

Началась вторая мировая война. Помню, как папа стоя слушает радио — сообщение о войне. Выражение его лица тревожное и потрясенное: я понимаю,

что произошло что-то страшное. Уходя на работу, папа впервые вместо обычно "Aufwiedersehen" громко по-русски говорит: "До свидания".

Бомбежки Москвы начались через месяц, и в первую же ночь от зажигательной бомбы сгорела наша квартира в доме на территории зоопарка. Мы остались без дома и без вещей. Некоторое время жили в чужом кабинете в ВАСХНИЛ. Спали на диване, на столе, на полу.

Осенью Академия эвакуировалась, и папа решил, что мы должны тоже ехать. Уезжали под бомбежкой, в теплушках на нарах и через три недели прибыли в Омск.

Практическое применение работ по многоплодию осуществлялось в основном в совхозах и колхозах Казахстана и Узбекистана, поэтому вскоре Михаил Михайлович получил приглашение на работу в Казахский филиал АН СССР, в Алма-Ату. Здесь он получил лабораторию и сравнительно большой штат сотрудников и мог широко развернуть работы по многоплодию овец, а также исследования метода многоплодия на козах, верблюдах, лошадях и коровах. Это были годы очень напряженной, но дававшей большое удовлетворение работы. Популярность метода среди зоотехников, чабанов была огромна. Вместо одного рождались 2-3 и более крепких и здоровых ягнят, особенно необходимых в голодное военное время. В дальнейшем метод был проверен на миллионах поголовья овец в течение 35 лет и дал дополнительно шерсть, мясо и миллионы в валюте за каракульские шкурки.

Михаил Михайлович и его сотрудники выезжали в дальние совхозы и колхозы, перенося все трудности военного времени в жару и холод, вели инструктирование чабанов, учитывали результаты инъекции сыворотки многоплодия, помогая делу. Он был счастлив, что в эти трудные годы может принести большую пользу родине и увлеченно работал. Часто вечерами, после тяжелого рабочего дня, папа просиживал над картой, передвигал флажки нашего фронта, огорчаясь отступлениям и радуясь победам. Мысль о необходимости в войну вести работу, которая давала бы максимум практического результата, заставила его отложить на время теоретические исследования. Но, как он впоследствии писал, "мечтал о плюс-минус взаимодействии".

И все же, несмотря на все успехи, Лысенко и его подручные непрерывно продолжали третировать и мешать работе. В ход шло все: и травля в печати, и ложь, и публичные оскорбления, вплоть до привлечения к суду за опоздание на 5 мин, и мнимые прогулы, о которых я рассказывала. В 1943 г. предстояло возвращение в Москву. Успехи на фронтах волновали и радовали, но возвращался Завадовский в Москву с тяжелым чувством. Он понимал, что его ждет, и все-таки готовым быть к этому было нельзя. Лысенко продолжал действовать. Но все же самым страшным ударом в эти годы было для М.М. уничтожение его лаборатории. Во время его отсутствия в Москве была разрушена созданная им с такой любовью и трудом лаборатория экспериментальной биологии на территории зоопарка.

Она была с благословения Лысенко и дирекции Института животноводства разрушена и разграблена. Во дворе Института животноводства сжигались книги "вейсманистов-морганистов". И все это делали не немцы, как могло случиться во время войны, а по инициативе Лысенко. Было вывезено ценнейшее оборудование, купленное Завадовским в Германии, разрушен виварий. Ученый был лишен возможности продолжать исследовательскую работу. Но успехи работы по многоплодию сельскохозяйственных животных были так велики, что, несмотря на противодействие лысенковцев всех рангов, М.М. за разработку метода многоплодия сельскохозяйственных животных и успешное внедрение его в практику в 1946 г. была присуждена Государственная премия. Весной 1942 г. была сдана в печать книга "Гормональный метод стимуляции многоплодия овец". В эти годы вышло несколько книг, связанных с разработкой метода многоплодия у коров, коз, черно-серебристых лис, по уплотненному окоту и борьбе с яловостью сельскохозяйственных животных.

Приближалась августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Истинные ученые и среди них и Завадовский объявлены "идейными противниками". М.М. был тяжело болен и не мог присутствовать на сессии.

После 1948 г. Лысенко и его подручные получили возможность с полной безнаказанностью расправляться с неугодными им направлениями в биологии. Была ликвидирована и кафедра динамики развития в Московском университете. М.М. был уволен. Приказ министра высшего образования гласил: "Освободить от работы в Московском университете проводивших активную борьбу с мичуринским (читай — лысенковским — М.З.-С.) учением зав.кафедрой дарвинизма акад. И.И.Шмальгаузена, зав. кафедрой динамики развития проф. М.М.Завадовского, зав.кафедрой физиологии растений проф. Д.А.Сабинина".

Ученики и сотрудники университетской лаборатории М.М. со страхом и горечью думали, как сообщить это известие ему, еще слабому после болезни, а приказ требовал еще и "явиться лично", чтобы получить сообщение об увольнении. Так ученый был лишен еще одной лаборатории и последней возможности продолжать исследовательскую работу.

Монография "Теория и практика гормонального метода стимуляции многоплодия с/з животных" не увидела света, набор книги был рассыпан. Издать ее удалось лишь через семь лет после смерти М.М.Завадовского в 1963 г.

Почти шесть долгих лет он был без работы. Вот как вспоминает об этом один из друзей М.М.: "Тяжелейшее настроение и оцепенение... Часами он сидит неподвижно на маленьком диванчике возле телефона, словно все ждет чего-то. Ни на что не надеясь, ждет, а вдруг зазвонит телефон, кто-то скажет, что он снова может работать. Он ждал и думал, что лишен всякой надежды, а на самом деле она была тут, внутри, готова была заволноваться в его сердце, во всем его существе. Надежда, что он снова поднимется по старой лестнице в университетскую лабораторию, как он делал это более 30 лет. В этой лаборатории он приотился, когда с женой и дочерью приехал снова домой, в Москву, в 1943 году — дом был разрушен бомбежкой. Он приехал прямо сюда, в свою лабораторию — это и был его дом. Он еще помнит трещины по стенам от воздушной волны при взрыве фугасной бомбы, в некоторых местах обвалилась штукатурка, в кабинет забегали крысы из находящегося рядом вивария, но он был так доволен — даже крысы его не раздражали. Лаборатория! Он, наверное, тогда предвидел свои собственные муки, когда приводил в своей книге слова Пастера: "Наконец-то у меня есть то, чего я всегда желал, — лаборатория, доступная мне в любое время". Бывают же странные вещи: каким-то дальним предчувствием прозвучала в этих строчках тоска по лаборатории, тоска, которой суждено было стать в будущем его собственной тоской. Он сейчас реально, всем своим существом, осязал вечную истину, выраженную словами Пастера: "Самые смелые идеи, самые правильные рассуждения только тогда приобретают тело и душу, когда они освящены наблюдением и опытом. Уничтожьте лаборатории, и физические науки явятся воплощением бесплодия и смерти: они представят собою только предметы преподавания, ограниченные и бессильные. Возвратите им лаборатории, и вместе с ними возродится жизнь с ее плодотворностью и могуществом. Без своих лабораторий физик, химик представляют собой солдат без оружия на поле битвы". И, помнится, Михаил Михайлович тогда добавил: "Писал Пастер, даже еще не подозревая, что и биолог столь же остро нуждается в лаборатории". И далее: "Страшные пустые годы 1948-1953-е, они ничего не заключают в себе". Он, академик ВАСХНИЛ, в канун каждого года пишет в годовом отчете в Академию: "Ничего не сделал за отсутствием лаборатории"⁶.

В эти годы М.М.Завадовский активно писал в защиту генетики в ЦК и правительство. Писал Сталину по поводу беззакония и развала биологической науки, творимого Лысенко. Писал, что вместе с Лысенко в науку пришли люди малоквалифицированные, часто беспринципные, принесшие с собой и худшие человеческие качества: нечестность, отсутствие добросовестности и добропорядочности. Письма оставались без ответа. Пресса была закрыта. Он хотел протестовать. Но как? Ни один печатный орган его протестов не принял бы. Его вызывали в НКВД, на Лубянку и в какой-то дом; однажды он показал мне его возле Красных

ворот, под мостом, где проходила железная дорога."Это было что-то вроде допроса. Когда я повернулся уходить, — сказал папа, — грохотал поезд, и у меня было впечатление, что мне выстрелят в спину".

М.М.Завадовский был среди тех подлинных ученых, которые отстаивали чистоту науки и человеческую порядочность с большим достоинством, стойко и самоотверженно, защищая при этом не только собственное достоинство, но и науку будущего, завтрашний день. На заседании, посвященном 90-летию М.М., в Институте им.Кольцова АН СССР он многими знавшими его людьми был назван рыцарем в науке и жизни.

Особую тревогу у Михаила Михайловича вызывали те деформации, которые могут произойти в умах научной молодежи. Он как-то сказал знакомому журналисту А.Шарову: "Я-то что, хоть и немногое, но успел все же сделать... Жалко студентов. Им сейчас ужасно трудно не запутаться. А если они запутаются, как трудно будет потом выпутываться науке. Впрочем, я в своих ребят верю"⁷.

Только в 1954 г. М.М.Завадовскому было предложено возглавить лабораторию во Всесоюзном институте животноводства. Он с радостью взялся за работу. Но здоровье было очень подорвано и не позволяло сделать многое из того, что хотелось. Это была расплата за ту борьбу, которую еще недавно он, смелый, сильный и здоровый человек, вел. Вновь организованная лаборатория была названа "Лаборатория физиологии развития" и занималась вопросами многоплодия сельскохозяйственных животных и применения гормонов в животноводстве. Экспериментальной базой был совхоз "Чим-Курган", который применял метод Завадовского более 35 лет (и в годы запрета метода), ежегодно пуская под многоплодие 25-30 тыс. овец и получая высокий процент ягнят без вредных последствий для овцематок и сортности шкурки.

У М.М. Завадовского были широкие планы развития работ лаборатории как в практическом, так и в теоретическом аспекте с применением современных достижений в области биохимии, физиологии, эндокринологии. В феврале 1957 г. он сделал на Всесоюзном совещании эмбриологов последний свой доклад. 28 марта этого же года М.М. не стало. Он похоронен на Введенском кладбище.

В первые годы после смерти папы мне часто приходили на память когда-то прочитанные у Фейхтвангера горькие слова: "Он уже не мог оправиться, какой бы броней скепсиса, разума и мужества он ни одел свое сердце".

Примечание

¹ Наиболее полный список научных трудов его см. в сб.: Механизмы гормональных регуляций и роль обратных связей в явлениях развития и гомеостаза. М., 1981.

² Красная новь. 1923. Кн.1.

³ Лич. арх. М.М.Завадовской-Саченко.

⁴ Неопубликованный доклад "Жизнь и творческий путь М.М.Завадовского".

⁵ Тр. по динамике развития. Т.10. С.9-11.

⁶ Неопубликованный очерк И.М.Зусманович "Михаил Михайлович Завадовский" // Лич. арх. М.М.Завадовской-Саченко.

⁷ Шаров А. Заметки о генетике // Знамя. 1965. N 4.

В.И.Назаров

ОТСТАВНОЙ ДАРВИНИСТ

Жизнь многих советских биологов, оставшихся верными своим научным взглядам после 1948 г., отмечена трагическим единообразием, во всяком случае поначалу. Отстранение от работы, увольнение, если не более суровые кары, поиск заработка, смена профессии и места жительства, долгое и мучительное ожидание перемен к лучшему. Через подобные испытания прошли почти все. Одни не выдержали ожидания и ушли из жизни; другие, которых можно считать счастливыми, дожили до более светлых дней и еще успели сказать свое слово в науке.

Мне бы хотелось рассказать об одном из таких "счастливых" — Александре Александровиче Парамонове, 100-летие со дня рождения которого недавно отмечалось нашей научной общественностью.

У А.А.Парамонова достаточно громкое имя. Он был одним из самых ярких и талантливых интерпретаторов и пропагандистов дарвинизма в нашей стране и одновременно известным во всем мире фитогельминтологом. Как дарвиниста его постигла участь всех честных биологов: целых 17 лет он был лишен возможности преподавать в вузах и публиковать свои труды по эволюционной теории. Но он дожил до светлого дня, когда злые чары лысенкоизма были разрушены, а преследуемые и гонимые вновь обрели свое доброе имя. Тогда именно его, а не кого-то другого пригласили заведовать кафедрой дарвинизма первого вуза страны — Московского государственного университета, которой до 1948 г. руководил академик И.И.Шмальгаузен. Слушать лекции 75-летнего опального дарвиниста кроме студентов (а на них регулярно присутствовали и пятикурсники, уже изучавшие дарвинизм в лысенковском варианте) приходили чуть ли не все преподаватели биофака и многочисленные сотрудники других учреждений. Всегда до предела забитая Большая биологическая аудитория была для него лучшей наградой за вынужденное долгое молчание. Это было место, где студенты и профессора становились равными: и те и другие превращались в учеников, они как бы принимали таинство очищения и приобщения к истине...

Мне посчастливилось быть непосредственным свидетелем последнего периода жизни А.А.Парамонова. В 1964 г. я поступил в заочную аспирантуру Московского университета по кафедре дарвинизма и начал разрабатывать свою тему с правоверных позиций мичуринской биологии. Через год на эту кафедру пришел профессор Парамонов, заменивший на посту ее заведующего, лысенкоиста Ф.А. Дворянкина.

Смена начальства для подчиненного всегда событие, а тут не простая смена личностей, но полнейший поворот в мировоззрении, методах, организационных принципах! Пришел убежденный противник всего того, что было до него. Пришел на крыльях всеобщей победы! Стоит ли говорить, с какими смешанными чувствами обостренного любопытства, нетерпения, тревоги и надежды ожидал его появ-

ления маленький коллектив кафедры (вместе с аспирантами на ней работали всего 10 сотрудников), психологически уже подготовленный к неизбежной перемене.

На первом заседании кафедры я не присутствовал. Просто не мог на это решиться, будучи всего лишь аспирантом второго года обучения и к тому же заочником. Но вскоре А.А. сам пригласил меня на заседания и сразу выразил согласие стать моим научным руководителем. Он считал, что аспиранты должны быть в курсе кафедральных дел и принимать непосредственное посильное участие в реализации ее научной программы. Я был на седьмом небе от счастья.

Тогда-то я смог лично понаблюдать, с каким искренним и неподдельным уважением и предупредительностью относились к Парамонову практически все сотрудники, а на лице молодого Алексея Северцова — тогда просто младшего научного сотрудника без степени — светилась радость единомышленника. Скромность и настороженность читались лишь на лицах преподавателей Н.М.Шапочки и В.А.Пронина, за плечами которых был не один год ревностной пропаганды советского творческого дарвинизма. Профессора Ф.А.Дворянкина на заседаниях кафедры я никогда не видел.

С того момента прошло много лет. Но передо мной и сегодня стоит светлый образ моего учителя, звучит его тихий, неторопливый голос.

В этом человеке от рождения все было гармонично, цельно и естественно. Пленительная ясность его ума сочеталась с внешним обаянием. Всегда прямой, подтянутый, по-юношески стройный, он выглядел гораздо моложе своих лет и казался выше ростом. А.А. и вел себя подобающе: например, он любил шагать через две ступеньки. После лекции, если не торопился, то шел пешком до панорамной площадки, чтобы ехать домой на 7-м троллейбусе или на катере.

Большие, серые, немного грустные глаза всей своей глубиной смотрели на собеседника, выражая полное внимание и готовность к участию. Этим свойством А.А. разительно отличался от преподавателей молодого поколения и помимо собственной воли обнаруживал принадлежность к старой русской интеллигенции.

Любил и умел А.А. хорошо одеться. На нем чаще всего был однобортный костюм его излюбленного серого цвета, который всегда выглядел, словно только что купленный. Говорил он тихим, вкрадчивым голосом, но в разнообразии интонаций и богатстве их эмоциональной окраски мог бы состязаться с любым профессиональным артистом. В сочетании с самим стилем подачи материала его речь достигала такого же эффекта убеждения, какового иной лектор добивается форсированием голоса и жестом.

В неофициальной обстановке А.А. очень любил пошутить, рассказать старый анекдот. При этом он непринужденно, по-детски смеялся.

Таким же тихим и ровным голосом, словно по писаному, читал А.А. лекции по дарвинизму в Большой биологической аудитории. Строил он их так же, как писал книги: словно все, что он говорил, составляло единую ткань, сотканную из прочных логических нитей. Одна мысль органично вытекала из другой, и этот непрерывный поток мысли овладевал вниманием аудитории с гипнотической силой. С первых минут лекции всем становилось ясно, что они слушают Мастера.

Никакими заметками для памяти А.А. не пользовался. Во время лекции он попеременно то стоял, заложив руки за спину или охватив ими кафедру, словно и ее хотел научить своей науке, то ходил размеренными шагами вдоль подиума.

Дарвинизм был любимым предметом А.А., причем эта любовь пришла к нему, можно сказать, уже в юношеские годы. Проблемами эволюции он стал интересоваться в бытность студентом Московского университета, когда по приглашению своего учителя, профессора зоологии Н.М.Кулагина, в 1921-1923 гг. стал одновременно работать его ассистентом в Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева (ТСХА) и вести практикум по курсу общей зоологии. Затем, уже после окончания университета, А.А. был ассистентом Кулагина на кафедре энтомологии Московского университета (1923-1926). Общение с этим выдающимся ученым, который культивировал в своих учениках разносторонность научных интересов и

стремление к их согласованию с практическими запросами народного хозяйства, явилось важнейшим фактором становления Парамонова как зоолога-эволюциониста.

Второй, еще более значимой школой стала для А.А. работа в Академии коммунистического воспитания им.Н.К.Крупской: в 1927-1932 гг. в качестве доцента, а с 1933 г. в качестве профессора. Время упорного труда именно в этом неординарном учебном заведении, где от преподавателя требовалось умение отвечать на любые вопросы воспитанников, позволило А.А. приобрести опыт, необходимый для того, чтобы с 1937 г. начать чтение систематического курса дарвинизма в Сельхозакадемии. К этому моменту он был уже известен как автор серии работ по биологии и промыслу пушных зверей, систематике и эволюции нематод. Таким образом, при решении теоретических вопросов, связанных с разработкой программы по дарвинизму, А.А. мог опираться на собственный многообразный опыт практических исследований в области систематики, экологии и видообразования. В русле тех же интересов протекала деятельность А.А. и в качестве действительного члена Зоологического музея Московского университета (1934-1937).

После смерти Н.М.Кулагина в 1940 г. Парамонов возглавлял его кафедру зоологии в Сельхозакадемии (1941-1948) и наряду с дарвинизмом читал курс зоологии¹. Уже тогда мастерство Парамонова как лектора поставило его в разряд лучших профессоров Академии. Его лекции проходили при переполненной аудитории, на них стекались студенты с других факультетов. Таким образом, научная карьера и характер деятельности А.А. окончательно определились еще в предвоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны А.А. оставался на посту зав.кафедрой ТСХА. На этот период, вплоть до 1948 г., приходятся публикации его важнейших руководств по дарвинизму². Главное значение из них имело создание капитального "Курса дарвинизма"³ — фактически первого учебника для вузов. Выход в 1945 г. этого труда был крупным событием не только в истории преподавания и пропаганды этой общебиологической дисциплины, но и в разработке самих ее проблем. Поэтому на его характеристике целесообразно остановиться специально.

Принципиально важно отметить, что в "Курс..." вошли разделы, посвященные законам Менделя и важнейшим открытиям Моргана и его школы (сцепление генов, кроссинговер, перестройки хромосом, дальнейшее развитие теории гена и др.). На его страницах получил объективное отражение вклад в утверждение и развитие дарвинизма русских и советских ученых: братьев Ковалевских, Тимирязева, Мензбира, Северцова, Шмальгаузена. Упоминалось в нем и о работах Мичурина и Лысенко. Кроме того, книга содержала немало оригинальных мыслей и новых фактов, добытых самим Парамоновым в ходе его исследовательской деятельности. В частности, уже здесь он настойчиво проводил идею, которая впоследствии заняла центральное место в его трудах и лекциях по дарвинизму, а именно: что эволюция есть основное условие существования биологических видов и что, следовательно, она представляет собой форму биологической необходимости.

На базе "Курса..." Парамонов подготовил краткий и несколько облегченный учебник дарвинизма для учительских институтов⁴, который вышел в следующем году.

По мере укрепления позиций Т.Д.Лысенко и его единомышленников становилась все более очевидной методологическая несовместимость положений так называемого советского творческого дарвинизма и принципов, которые неустанно пропагандировал Парамонов.

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет после разгрома Лысенко советской биологии, очень трудно восстановить конкретную картину событий, разворачивавшихся в стенах ТСХА накануне августовской сессии ВАСХНИЛ. Все мои попытки разыскать необходимые документы, по которым можно было бы установить, когда, с кем именно и в связи с какими вопросами Парамонову приходилось вступать в борьбу, закончились неудачей. Показательно, что в каталоге Архива ТСХА личное дело профессора А.А.Парамонова значится под номером 1700, но самого дела нет. Мы пытались отыскать дела некоторых других "опальных"

преподавателей и студентов — та же картина. Невольно пришла в голову частая ситуация с лотерейными билетами, когда выигрыш падает именно на тот билет, который отсутствует в имеющейся у тебя серии. Очевидно, чья-то рука, направляемая указаниями свыше, предусмотрительно изъяла эти дела, дабы когда-нибудь не раскрылись неблагоприятные деяния руководства.

К сожалению, большинства людей, которые работали в Академии вместе с А.А. и хорошо его знали, уже нет в живых. Мне довелось встретиться только с двумя очевидцами тех событий: профессором Т.Е.Бурделевым, продолжающим, несмотря на свой почтенный возраст, активную преподавательскую деятельность, и И.И.Соколовской (женой академика ТСХА В.К.Милованова) из Всесоюзного института животноводства. Но оба они мало что смогли добавить к тому, что мне было уже известно. По свидетельству Бурделева, бурные собрания, на которых дебатировались острые проблемы дарвинизма и генетики, время от времени проходили в стенах Академии начиная с 30-х годов, и Парамонов был их деятельным участником. В отличие от коллег и студентов академическое начальство его недолюбливало. Трения между ними особенно усилились, когда ректором Академии стал лысенковец В.С.Немчинов.

В феврале 1948 г. Парамонов принял участие в специальной Всесоюзной научной конференции по проблемам дарвинизма (Москва), на которую съехались представители университетов Москвы, Ленинграда, Харькова, Саратова, Горького, Львова, научно-исследовательских учреждений АН СССР, Академии медицинских наук и Сельхозакадемии. На этой конференции А.А. вместе с академиками В.Н.Сукачевым, И.И.Шмальгаузен, профессорами Г.Ф.Гаузе, Б.М. Завадовским, К.М.Завадским, М.М.Камшиловым, В.П.Эфроимсоном и многими другими видными учеными отстаивал принципы подлинного дарвинизма (в частности, реальность внутривидовой борьбы за существование). И.И.Шмальгаузен и А.А. Парамонов оценили представления о дарвинизме Т.Д.Лысенко как наивный ламаркизм, стоящий на уровне науки прошлого века.

Б.С.Матвеев вспоминал⁵, что летом того же года, буквально накануне августовской сессии, когда за несогласие с взглядами Лысенко ученых уже снимали с работы, Парамонов выступил в Политехническом музее с публичной лекцией о виде, в которой обосновывал диалектико-материалистические основы дарвинизма и одновременно критиковал соответствующие представления Лысенко.

7 августа 1948 г. закончилась сессия ВАСХНИЛ, а 21 августа приказом министра высшего образования Кафтанова Парамонов был уволен из Академии "по обвинению в вейсманизме-морганизме", как записал А.А. в автобиографии⁶. Этот факт явился для него достаточно неожиданным, как, впрочем, и сама сессия ВАСХНИЛ, которая готовилась втайне.

Многим нашим биологам известен один яркий эпизод, рассказ о котором передавался подобно легенде, от поколения к поколению. В последний день пребывания Парамонова в Сельскохозяйственной академии, когда студенты прощались с любимым профессором, один из них — Сергей Мюге — от лица своих товарищей и от себя лично преподнес ему букет цветов. Этот коллективный акт тут же стал известен академическому начальству, которое не преминуло придать ему политическую окраску. За публичное осуждение административных мер против Парамонова Мюге был исключен из Академии, а по некоторым версиям — арестован. Профессор Бурделев сообщил мне также, что еще один студент, фамилии которого он не помнит, за активную солидарность с Парамоновым и резкие слова по адресу лысенковцев подвергся пятилетнему тюремному заключению. К сожалению, восстановить содержание выступлений студентов сейчас, по-видимому, не представляется возможным. Как сообщил мне зав.кафедрой высших растений МГУ член-корреспондент РАН В.Н.Тихомиров, у него на кафедре хранилась неопубликованная рукопись Жореса Медведева "Биология и культ личности", где был отражен эпизод с Мюге. Но с некоторых пор эта рукопись исчезла.

Мстительность властей, кажется, достигла предела, редкого в истории цивилизованного общества. Уже спустя два десятилетия после описанного события сына С.Г.Мюге из-за отца долгое время не брали на работу. Сам же отец, каким-то чудом защитивший впоследствии диссертацию, эмигрировал в США.

Вскоре на А.А.Парамонова обрушился и второй удар, потребовавший от него большого мужества и даже политической стойкости. В конце 1949 г. в связи с готовившимся ко второму изданию его "Курсом дарвинизма" он был вызван в специальную комиссию при Педагогической академии для беседы. Книга была уже набрана и должна была выйти с грифом этой академии, на что имелась санкция Главлита. Парамонову было предложено пересмотреть методологию учебника и принять биологическую концепцию академика Лысенко. В противном случае выход в свет его учебника не состоится. Парамонов предпочел второй вариант, и набор книги был рассыпан.

Отстранение от преподавания и неудача с книгой подействовали на психику и здоровье А.А. В июне 1950 г. он тяжело заболел на нервной почве (диагноз: анилоспазмы церебральных сосудов), получил инвалидность II группы и вынужден был уволиться из Биологического музея им. К.А.Тимирязева, куда незадолго устроился ради заработка (он проработал в должности зам.директора по науке с февраля по конец августа 1950 г.)⁷.

В 1948-1959 гг., если не считать предисловия к русскому изданию книги Дж.Г.Симпсона⁸, не вышло ни одной публикации А.А. Что касается дарвинизма, то в этой области его голос умолк до 1957г.⁹.

Биологи, уволенные по обвинению в принадлежности к вейсманизму-морганнизму, оказывались в собственной стране в положении изгоев: им было очень трудно, если не невозможно, устроиться на работу по специальности. Руководители учреждений, нарушавшие негласный запрет на трудоустройство изгнанных из других кафедр и лабораторий, были или очень крупными учеными, авторитет которых позволял им пользоваться известной независимостью, либо людьми, сознательно шедшими на риск. Так или иначе, в конце 1949 г. академик К.И.Скрябин, зная еще довоенные труды А.А. по свободноживущим и паразитическим нематодам, пригласил его на должность лаборанта во Всесоюзный институт гельминтологии, а в 1952 г. А.А. стал научным сотрудником Гельминтологической лаборатории АН СССР, где он работал до конца жизни. Начался новый и в высшей степени плодотворный этап жизни Парамонова, ознаменовавшийся созданием основополагающих трудов по фитогельминтологии и мировым признанием (А.А. лично подготовлены и вышли в свет 4 тома "Основ фитогельминтологии"). Разрабатывая теоретические основы фитогельминтологии, Парамонов подходил к анализу проблем морфологии, систематики, экологии, эволюции и филогении нематод прежде всего как мыслящий дарвинист широкого профиля. Изучение огромного материала по видовым и родовым приспособлениям фитогельминтов к специфическим условиям существования позволило ему выяснить филогению и пути приспособительной эволюции многих систематических групп и в то же время предложить эффективные меры борьбы с их различными видами. Отлично помню, как А.А. говорил мне, что видит свою специфическую задачу как дарвиниста в установлении особенностей действия естественного отбора в каждой таксономической группе. В этом он, собственно, и усматривал главный предмет эволюционного метода познания, недоступный другим биологическим наукам. Им была выдвинута теория, согласно которой фитогельминтов следует рассматривать как одну из форм биоценотического процесса.

Проводя исследовательскую работу огромного масштаба, А.А. успевал заботиться о научной смене (под его руководством было выполнено 28 кандидатских диссертаций, из которых 11 защищены еще при его жизни) и пропагандировать проблемы и достижения фитогельминтологии. Он постоянно выступал с лекциями и докладами перед самыми различными аудиториями. Начиная с 1954 г. А.А. читал курс фитогельминтологии на кафедре зоологии беспозвоночных МГУ.

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность Парамонов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, за работу в годы Великой Отечественной войны — тремя медалями. В течении последних трех лет жизни А.А., его лаборатория, Президиум АН СССР, ректорат Московского государственного университета, Сельскохозяйственная академия — словом, все учреждения, где он работал, и еще ряд других научных и общественных организаций ходатайствовали перед Верховным Советом РСФСР о присвоении Парамонову почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР, но смерть А.А. в 1970 г. опередила это событие.

Снискав высокий авторитет и признание (теперь уже в области гельминтологии), А.А. оставался очень скромным и доступным человеком, а его жилищные условия были таковы, что он не решался приглашать к себе никого, кроме близких людей. Всю жизнь А.А. прожил на Арбате в коммунальной квартире на первом этаже 2-этажного дома, без ванной, в двух крошечных комнатушках и такой же крошечной прихожей, в окружении соседей с неопределенным родом занятий. Когда звонил телефон или раздавался стук во входную дверь (а происходило это достаточно часто, причем посетители приходили в основном к соседям), комната А.А. оглашалась пронзительным лаем любимой Ланы, которая при этом нетерпеливо скреблась в дверь. Если же Лане удавалось открыть дверь, она с шумом устремлялась в общий коридор навстречу возмутителю спокойствия, после чего следовали энергичные окрики жены А.А. Потом на какое-то время воцарялась тишина, с тем чтобы через 10-15 мин все началось сначала.

Лана была беспородной сукой, одной из тех многочисленных бездомных существ, брошенных своими хозяевами или отнятых А.А. у мальчишек-мучителей, которых он по доброте души неизменно тащил в дом. Ему всегда везло на встречи с беспомощными птенцами, котятками, покалеченными голубями, и всех их А.А. помещал в свою рабочую комнату. В пору, когда я был аспирантом А.А. и часто бывал у него на Арбате, там жили кроме Ланы три галки, ворона и два кота. Случалось, между ними происходили ссоры, и тогда жилище А.А. оглашалось громким лаем, карканьем и воем. В таких случаях А.А., для вида вооружившись палкой или плеткой, разводил враждующие стороны по разным комнатушкам.

Цельность природы А.А. проявлялась в его одинаково добром отношении как к животным, так и к людям. Когда после долгого царствования лысенковцев А.А. пришел на кафедру дарвинизма МГУ и стал перестраивать работу, ему нужно было выгнать большинство ее сотрудников. Но он этого не сделал, потому что всегда оставался человеком, и, значит, не мог использовать силу по отношению к тем, кто в данный момент был слабым. Он сохранил на кафедре даже Дворянкина, разрешив ему с сотрудниками по лаборатории заниматься прежними исследованиями. Коллега и соратник Парамонова по кафедре профессор П.В.Матекин, называвший его любя "беспринципным альтруистом", однажды задал А.А. вопрос, как тот поступил бы, увидев человека, возможно преступника, спасающегося бегством от преследования; впустил бы он его в свой дом? "Конечно, впустил бы", — был ответ.

А.А.Парамонов умер 11 июня 1970 г. на 80-м году жизни в больнице от туберкулеза почки (вторая почка была у него удалена раньше), сохранив до последнего дыхания дарованную ему природой ясность ума. Возле него неотлучно находились жена, Мария Игнатьевна, и Петр Владимирович Матекин. Кончина А.А. не была внезапной. Обострение хронической болезни омрачало его жизнь долгие месяцы. Но он находил в себе силы писать очередной том по фитогельминтологии и бывать на кафедре в университете.

Время летит, и никому не дано задержать его или повторить прошлое, как нельзя исполнить музыкальное произведение от конца к началу. Шестидесятые годы, когда люди еще не лишились надежд и были готовы к высокой самоотдаче, уходят все дальше в историю. В дымке, которой их все больше окутывает наше сознание, некогда реальные образы и события понемногу утрачивают четкие

очертания и вместе с тем окрашиваются в романтико-героические тона. Свет и энергия при этом, как и всегда, исходят от ярких личностей. Одной из таких личностей для меня, как и для многих других, был, бесспорно, Александр Александрович Парамонов.

Если кто-либо спросил бы, какие события, связанные с А.А., произвели на меня наибольшее впечатление, то я назвал бы прежде всего его блестящую лекцию в Политехническом музее¹⁰, положившую начало последнему могучему подъему его творческих сил. Непривычно битком забитый зал Центрального лектория, напряженная, всепоглощающая тишина аудитории, гром аплодисментов и плотное кольцо радостно возбужденных людей, окруживших А.А. после лекции, прочно врезались в память. Хорошо помню, с каким подъемом и вдохновением набрасывал А.А. глубоко диалектическую картину чудесного преобразования мутаций из фактора разрушающего в фактор созидательный. Он наглядно показывал при этом, что эти чудеса совершаются благодаря рекомбинациям генетического материала при скрещиваниях, отбирающей и накапливающей деятельности естественного отбора. В результате этого процесса "ошибки" в точном воспроизведении наследственности обращались на пользу вида, позволяя ему изменяться сообразно новой обстановке.

Не могу забыть, конечно, и лекции А.А. на биофаке, и не только их содержание, но и то особое внимание, с которым их слушала аудитория. Строить всегда легче, чем перестраивать. А.А. был строителем на пустом месте, потому что умы его слушателей были буквально опустошены бесплодием лысенковской биологии.

В заключение хотелось бы коротко сказать о трудах А.А. последних лет. В условиях вакуума, возникшего в биологии в связи с запретом на генетику и фальсификацией дарвинизма, работы Парамонова, опубликованные вскоре после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. были в числе первых, положивших начало процессу возвращения попорченной науки. Научное сообщество переживало тогда сильный литературный голод; совсем не было книг по генетике и дарвинизму, не испорченному мичуринцами и лысенкоистами. Помню, что появление книжки З.И.Бермана с соавторами воспринималось как большое событие и что ее очень непростое было получить в читальном зале¹¹. Для второй книги этого коллективного труда А.А. были подготовлены разделы о путях и закономерностях эволюционного процесса и об управлении этим процессом¹².

Другой наиболее существенный труд А.А. был издан уже посмертно и не скоро. Я имею в виду 2-е издание "Курса дарвинизма", набор которого был в свое время рассыпан. На основе экземпляра его корректуры, сохраненной директором Государственного Дарвиновского музея В.Н.Игнатовой, последних работ А.А. по эволюции, а также необходимых изменений и дополнение, сделанных с учетом современных данных, А.В.Яблоков и В.М.Захаров выпустили в 1978 г. книгу А.А.Парамонова "Дарвинизм", достойно венчающую его творчество. На сегодняшний день она остается в числе учебных пособий для педагогических институтов.

При подготовке настоящей статьи автор пользовался также другими источниками¹³.

Примечания

¹ Параллельно по совместительству А.А.Парамонов в 1943-1946 гг. вел курс на кафедре дарвинизма Московского государственного университета, которой в то время заведовал И.И.Шмальгаузен. А.А. всегда высоко чтит Шмальгаузена и рассматривал его труды как самый выдающийся вклад в развитие дарвинизма. В 1946 г. он с большим сожалением оставил эту кафедру, мотивируя свой уход "основательной загруженностью по своей основной работе в Московской сельскохозяйственной академии" (См.: Арх. МГУ, Ф. N 1, оп. 34 л, ед.хр. N 6810).

² В это время вышли: "Хрестоматия по дарвинизму" (1941, совместно с С.А.Новиковым), главы по дарвинизму в "Общей биологии" (1941), "Методические указания по курсу дарвинизма" (1941), "Дарвинизм: Главы по общей биологии" (1945, под ред. В.А.Дорфмана), "Курс дарвинизма" (1945), 2-е издание "Хрестоматии по дарвинизму" (1945), "Основы дарвинизма" (1946), статья "В защиту дарвинизма в сельскохозяйственных вузах" (см.: Вестн. высш.шк. 1946. Вып. 11-12. С. 13-15),

"Дарвинизм: Методические указания с кратким изложением курса для заочников пединститутов" (2-е изд. 1947).

³ Курс дарвинизма. М., 1945.

⁴ Основы дарвинизма: Учебник для учительских институтов. М., 1946.

⁵ Матвеев Б.С. К 70-летию со дня рождения А.А.Парамонова // Вопр. фитогельминтологии. 1961. С.3-29.

Борис Степанович Матвеев (1889-1973) — выдающийся сравнительный анатом, ученик и последователь А.Н.Северцова, старейший профессор кафедры зоологии позвоночных МГУ.

⁶ Арх. АН СССР, ф.411, оп.58, д. № 1299.

⁷ По сведениям отдела кадров Биологического музея им.К.А.Тимирязева, А.А.Парамонов вернулся в музей после выздоровления и проработал в должности старшего научного сотрудника-консультанта с 1.06.51 по 1.06.52. Согласно служебным характеристикам о работе в музее, сохранившимся в Архиве АН СССР, А.А.Парамонов якобы активно осуществлял коренную перестройку деятельности музея на основе принципов мичуринской биологии. Личное дело Парамонова, как и дела всех прочих сотрудников, работавших в музее в 1946-1952 гг., в архиве отсутствует.

⁸ Симпсон Дж.Г. Формы и темпы эволюции. М., 1948.

⁹ В 1957 г. в Москве вышла книга А.Д.Некрасова "Чарлз Дарвин" с вводной статьей А.А.Парамонова, озаглавленной "Основные предпосылки развития дарвинизма". В том же году в "Известиях АН СССР" была опубликована статья А.А. "К методологии теории Чарлза Дарвина" (Сер. биол. N 3. С.360-368).

¹⁰ Эта лекция легла в основу брошюры "Современные проблемы эволюционной теории", выпущенной издательством "Знание" в серии "Биология" в 1967 г.

¹¹ Берман З.И., Завадский К.М., Зеликман А.Л., Парамонов А.А., Полянский Ю.И. Современные проблемы эволюционной теории. Л., 1967.

¹² Парамонов А.А. Пути и закономерности эволюционного процесса: Основные принципы филогенетики // Современные проблемы эволюционной теории. Л., 1967. С.342-411.

¹³ Константин Иванович Скрябин: Жизнь и деятельность. М., 1976; Крылов П.С., Шавров Г.Н. Профессор А.А.Парамонов — выдающийся ученый-биолог и фитогельминтолог // Нематоды растений. Воронеж, 1972. С.5-8; Скрябин К.И. Моя жизнь в науке. М., 1969; Скрябин К.И., Турлыгина Е.С. Профессор А.А.Парамонов как фитогельминтолог // Вопр. фитогельминтологии. 1961. С.3-6; Список научных трудов проф. А.А.Парамонова // Там же. С.13-16; Федотов Д.М. Александр Александрович Парамонов (К 70-летию со дня рождения) // Там же. С.7-10; Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884-1963). М., 1988.

Константин Иванович Скрябин (1878-1972) — академик трех советских академий, основатель школы гельминтологов мирового значения, крупный организатор науки.

В.С.Танасийчук

АРЕСТЫ НА МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ В 1933 ГОДУ

Предисловие*

Мурманская биологическая станция в течение более чем пяти десятилетий была самым северным научным учреждением России, сыгравшим важную роль в изучении морей нашего Севера. Проведенные на ее базе гидробиологические, ихтиологические, гидрохимические и многие другие работы заложили базу для широких исследований, проводимых в наше время. Тут работали выдающиеся ученые, многие исследователи именно здесь начали свой путь в науку.

Станция задумывалась как аналог знаменитой Неаполитанской зоологической станции, как место для работы ученых самых разных специальностей, связанных с морем. Она была организована Петербургским обществом естествоиспытателей в 1881 г. первоначально на Соловецких островах, а в 1899 г. перенесена на берег Екатерининской гавани, около г.Александровск, позднее переименованного в Полярное.

Для ее первоначального обустройства очень много сделали профессор К.М.Дерюгин и избранный заведующим станцией С.В.Аверинцев. Сначала работы велись на рыбацких лодках, но уже в 1904 г. был привезен из Петербурга парусный бот "Орка", а в 1908 г. под наблюдением профессора Политехнического института А.П.Фан дер Флита была построена моторно-парусная исследовательская шхуна "Александр Ковалевский", что позволило значительно расширить исследования.

В 1908 г. заведующим станцией был избран гидробиолог Герман Августович Клюге (1871-1956). Приват-доцент Казанского университета, специалист по мшанкам, он имел опыт работы в зарубежных музеях и на Неаполитанской зоологической станции. Став руководителем Мурманской станции, весной 1909 г. Г.А.Клюге объехал морские биологические станции Дании, Швеции и Норвегии, где ознакомился с постановкой исследовательских работ.

При нем станция сделалась образцовым научным учреждением с прекрасными морскими аквариумами, богатой библиотекой, музеем, рабочими местами и всем необходимым для проведения гидробиологических работ в море. Количество ученых и студентов, приезжающих на станцию, постоянно росло, и перед первой мировой войной на станции ежегодно работали 15-25 исследователей. Ими было выполнено около 100 научных работ, главным образом по гидробиологии, в том числе К.М.Дерюгиным — монография "Фауна Кольского залива и условия ее существования". Кроме того, ежегодно комплектовались десятки коллекций мор-

* Предисловие, послесловие и примечания доктора биологических наук В.Н.Танасийчука.

ской фауны, рассылавшихся высшим и средним учебным заведениям, а также различным музеям и специалистам.

Работы станции были прерваны первой мировой войной, ее здания были заняты Морским ведомством. Сотрудники разъехались, но Г.А.Клюге остался, чтобы сберечь музей, библиотеку и оборудование. Оставался он здесь и во время английской оккупации, сумев сохранить музейные коллекции, которые интервенты пытались вывезти. Не согласился он и сам уехать в Англию, что ему неоднократно предлагали.

После окончания гражданской войны благодаря энергии и настойчивости Г.А.Клюге станция была восстановлена, и на ней снова развернулась научная работа.

С 1921 г. были возобновлены комплексные разрезы по Кольскому меридиану, проводящиеся по международной программе; в 1928 г. к ним прибавились разрезы по 38-му меридиану, они велись на военных тральщиках. Каждые 30 миль к северу суда останавливались на несколько часов для производства биологических, гидрологических и метеорологических работ; во время перехода проводилась первичная обработка материала, затем новая станция — и так до кромки льда.

Крупнейший авторитет в области полярных исследований Фритшоф Хансен сказал об этих разрезах: "Если бы станция вела только одни исследования Баренцева моря в пределах Кольского меридиана, то этой работой она вполне оправдала свое существование"¹. Но кроме этих исследований проводились ежемесячные работы по Кольскому заливу, велись изучение литорали залива и сбор самого разнообразного научного материала. Его обработка проводилась в лабораториях станции; кроме 10-11 штатных сотрудников каждый сезон здесь работали многие десятки исследователей и студентов из Ленинграда, Москвы и других городов. По инициативе академика И.П.Павлова на станции развернул исследование по сравнительной физиологии Е.М.Крепс (1899-1985), в будущем академик.

Среди работавших на Мурманской станции ученых — будущие академики зоолог А.В.Иванов (1906-1992), геохимик, ученик Вернадского А.П.Виноградов (1895-1975), геофизик и океанолог В.В.Шулейкин (1895-1979), гидробиолог Л.А.Зенкевич (1889-1970), члены-корреспонденты Академии наук биохимик, физиолог и микробиолог В.С.Буткевич (1872-1942), протозоолог и паразитолог Ю.И.Полынский (р.1904), знаменитый океанолог и полярный исследователь Н.Н.Зубов (1885-1960), зоолог и художник-анималист Н.Н.Кондаков (р.1906), морфологический эволюционист Н.А.Ливанов (1876-1974) и Д.М.Федотов (1888-1972), эмбриолог Г.А.Шмидт (1896-1979), гидробиологи П.А.Ушаков (1903-1992), Е.Ф.Гурьянова (1902-1981) и многие другие ученые.

Пополнился флот станции, было заказано в Норвегии и в 1928 г. получено новое научно-исследовательское судно "Николай Книпович".

Официальный статус Мурманской станции менялся. В 1925 г. в соответствии с расширившимся масштабом работ декретом Совнаркома она была объявлена самостоятельным научным учреждением на правах научно-исследовательского института. В 1929 г. станция была объединена с Плавучим морским научным институтом (ПЛАВМОРНИИ) в Государственный океанографический институт (ГОИИ), оставшись его отделением. Руководителем института назначили профессора И.И.Месяцева, но Г.А.Клюге по-прежнему был заведующим Мурманской станцией.

Реорганизация позволила станции использовать знаменитый "Персей" и распространить свою деятельность на все Баренцево море и берега Новой Земли. В план работ были включены и стали быстро развиваться обширные ихтиологические исследования, издавались печатные работы станции. Неоднократно на станцию приходили иностранные научно-исследовательские суда, в том числе норвежский "Иоганн Хьор", на котором плывал выдающийся норвежский ихтиолог Оскар Зунд (1884-1943). В 1930 или в 1931г. он месяц работал на Мурманской станции как иностранный советник и подружился со многими учеными, жившими там.

С 1925 г. заведующим зоологическим отделением, а позднее и заместителем заведующего станцией стал зоолог Николай Парфентьевич Танасийчук (1890-

1960). Участник студенческой экспедиции в Южную Америку в 1914-1915 гг., он после окончания Петроградского университета с 1918 по 1923 гг. был первым советским директором Петроградского зоопарка, затем работал в Научном институте им.Лесгафта. Гидробиолог, специалист по бентосу, после создания ГОИНа он вел исследования по нересту, биологии и промыслу тресковых и сельди, организовал промысловую разведку трески и сельди в прибрежной зоне и руководил ею. Здесь он встретил студентку Института им. Лесгафта, а затем Ленинградского университета Веру Степановну Стражеву (1908-1990), ставшую его женой. Окончив университет в 1930 г. по кафедре зоологии беспозвоночных, руководимой профессором В.А.Догелем, В.С.Танасийчук работала на Мурманской станции, занимаясь изучением трески под руководством И.И.Месяцева. Она — автор воспоминаний, отрывок из которых мы публикуем.

Вспоминает В.С.Танасийчук

...На Севере мы жили очень изолированно, и что делалось на Большой земле, до нас доходило слабо. Уже не раз мы говорили с Н.П.², что надо вступать в ряды компартии (мне просто хочется подчеркнуть, насколько мы шли "в ногу" со страной).

И вот наступил 1933 год. 5 марта в "Ленинградской правде" была напечатана статья "Осиное гнездо" за подписью К.Аренина. Наполненная бранью в адрес Мурманской биостанции ГОИНа она была насквозь лживой. Говорилось, например, что "в 1932 г. между ГОИНам и мурманскими рыбохозяйственными организациями был заключен договор, по которому ГОИН взял на себя производство научно-исследовательских работ, необходимых для правильной, основанной на научных данных постановки государственной добычи рыбы в прибрежных областях Мурмана". Для этой цели ГОИН будто бы получил сотни тысяч рублей, что было чистой водой. Говоря о том, что ГОИН призван "внедрять в массы мурманского колхозного рыбачества наиболее активные передовые методы лова", автор возмущался отсутствием у ГОИНа современных орудий лова; но их и не могло быть при скудном бюджете — денег едва хватало на содержание судов и очень невысокую зарплату сотрудников и плавсостава³. И после рассуждений о том, что "мурманская рыбопромышленность не получила никакой фундаментальной пользы от работ ГОИНа", вскрывалась причина этого — шел список "незаменимых сотрудников", все с пометками "бывший меньшевик", "бывший офицер", "кулак", "лишенец", "бывший поп", "сын иеромонаха" (?) и т.д.

Всего было перечислено 30 фамилий, в том числе и Н.П., которого сделали "бывшим офицером". А он никогда не был на военной службе и после революции не выезжал из Петрограда. Судя по этому, сомнительны характеристики и других.

Досталось и директору ГОИНа Ивану Илларионовичу Месяцеву. "Это он вставал на дыбы при всякой попытке оздоровить ГОИН, это под его опекой окопалась шайка бездельников, ничего общего с наукой не имеющая... Коммунист-профессор И.И.Месяцев почти не прислушивался к настоящему голосу окружной и районной партийной организации". А кончалась статья призывом к тому, что "необходимо прежде всего разогнать окопавшееся на далеком Севере осиное гнездо"⁴.

Когда мы прочитали эту статью, то не придали ей значения — только посмеялись.

9 или 10 марта вечером, после ужина, муж сидел дома за своим письменным столом и, как всегда, работал. Я была в соседней комнате. Без стука открылась дверь — и вошли трое. Один из них — Чурилов, наш представитель ГПУ. Начался обыск. В первой комнате были книги, письменный стол — перевернули все. Были

письма личного свойства, которые мы сохраняли; они зачитывались вслух с комментариями. Ничего не нашли, ничего не взяли. Предложили Н.П. одеваться, и его увели.

Одновременно шли обыски в соседних комнатах. Всего "взяли", кажется, 16 человек. В том числе и Е.М.Крепса, Ф.Е.Белова⁵, капитанов, старика-бухгалтера.

Первое, что я сделала, — разорвала и бросила в печку личные письма. После издевательских комментариев они мне стали противны. Утро наступило гнетущее. Но жизнь продолжалась.

Из памяти выпал этот период. Помню, что я была в Ленинграде (возможно, взяла отпуск). Носила на Шпалерку передачи. Их порой не принимали. Ходила я туда ежедневно. Потом была командирована в Москву, на какое-то совещание. И вдруг — телеграмма: "Свободен жду целую Коля". Я тут же села на "Стрелу". Меня встретили. Как прошел день — помню плохо. Только я заставила Н.П. поведаться со следователем и выяснить, вполне ли он реабилитирован. Да.

Вечером пришли Ф.Е.Белов и, кажется, Е.М.Крепс, и мы пробродили белую июньскую ночь по Ленинграду, по набережным Невы. Они рассказывали о том, что было; я — о Полярном, о Москве. Мы с Н.П. поехали в Москву поговорить с Месяцевым. Он убеждал нас не возвращаться в Мурман, предлагал два места в Крыму, в Карадаге. Но Н.П. хотел закончить работу по сельди. Сказал, что для этого ему надо несколько месяцев, а потом мы можем и перебраться. И мы поехали. Одновременно с нами вернулись Ф.Е.Белов, капитаны и ряд других. Освободили всех.

Надо сказать, что мы, молодежь, вели себя достаточно глупо. Когда наши сидели, мы коллективно сочиняли песенки. Так, для Н.П. была сочинена такая:

Где ты, треска нерестовая,
Ловишься нынче кому?
Ах, эту долю тюремную
Не посулю никому.
Помнишь, как в марте, бывало,
Шла ты ко мне на поддев?
Как же приятен и радостен
Был этот мартовский лов!

Ф.Е.Белову было посвящено такое:

В море Баренца не плавать,
Льдов мне больше не видеть,
А на лесозаготовках
Буду век свой коротать.
Где вы, подвиги былые,
Карты рейсов и глубин,
Где вы, девы молодые?
Я один, один, один...

Много таких песенок было сочинено и громко распевалось по всему общежитию. Слышали нас разные уши, и по-разному все воспринимали. Вскоре по приезде на Мурман пришло письмо от папы, где он писал, что на мое имя получил письмо от девчонок (с Мурманна), где была песенка, над которой он очень смеялся (я просила его вскрывать мои письма).

22 июля, ночью, на буксире "Буревестник" пришли в Екатерининскую гавань Сталин, Ворошилов и Киров. Вызвали Ключе. Он показал им наше отделение ГОИНа. Об этом визите мы узнали только утром. Видимо, они выбирали место для будущего военного порта.

16 августа вдруг пришел утром к нам парторг и сказал, что Н.П. вызывает ГПУ в город, в рыбацкую школу. Перед уходом Н.П. посмотрел на меня и сказал: "Вера, ты ведь знаешь, что я ни в чем не виноват". Я сказала: "Знаю". И мы простились. Придя в лабораторию, я узнала, что в город были вызваны и Белов, и Ключе, и многие другие.

Никто не возвращался. В лаборатории, где я работала, был и М.П.Сомов, ихтиолог (отец будущего знаменитого полярника М.М.Сомова). Он уже был когда-то в тюрьмах и, кажется, в ссылке по так называемому дальневосточному делу. Он жил, насколько я помню, в Москве. Конечно, никто работать не мог, все переживали и обсуждали происходящее.

И вдруг мы увидели бегущего к нашему зданию парторга.

"За мной!" — сказал Сомов. "Нет, за мной!" — сказала я.

Вызвали меня. Я вернулась домой в наши комнаты и, хоть день был теплый, надела осеннее пальто. Собрала небольшой узелок с умывальными принадлежностями и пошла. Тропка вилась по скалам, кругом Екатерининской гавани. С другой ее стороны был "город" Полярное, а около выхода, на мысу, — наша станция. Я шла и думала: "Может быть, в последний раз иду свободно".

И вот рыбацкая школа; "на страже" стоят комсомольцы, мобилизованные, видимо, в помощь. Сажу в коридоре. Жду. Вызывают. Вхожу. По описаниям Н.П. догадываюсь, что предо мной Германов (следователь, который был у Н.П.).

Спрашивать стал о песенках. "Кто сочиняет?" — "Все мы". — "Но есть кто-то главный?" — "Нет, один — одно слово, другой — другое". — "Ваш отец получил письмо с песенкой?" — "Да". — "Что же он написал?" — "Что много смеялся". — "Адрес вашего отца? Тверская, 14?" (это мой с Колей адрес). — "Нет, улица Стачек, 46а, квартира 89". (Он — Чурилову, "Запишите".) — "Придется арестовать вашего отца". Я молча пожала плечами. Опять Чурилову: "Пишите: Ленинград. ГПУ. Арестовать С.С.Стражева". Тот угодливо пишет и спрашивает: "Может быть, дать телеграмму?". Следователь делает ему знак, из которого я поняла, что все это розыгрыш.

Опять расспросил о песенке, потом предложил "подумать" и передал меня парнишке-комсомольцу из рыбацкой школы. Тот повел меня в красный уголок и уселся "сторожить". Я осмотрела все картинки, плакаты, отпросилась разок в туалет, куда он меня доставил и сторожил у двери. Вечером решила улечься спать. Подстелила пальтишко на скамейку и легла. Задремала. Вдруг чувствую: кто-то меня укрывает. Это парень прикрыл своей курткой. Стало уютно, и я заснула.

Разбудили ночью. "Идите!" — матрос с ружьем. Вывел меня и повел к спасательной станции. Матрос шел сзади с винтовкой наперевес. Я шла очень гордо. По-девчоночьи было интересно. У пристани стояла "Пурга" (пограничный катер). Меня опять провели в красный уголок. Рядом сел матрос с ружьем. Было как-то спокойно и уютно. Из хулиганства я раза два просилась у матроса в туалет, и он добросовестно меня туда доставлял и сторожил у двери.

В Мурманск пришли рано утром. Вывели — и опять сзади матрос с ружьем. Я шла, гордо подняв голову. Кроме интереса, что будет дальше, никаких чувств не было. Привели к длинному одноэтажному зданию — бывшая бойня, приспособленная под тюрьму. Ввели в огромную комнату, примыкавшую с одной стороны к охране, с другой — к камере уголовников (закрытая дверь), и тут я увидела многих наших сотрудников. Н.П. не было.

Мужчины, женщины вместе. Ну, конечно, рассказы, обмен впечатлениями. Кормили скудно: баландой, хлебом. Хочется вспомнить, как неоднократно дежурные солдаты приносили нам сахар, белый хлеб и конфузливо говорили: "Женщинам". И как-то становилось теплее. Ночи были прохладные, и спать мы сбивались в одну кучу, независимо от пола. Было вполне сносно жить.

Мучило меня одно: из "дежурки", когда звонил телефон, часто доносилось: "Его или ее?". Я кидалась к окну и видела, что откуда-то выводили Н.П. Возвращался он часа через 3-4, а через полчаса снова слышалась: "Его или ее?". И его вели снова, и так днем и ночью. Может ли он спать? Как выяснилось потом, допрашивали сутками до полного обалдения.

Многое уже стерлось из памяти. Помню, как вызвали капитана "Книповича" Антуфьева, и когда он вернулся, то его посадили в отдельную камеру, но в дверях была щель к нам. Он позвал меня и рассказал, что вынужден был солгать, будто

бы он передавал шпионские сведения иностранным судам. Я спросила: "Зачем Вы сказали такую чушь?" — "Мне сказали, что иначе меня расстреляют". "Так ведь это нарочно говорят!" — "Нет, они сказали, что так сделают, если я не подпишусь".

Так прожили мы 10 суток. Сделали из хлеба шахматы, дурили, старались веселиться. Партиями (то мужчин, то женщин) водили в туалет, порой просто, чтобы прогуляться по воздуху, так как туалеты были на улице.

На последние сутки вызвали меня. Следователь предложил мне расписаться, что я не буду рассказывать о допросе и пр., и сказал, что даст мне свидание с мужем, а потом меня освободят. Я не выдержала и сказала, что муж после первой отсидки спрашивал своего следователя, может ли он считать себя реабилитированным, и следователь ему ответил, что да. (Я знала, что это тот же следователь Германов по его манере мешать ручкой в чернильнице, о которой говорил Н.П.). И вдруг он мне сказал: "Вольно ж вам было возвращаться сюда". И заторопился уходить.

С Н.П. мы встретились в коридоре, где он быстро сказал, что имел две очные ставки с Цыбиным и Ник.Эм.Клюге (племянник директора, библиотекарь, страшный трус), которые утверждали, что он агитировал рыбаков против советской власти, рассказывал анекдоты (а Н.П. никогда их не запоминал!).

Цыбин — рыбак, работавший у Н.П. в лаборатории; с ним Н.П. очень много возился. Это был раскулаченный, у него было много совсем маленьких детей. Видимо, он испугался и готов был подписать что угодно. Его выпустили досрочно.

Нас привели к другому следователю. Н.П. просил договориться со следователем о передаче на вокзале (их повезут в Ленинград) материалов по сельди, потому что в тюрьме он постарается закончить работу.

И вот я на свободе. Пошла на вокзал, поймала следователя. Он мне дал свой телефон, чтобы я когда приеду в Ленинград, могла передать материалы. Привели наших. Всех запихали в "стольпинский" вагон. Отдельно, в мягком вагоне со следователями, в разных купе везли Н.П., Белова и Клюге. Я тут же решила: значит, это главные. Не помню, был ли тут и Л.А.Зенкевич, которого тоже взяли. Я видела всех в окнах купе.

Помахаля уходящим вагонам и пошла на пристань искать попутное судно. Выпущена была я одна. Из этого я заключила, что взяли меня для острастки Н.П.

Вернулась в Полярное и почувствовала "полосу отчуждения". Только трое из оставшихся сотрудников — Дианова, Ворошилова и ... (мужская фамилия забыта) — очень сердечно ко мне отнеслись. Меня вызвал Осадчий⁶, который заменил Клюге. Сказал: "Хоть вас и отпустили, но в море не пустят. Давайте сделаем так: я дам вам командировку в Ленинград без оплаты командировочных. Кончайте там отчеты свой и Н.П. по прибрежной треске. Я продержу вас, как смогу долго. Может быть, скоро что-то прояснится".

Я поблагодарила и собралась в Ленинград. Это было в августе, а в ноябре я была уволена по сокращению штатов. Отчеты я выслала. Осадчий поступил порядочно. В 1937 году, когда "перебирали" членов партии, он был арестован и не вернулся...

И вот я — в Ленинграде. Ежедневно на Шпалерке с передачами. И не только Коле, но и многим другим. Получился как бы передаточный пункт. Мне пересылали их из Москвы, из других городов, и я передавала всем. Очереди были на передачу большие. Приехала на месяц Таня Дементьева⁷. Ее муж — Михаил Соломонович Идельсон⁸ — тоже сидел. Сидели Л.А.Зенкевич, Зайцев (гидролог из ГОИНа), наши девчонки, Татвасик⁹ и многие другие. Впечатление было такое: кто попал в момент ареста на Мурмане, тот и был взят. В Москве никого не тронули. Кто был в командировке, в отпуске — тоже. Бородатов¹⁰ (который фигурировал в статье "Ленинградской правды" как "бывший офицер") был в командировке. Возвратился вместе с кем-то из ГОИНовцев в Мурманск (когда мы все там сидели в бойне), услышал о происходящем, тут же купил билет до Москвы и уехал назад. Не тронули и его жену Паленичко (тоже упоминавшуюся в статье как "дочь кулака"). Она была в Москве.

Приехав в Ленинград, я позвонила следователю и передала материалы по сельди, а также книги из библиотеки ЗИНа, которые просил Н.П. Получил он все это через месяц. Видимо, проверяли. Ему даже перепечатавали что-то из его писаний. При передаче полагалось прикладывать список передаваемого. Письма (открытки) можно было отправлять почтой.

И вот я "открыла" конфеты (леденцы с начинкой), у которых был брак и один конец не запаян. И я решила: тушью на пергаменте написала записочку, свернула туго и засунула в конфету. Насовала туда и соли и написала, чтобы на колене кальсон поставил никотиновое пятно папиросой, если получит записку. Конфеты я послала по счету, упомянув в перечне: "10 конфет" (чтобы случайно не съел при передаче страж). В те годы белье сидящих передавали в стирку домой. В следующий раз я со страхом шла давать передачу — вдруг нашли?! Но все было спокойно. Пятно в условном месте обнаружила. И тут я начала писать все, что хотела, начиная по несколько конфет. Почему-то не догадывалась об устройстве обратной почты во швах. А она шла... Как выяснилось много позднее, Коля на папиросной бумаге карандашом писал мне и засовывал в швы — и все это возвращалось к нему.

Уволили меня в ноябре. Зарплату я перестал получать. Жила Торгсином: Колины часы, цепочки, браслет мой, микроскоп — все пошло на передачи, на жизнь. Помогал мой папа. На работу я не устраивалась, так как ждала, куда вышлют Н.П.

Ввели паспорта. Со страхом шла получать. Представила справку об увольнении по сокращению штатов. Приехала домой (площадь была забронирована). Паспорт выдали. Была возможность устроиться лаборанткой к Гербильскому¹² (он тогда вел курс биологии в Текстильном институте); предлагал лаборантство и Правдин¹³.

Это были смелые люди. Не боялись меня. А вот один товарищ Н.П., когда я пришла к нему с просьбой об устройстве на работу (я боялась, что разбор "дела" Н.П. затянется и моего "золота" не хватит), увел меня торопливо в самый дальний угол, чуть ли не шепотом стал расспрашивать, сказал, что ничем помочь не сможет (в смысле устройства на работу), предлагал деньги. Я, конечно, гордо отказалась и постаралась скорее ретироваться.

К этому времени приехала ко мне Т.Ф.Дементьева. Она взяла отпуск и стала помогать с передачами. Вместе выставляли очереди. Из тюрьмы выпустили Татьяну Васильевну Вобликову, Л.А.Зенкевича и еще нескольких человек.

И вот настал день, который я никогда не забуду. Пришел к нам, вернее к Т.Ф. (она и Т.В. остановились у меня), N¹⁴. И вот, не стесняясь моего присутствия, он начал говорить о том, что Н.П. предатель, что он на всех (в том числе и на него) наговорил, обвинял и в шпионаже, и во всех смертных грехах, что он погубил Михаила Соломоновича Идельсона. Я в ужасе убежала в спальню, уткнулась в подушки и решила про себя, что Н.П. должен умереть. Решила с конфетами передать письмо, где потребую, чтобы он покончил с собой. Если все так, как говорил N, то жить он больше не может. Я помню, что я даже не плакала, я как-то окаменела. Как ушел N — не знаю. Пришли ко мне обе Татьяны и стали уговаривать не доверять словам N, что все надо сначала выяснить. Мне стало легче. Как я была им благодарна! Если б не они, я, конечно, написала бы такое письмо. И как было бы тяжело Н.П. думать, что я в него не верю!

Вскоре выпустили Г.А.Клюге. И тут мы узнали совсем другое: что не Н.П., а N подписывал все, что ему предлагали, даже о шпионаже. Не пощадил он и Идельсона, а на очной ставке уговаривал того признаться во всех грехах. Видимо, решив, что Н.П. не выйдет из тюрьмы, решил всю вину за наговоры свалить на него. Узнали мы также, что шпионаж "отпал". "Работали" с нашими кроме Германова следователи Яролянц и Шитов. О Шитове есть упоминание у Солженицына.

Месяцы шли. И вот настал еще один трудный день. Когда мы с Т.Ф. пришли с передачей, нам сказали, что в прокуратуре известен приговор. Мы помчались

туда, заняли очередь (народу — тьма). Через некоторое время я решила попробовать позвонить следователю (по телефону, который я получила в Мурманске). Его голос ответил, что следователя нет. Побежала в прокуратуру (на Литейном), поднимаюсь — в уголке сидит Т.Ф. и плачет. Спрашиваю: "Что?" — "3 года концлагеря". У меня сразу мелькнула мысль: раз Михаилу Соломоновичу 3 года, то Н.П. наверняка 10 (выше был только расстрел), так как Н.П. и Белов выделялись из всех (ехали в поезде со следователями), а М.С. — в "столыпинском" вместе со всеми.

Мчусь к дверям прокурора. У меня, видимо, было такое лицо, что очередь расступилась, и я прошла к прокурору. Спрашиваю. В ответ: "А я не помню". — "Как не помните?" — Берет трубку, куда-то звонит, но ничего не получается. Тогда я говорю: "Скажите прямо — расстрел?" — "Какой там расстрел, 3 года; только я не помню — условно или нет". И не столько слова, сколько жест рукой — такие, мол, пустяки! — меня вполне убедил. И я вышла сияющая. Татьяна плакала, а я была просто счастлива. Три года казались мне такими пустяками... На "условно" я, конечно, не рассчитывала.

Вскоре наших всех перевели со Шпалерки (улица Воинова) в пересыльную "Нижегородскую" тюрьму. Девчонок выпустили 26 декабря.

Здесь можно было получить свидание. Проходило оно в присутствии следователя. Обменялись мы лишь платками, в швы которых были вделаны письма. Это я обусловила заранее (через конфету). Во время свидания Н.П. просил меня проникнуть к следователю и получить книги из ЗИНа, которые я брала там для него и передала для работы, а также рукопись.

Вернувшись домой, я вместе с Татьяной Васильевой вскрыла шов платка и вытащила письмо. И тут оказалось, что Н.П. тщетно пересылал в штрипках кальсон записки на папиросной бумаге. Мы кинулись вскрывать — и тут я поняла, что для меня было лучше, что я не знала о существовании этих записок. Письма "оттуда" были жуткие. О бессердечии людей, о предательстве друзей. Сидел он в одиночке, порой его лишали передачи. Однажды к нему посадили сумашедшего. Физических воздействий не было, но моральное было большим. Сначала пытались приклеить шпионаж — Зунд и мой папа ("тайны" Путиловского завода)¹⁵, но скоро это отпало. Н очень способствовал следствию и подтверждал всякие наговоры. Стойко держались все девчонки, отрицая всякие "гипотезы" следователей¹⁶. Как потом при встрече с Н.П. выяснилось, "гипотез" было много и почти все отпали.

Обвинение, вынесенной тройкой (тогда суда не было), и то, что не отрицал Н.П., было: судно должно было идти в научно-поисковый ихтиологический рейс. Из Москвы приехала Кленова (геолог) и добилась передачи судна для геологического рейса (это была очень энергичная дама). Месяцев распорядился передать судно. Н.П. протестовал, но изменить приказ не мог. Следователь сказал: "Если бы судно пошло в ихтиологический рейс, — страна получила бы рыбу, а с передачей судна страна рыбу не получила". — "Но что я мог бы сделать?" — "Должны были обратиться к нам". Отсюда — вредительство, статья 58-7.

У Михаила Соломоновича Идельсона обвинение заключалось в том, что, будучи в Мотовском заливе, он обнаружил один крупный косяк рыбы и дал радиограмму о нем, а о втором небольшом косяке не сообщил. "Почему?" — "Сам не знаю, не придал ему значения". Та же статья.

Ф.Е.Белов получил 5 лет концлагеря. Из молодежи безусловный срок, 3 года, получила Н.С.Обухова¹⁷, которая так же, как Н.П. и М.С, занималась ихтиологическими исследованиями в прибрежной зоне. Что было у других — не знаю.

Обсуждая впоследствии это дело, мы решили, что, когда Сталин был у нас на станции, ему показалось подозрительным, что здесь, "на краю света", в трудных условиях живут интеллигентные люди. Что их сюда притягивает? Конечно, о статье в "Ленинградской правде" он был информирован. Бросил фразу, в которой звучало подозрение. Кроме того, в Полярном и так решено было устраивать военный порт, а станцию выселять.

Статья позволила провести аресты выборочно первый раз, а, так как все вернулись назад, более широко — во второй. Когда поняли, что "дела"-то нет, вот и придумали каждому какой-то просчет и дали минимальный срок. По тем временам это был пустяк.

Я послала письмо в ГПУ с просьбой вернуть мне переданные Н.П. библиотечные книги и вскоре получила повестку явиться в комнату N ... Пошла. Когда шла по коридору, запомнилось: ведут парнишку лет 18. Видимо, давно сидит: лицо землистое. Как он смотрел на меня. Такими глазами... Этот взгляд запомнился навсегда. Следователь (кавказская фамилия, возможно Яролянец) передал мне книги, и я спросила его, не может ли он сказать мне, куда Н.П. отправят. Он сказал, что это уже не его компетенция, но прибавил, что слышал, что, кажется в Астрахань. Я тут же стала договариваться с ВНИРО об устройстве меня в Астрахань.

Конечно, во ВНИРО мне пошли навстречу. Особенно хлопотал за меня Шорыгин¹⁸, рассчитывая, что я буду опять гидробиологом. Руководство Волго-Каспийской рыбохозяйственной станции согласилось взять меня научным сотрудником (в Полярном я тоже была уже старшим научным сотрудником). Пока я была в Москве, наших уже отправили по этапу. В Астрахань попали Н.П., М.С.Идельсон, А.В.Соколов (гидролог), капитан "Персея" Замяткин (после освобождения он спился и погиб где-то на улице), капитан "Книповича" Антуфьев (вскоре умер в лагере). Ф.Е.Белов был отправлен на Дальний Восток, так же как Наташа Обухова. Е.М.Крепс не возвращался в Мурманск, так как следователь, освобождавший его после первого сидения, предупредил, что в Мурманск возвращаться нельзя. Он оставался в Ленинграде в Институте физиологии, но в 1937 году каким-то недоброжелателем был оклеветан и выслан на Дальний Восток. Вернулся он с поврежденным позвоночником.

По дороге "астраханцы" долго сидели в Саратове в тюрьме. Вернувшись в Ленинград, я стала готовиться к отъезду. Прежде всего позвонила Гербилюскому и сказала, чтобы он на меня не рассчитывал (мы договорились, что я с осени поступлю к нему на кафедру лаборантом в Текстильный институт, где он преподавал). Сына решено было пока оставить у папы. Брать его с собой в неизвестность я побоялась, тем более что нужно было где-то жить, снимать комнату.

15 июля 1934 года я была зачислена на должность старшего научного сотрудника Волго-Каспийской научной рыбохозяйственной станции. На вокзале меня встретил А.А.Остроумов, которого я хорошо знала по Мурману. Он приезжал к нам студентом и очень сдружился со мной и с Колей. Предупрежденный нашими девчонками (провожавшими Р.П. и других, когда их отправляли из Ленинграда), А.А. проследил появление наших, узнал, где находится концлагерь, и когда я приехала, проводил меня туда.

Лагерь располагался километрах в 3-4 от Астрахани. Я доезжала на трамвае до кладбища и дальше шла пешком степью. Лагерь был огорожен колочей проволокой с наблюдательными башенками. У ворот стояли часовые. Через лагерь протекала речка, соединенная с Волгой (может быть, рукав дельты), и туда приходили гулаговские промысловые суда (с черными парусами в отличие от обычных рыбацких судов, у которых паруса были светлые) и суда-приемки. Был приемный плот; Н.П. был плотовым, т.е. приемщиком рыбы. Политические и уголовники были перемешаны, хотя наши все жили в одном маленьком домике.

Вообще в те годы жизнь в концлагере была не очень трудной. Легко давали свидания. Я приходила после работы ежедневно, приносила передачу. В лагере кормили по тем временам сносно, на воле питались не лучше. Но у нас был рынок, где было все: мясо, яйца, молоко, овощи, рыба. Я подходила к воротам и просила часового вызвать "такого-то". Он кричал кому-нибудь из лагерников, и Н.П. приходил и даже выходил за ворота. Можно было разговаривать сколько хотелось (хоть час, хоть полтора), и никто нас не слушал (конечно, вечером, после работы)...

К этому рассказу можно добавить следующее. Уже во время подготовки этой публикации на мой запрос в КГБ относительно "Дела ГОИН" и причин осуждения Н.П.Танасийчука и других сотрудников Мурманской биологической станции ответил начальник Управления КГБ СССР по Мурманской области А.И.Целиковский (письмо от 20 июня 1989 г.). Он сообщал:

"Согласно материалов архивного следственного дела Ваш отец Танасийчук Николай Парфентьевич был арестован 7 марта 1933 года Экономическим отделом Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе.

Основанием для его привлечения к ответственности послужили показания проходящих по этому делу работников Мурманского отделения Государственного океанографического института (ГОИН) о саботировании им научно-практической работы.

28 апреля 1933 года Танасийчуку Н.П. было предъявлено обвинение в том, что он проводил вредительскую деятельность, направленную к срыву мероприятий Советской власти по выполнению рыбопромысловой программы.

2 июля 1933 года мера пресечения — содержание под стражей — ему была заменена на подписку о невыезде¹⁹.

... 21 августа 1933 года Ваш отец Танасийчук Р.П. повторно подвергся аресту, и 3 сентября 1933 года ему вновь было предъявлено аналогичное обвинение...

17 декабря 1933 года заместителем полномочного представителя ОГПУ в ЛВО (подпись неразборчива) утверждено обвинительное заключение, согласно которому 25 членов этой "организации" обвинялись в проведении вредительской деятельности. В частности, Танасийчук Н.П., "...являясь зав.береговой группы ГОИН, вошел в контрреволюционную вредительскую группу научных сотрудников ГОИН и проводил вредительскую работу... чем тормозилось развертывание работ рыбопромысловых организаций Мурмана и наносился значительный ущерб Советскому государству, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст.58 п.7 УК РСФСР. Виновным себя признал...".

Данное обвинение подтверждалось показаниями свидетелей, обвиняемых, проходивших по этому делу, а также материалами очных ставок и его личным признанием.

По решению тройки Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО от 23 декабря 1933 года Танасийчуку Н.П. определено наказание в виде лишения свободы на 3 года с заключением в концлагерь, в отношении 3 человек дело было прекращено, 11 человек подвергнуты наказанию условно, а Соколов А.В., Белов Ф.Е., Обухова Н.С., Чуева С.В., Идельсон М.С., Клюге Н.Э., Антуфьев Т.И., Юрьев Н.А., Замяткин И.Н., Лейбсон Р.Г. и Желтов И.С. лишены свободы или высланы на срок до 3 лет.

... Расследование по данному делу производила группа работников Экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО. Допросы Вашего отца осуществлялись Германовым и Яролянцем, а надзор за следствием осуществлял помощник окружного прокурора Мурманского округа Шейнин. Другие данные о сотрудниках ОГПУ в составе тройки ПП ОГПУ в ЛВО в деле отсутствуют".

К письму была приложена справка о реабилитации.

В результате арестов, прошедших на Мурманской биологической станции, ее дальнейшая деятельность стала невозможной. В конце 1933 г., просуществовав больше полувека, она была закрыта. Ее имущество и архивы передали Полярному институту рыбного хозяйства и океанографии, организованному в системе Наркомпищепрома в Мурманске.

Жизнь и научная работа многих честных людей, работавших на станции, были изломаны, их исследования прекращены. Вернуться в науку удалось далеко не всем, продолжить работу на Мурмане — почти никому. Но разгром станции нанес вред не только отдельным ученым, а и самому развитию науки на нашем Севере. Развитие фундаментальной гидробиологии наших северных морей было надолго прервано. Прекратились комплексные рейсы-разрезы по Кольскому меридиану, так высоко оцененные Нансенем, которые являлись по сути мониторингом Баренцева моря. Более того, переданные в ПИНРО материалы этих разрезов, по-видимому, в дальнейшем были утеряны. А они представляли огромный интерес, давая картину моря, еще не затронутого катастрофическими переломами последующих лет и пока еще не подвергавшегося влиянию будущих загрязнений. Наконец, исчезла база работы для множества приезжих специалистов и студентов, база развития нашей полярной гидробиологии.

Вред, нанесенный гибелью Мурманской станции, был огромен. И когда прошел первый шок, была предпринята попытка как-то исправить положение. В 1936-1937 гг. в Дальних Зеленцах, значительно восточнее Кольского залива, Академия наук организовала новую биологическую станцию, также названную Мурманской. Но это было совсем другое учреждение, с намного более скромным масштабом работ. Вместо сотни специалистов и студентов в год она могла принимать лишь несколько человек. А главное — была оборвана нить преемственности и традиций.

Остается рассказать о судьбах некоторых героев этого повествования.

Герман Августович Клюге, вернувшийся было в Полярное, был вызван в ГПУ, где ему сообщили, что он приговорен к трем годам условно, без поражения в правах (т.е. без ссылки). Он работал в Ленинграде, в Музее Арктики, где некоторое время занимал пост директора, но неожиданно 20 апреля 1934 г. ГПУ предложило ему покинуть Ленинград в 24 часа. И он выбрал, пожалуй, самое оригинальное место ссылки: более полутора лет проработал биологом на зимовке на мысе Желания на Новой Земле.

Большой ученый и бесконечно добрый человек, душа и совесть Мурманской станции, он прожил большую и, несмотря ни на что, очень счастливую жизнь. Ему удалось вернуться в Ленинград и продолжить исследования своих любимых мшанок в Зоологическом институте Академии наук. Он и умер в институте, за своим рабочим столом...

Летом 1934 г. И.И.Месяцев добился того, что Н.П.Танасийчук, М.С.Идельсон и А.В.Соколов были расконвоированы и прикомандированы к организованной им Каспийской экспедиции. Но после убийства Кирова они снова были взяты под стражу и отправлены в Прорвлаг, находившийся на берегу Каспия, между устьями Эмбы и Урала, в совершенно безлюдной и безводной (воду доставляли морем) местности Прорва. У лагеря были своим промысла — их суда тоже ходили под черными парусами. Но, чтобы ловить рыбу, надо было ее найти, а для этого нужны были специалисты. Н.П. назначили помощником начальника промысловой разведки лагеря, и он стал плавать на разведывательном судне УЛАГа, где начальником был уже давно сидевший ихтиолог А.А.Клыков.

В конце 1935 г. Н.П. был досрочно, "за ударную работу", освобожден. Вместе с женой он стал работать в Астрахани, на Волго-Каспийской рыбохозяйственной станции. Но судимость тянулась за ним много лет, не позволила вернуться в Ленинград и едва не погубила зимой 1941 г., когда он вместе с семьей был "спецпереселен" из Астрахани. На две баржи (одна — сухогрузная, другая — нефтеналивная) под охраной откормленных энкаведешников в щегольских белых полушубках посадили не менее четырех тысяч человек.

Здесь были и семьи некогда судившихся и сосланных (а ими полна была Астрахань), и астраханские немцы, а в последний момент сюда привезли не менее тысячи досрочно освобожденных из тюрем уголовников. Была тут и мать маршала Тухачевского, умершая сразу по приезде в Челкар, где сгрузили часть эшелона; были жена и дочь некогда известного коллекционера Бурцева, к которым потом

ездил в Актюбинск Ираклий Андроников за остатками огромной коллекции рукописей; была даже семья старого еврея по фамилии Гитлер, которого сослали за то, что он упорно отказывался эту фамилию сменить. Две недели баржи тащились за ледачком сквозь льды рано замерзшей волжской дельты. Морозы доходили до -20°C , и на нефтянке, где люди сидели на палубе, каждое утро собирали замерзших и хоронили их за бортом. Немногим больше 100 км пути удалось одолеть за две недели. Затем, в шторм, пересадка по пляшущим сходящим на пароход "Карл Маркс" — вещи срывались и раздавливались между бортами. Три дня пути до Красноводска без пресной воды, затем в битком набитых теплушках долгий путь через всю Среднюю Азию. Мертвых (а их становилось все больше) выносили на остановках и оставляли под насыпью. И наконец, перед самым Новым годом — разгрузка в глухом казахском селе, и штампы в паспортах: "Действителен в пределах Джурунского района Актюбинской области".

История спецпереселений во время войны еще ждет своего летописца...

Работы в райцентре не было, людей в пургу и стужу увозили в дальние колхозы. Порой в дороге замерзали дети... Н.П.Танасийчук с семьей удалось задержаться в Джуруне, променявая на еду остатки вещей.

Снова вспоминает В.С.Танасийчук: "Шли дни, мы писали в Астрахань, но почта работала медленно. Телеграммы шли по две недели. И вдруг однажды — телеграмма от Богданова²⁰ (он был директором ВНИРО, которое эвакуировалось в Астрахань). Я помню эту телеграмму дословно: "Мы помним о вас заботимся не падайте духом". Мы с Н.П. шли с почты и плакали..."

С огромными трудностями удалось добиться перевода в Гурьев и добраться до него. Н.П. был назначен заведующим наблюдательным пунктом ВНИРО, В.С. — научным сотрудником, 14-летний сын стал лаборантом. Ихтиологические и научно-промысловые работы велись здесь настолько успешно, что в конце войны Н.П. был награжден медалью "За трудовую доблесть". Но еще до этого семье удалось вернуться в Астрахань.

Один из крупнейших знатоков Северного Каспия и его ихтиофауны Николай Парфентьевич Танасийчук скончался 1 января 1960 г. После его смерти Вера Степановна покинула Астрахань и вместе с дочерью, тоже ставшей ихтиологом, работала в системе ВНИРО в Риге и Киеве. В 1974 г. они переехали в Ленинград и стали работать в ГосНИОРХе. Круг замкнулся: через сорок лет ленинградцы вернулись в родной город. Умерла Вера Степановна в 1990 г.

Аресты на Мурманской биологической станции, предваившие ее закрытие, — один из множества кусочков огромной мозаики зла, которую предстоит изучить историкам. Они интересны тем, что в это время машина насилия была еще не отлажена и не успела набрать обороты. Еще нет или почти нет избиений, еще нужны какие-то доказательства, еще сердобольны конвойные и стража, а порядки в лагере могут быть патриархально беззаботными. Но уже исчезают понемногу следы законности, начинает работать безлично-жестокая система "троек". Еще не "берут" партийцев, но уже близится декабрь 34-го и не за горами 37-й и прочие страшные годы.

Примечания

¹ Цит. по: *Танасийчук Н.П.* К 30-летию Мурманской биологической станции // Науч. слово. 1930. С.87-93.

² Николай Парфентьевич Танасийчук.

³ "Сотрудник I разряда получал 108 р., сколько и матрос на "Книповиче". Заведующий отделением — 120 р., а моторист — 180 р. — ставку директора станции".

⁴ Одной из участниц описываемых событий была физиолог Нина Абрамовна Вержбинская (р. 1906). На Мурманской станции она под руководством Е.М.Крепса занималась биогидрохимией и сравнительной физиологией беспозвоночных животных. Она полагает, что статья в "Ленинградской

правде" могла быть вызвана невыполнением обещаний, данных И.И.Месяцевым. Нина Абрамовна вспоминает: "Иван Илларионович Месяцев был очень увлекающийся человек. Став директором ГОИНАа, он наобещал выполнить огромный объем работы и наладить глубоководный траловый лов трески в Норвежском море у Лофотенских островов. Это была абсолютная авантюра. Рыбтрест не обладал флотом нужного профиля: у него не было ни тралов для глубоководного лова, ни специалистов-промысловиков, ни рыбообрабатывающих заводов нужной мощности, ни тары для засолки рыбы, ни опыта. Естественно, ничего пунного получить и не могло. Мурманская же биологическая станция была слабо оснащена и флотом для плавания в открытом море, и людьми. Естественно, что выполнить намеченный объем работы за два года было невозможно. План промысла Рыбтрест не выполнил, и обвинили во всем "науку". При этом пострадал не Месяцев, а совершенно невинные люди".

⁵ Федор Евгеньевич Белов (1895-1976), гидролог и гидрохимик.

⁶ Осадчий (? — ?), гидролог.

⁷ Татьяна Федоровна Дементьева (1904-1990), гидробиолог и ихтиолог.

⁸ Михаил Соломонович Идельсон (1903-1942), гидробиолог и ихтиолог.

⁹ Татьяна Васильевна Вобликова (1898-1986), альголог.

¹⁰ Валентин Алексеевич Бородатов (1900-1968), ихтиолог.

¹¹ Зинаида Георгиевна Паленичко (1900-1970), гидробиолог.

¹² Николай Львович Гербильский (1900-1967), ихтиолог.

¹³ Иван Федорович Правдин (1880-1963), ихтиолог.

¹⁴ Фамилию этого ученого мы решили не публиковать. Впоследствии, в лысенковщину, он вел себя достойно (В.С.Т., В.Н.Т.).

¹⁵ Версия эта заключалась в следующем: Степан Степанович Стражев (1863-1942), заведующий закалочной и термической мастерской Путиловского (Кировского) завода, крадет на заводе секретные материалы и передает их Н.П.Танасийчуку. Тот в свою очередь передает их "агенту мировой буржуазии Зунду". Однако С.С.Стражева следователи даже и не вызывали; по-видимому, абсурдность обвинения в шпионаже старого производственника, награжденного грамотой Героя Труда, была слишком очевидна. Это был еще не 37-й год...

¹⁶ Н.А.Вержицкая вспоминает: "Меня почему-то держали отдельно от других, в одиночке, первый месяц без прогулок и передач, и очень часто допрашивали по ночам. Упорно требовали сознаться в существовании на станции какой-то подпольной вредительской организации. Мы все тогда как-то не боялись и на допросах честно говорили то, что было на самом деле. Ничего, кроме интереса к морю, к науке о море, у нас не было: ни у молодежи, ни у старших товарищей. Работали с огромным энтузиазмом, не считаясь со временем. Зарплату получали очень скромную, не было никаких полярных прибавок. Мы радовались этой работе, были счастливы, что делаем большое, нужное стране дело. Мы считали себя (да и на самом деле были) пионерами в комплексном изучении Баренцева моря, проводимом на современном научном уровне. Все это я неустанно говорила на каждом допросе. Меня пугали очными ставками. А я просила дать их, так как была уверена, что на очной ставке вскроется вся ложь этого "дела". В конце концов меня перестали вызывать на допросы, но так и продержали в одиночке до конца декабря 1933 г."

¹⁷ Наталья Сергеевна (?) Обухова (? — ?), ихтиолог.

¹⁸ Александр Александрович Шорыгин (1896-1948), гидробиолог.

¹⁹ Вполне возможно, подписка о невыезде была оформлена задним числом. Ведь следователь после первого освобождения говорил о том, что обвинение снято.

²⁰ Александр Сергеевич Богданов (р. 1907), ихтиолог.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	5

Судьбы науки

<i>Т.И. Грекова, К.А. Ланге.</i> ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ (20-30-е годы)	9
<i>М.Г.Ярошевский.</i> МАРКСИЗМ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (к социальной роли российской науки)	24
<i>Е.Б.Музрукова, Л.В.Чеснова.</i> СОВЕТСКАЯ БИОЛОГИЯ В 30-40-Е ГОДЫ: КРИЗИС В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ	45
<i>В.Д.Есаков.</i> НОВОЕ О СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 ГОДА	57
<i>М.Г.Ярошевский.</i> КАК ПРЕДАЛИ ИВАНА ПАВЛОВА	76
<i>Н.Л.Кременцов.</i> РАВНЕНИЕ НА ВАСХНИЛ	83
<i>М.Б.Конашев.</i> ЛЫСЕНКОИЗМ ПОД ОХРАНОЙ СПЕЦХРАНА	97
<i>В.Д.Каллиникова, В.Я.Бродский.</i> ДЕЛО "КР"	113
<i>П.Я.Шварцман, И.В.Кузнецова.</i> ПЕДОЛОГИЯ	121
<i>Н.И.Невская.</i> ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук)	140
<i>И.В.Мохнач.</i> СИНИЙ ЙОД	145
<i>Н.Ю.Годлевская, И.В.Крейтер.</i> "КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО" ГЕОЛОГОВ	158

Судьбы ученых

<i>Э.И.Колчинский.</i> ВЗГЛЯД ИЗ РЕКТОРАТА НА БИОЛОГИЮ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Интервью с академиком А.Д.Александровым)	169
<i>Э.И.Колчинский.</i> ТРУДНЫЕ ГОДЫ НАУКИ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ФИЗИОЛОГА (Интервью с академиком А.М.Уголевым)	176
<i>С.А.Калядина.</i> В.В.ЛЕОНТЬЕВ И РЕПРЕССИИ 20-Х ГОДОВ (интервью с В.В.Леонтьевым)	187
<i>С.А.Калядина.</i> ФРАГМЕНТЫ "ДЕЛА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ"	193
<i>А.А.Фирсов.</i> ИЗ ИСТОРИИ КОЛТУШСКОГО ПРИМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА	200
<i>С.М. Гершензон.</i> ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЫСЕНКОВЩИНЕ	209
<i>Д.В.Лебедев, Э.И.Колчинский.</i> ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА Н.И.ВАВИЛОВА С И.В.СТАЛИНЫМ (Интервью с Е.С. Якушевским)	219
<i>Э.И.Колчинский.</i> РЕПРЕССИИ И УЧЕБНИКИ (интервью с Ф.И. Кричевской)	222
<i>Э.И.Колчинский.</i> РЫЦАРЬ НАУКИ (интервью с В.С. Кирпичниковым)	228
<i>М.А. Аршавский.</i> О СЕССИИ "ДВУХ АКАДЕМИЙ"	239
<i>Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров, Л.В.Чеснова.</i> ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ГЕНЕТИКИ (Интервью с академиком Н.П.Дубининым)	243
<i>И.А.Горяев.</i> СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ (интервью с И.Б.Паншиным)	252
<i>Л.В.Чеснова, Е.Б.Музрукова, В.И.Назаров.</i> ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ (Интервью с А.А.Нейфахом)	268
<i>Ж.М.Шмерлинг.</i> НЕКОТОРЫЕ НЕНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Р.Б.ХЕСИНА	278
<i>М.М.Завадовская-Саченко.</i> ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА	286
<i>В.И.Назаров.</i> ОТСТАВНОЙ ДАРВИНИСТ . . .	298
<i>В.С.Танасийчук.</i> АРЕСТЫ НА МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ В 1933 ГОДУ . . .	306

Научное издание

РЕПРЕССИРОВАННАЯ НАУКА

Выпуск II

Утверждено к печати

*Санкт-Петербургским филиалом ИИЕТ РАН
и Международным фондом истории науки*

Художник Л. А. Яценко

Компьютерная верстка А. А. Мелуа

Оригинал-макет подготовлен в Санкт-Петербургском
отделении института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова

ЛР № 020297 от 27.11.91 г. Подписано к печати 05.12.94.
Формат 70 x 100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 31,4.
Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 3247. С 940.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12